

Язык и культура в глобальном мире

Сборник статей

Санкт-Петербург
2023

УДК 80; 81; 82; 316; 347; 372; 378; 930
ББК 81 (81.1; 81.2; 81.21)

Ответственный редактор:

канд. филол. наук, доц. С. Ю. Рубцова

Редакторы:

канд. филол. наук, доц. Т. Е. Доброва

канд. филол. наук, доц. Е. К. Рохлина

Рецензент:

д-р филол. наук, проф. О. Г. Егорова (Моск. гос. лингвист. ун-т)

Язык и культура в глобальном мире. Сборник статей. – СПб: ЛЕМА, 2023. – 400 с.

ISBN 978-5-00105-775-8

Статьи сборника затрагивают широкий круг проблем лингвистики, лингводидактики, социолингвистики, когнитивистики и переводоведения. Особое внимание уделяется актуальным проблемам межъязыкового и межкультурного взаимодействия и перевода, а также преподаванию иностранных языков для специальных целей.

Сборник предназначен для специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации, лингводидактики и методики преподавания иностранных языков для специальных целей, а также для всех интересующихся современными тенденциями в этих областях.

ISBN 978-5-00105-775-8

© Коллектив авторов, 2023

© ООО «Издательство «ЛЕМА», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абрамова Е. В. Англизация высшего образования фландрии: миф или реальность?	6
Аксенова Н. В., Денисова Н. В., Магнес Н. О. Доля ты суперженская! Западные искусствоведы о женских образах в советском искусстве	10
Акиннина О. Г. Преподавание арабского языка в современных условиях: традиции и инновации	16
Антонова К. Н., Буль Ю. В. Полкидовость графического романа в англоязычном художественном дискурсе 21 века (на примере романа Ванны Винчи «Фрида: история ее жизни»)	21
Антонова К. Н., Фиалкина Л. В. Поиск национальной идентичности как проблема британского дискурса 21 века	26
Балезин А. С. Встреча культур в колониальной Черной Африке: терминология, каналы, результаты (приглашение к дискуссии)	32
Бондаревская А. В., Костюшкина Г. М., Козлова Н. Н. Невербальные эмоции в коммуникативной ситуации проявления интереса в английской художественной прозе	37
Бочегова Н. Н., Сатина Д. Д. Концептосфера «Game» в англоязычном художественном тексте	42
Бугреева Е. А. Переводим эмоции: Эмоциональный интеллект в работе переводчика	48
Ваягина М. Р. Система профессионально-ориентированного иноязычного обучения в высшей военной школе	53
Воложанина Т. С., Барачевская А. А. Тенденции изменения образа женщины в англоязычной рекламе: диахроническое исследование	58
Выговская Д. Г. «Беженец» в языковом сознании россиян как пример новой культурной реалии	62
Вышенская Ю. П. Раскрытие стилистического потенциала морфологии во французской кургуазной прозе	66
Гич О. Н. Проблематика формирования социокультурной компетенции на уроке английского языка	71
Глухрова О. В. Репрезентация концепта «Манипуляция» в русском языковом сознании	75
Голубева С. Л., Рохлина Е. К. Факторы, обуславливающие способы адаптации кинематографических терминов в русском языке	80
Горохов А. А. Особенности передачи лексем «Семья» и «Род» в английских и русских библейских текстах	85
Горяинова О. Н. Проблема обучения устной аргументативной академической речи на английском языке в средней и старшей школе	89
Грядунова О. В. К вопросу обучения переводу научно-технической литературы студентов инженерных направлений	93
Гурьянова Г. Г., Раздымаха С. Е. Родной язык и его комикс-адаптация	96
Давыдова К. А. Использование видеоматериалов для эффективного обучения фонетике, грамматике и лексике китайского языка на начальном этапе обучения в школе	101
Демкина Я. Ю. Концептуальные доминанты в жанре дебатов американского предвыборного дискурса	106
Дрыгина Ю. А., Ляшенко И. В. Неологизмы периода коронавируса в английской лингвокультуре и их перевод на русский язык	112
Дьячкова Д. С., Рохлина Е. К. Языковые средства воздействия в экскурсионных рекламных текстах на английском и русском языках (сопоставительный анализ рекламы туров по Новой Зеландии и России)	117
Емельянова О. В. Типаж и языковая категоризация: ключевые образы советского плаката (на материале англоязычного культурологического дискурса)	124
Зинина А. А., Котов А. А. Применение социального робота для изучения иностранного языка российскими студентами	128
Исаев Д. В. К вопросу о мотивационном компоненте и маркированных единицах в изучении развития языковой ситуации	132
Исакова А. М. Роль англоязычных заимствований в выполнении функций общественно- политического дискурса в русском языке	136
Каменева В. А., Ермолаева Е. Н., Мичурина Е. С. Типология ошибок при переводе научно- популярных англоязычных текстов у студентов с уровнем В1	141
Карасик Н. Д. Применение игровых технологий для закрепления лексико-грамматических навыков китайского языка в условиях цифровизации обучения	147
Кашенкова И. С. Лексические средства выражения речевого манипулирования в текстах иноязычных медиа	151
Климовская А. Я. Культурологический аспект романа Маргарет Дрэбл «Ледниковый период»	154
Ковалев Б. В. Барочный язык или язык барокко: вызовы и поиски метода при переводе «Поэмы о Полифеме и Галатее» Л. де Гонгоры на русский язык	159

Ковалев Н. А. Акцентуализация риторики конфронтации в рамках репрезентации концепта COLD WAR 2.0.....	163
Краснопеева Е. С., Краева С. С. Удалённый инструктаж как инструмент экспериментального исследования устного перевода, опосредованного видеосвязью	169
Кривенко О. А. О сохранении языков коренных малочисленных народов севера в условиях современной языковой политики на территории Магаданской области	174
Кузнецов А. Н., Вельдьева Т. А. Подход к диагностике готовности студентов-лингвистов к предстоящей профессиональной межкультурной коммуникации.....	180
Кушхов Б. Х. Историческая природа современных проблем коммуникации в языках монгольского происхождения	187
Левочкин И. И., Высоцкая М. Р. Оценка личности Елизаветы II на материале некрологов «The Guardian» и «The New York Times»	190
Литвинова А. И. Профессиональные журналистские стандарты в контексте цифровизации и социально-политических вызовов XXI века: теоретические подходы	194
Малаховская М. Л. Английский как иностранный или английский как международный: теория и практика разработки и использования учебных пособий в глобализованном мире.....	198
Малайкина И. В. Взаимная культурная интеграция в процессе обучения РКИ: опыт самонаблюдения педагога	202
Мамонова Н. В. Механизмы дестабилизации языковой картины мира в медиадискурсе.....	206
Матинова В. Л., Седёлкина Ю. Г. Лингводидактический потенциал звукоизобразительности при обучении иностранным языкам	210
Милованова Н. С. Лексические особенности внутриязыковых переводов эпоса «Песнь о нибелунгах»	215
Минченков А. Г. Анализ семантической вариативности лексемы fairgyl в русле когнитивного подхода.....	221
Морозова М. Н., Тимофеева Л. Л., Потапова Т. М. К проблемам нейронно-сетового машинного перевода	226
Наумова Е. В. Многозначность при переводе фольклорных текстов	233
Неворотова Е. О. Использование аутентичных видеоматериалов с платформы Youtube для повышения эффективности преподавания японского языка.....	237
Орлова Т. С. К проблеме перевода профессиональной лексики в области художественного стекла.....	243
Осокина Н. Ю. Об использовании интенционального семантического сдвига градуальность – неградуальность с прилагательным dead в английском языке	248
Павлова Е. Б. Лингвопрагматика экологических интернет-мемов в англоязычном сегменте виртуальной коммуникации	252
Патракова О. Н. Генезис сюжета о «Спящей красавице» в европейской фольклорной и литературной традиции	258
Полянчук О. Б. Особенности метафоризации как механизма развития полисемии на базе комплексного знака (на материале французского языка).....	263
Пригожина К. Б., Муратова О. А., Столярова Е. В., Федотова М. Г. Стратегии организации межличностного и межкультурного взаимодействия в социально-образовательной среде ВУЗа	267
Руденко Е. С., Мельник А. Д. Трикстерская стратегия: к проблеме декодирования текста	274
Рыженкова А. А. Домашнее чтение в ВУЗе: аспекты и возможности преподавания.....	278
Рязанова Е. В., Дектерев С. Б. Влияние современного культурного фона на восприятие традиционных фольклорных образов.....	283
Саламатина И. И. Инновационные стратегии и передовые технологии обучения иностранным языкам в современном образовательном пространстве.....	288
Самусенко Е. О. «Здесь нас ждал теплый прием»: портрет помощника в ксенонаративе франкоязычных студентов	292
Сатдарова А. А. Специфика анализа художественных произведений новогреческой литературы.....	296
Свердлова Н. А. О гетерогенности языкового сознания билинга.....	301
Селютин А. А., Лимарова Е. В. Образ гражданина россии: ценностное наполнение	305
Силантьева В. Г. Виртуальные мемориалы: выражения соболезнований в социальных сетях.....	309
Топорова В. М., Корнева Е. В. Лингвокогнитивные стратегии репрезентации образа пространства в сознании человека	314
Третьякова Т. П., Спиридонова В. А. Опыт когнитивно-дискурсивного анализа континуума интернет комментариев	318
Тырыгина В. А. О некоторых особенностях первичной и повторной номинации персонажей в фантазийных художественных текстах	323
Харитоновна О. Е. Лингвистический взгляд на сочувствие (на материале немецкого языка).....	329
Шевелева Г. И., Часовских А. В. Особенности перевода военных реалий в жанре мемуаров	334

Шефер Е. В. Осознанность заимствований в речи современной студенческой молодежи (на примере обучающихся Белгородского национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»))	339
Шумков А. А. Условное наклонение в языке идиш-тайч как результат интерференции со славянскими языками	343
Gertsen A. S. The Onomasticon of M. Y. Lermontov on the Example of the Drama "The Spaniards"	351
Golikova T. A. Basic categories of studying linguistic landscape as a sociocultural phenomenon	354
Kameh Khosh N., Rossinskaya E. Historical prerequisites for the emergence of court translation and its development at the present stage on the example of the training system for court simultaneous interpreters in germany	358
Litvishko O. M., Monogarova A. G. The language of leadership: pragma-rhetoric strategies in electronic political text	362
Novikova O. V. Information technology as a tool to improve English teaching efficiency for interpreting students	368
Olshvang O. Memorization of vocabulary during foreign language and latin classes (case of the medical university)	377
Sineokaya N. A. Communicative strategy of mitigation in German political discourse (based on the interviews of women-politicians of Germany)	380
Theuriau Frédéric-Gaël La temporalité dans le système grammatical du français	384
Vasileva P. A., Ibragimov I. I., Rubtsova S. Y. Student video projects as an efficient teaching tool for ESP in the digital tertiary education environment	388
Yanfeng Yue Ethical Cultivation via English Information Literacy Curriculum for STEM Specialties	392
Сведения об авторах	397

Абрамова Е. В.Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

АНГЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФЛАНДРИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Цель данной статьи заключается в описании и анализе современных тенденций англоизации высшего образования во фламандских университетах Бельгии. Для достижения цели был проведен компаративный анализ монографий, статей, национальных правительственных документов, официальных веб-сайтов университетов Фландрии, связанных с регулированием использования официальных языков Бельгии и регламентирующих соотношение нидерландского и английского языка, как средства обучения в вузах Фландрии. В исследовании делается вывод: современная языковая практика существенно отличается от языковой политики в сфере распространения англоизации и обуславливает нарастающий процесс внедрения английского языка как средства обучения в большинстве фламандских вузах.

Ключевые слова: языковая политика, языковая ситуация, англоизация, фламандское высшее образование, глобализация

Abramova E. V.Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

ENGLISHIZATION OF FLEMISH HIGHER EDUCATION: MYTH OR REALITY?

The purpose of this work is to describe and analyze current trends in the Englishization of higher education in Flemish universities in Belgium. To achieve the goal, the comparative analysis of monographs, research articles, national government documents, official websites of universities of Flanders, related to the regulation of the use of the official languages of Belgium and regulating the ratio of Dutch and English as medium of instruction (EMI) in the universities of Flanders, was carried out. The study concludes that modern language practice differs significantly from the language policy in the field of Englishization and causes the growing process of implementation English as a medium of instruction in most Flemish universities.

Key words: language policy, language situation, Englishization, Flemish higher education, globalization

Анализ новейших научных работ зарубежных исследователей свидетельствует об актуальности проблемы англоизации коммуникативной сферы высшего образования Фландрии [Splunder 2021; Xu & Poel 2011; Grover 2019; Jenkins 2014]. Феномен англоизации фламандских вузов является предметом острой полемики как в СМИ, так и в академических кругах [Galloway & McKinley 2021; Guimaraes & Kremer 2020; Lanvers & Hultgren 2018; Meylaers & Nunez 2018]. В центре внимания - дебаты о количественном регулировании нидерландскоязычных программ по сравнению с программами на английском языке.

Распространению английского языка в качестве средства обучения (EMI - English as a Medium of Instruction) способствуют как глобализационные процессы, так и интернационализация вузов Фландрии, оказавшие в последние годы существенное давление на языковую политику высших учебных заведений [Coleman 2006]. В данных условиях, а также в результате сокращения бюджетных ассигнований на образование, университеты вынуждены искать новые способы привлечения инвестиций и улучшения своих позиций на международной научной арене. Интернационализация образования посредством EMI является наиболее востребованным методом, все чаще используемым в мире для привлечения новых студентов и повышения позиций в мировых рейтингах университетов. Однако довольно часто, особенно в многоязычной среде, возникает противоречие между этим стратегически вынужденным и ориентированным на рынок выбором английского языка, с одной стороны, и традиционными задачами университетов по созданию интеллектуальной элиты и популяризации национального языка и культурного наследия, с другой.

Продвижение английского языка как языка науки, начавшееся после Второй мировой войны, было обусловлено политической и культурной гегемонией англосаксонского мира [Ammon 2012; Van Oostendorp 2015]. С тех пор, английский язык стал приобретать черты «гиперцентрального языка» [A. Swaan 2001]. Сторонники англоизации подчеркивают необходимость разумной адаптации английского языка к национальным потребностям и интерпретируют роль EMI как инструмента академической мобильности,

обеспечения свободного доступа к научной информации и поддержанию интернационализации образования в условиях академической мобильности [Liu 2018; Finardi 2016; Relano-Pastor 2015]. Противоположная позиция основывается на отрицательном опыте голландских вузов, чья политика всецело подчинена Болонскому процессу и направлена на коммерциализацию образования в ущерб интересам национального языка Нидерландов [Jenses et al. 2019, Deneckere et al. 2020].

Языковой вопрос в Бельгии исторически политизирован и обусловлен непростыми отношениями фламандцев с Нидерландами в период французского господства, когда вопрос выбора языка общения независимо от уровня коммуникации был краеугольным камнем во всех сферах жизни общества. На протяжении нескольких веков на французском языке, языке элиты, велось преподавание во всех учебных заведениях Фландрии, но возникновение Фламандского движения в XIX в. и его борьба за признание равноправия французского и нидерландского языков привело к формированию принципа территориальности, закреплённого действующим законодательством и определяющим лингвистический ландшафт современной Бельгии. Согласно данному принципу, выбор языка коммуникации (профессиональной, деловой, академической и т.д.), определяется территориальной принадлежностью общественного, политического или законодательного учреждения / института.

Современные глобализационные процессы свидетельствуют не только о возникновении новых языковых меньшинств на территории Бельгии, но и, как отмечалось выше, о высоком уровне распространения английского языка. Так, для 55% жителей Бельгии английский язык приобрел статус *lingua franca* во многих сферах частной и общественной жизни: в СМИ, социальных сетях, кинопродукции, компьютерных играх, а общение на нем, особенно среди молодежи, более популярно, чем на французском, он по праву мог бы стать третьим официальным языком фламандцев. Для большей половины населения страны английский язык по степени «признания» и распространенности стал *de facto* вторым языком¹.

Популярность английского языка и большая к нему «благогосклонность» по сравнению с французским, обусловлена не только историческими факторами, но и принятием ряда законодательных актов, определивших вектор развития языковой политики Фландрии в образовании. Так, в 1989г региональные сообщества приобрели полную автономию в вопросах образования, выбора языка обучения и языкового законодательства.

Следующим шагом на пути к международной интеграции в сфере образования и англоязыции вузов стало принятие в 2010г. фламандским парламентом закона о необходимости взаимодействия академического сообщества, обучающихся высших учебных заведений на международном уровне, открытости и доступности фламандского образования для иностранных студентов². В то же время, декреты 2003г., 2012г. и директива министра образования Бена Вейтса на 2019-2024гг. направлены на защиту нидерландского языка и гарантируют важность его использования в высшем образовании³. В соответствии с законом 2012г. об использовании языка в высшем образовании за нидерландским закреплен статус языка обучения в университетах, университетских колледжах и высших школах. Использование «других языков» допустимо лишь в случае, когда конкретный курс обладает особой ценностью и дублируется эквивалентным курсом на нидерландском языке⁴.

Однако несмотря на попытки фламандского правительства сдерживать распространение английского языка на законодательном уровне, результаты исследований, проводимых как отдельными лингвистами, так международными организациями показывают, что во Фландрии английский язык действительно вышел за рамки традиционной роли иностранного языка и тесно связан с глобальным феноменом *lingua franca* [Xu J, Poel K. 2011]. Аналогичные выводы отражают и итоги анонимных опросов, проводимых Генеральным секретариатом Языкового Союза с 10.05.2021 по 14.06.2021 в социальных сетях молодежного веб-сайта Taalhelden.org. Одна из задач опроса заключалась в изучении мнения молодежи о проблемах интернационализации образования как основного направления политики на период 2020–2024гг. Поскольку опрос проводился на достаточно ограниченном числе опрошиваемых, его результаты не отражают мнение всех обучающихся Фландрии и могут носить лишь рекомендательный характер. Основной вывод исследования свидетельствует о большом опыте опрошиваемых в обучении на иностранных языках и желании продолжить такое обучение. Особый интерес представляет заинтересованность респондентов в использовании *lingua receptiva* (LaRa) [Resultaten van de jongerenbetrovingen via de sociale media van Taalhelden.org in 2021] Так, 52,6% высказались за использование LaRa в контексте обучения не только на нидерландском, но и на других иностранных языках, а именно на английском (*прим. автора*).

Очевидно, языковая политика фламандских университетов направлена не только на защиту нидерландского языка в академической среде, но и в определенной степени подчинена контексту глобализационных процессов. В связи с этим, в 2015г. во время языкового конгресса, проходившего во фламандском парламенте, Межпарламентский комитет обратился к Языковому Союзу с просьбой

¹ www.wordatlas.com

² <https://www.vlaamsparlement.be>

³ Beleidsnota Onderwijs en vorming, 2019-2024. URL: <https://www.vlaanderen.be/publicaties/beleidsnota-2019-2024-onderwijs>

⁴ Vlaamse Codex 13.07.2012. Decreet betreffende de integratie van de academische hogeschoolopleidingen in de Universiteiten [Decree concerning the integration of academic higher education courses in the universities] URL: <https://data-onderwijs.vlaanderen.be/edulex/document.aspx?docid=14650>

продолжить изучение, развитие и применение *lingua receptiva* в высших учебных заведениях Фландрии. В настоящее время LaRa может рассматриваться в качестве альтернативы английскому как *lingua franca*, что было бы особенно востребовано в многоязычной академической среде фламандских университетов. Такое развитие коммуникативной среды фламандских вузов, на наш взгляд, представляется достаточно перспективным, поскольку отражает современные тенденции академической мобильности университетов Фландрии как на международной арене, так «нейтрализует» политизированность языкового вопроса на региональном уровне. Более того, данные опроса свидетельствуют об открытости обучающихся к использованию LaRa: большинство респондентов положительно относится к обучению на нескольких языках с помощью *lingua receptiva* [Resultaten van de jongerenbevragingen via de sociale media van Taalhelden.org in 2021, с.7]. Подобная ситуация складывается и в контексте выбора языка обучения: почти 53% опрошенных высказались за преподавание на английском языке с использованием *lingua receptiva* [там же, с.8].

Вовлеченность фламандских вузов, как неотъемлемой части европейского пространства высшего образования, в Болонский процесс также обусловила появление широкого репертуара новых образовательных программ исключительно на английском языке. Как отмечалось выше, в условиях растущей конкуренции на мировом рынке образования, одной из основных задач фламандских университетов, как, впрочем, и других современных вузов, является привлечение иностранных студентов. В свою очередь, данная задача обуславливает расширение числа академических англоязычных программ и профильных курсов. Так, несмотря на протекционную языковую политику фламандского Министерства образования, устанавливающую количественное разнообразие курсов на «другом языке» (т.е. английском) не более 9% для бакалавриата и не более 35% в магистратуре, на практике английский язык усиливает свои позиции как средство обучения во многих государственных университетах Фландрии. Например, в текущем академическом году во Фламандских университетах на всех уровнях дипломного и постдипломного образования предлагается несколько тысяч образовательных программ, из которых более 30% представлены только на английском языке. Так, в Гентском университете сегодня представлено более 35% магистерских программ обучения исключительно на английском языке. В 2022 - 2023гг. из 1113 программ всех уровней подготовки, 844 представлено на нидерландском и 298 (35,3%) только на английском языке. По сравнению с 2021 - 2022г.г., на английском языке функционировали 284 программы (34,2%) из 829, в 2020 - 2021 - 276 из 855 (32,2%). Языковая политика Левенского католического университета, Университета Антверпена и Хасселта, Брюссельского свободного университета также подвержена глобализационным процессам, что обуславливает расширение репертуара образовательных программ обучения на английском языке и свидетельствует о нарастающем процессе англоизации высшего образования Фландрии.

Таким образом, современные глобализационные процессы в академическом сообществе и, как следствие, вынужденная необходимость фламандских вузов привлекать иностранных студентов обуславливают внедрение английского языка как средства обучения и международного *lingua franca*. Несмотря на языковую политику правительства, отличающуюся от языковой практики в академических кругах, тенденции нарастающей англоизации – существующая реальность высшего образования Фландрии.

Литература

- Ammon U. Linguistic inequality and its effects on participation in scientific discourse and on global knowledge accumulation – With a closer look at the problems of the second-rank language communities. *Applied Linguistics Review*, 2012, № 3 (2), С. 333–355.
- Coleman, J. English-medium teaching in European Higher Education. *Language Teaching*, 2006, № 39 (1), С. 1–14.
- Finardi, K. R. Globalization and English in Brazil. In K. R. Finardi (Ed.), *English in Brazil: views, policies and programs*. С. 13–32. Londrina, PR: Eduel: 2016.
- Deneckere G., De Wever B., Maddens B., Sinaridet D., Vos H. & Vrints A. Gelijkse kansen? Forget it (Equal Opportunities? Forget it). *De Standaard*: 2020.
- Galloway N., McKinley J. Englishization of Higher Education // Mohebbi H., Coombe C. (eds) *Research Questions in Language Education and Applied Linguistics*. Springer Texts in Education. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-79143-8_123 (дата обращения 24.10.2022).
- Grover C. Learning English in Belgium. URL: https://www.researchgate.net/publication/342803725_Learning_English_in_Belgium (дата обращения 29.10.2022).
- Guimaraes F.F. & Kremer M. Adopting English as a Medium of Instruction (EMI) in Brazil and Flanders (Belgium): a comparative study. *Journal of English Language, Literature and Cultural Studies*. Ilha de Desterro: 2020, С. 217–246.
- Jenkins, J. *English as a lingua franca in the international university: the politics of academic English language policy*. New York: Routledge: 2014.
- Jenses L., Pas N., Rovers D., Gulik K. Against English: Pleidooi voor het Nederlands (A plea for Dutch). URL: <https://www.goodreads.com/book/show/48762773-against-english> (дата обращения 14.10.2022).
- Lanvers U., & Hultgeren, A.K. *The Englishization of European education // European Journal of Language Policy*. Forward, Liverpool University Press. 2018. № 10-1, Spring, С. 1–11.

- Liu, X. National policies and the role of English in Higher Education // *International Higher Education*. 2018. № 96. C. 15–16.
- Meylaerts R. & Núñez G.G. No language policy without translation policy. A comparison of Flanders and Wales // *Language Problems and Language Planning*, 2018. № 42 (2), C. 196 – 219.
- Oostendorp, M. van. Hoe het Engels de wetenschapstaal werd zonder dat iemand het wilde. URL: <https://neerlandistiek.nl/2015/07/hoer-het-engels-de-wetenschapstaal-werd-zonder-dat-iemand-het-wilde/> (дата обращения: 30.10.2022).
- Relaño-Pastor, A. M. The commodification of English in “Madrid, comunidadbilingüe”: insights from the CLIL classroom // *Language Policy*. 2015, №14, C. 131–152.
- Resultaten van de jongerenbevestigingen via de sociale media van Taalhelden.org in 2021. «Wat vind jij ervan? De Taalunie vraagt, jongeren antwoorden». URL: <http://taalunie.org> (дата обращения 29.10.2022).
- Splunder, F. Higher Education in Flanders. English as the “other” language // *Englishization of Higher Education*. Amsterdam University Press, 2021. C. 37–56.
- Swaan, A. de. Words of the world. The global language system. Cambridge: Polity, 2001.
- Xu J, Poel K. English as a Lingua Franca in Flanders: A study of university students’ attitudes. // *English Text Construction*. 2011, №4 (2), C. 257–278.

References

- Ammon U. Linguistic inequality and its effects on participation in scientific discourse and on global knowledge accumulation – With a closer look at the problems of the second-rank language communities. *Applied Linguistics Review*, 2012, № 3 (2), P. 333–355.
- Coleman J. English-medium teaching in European Higher Education. *Language Teaching*, 2006, № 39 (1), P. 1–14.
- Finardi, K. R. Globalization and English in Brazil. In K. R. Finardi (Ed.), *English in Brazil: views, policies and programs*. P. 13–32. Londrina, PR: Eduel: 2016.
- Deneckere G., De Wever B., Maddens B., Sinardet D., Vos H. & Vrints A. Gelijke kansen? Forget it (Equil Opportunities? Forget it). *De Standaard*: 2020.
- Galloway N., McKinley J. Englishization of Higher Education // Mohebbi H., Coombe C. (eds) *Research Questions in Language Education and Applied Linguistics*. Springer Texts in Education. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-79143-8_123 (date 24.10.2022).
- Grover C. Learning English in Belgium. URL: https://www.researchgate.net/publication/342803725_Learning_English_in_Belgium (date 29.10.2022).
- Guimaraes F.F. & Kremer M. Adopting English as a Medium of Instruction (EMI) in Brazil and Flanders (Belgium): a comparative study. *Journal of English Language, Literature and Cultural Studies*. Ilha de Desterro: 2020, P. 217–246.
- Jenkins, J. English as a lingua franca in the international university: the politics of academic English language policy. New York: Routledge: 2014.
- Jenses L., Pas N., Rovers D., Gulik K. Against English: Pleidooi voor het Nederlands (A plea for Dutch). URL: <https://www.goodreads.com/book/show/48762773-against-english> (date 14.10.2022).
- Lanvers U., & Hultgeren, A.K. The Englishization of European education // *European Journal of Language Policy*. Forward, Liverpool University Press. 2018. № 10-1, Spring, P. 1–11.
- Liu, X. National policies and the role of English in Higher Education // *International Higher Education*. 2018. №96. P. 15–16.
- Meylaerts R. & Núñez G.G. No language policy without translation policy. A comparison of Flanders and Wales // *Language Problems and Language Planning*, 2018. № 42 (2), P. 196 – 219.
- Oostendorp, M. van. Hoe het Engels de wetenschapstaal werd zonder dat iemand het wilde. URL: <https://neerlandistiek.nl/2015/07/hoer-het-engels-de-wetenschapstaal-werd-zonder-dat-iemand-het-wilde/> (date 30.10.2022).
- Relaño-Pastor, A. M. The commodification of English in “Madrid, comunidadbilingüe”: insights from the CLIL classroom // *Language Policy*. 2015, №14, P. 131–152.
- Resultaten van de jongerenbevestigingen via de sociale media van Taalhelden.org in 2021. «Wat vind jij ervan? De Taalunie vraagt, jongeren antwoorden». URL: <http://taalunie.org> (date 29.10.2022).
- Splunder, F. Higher Education in Flanders. English as the “other” language // *Englishization of Higher Education*. Amsterdam University Press, 2021. P. 37–56.
- Swaan, A. de. Words of the world. The global language system. Cambridge: Polity, 2001.
- Xu J, Poel K. English as a Lingua Franca in Flanders: A study of university students’ attitudes. // *English Text Construction*. 2011, №4 (2), P. 257–278.

Источники (Sources)

- www.wordatlas.com
<https://www.vlaamsparlament.be>
<https://www.vlaanderen.be/publicaties/beleidsnota-2019-2024-onderwijs>
<https://data-onderwijs.vlaanderen.be/edulex/document.aspx?docid=14650>
<https://taalhelden.org>

Аксенова Н. В., Денисова Н. В., Магнес Н. О.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ДОЛЯ ТЫ СУПЕРЖЕНСКАЯ! ЗАПАДНЫЕ ИСКУССТВОВЕДЫ О ЖЕНСКИХ ОБРАЗАХ В СОВЕТСКОМ ИСКУССТВЕ

В настоящей статье исследуются равноуровневые языковые средства характеристики социального положения советской женщины, используемые в англоязычных рецензиях на выставку “Superwoman: Work, Build and Don’t Whine” (Лондон, 2016г.), посвященную иконографии женщины в искусстве советского периода. Как показало исследование, содержание рецензий на выставку “Superwoman” организовано вокруг нескольких смысловых оппозиций (MOTHER – WORKER – COMRADE – WARRIOR; NEW PEOPLE – “OLD”/“FORMER” PEOPLE; PRE-STALINIST PERIOD – (POST-) STALINIST PERIOD; REALITY – PROPAGANDA; SOVIET PAST – WESTERN MODERNITY), определяющих для текстов рассматриваемой группы. Прием контраста, используемый в анализируемых рецензиях, позволяет авторам выявить неоднозначность событийной ситуации «эмансипация советской женщины» и задать вектор оценки данной ситуации.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, гендер, прием контраста, советское искусство, языковое конструирование гендера

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-012-00276.

Aksenova N., Denisova N., Magnes N.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

THE LOT OF A SUPERWOMAN: WESTERN ART CRITICS ON IMAGES OF WOMEN IN SOVIET ART

The paper addresses the discursive strategies employed in modern Western art discourse (AD) for the construction of Soviet femininity. Evidence is drawn from British art reviews of the exhibition “Superwoman: Work, Build and Don’t Whine” (GRAD, London, 2016); the art show explored the iconography of female images in visual and applied arts across the Soviet period.

The intention to inform and educate art-appreciating audiences is fundamental to all forms of art discourse. The reviews studied here seek to represent art exhibits as both objects of aesthetic perception and valuable sources of information on the Soviet reality; hence the high frequency of the verbs denoting information transfer, multiple references to landmark historical events, diverse explanatory strategies, and culture-specific terms.

The study highlights and describes a set of oppositions defining the content and structure of the “Superwoman” exhibition reviews. Among them are such dichotomies as SOVIET RUSSIA vs WESTERN MODERNITY, REALITY vs PROPAGANDA, PRE-STALINIST PERIOD vs (POST-)STALINIST PERIOD, and, most notably, the polychotomy MOTHER vs WORKER vs COMRADE vs WARRIOR, covering the many conflicting roles Soviet women were expected to fulfill.

Keywords: art discourse, gender, oppositions, Soviet art, linguistic construction of gender

Acknowledgements: The research is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-012-00276.

В современном обществе наблюдается выраженный интерес к исследованиям языка и культуры как механизмов трансляции гендерных представлений. В сфере искусствоведения эта тенденция проявляется в том числе в попытках осмыслить становление изобразительных конвенций, которым подчиняются образы женщин в советском искусстве. Одной из наиболее успешных таких попыток стала выставка “Superwoman: Work, Build and Don’t Whine” (далее “Superwoman”: Лондон, 2016г.), организованная британской НКО “Галерея русского искусства и дизайна GRAD” и киностудией документальных фильмов “Thea Films”. Кураторами выступили доктор Наталья Марри, актриса и режиссер Доля Гавански и искусствовед Надежда Плуныян, автор книги “Рождение советской женщины”, посвященной истории появления ключевых женских архетипов советского времени (работница, крестьянка, лётчица и т.д.). На выставке “Superwoman” были представлены произведения изобразительного и прикладного искусства, созданные в период существования

Советского Союза, начиная с Октябрьской революции 1917 г. и до распада СССР в 1991 г. В число экспонатов входили бронзовый макет скульптуры Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”, экспериментальные “формалистские” фотографические работы Александра Родченко, плакаты Александра Дейнеки, художественные работы Петра Галаджева, Вячеслава Стекольниковца и других авторов.

Настоящее исследование посвящено анализу языковых средств характеристики социального положения советской женщины, используемым субъектами современного англоязычного искусствоведческого дискурса (ИД), на примере рецензий к выставке “Superwoman”.

Искусствоведческая рецензия, под которой понимается жанр письменного искусствоведческого дискурса, ориентированный на массовую аудиторию и содержащий интерпретацию и оценку художественных объектов специалистом-искусствоведом, ставит своей задачей «усиление эффекта вербальной эстетизации объектов искусства» [Ерохина 2018: 7]. В исследуемом нами корпусе рецензий находит яркое проявление интенция к расширению фоновых знаний аудитории, являющаяся одной из фундаментальных для искусствоведческого дискурса. Эта интенция реализуется в данном случае за счет информирования читателей о политических, социальных и бытовых явлениях, определяющих стилистико-содержательные характеристики советских художественных произведений с участием женских персонажей. Экспонаты выставки “Superwoman” репрезентируются искусствоведами не только как объекты эстетического восприятия, но и как ценные источники сведений о жизни в СССР. С данным обстоятельством связана высокая частотность глаголов передачи точной информации (*document, chart, identify* и др.) при характеристике задач выставки, экспонирующей объекты советского искусства:

(1) *This exhibition clearly documents the expansion brought by revolution and the destruction of these gains through counter-revolution and the demands of Stalinist “socialism in one country” [SW].*

(2) *It [the exhibition] identifies the double burden of oppression which women experienced in Stalinist Russia [SW].*

Функцию информирования аудитории выполняют и упоминания о значимых исторических событиях, различные стратегии разъяснения реалий советской жизни читателям. Стимулирование реципиентов к самостоятельному поиску лингвокультурной информации может происходить в том числе за счет использования транслитерированных номинаций советских культурных типажей; именно такую роль играет употребление обозначения *baba* в примере (5) ниже. Данное наблюдение созвучно с тезисом О.В. Емельяновой и А.В. Стрельцовой, по мнению которых использование “чужого” языка свидетельствует о настрое искусствоведов на диалог с советской культурой. Анализируя монографию В. Боннелл о советском плакате, авторы статьи отмечают, что транслитерированные русские слова, номинирующие советские типажы и сопровождающиеся разъяснительным переводом, позволяют арт-критику привлечь внимание читателя не только к визуальному, но и к вербальному компоненту плаката [Емельянова, Стрельцова 2021: 301-302], а в случае выставки “Superwoman” – к важности социально-политического и культурного контекста создания работ.

В исследуемых рецензиях эксплицитное выражение находит признание авторами ключевого вклада женщин в историю СССР:

(3) *Partly in conflict to their traditional roles, under the Soviet Union women were instrumental to the birth of a new society [Gosling].*

Среди примеров женского влияния на исторические процессы упоминаются работницы, чье социальное недовольство послужило толчком для событий Февральской революции, активистки – борцы за права женщин, участницы социалистического строительства и послевоенного восстановления страны:

(4) *From the female workers who sparked the first 1917 revolution to the activists who pushed women’s issues to the heart of Bolshevik policy, from the factory workers who implemented Stalin’s five-year-plan to the millions of mothers and widows who rebuilt the country after the horrors of WWII; the creation and mobilisation of the New Soviet Woman was vital for the founding, growth and stability of the Soviet Union [GRAD].*

При этом знакомство с публикациями о выставке “Superwoman” и непосредственно с экспонатами дает возможность западному зрителю сформировать представление о противоречиях социального положения советской женщины. В интерпретации англоязычных искусствоведов, советская власть не только расширила политические и гражданские права женщины, но и породила новые формы закрепощения, предъявляя к женщине ряд несовместимых друг с другом ролевых требований. Формирование данного представления у реципиента ИД осуществляется за счет особого построения текста, основой которого является прием контраста. Исследуемые статьи не только изобилуют лексическими средствами выражения оппозиционных отношений, двойственности (*dichotomy, double, contradictory, conflicting, paradoxical*). Само содержание рецензий на выставку “Superwoman” организовано вокруг нескольких смысловых оппозиций (MOTHER – WORKER – COMRADE – WARRIOR; NEW PEOPLE – “OLD”/“FORMER” PEOPLE; PRE-STALINIST PERIOD – (POST-) STALINIST PERIOD; REALITY – PROPAGANDA; SOVIET PAST – WESTERN MODERNITY и некот. др.), определяющих для текстов рассматриваемой группы. Анализ языковой актуализации данных смысловых контрастов и составляет цель настоящей работы.

1. MOTHER – WORKER – COMRADE – WARRIOR. Одной из центральных оппозиций для рецензий на выставку “Superwoman” является полихотомия социальных ролей советской женщины. Некоторые из ролевых ожиданий, которые предъявлялись к женщине в СССР, могут быть охарактеризованы

как традиционно фемининные; другие были обусловлены индустриализацией советского общества, требованиями нового быта и нарастающей милитаризацией страны:

(5) ... *the ideal woman was perceived by the State as [...] a heroic mother and a worker, a baba and a comrade. The Revolution, the Russian Civil War [...] have added to these contradictory qualities the ability to skydive and to shoot to kill* [GRAD].

(6) *Women were not just communist citizens, full-time workers, wives and mothers but also soldiers, scientists, dancers, cosmonauts and much more* [Gosling].

Парадоксальным образом, совмещение данных конфликтующих ролей, грамматически оформленных как сочиненные контрастные пары (5) или сочиненные ряды с адверсативной связью (6), мыслится искусствоведами как обязательное для женщины в соответствии с условиями советского гендерного контракта:

(7) *Grad highlights the art that promoted the idealised roles expected of women in their duty to the state* [Guardian].

Отражением взаимной противоречивости (*contradictory qualities*) этих ролей может служить использование «производственных» метафор для обозначения явлений репродуктивной сферы (*producing children*), а также сочетание анималистической и механистической метафорических моделей (*a cow and a machine*), представляющих собой ассоциативные оппозиции несистемного характера (в терминологии Т.Г. Бочина [Бочина 2006]), при характеристике ролевых требований к советской женщине в период коллективизации и индустриализации.

Выставка содействует формированию у зрителей представления о типаже советской суперженщины как социальном субъекте, способном к одновременному выполнению данных трудносовместимых ролей. Показательно в этом плане включение лексемы “Superwoman” в название экспозиции. Интересно, что представление о “многозадачности” содержится в смысловой структуре английской лексемы *superwoman*, однако не занимает центрального положения в семантике лексемы *superman*, несмотря на сходство внутренней формы обеих словарных единиц. Лексикографические источники удивительно единодушны в плане закрепления за лексемой *superwoman* таких смысловых компонентов, как способность эффективно совмещать множественные функции или успешно преодолевать конфликт между ролями, связанными с семейно-репродуктивной и производственной сферами; см. примеры словарных дефиниций, приведенные ниже:

a woman who is able to do many things in her life successfully at the same time [CED];

an exceptional woman; especially: a woman who **succeeds in having a career and raising a family** [MW];

a woman of extraordinary or superhuman powers; a woman who copes successfully with the simultaneous demands of a career, marriage, and motherhood [DC];

a woman who **performs all the duties** typically associated with **several different full-time roles**, such as wage earner, graduate student, mother, and wife [YD].

Напротив, лексема *superman* чаще всего определяется лексикографами через такой признак, как наличие сверхспособностей, превышающих силы заурядного человека, а не через одновременное выполнение несовместимых друг с другом функций:

a superman is a man who **has very great physical or mental abilities**; any man of **apparently superhuman powers** [CED].

Таким образом, название выставки допустимо интерпретировать как имплицитную смысловую оппозицию, которая актуализируется с помощью эквонимов *superman* и *superwoman*; несмотря на то, что маскулинный коррелят данной оппозиции остается неназванным, менее частотная лексема *superwoman* неизбежно отсылает к нему читателя.

Непомерная сочетанная трудовая нагрузка на советскую женщину характеризуется авторами рецензий в терминах “двойной смены” (*double shift / double burden of oppression*), которая подразумевает для женщины обязанность трудиться как на производстве, так и дома. Женская “двойная смена” представлена как существенно ограничивающая возможности для любого вида отдыха:

(8) *If I think of 'Soviet Superwoman' I think of my grandmother. She would never stop. Except for the single secret moment of rest and silence she once told me about* [GRAD].

2. NEW PEOPLE – “OLD”/“FORMER” PEOPLE. Использование искусствоведами приема контраста, актуализированного как общеязыковыми разнокоренными антонимами (*former – new*), так и контекстуальными антонимическими сочетаниями (*special prisoners – responsible workers*), разделенными глаголами с семантикой противопоставления (*off-set against, contrast*), при характеристике классового состава советского общества служит для передачи представлений о фрагментированном характере постреволюционного социума со свойственными последнему внутренними противоречиями и антагонизмом:

(9) *'Former people' of Tsarist Russia were off-set against the 'new, happy people of the Soviet land' and 'special prisoners' contrasted with 'responsible workers'* [GRAD].

Социальная сложность советского общества, которая находит отражение в антитезе **NEW PEOPLE – “OLD”/“FORMER” PEOPLE** (первый член оппозиции актуализируют номинации социальных ролей, возникших в ходе социалистического строительства; второй – обозначения гендерных ролей,

принадлежащих дореволюционному миру), нередко репрезентируется арт-критиками через одновременную атрибуцию “новых” и “архаичных” социальных статусов одним и тем же группам женских субъектов:

(10) *Could pretty-bourgeois women and sportswomen, or former noblewomen and female delegates have much in common? Paradoxically, they could sometimes be the very same people.* [GRAD].

Социальная неоднородность отмечается и в пояснительных материалах к выставке, фиксирующих отсутствие равенства между трудящимися женщинами – представительницами “нового” сегмента советского общества. В исследуемых текстах социальная категория NEW PEOPLE (NEW WOMEN) репрезентируется через привлечение дополнительной частной оппозиции “THE ELITE – MASSES”, эксплицитно выраженной с помощью противопоставления местоимений *some – most*:

(11) [...] *whilst the new social order opened up new possibilities in female equality and leadership for some, the daily reality for most women was very different* [Gosling].

3. PRE-STALINIST PERIOD – (POST-)STALINIST PERIOD. В исследуемых публикациях содержатся указания на утрату женщинами ряда гендерных свобод по мере нарастания авторитарных тенденций в советском обществе после прихода к власти Сталина. Таким образом актуализируется противопоставление социального положения женщин сразу после революции и в советский период, начиная с 1930-х годов. При характеристике социальной политики СССР в годы сталинской диктатуры могут использоваться глаголы возвратного движения/действия, которые подчеркивают контраст между социальными завоеваниями советской власти и гендерно консервативной политикой сталинизма: *reforms realised under Lenin [...] were reversed under Stalin* [GRAD]. Тем не менее, независимо от исторического периода, женщина в СССР репрезентируется арт-критиками как объект жесткой социальной регламентации и нормирования: *she was expected to fulfil [multiple roles]; this was a slogan to compel women to feel invested in the new Communist order; the demands placed upon “the ultimate communist woman”; the unique burdens placed on women; back-breaking demand*. Параллельно подчеркивается навязанный характер женских социальных ролей (*compelled; also pushed to continue bringing up their families and running their households; they also had to help Russia to expand its population by producing as many children as possible*). Эта же идея находит выражение в названии выставки, воспроизводящем первую строку слогана с представленного на экспозиции плаката А.Дейнеки:

“Работать, строить и не ныть!
Нам к новой жизни путь указан.
Атлетом можешь ты не быть,
Но физкультурником – обязан”.

В структурном плане название представляет собой цепочку из трех глагольных форм повелительного наклонения; при этом последний из императивов (*Don't Whine*), очевидно, оформляет запрет на проявление советской женщиной не только недовольства своим положением, но и негативных эмоций в принципе.

4. REALITY – PROPAGANDA. Один из лейтмотивов в искусствоведческих рецензиях, посвященных выставке «Superwoman», образуют утверждения о несоответствии официальных идеологически заряженных визуальных образов реальным фактам советского бытия, актуализируемые через использование квазиантонимов (*perfect – dull/harsh, propaganda – reality*). При этом авторы фиксируют идеализированный характер женских образов, а объективное положение советской женщины получает оценочную характеристику с отрицательным оценочным знаком: ему присваиваются такие признаки, как тягостность, монотонность и общая непривлекательность, символически репрезентируемая как асексуальность.

(12) *Superwoman highlights the huge gap that existed between the perfect image captured in the propaganda poster art works and the much less sexy, at times dull, and often harsh reality for most Soviet women* [Banks].

Контраст между реальностью и пропагандируемой идеологией подчеркивается с помощью лексики, содержащей сему «различие, расхождение»:

(13) *The disparity between reality and propaganda sometimes verged on the absurd and even the images in themselves often carry certain discrepancies* [RBRussia Beyond].

5. SOVIET PAST – WESTERN MODERNITY. Значительную роль в исследуемых рецензиях играют сопоставления между процессами развития гендерного равенства в Советском Союзе и современных западных странах. СССР представлен в рецензиях как пространство социального эксперимента. В статьях отмечается, что, несмотря на невыигрышные стартовые позиции (в одной из публикаций фигурирует имплицитное противопоставление дореволюционной России западному миру по признаку *underdeveloped/advanced: the incredible victories won by women in one of the most backward countries in the world* [SW]), в СССР довольно рано было достигнуто гендерное равноправие в сфере оплачиваемого производства (*equal rights, equal pay*), а меры по расширению политических, экономических и репродуктивных свобод женщины в Советской России задолго опередили достижения второй волны феминизма в Европе и США. Тем не менее, по мнению западных искусствоведов, навязанный характер исполняемых советской женщиной социальных ролей не позволяет говорить о построении в СССР гендерно равноправного общества, а раскрепощение советской женщины является лишь номинальным (*liberated, but not emancipated*). Показательным в этом смысле является один из представленных на выставке “Superwoman” плакатов (ок. 1927 г., автор неизвестен), русскоязычная надпись на котором эксплицитно

антитезу “*declared liberation – real oppression*”: «**Освободим** женщин от кухонной кабалы для работы в социалистическом производстве».

Параллели между советским прошлым и современной западной реальностью (*Soviet Russia – today*) служат автору-искусствоведу для убеждения аудитории в актуальности знаний о проблемах советских женщин, так как эти знания, приобретенные путем знакомства с произведениями советского искусства, могут способствовать решению гендерных проблем западного общества 21 века. Примерами антитезы SOVIET PAST – WESTERN MODERNITY могут служить фрагменты, посвященные возможности совмещения различных ролевых функций для современной западной женщины, с одной стороны, и для жительницы СССР – с другой: так, в примере (14) данная антитеза реализуется в форме контекстуальной оппозиции *luxury - back-breaking demand*:

(14) *Women today are told they can have it all: fulfilling work, family and recognition. In Soviet Russia, this wasn't a luxury, but a back-breaking demand* [Gosling].

Выполненное исследование показывает, что в искусствоведческих рецензиях выставка художественных работ репрезентируется как событие, рассказывающее о некоторой событийной ситуации прошлого, заново (по-новому) формируя ментальный образ такой ситуации в сознании современного зрителя и/или читателя. Языковая актуализация события зависит от ряда структурно-содержательных параметров событийной ситуации, находящихся отражение в искусствоведческих текстах; по мнению Е.Г. Хомяковой, к таким параметрам относятся пролонгированность, пространственно-временные и причинно-следственные рамки [Хомякова 2015:140]. Прием контраста, используемый в рецензиях на выставку “*Superwoman*”, позволяет авторам выявить неоднозначность событийной ситуации «мансипация советской женщины», задать вектор оценки данной ситуации и помогает реципиенту сформировать отношение к последней. Используя антитетичность в качестве ведущего приема организации искусствоведческого текста, арт-критик получает возможность полнее продемонстрировать сущностную неоднозначность исторических и эстетических явлений, выступающих предметом ИД. Раскрытие сложной природы таких явлений помогает инокультурному зрителю глубже понять социально-политический контекст создания экспонируемых работ, оценить их идейно-художественное содержание и созвучность их тематики современной гендерной повестке.

Литература

- Бочина Т.Г. Лексические средства выражения контраста // Ученые записки Казанского государственного университета. Том 148, кн. 3. Гуманитарные науки. 2006. С. 47-54.
- Емельянова О.В., Стрельцова А.В. Диалог культур: к вопросу о связях советского и западноевропейского изобразительного искусства // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия. Сб. науч. ст. Чебоксары, 2021. С. 301-306.
- Ерохина А.Б. Прагмалингвистические аспекты современного искусствоведческого дискурса: на материале англоязычных текстов, посвященных изобразительному искусству. Автореф. дис. ...к.филол.н. М., 2018.
- Хомякова Е. Г. Практика лингвистического анализа событийной ситуации // Научное мнение. 2015. № 9-1. С. 138-141.

Список словарей и принятых сокращений

- CED - Collins English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 25.09.2022).
- DC - Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com> (дата обращения: 25.09.2022).
- MW - Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 25.09.2022).
- YD - YourDictionary. URL: <https://www.yourdictionary.com> (дата обращения: 25.09.2022).

Источники примеров

- Banks** - Banks, N. Art, posters, ads shape the Soviet Woman. URL: <https://spinachbranding.com/poster-art-ads-painting/> (дата обращения: 25.09.2022).
- Gosling** - Gosling, E. Work, Build and Don't Whine: Historic portrayals of women in art and design. URL: <https://www.itstnicethat.com/articles/soviet-union-women-grad-gallery-propaganda-260516> (дата обращения: 25.09.2022).
- GRAD** - Superwoman: 'Work, Build and Don't Whine'. URL: <https://www.grad-london.com/whatson/superwoman-work-build-and-don-t-whine/> (дата обращения: 25.09.2022).
- Guardian** - Fisun, G. Code red // Guardian, 14.06.2016. URL: <https://www.guardian.com/press/superwoman-work-build-and-don-t-whine/> (дата обращения: 25.09.2022).
- RBRussia Beyond** - Guzeva, A. 'Work, build and don't whine': Who were the Soviet superwomen? // Russia Beyond, 16.06.2016. URL: https://www.rbth.com/arts/2016/06/16/work-build-and-dont-whine-who-were-the-soviet-superwomen_601947 (дата обращения: 25.09.2022).

SW - Davis, E. Superwoman: Work, Build and Don't Whine // Socialist Worker, 28.06.2016. URL: <https://socialistworker.co.uk/socialist-review-archive/superwoman-work-build-and-dont-whine/> (дата обращения: 25.09.2022).

References

- Bochina T.G. (2006) Leksicheskie sredstva vyrazheniya kontrasta (Lexical Means of Expressing Contrast) // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Vol. 148, iss. 3. Gumanitarnye nauki. Pp. 47-54. (In Russian)
- Emalyanova O.V., Streltsova A.V. (2021) Dialog kultur: k voprosu o svyazyakh sovetskogo I zapadnoevropeiskogo izobrazitel'nogo iskusstva (A Dialogue of Cultures: On Connections Between Soviet and Western Art) // Obschie I chastnye voprosy filologii I perevodovedeniya v kontekste mezhkulturnogo vzaimodeistviya. Cheboksary. Pp. 301-306. (In Russian)
- Erokhina A.B. (2018) Pragmalingvisticheskie aspekty sovremennogo iskusstvovedcheskogo diskursa: na materiale angloyazychnykh tekstov, posviashchennykh izobrazitel'nomu iskusstvu. Avtoref. dis. k. filol. n. M. (In Russian)
- Khomiakova E.G. (2015) Praktika lingvisticheskogo analiza sobytiinoi situatsii (A Linguistic Analysis of the Event Situation) // Nauchnoe mnenie. 9-1. Pp.138-141. (In Russian)

ПРЕПОДАВАНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В статье рассматривается арабский язык в современном мире как весьма неоднородное явление, характеризующееся многоуровневой структурой с точки зрения его функционирования в обществе. Понимание природы этого явления выдвигает на первый план необходимость разработки дифференцированного подхода к изучению разных уровней языка и их преподаванию. На этом пути целесообразно использовать как традиционные, так и инновационные методики и технологии, а в идеале желательно достичь оптимального баланса между ними в целях повышения эффективности работы. Этому результату удалось добиться в моей практике преподавания арабского языка как на начальном, так и на продвинутом этапе, благодаря использованию возможностей ютуб-канала «Говори по-арабски на актуальные темы!», разработчиком и ведущей которого я являюсь с октября 2020 г. Применение современных коммуникативно-информационных технологий позволило выйти на качественно новый уровень в преподавании арабского языка на основе активного внедрения в учебный процесс интерактивной практики.

Ключевые слова: арабский язык, многоуровневая структура, традиционные методы преподавания, инновации, интерактивная практика.

Akinina O.
Lomonosov Moscow State University, Institute of Asian and African Countries
Moscow, Russian Federation

TEACHING ARABIC IN MODERN CONDITIONS: TRADITIONS AND INNOVATIONS

The article considers the Arabic language in the modern world as a very heterogeneous phenomenon, characterized by a multi-level structure in terms of its functioning in society. Understanding the nature of this phenomenon highlights the need to develop a differentiated approach to the study of different levels of the language and to their teaching. On this path, it is advisable to use both traditional and innovative methods and technologies, and ideally, it is desirable to achieve an optimal balance between them in order to increase work efficiency. This result was achieved in my practice of teaching Arabic, both at the initial and advanced stages, thanks to the use of the YouTube channel "Speak Arabic on Current Topics!", the developer and host of which I have been since October 2020. The use of modern communicative-information technologies allowed to reach a qualitatively new level in the teaching of the Arabic language based on the active introduction of interactive practice into the educational process.

Keywords: Arabic language, multi-level structure, traditional teaching methods, innovations, interactive practice.

Арабский язык в современном мире является одним из самых распространенных языков как по числу говорящих на нем, так и по количеству стран, в которых он используется. В арабском обществе этот язык бьтует в виде иерархии различных форм, которые обычно сводятся к двум основным - литературному языку и диалектам, хотя в реальной жизни ситуация является более сложной. В частности, арабский лингвист М. Бадави в своем исследовании «Уровни современного арабского языка в Египте» приводит по меньшей мере пять разновидностей арабского языка, одновременно существующих и использующихся в арабском обществе разными слоями населения и в разных речевых ситуациях. [Badawi,1973] К данным уровням относятся следующие:

- 1) классический литературный арабский язык (fuṣḥā at-turāth);
- 2) современный литературный арабский язык - Modern Standard Arabic (fuṣḥā al-‘aṣr);

3) язык интеллигенции или разговорный язык людей, имеющих высшее образование - Educated Spoken Arabic ('arabiyyat al-muthaqqafīn);

4) разговорный язык людей, имеющих среднее или специальное образование ('āmmiyyat al-mutanawwifīn);

5) разговорный язык неграмотного населения ('āmmiyyat al-ummiyyūn).

В ходе преподавания необходимо учитывать данную языковую ситуацию для поиска оптимальных методов обучения арабскому языку с использованием как традиционных, так и инновационных способов, и понимания возможностей освоения той или иной его формы. Очевидно, что в практическом плане интерес представляют прежде всего первые три формы языка из вышеприведенного списка. Несомненно, что в настоящее время имеется великое множество учебных пособий и методических разработок для преподавания арабского языка, однако объем данной статьи не позволяет дать полный обзор существующих учебных материалов. Будучи доцентом кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова - одного из ведущих центров подготовки профессиональных востоковедов и арабистов в России, - ограничусь некоторыми примерами учебных пособий, разработанных и используемых в данном учебном заведении, для иллюстрации традиционного метода преподавания арабского языка. Их отличительной особенностью является то, что эти учебные материалы базируются на объяснении и анализе достижений традиционной арабской грамматической теории, которая наиболее адекватно описывает явления арабского языка с точки зрения того, как их понимали сами носители.

Возвращаясь к приведенной выше классификации, можно отметить, что классический литературный арабский язык, занимающий высшую ступень в иерархии языковых форм, представлен в текстах преимущественно религиозной тематики, которые в устной речи озвучиваются в ходе речитации Корана, во время проповедей в мечетях и в программах религиозно-богословского содержания по радио и на телевидении. Нормы классического языка были зафиксированы в сочинениях средневековых арабских филологов, и, возможно, самым эффективным и экономным методом его освоения является изучение Корана – конкретного текста, в котором представлена вся грамматическая система данного языка. Пример учебного пособия, которое дает такую возможность, - учебник «Учись читать Коран по-арабски», автор которого - В.В. Лебедев - кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии ИСАА. [Лебедев, 1996]

В учебнике «Учись читать Коран по-арабски» «каждое изучаемое языковое явление предьявляется в форме речевого образца из текста Корана, а объяснение фонетических, графических, морфологических и синтаксических явлений дается в терминах и понятиях арабской языковедческой традиции», которая является существенной частью «исламских наук» и всей мусульманской культуры. [Лебедев, 1996, с.2] Закрепление изученного материала осуществляется на основе чтения специально подобранных коранических аятов, «обеспечивающих оптимальную повторяемость нового явления». [Лебедев, 1996, с. 2]

Современный литературный арабский язык (Modern Standard Arabic, fuṣḥā al-'aṣr), являющийся официальным в арабских странах, - это язык переговоров, телевидения, радио, прессы, художественной литературы. Арабский язык как отдельная дисциплина входит в состав профильного модуля «Языки и литературы стран Азии и Африки» направления «Востоковедение и африканистика» бакалаврской подготовки ИСАА. В процессе изучения арабского языка у студента формируются компетенции, которые позволяют осуществлять коммуникацию в устной и письменной формах, решать задачи межличностного и межкультурного взаимодействия, понимать, излагать и критически анализировать информацию о Востоке, свободно общаться на основном восточном языке, переводить с арабского и на арабский язык тексты культурного, научного, политико-экономического и религиозно-философского характера.

В ходе обучения арабскому языку в ИСАА используется, в частности, учебник Г.М. Габучана по начальному курсу «Литературный арабский язык в текстах» [Габучан, 2005], задачей которого является создание основы развития навыков устной и письменной речи, а также учебник В.В. Лебедева и Г.В. Бочкарева «Читаем арабские тексты» [Лебедев, Бочкарев, 2002], который состоит из нескольких частей. На основном этапе он обеспечивает знание базовой грамматики литературного арабского языка, формирует навыки чтения оригинальных арабских текстов по культурной, страноведческой, социально-экономической и бытовой тематике, а также художественных текстов; вырабатывает умение говорить по-арабски на указанные темы и письменно фиксировать арабскую речь. [Лебедев, Бочкарев, 2002, с.2] На продвинутом этапе учебник «Читаем арабские тексты» [Лебедев, Бочкарев, 2015] обеспечивает «активизацию и закрепление словарного запаса ..., развитие навыков в реферативном и ознакомительном чтении..., совершенствование навыков в говорении и письме», а также формирование умения «извлекать, обобщать, излагать и оценивать содержащуюся в тексте информацию, необходимую для профессиональной подготовки референтов и переводчиков». [Лебедев, Бочкарев, 2015, с. 2]

Формируя у студентов устойчивые навыки чтения, аудирования, говорения и письма на литературном арабском языке, преподаватели отчетливо понимают, что в реальной жизни эта форма языка не существует в чистом виде, поскольку носители языка неизбежно и в большом объеме используют в своем общении диалект. В этом смысле интерес представляет такое явление, как «переключение языкового кода» (code switching), которое может происходить «как между двумя разными языками, так и между двумя разновидностями одного национального языка», в том числе между его диалектами, стилями и речевыми регистрами. [Закряжевский, 2021, с.101] Интересно, что у носителей языка переключение языкового кода

никогда не происходит спонтанно, но всегда является «способом решения той или иной коммуникативной задачи». [Закрыжевский, 2021, с.102] Понимание этого факта делает необходимым поиск оптимальной методики преподавания, которая бы, с одной стороны, давала обучающемуся наиболее полную картину функционирования иностранного языка, а с другой, - позволяла освоить его разновидности для выработки умения выстраивать стратегии общения с носителями языка адекватно предложенной ситуации.

В этом отношении необходимо обратить внимание на так называемую «промежуточную» форму арабского языка, которая включает в себя как литературный, так и диалектный варианты. Это упомянутый выше Educated Spoken Arabic – «разговорный язык образованных арабов, который является основным средством междиалектной коммуникации, поскольку он понятен носителям разных диалектов в силу схожих уровней образования». [Закрыжевский, 2021, с.100] Это своего рода «наддиалектная разновидность» арабского языка, не привязанная к местному разговорному языку ни одной страны. Ее основу составляет литературный арабский язык, а также общие разговорные элементы, которые встречаются в разных национальных диалектах. Для их освоения хотя бы на элементарном уровне полезным представляется, например, учебное пособие Al-kitāb fi ta'allum al-'arabiyya [Brustad, Mahmud al-Batal, 'Abbas al-Tonsi, 2011], в котором дается определенный объем базовой лексики на разных диалектах. На практике это отражается в том, что словарь к каждому уроку содержит арабские слова, представленные сразу в трех вариантах: на литературном языке (al-fuṣḥā), на египетском диалекте (al-maṣri) и на сирийском (ash-shāmī), который по сути объединяет говоры Сирии, Ливана, Иордании и палестинских арабов. Эти диалекты являются наиболее распространенными в арабском мире и доступными для понимания. Поскольку лексический материал представлен в учебнике в форме таблицы, сразу есть возможность сравнить разные варианты одного и того же слова. Кроме того, уроки снабжены аудиоматериалами, которые позволяют осваивать фонетические особенности упомянутых диалектов.

Стремительно меняющаяся современная действительность ставит перед преподавателями высшей школы задачу поиска новых технологий практического применения научного знания. В этом контексте очевидны преимущества использования онлайн ресурсов и платформ для эффективного взаимодействия преподавателя с аудиторией, особенно в дистанционном формате. Из своего личного опыта профессионального общения с носителями арабского языка из Египта, Сирии, Ирака, Алжира и Марокко, в ходе которого использовался Educated Spoken Arabic, мне стала очевидна необходимость создания интернет ресурса, которым могли бы пользоваться студенты и все те, кто изучает арабский язык, для развития и совершенствования коммуникативных и переводческих навыков, приобретения межкультурной компетенции и формирования ее социокультурного компонента.

В октябре 2020 г. я запустила ютуб-канал «Говори по-арабски на актуальные темы!», где в настоящее время 561 подписчик, в распоряжении которых 59 видео роликов, сгруппированных в восьми плейлистах: 1) Важнейшие мусульманские и христианские праздники; 2) Беседы про хадж; 3) Арабская свадьба; 4) Укрепление иммунитета; 5) Лекции по теории арабского языка и др. Каждый плейлист включает в себя несколько уроков.

Контент, связанный с продвинутым изучением арабского языка, представлен на канале в системном и последовательном изложении. На первом этапе рассмотрения каждой актуальной темы предлагается неадаптированный текст, составленный на основе оригинальных материалов арабских СМИ. Зрители видят текст на экране и слышат его аудиозапись в паузальной форме (без окончаний), что соответствует специфике разговорной арабской речи. На этом же этапе дается список базовой лексики по теме на русском языке и ставится задача самостоятельно найти эквиваленты словосочетаний в арабском тексте.

Второй этап начинается с проверки базовой лексики. Далее слушателям предлагается ответить на вопросы по теме, список которых они видят на экране и слышат в устной форме. Третий этап – это интерактивная форма работы по актуальной теме: интервью с носителем языка, проведение круглого стола или дискуссия. Здесь автор видит свою главную методическую задачу в том, чтобы максимально использовать и актуализировать в живом общении базовую лексику, вопросы и другие материалы, предлагаемые на первых двух этапах работы. На канале в полной мере реализуется метод коммуникативной направленности обучения, в рамках которого широко используется геймификация (ролевая игра) для моделирования конкретной речевой ситуации. [Чурыгин, 2016, с.327]

Формат работы ютуб-канала позволил его автору привлечь к созданию видеороликов своих студентов-арабистов 3 курса ИСАА, которые стали непосредственными участниками дискуссий с профессором египетского университета ал-Азхар доктором Али Шаабаном на следующие темы: «Арабская свадьба», «Гражданский брак. Развод», «Хадж», а также круглого стола на тему: «Пандемия коронавируса – новый глобальный вызов». Методы презентации и закрепления нового материала позволяли последовательно, в доступной форме работать над актуальными темами, а самое главное – превращать слушателей и зрителей из пассивных наблюдателей в заинтересованных участников учебного процесса, повышая тем самым его эффективность. Для студентов, участвующих в создании видеороликов, существенно повышается мотивация в изучении арабского языка.

Интерактивные формы работы, используемые на ютуб-канале, «ориентированы на широкое взаимодействие изучающих арабский язык не только с преподавателем, но и друг с другом в целях актуализации коммуникативной функции языка и выработки умения выстраивать стратегии общения с носителями языка адекватно предложенной ситуации». [Магомедова, 2017, с.236] Названные выше формы

деловых игр используются в работе канала «не в качестве самостоятельного элемента учебного процесса, а как завершающий этап работы над определенной темой, позволяющий проконтролировать качество ее освоения, оценить уровень квалификации обучаемых, «отточить» их профессиональные навыки и компетенции». [Акинина, 2021, с. 440]

Кроме обучающих занятий, ютуб-канал открыл широкие возможности публикации лекций по арабской лексикологии, поскольку это направление входит в круг научных интересов автора статьи. На канале выложены лекции по темам: «Займствования в контактах русского и арабского языков» (на русском языке); «Изучение лексикологии в университете ал-Азхар» (на арабском языке). Данная лекция построена в виде интервью с профессором египетского университета ал-Азхар доктором Али Шаабаном.

Параллельно с контентом, нацеленным на аудиторию с продвинутым уровнем владения арабским языком, на канале «Говори по-арабски на актуальные темы!» в 2021 г. была запущена серия видео уроков «Арабский под ключ», предназначенных для изучения языка «с нуля». Целью данных уроков является изучение базовой грамматики в системном изложении с опорой на традиционную арабскую грамматическую теорию; освоение арабского произношения, где в качестве образца выступает живая речь преподавателя или носителя арабского языка; изучение арабской письменности (почерка насх как основы печатного шрифта и рук'а как основы прописного шрифта); изучение базовой лексики.

В ходе работы над ютуб-каналом и практического использования опубликованных материалов выявились преимущества данного онлайн ресурса для преподавания арабского языка на разных уровнях: доступность материалов для широкой общественности (просмотры в России, Казахстане, Украине, Египте, Алжире, Марокко, Саудовской Аравии достигли на сегодняшний день 12 878); обратная связь с подписчиками и слушателями; привлекательность подачи учебных материалов для изучающих арабский язык; возможность привлечения студенческой аудитории к интерактивной работе, что повышает мотивацию в изучении арабского языка и демонстрирует уровень его освоения; использование самых актуальных материалов и возможность быстрого их донесения до учебной аудитории; подъем рейтинга преподавателя в учебной среде; живая межкультурная коммуникация и диалог культур через общение с носителями арабского языка. Таким образом, в рамках ютуб канала «Говори по-арабски на актуальные темы!» удалось найти оптимальный баланс между использованием традиционных и инновационных методов преподавания арабского языка и сделать этот процесс более эффективным.

Литература

- Акинина О.Г. Ютуб-канал “Говори по-арабски на актуальные темы!” как инновационный способ взаимодействия преподавателя с учебной средой // Магия ИННО: лингвистика и лингводидактика в меняющейся системе координат. – МГИМО – Университет Москва, 2021. С.439-443.
- Габучан Г.М. Литературный арабский язык в текстах. Учебник. Вводный курс // «Классический университетский учебник». - М., 2005. 184 с.
- Закряжевский М.Ш. Связь между выбором языкового кода и ролью говорящего (на материале публичных выступлений политических деятелей Египта) // Вестник Московского университета. Серия 13 Востоковедение. №3 – М., 2021, с.98-108.
- Лебедев В.В. Учись читать Коран по-арабски. – М., 1996. 335 с.
- Лебедев В.В., Бочкарев Г.В. Читаем арабские тексты. Учебник арабского языка. Основной этап. Ч.1-2. - М., 2002.
- Лебедев В.В., Бочкарев Г.И. Читаем арабские тексты. Учебник арабского языка. Продвинутый этап. Части 1-2. - М., 2015.
7. Магомедова С.И. Общепедагогические принципы функциональности и коммуникативности в свете обучения арабскому языку // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка, Грозный, 2017. С. 235-240.
- Чупрыгин А.В. Геймификация в преподавании арабского языка на продвинутом этапе обучения // Актуальные проблемы арабской филологии и методики преподавания арабского языка, Грозный, 2016. С.326-332.
- Badawi as-Said Muhammad Mustawayāt al-'arabiyya al-mu'āšira fī Miṣr, Dār al-ma'ārif , 1973. 223 p.
- Brustad K., Mahmud al-Batal. 'Abbas al-Tonsi Al-kitāb fī ta'allum al-'arabiyya, 2011, Washington, Georgetown University Press, 2011, 353 p.

References

- Akinina O.G. Yutub-kanal “Govori po-arabski na aktualniye temi!” kak innovatsionnyy sposob vzaimodeystviya prepodavatatelya s uchebnoy sredoy [YouTube channel “Speak Arabic on current topics!” as an innovative way of interaction between the teacher and the learning environment]. Magiya INNO: lingvistika i lingvodidaktika v menayayushteyssa sisteme koordinat [The magic of INNO: linguistics and linguodidactics in a changing coordinate system]. Moscow, 2021, 439-443.
- Gabuchyan G.M. Literaturniy arabskiy yazyk v tekstah. Uchebnik. Vvodnyy kurs. [Literary Arabic in texts. Textbook. Introductory course] Klassicheskiy universitetskiy uchebnik [Classic university textbook]. Moscow, 2005, 184 p.

- Zakrizhevskiy M.Sh. Svyaz mezhdru viborom yazikovogo koda i rolyu govoryashchego (na materiale publichnykh vystupleniy politicheskikh deyateley Yegipta). [The relationship between the choice of language code and the role of the speaker (on the material of public speeches of politicians in Egypt)]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Serya 13. Vostokovedeniye. №3. [Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies. №3]. Moscow, 2021, 98-108.
- Lebedev V.V. Uchis chitat Koran po-arabski. [Learn to read the Quran in Arabic]. Moscow, 1996, 335 p.
- Lebedev V.V., Bochkaryev G.V. Chitayem arabskiye teksti. Uchebnik arabskogo yazika. Osnovnoy etap. Chasti 1-2. [We read Arabic texts. Arabic textbook. Main stage. Parts 1-2.]. Moscow, 2002.
- Lebedev V.V., Bochkaryev G.V. Chitayem arabskiye teksti. Uchebnik arabskogo yazika. Prodvinitiy etap. [We read Arabic texts. Arabic textbook. Advanced stage. Parts 1-2.]. Moscow, 2015.
- Magomedova S.I. Obshemetodicheskiye printsipi funktsionalnosti i kommunikativnosti v svete obucheniya arabskomu yaziku. [General methodological principles of functionality and communication in the light of teaching the Arabic language]. Aktualniye problemi arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazika. [Actual problems of Arabic philology and methods of teaching the Arabic language]. Grozniy, 2017, 235-240.
- Chuprigin A.V. Geymifikatsiya v prepodavaniyi arabskogo yazika na prodvnutom etape obucheniya. [Gamification in Teaching Arabic in the Advanced Learning]. Aktualniye problemi arabskoy filologii i metodiki prepodavaniya arabskogo yazika. [Actual problems of Arabic philology and methods of teaching the Arabic language]. Grozniy, 2016, 326-332.
- Badawi as-Said Muhammad Mustawayāt al-'arabiyya al-mu'āšira fī Miṣr, Dār al-ma'ārif , 1973. 223 p.
- Brustad K., Mahmud al-Batal, 'Abbas al-Tonsi Al-kitāb fī ta'allum al-'arabiyya, 2011, Washington, Georgetown University Press, 2011, 353 p.

Антонова К. Н., Буль Ю. В.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПОЛИКОДОВОСТЬ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ 21 ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВАННЫ ВИНЧИ «ФРИДА: ИСТОРИЯ ЕЕ ЖИЗНИ»)

Современная действительность многозначна по своей природе, что порождает появление поликодовых текстов, характеризующихся диалогичностью и мультимодальностью. Ярким примером такого художественного гибридного поликодового текста, имеющего выраженную мультимодальную составляющую, является графический роман.

Ключевые слова: поликодовый текст, мультимодальность, дискурс, художественный текст, графический роман

Antonova K. N., Bool I. V.
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation

POLYCODENESS OF GRAPHIC NOVEL IN THE ENGLISH-SPEAKING LITERARY DISCOURSE OF THE 21 CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL FRIDA. THE STORY OF HER LIFE BY VANNA VINCI)

The modern reality is ambiguous by its nature which leads to the appearance of polycode texts specific for their dialogism and multimodality. Graphic novel with its multimodal content is a bright example of such literary polycode text.

Keywords: polycode text, multimodality, discourse, literary text, graphic novel

Дискурс давно находится в центре внимания семиотики, теории коммуникации и лингвистики. Еще в 1960 году французский структуралист и культуролог Мишель Фуко в своей работе «Порядок дискурса» называл речь инструментом освоения реальности, в результате применения которого осваивается мир. Речь в таком ее понимании становится дискурсом [Фуко, 1996].

А. А. Кибрик при определении дискурса концентрируется на дискурсе как единстве двух сущностей – процесса языковой коммуникации и получающегося в ее результате объекта, или текста [Кибрик, 2002].

Н. Д. Арутюнова рассматривает термин «дискурс» как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1990].

О. Л. Михалева, говоря о политическом дискурсе, концентрируется на двустороннем характере дискурса: это не только акт создания определенного текста, но и сложное коммуникативное явление, отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств [Михалева, 2004].

И. Б. Руберт полагает, что жизненный контекст дискурса моделируется в форме «фреймов» или «сценариев» [Руберт, 2001].

В. Е. Чернявская выделяет разные уровни понимания дискурса как коммуникативного события, фиксируемого в письменных текстах и устной речи, и осуществляемого в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [Чернявская, 2009].

Мы придерживаемся точки зрения В. И. Карасика, в рамках которой дискурс – это «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик, 2002, с. 477].

Текст начал восприниматься исследователями как самостоятельный лингвистический объект с конца 40х годов 20 века с работ А.И. Белича, где он описывает текст как синтаксическо-семантическое целое [Белич, 1947].

Теория текста получила дальнейшее развитие в 70х годах 20 века в работах Г.Я. Солганика, О.И. Москальской, З.Я. Тураевой и многих других.

В 1981 году выходит работа И.Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» и текст становится предметом лингвистики текста и «произведением речетворческого процесса, обладающим завершенностью, объективированным в виде письменного документа, литературно обработанным в соответствии с типом этого документа, произведением, состоящим из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединенных разными типами лексическое, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007, с. 144].

О.Л. Каменская в своей работе «Текст и коммуникация» пишет о тексте как об основном средстве вербальной коммуникации» [Каменская, 1996].

По мнению В.П. Белянина, художественный текст отражает действительность, соотнося содержание с затекстовой реальностью [Белянин, 2000].

М.Ю. Лотман подчеркивал роль автора в тексте «В тексте скрывается сам автор, текст есть свидетельство о нём; каждое творение содержит в себе в том или ином виде образ своего творца» [Лотман, 1998, с. 14].

В.А. Пищальникова пишет о том, что «художественный текст можно определить как коммуникативно направленное вербальное произведение, обладающее эстетической ценностью, выявленной в процессе его восприятия» [Пищальникова, 1984, с. 59].

М.М. Бахтин расширил понятие «текста», рассуждая о его «диалогичности» и «полифонизме». Он считал, что текст есть «первичная данность» всех наук [Бахтин, 1986, с. 543].

Важнейшей характерной особенностью текста Бахтин считает его диалогический характер: «Диалогические отношения между текстами и внутри текста. Их особый (не лингвистический) характер. Диалог и диалектика». [Бахтин, 1986, с. 543].

Диалогический характер текста нашел свое отражение в его поликодовости.

Современная действительность многозначна и поликодова по своей природе. Такие процессы как глобализация, цифровизация, поликодовость культур, всеобщая доступность электронного знания привели к формированию новой системы восприятия информации, основанной прежде всего на зрительном, образном, наглядном компоненте и, как следствие, к появлению поликодового текста - нового вида текстов в широком понимании этого слова.

Восприятие поликодового текста требует от рецепиента задействования одновременно нескольких сенсорных каналов получения информации. При этом поликодовые тексты негетогенны по своей природе и включают сразу несколько компонентов: текстовый, вербальный, аудиальный, визуальный. Синтез этих компонентов обеспечивает мультимодальный характер восприятия информации рецепиентом.

Первый этап изучения поликодовых текстов пришелся на 80-е гг. 20 века и работы по педагогической психологии, посвященные изучению влияния иллюстраций на понимание и запоминание вербального текста [Levie, Lentz, 1982]; [Levin, Anglin, Carney, 1987]). Второй этап наступил в 90-х гг. XX века и ознаменовался когнитивными исследованиями [Glenberg, Langston, 1992]; [Gyselinc, 1995]; [Johnson-Laird, 1991].

Однако, длительное время лингвистика изучала только вербальную составляющую текста, игнорируя его невербальный компонент.

До недавнего времени под текстом понималось «упорядоченное множество предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способных передавать определенным образом организованную и направленную мысль» [Тураева, 1986, с. 226].

Н. С. Валгина ввела понятие текста в качестве «многоаспектной единицы, при определении которой должны учитываться не только его материальная структура, но и экстралингвистические показатели, а также роли участников коммуникации [Валгина, 2003].

В современной отечественной лингвистике используются различные термины для обозначения семиотически негетогенных текстов, такие как: креолизованные (Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов; Н. С. Валгина, И. В. Харченкова), поликодовые (В.Е. Чернявская, Л. М. Такумбетова), лингвовизуальные (Л.М. Большянова), гетерогенные (М. А.Ишук), видео-вербальные (Т. Г. Добросклонская), полимодальные (Е.Д.Некрасова), семиотически осложненные (А. В. Протченко).

На данный момент среди лингвистов нет единого мнения по вопросу сущности поликодового, или креолизованного текста. Термин «креолизованный текст» был введен Ю. А. Сорокиным и Т. Ф. Тарасовым, которые утверждали, что «креолизованные тексты – это тексты, фактура которых состоит из двух негетогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 227].

Е. Е. Анисимова утверждает, что «креолизованный текст предстает сложным текстовым образованием, в котором вербальные и иконические элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата» [Анисимова, 1992, с. 128].

При всем разнообразии терминов исследователи сходят во мнении, что поликодовые тексты гетерогенны и основаны на двух или более семиотических системах.

В целом к поликодовым, креолизованным текстам можно отнести современные рекламные тексты, комиксы, граффити, плакаты, видеоклипы, мюзиклы, фильмы, веб-сайты. Аналогично можно назвать такие поликодовые тексты текстами нового порядка и, расширив их понимание, отнести к ним также тексты

вербально-аудиальные, вербально-визуальные, вербально-аудио-визуальные, вербально-аудио-тактильно-обонятельные, театральные постановки, перформансы, энвайронменты и хеппенинги.

Поликодовые тексты, или тексты нового порядка несут в себе несколько функций по Анисимовой, в частности, аттрактивную, информативную, экспрессивную и эстетическую [Анисимова, 1992, с. 130].

В целом, как таковой термин поликодности используется отечественной лингвистической школой, а то время как зарубежным лингвистам более привычен термин мультимодальность.

Мы в разграничении понятий поликодности и мультимодальности придерживаемся точки зрения В.Е. Чернявской, в рамках которой в своей работе «Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты» она пишет об особом качестве текстуальности в поликодовом тексте, о возникновении динамических отношений коммуникантов (автора и читателя). Средствами поликодности автор ведет диалог с читателем, который, в свою очередь, вступает в этот диалог, носящий мультимодальный характер.

Ярким образцом поликодового текста является современный графический роман.

Первый комикс появился в Великобритании в 1884 году. Однако, наибольшее распространение комиксы получили в США с начала 20 века.

При этом драматические исторические события, такие как Великая депрессия, Первая и Вторая мировые войны повлияли на изменение жанровой составляющей комиксов, способствуя появлению графического романа как жанра серьезной литературы. Графические романы стали основой формирования национального самосознания и памяти, средством культурного и эстетического воспитания.

Графический роман является частью современной культуры, формой литературного художественного произведения, сочетающего в себе элементы литературы и изобразительного искусства, и отличается от комикса более сложным и многогранным сюжетом, большим вниманием к моральным устоям и психологическому состоянию героев, выявлением причинно-следственной связи их решений, поступков и их мотивации.

Графический роман несомненно является примером художественного гибридного поликодового текста, имеющего выраженную мультимодальную составляющую. Целостность произведения сохраняется путем единства вербального, визуального, и иконоческого представлений информации, а мультимодальность приводит к установлению эффективного взаимодействия автора и читателя за счет представления авторской картины мира в разных семиотических системах.

Сложность графического романа как мультимодального текста состоит в том, что визуальный код (не выступая в рамках графических романов первичным) не просто сопровождает текст (вербальный код), но и влияет на восприятие читателя, создавая определенный дополнительный контекст.

В качестве примера поликодового текста можно рассмотреть англоязычный графический роман автора-комиксиста Ванны Винчи «Фрида: история ее жизни» [Vinci, 2017].

Ванна Винчи создала роман в 2017 году, посвятив его описанию жизни и творчества мексиканской художницы Фриды Кало.

Сложно представить себе более яркую фигуру в мире искусства, чем Фрида в качестве героини графического романа. Ее жизнь, полная боли и трагедии сама по себе стала историей. На 160 страницах биографического графического романа Ванна Винчи смогла отразить мятежный дух Фриды, ее боль, страдания и жажду творчества, пригласив читателя к диалогу.

Вербальный ряд романа построен по принципу мемуарного текста с учетом специфики представления текста в жанре графического романа. Мемуарный характер текстовой части романа создается за счет шрифта, филактеров и параграфики.

На уровне визуального ряда особую роль играет цвет и яркость. В отличие от картин и автопортретов Фриды, исполненных в «кричащих» ярких мексиканских тонах, ярким и контрастным остается только красно-зеленая обложка романа. В самом романе цвета скорее пастельные, как будто не позволяющие себе отвлечь внимание от мыслей художницы, истории ее жизни. Чем трагичнее становятся описываемые вербальным рядом события из жизни героини, тем более пастельными и блеклыми становятся цвета визуального ряда. За счет этого усиливается контраст между вербальным и визуальным, обеспечивается диалогизм данного поликодового текста в рамках восприятия читателя.

В целом, цвет в графическом романе несет ряд важных функций для диалога (коммуникации) автора и читателя. К таким функциям относятся:

Символизм (традиционно определенные цвета в сознании индивидуума ассоциируются с какими-то понятиями, например, зеленый со свежестью, голубой и белый - с чистой мыслью и поступком, красный - с экспрессией или агрессией и так далее);

Эмоция (цвета в графическом романе транслируют эмоции автора реципиенту, создавая за счет мультимодального восприятия последнего специфичный эмотивный фон);

Композиция (смена палитры для отражения смены событий, осветление или затемнение фона для передачи смены настроения или мировосприятия персонажей);

Ритм (чередование цветов с нагнетанием яркости или наоборот выгорания цвета для создания динамики восприятия).

Как уже отмечалось выше, в плане цветопередачи графический роман «Фрида: история ее жизни» отличается от многих других артграфических романов. В частности, являясь артграфическим романом мемуарного типа (вербальный код построен по принципу мемуаров), он отличается превалированием

пастельного и зачастую белого фона, что, с одной стороны, делает его похожим на дневник художницы, а, с другой стороны, ассоциируется с белым холстом, на котором Фрида в очень реалистичной манере рисует свою жизнь.

В романе трагичные моменты жизни художницы находят свое отражение в визуальном ряде в виде пастельных тонов. И в этом плане цвет отличается особым нетипичным символизмом, что укладывается в картину мира Фриды. Красный – это не агрессия, а страсть и жажда жизни. Зеленый – не спокойствие и свежесть, а тайна и мистика. Пастельные оттенки коричневого, зеленого, синего – не спокойствие, а боль и трагедия. И, наконец, черный не смерть, а жизнь на грани со смертью, когда смерть становится близкой подругой, тайным возлюбленным, сердечным другом.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что современный художественный англоязычный дискурс находит свое отражение в поликодовом тексте, дискурсивность которого реализуется за счет совмещения в одном тексте средств художественной выразительности разных семиотических систем. Графический роман как поликодовый мультимодальный текст, особенно, артграфический графический роман мемуарного типа, создает особый диалогизм в отношениях коммуникантов (автора и реципиента), отличается специфическим вербальным и визуальным кодом, где цвет зачастую нетипично символичен и ритмичен.

Литература

- Анисимова, Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 128, 130.
- Арутюнова Н.Д. Дискурс. М.: ЛЭС. 1990.
- Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 543
- Белич А.И. К вопросу о распределении грамматического материала по главным грамматическим дисциплинам / Вестник МГУ. М.: 1947.
- Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола. 2000.
- Валгина, Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. С. 144
- Каменская, О.Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. М., 1996.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, аспекты, дискурс. Волгоград. Перемена. 2002. С. 477
- Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов. М.: Институт языкознания РАН. 2002.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998. С. 14.
- Михалева О.Л. Политический дискурс на оси времени / Время в социальном, культурном и языковом измерении. Иркутск. 2004
- Пищальникова В.А. Проблема лингвоэстетического анализа текста. – Барнаул, Изд-во Алтайского ун-та, 1984. С. 59
- Руберт И.Б. Текст и дискурс: к определению понятий. СПб.: Изд-во СПб гос. унив. экономики и финансов. 2001.
- Сорокин, Ю.А., Тарасов, Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. М.: Наука. 1990. С. 227.
- Тураева З.Я. Лингвистика текста. М.: Просвещение, 1986. С. 226.
- Фуко М. Порядок дискурса (Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности). М.: Центр гуманитарных технологий. 1996.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность.. М.: Либроком, 2009.
- Carney R.N., Levin Joel R. (2002). Pictorial illustrations still improve students' learning from text. *Educational Psychology Review*. Vol. 14. No. 1. March 2002.
- Glenberg, A. M., & Langston, W. E. Comprehension of illustrated text: Pictures help to build mental models. *Journal of Memory and Language*, 31. 1992
- Gyselincq, V. Les modèles mentaux dans la compréhension de textes le rôle des illustrations. Thèse de doctorat. Université de Paris V. 1995
- Johnson-Laird P. N. Rhythm and meter: A theory at the computational level // *Psychomusicology*. 1991
- Levie W.H., Lentz R. Effect of text illustrations: A review of research // *Educational communication and technology journal*. 1982
- Levin J.R., Anglin G.J., Carney R.N. On empirically validating functions of pictures in prose // D.M. Willows, H. Houghton (eds.). *The psychology of illustrations*. V. 1: Basic research. New York, 1987.
- Vinci V. Frida. The story of her life. Prestel. 2017

References

- E.E. Anisimova. Paralingvistika i tekst (k probleme kreoлизovannykh i gibridnykh tekstov) [Voprosy jazykoznanija]. Moskva, 1992. 128-130 p.

- N. D. Arut'unova. Diskurs. Moskva, 1990.
- M. M. Bakhtin. Literaturno-kriticheskiye stat'i [Khudozhestvennaya Literature]. Moskva, 1986. 543 p.
- A. I. Belich. K voprosy o raspredelenii grammaticheskogo materiala po glavnym grammaticheskim disziplinam [Vestnik MGU]. 1947.
- V. P. Bel'anin. Osnovy psikhologicheskoy diagnostiki [Modeli mira v literature [Trivola]. Moskva, 2000.
- N. S. Valgina. Teoria teksta [Logos]. Moskva, 2003.
- I. R. Gal'perin. Tekst kak object lingvisticheskogo issledovanija [KomKniga]. Moskva, 2007. 144 p.
- O. L. Kamenskaya. Lingvistika na poroge XXI veka [Lingvisticheskie marginalia]. Moskva, 1996.
- V. I. Karasik. Jasykovoy krug: lichnost', aspekty, diskurs [Peremena]. Volgograd, 2002. 477 p.
- A. A. Kibrik. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikazii diskursov [Institut jazykoznanija RAN]. Moskva, 2002.
- Y. M. Lotman. Struktura khudozhestvennogo teksta. Lotman Y.M. Ob iskusstve [Iskusstvo]. Sankt-Peterburg, 1998. 14 p.
- O. L. Mikhal'jeva. Politicheskij diskurs na osi vremeni [Vremia v sozial'nom, kul'turnom i jazykovom izmerenii]. Irkutsk, 2004
- V. A. Pischal'nikova. Problema lingvoesteticheskogo analiza teksta [Izdatel'stvo Altajskogo universiteta], Barnaul, 1984. 59 p.
- I. B. Rubert. Tekst i diskurs: k opredeleniyu ponyatij [Izdatel'stvo SPb gos. univ.ekonomiki i finansov]. Sankt-Peterburg, 2001.
- Y. A. Sorokin, E. F. Tarasov. Kreolizovannye teksty i ikh kommunikativnaya funkzia [Nauka]. Moskva, 1990. 227 p.
- Z. J. Turaveva. Lingvistika teksta [Prosveschenie]. Moskva, 1986. 226 p.
- M. Fuko. Porjadok diskursa (Vol'a k istine: Po tu storony vlasti i seksual'nosti) [Zentr gumanitarnykh tekhnologij]. Moskva, 1996.
- V. E. Chernyavskaya. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Librokom]. Moskva, 2009.
- R. N. Carney, R. J. Levin. Pictorial illustrations still improve students' learning from text [Educational Psychology Review]. March, 2002. 5–26 p.
- A. M. Glenberg, W.E. Langston. Comprehension of illustrated text: Pictures help to build mental models [Journal of Memory and Language]. 1992.
- V. Gyselinck. Les modèles mentaux dans la compréhension de textes le rôle des illustrations [Thèse de doctorat]. Université de Paris, 1995.
- P. N. Johnson-Laird. Rhythm and meter: A theory at the computational level [Psychomusicology]. 1991.
- W.H. Levie, R. Lentz. Effect of text illustrations: A review of research [Educational communication and technology journal]. 1982.
- J. R. Levin, G. J. Anglin, R. N. Carney. On empirically validating functions of pictures in prose .D.M. Willows, H. Houghton (eds.) [The psychology of illustrations]. New York, 1987.
- V. Vinci. Frida. The story of her life [Prestel]. 2017.

Антонова К. Н., Фиалкина Л. В.
Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА БРИТАНСКОГО ДИСКУРСА 21 ВЕКА

Проблема поиска национальной идентичности, ознаменовавшая собой рубеж веков в британской культуре, не теряет своей актуальности, а расширяет свое проникновение в различные типы дискурса. Анализ речевых маркеров поиска национальной идентичности в разных типах дискурса с применением методов корпусной лингвистики позволяет сделать вывод о значительном увеличении роли концепта NATIONAL IDENTITY как системообразующего для британского дискурса 21 века.

Ключевые слова: национальное самосознание; языковая идентичность; дискурс; дискурс анализ; британский национальный корпус

Antonova K. N., Fialkina L. V.
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation

SEARCH FOR NATIONAL IDENTITY AS A PROBLEM OF THE BRITISH DISCOURSE OF THE 21ST CENTURY

The problem of the search for national identity, which marked the turn of the century in British culture, does not lose its relevance, but expands its penetration into various types of discourse. The analysis of speech markers of the search for national identity in different types of discourse using the methods of corpus linguistics allows us to conclude that there is a significant increase of the role of the concept of NATIONAL IDENTITY as system-forming for the British discourse of the 21st century.

Keywords: national identity; linguistic identity; discourse; discourse analysis; British National Corpus

Вопросы национальной идентичности выходят на первый план в кризисные моменты развития любого общества. Проблема национальной идентичности приобретает все большую остроту и становится объектом исследований гуманитарных наук. Понятия «национальная идентичность или национальное сознание» исследуются с точки зрения истории, философии, психологии, лингвистики, культурологи, социологии, экономики, когнитивной лингвистики и многих других междисциплинарных областей.

Актуальность изучения данного вопроса обусловлена усиливающимся интересом к исследованию национальной специфики, что является особенно значимым в эпоху глобализации [Батырев, 2007], [Тадевосян, 2020], [Акопова, 2014], хотя, процессы деглобализации, к которым мы можем отнести ковидные ограничения, также являются знаковыми для самоидентификации. В работах политолога Коновалова В. Н., философов Мельникова А. П., Овсянниковой Т. А., западных и советских социологов Бела Д., Поппера К., Арона Р., Тоффлера Е., Бжезинского З., Биккенина Н., Уледова А. и других изучаются различные аспекты понятия национального сознания, процессов его формирования и последующего влияния на индивидуумов и жизнь общества.

Национальная идентичность в современной лингвистике рассматривается в различных ракурсах и типах дискурса. Большое количество работ посвящено изучению национальной идентичности в политическом дискурсе англоязычной прессы [Блинова, 2017], [Кауфова, 2018], [Юськаева, 2018] в англоязычном медиадискурсе [Мосягина, 2020] и политическом медиадискурсе [Ширяев, 2017]. Историк Кауганов Е. Л. В своих исследованиях пользуется дискурс-анализом для изучения национальной идентичности на материалах международных документов, законодательных актов, статистических и социологических исследованиях [Кауганов, 2015].

В лингвистике важным представляется рассмотрение национальной идентичности через ее связь с языком, так как «язык тесно связан не только с культурой, но и с духовным миром человека, его мышлением и сознанием» [Маслова, 2021, с. 825]. Такие исследователи, как Маслова В. А., Тарасов Е. Ф., Кабалоева Л. Б., обсуждают взаимосвязь мышления, ментальности, сознания и языка. Так, Кабалоева рассуждает о присущности «национального, специфичного характера» языку, а также отмечает влияние «образов сознания на мышление» [Кабалоева, 2009, с. 259]. Выготский Л. С. был одним из первых ученых, начавших

изучать категорию идентичности. Он отмечал целостность сознания и необходимость его рассмотрения через поведение человека и его речевую деятельность.

Языковое сознание активно изучается в таких междисциплинарных отраслях, как психолингвистика и когнитивная лингвистика. Существуют различные подходы и разные интерпретации данного понятия. Так, Тарасов Е. Ф., Попова З. Д., Стернин И. А. разграничивают понятия сознание и языковое сознание. Красных В. В. рассматривает языковое сознание как часть сознания. Гальперин П. Я. подразумевает под сознанием образ мира, в который включается совокупность всех языковых значений (исторических, специфических для определенного народа). Абельдинова Ж. Б. указывает, что основой всех современных психолингвистических исследований является изучение языкового сознания. Автор отмечает неразрывность связи между языком и сознанием, «органическое, и в то же время противоречивое единство» [Абельдинова, 2018, с. 37].

Актуальность данной работы заключается в исследовании двухкомпонентного концепта NATIONAL IDENTITY, сложного по структуре и в то же время цельного в плане номинации. Подобные исследования в настоящий момент приобретают все большую распространенность на материале разных языков. Так, Цветкова исследует концепты «здравый смысл», «честная игра», Кирнозе З. И. изучает «республиканские ценности», «дух рыцарства», «дух критицизма», а Липина Е. А. «Время военное/Kriegszeit» [Липина, 2008].

Концепт NATIONAL IDENTITY является сложным концептом, имя которого включает в себя две составляющие: NATIONAL и IDENTITY. Двухкомпонентная структура концепта NATIONAL IDENTITY определила специфику методики его описания: одновременный анализ каждой составляющей его имени на основе словарей, выявление семантической целостности ядра и понятийного слоя данного концепта, а также выявление его ассоциативно-образного наполнения. Анализ лексикографических источников позволяет выделить семантические доминанты обоих компонентов имени концепта, которые формируют предметно-понятийный слой и выявить основное значение концепта.

Доминантой концепта NATIONAL является лексема nation в значении «нация». Языковыми репрезентантами концепта NATION являются прилагательные national, nationalistic, nationalist, nationwide, наречия nationally, nationalistically, существительные nationalist, nationalization, nationaliser, nationalism, national, nationality, глагол nationalize.

Общими признаками концепта NATIONAL являются: связанный с определенной группой лиц по какому-либо признакам. К признакам могут относиться происхождение, принадлежность в стране, нации, этносу. Данное понятие является многогранным и многокомпонентным.

Доминантой концепта IDENTITY является лексема identity. Языковыми репрезентантами концепта IDENTITY являются глагол identify существительное identification, прилагательные identical, identifiable

Общим признаком концепта IDENTITY является понятия единения, уникальности, отличительности.

Словосочетание NATIONAL IDENTITY описывается как:

- the feeling that people in a country share characteristics, culture and traditions [Macmillan] (ощущение разделения характеристик, культуры и традиций людьми внутри страны)

- a person's identity or sense of belonging to one or more states or to one or more nations [Wikipedia] (идентичность или чувство принадлежности человека к одному или более государству или нациям)

- the attachment people feel to their nation (преданность, которую люди ощущают к своей нации)

- national citizenship [Google] (чувство национального гражданства).

Понятие национальной идентичности относится к чувству принадлежности к нации, культуре, традициям, государству.

Интересно отметить, что анализ толковых и словообразовательных англоязычных лексикографических источников в большинстве случаев не выделяет понятие NATIONAL IDENTITY, предлагая к изучению его составляющие компоненты: national and identity, и ограничиваясь такими понятиями, как national debt (государственный долг), national income (национальный доход), national wealth (национальное богатство), national security (национальная оборона) и другими.

Наиболее вариативное определение термина представлено электронным издательством IGI Global, объединяющим современные книги, научные журналы, толковые словари в 200 актуальных научных направлениях с 2000 года по настоящее время.

Помимо отмеченных ранее значений, данный источник определяет NATIONAL IDENTITY КАК:

- a common culture, understanding of the past, and aspiration for the future that binds a group of people together and fosters a sense of belonging to a nation. (общая культура, понимание прошлого, устремления в будущее, которые объединяют людей вместе и воспитывают чувство принадлежности к нации)

- the sense of a nation as a cohesive whole, as represented by distinctive traditions, culture, and language. (чувство нации это сплоченное единство, представленное отличительными традициями, культурой, и языком)

- the unifying force that connects the people of one country. The binding factors vary across cultures, but racial and religious affiliations and common sociocultural backgrounds are two of the most common measures of national identity. (объединяющая сила, сплочающая людей одной страны. Связывающие факторы различаются между культурами, но расовая и религиозная принадлежность и общий социокультурный опыт являются двумя факторами, определяющими национальную идентичность)

- set of self-perceptions and shared memories of the nation. (субъективное восприятие и общая память нации) [IGI-Global].

В семантическое поле концепта NATIONAL IDENTITY входят следующие понятия: national originality, national peculiarity, national distinctiveness, national uniqueness, national citizenship, a sense of a nation, a sense of national identity, national color/colour, national affiliation, national morale, national consciousness, national self-image, national identification, own identity, ethnic identity, common identity, ethnic self-awareness, self identity, self identification, nationhood, selfhood, self, sameness, individualism, nativism, independence, identity, identicalness, approximation, indistinguishability, oneness, equality, specialness, unique character, self awareness, singularity, onliness, uniqueness, distinguishing characteristics, exceptionalism, all its own.

В русском языке лексемами, вербализующими словосочетание НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ являются: национальный дух, национальное чувство, национальное единство, национальная общность, государственное единство, самость, самостийность, натовизм, национальная неповторимость, национальная спесь, патриотизм, национальный характер, национальная черта, народность, стремление к национальной независимости, национальное своеобразие, этно-национальная идентичность, социокультурная идентичность, национальное мировосприятие, национальная социокультурная самобытность, культурно-историческое своеобразие, культурно-историческое своеобычие, лицо страны, тождественность, уникальность, идентичность, самосознание, отличительная черта, самоотжествление, самоидентификация, самобытность, идентитет, соразмерность.

Анализ репрезентации двукомпонентного концепта NATIONAL IDENTITY мы будем проводить на основе корпусов базы данных <https://www.english-corpora.org/>. Выбор обусловлен обширными возможностями данного источника, широким разнообразием типов текста (включая новостной, художественный, научный и другие), и возможностью дифференциации информации по временному периоду. Для получения максимально полной информации нами было рассмотрено несколько корпусов.

British National Corpus (BNC) - Британский национальный корпус содержит 100 миллионов слов, образцы письменного и разговорного британского английского языка из широкого круга источников. Временной период: конец XX века, широкое разнообразие жанров.

News on the WEB (NOW) – один из самых актуальных языковых корпусов в отношении периода исследования: он охватывает период с 2010 г. и пополняется по настоящее время. Он включает материалы публицистики и социальных сетей 20 стран и насчитывает более 14,9 млрд. слов.

Hansard Corpus включает речи, произнесенные в Британском Парламенте в период с 1803 по 2005 гг. База данных насчитывает 1,6 млрд. слов.

Google Books Ngram позволяет строить графики частотности языковых единиц на основе массива печатных источников. В рамках данного ресурса мы исследовали британский английский, насчитывающий 34 млрд. слов, в период с 1960 по 2000 гг.

По данным Hansard Corpus можно отследить, как увеличивается частотность использования словосочетания NATIONAL IDENTITY в парламентских выступлениях с разбивкой по десятилетиям, приобретает особую актуальность в девяностые годы прошлого столетия, и в начале 21 века. Политический дискурс отражает важность данного понятия на уровне государства.

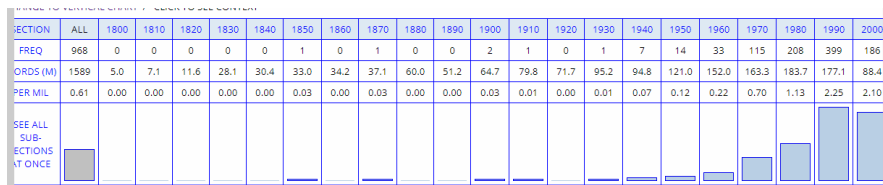

Рис. 1. <https://www.english-corpora.org/hansard/> (дата обращения 07.04.2022)

Принимая во внимание экстралингвистические факторы, к которым относятся процессы обсуждения независимости колоний от Британской Империи, затронувшие более 20 стран во второй половине 20 века, процесс передачи суверенитета над Гонконгом в 1997 г., и образованием Европейского союза, мы предполагаем, что лингвокультурный концепт NATIONAL IDENTITY является важным для Великой Морской Державы.

Корпус BNC дает нам возможность сделать более узкую выборку частотности понятия NATIONAL IDENTITY в рамках определенных типов текста и рассмотреть его в периоде двух десятилетий с 1980х по 1993 гг.

SECTION (CLICK FOR SUB-SECTIONS) (SEE ALL SECTIONS AT ONCE)	FREQ	SIZE (M)	PER MIL	CLICK FOR CONTEXT (SEE ALL)
SPOKEN	0	10.0	0.00	
FICTION	1	15.9	0.06	
MAGAZINE	9	7.3	1.24	
NEWSPAPER	5	10.5	0.48	
NON-ACAD	41	16.5	2.49	
ACADEMIC	46	15.3	3.00	
MISC	16	20.8	0.77	
TOTAL	118			SEE ALL TOKENS

Рис. 2. <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения 07.04.2022)

Согласно графику, интерес к вопросам национальной идентичности в указанный период возникает не только в научном дискурсе, но и в медиадискурсе и неакадемических источниках. Следует отметить, что художественный текст в данный временной период еще не отражает общих настроений англоговорящего сообщества, и мы предполагаем последующее увеличение частоты встречаемости данного словосочетания и в художественной литературе, о чем можно сделать вывод по анализу корпуса Google Books n-gram, где отражена встречаемость словосочетания NATIONAL IDENTITY в названиях литературных произведений в более поздний период. Согласно графику, использование термина значимо увеличивается в 90е и начало двухтысячных. Таким образом, именно в этот период времени вербализация концепта NATIONAL IDENTITY усиливается в британском художественном дискурсе.

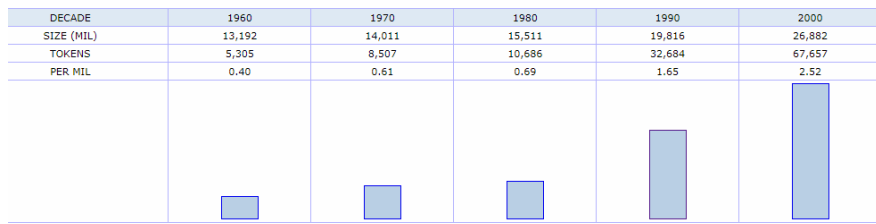

Рис. 3. <https://www.english-corpora.org/googlebooks/x.asp> (дата обращения 07.04.2022)

В ходе нашего исследования был также рассмотрен корпус NOW, который представляет частотность использования понятия NATIONAL IDENTITY в медиа и интернет-дискурсах за последние 20 лет.

SECTION	ALL	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
FREQ	27602	434	496	616	773	889	935	3084	3508	3168	3979	3379	3421	2920
WORDS (M)	16100	244.1	304.8	371.3	401.5	429.4	512.5	1,531.3	1,746.5	1,569.1	1,987.5	2,607.8	2,449.2	2,134.7
PER MIL	1.71	1.78	1.63	1.66	1.93	2.07	1.82	2.01	2.01	2.02	2.00	1.30	1.40	1.37
SEE ALL SUB-SECTIONS AT ONCE														

Рис. 4. <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения 20.10.2022)

Сравнивая частотность использования словосочетания, мы можем сделать выводы о том, что концепт NATIONAL IDENTITY не только остается важным в начале 21 века, а также предположить, что он останется актуальным и в дальнейшем, особенно на фоне процессов деглобализации, затронувших все мировые державы.

В нашей работе мы проанализировали предметно-понятийный слой концепта NATIONAL IDENTITY. Дальнейшее изучение концепта, который вряд ли утратит свою актуальность в ближайшее время, будет предпринято в направлении изучения образной, ценностной, ассоциативной и этимологической составляющих.

Литература

- Абельдинова Ж. Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен. Нефилология. - 2018. - Т. 4. - № 14. - С. 33-43.
- Акопова Е.С., Альбеков А.У., Полуботко А.А. Национально-государственный суверенитет в условиях глобализации: дискурс идентичности. Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2014. № 4 (48). С. 11-16.

- Батырев Д.Н. Дискурс национальной идентичности в эпоху глобализации. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2007. № 4 (35). С. 10-14.
- Блинова О. А. Национально-культурные особенности политического дискурса англоязычной прессы (на материале статьи журнала «The Economist») // Научный диалог. 2017. № 3. С. 19-30
- Кабалоева Л.Б. Язык и мышление в свете современных психолингвистических представлений. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2009. - №7 (75). - С. 256-259.
- Кауганов Е.Л. Содержание и динамика немецкой национальной идентичности после второй мировой войны (1945-2000-е гг.) автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, 2016
- Липина Е. А. Реализация лингвокультурного концепта «Время военной/Kriegszeit» в диалектах К. М. Симонова и Э. М. Ремарка (на материале текстов военной прозы) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. А. Липина – Тюмень, 2008. – 26 с.
- Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками – к новым проблемам и направлениям. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семiotика. Семантика. -2021. - Т. 12. - № 3. - С. 823-847.
- Мосягина М.С. Национальная идентичность и ее вербальное отражение в англоязычном медиадискурсе. Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 2. С. 169-175.
- Тадевосян Ж.А. Дискурс национальной идентичности в эпоху глобализации. Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2020. № 1 (34). С. 25-34.
- Ширяев Н.С. Коммуникативные стратегии репрезентации национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2018
- Юсъяева Э.И. Репрезентация ценностей в британском политическом дискурсе о национальной идентичности. В сборнике: Иностранные языки в XXI веке: актуальные вопросы лингвистики, теории перевода и методики преподавания иностранных языков. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Под редакцией Ю.А. Шурыгиной. 2018. С. 84-89.

References

- Abel'dinova ZH. B. YAzykovoe soznanie kak psiholingvistichekij fenomen. Neofilologiya. - 2018. - Т. 4. - № 14. - S. 33-43.
- Akopova E.S., Al'bekov A.U., Polubotko A.A. Nacional'no-gosudarstvennyj suverenitet v usloviyah globalizacii: diskurs identichnosti. Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINH). 2014. № 4 (48). S. 11-16.
- Batyrev D.N. Diskurs nacional'noj identichnosti v epohu globalizacii. Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki. 2007. № 4 (35). S. 10-14.
- Blinova O. A. Nacional'no-kul'turnye osobennosti politicheskogo diskursa angloyazychnojpressy (na materiale stat' i zhurnala "The Economist") // Nauchnyj dialog. 2017. № 3. S. 19-30
- Kabaloeva L.B. YAzyk i myshlenie v svete sovremennyh psiholingvistichekikh predstavlenij. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. - 2009. - №7 (75). - S. 256-259.
- Kauganov E.L. Soderzhanie i dinamika nemeckoj nacional'noj identichnosti posle vtoroj mirovoj vojny (1945-2000-e gg.) avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk / In-t etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN. Moskva, 2016
- Lipina E. A. Realizacija lingvokul'turnogo koncepta "Vremya voennoe/Kriegszeit" v idiolektah K. M. Simonova i E. M. Remarka (na materiale tekstov voennoj prozy) : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk : 10.02.20 / E. A. Lipina – Tyumen', 2008. – 26 s.
- Maslova V.A. Cherez sinergeticheskij soyz lingvistiki s drugimi naukami – k novym problemam i napravleniyam. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. -2021. - Т. 12. - № 3. - S. 823-847.
- Mosyagina M.S. Nacional'naya identichnost' i ee verbal'noe otrazhenie v angloyazychnom mediadiskurse. Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2020. T. 26. № 2. S. 169-175.
- Tadevosyan ZH.A. Diskurs nacional'noj identichnosti v epohu globalizacii. Vestnik Rossijsko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2020. № 1 (34). S. 25-34.
- SHiryayev N.S. Kommunikativnye strategii reprezentacii nacional'noj identichnosti v politicheskom mediadiskurse (na materiale anglijskogo i francuzskogo yazykov). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk / Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet im. N.G. Chernyshevskogo. Saratov, 2018
- YUs'kaeva E.I. Reprerentaciya cennostej v britanskom politicheskom diskurse o nacional'noj identichnosti. V sbornike: Inostrannye yazyki v XXI veke: aktual'nye voprosy lingvistiki, teorii perevoda i metodiki

prepodavaniya inostrannyh yazykov. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod redakciej YU.A. SHuryginov. 2018. S. 84-89.

Источники (Dictionaries)

Google Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://googledictionary.freecollocation.com/meaning?word=national%20identity> (дата обращения 09.04.2022).

IGI-Global [Электронный ресурс]. URL: <https://www.igi-global.com/dictionary/national-identity/43883> (дата обращения 20.10.2022)

Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/national-identity> (дата обращения 09.04.2022).

Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/National_identity (дата обращения 20.10.2022).

ВСТРЕЧА КУЛЬТУР В КОЛОНИАЛЬНОЙ ЧЕРНОЙ АФРИКЕ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, КАНАЛЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ (ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ)

Автор предлагает использовать термин «встреча культур» понимаемый как длительный, а не одномоментный процесс. Он представляется автору предпочтительнее термина «взаимодействие цивилизаций» по ряду причин. Этот процесс осуществлялся через ряд каналов. Первым и очень важным из них, значение которого трудно переоценить, как правило, была миссионерская станция и школа. Среди других каналов встречи культур можно назвать в частности, светское образование, хозяйственную и профессиональную деятельность африканцев. В результате, приобретая отдельные элементы западной культуры, в том числе поведенческой, африканцы не утрачивали основ собственной культуры. В результате в различных сферах материальной и духовной жизни африканцев происходил некий синтез. Автор предлагает широко использовать концепцию колониального синтеза при исследовании африканских колониальных обществ.

Ключевые слова: Черная Африка, колониальное общество, встреча культур, миссионерские станции и школы, африканское и западное в сознании колонизованных, колониальный синтез.

Balezin A.
Institute of World History
Moscow, Russian Federation

THE ENCOUNTER OF CULTURES IN COLONIAL BLACK AFRICA: TERMINOLOGY, CHANNELS, RESULTS (AN INVITATION FOR DISCUSSION)

The author suggests using the term “encounter of cultures” understood as a long, rather than a one-step process. It seems to the author preferable to the term “interaction of civilizations” for a number of reasons. This process was carried out through a number of channels. The first and very important of them, the importance of which is difficult to overestimate, as a rule, was the mission station and school. Other channels of encounter of cultures include, in particular, secular education, economic and professional activities of Africans. As a result, by acquiring certain elements of Western culture, including behavioral, Africans did not lose the foundations of their own culture. As a result, a kind of synthesis took place in various spheres of the material and spiritual life of Africans. The author proposes to widely use the concept of colonial synthesis in the study of African colonial societies.

Keywords: Black Africa, colonial society, encounter of cultures, missionary stations and schools, secular education, African and Western in the minds of colonized, colonial synthesis.

О терминах. Известен принцип «О терминах не спорят, а уславливаются». Термин «встреча культур», понимаемый как длительный, а не одномоментный процесс (именно второе понимание вызывает сомнение), представляется автору предпочтительнее термина «взаимодействие цивилизаций» (ныне даже входит в моду понятие «цивилизационный транзит, однако, все же о более позднем периоде) по ряду причин.

Встреча культур не обязательно предполагает их взаимодействие. Да и взаимодействие, как это обычно бывало в колониальной Африке, было отнюдь не равным в обе стороны. Найти сведения о фактах воздействия африканской стороны на европейскую куда труднее, чем о воздействии европейцев на африканцев, о котором написано бесконечно много.

И все же это вполне возможно. О.В. Воробьева, например, отмечает, что в ряде случаев взаимодействие культур было и остается весьма ощутимым: «В целом возникает картина взаимодействия, в результате которого все стороны получают и «присваивают» что-то, имеющееся и происходящее в культурах друг другу. Культурный трансфер приводит к изменениям - как культуры-реципиента, так и культуры воздействующей» [Воробьева, 2020, с. 77]

Каналы встречи культур. Этот процесс осуществлялся через ряд каналов, первым из которых, возникавшим, как правило, еще до официального установления колониального управления, была миссионерская станция и школа. И значение этого канала трудно переоценить. В свое время мне приходилось об этом много писать в связи с исследованием о немецких поселенцах в ЮЗА [Балезин, 1996]. Тогда положительная оценка деятельности миссионеров казалась новой, (мне пришлось отстаивать ее и в Берлине в начале 90-х на конференции «Миссия и насилие»). Как ни странно, она кажется новой и сейчас, что показала дискуссия по диссертации А.О. Лапушкиной в Институте Африки 28 сентября 2022 г. [Лапушкина, 2022].

Поэтому считаю нужным напомнить основные идеи здесь. В миссионерских школах собственно религиозные предметы занимали лишь небольшую долю учебных часов. Зато там обязательно присутствовали и европейский язык (иногда не один) и арифметика, и ремесла – столярное, плотницкое, швейное, печатное и прочие. Именно эти знания и навыки, а не христианские догматы, по всей видимости, в первую очередь делали миссионерские школы привлекательными для маленьких африканцев и их родителей. Крещение не было обязательным условием для посещения миссионерских школ. Так, в миссионерских школах Северогерманского общества в Того и на Золотом Берегу в 1898 г. из общего количества 979 человек крещеных было 376, т.е. 38,4%. [Ustorf, 1989, с. 132-133].

Сами миссионеры были пионерами в изучении африканских языков – они стали проповедовать на местных языках. Хотелось бы подчеркнуть, что изучение африканских языков помогает значительно лучше понять образ мысли африканцев и их систему ценностей. Изучение африканских языков - пример воздействия африканской культуры на европейцев. Более того, миссионеры стали проводниками культуры африканских народов в Европе - их перу принадлежит множество книг об африканцах, которые знакомили с ней широкого европейского читателя, внося еще одну важную лепту в процесс встречи культур.

Важно подчеркнуть также, что миссионеры заложили письменную традицию на африканских языках, в абсолютном большинстве прежде бесписьменных. Таким образом они сыграли большую роль в формировании читательской аудитории в Африке.

Дом миссионера был важным распространителем самых различных практических навыков, начиная с ношения европейской одежды и пользования ножом и вилкой и до основ европейской агрикультуры, в частности навыков использования плуга. Один из Рейнских миссионеров, Карл Гуго Хан, проживший несколько десятилетий в Юго-Западной Африке, подчеркивал, что 9/10 миссионерского времени уходит на экстрарелигиозную деятельность среди паствы. [Балезин, 1996, с. 29]. Полагаю, что экстрарелигиозная деятельность миссионеров была значительно более важной, чем собственно религиозная в процессе встречи культур. [Подробнее - Balезin, 2022].

Другие каналы встречи культур возникали, как правило позже, уже в недрах складывающегося колониального общества. Среди них можно назвать в частности, светское образование, постепенно дополнившее в колониях миссионерское, но не заменившее его совсем, а также - хозяйственную и профессиональную деятельность африканцев и многое другое – со временем таких каналов становилось все больше. Отдельного упоминания здесь заслуживает система колониального управления, в частности – институт колониальных вождей [Подробнее - Балезин, 2015].

О колониальном синтезе. Следует подчеркнуть что, приобретая отдельные элементы западной культуры, в том числе поведенческой, африканцы не утрачивали основ собственной культуры. Это касалось, в частности, христианской религии и знаний, приобретенных от миссионеров. Так, известная исследовательница Люси Мейр, много лет прожившая среди баганда, писала еще в середине 30-х годов, что даже те из них, кто регулярно ходил в церковь, в особо тяжелых случаях обращались к традиционным богам и знахарям. [Maig, 1965, с. 258]. Интересно , что то же самое пишет А.О. Лапушкина на основе собственных полевых исследований уже в 2010-е годы об аватиме - одном из мелких народов Западной Африки, в частности о влиянии на него немецких миссионеров: «даже в успешном случае развития европейского образования, каким является история аватиме, привнесенные институты не вытеснили традиционные практики передачи знаний, но образовали интегрированную систему вместе с доколониальными институтами социализации». [Лапушкина, 2022, с. 224].

Подобные выводы заставляют говорить о *синтезе* европейского и африканского в бытии и сознании африканцев. Об этой концепции, разделяемой многими исследователями – востоковедами и африканистами, но не ставшей к сожалению главенствующей в многочисленных исследованиях на данную тематику, я хотел бы сказать особо. Фундаментальный труд группы отечественных специалистов «Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного» [Эволюция..., 1984] вышел еще в 1984 году, в подцензурное время, кстати, но на мой взгляд, часто выпадает из поля внимания коллег. Чаще говорят о симбиозе местных и привнесенных западом элементов, близко к которой стоит идея гибридности, развивавшаяся еще одним из отцов постколониальной теории Х. Бабой. Вот и Н.Е. Хохолькова пишет о «гибридной природе» постколониальной методологии [Хохолькова, ЭНОЖ, 2022]. Но ведь симбиоз, как и гибридность – это переплетение черт того и другого, и тогда они в каждом конкретном случае должны быть «чистыми» и легко выделяемыми. Но как выделить например чистые элементы африканского и западного в картине художника? Е.Ю. Чамякин, анализируя художественные школы в Нигерии, отмечает: «И, если

тенденция к европеизации искусства была более распространённой в начале рассматриваемого периода, то ко второй половине 1950-х – началу 1960-х гг. возобладали синтез двух направлений с упором на возрождение нигерийских традиций [Чемякин, 2022, с. 231.]. Синтез местного и привнесённого - это все же возникновение некоего нового качества, отличного от его источника.

Отрадно, что слово «синтез» все же проскальзывает в недавнем фундаментальном коллективном труде ряда отечественных ученых «Дивиллизационные вызовы во всемирно- исторической ретроспективе: «В этой ситуации (речь идет о глобализации – А.Б.) предельно обостряются проблемы диалогового мышления и культурного синтеза как взаимовлияния и взаимопроникновения (а также взаимоотторжения и взаимоизоляции) культурных сфер и систем ценностей, приводящие к появлению новых социокультурных феноменов при сохранении многообразия его форм» [Цивилизационные вызовы, 2018, с. 625].

Если вернуться к колониальной ситуации, следует подчеркнуть, что традиционная составляющая процесса синтеза не была неизменной, она эволюционировала постоянно и в годы колониального раздела Африки, и впоследствии. То же можно заметить и о «современной», западной его составляющей. Это подчеркивал, например, еще в начале века британский ученый Г.Спир: «Традиция» и «модерн» оказываются постоянно изменяемыми и взаимообусловленными». [Spengler, 2003, с. 1-26].

О синтезе традиционной и привнесённой британским колониализмом политических культур в Уганде мне приходилось писать подробно. В частности – об институте колониальных вождей как олицетворении такого синтеза. [Балезин, 1986]. Позднее – о другом человеческом олицетворении синтеза западных и африканских элементов – африканских священников-учителей, выпускников миссионерских школ [Балезин, 2015].

Продуктом такого синтеза, как видно из самых различных исследований, являются и африканские постколониальные государства. О, этом пишут многие, не употребляя все же, как правило, самого термина «синтез».

Так, И. И. Филатова в одной из статей подчеркивает: « «Менталитет согласия», система патроната и важность этнического фактора ... сочетание этих черт , их устойчивость и приспособляемость к обстоятельствам при любых поворотах истории составляет специфику африканских государств. [Филатова, 2011, с. 94].

Колониальный синтез и постколониальный дискурс. Концепция колониального синтеза, как представляется, коррелирует и со столь модным нынче постколониальным дискурсом. В своей недавней статье И.И. Филатова пишет о двух измерениях постколониализма - интерпретации воздействия колониализма на восточные и африканские общества и дискурсом переосмыслении колониальности постколониальности.. «В первом, отмечает она, - пост-колониализм (в этом понимании его последователи обозначают его через дефис) вполне вписывается в траекторию и ландшафт традиционных исследований проблем истории двадцатого и двадцать первого столетий. Понимаемый как интерпретация характера и глубины воздействия колониализма на восточные и африканские общества, пост-колониализм обогатил историографию новыми темами, видениями и ракурсами. Среди них - повышенное внимание к духовной колонизации, воздействию колониализма на литературу, язык, образование, интеллектуальные ценности, восприятия и представления» [Филатова, 2022, с. 209-210]. Полагаю, что в исследовании названных тем и ракурсов крайне полезным может оказаться как раз концепция синтеза.

Что касается второго измерения постколониализма и пр.– «изучения *текстов* о колониализме, личностной *осознаваемости* этого явления в прошлом или настоящем, но не самого колониализма» [Филатова, 2022, с. 210], то представляется возможным сделать вывод, что его исследователи, работающие в этом ключе сами по себе тоже результат колониального синтеза. Все «отцы» постколониальных теорий – и Саид, и Спивак, и Бхабха да и другие - жили между двумя мирами. Что касается непосредственно африканистов, на Западе стало хорошим тоном иметь в штате научных коллективов, занимающихся Африкой, историков-африканцев. Примеров множество – А. Мазруи в США, С. Ндлову-Гатшени в Германии, Элика-Мбокولو во Франции. Такие ученые не просто впитали в себя важные элементы западной цивилизации, не отказываясь от основ своей собственной, они стало важной частью западной академической науки , при всем критическом отношении к ней. Они и пытаются интерпретировать ее по-новому, отказываясь от западных оценок но пользуясь понятийным аппаратом именно западной науки. – «красноречивое отрицание». Так, Н.Е. Хохолькова пишет , что Мазруи сочетал подходы и принципы разных дисциплин [Хохолькова, 2022]. И это характерно не только для западных университетов. О.В. Воробьева подчеркивает большую роль в «культурном трансфере» «работы внутри смешанных коллективов африканцев, европейцев и американцев в африканских университетах и мультикультурных группах над фундаментальными трудами по истории Африки». [Воробьева 2020, с. 77.]

В конечном итоге и сами постколониальные теории дают место концепции колониального синтеза. Позволю себе пространную цитату из статьи Т.М. Гавристовой - исследовательницы, давно и всерьез занимающейся постколониальным дискурсом применительно к Африке :

«Ситуация постколониальности (в разной мере) связана с ретрансляцией и актуализацией представлений о колониализме и неоколониализме, модернизме и постмодернизме, глобализации и антиглобализме, а применительно к Африке – еще и с идеями афроцентризма, афроцентричности,

лузотропикализма, франкофонии, афропейства и рядом других, более и менее ангажированных в современных условиях». [Гавристова, 2022].

И далее: «Постмультикультурная дискуссия выдвинула на первое место интеркультурализм. Его рассматривают как инструмент «позитивного взаимодействия», диалог, модель интеграции (с учетом разнообразия), способ осмысления новой – глобальной – реальности и формирования множественной идентичности, а вместе с ней, если не гармоничного, то вполне мирного сосуществования разных культур». [Гавристова, 2022]. Эта «множественная идентичность» и «мирное сосуществование разных культур» и является, с моей точки зрения результатом колониального и постколониального синтеза.

То же самое можно вероятно сказать и о других ставших модными теориях, которые все же переключаются и сливаются в единый поток. Так, Н.Е. Хохолькова, подчеркивает: «Создатели культурного национализма, афроцентризма и афротриумфализма в разные периоды времени и в разных условиях преследовали близкие цели использовали схожие методы, обращаясь к сферам науки, образования и культуры. Все три течения вместе формируют единую традицию, своего рода континуум в расширяющихся границах которого не теряющая своей актуальности идея деколонизации сознания ретранслируется и преобразуется. [Хохолькова, 2022, с. 220]

Полагаю, что этот континуум также является результатом колониального и постколониального синтеза.

И еще - об «адаптивном потенциале» африканских обществ. Ряд исследователей пользуются этим понятием, пару десятилетий назад пришедшим в нашу африканистику [см., напр. Никитин, 2005, с. 107 и др.]. При этом они игнорируют тот факт, что насаждаемые колонизаторами элементы западной культуры уже были, как правило, адаптированы ими под местные условия и собственные нужды. Особенно хорошо это видно на примере институтов власти в условиях так называемого косвенного управления. Да и прямого тоже.. [Балезин, 1986].

В этой связи представляется важным вывод О.В. Воробьевой, о процессах в африканской исторической науке, справедливый и в более широком контексте : «Рецепция и адаптация тоже зависят от множества факторов – от культурного и политического контекстов в транслирующей и принимающей культурах, до роли государственной научной политики, институциональных механизмов...» [Воробьева 2020, с. 77].

Нельзя не согласиться с А.И. Неклесса, который пишет о необходимости «поиска методологического и прогностического инструментария», «поиска новых эффективных путей познания» современного мира. [Неклесса, 2022, с. 169]. Представляется, что концепция колониального (и постколониального!) синтеза тут могла бы быть весьма полезной.

Литература

Балезин А.С. Африканские правители и вожди в Уганде. (Эволюция традиционных властей в условиях колониализма. 1862-1962) М.: Наука, ГРВЛ, 1986.

Балезин А.С. Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке/Намибии. 1814-1990. М.:ИВИ РАН, 1996.

Балезин А.С. Черная Африка и Европа: к проблеме встречи культур в колониальную эпоху. М.: ИВИ РАН, 2015.

Воробьева О.В. История и историография Африки в транскультурной перспективе: проблемы и решения//Африка: постколониальный дискурс. М.:ИАФр РАН, 2020, с. 60-84. Ред. Т.М. Гавристова и Н.Е. Хохолькова.

Гавристова Т.М. Постколониальные нарративы: литература мигрирующего. Электронный научно-образовательный журнал «История», 2022, № 3(113), т. 13. Проблемы истории Африки и российско-африканских отношений.

Лапушкина А.О. Историческая динамика социализации детей и подростков в регионе Вольта под влиянием деятельности миссионеров , 1870-1957. Канд. дисс. М.: ИАФр, 2022.

Неклесса А.И. Постколониальность и цивилизационный транзит. // Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Ярославль: Филигрань, 2022, с. 165-169. Ред. Т.М. Гавристова.

Никитин М.Д. Черная Африка и британские колонизаторы. Саратов: научная книга, 2005.

Филатова И.И. Африканская государственность и африканский Ренессанс: парадокс ненормальности или нормальность парадокса//Государственный суверенитет VS право наций на самоопределение. Сборник научных статей. М.: Издательский дом НИУ-ВШЭ, 2011, с. 74-112. Ред. А.Л. Рябинин.

Филатова И.И. «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошедшее тлеет». К вопросу о границах постколониальности»//Россия-Африка. От устной истории к постколониальному нарративу. Ярославль: Филигрань, 2022, с. 209-215. Ред. Т.М. Гавристова.

Хохолькова Н.Е. Постколониальный подход в африканских исследованиях: апология и критика. Электронный научно-образовательный журнал «История», 2022, № 3(113), т. 13. Проблемы истории Африки и российско-африканских отношений.

- Хохолькова Н.Е. Декolonизация сознания: культурный национализм, афроцентризм, афротриумфализм// Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Ярославль: Филигрань, 2022, с. 216-220. Ред. Т.М. Гавристова.
- Чемякин Е.Ю. Художественное образование в Нигерии в 1920-е – 1960-е гг.// Россия-Африка: от устной истории к постколониальному нарративу. Ярославль: Филигрань, 2022, с. 228-232. Ред. Т.М. Гавристова.
- Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М.: Наука, ГРВЛ, 1984, ред. Л.И.Рейснер и Н.А. Симоныя.
- Balezin, A.S. Extra-religious activity of missionaries in Africa and the encounter of cultures: German missionaries in the 19th-early 20th centuries//Синергия языков и культура 2021: Междисциплинарные исследования. Сборник статей. СПб: СПбГУ, 2022, с. 56-68.(на англ. языке).
- Mair L.P. An African People in the Twentieth Century (2nd ed.).New York,1965.
- Spear, T. Neo-Traditionalism and the Limits of Invention in British Colonial Africa// Journal of African History, 2003, 44, 1-26.
- Ustorf, W. Die Missionsmethode Franz Michael Zahns und der Aufbau kirchlicher Strukturen in Westafrika. Erlangen, 1989.

References

- Balezin A.S. Afrikanские praviteli i vozhd'i v Ugande. (Evolyuciya traditsionnyh vlastej v usloviyah kolonilazima.1862-1962) M.: Nauka, GRVL, 1986.
- Balezin A.S. Formirovanie i evolyuciya nemeckoj poselencheskoy obshchiny v Yugo-Zapadnoj Afrike/Namibii.1814-1990. M.:IVI RAN, 1996.
- Balezin A.S. Chernaya Afrika i Evropa: k probleme vstrechi kul'tur v kolonial'nyu epohu. M.: IVI RAN, 2015.
- Balezin, A.S. Extra-religious activity of missionaries in Africa and the encounter of cultures: German missionaries in the 19th-early 20th centuries//Sinergiya yazykov i kul'tur 2021: Mezhdisciplinarnye issledovaniya. Sbornik statej. SPb: SPbGU, 2022, s. 56-68.(in English).
- Chemyakin E.Yu. Hudozhestvennoe obrazovanie v Nigerii v 1920-е – 1960-е гг.// Rossiya-Afrika: ot ustnoj istorii k postkolonial'nomu narrativu. Yaroslavl': Filigran', 2022, s. 228-232. Ed. T.M. Gavristova.
- Evolyuciya vostochnyh obshchestv: sintez traditsionnogo i sovremennogo. M.: Nauka, GRVL, 1984. Ed. L.I.Rejsner i N.A. Simoniya.
- Filatova I.I. Afrikanская gosudarstvennost' i afrikanский Renessans: paradoks nenormal'nosti ili normalnost' paradoksa.//Gosudarstvennyj suverenitet VS pravo nacij na samoopredelenie. Sbornik nauchnyh statej. M.: Izdatel'skij dom NIU-VShE, 2011, s. 74-112. Ed. A.L. Ryabinin.
- Filatova I.I. «Kak v proshedshem gryadushchee zreet, tak v gryadushchem proshedshее tleet». K voprosu o granichah postkolonial'nosti.//Rossiya-Afoika. Ot ustnoj istorii k postkolonial'nomu narrativu. Yaroslavl': Filigran', 2022, s. 209-215. Ed. T.M. Gavristova.
- Gavristova T.M. Postkolonial'nye narrativy: literatura migrityuda. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya», 2022, № 3(113), vol. 13. Problemy istorii Afriki i rossijsko-afrikanских otnoshenij. URL: <https://history.jes.su/s207987840020573-9-1/>
- Hohol'kova N.E. Postkolonial'nyj podhod v afrikanских issledovaniyah: apologiya i kritika. Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya», 2022, № 3(113), Vol. 13. Problemy istorii Afriki i rossijsko-afrikanских otnoshenij. URL: <https://history.jes.su/s207987840020573-9-1/>
- Hohol'kova N.E. Dekolonizaciya soznaniya: kuoturnyj nacionalizm, afrocentrizm, afrotriumfalizm.// Rossiya-Afrika: ot ustnoj istorii k postkolonial'nomu narrativu. Yaroslavl': Filigran', 2022, s. 216-220. Ed. T.M. Gavristova.

Бондаревская А. В.

Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Костюшкина Г. М.

Иркутский научный центр СО РАН
Иркутск, Российская Федерация

Козлова Н. Н.

Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСА В АНГЛИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматриваются невербальные эмоции в коммуникативной ситуации проявления интереса, как одном из способов описания речевого поведения собеседников. Поскольку интерес реализуется в познавательной и инициативной деятельности и служит своего рода манипулятором коммуникативного процесса, оказывая воздействие на сознание и чувства собеседника важно рассмотреть коммуникативную ситуацию проявления интереса. В частности, как и какими невербальными средствами адресант реализует интерес, преобразуемый из собственного опыта о событиях, объектах и т.д., а также как проявленный интерес интерпретируется в сознании адресата, как влияет на его убеждения, ценностные ориентации и реализуется в ответных реакциях. Применение прагмалингвистического, описательного, интерпретативного методов, а также контекстуального анализа позволило получить довольно полное представление о функционировании рассматриваемой коммуникативной ситуации в русском и английском языках. Невербальные эмоции коммуникативного поведения в ситуации проявления интереса выполняют эмотивную, коммуникативную и репрезентативную функции общения.

Ключевые слова: эмоции, коммуникативная ситуация, интерес, эмоциональное состояние, невербальное поведение.

Bondarevskaia A. V.

Saint Petersburg Mining University
Saint Petersburg, Russian Federation

Kostushkina G. M.

Irkutsk scientific center
Irkutsk, Russian Federation

Kozlova N. N.

Saint Petersburg Mining University,
Saint Petersburg, Russian Federation

NONVERBAL EMOTIONS IN A COMMUNICATIVE SITUATION OF INTEREST IN ENGLISH FICTION

The paper considers nonverbal emotions in a communicative situation of interest as one of the ways to describe the verbal behavior of communicative partners. Since interest is realized in cognitive and initiative activity and serves as a kind of manipulator of the communicative process, influencing the consciousness and feelings of the interlocutor, it is important to consider the communicative situation of the manifestation of interest. In particular, how and by what nonverbal means the addressee realizes the interest transformed from his own experience about events, objects, etc., as well as how the interest shown is interpreted in the addressee's mind, how it affects his beliefs, value orientations and how it is realized in responses. The use of pragmalinguistic, descriptive, interpretive methods, as well as contextual and situational analysis allowed us to get a fairly complete picture of the functioning of the considered communicative situation in Russian and English. Nonverbal emotions of communicative behavior in a situation of interest perform emotive, communicative and representative functions of communication.

Keywords: emotions, communicative situation, interest, emotional state, nonverbal behavior.

В последние десятилетия все большее число исследователей связывают процесс коммуникации с изучением особенностей представления в нем знаний и организацию механизмов, которые позволяют человеку применять эти знания в процессе познания, мышления и управлять общением.

Несмотря на большое количество лингвистических исследований, посвященных антропоцентрической проблематике [Почепцов, 1986; Арутюнова, 1999; Красных, 2003; 2014; Карасик, 2013; Dijk, 1978; Wierzbicka, 2005], до сих пор остается открытым вопрос, связанный с тем, как информация, хранящаяся в сознании человека, взаимодействует с окружающим нас миром, как она преобразуется в вербальную и как выражается невербально в процессе коммуникации.

По мнению Г.М. Костошкиной именно по этой причине термин речевая деятельность зачастую заменяется термином «речемыслительная деятельность», поскольку речевой процесс как деятельность обусловлен мыслью, сознанием человека, которое сегодня изучить нельзя напрямую, а лишь косвенно, прибегая к различного рода методикам и процедурам [Костошкина, 2016].

Интерес, являясь когнитивным компонентом всей деятельности человека в совокупности с чувственно-эмоциональным аспектом, реализуется в познавательной и инициативной деятельности и служит своего рода катализатором коммуникативного процесса, оказывая воздействие на сознание и чувства собеседника. Таким образом, интерес играет важную роль в межличностной коммуникации в ситуациях бытового общения.

Исследованию интереса посвящено большое количество работ в различных областях знаний, как в России, так и за рубежом [Иванов, 1956; Мясичев, 1995; Рубинштейн, 2002; Изард, 2006; Шишкина, 2007; Плотникова, 2010; Ильин, 2011; Kрapp, 1999; Ellsworth, 2003; Silvia, 2008; Reeve, Lee, Won, 2015]. Традиционно интерес рассматривается как потребностное отношение человека, а также как мотивационное состояние, которое побуждает к познавательной деятельности, происходящей преимущественно во внутреннем плане [Иванов, 1956; Васильев, Поплужный, 1980; Мясичев, 1995; Рубинштейн, 2002], а также как одна из фундаментальных эмоций [Ковалев, 1970; Изард, 2006; Tomkins, 2008].

Несмотря на довольно обширный список трудов, посвященных интересу, в настоящее время в отечественной и зарубежной лингвистике не представлено специальных исследований, которые бы отражали специфику невербального поведения человека в коммуникативной ситуации проявления интереса, поэтому представляется сложным создать целостное представление об особенностях взаимодействия в ней коммуникативных партнеров.

В этой связи важно рассмотреть коммуникативную ситуацию проявления интереса, в частности, как и какими средствами говорящий реализует интерес, преобразуемый из собственного опыта о событиях, объектах и т.д., а также как проявленный интерес интерпретируется в сознании собеседника, как влияет на его убеждения, ценностные ориентации и реализуется в ответных реакциях.

Традиционно вербальное поведение является наиболее распространенным способом передачи структурированной информации, несущей дискурсивный смысл, однако, по мнению ряда исследователей, 65% информации, касающейся эмоционально-оценочного фактора отношения речевого партнера к ситуации общения в процессе коммуникации приходится на невербальное речевое поведение [Караулов, 1987, с.27].

В ситуации проявления интереса адресант занимает ведущую позицию, поскольку его реплика является иницирующей. Цель адресанта в коммуникативной ситуации проявления интереса заключается в удовлетворении своего собственного любопытства и достигается при помощи интеррогативов, пропозитивов, этикетных формул и комбинации этикетных формул интереса и свободных высказываний, которые способствуют эффективному взаимодействию и сохранению гармоничных отношений [Бондаревская, 2020, с.109].

Поскольку одним из важных параметров в теории коммуникативного взаимодействия является гармоничное бесконфликтное взаимодействие партнеров, то ситуацию интереса сложно представить без невербальных средств общения, зачастую именно невербальное речевое поведение (телодвижения, мимика, взгляд, фонация) свидетельствует об истинном психологическом и эмоциональном состоянии, а также реальных интенциях адресанта. Коммуникативные партнеры видят и слышат друг друга, поэтому одни невербальные компоненты ориентированы на зрительное восприятие (взгляд, мимика, жесты и т.п.), а другие на слуховое (темп, интонация, тембр и др.).

Г.В. Колшанский утверждает, что «всякое высказывание в принципе может быть как бы двухслойным, состоящим из основного, предметно-логического содержания и оценочно-эмоционального» [Колшанский, 2005б, с.27].

По мнению П. Экмана, основным показателем эмоционального состояния является мимика [Ekman, 1992, p.3].

Вслед за Колшанским мы считаем, что жесты и мимика не оказывают прямого влияния на логическое содержание высказывания, их возможно рассматривать «как стимулирующий фактор психологического воздействия при восприятии речи, накладывающийся на смысл самой фразы» [Колшанский, 2005 б, с.43].

Так, в процессе коммуникации, адресант, оценивая предметы, события, действия как интересные, осознанно воздействует на своего собеседника, желая изучить, выснить, узнать его мнение. При этом адресант стремится привести коммуникативного партнера к такому психологическому и эмоциональному состоянию, при котором адресат удовлетворит его интерес, вызвав при этом оценку.

Рассмотрим примеры коммуникативных ситуаций проявления интереса на материале художественных произведений англоязычных авторов XXI века.

G1 - How did he die? I whispered.

G2 - You don't know?

G1 - I shook my head. Silence. I turned toward her.

G2 - Murdered, she said [Coben, 2014, с. 3].

Ситуация случается в формальной обстановке – на похоронах. Диалог происходит между женщиной (G1) и официанткой (G2). Здесь важно представить контекст произошедшей ситуации. Истинный интерес приезда адресанта на похороны вызван не самим мероприятием, а интенсивно переживаемыми чувствами, эмоциями героя, который прилетел только для того, чтобы увидеть свою некогда возлюбленную, которая, по его мнению, будет присутствовать на похоронах ушедшего из жизни мужа. Его интерес подогревается тем, что рядом с гробом умершего стоит жена с детьми, но эта женщина не его некогда возлюбленная. Адресант испытывает сильное любопытство, и его интенция состоит в том, чтобы узнать, что произошло с умершим, и почему рядом с гробом стояла посторонняя для него женщина. Адресант выражает свой интерес в форме вопроса. Выбранный тон связан с темой мероприятия (*I whispered*). Адресат испытывает эмоцию удивления и задает собеседнику встречный вопрос (*You don't know?*), не удовлетворяя интерес собеседника. Реакция адресанта выражена невербальным способом (*I shook my head. Silence*). Здесь следует отметить комбинированное использование двух невербальных компонентов – молчания и жеста (кивок), указывающих на то, что адресант соглашается. Адресат улавливает смысл невербального поведения адресанта и отвечает ему вербально (*Murdered*). Таким образом, рассматриваемые невербальные компоненты поведения адресанта в данной ситуации выполняют коммуникативную функцию, поскольку служат выражением его реакции и осуществляют коммуникацию. Это подтверждает теорию Г.В. Колшанского, который считает, что жесты и мимика как невербальные средства общения могут использоваться для снятия неоднозначности в конкретной ситуации общения [Колшанский, 2005].

Поскольку именно в невербальной организации речевого поведения лежат разгадки эмоционально-психологической канвы интенций и отношений говорящих, нам представляется интересным проиллюстрировать еще один пример ситуации проявления интереса.

G1 - Then why doesn't she act like one? I looked at Dad for what felt like a very long moment. Then I blurted out, "And why don't you act like a dad?"

I could see the blood surge into his face. He grabbed me by the arm.

G2 – You apologize for that comment! [The Glass Castle, 2015, с. 220].

В представленном фрагменте диалог происходит между дочерью и отцом в домашней обстановке. Недовольная неблагополучной и кочевой жизнью своей семьи, дочь интересуется у отца сначала поведением своей матери, которое отличается от классического примера родителя. Вопрос сопровождается невербальными эмоциями (*looked at Dad*), а именно, взглядом и длительностью данного процесса (*for what felt like a very long moment*). Не получив быстрый ответ, дочь продолжает интересоваться поведением отца, задавая следующий вопрос, который также сопровождается невербальной эмоцией (*blurted out*). При этом автор намеренно использует глагол «blurt out», который трактуется, как «проболтаться, выпалить, сболтнуть» [Словарь Мюллера] для того, чтобы показать степень эмоции гнева ребенка. Далее переход бытового диалога в разряд конфликтной ситуации передается невербальным речевым поведением адресанта (*the blood surge into his face, he grabbed me by the arm*), который явно испытывает чувство ярости. Адресат не удовлетворяет интерес своего собеседника, а испытывая злость, переходит к угрозе, которую выражает вербальным способом (*You apologize for that comment!*)

Таким образом, в исследуемой ситуации проявления интереса межличностное взаимодействие происходит с опорой на вербальное и невербальное речевое поведение коммуникантов и выражает их психологические и эмоциональные негативные состояния.

В этой связи нельзя не согласиться с психологами, которые совершенно справедливо отмечают, что логичнее рассматривать эмоции как чувства, напрямую связанные с мыслительной деятельностью, и что эти чувства наиболее явно демонстрируют неразрывность когнитивной и эмоциональной деятельности и являются проявлением интереса [Wilkinson, Kitzinger, 2006, с.375, Ellsworth, 2003, с.81].

В ходе анализа художественных текстов нам встретились коммуникативные ситуации проявления интереса, которые выражены только невербальным способом. Рассмотрим пример:

G1 - I once booked a ticket to Australia. Never went, though.

G2 - He turned to me in surprise.

G1 - Stuff happened. It's fine. Perhaps I will go one day [Moyes, Me Before You, 2015, p.36].

В приведенном диалоге общение происходит между парализованным молодым человеком из богатой семьи и присматривающей за ним сиделкой. Девушка делится событиями из своей тихой и скромной жизни, описывая ситуацию как однажды купила билет в другую страну и не полетела. Реакция собеседника выражена невербальным способом, в частности взглядом (*He turned to me*). Эмоциональное состояние собеседника выражено фразой (*in surprise*), которая служит усилением интереса адресанта и выполняет репрезентативную функцию. Сиделка, интерпретируя любопытство и интерес в невербальном поведении коммуникативного партнера, не дожидаясь вербального вопроса, удовлетворяет интерес своего собеседника

(*Stuff happened. It's fine*). В данной коммуникативной ситуации оба коммуниканта стремятся к кооперации. Поскольку интерес удовлетворен, то ситуацию можно считать успешной.

Стоит отметить, что в процессе общения может происходить смена коммуникативных ролей – говорящий становится слушающим, и, наоборот, что говорит о стремлении к кооперативному характеру диалога.

Анализ примеров показал, что невербальные эмоции коммуникативного поведения в ситуации проявления интереса выполняют эмотивную, коммуникативную и репрезентативную функции общения. В процессе коммуникации адресант, проявляя интерес, осознанно воздействует на своего собеседника для того, чтобы выяснить его мнение о произошедшем событии. При этом, коммуникативному поведению собеседников, помимо одноименной эмоции интереса, присущи и другие эмоциональные состояния, а также положительные и отрицательные эмоции.

В ситуации проявления интереса невербальное речевое поведение зачастую лишь дополняет и наделяет объемом вербальное речевое поведение, усиливая или ослабляя его воздействующий потенциал.

Поскольку интерес является одним из важнейших факторов коммуникации, который способствует началу, поддержанию и сохранению гармоничных отношений между собеседниками, то полученные выводы могут быть полезными для дальнейшего изучения коммуникативной ситуации проявления интереса в аспекте сопоставительного анализа данной ситуации в других языках и лингвокультурах, а также для исследования проявления интереса в разных типах дискурса.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
- Бондаревская А.В. Коммуникативная ситуация проявления интереса: прототипический подход: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.19. – Майкоп, 2020. – 176 с
- Васильев, И.А. Эмоции и мышление / И. А. Васильев, В. Л. Поплужный, О. К. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 192 с.
- Иванов В.Г. Основные положения теории интереса в свете проблемы отношений человека. Учебные записки ЛГУ. – 1956. – Вып. 9. – № 214. – 68 с
- Изард К.Е. Психология эмоций, пер. с англ.; Кэррол Е. Изард; под ред. В. Мисник, А. Татлыбаева]. – М.: Изд-во Питер, 2006. – 460 с.
- Ильин Е. П. Эмоции и чувства: учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2011. - 782 с.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
- Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
- Ковалев, А.Г. Психология личности. – М.: Просвещение, 1970. – 391 с.
- Колшанский, Г.В. Паралингвистика. М.: КомКнига, 2005б.
- Костюшкина Г.М. Аргументация и концептуальная систематика речи и речевой деятельности / Г.М. Костюшкина [и др.] // Концептуальная систематика аргументации: коллективная монография / под ред. Г.М. Костюшкиной. – М.: Флинта : Наука, 2016 – С. 10–70.
- Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
- Мясищев В.Н. Психология отношений // Мясищев В.Н. Избранные психологические труды / Под ред. А. А. Бодалева. – Москва-Воронеж, 1995. – 356 с.
- Плотникова Е.Е. Концепт INTEREST в современном английском языке: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.04. – Белгород, 2010. – 169 с.
- Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. – Киев: Вища шк.: Изд-во при Киев. гос. ун-те, 1986. – 115 с
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. Серия «Мастера психологии». – СПб: Изд-во Питер, 2002, – 720 с.
- Шишкина С. А. Лингвокультурная и когнитивная репрезентация концепта «Интерес» в русском и английском языках: дисс. ... канд. фил. наук: 10.02.01. – Тюмень, 2007. – 186 с
- Dijk T.A. van Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories / Current Trends in Textlinguistics / Ed. By W.U. Dressler. – Berlin: Walter de Gruyter, 1978. – P.61-80.
- Ekman P. Are There Basic Emotions? Psychological Review, 99. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1992-41830-001> (дата обращения 26.10.2022)
- Ellsworth P.C. Confusion, concentration, and other emotions of interest: commentary on Rozin and Cohen. – APA PsycArticles: Journal Article Emotion, 2003. – Vol 3(1). – P.81–85.
- Krapp A. Interest, motivation, and learning: An educational-psychological perspective. – European Journal of Psychology of Education, 1999. — Vol. 14. – P. 23-40.
- Reeve, J. Interest as Emotion, as Affect, and as Schema / J. Reeve, W. Lee, S. Won // Interest in Mathematics and Science Learning. – 2015. – P.79-92
- Silvia P. J. Interest-The curious emotion. Current Directions in Psychological Science. – 2008 – 17(1). – P. 57–60.
- Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness, Vol. 1. The positive. –Springer Publishing Co., 2008. – 588 p.
- Wilkinson, S., Kitzinger, C. Surprise as an Interactional Achievement: Reaction Tokens in Conversation. 161 p. Social Psychology Quarterly, 69, 2006.

Источники

- Coben, H. Six Years / H. Coben. – London : Orion books, 2014. – 358 p.
Walls, J. The Glass Castle / J. Walls. – New York : Simon & Schuster, 2006. – 288 p.
Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – London : Penguin, 2015. – 368 p.
Словарь Мюллера URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/> (дата обращения 23.10.2022)

References

- Arutyunova N.D. YAzyk i mir cheloveka. – 2-e izd., ispr. – M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.
Bondarevskaya A.V. Kommunikativnaya situatsiya proyavleniya interesa: prototipicheskij podhod: diss. ... kand. fil. nauk: 10.02.19. – Majkop, 2020. – 176 s
Vasil'ev, I.A. Emocii i myshlenie / I. A. Vasil'ev, V. L. Popluzhnyj, O. K. Tihomirov. – M.: Izd-vo MGU, 1980. – 192 s.
Ivanov V.G. Osnovnye polozeniya teorii interesa v svete problemy otnoshenij cheloveka. Uchebnye zapiski LGU. – 1956. – Vyp. 9. – № 214. – 68 s
Izard K.E. Psihologiya emocij, per. s angl.; Kerrol E. Izard; pod red. V. Misnik, A. Tatlybaeva]. – M.: Izd-vo Piter, 2006. – 460 s.
Il'in E. P. Emocii i chuvstva: uchebnoe posobie. - 2-e izd., pererab. i dop. – SPb.: Piter, 2011. - 782 s.
Karaulov YU.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. M.: Nauka, 1987.
Karasik V.I. YAzykovaya matrica kul'tury. – M.: Gnozis, 2013. – 320 s.
Kovalev, A.G. Psihologiya lichnosti. – M.: Prosveshchenie, 1970. – 391 s.
Kolshanskij, G.V. Paralingvistika. M.: KomKniga, 2005b.
Kostyushkina G.M. Argumentatsiya i konceptual'naya sistematika rechi i rechevoj deyatel'nosti / G.M. Kostyushkina [i dr.] // Konceptual'naya sistematika argumentatsii: kollektivnaya monografiya / pod red. G.M. Kostyushkinoj. – M.: Flinta : Nauka, 2016 – S. 10–70.
Krasnyh V.V. «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? – M.: ITDGG «Gnozis», 2003. – 375 s.
Myasishchev V.N. Psihologiya otnoshenij // Myasishchev V.N. Izbrannye psihologicheskie trudy / Pod red. A. A. Bodaleva. – Moskva-Voronezh, 1995. – 356 s.
Plotnikova E.E. Koncept INTEREST v sovremennom anglijskom yazyke: diss. ... kand. fil. nauk: 10.02.04. – Belgorod, 2010. – 169 s.
Pohepcov O.G. Osnovy pragmaticheskogo opisaniya predlozheniya. – Kiev: Vishcha shk.: Izd-vo pri Kiev. gos. un-te, 1986. – 115 s
Rubinshtejn S. L. Osnovy obshchej psihologii. Seriya «Mastera psihologii». – SPb: Izd-vo Piter, 2002, - 720 s.
Shishkina S. A. Lingvokul'turnaya i kognitivnaya reprezentatsiya koncepta “Interes” v russkom i anglijskom yazykah: diss. ... kand. fil. nauk: 10.02.01. – Tyumen', 2007. – 186 s
Dijk T.A. van Cognitive Psychology and Discourse: Recalling and Summarizing Stories / Current Trends in Textlinguistics / Ed. By W.U. Dressler. – Berlin: Walter de Gruyter, 1978. – P.61-80.
Ekman P. Are There Basic Emotions? Psychological Review, 99. URL: <https://psycnet.apa.org/record/1992-41830-001> (date 26.10.2022)
Ellsworth P.C. Confusion, concentration, and other emotions of interest: commentary on Rozin and Cohen. – APA PsycArticles: Journal Article Emotion, 2003. – Vol 3(1). – P.81–85.
Krapp A. Interest, motivation, and learning: An educational-psychological perspective. – European Journal of Psychology of Education, 1999. — Vol. 14. – P. 23-40.
Reeve, J. Interest as Emotion, as Affect, and as Schema / J. Reeve, W. Lee, S. Won // Interest in Mathematics and Science Learning. – 2015. – P.79-92
Silvia P. J. Interest-The curious emotion. Current Directions in Psychological Science. – 2008 – 17(1). – P. 57–60.
Tomkins, S. S. Affect, imagery, consciousness, Vol. 1. The positive. –Springer Publishing Co., 2008. – 588 p.
Wilkinson, S., Kitzinger, C. Surprise as an Interactional Achievement: Reaction Tokens in Conversation. 161 p. Social Psychology Quarterly, 69, 2006.
Wierzbicka A. English: Meaning and Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 64 p.

Dictionaries

- Coben, H. Six Years / H. Coben. – London : Orion books, 2014. – 358 p.
Walls, J. The Glass Castle / J. Walls. – New York : Simon & Schuster, 2006. – 288 p.
Moyes, J. Me Before You / J. Moyes. – London : Penguin, 2015. – 368 p.
Slovor* Myullera URL: <https://eng-rus-muller-dict.slovaronline.com/> (date 23.10.2022)

КОНЦЕПТОСФЕРА «GAME» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Целью исследования является выявление и анализ структуры концептосферы “game” в произведениях британских и американских писателей, отразивших данное явление в своем творчестве. Задачи исследования – выделить ядро, приядерную зону, ближайшую и дальнейшую периферию. Впервые описывается когнитивно-пропозициональная структура концептосферы “game” в проанализированных текстах. Ядро концептосферы представлено ее когнитивно-пропозициональной структурой, приядерная зона формируется лексическими репрезентациями когнитивно-пропозициональной структуры, ближайшая периферия включает образные представления игры, а дальнейшая периферия отражает связанные с игрой социально-культурные аспекты и личное отношение к игре персонажей проанализированных произведений. В качестве основного метода исследования избран концептуальный анализ, представляющий собой совокупность разнообразных приемов, используемых при анализе концептов. Также используются описательный метод и метод контекстуального анализа.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, когнитивно-пропозициональная структура, ядро, приядерная зона, ближайшая периферия, дальнейшая периферия

Bochegova N. N., Satina D. D.
Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation

THE CONCEPT SPHERE “GAME” IN THE ENGLISH LANGUAGE FICTION TEXT

The article aims to identify and analyze the structure of the concept sphere “game” in the texts by British and American writers who reflected this phenomenon in their works. The research tasks are to reveal the nucleus, the co-nuclear area, the nearest periphery and the further periphery. The article first explores the cognitive-propositional structure of the concept sphere “game” in the texts under analysis. The nucleus of the concept sphere is presented by the cognitive-propositional structure, the co-nuclear area is formed by lexical representations of the cognitive-propositional structure, the nearest periphery includes artistic images of game and the further periphery reflects the social and cultural aspects of game and personal attitude of the characters of the literary works under analysis to this phenomenon. The basic method of the research is conceptual analysis, a combination of various techniques used to analyze concepts. The descriptive method and the method of contextual analysis are also applied.

Key words: concept, concept sphere, cognitive-propositional structure, nucleus, co-nuclear area, nearest periphery, further periphery

Введение

Концептуальные исследования остаются актуальным направлением в современной лингвистике в силу того, что позволяют показать как особенности ментальности этноса, язык которого находится в центре исследования, так и своеобразие семантики изучаемых лексических единиц, представляющих концепт. Н. Н. Болдырев определяет когнитивную семантику как многоуровневую теорию значения, «специфика которой заключается в том, что значения языковых единиц в ней анализируются в контексте всех знаний и опыта человека, а не только языковых знаний» [Болдырев 2014, с. 33].

И. В. Арнольд указывает на важность учета факторов, «которые характеризуют значение слова как категорию лингвистическую и национально специфическую в отличие от понятия как категории логической и интернациональной» [Арнольд 2017, с. 51].

В. Я. Шабес отмечает, что целостная система знаний о мире, понимаемая как когнитивный компонент, в процессе речемыслительной деятельности оформляется вербально через отдельные фрагменты – коммуникативные единицы [Шабес 1989, с. 5].

Кроме того, концептуальный подход нередко используется при анализе художественного текста, так как позволяет глубже осознать проблематику произведения в целом и авторское восприятие

соответствующего анализируемому концепту явления. Существует множество методик анализа художественных концептов. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин предлагают алгоритм концептуального анализа художественного текста, включающий выделение предтекстовых пресуппозиций, анализ семантики заглавия, выявление ключевых слов текста через психолингвистический эксперимент, определение лексического репрезентанта текстового концепта, анализ лексического состава текста, описание концептосферы текста и моделирование структуры концептосферы [Бабенко, Казарин 2005, с. 60–61]. Мы сосредоточимся на последнем пункте данного алгоритма, и под концептосферой в настоящем исследовании мы понимаем не совокупность всех концептов в данном художественном произведении или ряде произведений определенного автора, а совокупность всех случаев объективации отдельно взятого концепта на всех уровнях анализируемого текста.

По мнению вышеуказанных авторов, структура концептосферы включает ядро, представляющее собой базовую когнитивно-пропозиционную структуру, приядерную зону, состоящую из основных лексических репрезентаций, ближайшую периферию, представленную образными ассоциациями и дальнейшую периферию, объединяющую субъектно-модальные смыслы [Бабенко, Казарин 2005, с. 61].

Ядро и приядерная зона

Благодаря проведенному анализу микроконтекстов, содержащих упоминания игровой деятельности, мы можем выявить структуру концептосферы “game” в тексте проанализированных произведений и представить ее в виде поля. Ядром концептосферы “game” в нашем случае является его когнитивно-пропозиционная структура: субъект игры – предикат игры – причина игры – цель игры – результат игры – следствие (проявление) игры – локатив игры.

Приядерная зона представлена лексическими репрезентациями тех или иных составляющих когнитивно-пропозиционной структуры концепта.

1) Субъектом игры является лицо, осуществляющее игровую деятельность, в нашем случае персонаж анализируемого произведения: Уэверли, Суйуан и др. («Клуб радости и удачи» Э. Тан), Холден Колфилд («Над пропастью во ржи» Дж. Д. Салинджера), Джо («Игра» Дж. Лондона), Элтон и его дядя («Помощник игрока в бридж» Л. Сейкера). Однако игровая деятельность может быть представлена не только с точки зрения непосредственного участника, но и с позиции наблюдателя.

2) Предикатом можно считать признаки, характеризующие игру как явление в целом, или же описывающие определенную игру.

Лексема “game” в английском языке полисемантическая, но особенно важно следующее значение:

game (noun): 1. a competitive encounter between individuals or groups carried on for amusement, exercise, or in pursuit of a prize [Merriam Webster Dictionary].

Согласно приведенному определению, игра является деятельностью, нацеленной на получение удовольствия, тренировку каких-либо навыков либо получение вознаграждения. В текстах анализируемых произведений не приводится определение игры, но нижеприведенные примеры частично отражают перечисленные признаки.

«Клуб радости и удачи»

“We had to concentrate on our game, and think of nothing else but adding to our *happiness* through *winning*” [Tan 2008, p. 5].

“And this gift gave me a wonderful confidence. I loved to *win*” [Ibid., p. 42].

«Над пропастью во ржи»

Словосочетание “bashing each other all over the place”, создающее образ грубого физического противостояния, отражает характерное для спортивных игр свойство состязательности “You could see the whole field from there, and you could see the two teams *bashing each other all over the place*” [Salinger 1968, p. 28].

«Игра»

“In such cases he played the Game, and the goal of the Game was to down an *antagonist* and keep that *antagonist* down for a space of ten seconds” [London 2005, p. 13].

3) Причину и цель игры в некоторых случаях возможно отождествить, так как игра, являясь по своей сути свободной и добровольной деятельностью, может не иметь никакой цели за исключением самого побуждения к игре, однако люди играют также ради вознаграждения, самореализации, установления и развития личных отношений. Вместе с тем, существует тенденция перехода игры в своеобразную социальную традицию, но и в этом случае она зачастую преследует перечисленные цели, хотя побуждением к игре в этом случае будет не удовольствие, а, скорее, стремление избежать общественного порицания.

4) Результат игры иногда совпадает с поставленной целью, однако игра может привести и к неожиданным для участников последствиям. Так, результатом игры может стать материальное вознаграждение:

“We added just a little, so you can go Hong Kong, take train to Shanghai, see your sisters” [Tan 2008, p. 12].

Следующий микроконтекст показывает, что обучение другого человека игре способствует развитию дружеских отношений:

"I improved her game immensely, though. I am a very good golfer" [Salinger 1968, p. 93].

Кроме того, игра способна привести к личностной трансформации субъекта и изменению его жизненной позиции:

"I've made a resolution that I will no longer let Cliff or anyone else manipulate me. Life will deal me many different hands, some good, some bad (maybe they've already been dealt), but from here on in, I'll be turning my own cards" [Sachar 2010, p. 315].

5) Следствие (внешнее проявление) игры выражается через описание эмоционального состояния участников игры во время игрового процесса или же эмоций субъекта по отношению к игре. Так, игра дарит радость и уверенность в себе, особенно в случае выигрыша:

"We had to concentrate on our game, and think of nothing else but adding to our *happiness* through winning" [Tan 2008, p. 5].

"And this gift gave me a wonderful *confidence*. I loved to win" [Ibid., p. 42].

Однако возможна и обратная ситуация, когда игра воспринимается как скучное и бессмысленное действие:

"He was telling her about some pro football game he'd seen that afternoon. He gave her any single goddam play in the whole game – I'm not kidding. He was the most *boring* guy I ever listened to" [Salinger 1968, p. 100].

В некоторых случаях игра занимает исключительно важное место в жизни субъекта и вызывает настолько сильный эмоциональный отклик, что чувства становится невозможно выразить словами:

"He *lacked speech-expression*. He expressed himself with his hands, at his work, and with his body and the play of his muscles in the squared ring; but to tell with his own lips the charm of the squared ring was beyond him" [London 2005, p. 1].

Персонажу романа «Помощник игрока в бридж» игра помогает поддерживать волю к жизни. Лестер Трэпп тяжело болен и живет только ради бриджа:

"There's a different kind of will, the will to live. Gloria was probably right when she said the nationals had been *keeping Trapp alive*" [Sachar 2010, p. 210].

6) Локатив игры выражается через описание организации игрового пространства.

"When I played, I didn't see the person sitting opposite me. I only saw the black and white chessmen on the board" [Tan 2008, p. 37].

"You could see the whole field from there, and you could see the two teams bashing each other all over the place" [Salinger 1968, p. 28].

"As he described the moment of moments to her, on his inward vision were lined the tottering man, the lights, the shouting house..." [London 2005, p. 2].

"Three rows of square tables. Eight tables per row. Four chairs at each table. Computer printouts posted on the walls" [Sachar 2010, p. 18].

Ближайшая периферия

Ближайшая периферия представлена образными ассоциациями.

В романе «Клуб радости и удачи» игра ассоциируется с волшебством и тайной, доступной немногим:

"A light wind blew past my ears, whispering *secrets* only I could hear" [Tan 2008, p. 37].

"I realized I could no longer see the *secret* weapons of each chessman, or the *magic* in every square" [Ibid., p. 43].

Впоследствии после ссоры с матерью игра в восприятии героини связывается с конфликтом и противостоянием: "In my head I saw a chessboard. The *player opposite* me had eyes like angry black holes in her face" [Ibid., p. 42].

Что касается маджонга, данная игра становится символом связи поколений: "My father has asked me to be the fourth player at the Joy Luck Club. I am replacing my mother, whose seat at the mah jong table has been empty since she died two months ago" [Ibid., p. 2].

В романе «Над пропастью во ржи» игра связывается с обманом и лицемерием. В нижеприведенном микроконтексте представлено описание рекламы школы Пенси, которое, по мнению героя, не соответствует действительности: "The advertise in about a thousand magazines, always showing some hot-shot guy on a horse jumping over a fence. Like as if all you ever did at Pencey was play polo all the time. I never even once saw a horse anywhere near the place" [Salinger 1968, p. 28].

Также игра может быть представлена как универсальный закон социального взаимодействия, причем закон несправедливый, основанный на навязанных правилах: "Life is a game, boy. Life is a game that one plays *according to the rules*" [Ibid., p. 33].

В повести Дж. Лондона «Игра» Женева «воспринимает игру не просто как опасное явление, но как враждебное живое существо, коварного и жестокого противника, который стремится обманом отнять у нее возлюбленного» [Сатина 2020, с. 111].

"She revolted instinctively against this Game which drew him away from her, *robbed her of part of him*" [London 2005, p. 4].

Джо также ощущает это противостояние: “He saw only the *antagonism* between the concrete, flesh-and-blood Genevieve and the great, abstract, living Game” [London 2005, p. 3].

После гибели Джо Женестье понимает, что никогда не была для возлюбленного на первом месте: «Хотя Игра требовала от Джо постоянного риска, непомерных усилий, а в итоге отняла саму жизнь, именно Игре его сердце принадлежало полностью» [Сатина 2020, с. 112].

В романе «Помощник игрока в бридж» ближайшая периферия представлена следующими микротекстами.

После смерти дяди Элтон представляет его сидящим за игральным столом и объявляющим «пас»: “He reaches into the bidding box, removes a pass card, and places it on the table. Then he slowly vanishes” [Sachar 2010, p. 210].

Согласно правилам бриджа, термин «пас» «означает отказ от назначения на данном круге торговли или от участия в розыгрыше на данной сдаче» [Правила игры в бридж]. Можно заметить, что значение выражения “to pass away” (умереть) соотносится со значением данного термина, выражающего намерение сделать паузу в игре [Сатина 2019, с. 430].

Еще один пример подобной игры слов связан с эпизодом, когда подруга и напарница Элтона использует неожиданный для соперников прием, благодаря которому друзья достойно завершают игру. Элтон объясняет произошедшее работой подсознания [Там же]. Нижеприведенная цитата показывает, как связь между сознанием и подсознанием обозначается омонимичной названию игры лексемой “bridge” (мост): “Her anger formed a connection between her conscious and subconscious minds, a *bridge*, if you will” [Sachar 2010, p. 161].

В данном случае игра помогает в полной мере раскрыть интеллектуальные способности человека.

Также Элтон часто сравнивает освоение бриджа с обучением другим играм (футбол, шахматы, бинго), а также различным видам неигровой деятельности (поэзия, изучение иностранных языков). Данные сравнения придают наглядность и делают предмет рассуждения более понятным для читателя [Сатина 2019, с. 430]. Элтон утверждает, что в бридже не нужно запоминать, когда используется тот или иной прием, так как каждое действие игрока обусловлено предыдущим, что делает процесс игры похожим на разучивание текста песни, когда запоминается произведение в целом, а не каждое отдельное слово [Сатина 2020, с. 119].

“I don’t think he purposely set out to memorize every three of spades or seven of clubs. I think it’s more like the way you or I memorize the song lyrics” [Sachar 2010, p. 135].

Дальнейшая периферия

Дальнейшая периферия представлена субъектно-модальными смыслами, выражающими личное отношение к игровому процессу его участников или наблюдателей.

Так, героям романа «Клуб радости и удачи» игра помогает отвлечься от повседневности, а успехи в игре способствуют уверенности в себе.

“We had to concentrate on our game, and *think of nothing else* but adding to our happiness through winning” [Tan 2008, p. 5].

“And this gift gave me a wonderful *confidence*. I loved to win” [Ibid., p. 42].

Интерес к игре может служить основой для начала дружеских отношений [Сатина 2020, с. 104], также игра способна сплачивать коллектив или по крайней мере формально поддерживать установленные в коллективе традиции.

“He was quite interested in tennis, and so was I. He told me he went to the Nationals at Forest Hills every summer, and I told him I did too, and then we talked about certain hot-shot tennis players for quite a while” [Salinger 1968, p. 124].

“The game with Saxon Hall was supposed to be a very big deal around Pencey” [Ibid., p. 28].

Однако отношение к спортивным играм у героя романа «Над пропастью во ржи» неоднозначно, следующие цитаты иллюстрируют восприятие игры как олицетворения глупости и ограниченности окружающих [Сатина 2020, с. 103].

“He was telling her about some pro football game he’d seen that afternoon. He gave her any single goddam play in the whole game – I’m not kidding. He was the most boring guy I ever listened to” [Salinger 1968, p. 100].

“...And you have to keep making believe you give a damn if the football team loses, and all you do is talk about girls and liquor and sex all day, and everybody stick together in these little dirty goddam cliques. The guys that are on the basketball team stick together, the Catholics stick together, the goddam intellectuals stick together, the guys that play bridge stick together” [Ibid., p. 140-141].

Для героя повести Дж. Лондона «Игра» бокс (в указанном произведении под игрой подразумевается данный вид спорта) является делом всей жизни, по степени значимости составляющим конкуренцию даже любви к Женестье.

He saw only the *antagonism* between the concrete, flesh-and-blood Genevieve and the great, abstract, living Game [London 2005, p. 3].

«Помощник игрока в бридж»

Стоит отметить, что на создание данного произведения Л. Сейкера вдохновила любовь к бриджу: “Still, I really *love* the game...” [Sachar 2010].

Однако отношение персонажей произведения к бриджу весьма противоречиво и может меняться по ходу повествования. Когда Элтон начинает знакомство с игрой, бридж кажется ему старомодным, нелепым и скучным:

“I knew bridge was a card game, but that was about it. It seemed *dull and old-fashioned*” [Sachar 2010, p. 17].

Вместе с тем герой признает, что до изобретения компьютерных игр бридж мог быть вполне увлекательным занятием [Сатина 2020, с. 129].

“Maybe, at one time, bridge might have been some people’s *idea of fun*, but that was before computers and video-games” [Sachar 2010, p. 17].

Тем не менее молодой человек начинает испытывать любопытство и интерес: «Вероятно, игра, которая настолько увлекает людей, не может не быть в чем-то особенной» [Сатина 2020, с. 128].

“Even though I didn’t understand what they were talking about, I think that was my first inkling that bridge *wasn’t just a simple game*, and that there maybe was something extraordinary about my uncle” [Sachar 2010, p. 27].

Что касается дяди Элтона, для него бридж не просто любимое занятие, игра помогает ему в борьбе с болезнью, поддерживая волю к жизни [Сатина 2020, с. 128].

“There’s a different kind of will, the will to live. Gloria was probably right when she said the nationals had been *keeping Trapp alive*” [Sachar 2010, p. 210].

Следующие микроконтексты характеризуют бридж как важное занятие, ради которого можно отложить другие дела [Сатина 2020, с. 128].

“That’s *more important*” [Sachar 2010, p. 18].

“Trapp’s tournament *means a lot more* than some stupid party” [Ibid.].

Заключение

Концептосфера “game”, объективированная в проанализированных произведениях, представляет собой сложное многоуровневое образование, ядром которого является когнитивно-пропозициональная структура, определяющая основные аспекты взаимодействия Игры и Человека. Приядерную зону составляют лексические репрезентации, которые раскрывают составляющие ядра. Ближайшая периферия формируется образными ассоциациями, например, игра представляется как иллюстрация обмана и лицемерия или как образ соперника.

Субъектно-модальные смыслы составляют дальнейшую периферию концептосферы “game” и характеризуются определенной амбивалентностью, обусловленной особенностями проблематики и сюжетного построения проанализированных произведений. Игра может являться личным выбором или социальной традицией. В некоторых случаях игра способствует становлению и развитию личности, укреплению семейных и дружеских отношений («Помощник игрока в бридже», «Клуб радости и удачи»), но игра также может приводить к разобщению людей и конфликту между личностью и обществом («Над пропастью во ржи», «Игра»).

Литература

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012.

Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2005.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.

Правила игры в бридж. URL: <http://pref-bridge.ru/BridgeRules.htm> (дата обращения: 09.11.2022)

Сатина Д. Д. Структура концепта “game” в романе Л. Сейкера “The Cardturner” // Мир науки, культуры, образования. 2019. №2(75). С. 429–432.

Сатина Д. Д. Языковая объективация концепта “game” в англоязычном художественном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2020.

Шабес В. Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989.

References

Arnol'd I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka (Modern English Lexicology). M.: Flinta: Nauka, 2012.

Babenko L. G., Kazarin Ju. V. Lingvisticheskiy analiz hudozhestvennogo teksta. Teorija i praktika (Linguistic analysis of the literary text. Theory and practice). M.: Flinta: Nauka, 2005.

Boldyrev N. N. Kognitivnaja semantika. Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku (Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics). Tambov: Izdatel'skiy dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014.

Pravila igry v bridzh (Rules of bridge). URL: <http://pref-bridge.ru/BridgeRules.htm> (data obrashhenija: 09.11.2022)

Satina D. D. Struktura koncepta “game” v romane L. Sejkera “The Cardturner” (The structure of the concept game in the novel “The Cardturner” by L. Sachar) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2019. №2(75). S. 429–432.

Satina D. D. Jazykovaja objektivacija koncepta "game" v anglojazыchnom hudozhestvennom diskurse (The linguistic objectivation of the concept "game" in the English language discourse): dis. ... kand. filol. nauk. Kurgan, 2020.

Shabes V. Ja. Sobytie i tekst (Event ant text). M.: Vysshaja shkola, 1989.

Источники

London J. The Game. The Project Gutenberg eBook, 2005. URL: <https://liteka.ru/english/library/1091-the-game#1> (дата обращения: 10.11.2022)

Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/game> (дата обращения: 16.03.2020)

Sachar L. The Cardturner. New York: Delacorte Press, 2010.

Salinger J. D. The Catcher in the Rye. M.: Progress Publishers, 1968.

Tan A. The Joy Luck Club: simplified edition. Oxford University Press, 2008.

ПЕРЕВОДИМ ЭМОЦИИ: ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В РАБОТЕ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье рассматриваются возможности использования эмоционального интеллекта переводчика для наиболее точной передачи эмоций в исходном сообщении в переводе. Эмоциональный интеллект понимается как способность человека распознавать и контролировать свои собственные эмоции, а также понимать эмоции, намерения и мотивы других людей в целях решения практических профессиональных задач. В статье описывается специфика передачи эмоционального послыла в устном переводе и предлагаются некоторые методические решения заявленной проблемы в подготовке переводчиков. В ходе междисциплинарного исследования использовались такие методы исследования, как наблюдение, эксперимент, анализ и методическое моделирование. Результаты данного междисциплинарного исследования показали, что способность распознавания и правильной интерпретации эмоций в переводе может и должна развиваться в процессе обучения переводчика и совершенствоваться в профессиональной деятельности до умения и навыка.

Ключевые слова: эмоция, переводчик, эмоциональный интеллект, эмотивность

Бугреева Е. А.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

TRANSLATING EMOTIONS: EMOTIONAL INTELLIGENCE IN INTERPRETATION

The article discusses interpreter's emotional intelligence as a tool to decode and correctly translate emotions encoded in the source text by means of the target language. Emotional intelligence is an ability to recognize and analyse one's own emotions and understand and decode other people's emotions, intentions, and motives to solve practical professional tasks. This article reviews special features of translating emotional message and at the same time offers some methodological solutions to the issue in teaching translators. This interdisciplinary research uses methods such as observation, experiment, analysis and methodological modelling. This interdisciplinary research shows that interpreters can develop their ability to decode and correctly render emotions in interpretation and master it up to a skill in professional life.

Keywords: emotion, interpreter, emotional intelligence, emotiveness

Введение

Одним из главных современных трендов в профессиональной сфере является возрастающий запрос работодателя на так называемые надпрофессиональные (мягкие) навыки (когнитивные, социальные и эмоциональные), что находит отклик в образовательной среде – практика подготовки специалистов меняется. На VI конференции СберУниверситета «Больше чем обучение. Новые приоритеты в меняющемся мире» 28 октября 2022 года участникам одного из треков было предложено проголосовать за самую востребованную в современном мире группу навыков. Аудитория выбрала мягкие навыки, на втором и третьем месте оказались цифровые и профессиональные соответственно. [СберУниверситет, 2022] С. Хабсчер-Дэвидсон подчеркивает, что «переводчик должен понимать, что чувствует и чего хочет клиент, автор или читатель, и уметь передать это в переводе. Эта способность является одним из условий успешного устного и письменного перевода и частью эмоционального интеллекта (ЭИ)» [Hubscher-Davidson, 2013, с. 333-336].

Общая гипотеза данного исследования: развитие ЭИ и умение использовать ЭИ играет важную роль для обеспечения точного перевода, а также для устойчивого профессионального саморазвития переводчика. В данной статье рассматривается один из аспектов этой проблемы: умение вместе со смыслом передать эмотивность исходного текста в устном переводе. Цели данного исследования: 1) описать специфику передачи эмотивности высказывания в устном переводе; и 2) предложить примеры упражнений, которые помогли бы переводчикам научиться распознавать и правильно передавать эмоции других людей в устном

переводе. Методы исследования, использованные в ходе исследования: наблюдение, эксперимент, анализ, методическое моделирование. Метод наблюдения позволил выявить и сформулировать проблему точной передачи эмоции в переводе или использования прагматической адаптации. В ходе исследования был проведен эксперимент по изучению реакций двух аудиторий на одно и то же сообщение и проанализированы его результаты. Метод методического моделирования позволил разработать примеры упражнений, которые могут помочь переводчику развить умение понимать и точно передавать эмотивность исходного сообщения на языке перевода, добиваясь эквивалентной реакции аудитории.

Специфика передачи эмотивности исходного текста в переводе

Начнем с определения ключевых для данного исследования понятий. *Эмоцией* называется относительно кратковременное переживание: радость, гнев, страх, удивление, тревога [Арнольд 1981, с. 106]. Эмоциональное состояние – это спонтанная реакция человека на события (агентивные и безагентивные) внешнего мира [Арутюнова 1980, с. 239]. Важно различать эмоциональность как свойство личности, которое проявляется в частоте возникновения эмоций и чувств, и эмотивность – выражение эмоциональности с помощью языковых и речевых средств. Также нужно принимать во внимание, что «есть эмоции и их физическая экстеризация (смех, слезы и пр.), а также вербализация эмоций, то есть две семиотические системы эмоций. Первичная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надежности, прямоте, степени искренности и качества выражения и коммуникации эмоций. Однако многие аспекты человеческих эмоций просто не передаются словами, ибо язык беднее действительности: его семантическое пространство не полностью покрывает весь мир» [Гузик 1997, с. 132]. Эмоции далеко не всегда проявляются в чистом виде: требуются их интерпретация, которая к тому же всегда субъективна. Одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному, в зависимости от множества факторов, в том числе и языковых [Потапова, 2003].

Кстати, умение «предугадывать» (конечно, основываясь на знании ситуации) отношение спикера к тому, о чем идет речь, является частью механизма вероятностного прогнозирования (см.: теорию синхронного перевода Г.В. Чернова и И.А. Зимней). В аудиовизуальном переводе одной из задач является передача *эмоционального опыта*. Например, при переводе комедии необходимо заставить зрителя переводного фильма засмеяться столько же раз, сколько засмеётся зритель оригинального фильма [Козуляев, 2018].

Авторы одной из классификаций переводческих ошибок Д.М. Бузаджи, В.В. Гусев, В.К. Ланчиков, Д.В. Псущев одной из них считают «нарушения, связанные с передачей авторской оценки: ошибки, связанные с ослаблением или усилением экспрессии оригинала, ошибки, связанные с неточной передачей авторской оценки (нейтрализация или немотивированное создание)» [См.: Дупленский, 2015]. В.Н. Комиссаров считал, что изменение переводчиком эмоционально-стилистической характеристики фразеологизма как правило приводит к неадекватному переводу [Комиссаров, 2004, р. 172].

Приведём пример из истории устного перевода. На встрече Б. Клинтона и Б. Ельцина в 1995 году Президент России говорит: «Вот вы, журналисты, предрекали провал. На самом деле это вы провалились». Переводчик: “You, journalists, said it would be a disaster. In fact *you are a disaster*”. Клинтон хохочет, а Борис Ельцин в недоумении. Переводчик, конечно, «переборщил», и Клинтон смеётся над слэнговым значением этого выражения, чего Ельцин не понимает и, наверное, не имел в виду. Можно было перевести эту фразу с более нейтральным глаголом to fail («провалиться»): “In fact, it’s you who have failed!” [Чужакин, Палащенко, 2000, с. 53-54].

Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснить предметно-логическое или значительно его модернизировать. Так как «коннотативное может стать едва ли не основным содержанием высказывания» [Скребнев 1975, с. 26], важно постоянно помнить об этом в переводе. Кроме того, «эмоциональное состояние человека часто обусловлено определенным состоянием действительности, которое человек оценивает тем или иным образом, эмоциональная реакция человека, воспринимаемая им физически или ментально, оказывается всякий раз разнообразной, характеризующая различными эмоциональными признаками» [Потапова, 2003]. Переводческая история идиомы «Мы вам покажем Кузькину мать!» в речи Н. С. Хрущёва является одним из показательных случаев [См.: Суходрев, 2008].

Для правильной передачи эмоций и их коннотаций важно принимать во внимание *культурный код* автора и реципиента, а также *темпоральный фактор*. Примером могут служить мемы как часть культурного кода. Большинство мемов – поговорки и пословицы, анекдоты, крылатые слова, библеизмы, шекспиризмы, игра слов, каламбуры, и даже цитаты – подвержены эмоциональным коннотациям. Практика показывает, что сегодняшняя молодёжь не реагирует на большую часть мемов из советских фильмов. А если их попытаться перевести, например, на английский язык, боюсь, они не только не вызовут адекватных эмоций, но вообще не будут восприняты как нечто осмысленное. Например, «Какая гадость, какая гадость эта ваша заливная рыба!» из фильма Э. Рязанова. Думаю, ни нейтрализованный вариант перевода “This is the worst jellied fish I ever ate”, ни более эмоциональный “Oh, what’s this shit ... your fish in aspic!” не вызовет нужных ассоциаций и, соответственно, эмоций у непосвящённого реципиента. С другой стороны, немногие из старшего

поколения адекватно воспримут мем «Зима близко» (“Winter is coming”) - девиз дома Старков из сериала «Игра престолов».

Прагматическая адаптация: «сглаживание» эмотивности исходного текста в переводе

В переводе часто возникает дилемма: сгладить эмоциональный «заряд» спикера (по разным причинам) или, наоборот, дословно передать и, возможно, шокировать аудиторию, например, при переводе табуированной или обценной лексики. В. Н. Комиссаров считал, что «сознательный отход от оригинала может потребовать от переводчика большой находчивости и эрудиции» и восхищался высоким профессионализмом переводчика, который перевел резкий ответ русского «Скажи ему, что мне нравятся картины, где бабы и собаки» как “The general prefers Flemish painting” («Генерал предпочитает фламандскую живопись») [Комиссаров, 2002, с. 146].

Другой сценарий - осознанная ассимиляция переводчиком эмоционального фона речи спикера к переводящему языку и культуре. М. Берди приводит пример традиционного в России тоста «За прекрасных дам, которые украшают наш стол!». Перевод “To our ladies, the beautiful table decorations!” может быть воспринят, например, в американской культуре, как нарушение политкорректности или даже проявление сексизма, и вызвать обратную эмоциональную реакцию. Поэтому М. Берди предлагает прагматически адаптированный перевод “I raise my glass to the brilliant women gracing our table” [Берди, 2004, с. 43].

Эксперимент

Возьмем за единицу измерения передачи эмоции в переводе реакцию реципиента перевода. Материалом для эксперимента было выбрано выступление писательницы и актрисы Мэйсун Зайдн на TEDWomen 2013 “I got 99 problems ... palsy is just one”¹. Выступление насыщено аллюзиями, прецизионными именами, шутками, идиомами. Условимся, что реакция аудитории – смех – является физической экстерноязычной эмоцией. Сначала проследим реакции англоязычной аудитории на оригинальное выступление – аудитория смеется 34 раза. Сравним этот результат с реакцией русскоязычной аудитории (15 взрослых разного возраста и рода занятий, не владеющих английским языком) на перевод выступления на русский язык – аудитория смеется 26 раз. Приведем пример совпадения реакций аудиторий. Перевод на русский язык выполнен автором статьи.

01:09 *And I don't want anyone in this room to feel bad for me, because at some point in your life, you have dreamt of being disabled. Come on a journey with me. It's Christmas Eve, you're at the mall, you're driving around in circles looking for parking, and what do you see? Sixteen empty handicapped spaces. (Laughter) And you're like, "God, can't I just be a little disabled?" (Laughter)*

И я не хочу, чтобы кто-нибудь в этом зале сочувствовал мне, потому что в некоторые моменты своей жизни и вы мечтали о том, чтобы быть инвалидами. Представьте себе: канун Рождества, вы приехали в супермаркет и наматываете круги в поисках места для парковки. И что вы видите? Шестнадцать свободных мест для инвалидов. (Смех) Вы кричите: «Боже, ну вот если бы я был хоть чуточку инвалидом!» (Смех)

В восьми случаях реакция аудиторий не совпала. Приведем примеры и попробуем определить причины несовпадений.

00:09 *I have cerebral palsy, which means I shake all the time. Look. It's exhausting. I'm like Shakira, Shakira meets Muhammad Ali. (Laughter)*

У меня церебральный паралич, и меня постоянно трясёт. Взгляните. Это невыносимо. Как-будто встретились Шакира и Мухаммеда Али.

После этих слов актриса встает со стула и демонстрирует, как ее тело постоянно трясётся. Русскоязычная аудитория не засмеялась. Это могло произойти по разным причинам. Во-первых, участники эксперимента могли не знать или не помнить, что боксер Мухаммед Али страдал от симптомов болезни Паркинсона, у него наблюдались нарушения моторных функций, а певица Шакира известна своеобразными танцами. Во-вторых, в американской культуре не принято скрывать серьезные заболевания или стесняться их, а в российской вряд ли кто-то станет это демонстрировать.

Приведём примеры частичного совпадения реакции аудиторий.

01:49 *If there was an Oppression Olympics, I would win the gold medal. I'm Palestinian, Muslim, I'm female, I'm disabled, and I live in New Jersey. (Laughter)*

Если бы существовали Олимпийские игры для обиженных судьбой, я была бы золотым медалистом. Я - палестинка, мусульманка, женщина и инвалид. (Смех) А ещё я живу в Нью-Джерси.

В целом, шутка понятна, но русскоговорящая аудитория не совсем поняла, почему то, что Мэйсуна живет в Нью-Джерси, тоже смешно. Эта шутка связана с другой:

03:26 *Growing up, there were only six Arabs in my town, and they were all my family. (Laughter) Now there are twenty Arabs in town, and they are still all my family. (Laughter) I don't think anyone even noticed we weren't Italian. (Laughter)*

¹ https://www.ted.com/talks/maysoon_zayid_i_got_99_problems_palsy_is_just_one/transcript

Когда я была маленькой, в нашем городе было только шесть арабов, и все они принадлежали к моей семье. Теперь там двадцать арабов, и все они - моя семья. (Смех) Не думаю, что кто-нибудь вообще заметил, что мы не итальянцы.

Нужно отметить, что население штата Нью-Джерси - одно из самых разнообразных в США по этнической и религиозной принадлежности. Около 18% населения – итальянцы. То есть несовпадение реакций можно объяснить недостаточным знанием реалий. Как, например, в следующем примере.

05:17 My parents reinforced this notion that I could do anything, that no dream was impossible, and my dream was to be on the daytime soap opera "General Hospital". (Laughter)

Мои родители укрепили во мне веру в то, что я всё могу, что невыполнимых желаний просто нет. А я мечтала с играть в мыльной опере «Центральная больница».

Чтобы понять, почему это смешно, нужно знать, что *General Hospital* — это американский сериал, который выходит в дневное время на канале ABC с 1963 года до сих пор. Но так как в России он не демонстрировался, русскоязычной аудитории это может быть неизвестно. Тем более, что ни один из встречающихся вариантов перевода – «Центральная больница», «Главный госпиталь» или «Больница общего профиля» - не отражает «мыльное» содержание сериала и точно не является знакомым для российской аудитории. Сравните возможную реакцию реципиентов перевода, если бы можно было заменить в переводе *General Hospital* на «Санта Барбара».

Упражнения для развития умения распознавать эмоции других людей

Изучение общих невербальных признаков того или иного эмоционального состояния человека (жесты, мимика, положение тела) в разных культурах.

Анализ аутентичных эмоций в динамике (в том числе, в разных культурах).

Storyboarding – визуализация опыта других людей.

Карты эмпатии (empathy map) – описание того, что человек видит, слышит, думает, делает, чувствует и говорит в конкретной ситуации.

Упражнение «Немое кино» - описание эмоций людей при просмотре фильма, интервью, телепередачи в режиме «без звука».

Упражнения для развития умения передавать эмоции других людей в переводе

Анализ и перевод выступлений разных типов спикеров.

«Тифлокомментирование» эмоциональных сцен в фильмах, телепередачах

Упражнение «Эмоция в оригинале = эмоция в переводе»

Рассказывание анекдотов на переводящем языке

Постоянное пополнение фоновых знаний и выработка находчивости

М. Цвиллинг отмечает, что любая методика развития интуиции и находчивости переводчика может иметь успех «лишь при наличии необходимых психологических и интеллектуальных предпосылок в самой личности обучаемого» [Цвиллинг, 2006, с. 42], то есть развитого ЭИ.

Выводы

Специфика передачи эмотивности высказывания в переводе заключается в понимании природы эмоциональности личности и эмотивности текста, умения понимать эмоции других людей, учете темпорального фактора, а также культурного кода спикера и реципиента.

Можно выделить несколько сценариев передачи эмотивности высказывания (эмоционального послыла/фона речи) спикера в устном переводе: 1) точная передача; 2) неточная передача (как ошибка): ослабление или усиление экспрессии оригинала, неточная передача авторской оценки (нейтрализация или немотивированное создание); 3) прагматическая адаптация: а) (осознанное) «сглаживание» эмоционального послыла спикера (по разным причинам: заказ/договоренность со спикером, в интересах своей стороны) или б) (осознанная) ассимиляция эмоционального фона речи спикера к переводящему языку и культуре.

Причинами несовпадения эмотивности высказывания (эмоционального послыла/фона речи) оратора и реакции аудитории могут быть: 1) недостаточные экстралингвистические знания (непонимание ситуации) реципиентов или переводчика; 2) межкультурные различия (несовпадение восприятия и реакции на конвенциональные правила коммуникации в разных культурах); 3) намеренное сглаживание экспрессивности высказывания переводчиком; 4) неспособность переводчика передать эмоциональный послыл спикера в переводе (отсутствие находчивости).

Изучение концепции ЭИ и наращивание умений и навыков, входящих в это понятие, с помощью упражнений может способствовать повышению качества перевода и устойчивому профессиональному развитию переводчика.

Литература

- Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка. - Л., 1981. - 295 с.
- Арутюнова, Н.Д. К проблеме функциональных тропов лексического значения // *Аспекты семантических исследований*. - М., 1980. - С. 156-249.
- Берди, М. Пятки переводчика // *Мосты. Журнал переводчиков*. №1. М.: П. Валент, 2004. - С. 39-43.
- «Больше чем обучение. Новые приоритеты в меняющемся мире» VI конференция СберУниверситета 28 октября 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://conference.sberuniversity.ru/morethanjustlearning2022/#about> (дата обращения 28.10.2022)
- Гузик, Ю.В. Некоторые аспекты эмотивной семантики с точки зрения системного подхода // *Тезисы докладов 5-й конференции молодых ученых*. - Ярославль, 1997. - С. 131-134.
- Дупленский, Н.К. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору. - М., 2015. - 176 с.
- Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. - М.: ЭТС. - 2002. - 424 с.
- Козуляев, А. Как научиться переводить фильмы и сериалы? 25.08.2018 [Электронный ресурс] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8kcvYSOW1pc> (дата обращения 20.10.2022)
- Потапова, С.Ю. Номинация лица в обиходном дискурсе. - Ярославль: МУБиНТ, 2003. - 276 с.
- Скребнев, Ю.М. Очерк теории стилистики. - Горький, 1975. - 175 с.
- Суходрев, В.М. Язык мой – друг мой. От Хрущева до Горбачева... Изд-во ТОНЧУ, 2008. - 536 с.
- Чужакин, А.П., Палащенко, П.Р. Мир перевода-2000. Introduction to Interpreting. П. Валент, М., 2000. - 184 с.
- Цвиллинг, М. Переводческие «сюрпризы». (Непредсказуемое в устном переводе) // *Мосты. Журнал переводчиков*. № 2(10). М.: П. Валент, 2006. - С. 35-42.
- Hubscher-Davidson, S. Emotional intelligence and translation studies: A New Bridge. *Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, vol. 58, No 2, 2013, 324-346.

References

- Arnold I.V. Stilistika sovremennoogo angliiskogo yazyka [Modern English stylistics]. Leningrad, 1981. 295 p.
- Arutiunova N.D. K problem funktsionalnykh tropov leksicheskogo znachenii [On functional tropes of lexical meaning]. *Aspekty semanticheskikh issledovaniy* [Aspects of Semantic Research]. Moscow, 1980, 156-249.
- Berdy M. Pytki perevodchika [Translator's torcher], *Mosty*. [Bridges. Translators and Interpreters' Journal], 2004, No 1, pp. 39-43.
- Bolshe chem obucheniie. Novyye priorityty v meniaiushchemsia mire [More than learning. New priorities in the changing world]. 4th Conference of SberUniversity, 28 October 2022. URL: <https://conference.sberuniversity.ru/morethanjustlearning2022/#about> (28.10.2022) (in Russian)
- Guzik Yu.V. Nekotoryie aspekty emotivnoi semantiki s tochki zreniia sistemnogo podkhoda [Aspects of emotive semantics within the systemic approach], 5th Conference of young researchers. Yaroslavl, 1997, pp. 131-134.
- Duplensky N. K. Pismennyi perevod. Rekomendatsii perevodchiku, zakazchiku i redaktoru [Translation. Recommendations to Translators, Customers, and Editors]. Moscow, 2015. 176 p.
- Komissarov, V.N. Sovremennoie perevodovedeniie [Modern translation studies]. Moscow, 2002. 424 p.
- Kozulyaev A. Learning How to Translate Films. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8kcvYSOW1pc> (20.10.2022)
- Potapova S.Yu. Nominatsiia litsa v obikhodnom diskurse [Nomination of a person in every day discourse]. Yaroslavl, 2003. 276 p.
- Skrebnev Yu.M. Ocherk teorii stilistiki [Theory of stylistics]. Gorky, 1975. 175 p.
- Sukhodrev, V.M. Yazyk moi – drug moi. Ot Khrushcheva do Gorbacheva... [My tongue is my friend. From Khrushchev to Gorbachev...] TONCHU, 2008. 536 p.
- Chuzhakin A.P., Palazhenko P.R. Mir perevoda -2000 [World of translation-2000]. Moscow, 2000. 184 p.
- Tsvilling M. Perevodcheskie "siurprizy". (Nepredskazuemoe v perevode) ["Surprises" for a translator (The unpredictable in translation)], *Mosty* [Bridges. Translators and Interpreters' Journal], 2006, No 2(10), pp. 35-42.
- Hubscher-Davidson, S. Emotional intelligence and translation studies: A New Bridge. *Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, 2013, vol. 58, No 2, pp. 324-346.

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОЯЗЫЧНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЕ

В силу профессиональной специфики высшая военная школа имеет свои особенности обучения иностранным языкам. Автор предлагает рассматривать систему иноязычного обучения в рамках интегративно-рекомбинационного подхода, позволяющего использовать передовые идеи разных методических подходов и комбинировать их. Основой системы иноязычного обучения в высшей военной школе является профессионально-ориентированная направленность, что выражается в содержательно-тематическом компоненте системы.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное иноязычное обучение, высшая военная школа, закономерности образовательного процесса, интегративно-рекомбинационный подход, содержание иноязычного обучения.

Vanyagina M. R.

Saint Petersburg military Zhukov's order institute of National Guard troops of Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation

THE SYSTEM OF PROFESSION ORIENTED FOREIGN LANGUAGE EDUCATION IN THE MILITARY TERTIARY INSTITUTIONS

Due to professional peculiarities, the higher military school has its own characteristics of teaching foreign languages. The author proposes to consider the system of foreign-language education within the framework of an integrative-recombination approach, which allows using advanced ideas of different methodological approaches and combining them. The basis of the system of foreign language education in a higher military school is a profession orientation, which is expressed in the content-thematic component of the system.

Key words: profession oriented foreign language education, higher military school, regularities of educational process, integrative-recombination approach, content of foreign-language training.

В России всегда особое внимание уделялось армии и флоту, а также воспитанию офицерского корпуса, так как историческое становление России как единого и сильного государства связано с участием в длительных военных конфликтах. Высшая военная школа «является уникальной школой качественной подготовки военных специалистов. Именно офицерский корпус концентрирует и воплощает в себе национальные военные традиции, в его среде вырабатывается преемственность поколений носителей воинской славы страны» [9, с.75]. Высшее военное образование имеет свои особенности. Оно нацелено на подготовку кадровых офицеров, способных внести свой вклад в обороноспособность государства, защиту национальных интересов страны, противодействие различным угрозам. «Система военного образования Российской Федерации – уникальное социальное явление мирового масштаба. Исторически сложилось так, что более трех столетий назад именно военное образование стало праматерью профессионального образования страны» [10, с. 205].

Взяв за основу определение Овечкина А.Н. [8, с.12], мы полагаем, что российская высшая военная школа – это совокупность военных образовательных организаций высшего образования (ВООВО) силовых ведомств, служб и министерств Российской Федерации, а также учебных военных центров (УВЦ) при гражданских вузах, целью которых является обучение и воспитание кадровых офицеров по различным направлениям подготовки по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Выпускник военного вуза должен обладать набором профессиональных и универсальных компетенций, среди которых способность и готовность осуществлять коммуникацию на иностранном языке в повседневной, деловой и профессиональной сфере, читать и переводить иноязычные источники по профилю подготовки, извлекать из них и использовать в профессиональной деятельности необходимую информацию. Обучению иностранным языкам в военных вузах уделяется особое внимание. Дисциплина «иностраный язык» входит в цикл изучаемых гуманитарных наук как обязательная для усвоения на этапе высшего образования.

Иноязычная подготовка осуществляется по программам бакалавриата и специалитета в течение двух – пяти лет обучения курсантов, по программам магистратуры – в течение двух лет – всего периода обучения, по программе подготовки кадров высшей квалификации – в течение одного-двух лет до сдачи кандидатского экзамена. Помимо этого на специалитете в большинстве военных вузов имеется возможность получить дополнительную квалификацию по программе дополнительного образования «переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Этапы системы иноязычного обучения в высшей военной школе представлены на рис. 1.

Рис. 1. Этапы системы иноязычного обучения в высшей военной школе

Особенности обучения иностранным языкам в ВООВО напрямую зависят от закономерностей образовательного процесса в высшей военной школе. К таким закономерностям относятся: неразрывная связь обучения и воспитания, совмещение учебной и служебной деятельности обучающихся, получение одновременно гражданской и воинской специальности, нацеленность на выполнение особых служебных задач в профессиональной деятельности, жесткая регламентация учебной и иной деятельности, беспрекословное соблюдение субординации, повышенная физическая и психологическая нагрузка на обучающихся, большая роль воинского коллектива, соблюдение военных традиций и ритуалов, особый режим работы с информацией с соблюдением государственной и военной тайны.

Вышеуказанные характеристики образовательного процесса в военной сфере приводят к возникновению противоречий между современными требованиями к организации процесса обучения иностранному языку в вузах и педагогических условий в высшей военной школе. Эти противоречия заключаются в:

- 1) несоответствии требования индивидуализации обучения и необходимостью преимущественно командной работы во время служебной деятельности курсантов;
- 2) строгой регламентации процедур и действий в военной среде, препятствующей развитию креативных способов решения задач;
- 3) формировании одновременно толерантности и готовности «уничтожить» человека при выполнении боевых, служебно-боевых задач;
- 4) ограниченной доступности современных информационных технологий ввиду режима защиты использования информации;
- 5) недостаточном использовании запланированного на обучение времени в связи со служебной деятельностью обучающихся;
- 6) недостаточным пониманием «гражданскими» преподавателями по иностранному языку профессиональной специфики подготовки военнослужащих» [1, с.165].

Решением вышеуказанных противоречий является проектирование, организация, мониторинг и корректировка функционирования эффективной системы иноязычного обучения в высшей военной школе. Данная система должна опираться на теоретико-методические научные основы профессиональной лингводидактики и учитывать цели и принципы иноязычного обучения в высшей школе, функции иностранного языка как гуманитарной дисциплины, достижения современных подходов к иноязычному обучению (см. рис. 2).

Существующие подходы к иноязычному обучению: коммуникативный, компетентностный, социокультурный, когнитивный, аксиологический, деятельностный и другие могут применяться в сочетании, так как их основные методические принципы не противоречат, а напротив дополняют друг друга. В западной педагогике говорят о так называемом посткоммуникативном избирательном эклектизме (post-communicative principled eclecticism) [6, 11]. Относительным аналогом данного подхода в отечественной методике может служить интегративно-рекомбинационный подход.

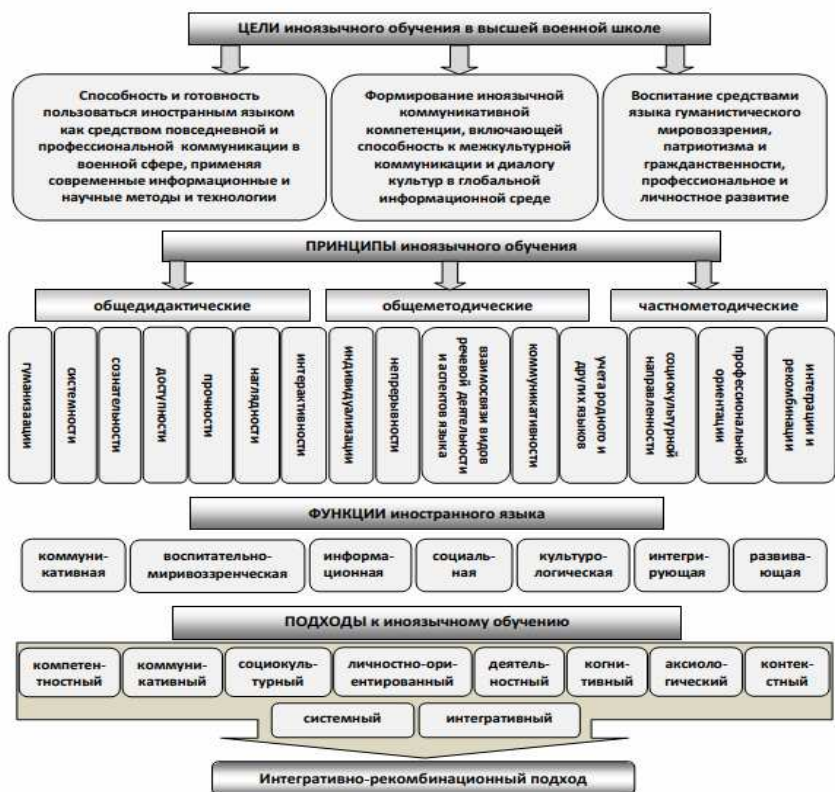

Рисунок 2. Теоретико-методические основы системы иноязычного обучения в высшей военной школе

Указанный интегративно-рекомбинационный подход к иноязычному обучению базируется на интеграции передовых идей различных методических подходов и возможности комбинации технологий и приемов в зависимости от конкретных условий обучения. При этом базовая категория данного подхода – рекомбинация. Рекомбинация – вариативность и адаптивность системы, сочетание и взаимосвязь происходящих процессов, при которых элементы процессов могут выбираться и комбинироваться в новых сочетаниях для достижения максимального эффекта заявленной цели.

Ключевым моментом в иноязычном обучении в высшей военной школе должно являться «создание целостной интегративной системы обучения иностранному языку, направленной на единое непрерывное иноязычное совершенствование личности обучающегося. Необходимо обеспечить преемственность и последовательность изучения тематических модулей на различных этапах образования и служебной деятельности настоящих и будущих военных специалистов» [2, с.169]. Интегративность – важное свойство системы обучения иностранным языкам, которая основана на межпредметной интеграции, развитии универсальных компетенций и гибких навыков и формировании целостного мировоззрения у обучающихся.

При построении системы иноязычного обучения в высшей военной школе необходимо помнить о ведущей роли профессионально-ориентированного обучения иностранному языку на этапе высшего образования. Большинство современных педагогов и методистов признали эффективность различных моделей интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. «Популярное во всем мире интегрированное обучение ИЯ и профессиональным дисциплинам рассматривается сегодня как необходимое условие подготовки будущих профессионалов, способных стать членами международного научного и делового сообщества» [4, с.5]. Методики применения предметно-языковой интеграции (CLIL) [12], языка для специальных целей (LSP) и другие методы профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам специалистов в той или иной сфере показывают свою продуктивность и актуальность

и опираются на положения профессиональной лингводидактики. «Профессиональная лингводидактика как многообластная специальная дисциплина занимается исследованием стратегии формирования профессиональной компетенции специалиста (пересекаясь в этом с профессиональной педагогикой) в процессе обучения иностранному языку (захватывая аспекты лингводидактики)» [5, с.11]. Некоторые исследователи призывают формировать в процессе обучения иностранным языкам многокомпонентную интегрированную «иноязычную профессионально-коммуникативную компетентность (ИПКК)», представляющую собой совокупность профессиональных и коммуникативных компетенций [7].

В качестве основополагающего фактора профессионально-ориентированного иноязычного обучения выступает, в первую очередь, содержательное наполнение курса по иностранному языку. Содержание иноязычного обучения может включать в себя разноуровневые компоненты: единицы изучаемого языка, виды речевой деятельности, формируемые компетенции и ситуационно-тематическое наполнение курса. Выбор тем и ситуаций исходит из областей применения языка. Как правило, это деловая, профессиональная, повседневная и академическая сферы. Отсюда деление на язык для общих целей, деловой язык, язык для специальных целей, язык для академических целей. Мы предлагаем рассматривать также язык для индивидуальных целей.

Для организации системы иноязычного обучения очень важно определить предметную сферу и вычленил необходимые темы для изучения. Универсальные предметные сферы, как правило, включают в себя такие темы как: обучение и подготовка специалистов, структурный состав, происходящие процессы и процедуры, оснащение и оборудование, система коммуникации, корпоративная культура, центральная предметная область, документы, быт. Предомление данных сфер через обучение военных специалистов дает список тем, необходимых в иноязычном обучении (см. табл. 1).

Табл. 1. Тематически-содержательный компонент иноязычного обучения в высшей военной школе

Универсальные предметные сферы	Темы для изучения в высшей военной школе
Обучение и подготовка специалистов	Подготовка сержантов, мичманов, прапорщиков и офицеров в войсках, учебных центрах и военных вузах
Структурный состав	Рода и виды войск
Система взаимоотношений	Звания и должности
Связь и коммуникация	Воинские команды, радиозфир
Виды информации и документов	Боевые приказы, военные карты
Процессы и процедуры	Тактика, виды боевых действий, марши, оказание мед.помощи
Оснащение и оборудование	Боевая техника и виды вооружения
Корпоративная культура	Воинские ритуалы и церемонии: парады, смотры
Профессиональная атмосфера и быт	Воинская часть, казарма, распорядок дня

Данный вариант тематического наполнения профессионально-ориентированного курса иностранного языка не претендует на исключительность и, по всей видимости, не исчерпывает всей полноты содержания иноязычного обучения, но он позволяет систематизировать темы для изучения по иностранному языку, а принцип отбора тем может применяться для различных специальностей. Важным вопросом также является выбор не только самих тем, но и соотносимость их со страной/странами изучаемого языка. К примеру, боевую технику какой страны необходимо изучать в курсе иностранного языка: отечественной, на которой будут в дальнейшем работать будущие офицеры, или передовые образцы вооружения ведущих западных стран? Здесь целесообразно применять принцип разумного сочетания, используя универсальные методы сопоставления и сравнения (компарации) [3].

Ресурсное и методическое обеспечение иноязычного обучения в высшей военной школе базируется на использовании единой цифровой образовательной среды, современной базы учебных пособий и учебно-методических комплексов и привлечении передовых технологий: перевернутый класс, проекты, соревновательная геймификация, использование видеофильмов, применение мнемотехники при обучении лексики, приемы алгоритмизации при обучении грамматике и др.

Интеграционные тенденции в образовании, в частности между гуманитарными и профильными дисциплинами призваны обеспечить преемственность и непрерывность процессов обучения и воспитания личности человека, обладающего духовными и нравственными ценностями. Система непрерывного профессионально-ориентированного иноязычного обучения имеет универсальную интеграционную основу, целью образования при этом выступает формирование всесторонне развитой личности и развитие профессиональной компетентности обучающегося.

Литература

Ванягин В.Е., Ванягина М.Р. Проблемы и противоречия обучения иностранным языкам в военных образовательных организациях высшего образования и пути их решения // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 162-174.

- Ванягина М.Р. Непрерывное интегрированное обучение иностранному языку в системе военного образования // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 455. С. 163-174.
- Ванягина М.Р., Ширшов В.Д. Развитие социокультурной компетенции курсантов на основе лингвострановедческой компарации // Образование и саморазвитие, 2010. №1(17). С. 121-125.
- Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов / под ред. Л. П. Халыпиной. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. 380 с.
- Крупченко А.К. Основы профессиональной лингводидактики / сборник науч.-метод. материалов «Профессиональная лингводидактика в высшем образовании» / под общ. ред. М.В. Дружинной. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Вып. 1. С.10-20.
- Лаврова Н.А. Подход избирательного еkleктизма к обучению английскому языку и его интеграция в российскую систему высшего образования // Перспективы науки и образования. 2019. № С. 425-431.
- Лифанова Е.А., Баграмова Н.В. Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетентности студентов-программистов // Достижения вузовской науки, 2014. № 12. С.32-35.
- Овечкин А.Н., Научно-практические основы отечественной высшей военной школы: монография. М.: МАДИ, 2017. 419 с.
- Ханжина Т.В. Макарев Д.С. Миронов П.Р. Развитие военного образования в России // Молодежь. Образование. Наука, 2018. №1. С. 74-79.
- Чубуков А.Ф. Современное военное образование России: характерные черты, тенденции и закономерности развития // Вестник Башкирского университета, 2009. Т. 14. № 4. С.1557-1561.
- Mellow, D. (2002) Toward principled eclecticism in language teaching: The two-dimensional model and the centring principle. Teaching English as a Second Language Electronic Journal. №5. A-1.
- Tarnaeva, L., & Osipova, E. (2020) Content and Language Integrated Learning in Teaching Translators for Professional Communication. В Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives. (стр. 331-340). (Lecture Notes in Networks and Systems; Том 131). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47415-7_35.

References

- Vanjagin V.E., Vanjagina M.R. Problemy i protivorechija obuchenija inostrannym jazykam v voennyh obrazovatel'nyh organizacijah vysshego obrazovanija i puti ih reshenija (Problems and contradictions of teaching foreign languages in higher military educational institutions and the ways to solve them) // Vestnik PNIPI. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. 2018. № 3. S. 162-174.
- Vanjagina M.R. Nepreryvnoe integrirovannoe obuchenie inostrannomu jazyku v sisteme voennogo obrazovanija (Continuous integrated foreign language teaching in the military education system) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 455. S. 163-174.
- Vanjagina M.R., Shirshov V.D. Razvitie sociokul'turnoj kompetencii kursantov na osnove lingvostranovedcheskoj komparacii (Development of sociocultural competence of cadets on the basis of linguostranological comparability) // Obrazovanie i samorazvitie, 2010. №1(17). S. 121-125.
- Интегрированное обучение иностранным языкам и профессиональным дисциплинам. Опыт российских вузов (Integrated training in foreign languages and professional disciplines. Experience of Russian universities) / под ред. Л. П. Халыпиной. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2018.
- Krupchenko A.K. Osnovy professional'noj lingvodidaktiki (Fundamentals of professional linguodidactics) / sbornik nauch.-metod. materialov «Professional'naja lingvodidaktika v vysshem obrazovanii» / pod obshh. red. M.V. Druzhinnoj. Arhangel'sk: IPC SAFU, 2013. Vyp. 1. S.10-20.
- Lavrova N.A. Podhod izbiratel'nogo jeklektizma k obucheniju anglijskomu jazyku i ego integracija v rossijskuju sistemu vysshego obrazovanija (The approach of selective eclecticism to teaching English and its integration into the Russian higher education system) // Perspektivy nauki i obrazovanija. 2019. № S. 425-431.
- Lifanova E.A., Bagramova N.V. Formirovanie inozazyčnoj professional'no-kommunikativnoj kompetentnosti studentov-programmistov (Formation of foreign-language professional and communicative competence of software students) // Dostizhenija vuzovskoj nauki, 2014. № 12. S.32-35.
- Ovechkin A.N., Nauchno-prakticheskie osnovy otechestvennoj vysshej voennoj shkoly (Scientific and practical foundations of the national higher military school). М.: МАДИ, 2017.
- Hanzhina T.V. Makarev D.S. Mironov P.R. Razvitie voennogo obrazovanija v Rossii // Molodezh'. Obrazovanie. Nauka, 2018. №1. S. 74-79.
- Chubukov A.F. Sovremennoe voennoe obrazovanie Rossii: harakternye cherty, tendencii i zakonornosti razvitiya (Modern military education of Russia: characteristic features, trends and patterns of development) // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2009. T. 14. № 4. S.1557-1561.
- Mellow D. (2002) Toward principled eclecticism in language teaching: The two-dimensional model and the centring principle. Teaching English as a Second Language Electronic Journal. №5. A-1.
- Tarnaeva, L., & Osipova, E. (2020) Content and Language Integrated Learning in Teaching Translators for Professional Communication. В Integrating Engineering Education and Humanities for Global Intercultural Perspectives. (стр. 331-340). (Lecture Notes in Networks and Systems; Том 131). Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-47415-7_35.

Воложанина Т. С., Барачевская А. А.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЕ: ДИАХРОНИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Данная работа посвящена анализу эволюции образа женщины в англоязычной рекламе. Авторы исследования рассматривают примеры текстово-визуальной рекламы, которая была представлена в англоязычных странах в XX в. и в XXI в., и сравнивают образы женщины, формируемые рекламой тогда и сейчас.

Ключевые слова: образ женщины в рекламе, рекламный дискурс, гендерные стереотипы, феминизм, сексизм, роль женщины в обществе

Volozhanina T. S., Barachevskaya A. A.
Saint Petersburg State University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation

TRENDS IN CHANGING THE IMAGE OF A WOMAN IN ENGLISH ADVERTISING: A DIACHRONIC STUDY

This work analyzes the evolution of the image of a woman in English advertising. The authors of the study consider examples of visual text advertising that was presented in English-speaking countries in the 20th century and in the 21st century, and compare the image of a woman formed by advertising then and now.

Keywords: image of a woman in advertising, advertising discourse, gender stereotypes, feminism, role of women in society

Реклама призвана повышать продажи различных продуктов и услуг, однако это возможно только в том случае, если она не провоцирует возникновение сильной негативной реакции у потенциальных покупателей. «Для большего эффекта воздействия на аудиторию, реклама “переводит” товарный дискурс в дискурс социальный, прежде всего в систему представлений целевых рекламных аудиторий». Так, создатели рекламы часто опираются на гендерные стереотипы, существующие в обществе в конкретный период времени. В XX веке социальная роль женщины была преимущественно продиктована такими задачами, как быть хорошей женой и матерью, то есть угождать мужу и заботиться о детях, вести домашнее хозяйство, готовить и убирать, привлекательно выглядеть, а именно – стремиться сохранить молодой вид как можно дольше, иметь стройную женственную фигуру, красиво одеваться и т.д. Основываясь на этих представлениях, в рекламе прошлого сформировался весьма патриархальный образ женщины, что подтверждают нижеследующие примеры. [Савельева, 2006, с. 24].

“A wife can blame herself if she loses love by getting “middle-age” skin!” (1938 год, США) – данная реклама туалетного мыла Palmolive выполнена в виде иллюстрированного комикса, в котором девушка жалуется своей матери на то, что ее мужчина перестал выходить с ней в свет, и высказывает опасения относительно того, что тот ее стесняется: “Mother, he never takes me out any more! Sometimes I think he is ashamed of me!”. Мать предполагает, что причина кроется в том, что кожа ее дочери стала выглядеть хуже: “Do you think it’s your complexion, Hell? You used to have such a lovely skin, and now...”, и предлагает ей попробовать увлажняющее мыло Palmolive. В итоге девушка говорит, что с тех пор, как она начала пользоваться мылом Palmolive, ее мужчина вновь стал ей гордиться – “Bob’s so proud of me again, since I use only Palmolive”, а надпись рядом с ее фото гласит: “She learned her lesson” – «Она выучила урок». Данная реклама транслирует образ жертвенной, неуверенной в себе, крайне зависимой от мнения мужчины женщины, которая страдает от его холодного отношения, жаждет его одобрения и стыдится самой себя. Когда героиня рекламы пользуется мылом Palmolive, и ее кожа вновь становится нежной, ее мужчина снова начинает ей гордиться, следовательно, можно сделать вывод о том, что он гордится исключительно внешностью своей избранницы, – транслируется идея того, что мужчина ценит женщину исключительно за красоту и молодость. Первый заголовок внушает потенциальным покупательницам страх того, что они, как и героиня рекламы, могут потерять свою любовь, если на их коже начнут появляться возрастные изменения, и винить в таком случае можно будет только себя. Образ зависимой от мужчины женщины сформирован с

помощью негативно окрашенных выражений, стимулирующих женщин к покупке путем насаждения чувства вины за то, как они выглядят, и предупреждения о возможных последствиях: “blame herself”, “loses love”, “middle-age skin”, “he never takes me out any more”, “he is ashamed of me”, “you used to have such a lovely skin, and now...”.

Рассмотрим рекламу 1964 года, в которой женщина показана в роли матери. Это реклама средства для мытья пола “One step floor care” американской компании Armstrong. На плакате изображена женщина с дочерью, они вместе увлеченно читают книгу. Фото дополнено подписью: “She had time to read to the children today. She saved the time with one-step floor care!”, что в переводе на русский язык означает «Сегодня она успела почитать своим детям. Она сэкономила время благодаря One step floor care!». Фраза “had time to read to the children” в рекламе средства для мытья пола помогает автору рекламы воздействовать на потенциальных покупательниц, у которых есть дети, моделируя близкую им ситуацию. Данная реклама транслирует традиционный образ женщины-хозяйки и женщины-матери, которая успевает не только навести чистоту в доме, но и уделить время детям.

Еще один пример – реклама американского бренда бытовой техники Dornmeier, созданная в 1966 году. Слово WIVES (ЖЕНЬ), написанное заглавными буквами и жирным шрифтом, является аллюзией на хрестоматийное WANTED (РАЗЫСКИВАЕТСЯ) на розыскных листовках, призвано моментально привлечь внимание потенциальных покупательниц и покупателей. Высказывания носят характер прямого призыва и напоминают инструкцию – такой эффект создают императивные парцелированные конструкции: “Look this ad over carefully. Circle the items you want for Christmas. Show it to your husband. If he does not go to the store immediately, cry a little. Not a lot. Just a little. He’ll go, he’ll go.”; “Husbands: Look this ad over carefully. Pick out what your wife wants. Go buy it. Before she starts to cry.” – «Внимательно изучите эту рекламу. Обведите предметы, которые вы хотите получить в подарок на Рождество. Покажите эту рекламу своему мужу. Если он не пойдет в магазин сразу, немного поплачьте. Не сильно. Чуть-чуть. Он пойдет, пойдет. Мужья: Внимательно изучите эту рекламу. Посмотрите, что хочет получить ваша жена. Идите и купите это. Пока она не начала плакать». Императив, парцелляция и повторы помогают придать рекламе юмористический характер. В данной рекламе транслируется образ женщины-хозяйки, которая занимается готовкой. Женщина изображается манипулирующей, излишне эмоциональной и склонной к истерикам. Вместе с тем эта реклама призывает мужа и жену к некоторому сотрудничеству, реклама обращается не только к ней, но и к ее нему. Подразумевается, что дом – это их общая территория, и, если женщина берет на себя функцию повара, мужчина должен обеспечить ее качественной техникой, чтобы упростить выполнение этих задач. В то время электрические приборы изменили жизнь женщин к лучшему, помогая им эффективнее и быстрее справиться с домашними делами, в частности, с приготовлением пищи, и находить время на себя. Тем не менее, реклама кухонной техники в подавляющем большинстве случаев транслировала традиционные женские образы.

В 1969 американская компания Jell-O, выпускающая смеси для приготовления желатиновых десертов, представила на суд общественности рекламный плакат «The “guess what happened when I backed the car out dear” pudding», что переводится как «Пудинг “дорогой, угадай, что случилось, когда я съехала на машине назад»». На плакате размещено фото молодой женщины с укладкой и ярким макияжем, ее глаза широко раскрыты, она смотрит прямо в камеру, как бы обращаясь к своему мужчине, и смущенно улыбается, прикрывая рот рукой. В другой руке она держит тарелку с кусочком пирога и протягивает его своему мужчине. Рассматривая лингвистический аспект данной рекламы, интересно отметить фразовый эпитет “guess what happened when I backed the car out dear”. Создатели этой рекламы пытаются показать, насколько вкусный десерт можно создать из смеси Jell-O, ведь он способен помочь, даже если женщина разбила машину, нужно только приготовить его и со смущенным глуповатым выражением лица преподнести своему мужчине. Данная реклама может показаться забавной и милой, но фактически она транслирует гендерный стереотип о том, что женщины плохо водят автомобиль или не умеют парковаться. Также женщина в этой рекламе изображена зависимой от своего мужчины – разбила машину, она с помощью десерта пытается заглядеть перед ним свою вину, значит, она полностью или частично находится в финансовой зависимости от него, либо использует его автомобиль, вероятно, не имея своего личного транспорта.

Безусловно, нельзя утверждать, что в XX веке рекламы, транслирующей прогрессивные, феминистические женские образы, не было совсем. Так, например, в 1988 году американский бренд спортивных товаров Nike выпустил рекламный плакат с вдохновляющим посланием, направленный на женскую часть целевой аудитории. На плакате была изображена девушка в спортивной одежде, предположительно выполняющая растяжку после пробежки, – она вспотела, на ее лице читается не то напряженная гримаса, не то широкая улыбка. Поверх фотографии размещена надпись крупным шрифтом: “Just because you’re a nice girl doesn’t mean you can’t have evil legs”, которую можно перевести как «То, что ты милая девушка, не означает, что твои ноги не могут быть сильными». Прилагательное “evil” в данном контексте означает «сильные, быстрые», однако лексемы “nice” и “evil” являются антонимами, в результате за счет данного противопоставления “a nice girl” – “evil legs” фраза приобретает дополнительную эмоциональную окраску и становится более выразительной. Также следует отметить, что в американской поп-культуре существуют два противоположных женских архетипа “mean girl” (дрянная девчонка, стерва) и “nice girl” (милашка). Nike предлагает не искать корреляцию между тем, что девушка занимается спортом, и

ее характером – милашки тоже могут быть сильными, и сила не делает женщину менее женственной. Данная реклама формирует образ спортивной, целеустремленной женщины, которая не боится быть сильной.

С конца 1960-х годов движение за права женщин начало постепенно набирать популярность в западных странах. В XXI веке, в особенности в последние десять лет, идеи феминизма и бодипозитива стали все сильнее откликаться в обществе. Эти изменения не могли не отразиться в рекламе, и теперь в образе современной женщины, транслируемом в медиaprостранстве, «обнаруживаются новые смыслы» [Case, 2019, с. 42] [Потапчук, Авдошина, 2020, с. 2].

Американский бренд косметики и средств личной гигиены Dove одним из первых начал применять так называемый фемвертайзинг – рекламу, ориентированную на женщин и разрушающую гендерные стереотипы. Данная маркетинговая стратегия противопоставляет себя традиционной рекламе, отходит от преимущественной репрезентации женщины дома за заботой о семье и детях, отказывается от объективации и сексуализации женского тела и стремится вдохновлять женщин и расширять их социальные возможности. Так, например, в 2004 году Dove запустили международную кампанию Dove Campaign for Real Beauty, направленную на повышение уверенности в себе женщин и детей. В рамках данного проекта была создана реклама, восхваляющая черты внешности, которые становятся причиной комплексов многих женщин. Например, седина – “grey?/gorgeous?”, морщины – “withered?/wonderful?”, полнота – “fat?/fit?”, пигментация “flawed/flawless?”. Аллитерация подчеркивает схожесть полярных понятий и позволяет ярче выразить посыл о том, что каждая женщина прекрасна. Данная реклама формирует образ уверенной в себе женщины, которая не стесняется своей внешности и воспринимает свои черты, которые традиционно считаются недостатками, как достоинства, придающие ей индивидуальность.

В 2013 британский косметический бренд No 7 представил рекламную кампанию “Ta dah!”. На одном из плакатов, созданных в рамках данной кампании, мы видим симпатичную женщину в строгом черном пиджаке, ей около 50 лет (на ее лице заметны возрастные изменения, а в волосах видна седина), ее губы ярко-красного цвета. Поверх фотографии размещена надпись: “You will take these red lips seriously”, что можно перевести как «Воспринимай эти красные губы всерьез». Если в XX веке рекламная индустрия в сфере моды и красоты практически игнорировала зрелых женщин, то теперь косметические бренды все чаще позиционируют себя как инклюзивные и приглашают возрастных моделей. Данная реклама формирует образ уверенной в себе, серьезной деловой женщины, которая строит карьеру, не стесняется своего возраста, и при этом не отказывается от использования косметики, однако макияж для нее – это инструмент эмансипации, а не способ понравиться мужчинам и привлечь их внимание, чтобы затем завязать романтические отношения. Данная реклама – пример того, как в современной рекламе фокус внимания смещается с «наноси макияж для мужчин» на «наноси макияж для себя».

Рассмотрим пример рекламы, в которой можно наблюдать манипуляцию, завуалированную под мотивацию, – это рекламный плакат американского бренда обуви Keds, созданный в 2016 году. На нем мы видим молодую девушку, которая играет в шахматы, и надпись “Make your move. Leave your mark”. Данные высказывания представляют из себя каламбуры, построенные на полисемии, то есть многозначности лексем move и mark. Фраза “make your move” может быть переведена одновременно как «сделай шаг», «сделай ход в шахматах» и «предприми что-нибудь, действуй», так же и фраза “leave your mark” может быть истолкована как буквально – «оставь свой след» от обуви, так и метафорически – «появляй на что-то, войди в историю». Такая двусмысленность помогает донести до потенциальных покупателей посыл о том, что совершать великие дела лучше всего в кедах именно этого бренда. Данная реклама формирует образ уверенной в себе, смелой и амбициозной женщины, которая не только красива, но и умна.

Известный бренд средств для ухода за волосами Pantene в 2017 году представил международную рекламную кампанию “Strong is beautiful”, участие в которой приняли знаменитости из разных стран. Так, популярная певица Селена Гомез стала одной из тех, кто снимался для американской версии данной рекламы. С яркого плаката на потенциальных покупателей смотрит очаровательная и энергичная Селена, она широко улыбается, ее уложенные в высокий хвост волосы красиво блестят. Поверх фотографии расположены название бренда крупными буквами и слоган “strong is up for anything”, что буквально переводится как «сильный готов ко всему». Стоит отметить, что в данном слогане использована идиома be up for sth, повышающая его выразительность. Ниже расположен поясняющий текст – “Twist and tie it up with 97% less breakage” («На 97 % меньше ломкости – заплетайте косы и завязывайте хвосты, не боясь повреждений»), однако это не отменяет двойной посыл слогана “strong is up for anything”: речь в нем идет как о сильных волосах, так и о сильных женщинах. Внизу плаката мы видим еще один слоган – “Strong is beautiful” («Сила – это красиво»), что подтверждает мысль о том, что идея силы используется не только в контексте ухода за волосами, но и отражает понятие силы в широком ее понимании. Данная реклама формирует образ позитивной, красивой, энергичной женщины, она заботится о своих волосах, ощущает внутреннюю силу, которая помогает ей чувствовать себя уверенно и быть готовой ко всему [Case, 2019, с. 40].

Несмотря на очевидную тенденцию к созданию менее традиционного образа женщины, продвижению идей социального равенства и феминизма, росту популярности фемвертайзинга, нельзя не отметить, что XXI веке сексистские и даже оскорбительные сюжеты, образы и высказывания в рекламе также встречаются. Рассмотрим конкретный пример «проблематичной» рекламы. На рекламном плакате, выпущенном в 2011 году ко Дню матери американским брендом чистящих средств Mr. Clean, изображена женщина, которая

учит свою маленькую дочь делать уборку. Фотография дополнена надписью “This Mothers day, get back to the job that really matters”, что в переводе на русский язык означает «В этот День матери вернитесь к работе, которая действительно важна». Фраза “the job that really matters” выражает идею того, что самая важная и действительно стоящая работа для женщины – это убираться и следить за чистотой в доме. Лексема “get back” является показателем того, что следует вернуться к «старым порядкам», то есть к традиционному укладу, при котором работа женщины заключалась в ведении хозяйства. Особый цинизм состоит в том, что авторы считают, что матери должны заниматься уборкой даже в свой праздник. Последние несколько десятилетий женщины во многих западных странах, в том числе в США, боролись за гендерное равенство, особенно ярко это проявлялось в стремлении строить карьеру и заниматься профессиональной самореализацией. Постепенно это привело к тому, что домашние обязанности стали разделяться между мужчиной и женщиной, так как оба супруга работали и приносили деньги в семью. Данная реклама игнорирует социальный прогресс, за который боролось множество женщин. Она укрепляет гендерные стереотипы, транслируя идею о том, что уборка является главной и единственной по-настоящему важной обязанностью женщины, обесценивает профессиональный труд женщины и заявляет, что ее карьерные амбиции несостоятельны. Стоит также обратить внимание на то, что на фото мама учит делать уборку именно дочь, а не сына, – предполагается, что, когда девочка вырастет, ее главной задачей тоже будет наведение чистоты. Таким образом, данная реклама формирует традиционный образ женщины-матери, работа которой – следить за чистотой в доме.

Проведенный анализ 5 примеров рекламы XX века и 5 примеров рекламы XXI века демонстрирует, что образ женщины в рекламе значительно изменился. В рекламе прошлого века преимущественно демонстрировался традиционный образ женщины. В рассмотренных примерах мы видим образы женщины-жены, женщины-возлюбленной, женщины-матери и женщины-домохозяйки. Так, первая героиня не уверена в себе, страдает от холодности любимого мужчины и стремится вернуть его внимание, героиня из второго примера занимается уборкой и проводит время с ребенком, третья героиня манипуляциями и слезами заставляет мужа купить ей кухонные электроприборы, героиня четвертой рекламы не умеет парковаться и пытается заглядывать вину за разбитый бампер, приготовив для своего мужчины пудинг. В рекламе XX весьма часто транслировался образ женщины, жизнь которой «вращается» либо вокруг мужчины, либо вокруг семьи. Это обусловлено тем, какая роль отведена женщине в патриархальной культуре. Реклама является «зеркалом» общества и продуктом истории, поскольку она отражает и демонстрирует отношения, ожидания и представления, сложившиеся в социуме к определенному моменту времени. Из этого следует, что реклама подвластна изменениям, и анализируя ее, можно наблюдать эволюцию взглядов общества на те или иные вопросы, что мы и сделали. Так, было выявлено, что в современной рекламе женщина в большинстве случаев показана как независимая личность, и реклама апеллирует к ее персональным интересам. В рекламе XXI века транслируется образ независимой, уверенной в себе, сильной и амбициозной женщины. Также важно отметить, что в наше время самые разные компании все чаще выбирают в качестве стратегии продвижения фемвертайзинг. В XXI веке репрезентация женщин в рекламе значительно отличается от образов, которые транслировались в рекламе XX века, однако есть и сходства: во-первых, в современной рекламе также актуален образ женщины-матери, во-вторых, все еще нередко встречаются сексизм и объективация. Важно понимать, что общество неоднородно и многие люди в своих суждениях продолжают опираться на традиционные, крайне патриархальные представления о месте мужчин и женщин в социуме, однако маркетологи осознают, что сегодня значительная часть потенциальных покупателей, в первую очередь женщин, уже не чувствует себя комфортно в рамках жестких гендерных ролей, что и находит отражение в современной рекламе. Таким образом, на примере истории развития образа женщины в англоязычной рекламе можно наблюдать прямую зависимость трансформации образа женщины от развития феминистического движения и популяризации идей гендерного равенства в обществе.

Литература

- Потапчук Е. Ю., Авдюшина К. С. Образ женщины в современной рекламе: основные тенденции 2016-2019 гг // Общество: социология, психология, педагогика. Хабаровск, 2020.
- Савельева О.О. Социология рекламного воздействия. Москва, 2006. 284 с.
- Case, L. M. From Femininity to Feminism: A Visual Analysis of Advertisements Before and After the Femvertising Movement // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications, Spring 2019. – Elon: Elon University, 2019.

References

- Potapchuk Y. Y., Avdyushina K. S. The Image of a Women in Modern Advertising: The Main Trends of 2016–2019 / Pacific National University. – Khabarovsk, 2020.
- Savel'yeva O.O. Sociological aspect of advertising influence. – Moscow, 2006. p. 284.
- Case, L. M. From Femininity to Feminism: A Visual Analysis of Advertisements Before and After the Femvertising Movement // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications, Spring 2019. – Elon: Elon University, 2019.

Выговская Д. Г.

Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация

«БЕЖЕНЕЦ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН КАК ПРИМЕР НОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ РЕАЛИИ

Данная статья посвящена вопросам изучения языкового сознания россиян. В ситуации меняющейся действительности и новых социально-политических условиях жизни нашей страны появляются новые и/или потерявшие на какое-то время актуальность понятия и явления. Одним из примеров таких понятий является образ «беженец». В связи с обострением конфликта в Донбассе и началом специальной военной операции на Украине тема беженцев получила широкое обсуждение, причем анализ публикаций и комментариев свидетельствует о повышенной эмоциональной составляющей и неоднозначности восприятия данного понятия. В практической части статьи анализируются особенности восприятия слова-стимула «беженец» носителями русской культуры. Результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют оценить универсальные структуры, стоящие за языковым значением, и индивидуальные особенности респондентов, содержание их личностных смыслов.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, носители русской культуры, беженец.

Vygovskaya D. G.

South Ural State University
(National Research University)
Chelyabinsk, Russian Federation

“REFUGEE” IN RUSSIANS’ LINGUISTIC CONSCIOUSNESS AS AN EXAMPLE OF NEW CULTURAL REALITY

This article is devoted to the study of the linguistic consciousness of Russians. In a situation of changing reality and new socio-political conditions of life in our country, new concepts and phenomena that have lost their relevance for some time appear. One of the examples of such concepts is the image of a “refugee”. In connection with the aggravation of the conflict in Donbass and the start of a special military operation in Ukraine, the topic of refugees received wide discussion. The analysis of different publications and comments indicates an increased emotional component and ambiguity in the perception of this concept. The practical part of the article analyzes Russians’ peculiarities of the perception of the word-stimulus “refugee”. The results of the free association experiment make it possible to evaluate the universal structures of the linguistic meaning, the respondents’ individual characteristics and the content of their personal meanings.

Key words: linguistic consciousness, free association experiment, Russian culture, refugee.

Беженцы в России – тема, которая была практически неизвестной в советское время, оказалась в центре внимания журналистов и ученых в 1990-е годы. Позже, в начале этого столетия, интерес к ней существенно ослаб. Однако в 2014 году по мере нарастания потока беженцев с востока Украины, эта тема вновь стала актуальной. В настоящее время на фоне обострения конфликта в Донбассе и с началом специальной военной операции на Украине, проблема беженцев получила широкое обсуждение.

Данный вопрос активно обсуждается на всех уровнях: на уровне руководства нашей страны, на уровне представителей различных сфер жизни общества (политологов, экономистов, социологов и т.д.), а также и рядовыми гражданами. Анализ публикаций новостных и информационных агентств посвященных беженцам показывает важность вопросов связанных не только с количественными показателями, пунктами размещения, со способами и мерами поддержки, но и отношения российских граждан к беженцам. Высказывания представителей власти о беженцах в большинстве случаев являются положительными. Одним из ярких примеров отношения руководства страны к беженцам служат слова исполнительного директора Российского общества политологов Игоря Кузнецова «Отношение властей РФ к беженцам и интерес к их судьбам лично президента показывает, что для Путина это — не чужие люди... К этим людям в России относятся не просто как «к горячей ситуации», принимая их и выплачивая пособие. Для России это

не транзитеры, как для стран Европы, а соотечественники. Россия старается их максимально интегрировать и поддержать» [Лазарева, 2022].

Простые граждане делятся своим отношением к проблеме в комментариях к различным публикациям, в социальных сетях и форумах. Пользователи российских социальных сетей активно обсуждают опыт общения с беженцами из народных республик ДНР и ЛНР, прибывающих в регионы, пишут слова поддержки и сочувствия, но встречаются и прямо противоположенные высказывания, отражающие обеспокоенность возможным ростом преступности, упреки и обвинения в адрес приехавших граждан.

В текущей ситуации для нас как исследователей особенно важным представляется оценить, какие смыслы вкладывают носители русской культуры в понятие «беженец». Теоретической основой нашего исследования является обоснованное в психолингвистике представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений. Но поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано как продукт бывшей деятельности через «овнешнение» (термин Е.Ф. Тарасова) его образов средствами языка [(Нео)психолингвистика...2017: 33]. Одним из эффективных способов «овнешнения» является свободный ассоциативный эксперимент, который позволяет проанализировать содержание языкового сознания индивида. В нашем исследовании применялся классический вариант данного эксперимента, а именно свободный ассоциативный эксперимент, который заключается в том, что испытуемому как можно быстрее нужно ответить первым пришедшим в голову словом (реакцией) в ответ на предъявленное слово-стимул. Свободный ассоциативный эксперимент – это самый простой из всех ассоциативных экспериментов, но достаточно эффективный. В ходе проведения ассоциативного эксперимента фиксируется тип реакции, частота однотипных ассоциаций и т.д. [Горошко 2001].

Результаты ассоциативного эксперимента отражают универсальные когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, и индивидуальные особенности испытуемых, содержание их личностных смыслов, т.е. позволяют получить знание о специфике этнического/профессионального сознания. Один из способов изучения системности образа мира по материалам ассоциативного эксперимента – выявление ядра языкового сознания, т.е. тех единиц семантической сети, которые имеют наибольшее число связей с другими единицами данной семантической сети [Алферова 2005: 48].

Н.В. Уфимцева и Е.Ф. Тарасов понимают под ядром языкового сознания некоторую совокупность слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в ассоциативно-вербальной сети, которая строится по результатам массового ассоциативного эксперимента с достаточно большим числом испытуемых (от 100 до 1000) [Уфимцева, Тарасов 2009: 18-25].

Результаты эксперимента можно представить в виде ассоциативного поля, которое в данной работе имеет следующую структуру: ядерные реакции, ближняя периферия и единичные реакции. К ядерным реакциям мы относим первые по частотности реакцию, при условии, что разрыв между этими реакциями не существенный, в случае если разрыв оказывается более 5%, то вторая и третья по частотности реакции включаются в состав ближней периферии. К единичным реакциям относятся те реакции, которые лишь единожды встречались в ответах респондентов. Ближняя периферия – это реакции, которые занимают промежуточное положение между ядерными и единичными реакциями.

Эксперимент проводился в апреле – июне 2022 года. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие 230 человек в возрасте от 18 до 68 лет. Среди респондентов было равное количество мужчин и женщин, все они являлись гражданами России, а также представителями разных профессиональных сфер.

Рассмотрим полученные данные, которые представлены в таблице 1. Уточним, что в данной таблице перечислены не все единичные реакции, а лишь те, которые являются наиболее показательными, на наш взгляд. По мнению респондентов, *беженец* – это в первую очередь *человек*. Данная реакция составляет 16% от общего количества реакций.

При анализе реакций, входящих в ближнюю периферию, можно выделить группу реакций *Украина, Украины, украинец*, которая ярко свидетельствует о текущей политической ситуации в нашей стране и мире. Как мировые, так и СМИ нашей страны активно обсуждают беженцев именно из Украины. В другую довольно объемную группу можно включить такие реакции как *помощь, жалость, жалко, спасение, защита, милосердие, помочь, сострадание*, все эти реакции говорят о том, какие действия и чувства ассоциируются у респондентов с понятием *беженец*. Показательным является наличие реакции *помочь*, которую можно назвать руководством или даже призывом к действию. Логично, что в ответах респондентов присутствуют реакции *война, горе и потеря*, т.к. беженство всегда связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Реакции *друг, бедолага, брат* ярко отражают то, как воспринимает беженцев часть россиян, а также еще раз показывают доброжелательное к ним отношение, полное сострадания и сочувствия. Тем не менее, реакции *враг и трус* доказывают, что есть и другая часть россиян, имеющая другую точку зрения и совершенно противоположное отношение к беженцам.

Табл. 1. Ассоциативное поле стимула *Беженец*

Ядерные реакции	Человек (37)
Ближняя периферия	Помощь (12), Украина (7), беглец (5), война (5), жалость (5), украинец (5), бездомный (4), горе (4), друг (4), пострадавший (4), страдалец (4), спасение (3), Украинан (3), эмигрант (3), араб (2), бедолага (2), брат (2), враг (2), жалко (2), защита (2), милосердие (2), помочь (2), потеря (2), сострадание (2), трус (2)
Единичные реакции	Афганистан, бегущий, беда, бедный человек, бедствие, без дома, без крова, безысходность, вынужденность, далеко, Донбасс, женщины и дети, жертва, из Донецка, из страны, иммигрант, иностранец, лишний, мексиканец, мигрант, младенец, мученик, наглость, надо помочь, не жалко, не заслужил такого, не повезло, не хочу, негр, некомфортно, ненависть, неприязнь, несчастный, обстоятельства, обычный человек, огонь, одежда, отторжение, паника, переезд, печаль, политика, примем, приют, пусть бегут, раненый, растерянность, свобода, семья, слабый, слезы, сосед, сочувствие, страх, стыдливость, товарищ, холявщик
Количество отказов	6

При рассмотрении единичных реакций можно проследить в целом те же группы и тенденции, выделенные при анализе ближней периферии. Так вновь присутствуют географические места *Донбасс, из Донецка*, как примеры проблемных территорий. Реакции *надо помочь, примем, приют, сочувствие, не заслужил такого, не повезло* отражают чувства носителей русской культуры в адрес беженцев, а также готовность помочь и принять. Встречаются примеры и третьей группы реакций, в которой респонденты объясняют возможные причины происходящего: *беда, бедствие, без дома, без крова, безысходность, вынужденность, огонь, страх*. Среди единичных реакций можно проследить примеры, отвечающие на вопрос, кто такие беженцы для россиян, а именно *бедный человек, обычный человек, женщины и дети, жертвы, несчастный, сосед, товарищ*. Кроме того, вновь присутствуют маркеры негативного отношения к беженцам, и, возможно, собственного неприятного опыта общения с ними: *наглость, лишний, не жалко, ненависть, неприязнь, отторжение, холявщик*.

Нельзя не отметить наличия значительного количества реакций- пояснений, реакций-дефиниций, т.е. таких реакций, в которых респонденты стараются дать объяснения словам-стимулам, как например: *один из итогов войны; те, кто надеялись найти жизнь лучше, чем была; хочет жить; человек бросивший все; человек в беде; человек оставшийся без места жительства; человек по каким-то причинам покинувший свою страну; человек, который покинул родную страну, чаще всего из-за войны и экономических проблем; человек, кто хочет лучшей жизни*.

В заключение, стоит подчеркнуть несколько моментов: во-первых, достаточно размытое ядро и периферия исследуемого стимула, большое количество единичных реакций, а также наличие отказов свидетельствует о том, что данный стимул пока не имеет четкой сформированной структуры в языковом сознании носителей русской культуры. Объяснением может служить тот факт, что данный стимул является сложно-осознаваемым для респондентов, либо находится на стадии переосмысления, что весьма закономерно, поскольку тема беженцев до недавнего времени не была знакомой и актуальной для россиян. Во-вторых, подробный анализ всех представленных реакций позволяет утверждать, что, несмотря на наличие реакций с отрицательным значением, нельзя говорить о негативном отношении респондентов к исследуемому стимулу. Напротив, у носителей русской культуры есть все признаки доброжелательного отношения, сочувствия, сострадания и готовности помочь беженцам. И, наконец, исследования, направленные на изучение обыденного языкового сознания являются действительно актуальными и информативными, т.к. позволяющие лучше понять культурные особенности, а также проследить и оценить изменения, происходящие в сознании носителей той или иной культуры.

Литература

- Алферова, Ю.И. Профессионально-маркированные компоненты языкового сознания: дис. ...канд. филол. наук./Ю.И. Алферова – Омск, 2005
- Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: Изд. Группа «РА – Каравелла», 2001. – 320с.
- Лазарева Е. Путин оценил первый этап объединения России и Донбасса, 2022 – <https://ura.news/articles/1036284742>
- (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева; под ред. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2017. – 392 с.
- Уфимцева, Н.В. Проблемы изучения языкового сознания / Н.В.Уфимцева, Е.Ф. Тарасов. – М., 2009

References

- Alferova, Yu.I. Professional 'no-markirovanny'e komponenty' yazy'kovogo soznaniya: dis. ...kand. filol. nauk./Yu.I. Alferova – Omsk, 2005

- Goroshko, E.I. Integrativnaya model' svobodnogo associativnogo e'ksperimenta. – Xar'kov; M.: Izd. Gruppy «RA – Karavella», 2001. – 320s.
- Lazareva E. Putin ocenil pervy'j e'tap ob`edineniya Rossii i Donbassa, 2022 – <https://ura.news/articles/1036284742>
- (Neo)psixolingvistika i (psixo)lingvokul'turologiya: novy'e nauki o cheloveke govoryashhem / I.A. Bubnova, I.V. Zy'kova, V.V. Krasny'x, N.V. Ufimceva; pod red. V.V. Krasny'x. – M.: Gnozis, 2017. – 392 s.
- Ufimceva, N.V. Problemy' izucheniya yazy'kovogo soznaniya / N.V. Ufimceva, E.F. Tarasov. – M., 2009

Вышенская Ю. П.

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация

РАСКРЫТИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА МОРФОЛОГИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ КУРТУАЗНОЙ ПРОЗЕ

Настоящее исследование принадлежит к сфере историко-стилистических изысканий и обращено к изучению процессов стилепорождения в средневековом художественном тексте. Иллюстративным материалом служит корпус примеров, отобранный из текстов французского куртуазного рыцарского романа в прозе. В исследовании представлен анализ (ко-)реляционных связей процессов эволюции стиля и национального французского языка на примере дихотомий “прямая речь vs косвенная речь”. Предлагаемый анализ заключается в, адаптации триады “текст – стиль – дискурс”, применяемой на материале удаленных от современного исследователя текстов. Стиль понимается как стиль художественного текста, представленного романом куртуазного жанра в прозаической форме, конкретизацией дискурса абстракции. Стиль предстаёт как вербальное воплощение куртуазной идеологии, результат деформации морфо-синтаксических связей, получающих в конкретном тексте добавочную стилистическую нагрузку.

Ключевые слова: норма, прямая / косвенная речь, социолект, стиль.

Vyshenskaya Y. P.

Herzen State Pedagogical University
Saint Petersburg, Russian Federation

THE USE OF THE MORPHOLOGY STYLISTIC RESOURCES IN THE FRENCH *COURTOIS* PROSE

The present paper belongs to the domain of historical stylistic investigating and deals with the study of style generating processes in the Medieval literary composition. The illustrative material is the body of examples selected from the textual continuum of the French *courtois* prosaic novel as one of the most representative prosaic genres. The study is dedicated to clarify (co-)relationship of the style and French national language processes and is realized on the couple of dichotomies, “direct speech vs indirect speech”. The analysis suggested is the consideration of the problem on the basis of the combination of traditional and innovative methods, the triad “text - style – discourse” adaptation in the analytical procedure, applied on the material of the texts of the Middle Ages. The elements of the triad are detailed to the style interpretation as the style of the literary composition, presented by the prosaic modification of the *courtois* novel, the concretized of the discourse abstraction. The style is thought as the verbal materialization of the *courtois* ideology, the result of the morphologic-syntactic links, charged with optional stylistic load within the scope of the concrete text.

Key words: direct / indirect speech, norm, sociolect, style.

Изменчивость интерпретации понятия нормы во временном континууме, воплощенном на каждом отдельном этапе в своём особом направлении, предстаёт в эпоху *translatio*, по образному определению Т.Б. Алисовой, “в стилистическом облике” [Алисова, с. 50].

Посредством деформации морфосинтаксических связей, присущих словам, в соединении с их одновременной стилистической переориентацией, языковая структура высказывания намеренно усложняется, что может получать обыгрывание в разного рода контекстах [Лингарт, с. 42 – 43, Ицкович, с. 8].

Деформационный характер в каждой письменной культуре обретает самостоятельный этнический облик на фоне процесса преобразования стихотворной ткани в прозаическую.

В XV-м в. в европейских странах начинает формироваться также и некоторое представление о литературной норме как социолекта, идентифицируемого как отклонение от нормы [Евдокимова, с. 8, Берков 2011, с. 4; Лобачёв, с. 85].

Особое место в формировании социолекта занимают феномены прямой и косвенной речи, значимые для стилистической техники французского рыцарского поэтического романа, сохраняющие важность в его прозаической модификации.

Прямая речь являет собой характерную константу текстов памятников куртуазного жанра, что иллюстративно подтверждается в приводимом ниже фрагменте французского оригинала истории о Парисе и Вьенне:

Vienne qui leurs paroles bien escoutoiten eust tresgrant desplaisance, sis en vit vers Ysabeau sa compagne et lui dist Ysabeau. Sachez de vray que ceulx qui font ces aubades sont gens qui me ayment et moult ay grant desir den savoir la verite, ne iamais en ma vie n'auray plaisir iusques atant que ien sache la verite. Maintenant est amoureuse Vienne tant que plus nen peult et ne scet de qui [http://books.google.se/books?id=CMNQAAAAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false].

(Вьенна, которая услышала их слова, выразила своё неудовольствие и пошла к Изабо, своей наперснице, и сказала ей: “Изабо, знаю наверняка, что тот, кто поёт эти обеды, влюблён в меня. Необычайно мне хочется узнать правду, никогда в жизни не испытая я удовольствия, пока не узнаю этого”. Влюблённая Вьенна не могла знать и не знала имени (влюблённого в неё человека).

В цитате практически неукоснительно воспроизводится французская стилистическая канва, образуемая путём использования двух способов введения прямой речи, выделяемых во французской эпической поэзии. Собственно высказывание Vienne предваряется глаголом говорения *dist* в Present, чему предшествует описание сюжетной ситуации. Текстовый фрагмент аналогичен случаям стилистического функционирования придаточных времени как средства когезии художественного текста, обретающего таким образом целостность.

Придаточное определительное, часто используемый в эпических памятниках способ введения прямой речи, используется в тексте в качестве характеристики персонажа произведения.

Непосредственно обращение Vienne к своей наперснице Ysabeau комбинируется с разговорным *Sachez de vray* (Знаю наверняка), что придаёт словам героини разговорный характер, оживляя стиль произведения. Экспрессивность реплики усиливается посредством синтаксических стилистических средств: эмфатических конструкций в составе придаточного определительного *ceulx qui font cestes aubades sont gens qui me ayment*.

В дальнейшем экспрессивность усиливается параллельными конструкциями *d'en savoir la verite, sache la verite*, примечательных идентичностью структур, а также входящими в структуры элементами, принадлежащими к одному деривативному ряду *savoir, sache*.

Свидетельством принадлежности к тексту рыцарского романа можно считать заимствованное из куртуазного словаря существительное *aubades* (жанр средневековой лирики, характерный для творчества трубадуров). В число экспрессивных интенсификаторов входит инверсивный порядок слов *maintenant* с последующим *est amoureuse*, а также однородные сказуемые, выраженные глаголами в отрицательной форме *nen peult et ne scet*.

Наблюдения за текстовым материалом выявляет довольно регулярно встречающееся сочетание прямой и косвенной речи, иллюстрируемое приводимым ниже пассажем:

Or dist l'ystoire que Remondin chavaucha tant qu'il vint a Poitiers ou il trouva plusieurs qui estoient venus de la chasse, les uns des le soir et ly aucun le matin, qui lui ont demandé: “Remondin, oust monseigneur?” “Comment, dist il, n'est il pas venus?”. Et cilz respondent que non. Et Remondin respond: “Jen e le vy depuis que le fort de la chace commença et que le porc se mist a l'abbay des chiens”. [<http://archive.org/details/MLusineOuLaNobleHistoireDeLusignanJeanDArrasCs/page/n165/mode/2up>].

(И рассказывается в той легенде, что Раймонден поехал верхом, и что добрался он до Пуатье, где встретил он множество [людей], приехавших на охоту. Одни прибыли вечером, другие – утром. Они спросили у него: “Раймонден, где монсеньер?”. “Как”, - ответил он, - “Разве не приехал он?”. И они ответили ему, что нет. И ответил Реймонден: “Я не видел его с тех самых пор, как началась охота, и собаки загнали кабана” - Ю.В.).

Прочитанный фрагмент текста характеризуется композиционной автономностью, образуя в составе текстовой структуры законченный временной кадр. Наличие инициальной формулы *or dist l'ystoire*, представленной вариантом упоминания легенды или хроники, согласно выявленной традиции, способствует созданию иллюзии достоверности описываемых в романе событий. В дальнейшем этот эффект усиливается введением прямой речи [Сабанеева, с. 169], представленной в данном примере диалогом графа Раймондена и охотников, предваряемым описанием обстоятельств их встречи.

Инициальная формула является одновременно и финальной, завершающей ряд описываемых событий: *ainsi comme vous l'otgréz en l'ystoire*, подвергаясь в авторском придаточном предложении времени некоторому преобразованию. Личное местоимение *vous* в текстовой ткани способствует возникновению эффекта вовлечения реципиента (читателя) в действие. Одновременно порождаемые ассоциации с выступлениями гистрионов (народных бродячих актёров) превращают выделенное местоимение в маркер предзнаменности произведения для публичного исполнения.

Глагол *otgréz* в грамматическом времени *present* выступает дополнительным усилителем правдоподобности событий.

Ритмичность появления союза *et*, который маркирует косвенную речь, способствует обретению текстовым пространством плотности, сообщая сюжетодвижению особую упругость.

Благодаря сжатости и краткости, присущим репликам персонажей, сочетаемым с глаголами говорения (*responder, disent, responder*), возникает эффект живости и иллюзии беглой разговорной речи.

Приводимый ниже пример из романа “Le Roman de Tristan en prose” представляет интерес с точки зрения стилистического использования куртуазного социолекта:

Quant Lancelot entent les paroles de la demoiselle, il commence moult durement a rire. Et por li encores plus tormenter li dist il: “Demoisele, quix chevaliers que je soie, se ma compaignie vos pleisoit a aler jusques la ou vos volez aler, je vos feroie compaignie, si conoistroie adonc plus pleinement vostre cortoisie que je ne la conois encores”. La demoiselle qui bien conoist certenement qu’il dit ces paroles par gabois et por ramponer, est tant irree ... Si li respond par mauteleint: “En non dieu, danz chevaliers, de vostre compaignie n’ai je cure ...”. “Demoisele, fait Lancelot, en vostre compaignie iré je ...”. “Par Dieu, fait la demoiselle...” [http://books.google.ru/books?id=bjgEb0AU3lsCprintsc=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=falsetristan.en.prose].

(Когда услышал Ланселот эти слова от девицы, то засмеялся и, поддавшись желанию её подразнить, сказал: “Девушка, путешествие в обществе рыцаря, коим я являюсь, будет Вам приятно, и я высоко ценю Вашу куртуазность, доказательства которой Вы до сих мне не представили”. Девушка, отлично понимавшая, что он насмешничает, очень рассердилась ... и ответила с колкостью: “Клянусь, из всех рыцарей до Вашего [общества] мне меньше всего есть дело”. “Девушка,” – ответил Ланселот, - “я буду продолжать путешествие в Вашем обществе” – Ю.В.).

Первая часть диалога Ланселота и Мальдизанты Злоязычной вводится в текст посредством глаголов говорения *dire, responder*, а также, сообразно путём характеристики ситуации общения и его участников.

Вторая часть диалога рыцаря и девицы являет собой обмен репликами, никак не вводимыми в текст, что способствует созданию иллюзии живого непосредственного разговора.

Язытельные слова героини вызывают у Ланселота смех: *il comence moult durement a rire*, таким образом, нормы ведения куртуазной беседы подвергаются некоторому искажению, обуславливая обретению диалогом персонажей эмоционального, ироничного характера.

Соблюдая законы куртуазии, рыцарь обращается к девице *demoiselle*, героиня, со своей стороны, нарушает правила куртуазного общения, опуская формулы приветствия в разговоре с Ланселотом.

Несмотря на антикуртуазное поведение Мальдизанты Злоязычной Ланселот, тем не менее, соблюдает куртуазный кодекс, предлагая героине сопроводить её в путешествие: *je vos feroie compaignie*.

Ироничная окрашенность диалога даёт возможность рассматривать цитируемый фрагмент примером куртуазного аналога приёма перебранки, характерного для площадных жанров, проявляемой, в частности, в использовании божбы.

В репликах героини отсутствуют собственно оскорбления в адрес собеседника, куртуазность перепалки находит проявление в инсинуации Мальдизантой Злоязычной на некоторое несоответствие Ланселота званию рыцаря *de vostre compaignie n’ai je cure* (до Вашего [общества] мне меньше всего есть дело).

Созданная атмосфера эмоциональности поддерживается в дальнейшем на синтаксическом и стилистическом уровне посредством обращения к параллельным конструкциям, составляющим основу структуры реплик персонажей, выстроенных по одному синтаксическому образцу.

Согласно действию принципа симметрии, в тексте используется иной тип повторов, представленный, в частности, анадиплосисом (повторение одного или нескольких слов таким образом, что последнее слово или фраза первой части отрезка речи повторяется в начале следующей части), что также способствует созданию эмоционально-ироничной атмосферы.

Подхват наблюдается в использовании завершающих реплику Мальдизанты слов в качестве открывающих ответную реплику Ланселота *en non dieu - en non dieu; je vos ferrié de vostre compaignie - de vostre compaignie n’ai je cure*.

Юмористический эффект достигается за счёт того, что в идентичном по структуре предложении героя, обращённая к нему реплика подвергается синтаксическому реструктурированию, нивелируя, таким образом, произведённый ею эффект, поскольку заложенный в ответной реплике смысл прямо противоположен уже высказанной.

Примеры выстраивания сцены прямой речи с учётом композиционных законов куртуазного произведения фиксируются также в романе о фее Мелузине:

En ceste partie dit l’ystoire que Raymondin, qui estoit enamouréz de sa dame, se party de Poitiers tous seuls et erra tant qu’il vint en la haulte forest de Colombiers et descendy la montaigne aval et vint a la fontaine ou il trouva sa dame qui ... lui dist: “Mon amy, vous commenciéz moult bien a celer noz secréz ...” [http://archive.org/details/MLusineOulaNobleHistoireDeLusignanJeanDArrasCs/page/n183/mode/2up].

(В этой части истории говорится о том, как Раймонден, который был необычайно влюблён в свою даму, отправился в Пуатье без сопровождения, и добрался до леса Коломбье, где росли высокие деревья, и спустился с горы в долину, и доехал до источника, где повстречался со своей дамой, которая сказала ему: “Друг мой, Вы хорошо храните нашу тайну...” – Ю.В.).

Сцену путешествия графа Раймондена открывает инициальная формула *en ceste partie dit l’ystoire* (в этой части рассказа), сигнализируя, тем самым, о её принадлежности к длинной цепи событий, разворачивающихся далее в цепочке однородных сказуемых, выраженных глаголами движения: *se partez de Poitiers, vint en la haulte forest, descendez la montaigne aval, vint a la fontaine*.

Отличительные черты французского текста заключаются во введении дополнительных придаточных определительных, в которых содержится характеристика персонажа, его чувств, настроения. Детализацию получает также типичный для куртуазного топоса лесной пейзаж la haulte forest de Colombiers.

Дальнейшее расширение текстового пространства осуществляется посредством введения придаточных предложений места ou il trouva sa dame. В придаточном определительном qui moult liement le geseert женскому персонажу даётся краткая характеристика. Собственно прямая речь, сконструированная по всем правилам куртуазного этикета, вводится на завершающем этапе развития действия. Следует отметить, что, согласно законам построения средневекового текста, дама первой нарушает молчание, обращаясь к графу с куртуазным приветствием “Mon amy”.

Анализируемый отрывок примечателен морфологической однородностью, наблюдаемой в использовании глаголов сказуемых главного предложения в present, что свидетельствует о принадлежности действия к сфере художественного времени.

Таким образом, микроситуация, вводящая прямую речь (диалог персонажей), богаче деталями и сосредоточена на характеристике действия, его исполнителя, места разворачивания. Однородность видовременных форм глагола придаёт всему текстовому фрагменту законченность, превращая его в целостный временной кадр.

Приводимый ниже пример примечателен отмечаемым выше повтором глаголов говорения, вводящих прямую цитацию в неличной форме, что являет собой характерную черту синтаксического строя романских языков на ранних стадиях развития:

Ceste parolle disoit messier lacques en grant effusion de lermes...Si le reconforta le plus doucement quil peut de paroles en lui disant quil pensoit tant dire et faire enuers Paris [http://books.google.se/books?id=CMNQAAAACAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false].

(Эти слова произнёс мессир Жак со слезами ... И [мессир Эдуард] утешил его очень деликатно, насколько возможно утешить словами, говоря ему, что думает он поговорить с Парисом, который сделает это с удовольствием... - Ю. В.).

Приведённый текстовый фрагмент представляет собой своеобразный случай применения принципа симметрии и пропорциональности, наблюдаемого в регулярном использовании личных и неличных форм вводящих косвенную цитацию глаголов говорения dire, en lui disant.

Подобный феномен наблюдается также и в примерах с прямой речью:

...mais surtout desiroit Vienne a sauior qui ... et puis après parloit a Ysabeau en lui disant, belle seur te souuient il que ie te diz que les cheualiers aux armes [http://books.google.se/books?id=CMNQAAAACAAJ&printsc=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false].

(...но, прежде всего, хотелось Вьенне знать, кто и после обратилась она к Изабо, говоря ей: “Милая сестрица, ты хорошо помнишь тех вооружённых рыцарей ...” – Ю.В.).

Прочитываемый текстовый фрагмент являет иной пример применения принципа симметрии, проявляемого в использовании синонимичных вариантов вводящих прямую речь глаголов.

Прямая речь в представленной выше текстовой цитатевводится глаголом говорения в личной форме parloit, дублируемым неличной формой en lui disant, благодаря чему повышается интерес к собственно реплике героини, значимой для сюжетного развития.

Анализ примеров показывает характерное для прозы французского куртуазного романа стремление преодолеть стилистическую монотонность в сфере оформления прямой и косвенной речи. С этой целью однолинейность действия, реализуемая посредством использования однородных членов предложения по принципу “нанизывания”, нарушается обращением к другим стилистическим приёмам, средствам синтаксической связи и разнообразием типов придаточных предложений.

Таким образом, исполнитель действия и художественное пространство его разворачивания получают дополнительную характеристику, а текстовые сцены (ситуации) наполняются смысловой глубиной, обретая объёмность, красочность, детальность.

Анализ прозаических текстов французской куртуазной прозы демонстрирует разнообразие стилистического использования сформировавшихся морфологических форм, в частности, видовременных форм глагола.

Сообразно законам построения текстовых структур, некоторые грамматические времена закрепляются за определёнными сферами своего функционирования (прямая и косвенная речь, собственно повествование), в рамках которых выполняют налагаемую на них стилистическую нагрузку, для достижения желаемого стилистического эффекта.

Литература

Алисова, Т.Б. Синтаксис и стиль в процессе формирования письменной нормы литературного итальянского языка XIII – XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия VII. Филология, журналистика. 1963 № 1. С. 46 – 58.

Берков, В.П. Несколько соображений о языковой норме // Работы по языкознанию. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. С. 41 – 50.

- Евдокимова, Л.В. У истоков французской прозы: Прозаическая и стихотворная форма во французской литературе XIII в. М.: Наследие, 1997.
- Ицкович, В.А. Очерки синтаксической нормы М.: URSS: ЛИБРОКОМ, сор. 2009.
- Липгарт, А.А. Основы лингвопоэтики. М.: Либроком, 2010.
- Лобачёв, Б.З. О понятии стиля во французском и русском языках // Синтаксис и стилистика. М.: Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 1982. С. 83 – 107.
- Сабанеева, М.К. Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.

References

- Alisova, T.V. Sintaksis i stil' v processe formirovaniya pis'mennoj normy literaturnogo ital'yanskogo yazyka XIII – XVIII v. [Syntax and Style in the Process of the Italian Literary Written Language Norm Forming (XIII – XVIII centuries)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya VII. Filologiya, zhurnalistika. 1963. № 1. С. 46 – 58. (In Russian).
- Berkov, V.P. Neskol'ko soobrazhenij o yazykovoj norme [Some Remarks of the Language Norm] // Works in General Linguistics. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2011. С. 41 – 50.
- Evdokimova, L.V. U istokov francuzskoj prozy: Prozaicheskaya i stihotvornaya forma vo francuzskoj literature XIII v. (The Origin of the French Prose). М.: Nasledie, 1997.
- Ickovich, V.A. Ocherki sintaksicheskoy normy. (Sytaxic Norm. Essays.). М.: URSS: LIBROKOM, 2009.
- Lipgart, A.A. Osnovy lingvopoetiki (The Basis of Linguistic Poetics). М.: Librokom, 2010.
- Lobachyov, B.Z. O ponyatii stilya vo francuzskom i russkom yazykah [The Style Concept in French and Russian Languages] // Sintaksis i stilistika, 1982. С. 83 – 107.
- Sabaneeva, M.K. Hudozhestvennyj yazyk francuzskogo eposa: Opyt filologicheskogo sinteza (The French Epic Style). SPb.: SPetersburg University Press, 2001.

Источники (Dictionaries, Internet resources etc.)

- Aucassin et Nicolette: <http://txm.ish-lyon.cnrs.fr/bfm/pdf/aucassin.pdf>. (date 15.04. 2022).
- Histoire du chevalier Parys et de la belle Vienne: http://books.google.se/books?id=CMNQAAAAcAAJ&printcs=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false. (date 08.04. 2022).
- Le Roman de Tristan en prose: http://books.google.ru/books?id=bjgEb0AU3lsCprintcs=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=falsetristan en prose. (date 15.04. 2022).
- Melusin ou La Noble Histoire de Lusignan: <http://archive.org/details/MlusineOuLaNobleHistoireDeLusignanJeanDARRASCs/page/n165/mode/2up>. (date 12.02. 2022).

ПРОБЛЕМАТИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме преподавания культурологического компонента на уроке английского языка в современной российской школе. Как внешние факторы (распространение языка, международный статус), так и внутренние факторы, связанные с международными отношениями России и ведущих англоязычных стран, вызывают дискуссию по поводу актуальности плотной связи английского языка и британской культуры, существующей в русскоязычной лингводидактике. В статье предлагается гибридная лингводидактическая модель, основанная на теории мировых английских языков (World Englishes), теории межкультурной коммуникации и лингводидактической модели английского как международного языка (English as an International language).

Ключевые слова: социокультурная компетенция, методика преподавания иностранных языков, варианты английского языка, язык международного общения, носитель английского языка

Gich O. N.
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

CONTEMPORARY CHALLENGES OF DEVELOPING SOCIOCULTURAL COMPETENCE IN THE ENGLISH LANGUAGE CLASSROOM

The article is devoted to the problem of teaching the culturological component in an English lesson in a modern Russian school. Both external factors (spread of the language, international status) and internal factors related to the international relations of Russia and the leading English-speaking countries cause a discussion about the relevance of the tight connection between the English language and British culture that exists in Russian-speaking ELT. The article proposes a hybrid linguodidactic model based on the theory of World Englishes, the theory of intercultural communication and the linguodidactic model of English as an international language.

Keywords: sociocultural competence, English language teaching, World Englishes, English as an International Language, native speaker

С момента становления лингвистики как науки язык и культура рассматриваются во взаимосвязи. Большинство лингвистов разделяют мнение классика о том, что язык воплощает дух народа: его психический склад, образ мыслей, философию, науку, искусство, литературу [Гумбольдт, 1985]. Культура в языке может быть отражена культурно специфической лексикой, культурно обусловленными словосочетаниями, паремиями и иными путями. Язык даже может отражать черты национального характера [Тер-Минасова, 2000]. Язык, в свою очередь, оказывает влияние на культуру: значительный пласт любой национальной культуры базируется на вербальной деятельности человека.

Взаимосвязь языка и культуры важна при преподавании иностранного языка. Необходимость изучения как языка, так и культуры отмечена во ФГОС. Целью изучения иностранного языка в школе ставятся не только овладение навыками и развитие умений, но и способность воспринимать чужую культуру и быть достойным представителем своей культуры, то есть формирование у учащихся социокультурной компетенции¹.

На уроке иностранного языка в современной российской лингводидактике моделью обучения и целевым собеседником является носитель изучаемого языка. Так как в отечественной традиции носитель языка рассматривается как представитель социокультурной общности, то он является источником не только языковых, но и культурных норм [Азимов, Шукин, 2009; Жеребило, 2005]. При преподавании большинства иностранных языков связь целевого языка и национальной культуры не вызывает сомнений, так как большинство языков «принадлежат» конкретной нации или этносу. Даже если язык распространен на

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>

обширных территориях, как русский, испанский или арабский, у народов, пользующихся изучаемым языком, есть общее историческое прошлое и общее культурное наследие. В случае же английского языка ситуация иная.

Использование носителя английского языка как модели обучения становится проблемой при преподавании английского языка. Если в части преподавания непосредственно языка опора на образованного носителя нормобразующих вариантов (главным образом, британского и американского) все еще является легитимной, то фокусирование на национальной культуре данных стран в современном контексте становится объектом критики по ряду причин [Canagarajah, 1999; Philipson, 1992].

В современных учебниках английского языка можно увидеть четкую связь английского языка, в первую очередь, с британской национальной культурой и частично с американской национальной культурой. В то же время английский язык является языком официального общения примерно в 70 странах [Crystal, 2003]. По числу говорящих на английском языке Великобритания находится только на шестом месте, уступая США, Индии, Пакистану, Нигерии и Филиппинам [Sawe, 2018]. Индийский, пакистанский, нигерийский и филиппинский варианты являются норморазвивающими, и их игнорирование при обучении языку на базовом уровне объяснимо, но культура носителей этих вариантов уникальна и специфична [Kachru, 2009]. На уровне культуры невозможно выделить нормообразующие и норморазвивающие культуры, выделить одни как более важные или «правильные» по сравнению с другими, определить культурный стандарт.

Также критике подвергается представление о носителе английского языка как целевого собеседника. Число неносителей значительно превышает число носителей английского языка. Вероятность использования учащимся английского языка как языка-посредника с каждым годом возрастает, в то время как возможность прямого контакта с носителем нормообразующего варианта уменьшается. Функционирование английского языка как языка международного общения делает знания о межкультурной коммуникации необходимыми для успешного взаимодействия, фокусирование же на конкретной национальной культуре теряет актуальность.

Помимо глобальных процессов, важным является и локальный контекст. Содержание и цели образования формируются под влиянием общественного запроса. На данный момент содержание обучения английскому языку в школе несколько не соответствует как общественному запросу, так и сложившейся политической ситуации. С одной стороны, большинство россиян осознает важность владения английским языком для международного общения, с другой стороны, современная государственная информационная повестка направлена на создание негативного образа ряда европейских стран и США. Возникает конфликт интересов: при преподавании учитель должен прививать любовь и уважение к изучаемому предмету, формировать позитивное отношение к изучаемой культуре, но русскоязычный социально-политический медиа-дискурс создает негативный имидж этих стран, а власти не заинтересованы в повышении привлекательности США и Великобритании среди молодежи.

Подобная проблема уже вставала перед отечественными педагогами в прошлом. В времена Холодной войны решением была изоляция языка и, по факту, исключение культурной компоненты из преподавания английского языка. В современных реалиях такой выход технически невозможен и педагогически неверен. Возможным решением является внедрение в учебный процесс материалов, основанных на парадигме World Englishes, теории межкультурной коммуникации и лингводидактической модели English as an International Language.

Основы парадигмы World Englishes были заложены еще в 1950-х годах, когда лингвисты впервые обратили свое внимание на многообразие вариантов английского языка и их отличие от британского варианта. Ряд исследователей пытались категоризовать сформировавшиеся варианты. Самой успешной и жизнеспособной, хотя и критикуемой, оказалась схема, предложенная Б. Качру, где были выделены варианты Внутреннего круга (британский, американский, австралийский, канадский и новозеландский), Внешнего круга (индийский, пакистанский, сингапурский, нигерийский, южноафриканский и т.д. варианты) и Расширяющегося круга (русский, китайский, немецкий, арабский и т.д. варианты) [Kachru, 1985]. В дальнейшем теория концентрических кругов переродилась в некую философскую концепцию. Новая научная парадигма базируется на идее о плюрацентричности английского языка и многообразии вариантов английского языка. Каждый вариант отражает культуру, менталитет говорящего на нем народа и, в той или иной степени, имеет следы переноса некоторых черт родного для говорящего языка. Ценности и значимость всех вариантов одинакова, в то же время варианты Внутреннего круга признаются как нормообразующие, варианты Внешнего круга рассматриваются как норморазвивающие, а варианты Расширяющегося круга как нормозависимые. Лингвистически приверженцы данной парадигмы фокусируются на подходах, изучающих язык в его непосредственном функционировании, а не на описательных подходах. Проблемными полями являются концепт носителя языка, языковой стандарт, преподавание английского языка, культурная идентичность, межкультурная коммуникация [Прошина, 2017].

Теория межкультурной коммуникации как научное направление сформировалась к 1990-м годам. Объектом исследования стало изучение коммуникативных неудач и их последствий в ситуациях межкультурного общения. К настоящему моменту научные исследования в этой области фокусируются на поведении людей, сталкивающихся с различиями в языковой деятельности и последствиями этих различий. В процессе освоения иностранного языка изучение теории межкультурной коммуникации необходимо для

преодоления древнейшей врожденной системы «свой»-«чужой», стереотипов и генерализации, облегчения адаптационных процессов, осознания взаимовлияния языков и культур. Внедрение основ теории межкультурной коммуникации поможет, с одной стороны, сохранить собственную культурную идентичность, актуализировать ценность родной культуры и языка, взглянуть на «свою» культуру под иным углом, а, с другой стороны, развить толерантность к иному жизненному укладу, внутреннюю установку на плюрализм и межкультурную грамотность [Зинченко, Зусман, Кирнозе, 2007].

Лингводидактическая модель English as an International language (EIL, Английский язык как международный язык) была предложена Л. Смитом как альтернатива лингводидактической модели English as a Foreign Language (EFL, Английский как иностранный). Он призвал пересмотреть стратегию обучения английскому языку: необходимо обучать не только общаться с носителями этого языка как родного, а также с представителями других наций, для которых он не является родным [Smith, 1983]. В основе EIL лежит принцип инвариантности. Данная модель предполагает существование самых разных вариантов и учет их особенностей. В фокусе внимания находится как глобальность английского языка, так и его локальность, его способность обслуживать различные культуры мира. Целями обучения ставятся обретение способности обращать внимание на прагматическую уместность формы, выбранной для высказывания, и изучение стратегий и тактик понимания смысла высказывания для успешной межкультурной коммуникации [Прошина, 2017].

Авторы перечисленных выше концепций призывают переосмыслить преподавание английского языка в целом, в том числе отказаться от носителя английского языка как модели обучения. Проведенный анализ русскоязычного научного лингводидактического дискурса показал, что русскоязычное профессиональное сообщество не готово к подобным переменам [Гич, 2020]. Отечественная лингводидактика жестко ориентирована на языковые нормы, в первую очередь, британского варианта английского языка и от учащихся требуется строгое соблюдение данных норм. Тем не менее, большинство российских преподавателей понимают абсурдность представления носителя британского или американского вариантов как основного целевого собеседника. Профессиональное сообщество осознает важность межкультурной коммуникации и функционирование английского как международного, поэтому именно для формирования социокультурной компетенции использование новых парадигм в российском контексте уместно.

Адекватным ответом на меняющийся запрос российского общества может быть гибридная лингводидактическая модель, в которой преподавание языка остается с опорой на нормобразующие варианты, в основном на британский вариант, а преподавание культуры изменяется, убирая дисбаланс в пользу англосаксонских культур и добавляя более глубокое изучение культур носителей иных вариантов и культур носителей через английский язык. Так как многообразие культур огромно, необходимо сосредоточиться на межкультурной грамотности и тех культурах, контакт с представителями которых наиболее вероятен. Например, на Дальнем Востоке и в Сибири имеет смысл больший фокус на культурах Юго-Восточной Азии, а в южных регионах России – на Ближнем Востоке и центральной Азии.

Литература

- Canagarajah A. S. Resisting linguistic imperialism in English teaching. Oxford University Press, 1999.
- Crystal D. et al. English as a global language. Cambridge university press, 2003.
- Kachru B. V. standards, codifications and sociolinguistic realism // English in the world: teaching and learning the language and literatures/ Edited by R. Quirk and H. G. Widowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. pp. 11-30
- Kachru B. V., Kachru Y., Nelson C. L. (ed.). The handbook of world Englishes. John Wiley & Sons, 2009. Т. 48.
- Norton B. Identity and the ownership of English //The nonnative English teacher, TESOL Encyclopedia of English Language Teaching, Wiley. 2018. pp. 36-56
- Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford University Press, 1992.
- Sawe B. E. English speakers by country [Electronic resource], 2018 <https://www.worldatlas.com/articles/english-speakers-by-country.html#:~:text=Pakistan%20has%20the%20third%20largest,English%20as%20a%20second%20language> (Дата обращения: 22.10.2022)
- Smith L.E. English as an international language. No room for linguistic chauvinism // Readings in English as an International Language. – Oxford, New York, Toronto, a.o.: Pergamon Press, 1983. P. 7-11
- Гич О. Н. Концепты NATIVE SPEAKER и НОСИТЕЛЬ ЯЗЫКА в англоязычном и русскоязычном лингводидактическом научном дискурсе: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Мытищи, 2020.
- Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 370-381.
- Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Кирнозе З. И. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Прошина З.Г. Контактная вариантиология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm: учеб. пособие. Изд. 1-е. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
- Тер-Минасова С. Г. и др. Межкультурная коммуникация. М.: слово. 2000.

References

- Canagarajah A. S. Resisting linguistic imperialism in English teaching. Oxford University Press, 1999.
- Crystal D. et al. English as a global language. Cambridge university press, 2003.
- Gich O. N. *Koncepty NATIVE SPEAKER i NOSITEL' YAZYKA v angloyazychnom i russkoyazychnom lingvodidakticheskom nauchnom diskurse: avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Mytishchi, 2020.
- Gumbol'dt V. Charakter yazyka i karakter naroda // Gumbol'dt V. fon. YAZyk i filosofiya kul'tury. M.: Progress, 1985. S. 370-381.
- Kachru B. B. standards, codifications and sociolinguistic realism // English in the world: teaching and learning the language and literatures/ Edited by R. Quirk and H. G. Widowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. pp. 11-30
- Kachru B. B., Kachru Y., Nelson C. L. (ed.). The handbook of world Englishes. John Wiley & Sons, 2009. T. 48.
- Norton B. Identity and the ownership of English //The nonnative English teacher, TESOL Encyclopedia of English Language Teaching, Wiley. 2018. pp. 36-56
- Phillipson R. Linguistic imperialism. Oxford University Press, 1992.
- Proshina Z.G. Kontaktnaya variantologiya anglijskogo yazyka: Problemy teorii. World Englishes Paradigm: ucheb. posobie. Izd. 1-e. M.: FLINTA: Nauka, 2017.
- Sawe B. E. English speakers by country [Electronic resource], 2018 <https://www.worldatlas.com/articles/english-speakers-by-country.html#:~:text=Pakistan%20has%20the%20third%20largest,English%20as%20a%20second%20language> (date: 22.10.2022)
- Smith L.E. English as an international language. No room for linguistic chauvinism // Readings in English as an International Language. – Oxford, New York, Toronto, a.o.: Pergamon Press, 1983. P. 7-11
- Ter-Minasova S. G. i dr. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya.* M.: slovo, 2000.
- Zinchenko V. G., Zusman V. G., Kirnoze Z. I. *Mezhkul'turnaya kommunikaciya. Ot sistemnogo podhoda k sinergeticheskoj paradigme.* M.: Flinta: Nauka, 2007.

Источники (Dictionaries):

- Азимов Э. Г., Шукин А. Н. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам).* М.: Икар, 2009.
- Жеребило Т. В. *Словарь лингвистических терминов. 4-е изд., испр. и дополн. Назрань: Пилигрим, 2005*
- Azimov E. G., Shchukin A. N. *Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam).* M.: Ikar, 2009.
- Zherebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. 4-e izd., ispr. i dopoln. Nazran': Piligrim, 2005*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАНИПУЛЯЦИЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Высокий интерес к проблеме манипуляции в обществе обуславливает актуальность исследования в русле лингвокогнитивного подхода. Целью исследования является выявление особенностей репрезентации концепта «манипуляция» в русском языковом сознании. Поставленная цель обуславливает решение следующих задач: выявление, анализ специфики и построение модели концепта манипуляция, представленного в русском языковом сознании в виде семантической сети. Для решения поставленных задач был выбран метод анкетирования, в ходе которого были опрошены 100 человек в возрасте от 17 до 65 лет. Для того чтобы выявить особенности репрезентации концепта манипуляция в языковом сознании было смоделировано содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной единицы путем построения ассоциативно-вербальной сети при помощи инструмента TextAnalyst. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы об особенностях репрезентации концепта манипуляция в русском языковом сознании: с точки зрения базовых, доконцептуальных структур концепт манипуляция является сценарным и представлен в языковом сознании образом-схемой ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ; манипуляцию можно определить как «опосредованное человеком воздействие на другого человека с целью управления им для получения выгоды»; концепт манипуляция в русском языковом сознании представляется как нейтральный.

Ключевые слова: манипуляция, концепт, языковое сознание, когнитивная модель, образная схема

Glukhova O. V.

Rostov State University of Economics (RINH)
Rostov-on-Don, Russian Federation

THE REPRESENTATION OF «MANIPULATION» CONCEPT IN RUSSIAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

Social interest in the issue of manipulation determines the relevance of the study in line with the linguocognitive approach. The study aims at identifying the representation features of the “manipulation” concept in the Russian language consciousness. The goal set determines the following tasks: identification, analysis of the specifics and modelling of the concept of “manipulation” presented in the Russian language consciousness. To solve the tasks, a questionnaire method was chosen, during which 100 people aged 17 to 65 were interviewed. In order to identify the features of the concept of manipulation representation in the linguistic consciousness, the content of the concept under study as a global mental unit was modeled by constructing an associative-verbal network using the TextAnalyst tool. The analysis results in the following conclusions about the peculiarities manipulation concept in the Russian language consciousness: from the point of view of basic, pre-conceptual structures, the concept of manipulation is a scenario one and is represented by the image-schema SOURCE-PATH-GOAL; manipulation can be defined as “human-mediated influence on another person in order to control him for profit”; the concept of manipulation in the Russian language consciousness is presented as neutral.

Keywords: manipulation, concept, linguistic consciousness, cognitive model, image-schema

Социально-экономическая обстановка пандемийного и постпандемийного времени вызывает множество вопросов и опасений со стороны общества. Одной из проблем, волнующих население, является манипуляция. В условиях нестабильности возникает желание искать и находить причины происходящих явлений в людях с одной стороны, и возможности управлять этими явлениями, с другой. В связи с этим понятие манипуляция все чаще появляется в поисковых запросах. Так, за последние два года (с сентября 2020 г. по сентябрь 2022 г.), только в поисковой системе Яндекс, «манипуляция» появлялась в среднем около 140 тысяч раз в месяц, достигая количественного пика в 266 тысяч в ноябре 2021 года. Столь высокий интерес к проблеме манипуляции обуславливает актуальность исследования в русле лингвокогнитивного подхода.

Целью исследования является выявление особенностей репрезентации концепта манипуляция в русском языковом сознании. Поставленная цель обуславливает решение следующих задач: выявление,

анализ специфики и посторение модели концепта манипуляция, представленного в русском языковом сознании в виде семантической сети. Для решения поставленных задач был выбран метод анкетирования, в ходе которого были опрошены 100 человек в возрасте от 17 до 65 лет. Участникам предлагалось дать определение манипуляции. Полученные данные были структурированы в семантические сети при помощи смыслового анализатора TextAnalyst. Данный подход позволил построить когнитивную модель концепта манипуляция.

Теоретическим основанием исследования послужили положения теории когнитивных моделей Дж. Лакоффа [Lakoff, 1987] о том, что знание организовано посредством структур, именуемых «идеализированными когнитивными моделями», которые воплощаются в языке «в терминах доконцептуальных структур опыта, <...> либо понимаются опосредованно в терминах непосредственно понимаемых концептов и структурных отношений» [Lakoff, 1987]; исследования фреймовых семантических структур Ч. Филлмора, согласно которым значения языковых единиц могут быть поняты исключительно в рамках того или иного фрейма (глобального ментального образования), схематизирующего опыт и создающего контекст [Fillmore 1982]; теории метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson, 1980].

Концепт определяется нами в русле когнитивной лингвистики как глобальная мыслительная единица, компоненты которой проявляются в семантике языковых единиц. Таким образом концепты как «кванты знания» вербализуются в речи посредством семантики языковых единиц. Для того чтобы выявить особенности репрезентации концепта манипуляция в языковом сознании необходимо «смоделировать содержание исследуемого концепта как глобальной ментальной единицы в ее содержании», то есть «сформулировать основные содержательные признаки, входящие в структуру концепта» [Попова, Стернин 2001, с. 91].

Языковое сознание мы понимаем, вслед за Е.Ф. Тарасовым как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Тарасов 1996, с. 7], под образами сознания подразумевая знания осознаваемые и неосознаваемые носителем языка. Подобного рода знания в трактовке автора обладают такими качествами как перцептивность, концептуальность и процедурность. Данный подход, в некотором смысле, коррелирует с типологией идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, согласно которой выделяются пропозиционные, образно-схематические, метафорические и метонимические когнитивные модели. Исследование языкового сознания не представляется возможным в «момент протекания процессов, его реализующих», объектом анализа могут стать продукты этой деятельности, «превращенные, отчужденные от субъекта сознания формы (культурные предметы и квази-предметы)» [Уфимцева 2017, с. 33], в том числе язык.

Одним из способов исследования языкового сознания является посторение ассоциативно-вербальной сети как модели языкового сознания (или какой-то его части). Выбор указанного способа обусловлен тем фактом, что данная модель «описывает опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражает структуру «разумно-человеческого общения» [Лосев, 2004. цит. по Уфимцева 2017, с. 42]. Ассоциативно-вербальная сеть, таким образом, отражает весь предшествующий вербальный и невербальный опыт человека.

В настоящем исследовании посторение подобного рода сети выполнено при помощи инструмента TextAnalyst, который представляет собой смысловой анализатор текстов. Данный инструмент дает наглядное представление о содержании текста и семантических связях понятий, представленных в текстах. Сложность построения модели концепта при помощи TextAnalyst состоит в том, что связи между парами понятий, представленных в сети всегда двусторонние, однако могут иметь различный вес.

В настоящей работе изучение концепта манипуляция в русском языковом сознании, основано на анализе языкового материала, полученного в ходе анкетирования, а именно той его части, где респондентам предлагалось дать определение понятию манипуляция. В толковом словаре русского языка [Ожегов, Шведова 2003, с. 341] манипуляция определяется как: 1. «сложный прием, действие над чем-нибудь при работе руками, ручным способом (книжн). 2. *перен.* Прodelка, машинация (неодобр)». Первый взгляд на словарную дефиницию исследуемого понятия позволяет сделать вывод о наличии существенных сдвигов в понимании данного концепта в современном обществе. Наличие в структуре значения понятия манипуляция компонента «неодобрительное» свидетельствует об отрицательной оценке языковым сознанием явления, обозначаемого переносным значением. Рассмотрим особенности его репрезентации в современных условиях.

В первую очередь необходимо обратиться к базовым доконцептуальным структурам, организующим человеческий опыт. В работах М. Джонсона [Johnson, in press] подобные базовые структуры именуется образными схемами (image-schemas). Концепт манипуляция, реализующийся в среде социальных межличностных отношений, представляет собой концепт сценарного типа и в своей основе имеет образную схему ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ. Образная схема ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ включает следующие структурные элементы: ИСТОЧНИК (исходный пункт), НАЗНАЧЕНИЕ (конечный пункт), ДВИЖЕНИЕ по ПУТИ (последовательность смежных положений, соединяющих источник и назначение) и НАПРАВЛЕНИЕ (к пункту назначения) [Лакофф 2011, с. 358]. Данная образная схема метафорически отображается на абстрактную область концепта манипуляция в виде следующих элементов: *начальное состояние* (человек в состоянии желания добиться какой-либо цели), *конечное состояние* (человек, пребывающий в желаемом

состоянии), *движение* (последовательность действий для достижения цели). Примечательно то, что манипуляция в данной схеме не является ни начальным, ни конечным состоянием, но центральным элементом структуры – последовательностью действий, – что и обуславливает характер вербализации концепта в русском языковом сознании (рис 1.). Вербализация концепта манипуляция имеет преимущественно предикативный характер, который актуализируется такими единицами как: *управление, воздействие, наталкивание, давление, вынуждение, достижение, получение* – основные элементы ПУТИ – движения от ИСТОЧНИКА к ЦЕЛИ.

Рис. 1. Образная схема концепта манипуляция

Возвращаясь к построению модели семантической сети элементов концепта, необходимо отметить, что каждый элемент ее будет представлен в модели с точки зрения значения и значимости, т.е. веса единицы в тексте. В качестве текста, в настоящем исследовании выступает совокупность всех определений понятия манипуляция, данных респондентами в процессе анкетирования. Анализ материалов позволил сконструировать (с учетом весовых показателей) модель семантической сети концепта манипуляция (см. Рис 2) в русском языковом сознании.

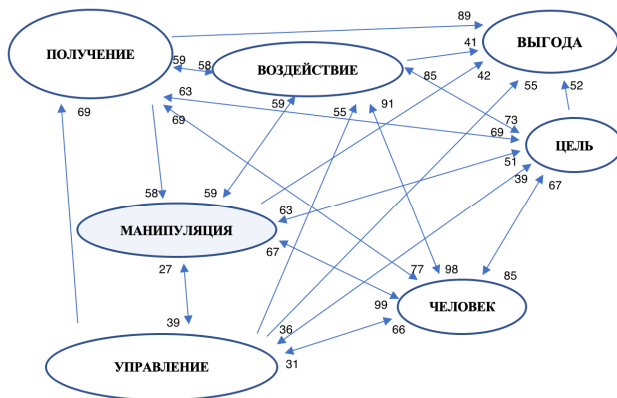

Рис. 2. Семантическая сеть концепта манипуляция

Манипуляция представляется носителю русского языка как *опосредованное человеком воздействие на другого человека с целью управления им для получения выгоды*. Онтологически исследуемый концепт включает в себя следующие элементы: человек как субъект и объект действия, выгода, как цель / результат действия и каузальные отношения (воздействие, управление, получение) между данными элементами.

Рассмотрим особенности вербализации элементов концепта манипуляция. Несмотря на то, что атрибутивные и объектные отношения понятий, составляющих концепт манипуляция не отражены на схеме, ввиду низких показателей весов, считаем необходимым остановиться на их описании, так как анализ подобных явлений, позволяет выявить отношение носителя языкового сознания к данному феномену.

МАНИПУЛЯЦИЯ, с точки зрения респондентов, может быть *вербальной и невербальной*.

ВОЗДЕЙСТВИЕ – *психологическое, скрытое, непрямое, направленное*; реакция человека на воздействие может быть *сознательной или подсознательной, психоэмоциональной, физической, положительной* (с позиции субъекта). Также **ВОЗДЕЙСТВИЕ** в языковом сознании представляется как *моральное давление, вынуждение, изменение выбора или самого человека*.

Понятие **ЧЕЛОВЕК**, как уже было сказано выше, в данной модели выступает в роли субъекта и в роли объекта одновременно. В роли объекта манипуляции также могут выступать *люди, группы людей или общественное мнение*.

ЦЕЛЬ актуализируется понятиями *выгода, корысть, получить свое*.

УПРАВЛЕНИЕ вербализуются объектными сочетаниями *управлять мыслями, поступками, мнением, действиями*.

Таким образом, концепт манипуляция представляется нейтральным с точки зрения оценочности, за исключением двух случаев противоположной оценки. В завершающей части сценария ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ реакция человека на воздействие определяется (с точки зрения субъекта действия) как *положительная*. В то же время с позиций объекта ЦЕЛЬ осмысливается при помощи понятия *корысть*, отрицательный оттенок значения которого не зафиксирован в словарях, но присутствует в обыденном сознании, где *корысть* противопоставляется более нейтральному варианту *выгода*.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы об особенностях репрезентации концепта манипуляция в русском языковом сознании:

1. С точки зрения базовых, доконцептуальных структур концепт манипуляция является сценарным и представлен в языковом сознании образом-схемой ИСТОЧНИК-ПУТЬ-ЦЕЛЬ, где ИСТОЧНИК - человек в состоянии желания добиться какой-либо цели (выгоды), ЦЕЛЬ - человек, пребывающий в желаемом состоянии, ПУТЬ - последовательность действий для достижения цели.
2. Манипуляцию можно определить как опосредованное человеком воздействие на другого человека с целью управления им для получения выгоды.
3. При сопоставлении с семантической структурой понятия манипуляция в словарях, где ярко выражена отрицательная оценка, концепт манипуляция в русском языковом сознании репрезентируется как нейтральный.

Исследование концепта манипуляция представляется перспективным с точки зрения сопоставления его семантической структуры в сознании различных социальных групп и может стать предметом дальнейших изысканий.

Литература

- Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / Джордж Лакофф ; [пер. с англ. И. Б. Шатуновского]. - Москва : Гнозис, 2011
- Попова З.Д. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж. 2001 г.
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. с. 7-22
- Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности. В кн. (Нео)психоллингвистики и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2017, -392 с.
- Fillmore Ch. J. Frame semantics. Linguistics in the morning calm. Papers prepared for the 1981 Seoul International conference on linguistics. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. Pp. 111—137.
- Johnson M. In press. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Reason and Imagination. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980
- Ronald W. Langacker. Foundations of Cognitive Grammar. Volume I. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press. 1987. Pp. 516.

Источники

- Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академии наук. Институт русского языка им.В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2003. – 944 стр.

References

- Lakoff, Dzh. Zhenshhiny, ogon' i opasnye veshhi: chto kategorii jazyka govoryat nam o myshlenii (Women, fire and dangerous things: what the categories of language tell us about thinking) / Dzhordzh Lakoff ; [per. s angl. I. B. Shatunovskogo]. - Moskva : Gnozis, 2011
- Popova Z.D. Sternin I.A. Ocherki po kognitivnoj lingvistike. (Essays in cognitive linguistics) Voronezh. 2001 g.
- Tarasov E.F. Mezhhkul'turnoe obshhenie – novaja ontologija analiza jazykovogo soznaniya (Intercultural communication - a new ontology for the analysis of linguistic consciousness) // Jetnokol'turnaja specifika jazykovogo soznaniya. M.: In-t jazykoznanija RAN, 1996. s. 7-22
- Ufimceva N.V. Jetnopsiholingvistika kak razdel teorii rechevoj dejatel'nosti. (Ethnopsycholinguistics as a branch of the theory of speech activity). V kn. (Neo)psiholingvistiki i (psihol)ingvokul'turologija: nove nauki o cheloveka govoryashhem. I.A. Bubnova, I.V. Zykova, V.V. Krasnyh, N.V. Ufimceva / pod red. V.V. Krasnyh. – M.: Gnozis, 2017, -392 s.
- Fillmore Ch. J. Frame semantics. Linguistics in the morning calm. Papers prepared for the 1981 Seoul International conference on linguistics. Seoul: Hanshin Publishing Co., 1982. Pp. 111—137.

- Johnson M. In press. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Reason and Imagination*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago; London, 1980
- Ronald W. Langacker. *Foundations of Cognitive Grammar. Volume I. Theoretical Prerequisites*. Stanford: Stanford University Press. 1987. Pp. 516.

Dictionaries

- Ozhegov S.I. Shvedova N.Ju. *Tolkovy slovar' russkogo jazyka (Explanatory dictionary of the Russian language): 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazvka im7. V.V. Vinogradova. – 4-e izd., dopolnennoe. – M.: OOO «Izdatel'stvo JeLPIS», 2003. – 944 str.*

Голубева С. Л.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рохлина Е. К.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе продолжается исследование лингвистических и философско-антропологических аспектов адаптации в русском языке заимствованных из английского языка терминов сферы кино. Прослеживается расширение данной терминосистемы на протяжении последних десяти лет. Кино как феномен культуры и вид искусства, а также его воздействие на сознание и язык, были проанализированы ещё в работах Бергсона, Делёза, Лотмана. За последние три года в связи с ограничениями из-за пандемии, кино стало основным доступным видом развлечений, на восприятие которого не влияет форма демонстрации: будь то традиционный кинотеатр или домашний. Стриминговые сервисы предлагают новый контент и новые формы его потребления, что сопровождается появлением неологизмов в сфере кино (как искусства, так и индустрии). На примерах употребления исследуемых терминов в профессиональной и общеупотребительной лексике, изучаются семантические изменения в синхронном диахроническом срезе. Выявлено, что на адаптацию англоязычных терминов влияют внешние и внутренние факторы, обусловленные историческими, социокультурными, экономико-политическими процессами и национальными особенностями.

Ключевые слова: кинематография, прикладное терминоведение, способы адаптации заимствований, безэквивалентные термины

Golubeva S. L.

State University of Film and Television
Saint Petersburg, Russian Federation

Rohlina E. K.

Saint Petersburg state university
Saint Petersburg, Russian Federation

FACTORS FOR ADAPTING CINEMATOGRAPHY TERMS IN RUSSIAN

The work continues to study the linguistic and philosophical-anthropological aspects of adaptation in Russian of film terms borrowed from English. The expansion of this terminology system has been traced over the past ten years. Cinema as a cultural phenomenon and art form, as well as its effect on consciousness and language, were analyzed in the works of Bergson, Deleuze, and Lotman. Over the past three years due to restrictions caused by COVID pandemic, cinema has become the main available type of entertainment. The perception does not really depend on the form of demonstration: be it a traditional cinema or a home theater. Streaming services offer new content and new forms of its consumption; this is accompanied by the emergence of neologisms in the field of cinema (both art and industry). Semantic changes of the selected terms used in professional domain and General Russian are examined from synchronous and diachronic perspectives. The research revealed that the adaptation of English-language terms is influenced by external and internal factors caused by historical, socio-cultural, economic and political processes and national specifics.

Keywords: cinematograph, functional terminology theory, adapting borrowings, non-equivalent terms

Кино как феномен культуры попало в сферу научных интересов в самом начале своего существования, ещё до того, как стало считаться видом искусства. Французский философ Анри Бергсон особое значение придавал механизму воспроизведения движения в кино, сравнивая процессы восприятия, мышления и язык с неким внутренним кинематографом, в котором посредством мыслительного процесса оживают, запечатлённые в процессе восприятия картинки окружающего мира, по аналогии со способом воспроизведения иллюзии движения в кино. «Кинематографический метод исследования является

единственным возможным методом, поскольку механизм нашего общего знания имеет кинематографический характер» [Bergson, 1911, p. 342-343]. С развитием кинематографа предметом исследования становится язык кино, изучается его социокультурные аспекты, воздействие на сознание и его роль жизни общества. Ж. Делёз, анализируя труды Бергсона, пришёл к выводу, что кино не является ни универсальным языком, ни языком общества в его функционировании, но выполняет особую миссию: «Оно порождает интеллигибельную материю, служащую лишь допущением, условием и необходимым коррелятом...» [Делёз 2004, с. 594]. Ю. М. Лотман рассматривал киноязык как «разновидность языка как общественного явления» [Лотман, 1973, с. 42], у которого есть грамматика как связующий механизм повествования, сложенного из фотографий, выполняющих «функцию лексических единиц» [Лотман, 1973, с. 58]. Наряду со всесторонним изучением киноязыка, проводились научные исследования проблемы, связанных с переводом и адаптацией кинематографических терминов. Р. Якобсон выделял три способа интерпретации вербального знака: 1) Интралингвальный перевод – интерпретация вербальных знаков посредством других знаков этого же языка. 2) Интерлингвальный перевод – интерпретация вербальных знаков посредством другого языка. 3) Интрасемиотический перевод – интерпретация вербальных знаков посредством знаков невербальной знаковой системы [Jacobson, 1959, p. 233]. Причём, при любом из вышеупомянутых способов перевода происходит частичная, или полная потеря смысла, при этом теоретики и практики перевода, время от времени предпринимают попытки развязать этот gordiev узел, провозглашая догму о непереодимости отдельных понятий [Jacobson, 1959, p. 234]. Якобсон утверждал, что весь когнитивный опыт, включая его классификации, может быть выражен в любом живом языке, а недостаток терминологии можно восполнить за счёт семантического заимствования, неологизмов и наконец, аллегории [Jacobson, 1959, p. 234]. Итальянский философ, специалист по семиотике Умберто Эко, анализируя проблемы перевода, вывел «принцип неопределенности перевода» [Эко, 2006, с. 43-44], причиной которого является семантическое различие в терминологии и межъязыковой синонимии: словарные определения «относятся ко многим возможным *смыслам* того или иного слова *до того*, как оно будет включено в тот или иной контекст и будет говорить о некоем мире» [Эко, 2006, с. 52]. Таким образом, перевод в большинстве случаев передаёт смысл исходного текста в интерпретации и критическом осмыслении переводчика. Особенно это касается кинотекста, в силу того факта, что интерлингвальный перевод дополняется интересемиотическим. Дальнейшие исследования «достоверности» перевода и теории адаптации показали, что в случае, когда «слово одного языка отсылает к такому единству содержания, которое другие языки игнорируют» [Эко, 2006, с. 46] возникает необходимость семантического заимствования с последующей адаптацией слова в языке переводчика. Американский теоретик кино, специалист в области семиотики Роберт Стэм утверждает, что для киноязыка «достоверность» является неподходящим тропом, более целесообразным является троп «перевод», предполагающий семантическую транспозицию [Stam, 2000, 62]. Результаты приведённых выше и многих других социолингвистических и философско-антропологических исследований киноязыка (Андре Базен, Джеймс Наремор, Джонатан Розенбаум, Дадли Эндру и др.) [Naremore, 2000] являются научным обоснованием закономерности появления в русском языке неологизмов в сфере кино, в основном англоязычных. Последнее десятилетие ознаменовалось особым интересом исследователей к изучению вопросов теории и практики неологизации русского языка. Новая лексика является выразителем активных тенденций развития языка. В данной работе мы продолжаем исследование лингвистических и философско-антропологических аспектов адаптации в русском языке заимствованных из английского языка терминов сферы кино.

Материалом исследования послужили отобранные после консультации с представителями киноиндустрии терминологические единицы. В связи с тем, терминология киноиндустрии «это, прежде всего, терминология производства кино» [Батиг 2013, с. 99]. Так, в начале развития наименования жанров кино в русском и английском языках оформлялись параллельно на основе жанров литературы. Затем, с появлением новых жанров русский язык заимствует эти термины, причем в форме калек, например, *фильм ужасов (horror film)* и *семейный фильм (family film)* [Батиг, 2013]. За последние несколько лет стремительное развитие пополнило заимствованиями русскоязычную терминосистему отрасли. Многие заимствования находятся в стадии пре-терминов и в ходе адаптации могут быть трансформированы по форме и переосмыслены семантически. Примеры, иллюстрирующие употребление терминов в английском языке, были извлечены из профессиональной литературы в области киноиндустрии.

С точки зрения прикладного терминоведения генетическое определение не всегда оказывается предельным и не исключает неверную трактовку, особенно в случаях заимствований (калькирование). [Алексеева, Мишланова, 2020; Шелов, 2014]. При взаимодействии с общепонятным языком терминосистема подвергается таким явлениям как терминологизация, детерминологизация, вторичный семиозис.

Как отмечает Н.А. Шамова, наиболее продуктивными способами словообразования в английском языке признаны суффиксация, конверсия, словосложение [Шамова, 2019]. Наряду с ними также широко используются стяжение (blending), усечение (clipping), сложение (compounding), аббревиация. Рассматриваемый материал представляет, главным образом, стяжение, аббревиацию, конверсию.

Интенсивное развитие кинематографии в последние десятилетия, особенно в последние три года в связи с популяризацией стриминговых сервисов, ставших основным доступным видом развлечения в период ограничений из-за пандемии, способствовало формированию в современном русском языке значительного пласта новой лексики, отражающей понятия и явления этой предметной области. Например,

интерквел (*Interquel*) – фильм или другое художественное произведение, события которого происходят между двумя ранее созданными частями, являясь *сиквелом* (*Sequel*) для первой части и *приквелом* (*Prequel*) для второй, или *миквел* (*Midquel*), являющийся дополнением вышедшего ранее проекта [TV Tropes, 2022].

Новые слова также появляются на базе существующей лексики, происходит расширение терминосферы. Термин *log line* появился в начале XVII в. и изначально использовался в навигации для обозначения измерительного прибора, состоящего из поплавка, который тянется от корабля по завязанной веревке для измерения скорости корабля, или скорости течения воды [Collins, 2022]. Затем происходит терминологизация – переход общепотребительного слова в разряд терминов [Алексеева, Мишланова, 2020], в данном случае кинотерминов: логлайн – это краткое (от одного до двух предложений) изложение фильма, телешоу и т. д., которое зацепляет читателя и описывает центральный конфликт истории; краткая аннотация к фильму [TV Tropes, 2022]. Также наблюдается явление ретерминологизации (переход в иную терминологическую сферу с иным толкованием) в сферу ИТ: логлайн (*log line*) – логическая строка. В определенном контексте *log line* 1. является названием строки в программе (например, в языке программирования Python); 2. ввод с клавиатуры. Примеры употребления встречаются в книге “Save the cat” [Blake, 2005] и газетных статьях [Keizer, 2022]. Во всех значениях термин *logline* транслитерируется в русском языке.

Рассмотрим некоторые примеры англоязычных аргос в сфере кинопроизводства. Термин *scriptboy* (*scriptboy*) употребляется в русском языке в значении «помощник сценариста», но аналогичных примеров использования данного термина в сфере кино в англоязычных источниках найти не удалось. В сфере компьютерных технологий термин *scriptboy* употребляется в следующих значениях: 1. Название видеоплаты в жанре платформера; 2. Профессиональное оборудование для монтажа видео *scriptboy*. При этом, термин *script-girl* в значении помощник режиссёра, или женщина-секретарь – помощник режиссера кинофильма есть как в англоязычных словарях [Collins, 2022], так и в англо-русском Энциклопедическом словаре [Кино: энцикл. сл., 1986]. Дальнейшее изучение англоязычных кинотерминов, содержащих слово «boy», показало, что большинство из них употребляются для обозначения профессий в сфере кинематографии, а слово «boy» имеет значение «помощник»: *best boy* – первый помощник бригадира осветителей / гаффера; *best boy electric* – ассистент мастера по свету; *clapper boy* – помощник оператора, работающий с хлопушкой [Studiobinder, 2022]. Таким образом, термин «*scriptboy*», образованный по аналогии с этими аргос, является примером сложения (*compounding*).

Кинонеологизмы вызывают живой интерес и острейшую полемику как у самих кинематографистов, так и лингвистов, и теоретиков кино. Рассмотрим способы образования неологизмов в сфере кинематографии в трёх категориях терминов: жанры, технологии, реклама.

1. Жанры

Мокьюментари (*mockumentary*) – вымышленный фильм, или телевизионная программа, представляющая собой пародию, сделанную в стиле документального фильма. Образован посредством сращения (*blending*) из слов *mock* – насмешка и (*doc*)*umentary* – документальный фильм. Примеры употребления встречаются в книгах и газетных статьях [Kingsley, 2017].

Сплэттер (*splatter*) – поджанр фильмов ужасов, в котором акцент преднамеренно делается на предельно натуралистичную демонстрацию крови, внутренностей и графическое насилие путем использования специальных эффектов, искусственной крови, мяса животных и т. п. Образован путём терминологизации.

Спин-офф (*spin-off*) – фильм или телесериал поставленный по мотивам одноименной успешной книги, фильма или телесериала. В данном случае наблюдается конверсия (от глагола *spin off*).

Рибут (*reboot*) – новая, более интересная версия фильма, телевизионного шоу, или иного художественного произведения, использующая прежних персонажей и другие сюжетные линии [Farlex, 2022]. Последние 2 кинонеологизма образованы тоже путём терминологизации.

2. Технологии

Сабвуфер (или же *Саб*) (*subwoofer* (*sub*)) – это динамик, предназначенный для воспроизведения низких звуковых частот, обычно называемых басами. Образован аффиксальным способом.

Кеинг (*keying/ colour keying/ chroma keying*) – техника визуальных эффектов и пост-продакшена для компоновки (наложения) двух изображений или видеопотоков вместе на основе цветовых оттенков (диапазона цветности). Этот метод использовался во многих областях для удаления фона с объекта фотографии или видео, особенно в сфере выпуска новостных программ, кино и видеоплат. Происходит от «Chroma-Key», торгового названия американской телекорпорации для процесса, который использовался в её телевизионных передачах NBC. В данном случае наблюдается сочетание метонимии и ретерминологизации.

Эс-Ди-Ай (*SDI*) (*Serial Digital Interface*) – цифровой последовательный интерфейс. Часто не переводится, а читается как аббревиатура «Эс-Ди-Ай» – это стандарт для передачи цифрового видео и аудио по коаксиальному или волоконно-оптическому кабелю.

СиДжиАй (*CGI*) (*Computer-Generated Imagery*) – процесс использования компьютеров для создания изображений или персонажей в кино и на телевидении [Studiobinder, 2022]. Последние 2 термина

образованы путём аббревиации (сложносокращенный способ). В настоящее время термин СидЖиАй, введенный в употребление в 1970-1975 гг., фактически претерпел детерминологизацию, вошел общелитературный язык и отражен в толковых словарях [Cambridge dictionary; Collins dictionary].

3. Реклама/продвижение продукта

Sizzle (sizzle) – трейлер или небольшой видеоролик, состоящий из кадров уже существующих фильмов или видеороликов. Используется на стадии предпроизводства для презентации кинопроекта на питчинге. Обычно состоит из наиболее зрелищных фрагментов фильмов, чтобы впечатлить инвесторов и заставить их профинансировать производство фильма. Образован путём терминологизации.

Снук-пук (sneak peek) нарезка кадров из фильма/сериала в целях его рекламы и привлечения внимания широкой аудитории. Более известный как предварительный просмотр до официального выхода проекта в прокат. Образован посредством блендинга от глаголов *to sneak* (подкрасться) и *to peek* (подглядывать). Относится к категории рифмованных терминов, подобно *creature feature* (фильм о чудовищах), *chick flick* (дамское кино), имеющих юмористический оттенок [Farlex].

Заключение

С точки зрения адаптации кинотерминов в русском языке, важно отметить, что калькирование используется редко. Транслитерация используется для терминов, обозначающих новые предметы и явления киноиндустрии (как сферы производства, так и потребления). Также она используется для случаев переосмысления уже имеющихся в общекультурном употреблении слов (терминологизации) и расширения терминосферы; транскрипция - для аббревиатур, используемых как профессиональные аргю, или названия каналов и программ.

Анализ примеров, относящихся к разным областям киноиндустрии, показал, что предпочтительными способами адаптации в русском языке являются транскрипция, транслитерация, вторичный семиозис и терминологизация. Во-первых, адаптация происходит по законам русского языка, а во-вторых, она связана с дискурсивной практикой профессионалов, которые эти термины используют. При этом в процессе вхождения терминов в русский язык могут происходить изменения в семантике: расширение значения, акцентуация определенного компонента значения. Основной причиной являются экстралингвистические факторы: конвенциональное понимание понятийного наполнения термина в конкретном сообществе кинематографистов связано с реалиями их повседневной деятельности, культурными и национальными особенностями.

Для систематизации терминологического аппарата и исключения разночтений в понятийном наполнении терминов необходима совместная работа филологов и специалистов киноиндустрии.

Литература

- Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. К истокам социотерминоведения: социокультурные контексты функционирования термина// Сфера культуры. 2020. № 1. С. 77-86.
- Батиг В. А. Сопоставительный анализ наименования жанров кино в английском и русском языках // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2013. Вып. 2. С. 99–103.
- Делёз Ж. Кино. М.: Ад Маргинем, 2004. 623с.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973. 135с.
- Шамова Н. А. Особенности словообразования в сфере терминологии английского кинодискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. 5 (4), С. 152–162.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе/Перев. с итал. и комм. А.Н. Коваля. СПб: Symposium, 2006. 574 с.
- Bergson H. Creative Evolution. New York: Holt. 1911. 414p.
- Blake S. Save the Cat: The Last Book on Screenwriting You'll Ever Need. Saline, Michigan: McNaughton & Gunn, Inc., 2005. 195 p.
- Jacobson R. Linguistic Aspects of Translation// In: Brower R., ed. On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 233-239.
- Naremore, J. Film Adaptation. New Brunswick: Rutgers UP, 2000. 263p.
- Keizer A. How to Write a Movie Logline // Careers in Film. May 3, 2022. <https://www.careersinfilm.com/logline/> (дата обращения 29.09.2022)
- Kingsley Tom. Mockumentary hasn't killed comedy – it perfectly skewers how we live now//The Guardian, Apr 2017. <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2017/apr/05/mockumentary-british-comedy-tom-kingsley> (дата обращения 15.10.2022)
- Stam, Robert. Beyond Fidelity: The Dialogues of Adaptation//In: Naremore J., ed. Film Adaptation New Brunswick: Rutgers UP, 2000. P.54-76.

Источники и словари

- Кино: энциклопедический словарь/Гл. ред. С. И. Юткевич. М.: Сов. энцикл., 1986. 637 с.
- Collins Online Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.english-test.info/> (дата обращения: 20.10.2022)
- Farlex – the Free Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 20.10.2022)
- Merriam-Webster's Learner's Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 20.10.2022)
- Studiobinder. Ultimate Guide to Film Terms [Electronic resource]. URL: <https://www.studiobinder.com/blog> (дата обращения: 20.10.2022)
- TV Tropes [Electronic resource]. URL: <https://tvtropes.org> (дата обращения: 20.10.2022)

References

- Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. On the origins of socioterminology: socio-cultural contexts of a term's functioning // Sphere of culture. 2020. № 1: 77-86. (in Russian)
- Batig V.A. Comparative analysis of cinema genres names in English and in Russian // Vestnik of Saint-Petersburg university. Series 9, Philology. Asian studies. Journalism. 2013. 2: 99–103.
- Bergson H. Creative Evolution. New York: Holt. 1911. 414p.
- Blake S. Save the Cat: The Last Book on Screenwriting You'll Ever Need. Saline, Michigan: McNaughton & Gunn, Inc., 2005. 195 с.
- Deleuze G. Cinéma. Ad Marginem. 2004. 623 p.
- Eco U. Experiences in translation. St Petersburg: Symposium, 2006. 574 p. (In Russian)
- Jacobson R. Linguistic Aspects of Translation/ In: Brower R., ed. On Translation. Cambridge: Harvard University Press, 1959: 233-239.
- Keizer A. How to Write a Movie Logline // Careers in Film. May 3, 2022. <https://www.careersinfilm.com/logline/> (дата обращения 29.09.2022)
- Kingsley Tom. Mockumentary hasn't killed comedy – it perfectly skewers how we live now//The Guardian, Apr 2017. <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2017/apr/05/mockumentary-british-comedy-tom-kingsley> (дата обращения 15.10.2022)
- Lotman M.Yu. Metaphor in Cinema: Specifics of its Creation and Perception / Tallinn. Eesti Raamat. 1973. 135 p. (in Russian)
- Shamova N. A. Word formation patterns in contemporary English cine discourse terminology // Theoretical and Applied Linguistics. 2019. 5 (4): 152–162. (in Russian)
- Stam, Robert. Beyond Fidelity: The Dialogues of Adaptation/In: Naremore J., ed. Film Adaptation New Brunswick: Rutgers UP, 2000: 54-76.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ЛЕКСЕМ «СЕМЬЯ» И «РОД» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТАХ

Явление библейского перевода является важным культурным фактором в мире. Автором проанализирована проблема передачи лексем «семья» и «род» в английских и русских библейских текстах. В качестве материала использованы 1-2 книги Самуила и 1-2 книги Царей, поскольку там описывается становление социальных отношений и государственных институтов в Древнем Израиле. В статье применены описательный и сравнительно-сопоставительный лингвистические методы, использованы приемы наблюдения, обобщения, сравнения и сопоставления вариантов передачи выбранных для анализа лексем и словосочетаний. В заключение следует подчеркнуть, что в английских переводах использованы эквиваленты. Явление полисемии представляет сложность в процессе перевода. Для русских переводов характерен прием калькирования.

Ключевые слова: Библия, Древний Израиль, семья, род, перевод, полисемия, эквиваленты, лексема, калькирование.

Gorokhov A. A.

Tobolsk Theological Seminary
Tobolsk, Russian Federation

THE FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE LEXEMES “FAMILY” AND “CLAN” IN ENGLISH AND RUSSIAN BIBLICAL TEXTS

The phenomenon of biblical translation is an important cultural factor in the world. The author analyzed the problem of transmission the lexemes “family” and “clan” in English and Russian biblical texts. In the 1-2 books of Samuel and the 1-2 books of Kings were described the formation of social relations and state institutions in Ancient Israel. The analysis in the article is accomplished with the descriptive and the comparative linguistic methods. The techniques of observation, generalization, comparison were used to achieve the goal for analysis lexemes and phrases. The equivalents used in English translations. The polysemy is a difficulty in the translation process. The Russian translations characterize with the technique of calque.

Key Words: Bible, Ancient Israel, family, clan, translation, polysemy, equivalents, lexeme, calque.

Следует отметить, что явление библейского перевода фактически пережило века и до сих пор остается важным культурным фактором в мире. Например, по числу сделанных переводов в англоязычном мире текст Библии занимал в прошлом веке и удерживает сейчас первое место.

Наряду с этим, анализировать исторический контекст библейской традиции, то есть изучать отражение в библейском тексте фактов и процессов древнеизраильской истории, является сложным делом, потому что библейская традиция включает в себя ряд одновременных и многожанровых в литературном плане произведений. Хотя для исследования передачи исторических реалий нужен, в первую очередь специализированный научный перевод, в котором необходимо учитывать, преимущественно, значение реалий. Тем не менее, часто данные исторические реалии скрыты за строкой художественных текстов, которые, в свою очередь, имеют свойственные им особенности для перевода.

Материалом для проблемного рассмотрения выбран ряд разноплановых (буквальных, семантических, коммуникативных) английских переводов. Таких как: The King James Authorized Version (KJV), The American Standard Version (ASV), Complete Jewish Bible (CJB), The New American Standard Bible (NAU), New English Translation (NET), The Holy Bible: New International Version (NIB), New Jerusalem Bible (NJB), Holy Bible, New Living Translation (NLT), Today's New International Version (TNIV), The Message (MSG). Также имеющихся русскоязычных переводов. Сюда следует отнести: Синодальный перевод, Еврейская Библия. Ранние пророки (пер. с древнееврейского А. Ольман, А. Кулик), Современный русский перевод.

При анализе проблемы передачи лексем “семья” и “род” применены описательный и сравнительно-сопоставительный лингвистические методы. Их суть заключается в использовании приемов наблюдения,

обобщения, сравнения и сопоставлении вариантов перевода выбранных для анализа лексем и словосочетаний с ИЯ (древнееврейский) на ПЯ (английский и русский).

Древнеизраильское общество периода формирования и развития там раннегосударственных отношений, описываемое в 1-2 книгах Самуила и 1-2 книгах Царей, являлось родоплеменным, в фазе углубляющегося распада родоплеменных отношений [Frick 1985: 25].

Первичной социальной ячейкой, согласно корпусу Самуила-Царей, являлся “*bet av* (др. евр.) – *дом отца или отцовский дом*”. Данным словосочетанием обычно обозначалась патриархальная или расширенная семья, включавшая в себя два-три поколения, но так могло быть названо и жилище, где она проживала. Американский исследователь Л. Стэйджер полагал, что расширенная семья могла включать 10-30 человек. Его расчеты основаны на анализе жилых площадей раннеизраильских поселений XII–начала XI вв. до н.э. Хирбет-Радданы и Ая (Эт-Телля) [Stager 1985: 19–21].

Так, при анализе “...and make his father's house free in Israel” (1 Sam 17: 25), в английских переводах встречаются следующие варианты: 1) “*father's house – дом отца, отцовский дом*” (KJV, ASV, NAU, NET), 2) “*father's family – отцовская семья*” (NJB, CJB, NIB), 3). “*entire family – вся семья*” (NLT, MSG), 4) “*his family – его семья*” (TNIV). В первом варианте перевода использован прием калькирования. Второй вариант передачи содержит более точный эквивалентный перевод поскольку лексема “*family – семья*”, является прямым соответствием значения слова в тексте оригинала. Именно, он представляет наибольшую ценность для исторического дискурса. Третий и четвертый варианты “*entire family*” и “*his family*” представляют собой трансформацию с изменением значения словосочетания в языке перевода. Наряду с этим, потеряна его терминологическая функция, поскольку непонятно о каком типе или виде семьи (расширенной или нуклеарной) идет речь.

В английском переводе другого стиха “and would let him go no more home to his father's house” (1 Sam. 18:2) доминирует прием калькирования с помощью словосочетания “*father's house*” (KJV, ASV, CJB, NAU, NIB, NET). Наряду с этим, в смешанных, семантических и коммуникативных английских переводах встречаются формы, сделанные путем трансформации в ПЯ. Данные варианты не выражают значения данного словосочетания, необходимого осмысления текста в исторических реалиях. Например, “*return home to his family – возвращаться домой к своей семье*” (TNIV), “*return home – возвращаться домой*” (NLT), “*go home to his father – пошел домой к своему отцу*” (NJB), “*to the home of his father – домой к отцу*” (MSG).

Думается, что в стихе “for all of my father's house were but dead men before my lord the king” (2 Sam. 19:28) уместны все эквивалентные варианты, как из буквальных, так и семантических и коммуникативных английских переводов: “*father's house*” (KJV, ASV, MSG), “*father's family*” (NJB), “*father's household*” (CJB, NAU), кроме таких лексических трансформаций в некоторых переводах смешанного характера, где меняется значение в ПЯ: “*my relatives – мои родственники*” (NLT) либо “*grandfather's descendants – потомки деда*” (NIB, TNIV).

В отрывке “And he answered, I have not troubled Israel; but thou, and thy father's house” (1 Kg 18:18) наиболее точным с точки зрения сохранения исторического смысла является перевод выражением “*your father's dynasty – династия твоего отца*” (NET), уместны также такие варианты как “*father's family*” (NIB, TNIV), “*father's house*” (KJV, ASV, CJB, NAU). Тем не менее, перевод “*your government – твое правительство*” (MSG) вводит неоправданный элемент модернизации древнеизраильских реалий, что затруднит студентам правильное понимание смысла отрывка.

Русскоязычные переводы корпуса книг Самуила-Царей, по сравнению с англоязычными, отличаются большим буквализмом в передаче “*bet av*”. Так, при анализе 1 Сам./Царств 17: 25, в русскоязычных переводах встречаются следующие варианты: 1). “*дом отца его*” (РСПБ, РП), 2). “*семью его*” (СПП), что является эквивалентом “*bet av*”. В 1 Сам./Царств 18: 2, также доминирует передача “*bet av*” калькой “дом отца его” (РСПБ, РП) и только в СПП встречается описательный перевод словосочетания “*домой отцу*”. Наряду с этим, в 1 Сам./Царств 22: 11, в РСПБ, переводе РП также содержится калька древнееврейского выражения “*дом отца*”, а в СПП приведен приближенный перевод при помощи слова аналога – “родственников”.

Древнеизраильские расширенные семьи образовывали “*muunaxot* (др. евр.) – *роды*”. Согласно библейской традиции, род мог занимать одно или несколько поселений. В отличие от более малой социальной единицы – расширенной семьи, которая была экзогамна (Лев. 20: 11–12), “*muunaxa*” был эндогамен, в том числе и для сохранения земельной собственности в своих пределах. Поэтому, с точки зрения немецкого исследователя Г. Леманна, он включал в себя примерно 700 человек [Lehmann 2004: 172].

При анализе стиха “...and my family the least of all the families of the tribe of Benjamin?” (1 Sam. 9:21) встречается два варианта эквивалентной передачи лексемы на английский язык “*family – семья, семейство, род, объединение*” (KJV, ASV, CJB, NAU, NJB, NLT) и “*clan – родовая община, племя, клан, группа, круг людей, связанных общими интересами*” (NIB, TNIV, MSG). Использование только двух данных лексем в английских переводах характерно и для других ветхозаветных стихов (например, 1 Sam 10: 21, 18: 18, 20: 6; 2 Sam 14: 7, 16: 5). Так, 1 Sm 10: 21, в переводе NJB для передачи значения использована лексема “*clan*”, а в MSG в данном стихе наоборот употреблено слово “*family*”. В 1 Sm 18: 18, в основном для передачи использовано словосочетание “*father's family*” (CJB, KJV, ASV, NAU, NJB, NLT, MSG), исключение составляют только такие переводы, как NET, NIB и TNIV, где использовано выражение “*the clan of my*

father” (NET), причем в NIB и TNIV приведены обе лексемы в следующих вариантах: “*my family or my father’s clan*” (NIB) и “*my family or my clan*” (TNIV).

Тем не менее, определенную тенденцию к доминированию лексемы “*family*” для передачи семантики “*мишпача*” в англоязычных переводах можно увидеть и на примере 1 Sm 20: 6, где она встречается в таких переводах, как SJB, KJV, ASV, NAU, NET, NLT, MSG. Вместе с тем, лексическая единица “*clan*” используется только в NIB, NJB и TNIV. В 1 Sm 20: 29, перевод “*мишпача*» на английский язык с помощью лексемы “*clan*” представлен только в NJB.

Напротив, в стихе 2 Sm 16: 5 видно расширение использования лексической единицы “*clan*”, которая употреблена преимущественно, в современных семантических и коммуникативных переводах, таких как NIB, NJB, NLT, TNIV, MSG, а лексическая единица “*family*” использована по-преимуществу, в буквальных переводах: KJV, ASV, NAU.

Вместе с тем, обе лексемы являются полисемантическими и этот факт не всегда позволяет при их использовании с точностью понять исторический контекст, анализируемого стиха.

При анализе русскоязычных переводов корпуса книг Самуила-Царей видно, что передача лексемы “*мишпача*” осуществляется с помощью приема калькирования лексемой “*род*”. Так, при анализе 1 Сам./Царств 9: 21, в русскоязычных переводах встречаются следующие варианты передачи: 1). “*племя*” (РСПБ), 2). “*род*” (СПП, РП), что является эквивалентом “*мишпача*”. В 1 Сам./Царств 10: 21, ситуация с переводом фактически однотипна с 1 Сам./Царств 9: 21. Хотя в РСПБ дан вариант “*племенам*”, однако в РП и СПП употреблена лексема “*род*”. Доминирование лексической единицы “*род*”, являющееся прямым эквивалентом древнееврейского слова “*мишпача*” способствует правильному пониманию исторического контекста в библейском тексте 1 и 2 книг Самуила/Царств в русскоязычных переводах, где идет речь об описании древнеизраильской родоплеменной организации.

Итак, при передаче лексик, описывающей родоплеменную организацию общества в английских переводах, преобладает тенденция к использованию прямых эквивалентов. Среди применяемых в переводах эквивалентов встречаются синонимы. Трудности в определении правильного значения термина вызывает применение в передаче на ПЯ полисемантических лексем. Для русскоязычных переводов характерно преобладание эквивалентной передачи с помощью калькирования. Синонимия практически отсутствует, характерно использование одной стандартной лексемы для выражения значения в ПЯ

Литература

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в рус. пер. с прил. – 4-е изд. – Брюссель: Изд-во Жизнь с Богом, 1989. – 24, 2535 с.
- Еврейская Библия. Ранние пророки / Ред. А. Кулик; пер. с др. евр. А. Ольман, А. Кулик. – М.; Иерусалим: Лехаим; Книжники; Мосты культуры, 2015. – 792 с
- Современный русский перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2017. – 2638 с.
- American Standard Version, 1901 Ed. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. – Atlanta: AT&T Corp., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Complete Jewish Bible / by D. H. Stern. Clarksville: Messianic Jewish Bible, 1998. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Frick F. S. The Formation of the State in Ancient Israel. – Sheffield: JSOT Press, 1985. – 219 p.
- Holy Bible, New Living Translation. Carol Stream: Tyndale House Publishers, 2007. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Lehmann G. Reconstructing the social Landscape of early Israel: Rural Marriage Alliances in the Central Hill Country // Tel Aviv. – 2004. – Vol. 31. – N 2. – P. 141–193.
- New English Translation. L.L.C., Biblical Studies Press, 1996–2006. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)
- New Jerusalem Bible / Ed. by H. Wansbrough. Darton, Longman & Todd Limited and Doubleday, 1985. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Stager L. E. The Archaeology of the Family in Ancient Israel // BASOR. – 1985. – N 260. – P. 1–35.
- The Holy Bible: New International Version. London: Hodder & Stoughton. Ltd, 1984. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- The Message: The Bible in Contemporary Language/ by Eugene H. Peterson. Colorado Springs: NavPress Publishing Group, 2002. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. – Atlanta: AT&T Corp., 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- The New American Standard Bible. The Lockman Foundation, 1995. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Today’s New International Version. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 2011. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

References

- Biblija. Knigi svyashchennogo Pisanija Vetkhugo i Novogo Zaveta v rus. per. s pril. – 4-e izd. – Brussel: Iz-dvo Zhizn s Bogom, 1989. – 24, 2535 s.
- Evrejskaja Biblija. Rannie proroki / Red. A. Kulik; per. s dr. evr. A. Olman, A. Kulik. – M.; Jerusalem: Lekhaim; Knizhniki; Mosty kultury, 2015. – 792 s.
- Sovremennyj russkij perevod. – M.: Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo, 2017. – 2638 s.
- American Standard Version, 1901 Ed. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. – Atlanta: AT&T Corp., 2006. (CD-ROM).
- Complete Jewish Bible / by D. H. Stern. Clarksville: Messianic Jewish Bible, 1998. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- Frick F. S. The Formation of the State in Ancient Israel. – Sheffield: JSOT Press, 1985. – 219 p.
- Holy Bible, New Living Translation. Carol Stream: Tyndale House Publishers, 2007. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- King James Authorized Version (1611/1769) with Codes. Ontario: the Online Bible Foundation and Woodside Fellowship, 1988–1997. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- Lehmann G. Reconstructing the social Landscape of early Israel: Rural Marriage Alliances in the Central Hill Country // Tel Aviv. 2004. Vol. 31. N 2. P. 141–193.
- New English Translation. L.L.C., Biblical Studies Press, 1996–2006. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM)
- New Jerusalem Bible / Ed. by H. Wansbrough. Darton, Longman & Todd Limited and Doubleday, 1985. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Stager L. E. The Archaeology of the Family in Ancient Israel // BASOR. – 1985. – N 260. – P. 1–35.
- The Holy Bible: New International Version. London: Hodder & Stoughton, Ltd, 1984. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- The Message: The Bible in Contemporary Language/ by Eugene H. Peterson. Colorado Springs: NavPress Publishing Group, 2002. [Electronic resource: Libronix Digital Library System] / Libronix Corporation. Atlanta: AT&T Corp., 2006. (CD-ROM).
- The New American Standard Bible. The Lockman Foundation, 1995. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).
- Today's New International Version. Grand Rapids: Zondervan Publishing House, 2011. [Electronic resource: BibleWorks, LLC Version 9.0.005f. 1] / BibleWorks, LLC, 2011. (CD-ROM).

ПРОБЛЕМА ОБУЧЕНИЯ УСТНОЙ АРГУМЕНТАТИВНОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ В СРЕДНЕЙ И СТАРШЕЙ ШКОЛЕ

Статья отражает анализ учебников английского языка средней и старшей школы в аспекте подготовки ко входу в последующий академический дискурс. В статье акцентируется внимание на структурных особенностях аргументации. Автор проводит сравнительно-сопоставительный анализ заданий на развитие устной речи информативного и аргументативного характера. Поднимается проблема недостаточной разработанности методики обучения навыкам и умениям устной аргументативной академической речи.

Ключевые слова: навыки устной монологической речи, информативная речь, аргументативная речь, сравнительный анализ, средняя школа

Goriainova O. N.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

THE PROBLEM OF TEACHING SECONDARY AND HIGH SCHOOL STUDENTS ORAL ARGUMENTATIVE ACADEMIC SPEECH IN ENGLISH

The article analyzes secondary and high school students' books in the aspect of preparing for further academic argumentative discourse. The article focuses on the structural characteristics of argumentation. The author conducts comparative analyses of the tasks aiming at developing oral informative and argumentative speech. The problem of insufficient methodology of teaching argumentative academic speech is raised.

Key words: oral speech skills, informative speech, argumentative speech, comparative analyses, high school

Введение

Поскольку в настоящее время вопрос образования рассматривается в контексте непрерывного процесса, нам видится, что целью современного школьного образования становится не просто получение знаний и освоение умений, но и формирование ключевых способностей, которые должны «вооружить» выпускников для подготовки ко входу в последующий академический дискурс высшего образования. В связи с этим возникает необходимость обучения учащихся старших классов устным формам коммуникации на английском языке, в ситуации, максимально приближенной к ситуациям реального академического взаимодействия, что предполагает способность выражать свое мнение и отношение к чему-либо в развернутых аргументированных устных высказываниях, формулировать мысль, знать и применять словасвязки, подтверждать свои суждения, рассуждать и убеждать. Иными словами, обладать речью, содержащей в себе предпосылки речи академической.

В утвержденном в 17 мае 2012 года федеральном государственном образовательном стандарте среднего общего образования (ФГОС СОО)¹ говорится о владении умением ясно, логично и точно излагать свою точку зрения, использовать адекватные языковые средства, а также о владении навыками познавательной рефлексии как осознания совершаемых действий и мыслительных процессов, их результатов и оснований, границ своего знания и незнания, новых познавательных задач и средств их достижения.

ФГОС СОО демонстрирует преемственность в области метапредметных результатов, указанных в федеральном государственном образовательном стандарте основного общего образования (ФГОС ООО)² утвержденном 17 декабря 2010 г., в котором сказано, что обучающиеся к концу 9 класса должны уметь определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи,

¹ <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/>

² <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo/>

строить логическое рассуждение, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы.

Судя по вышеуказанным пунктам, предполагается, что понятное изложение своих мыслей является как бы естественным, само собой разумеющимся практическим/прагматическим результатом обучения иностранным языкам. Поскольку в системе школьного образования учат только тому, что потенциально должно быть объектом и предметом контроля, очевидно, что контроль сложных когнитивно-коммуникативных умений (даже на базовом уровне) должен осуществляться на едином государственном экзамене.

Приведём примеры требований к результатам освоения основной образовательной программы среднего общего образования, проверяемые заданиями экзаменационных работ за 2022 год. На базовом уровне осуществляется контроль предметного содержания на уровне продуцирования связанных высказываний, умения описывать события, излагать факты, передавать основное содержание прочитанного/увиденного с выражением своего отношения, своей оценки, аргументации. Для профильного уровня контролю также подлежат умения делать выводы, оценивать факты/события современной жизни, высказывать и аргументировать свою точку зрения.¹

Основная часть

Аргументация (от лат. *argumentatio* — приведение аргументов) — способ подведения оснований под какую-либо мысль или действие (их обоснование) с целью их публичной защиты, создания определенного мнения о них ради их признания или разъяснения; способ убеждения кого-либо посредством значимых аргументов. [6] Наличие цели аргументации позволяет рассмотреть ее как деятельность и, соответственно, как речевую деятельность в коммуникативном аспекте, целью которой является доказательство, принятия точки зрения говорящего или убеждения на уровне мнений, взглядов и поведения.

В структуре аргументации входит тезис (Т) — суждение, истинность которого надо доказать; аргументы (a_1, a_2, \dots, a_n) — исходные положения, с помощью которых обосновывается тезис; демонстрация (форма доказательства) — логическая связь между аргументами и тезисом (процесс выведения тезиса из аргументов). Демонстрация всегда выражается в форме умозаключения или цепочки умозаключений.

Выделив ключевые структурные компоненты аргументации и определив цели аргументативной деятельности, перейдем к описанию проведенного анализа заданий на развитие устной монологической речи аргументативного характера. Для исследования был произведен анализ учебников английского языка для общеобразовательных школ:

Английский язык. 10 кл.: учебн. для общеобразоват. организаций: базовый уровень/ [О.В. Афанасьева, Д. Дули, И.В. Михеева и др.]. — 10-е издание. — М.: Express Publishing; Просвещение / - 2021.

Английский язык. 11 кл.: учебн. для общеобразоват. организаций: базовый уровень/ [О.В. Афанасьева, Д. Дули, И.В. Михеева и др.]. — 10-е издание. — М.: Express Publishing; Просвещение / - 2021.

а также для школ с углубленным изучением английского языка:

Английский язык. X кл.: учеб. для общеобразоват. организаций с углуб. изучением английского языка / О.В. Афанасьева, И.В. Михеева. — 10-ое изд. — М.: Просвещение, 2020.

Английский язык. XI кл.: учеб. для общеобразоват. организаций и школ с углуб. изучением англ. яз. / О. В. Афанасьева, И. В. Михеева. — М.: Просвещение, 2014.

Следуя принципу преемственности, нами были проанализированы учебники основной школы:

Английский язык. VIII кл.: учеб. для общеобразоват. организаций и шк. с углубл. изучением англ. яз. / О. В. Афанасьева, И. В. Михеева. — 5-е изд. — М.: Просвещение, 2018.

Английский язык. IX кл.: учеб. для общеобразоват. организаций и шк. с углуб. изучением англ. яз. / О. В. Афанасьева, И. В. Михеева. — 2-ое изд. — М.: Просвещение, 2015.

Из общего количества заданий, в которых присутствует установка на продуцирование устного высказывания со стороны обучающегося (58% от общего числа упражнений в отобранных учебниках), были проанализированы упражнения в структурно-функциональном отношении на развитие информативной и аргументативной речи. Условное разделение устной монологической речи на информативную и аргументативную сделало возможным анализ количественного содержания упражнений аргументативного характера.

К речевым установкам заданий, носящими информативный характер, были отнесены задания со следующими формулировками:

Answer the questions (Ответьте на вопросы)

Say what/when/where/who...? (Скажите, что/когда/где/кто...?)

What do you know about...? (Что вы знаете о...?)

Speak about (Расскажите о)

Share information (Поделитесь информацией)

Report (Сделайте доклад)

Narrate (Расскажите)

¹ <https://fipi.ru/>

Make up sentences/a story/a dialogue (Составьте предложения/рассказ о/диалог)

Use encyclopedias or Internet resources and prepare/give a talk on (Используйте энциклопедии или Интернет-источники и подготовьте выступление о).

Перечисленные речемыслительные установки ориентируют учащихся на поиск информации и ее презентацию, они включают в себя такие формы мыслительных операций, как определение, описание или объяснение, и осуществляются на уровне понятий и суждений.

К более сложным с точки зрения мыслительных операций можно отнести задания на развитие монологической речи, направленные не только на поиск и передачу информации, но также на её оценку, решение практических задач и др., сюда также относятся задания, включающие элементы сравнения. К заданиям подобного типа относятся:

Give/introduce examples (приведите/представьте примеры)

What are/enumerate/think of advantages/disadvantages (Каковы/перечислите/придумайте преимущества/недостатки)

Agree/disagree (Согласитесь/не согласитесь)

Compare (Сравните)

Complain (Пожалуйтесь)

Give advice (Дайте совет)

Make a suggestion (Сделайте предположение)

Recommend (Порекомендуйте)

Comment on (Прокомментируйте следующее)

Expand on the following (Развейте следующую мысль)

Present your findings (Представьте результаты)

Несмотря на тот факт, что приведенные выше формулировки могут продемонстрировать способность обучающегося устанавливать причину и следствие, делать выводы, подобные устные высказывания истинно аргументативными не являются, поскольку не предполагают эксплицитность трех базовых элементов аргументации, а именно тезис, аргумент и демонстрация.

Перечислим примеры речемыслительных установок из проанализированных учебников, направленных, на наш взгляд, на развитие навыков аргументативной речи и содержащих прямое указание на установление причинно-следственных связей и применение аргументации, с целью доказательства, принятия точки зрения говорящего, убеждения. К ним относятся:

Why? Why not? (Почему? Почему нет?)

Arguments for/against (Аргументы за/против)

Give/work out/think of/consider/single out arguments (Приведите/разработайте/придумайте/выделите аргументы)

What are the reasons/write/give/think of reasons (Каковы причины/ напишите/укажите причины/ подумайте о причинах)

Explain your choice/position (Объясните ваш выбор/позицию)

How can you account for it? (Как вы можете это объяснить?)

Give your opinion/point of view (Выскажите своё мнение/точку зрения)

Prove (Докажите)

Support the point/the answer (Поддержите точку зрения/ответ)

Convince /Persuade/Try to be/sound convincing (Убедите/Постарайтесь быть/прозвучать убедительным)

Итак, по результатам анализа количество заданий, направленных на передачу информации, составило 84% от общего числа упражнений на развитие навыков говорения. Задания, содержащие речемыслительные установки аргументативного характера, составили в среднем значении 16%, в пределах от max 21% в учебнике для XI класса О. В. Афанасьева, И. В. Михеева и до min 11% в учебнике Spotlight X, О.В. Афанасьева, Д.Дули, И.В. Михеева и др.

Как видно из результатов анализа, процентное соотношение заданий на развитие аргументативной речи значительно ниже количества заданий на развитие речи информативной. Следует отметить, что большая часть монологических высказываний, направленных на аргументацию, опираются на определённый объем информации для подкрепления тезиса, в то же время высказывания с целью информирования, хотя и не ставят своей задачей обеспечить глубокое понимание со стороны слушающего, однако могут повлиять на взгляды, ценности и поведение.

Отдельным пунктом следует выделить задание "Discuss/Arrange a discussion on (Обсудите/Устройте дискуссию о)". Зачастую оно встречается на завершающих этапах юнита, но может быть заключительным в разделе по развитию навыков говорения внутри самого юнита. Сложно представить себе дискуссию в подлинном ее смысле без умения формулировать причины, приходиться к заключениям, доказывать, убеждать и переубеждать. [1]

Одним из наиболее успешным с точки зрения языкового оформления нам показалось следующее задание: " Prepare an appeal to the nations of the world to stop and ban all wars. Подготовьте обращение нациям мира, чтобы остановить и запретить все войны". [Английский язык. IX кл., О. В. Афанасьева, И. В. Михеева, 2015, с.49]. Несмотря на отсутствие в задании таких формулировок, как докажите, подтвердите, обоснуйте, приведите аргументы, речемыслительная задача, поставленная перед учащимся, потребует осознания цели

своего высказывания и корректное формулирование ее в тезисном утверждении, эксплицирование причинно-следственной связи между тезисом и аргументами, а также дальнейший выбор стратегии и тактики говорения.

Заключение

Итак, проанализировав всё вышесказанное, можно заключить, что обучение аргументативной академической речи требует поэтапного формирования навыков и умений и использования специальных упражнений, необходимых для осознания учащимися цели аргументации, овладения логической структурой аргументации и лексическими средствами связи.

Следует также отметить, что необходимо ставить перед учащимися речемыслительные задачи, решение которых требует максимальной аргументативности, что повлечет за собой развитие аргументативных способностей, необходимых для порождения высказываний аргументативного типа и развития навыков и умений аргументативной академической речи.

Литература

- Ковальчук М.А. Дискуссия как средство обучения иноязычному общению: Методическое пособие для преподавателей иностранных языков – М.: Высшая школа; Научно-образовательный центр “Школа Китаягородской”, 2008. 144с.
- Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2021 года. Английский язык (раздел Говорение). Вербицкая М.В., Махмурян К.С.- М. : ФИПИ, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/415886232/> (Дата обращения: 10.08.2022)
- Обучение говорению на иностранном языке: учеб. пособие / под ред. Е. И. Пассова, Е. С. Кузнецовой. — Воронеж: НОУ «Интерлингва», 2002. — (Сер. Методика обучения иностранным языкам; № 11).
- Попова А. Технология обучения аргументации в основной общеобразовательной школе на уроке английского языка // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61400> (Дата обращения: 19.10.2022)
- Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций / Е. Н. Соловова. — М. : Просвещение, 2002.
- Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Под ред. Касавина И.Т. М: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009.

References

- Kovalchuk, M.A. (2008) Diskussiya kak sredstvo obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu: Metodicheskoe posobie dlya prepodavatelej inostrannyh yazykov [Discussion as a means of teaching foreign language communication: A methodological guide for teachers of foreign languages]/M.A.Kovalchuk. - M.: Higher School; Scientific and Educational Center “School of Kitaygorodskaya”. 144 p. (in Russian)
- Metodicheskie materialy dly predsedateley I chlenov predmetnyh komissiy subyektov Rossiyskoy Federatsii po provereke vypolneniya zadaniy s razvernutyim otvetom ekzamenatsionnyh rabot EGE 2022 goda. Angliyskiy yazyk (razdel Govorenie) [Methodical materials for the chairmen and members of the substantive commissions of the subjects of the Russian Federation on the inspection of the completion of tasks with the unfolded response examination papers of the exam in 2021. The English language (Speaking section)]. Verbitskay M.V., Mahmuryan K.S.– M.: FIPI, 2022. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/415886232/> (in Russian) (Access date: 10.08.2022)
- Obucheniye govoreniyu na inostrannom yazyke: uchyob. posobiye [Teaching of speaking in a foreign language: study. manual/ pod red. Ye. I. Passova, Ye. S. Kuznetsovoy. - Voronezh: NOU “Interlingva”, 2002. - (Ser. Metodika obucheniya inostrannym yazykam; № 11. (in Russian)
- Popova A. Tekhnologiya obucheniya argumentatsii v osnovnoy obshcheobrazovatel'noy shkole na uroke angliyskogo yazyka [Technology of teaching argumentation in secondary school in the English classroom]/Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2015. № 12 URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/12/61400> (in Russian) (Access date: 19.10.2022)
- Solovova Ye. N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovy kurs lektsiy [Methods of teaching foreign languages: basic course of lectures]. M. Enlightenment, 2002. (in Russian)
- Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. Under Ed. Kasavin I.T. M: «Canon » of the «Rehabilitation», 2009. (in Russian)

К ВОПРОСУ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

В данной статье обосновывается значимая роль и востребованность английского языка в современном обществе, а также важность владения коммуникативной компетенцией, необходимой для решения профессиональных задач, включающих умение переводить техническую литературу. Являясь одним из компонентов профессионально-ориентированного обучения, научно-технический перевод представляет отдельный вид переводческой деятельности. В связи с этим рассматривается специфика научных текстов, как необходимая составляющая для понимания логики изложенного материала. Также указываются знания, умения и навыки необходимые для выполнения успешного перевода и дается краткая характеристика качественно переведенного текста. Благодаря постоянной практике студенты совершенствуют не только знания языка, но и профессиональную осведомленность, что делает их конкурентноспособными специалистами.

Ключевые слова: научно-технические тексты, перевод, английский язык, обучение, знания и умения

Gryadunova O. V.
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

TEACHING SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATIONS TO THE ENGINEERING STUDENTS

This article substantiates the significant role and relevance of the English language in modern society, as well as the importance of having the communicative competence which is necessary for solving professional tasks like technical literature translation. Being one of the components of professionally-oriented training, scientific and technical translation is a separate type of translation activity. In this regard, the specific features of scientific texts are to be considered as a necessary component for understanding the logic of the material presented. The knowledge and competence being necessary to perform a successful translation are also indicated and a brief description of the high quality text translation is given. Due to constant practice, students improve both their language skills and their professional awareness, which makes them competitive specialists.

Key words: scientific and technical texts, translation, English language, teaching, knowledge and competence

Популярность и важность английского языка являются очевидными. Он относится к одним из важнейших средств коммуникации международного уровня. Этот язык довольно широко используется во всех сферах жизнедеятельности человека: политической, экономической, социальной и культурной. Следовательно, знания английского языка необходимы современному человеку и с каждым годом они становятся все более востребованными. Поэтому изучение этого языка заложено в образовательные программы школ, вузов и вузов.

В частности, согласно рабочим программам по иностранному языку для студентов инженерных специальностей Сибирского федерального университета изучение дисциплины предполагает овладение обучающимися межкультурной коммуникативной компетенцией на уровне, необходимом им для решения профессиональных задач. Среди которых, в современной ситуации возрастающего международного сотрудничества, особую значимость имеют устное и письменное общение на английском языке. Это связано с тем, что многие специалисты и исследователи ощущают необходимость изучать работы коллег и делиться своими идеями и результатами с международным научным сообществом на конференциях и интернет-площадках, в журналах, проектах и грантах. А для этого требуется владение основными видами речевой деятельности: письмо, говорение, аудирование и чтение. Более того, поскольку одним из значимых источников получения актуальных данных по профобразованию является текст, то также необходимо уметь переводить литературу по профессиональной тематике. Этот навык нужен студентам для проведения научных исследований, результаты которых если не освещаются в докладах и публикациях, то как минимум отражаются в выпускных квалификационных работах и магистерских диссертациях [Покушалова, 2002 с.38].

В связи с этим, уместно считать научно-технический перевод одним из важных компонентов профессионально-ориентированного обучения.

Перевод технических текстов это отдельный вид деятельности переводчика, главным отличием которого является интерпретируемый материал. Он может быть представлен текстами с технической тематикой, а именно монографии, рефераты, доклады, статьи, обзоры, технические описания к оборудованию, аннотации и многие другие [Елкина, 2017]. При переводе научно-технической литературы требуется передать смысловое содержание текста на другом языке максимально близко к первоначальному источнику [Комиссаров, 1997]. Следовательно, переводчик должен знать специфику технического профиля, достаточно хорошо владеть английским языком, в том числе приемами и методами переводов и понимать особенности научной литературы, поскольку даже незначительные ошибки могут исказить смысл переведенного текста (например, nuts – орехи, сумасшествие, гайки).

Прежде всего, техническим текстам присуща насыщенность терминологией и определениями терминов, последовательная и логичная манера изложения, наличие аббревиатур, абстрактных и общих слов, четкость формулировок, отсутствие эмоциональности и высокая содержательность документа. Грамматическая сторона таких текстов характеризуется обилием безличных, неопределенно-личных и пассивных конструкций [Алексеева, 2002]. В них очень часто встречаются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, содержащие много причастных, герундиальных и инфинитивных оборотов, громоздкие по структуре с множеством однородных и второстепенных членов: *By evaluating the performance and durability of the engine, structures, power train, hydraulic implements and other systems using only a digital model, designs can be iterated many times before any physical parts are constructed or assembled.* Вдобавок, иногда зависимые от главных членов предложения слова не всегда находятся рядом с определяемым словом: *In order to minimize the resistance values in a MIM diode, thinner insulator layers and lower barrier heights are preferred.* Другая особенность научного стиля заключается в использовании большого количества определительных слов/словосочетаний: *diamond Schottky p-i-n diodes, low level Radio Frequency studies, a high total voltage Radio Frequency (RF) system.* И еще один нюанс, связанный с определениями кроется в способе их образования посредством стяжения целых синтаксических групп: *frequency dependent* вместо *dependent on the frequency* [Корнюшенко, 2015]. Тексты с подобными отличительными качествами довольно сложны для восприятия и толкования с первого взгляда и требуют от переводчика дополнительных усилий и времени.

Знать специфику научно-технической литературы необходимо для понимания логики изложенного материала и выделения в нем смыслового значения, чтобы точно передать содержание текста [Жаринова, 2016]. Поэтому задача преподавателей технических вузов как можно быстрее сформировать у обучающихся переводческую компетенцию, научить стилистическим и языковым закономерностям научных текстов, обучить их видеть разницу в значениях схожих слов и словосочетаний [Котрикадзе, 2021]. С этой целью следует приучать учащихся логически анализировать свойственные научному языку законы и обращать их внимание на специфические явления, служащие причиной большинства типовых ошибок в переводе.

Чтобы успешно выполнить перевод технического текста нужно владеть определенными знаниями и умениями, а именно: знать строй предложений и слов в изучаемом языке, владеть богатым словарным запасом (в том числе профессиональной терминологией в конкретной области знаний), уметь работать со словарем, достаточно хорошо разбираться в научной сфере, к которой принадлежит переводимый текст [Коняева, 2015]. Все это формируется в ходе речевой деятельности через теоретические (знания фонетики, лексики и грамматики, особенностей перевода), практические (знания существующих способов перевода) и экстралингвистические (знания по специальности переводимого текста) знания.

Для формирования необходимых студентам знаний, умений и навыков может применяться следующий подход. На практических занятиях учащиеся осваивают профессиональную и общенаучную лексику и грамматику, которые применяют при работе с профессионально-ориентированными текстами, тем самым развивая лексические и грамматические навыки, и умения читать или воспринимать текст на слух, записывать необходимую информацию и обсуждать ее с одногруппниками. При этом материал по лексике и грамматике должен преимущественно охватывать аспекты, реализуемые в устном и письменном общении. Что касается переводческой практики, то ее рационально проводить с использованием научных текстов по специальности, которые студенты самостоятельно находят в интернете (им рекомендуются такие сайты, как e-library, Академия Google, Scencedirect.com). Необходимо, чтобы научная статья была написана носителем английского языка и ее срок давности не должен превышать десяти лет. Ориентировочно раз в месяц или чаще (в зависимости от формируемых компетенций, обозначенных в рабочей программе дисциплины) во время аудиторных занятий обучающиеся выполняют устный перевод, заданного количества знаков (около двух тысяч). Предварительно, в качестве домашнего задания они читают выбранный отрывок статьи и выписывают незнакомые слова, после могут перевести текст в устной или письменной форме, пользуясь составленным ими словарем. На занятии текст переводится исключительно устно и вдобавок к этому, количество слов в словаре можно ограничить. Качественный перевод соответствует литературным нормам русского языка, научному стилю технического текста и не искажает смысл оригинала. Словам, словосочетаниям и оборотам дается точный перевод, а все грамматические обороты и конструкции передаются адекватно.

Сложность перевода заключается в том, что помимо технических знаний нужны еще языковые. Переводчик должен уметь согласно контексту корректно интерпретировать терминологию, правильно устанавливать взаимосвязи между терминами, находить и определять внутренние и вторичные терминологические сочетания [Доброскок, 2020, с. 203]. Эти умения и навыки составляют его специфическую особенность, обладание которой поможет ясно, информативно и лаконично осуществить научно-технический перевод в высоком качестве. Практика перевода технической литературы позволяет студентам совершенствовать свои переводческие навыки, обогащать имеющийся словарный запас и расширять профессиональный кругозор, что делает их компетентными специалистами.

Литература

- Алексеева Л.М. Специфика научного перевода. – Пермь: Пермский государственный университет, 2002. – 132 с.
- Доброскок В. В. Специфика перевода научно-технических текстов / В.В. Доброскок, Кудрявцева А.И. // Успехи в химии и химической технологии. 2020. Т. 34, № 10(233). С. 79 – 82.
- Ёлкина Н.В. О некоторых проблемах перевода НТЛ с русского языка на английский (из опыта преподавания в студенческих группах технических вузов)/ Н.В. Ёлкина // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук/ сб. научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. №4. Екатеринбург. 2017. С. 47-53.
- Жаринова Е.Г. Проблемы обучения научно-техническому переводу студентов-магистрантов технического ВУЗа / Е.Г. Жаринова // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, № 6 <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN616.pdf>
- Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В. Н. Комиссаров. М.: Рема, 1997. 112 с.
- Коняева Л. А. О некоторых трудностях научно-технического перевода //Перевод и сопоставительная лингвистика. 2015. №. 11. С.50-54.
- Корнюшенко О.Н. Проблемы научно-технического перевода / О.Н. Корнюшенко // Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф., Минск, 25 ноября 2015 г./ Редкол.: Н.Н. Низишева (отв. редактор) [и др.]. - В 6 частях. – Часть 4.– Мн.: БГУ, 2015. С. 14-19.
- Котрикадзе Е.В. О некоторых трудностях перевода научно-технических статей студентами старших курсов технических вузов с английского языка на русский язык/ Л.И. Жаркова, Е.В. Котрикадзе // Проблемы современного педагогического образования. 71-4. 2021. С. 167-170.
- Покушалова Л. В. Обучение переводу научно-технической литературы студентов технического вуза / Л. В. Покушалова // Известия Томского политехнического университета [Известия ТПУ]. - 2002. Т. 305, вып. 4 : Язык и межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. С. 38-44.

References

- Alekseeva L.M. Specifica nauchnogo perevoda. – Perm': Permskij gosudarstvennyj universitet, 2002. 132 p.
- Dobroskok V. V. Specifica perevoda naučno-tekhničeskikh tekstov / V.V. Dobroskok, Kudryavceva A.I. // Uspexhi v himii i himičeskoj tehnologii. - 2020. T. 34, № 10(233). P. 79 – 82
- Yolkina N.V. O nekotoryh problemah perevoda NTL s russkogo yazyka na anglijskij (iz opyta prepodavaniya v studenčeskikh gruppah tehničeskikh vuzov)/ N.V. Yolkina // Aktual'nye voprosy sovremennyh gumanitarnyh nauk/ sb. naučnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii. №4. Ekaterinburg. 2017. P. 47-53.
- ZHarinova E.G. Problemy obučeniya naučno-tekhničeskomu perevodu studentov-magistrantov tehničeskogo VUZA / E.G. ZHarinova // Internet-zhurnal «Mir nauki» 2016, Tom 4, № 6 <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN616.pdf>
- Komissarov V. N. Teoreticheskie osnovy metodiki obučeniya perevodu / V. N. Komissarov. – M.: Rema, 1997. 112 p.
- Konyayeva L. A. O nekotoryh trudnostyah naučno-tekhničeskogo perevoda //Perevod i sopostavitel'naya lingvistika. 2015. №. 11. P.50-54
- Kornyushchenko O.N. Problemy naučno-tekhničeskogo perevoda / O.N. Korniyushchenko // Idei. Poiski. Resheniya: sbornik statej i tezisov IX Mezhdunar. nauč. prakt. konf., Minsk, 25 noyabrya 2015 g./ Redkol.: N.N. Nizheva (otv. redaktor) [i dr.]. - V 6 chastyah. – CHast' 4.– Mn.: BGU, 2015. P.14-19
- Kotrikadze E.V. O nekotoryh trudnostyah perevoda naučno-tekhničeskikh statej studentami starshih kursov tehničeskikh vuzov s anglijskogo yazyka na russkij yazyk/ L.I. Zharkova, E.V. Kotrikadze // Problemy sovremennogo pedagogičeskogo obrazovaniya. 71-4. 2021. P.167-170
- Pokushalova L. V. Obučenie perevodu naučno-tekhničeskoy literatury studentov tehničeskogo vuzu / L. V. Pokushalova // Izvestiya Tomskogo politekhničeskogo universiteta [Izvestiya TPU]. 2002. T. 305, vyp. 4 : YAzyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya: teoreticheskie i prikladnye aspekty. - P. 38-44.

РОДНОЙ ЯЗЫК И ЕГО КОМИКС-АДАПТАЦИЯ

Материал актуализирует проблему взаимодействия родного (ненецкого) языка и глобального мира. Фольклор, хранящий богатство народной речи и уникальные особенности исполнительского мастерства, не только питает родной литературный язык, но и способен воздействовать на языки и культуру глобального мира. В качестве посредника рассматривается современное медиа – комикс. Комикс, искусство пространственно-временное, сочетающее образ и слово, владеет также ресурсом визуализации звука, атмосферы действия. Анализируемый сборник «Лаханак» представляет взаимодействие нескольких языковых форм – устной родной речи, литературных языков (ненецкого и русского) и комикс-языка. Поиск адекватных способов адаптации комикса к фольклору привел к особым стилистическим графическим рассказам, потребовал задействовать и письменную графику – шрифт, знаки препинания в русскоязычном тексте. В перспективе комикс может воспроизвести всю многослойность национального (ненецкого) фольклора, передать речь сказителя и вторщика, а также сделать мотив движения и ритм ненецкой культуры ведущим в содержании. В заключении делается вывод, что обращение к графическому рассказу не только привлекает внимание к национальному культурному наследию, но и привносит в языки глобальной культуры уникальные особенности языка родного (ненецкого). Процесс адаптации фольклорного текста к комиксу требует осознанной работы как с фольклором, так и ресурсом комикс-языка.

Ключевые слова: ненецкий фольклор, ненецкий язык, комикс, метафоричность, образность, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямальский район

Guryanova G. G., Razdymakha S. E.
Arctic Research Center
Salekhard, Russian Federation

NATIVE LANGUAGE AND ITS COMIC ADAPTATION

The material brings up to date the problem of interaction between the native (Nenets) language and the global world. Folklore, which preserves the richness of folk speech and unique features of performance, not only feeds the native literary language, but is also able to influence the languages and culture of the global world. Modern media – the comic strip – is seen as an intermediary. Comic art, a time-space art that combines image and word, also has the resource of visualising sound, the atmosphere of the action. The analyzed collection “Lahanako” represents the interaction of several linguistic forms – oral native speech, literary languages (Nenets and Russian) and the comic language. The search for appropriate ways of adapting the comic strip to folklore has led to specific stylisations of graphic storytelling, requiring the use of written graphics as well – the font, punctuation marks in the Russian-language text. In the long run, the comic strip can reproduce the multiple layers of national (Nenets) folklore, convey the speech of the narrator and his assistant, and make the motif of movement and the rhythm of Nenets culture predominate in its content. The conclusion is that the appeal to graphic storytelling not only draws attention to the national cultural heritage, but also brings unique features of the native (Nenets) language to the languages of global culture. The process of adapting a folklore text into a comic strip requires conscious work with both folklore and the resource of the comic language.

Key words: Nenets folklore, Nenets language, Comic strip, metaphor, imagery, Yamal-Nenets Autonomous District, Yamal District

Сохранение родного языка – потребность насколько актуальная, настолько и воспринимаемая как стереотип. Сохранения нет без активного бытования языка и его развития. Развитие подразумевает взаимодействие родного языка и языков глобального мира, а также различных форм родного языка. Так, роль народной речи в процессе развития родного языка отмечают специалисты, например А. А. Зализняк [Зализняк, 2009]. Богатство родных языков северных народов передает фольклор и его исполнители, но доступ к взаимодействию нашего современника с источниками ограничен разными сферами бытования. Одним из возможных способов актуализации ценности родного языка является привлечение к ним современных медиа, например, комикса. Комикс, искусство пространственно-временное, сочетающее образ и слово, способен, в идеале, вобрать всю многослойность фольклорной традиции, передать ведущий мотив

движения и ритм ненецкой культуры. Цель материала – привлечение внимания к уникальным особенностям родного языка при помощи графического рассказа.

Одним из основных направлений сектора культурной антропологии Научного центра изучения Арктики (НЦИА) Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО, Салехард) является экспедиционная деятельность, в ходе которой ведется сбор фольклора на ненецком и хантыйском языках. С 2018 по 2023 год были проведены фольклорно-этнографические экспедиции в Ямальском, Приуральском, Надымском и Шурышкарском районах ЯНАО, в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Собранный материал используется для дальнейшего научного изучения. Образцы нематериального культурного наследия пополняют фольклорный фонд НЦИА [Фольклорный фонд, www], издуются в виде сборников серии «Фольклор ямальских ненцев», которая насчитывает три выпуска (2018, 2020, 2021) [Фольклор ямальских ненцев, 2018, 2020, 2021]. В 2022 году была опробована еще одна форма работы с фольклорными материалами, которая может оказаться наиболее предпочтительной для раскрытия особенностей родного языка для широкой аудитории – адаптация комикс-языка к ненецким сказкам [Лаханано, 2022].

Материалы нового сборника – это пять ранее не опубликованных фольклорных произведений в жанре «лаханано» («Хохорэ Вэсако», «Тёняко», «Сяцэвэй-Тар"-Начь», «Вэсакоху пухуцяха», «Манбада Лучецг»), собранных во время полевой работы в 2021 году (Ямальский район, Саяхинская тундра, ЯНАО). В ходе экспедиций было определено, что Ямальский район является одной из территорий, где не только наиболее сохранено исполнительское мастерство – условие бытования сказительского искусства и сохранения фольклора в целом, но и продолжает функционировать «школа» передачи мастерства и способов запоминания текста. Такой «школой» Е. Т. Пушкарёва называет систему исполнения ненецких фольклорных произведений двумя исполнителями: основным ведущим и *тэлтаугода* (вторщиком). Описанная техника позволяет вторщику запоминать стержень произведения и пополнять свой репертуар [Фольклор ненцев, 2021, с. 41–42]. Фольклорная традиция ненцев представляет собой театр одного актёра в лице сказителя, который по ходу исполнения дополняет произведение жестикой, показом того или иного действия, а также вступает в диалог со вторщиком и даже слушателями.

Отметим, что лаханано сохранили тесную связь с ранними народными представлениями о мире, его структуре и тех, кто его создал. Выбранные для перевода на язык комикса лаханано разнообразны и включают как наиболее архаичные формы космогонии, так и те, в которых присутствуют более поздние, этические составляющие. Так, в ряде сказок есть переключки с текстами книг Бытия. Например, лисичка в «Тёняко» (оказавшаяся богом Нумом) возит на санках журавленка (назначенного Нумом Богом верховий рек) и просит зверей помочь ей, спасая от большой воды (потопа?): «...илена эхэхэм таяя, яхат тиция ян' минарев'. И" тованизэ мэ" нани» (букв. есть у меня живое божество, на самое высокое место везу. Вода прибыть собирается). Герои «Хохорэ Вэсако» пытаются узнать свое будущее, а Старик Мышелов толкует им его, подобно Иосифу в египетской темнице. А в лаханано «Сяцэвэй-Тар"-Начь» Нум обучает человека этическим нормам: «Впрёдь пусть не будет тех, кто детей бросает». Сказки «Вэсакоху пухуцяха», «Манбада Лучецг» явно более поздние, в них есть разделение мира на земли «царские» и те, где живут и действуют обычные люди – ненцы и переселенцы русские, *луца*.

Задачи изучения и популяризации родного языка включают как различение, так и осознание ценностей как устной, так и литературной речи. По возможности, научные издания представляют тексты обоих вариантов национальной речи [Фольклор ямальских ненцев, 2021]. В сборник «Лакханано» устную речь было решено ввести «точечно». Весь процесс работы над сборником включил несколько этапов. Так как сборник в первую очередь ориентирован на детскую и молодежную аудитории, на начальном этапе была проделана необходимая работа по адаптации фольклорного текста к родному литературному языку. При этом была поставлена задача максимально сохранить специфику родной речи, говорных особенностей, которые теряются при грамматической и стилистической обработке. Например, в именах героев сохранено локальное (ямальский говор) произношение, поэтому здесь нельзя сказать, что в данных словах допущена грамматическая ошибка, так как в разных районах (гундрах) в разговорной речи допустимо разное произношение слов: «Сяцэвэй-Тар"-Начь», «Манбада Лучецг», «Хохорэ Вэсако». В литературно обработанных текстах оставлены слова связки: *ма, ти*, не относящиеся к содержанию произведения, но служащие сказителю для плавности повествования. Особенность в том, что у одного сказителя речь может ими изобиловать, а у другого они могут отсутствовать.

На втором этапе был сделан подстрочный перевод текстов фольклорных материалов на русский язык с соблюдением грамматических особенностей ненецкого языка. В предложении ненецкого языка глагол стоит последним, в переводе на русский язык авторы сборника предоставили, чаще всего, ему то же место, сохраняя ритмику речи сказителя. Графическая адаптация фольклорного текста представлена и в буквенном воспроизведении, отражающем многозначность и полнзвучность источника (метафоричность народной речи, присутствие исполнителя). Ресурс буквенного текста состоит в использовании знаков препинания, начертании шрифта. Так, речь исполнителя присутствует в сборнике курсивом в круглых скобках, особенности перевода уточнены в сносках. В круглых же скобках, но обычным шрифтом появляется литературный перевод ярких и образных речевых выражений: «использует дни вместо годов (не по годам растёт, а по дням)», «на краю царского поселения (города)». Не называемые, но по смыслу предполагаемые

герои, присутствуют в тексте в квадратных скобках. Таким образом, даже буквенный текст в сборнике активно стремится к визуализации.

Выразительность и метафоричность ненецкого языка переданы при помощи сопоставления прямого перевода и литературного. Например, ненецкое выражение «*Вадамт'аня*» в прямом переводе звучит очень весомо: «У нас есть слово», по сравнению информативностью литературного русского аналога: «Мы хотим спросить»: «Глаза свои странно использует». Подобная образность подтверждает ценность применения комикса как убедительного медиа для популяризации особенностей ненецкого языка.

Комикс, как известно, обладает не только свойствами изображения и повествования, но и особой способностью сделать графику временным искусством, изобретая визуализацию атмосферы действия. Комикс на родных языках на Ямале существует с 2017 года. Чаще всего комикс-адаптации подвергались ненецкий язык. Первый опыт представлял собой перевод комикса «Конг-фу панда» на ненецкий язык (ненецкий клуб «Вада» при представителе ЯНАО в Санкт-Петербурге, соорганизатор Александра Терехина), в котором потребовалось изобретать языковые аналогии образом готовых героев, что само по себе уже поставило родной язык в условие взаимодействия с другими языками (вместо панды появился «пятнистый медведь», вместо змеи – «длинный червяк» и пр.) [Комикс «Кунг-фу панда», www]. Самыми частыми были попытки нахождения соответствия между текстом сказки на родном языке и его визуализацией. На исходе 2020 года к комиксу обратился проект «Yamal Hero» (сооснователь Александр Хуторенко, Ноябрьск), предложивший графическое повествование про мальчика Ямала, борющегося со злом [Yamal Hero, www]. Особенность этого проекта в его ориентации на архетип супергероя, эффектный визуальный ряд и лишь декларативную близость к родным культуре и языку.

С 2020 года в регионе (МВК имени И. С. Шемановского, соорганизатор Юлия Никитина) проводится выставка-конкурс «Ямальский комикс» (2020, 2022), ряд участников которого проявляют активный интерес к визуализации фольклорных текстов, правда, уже переведенных и опубликованных [Фестиваль «Ямальский комикс», www]. Таким образом, графические адаптации ненецких сказок «Лакханако» (С. Е. Раздымаха и Ю. В. Никитина – авторы, Г. Г. Гурьянова – научный редактор издания) – это, с одной стороны, закономерное продолжение «сотрудничества» ненецкого языка и комикса, а с другой – первый опыт, в котором язык и комикс взаимодействуют на равных.

Для создания пяти комиксов пяти сказок были приглашены победители выставки-конкурса «Ямальский комикс» 2020 года: художники разных возрастов, из разных населенных пунктов нашей страны, в том числе и с Ямала: Анастасия Титова (Москва), Софья Воловиченко (Пурпе-1, Губкинский), Антонина Лопатина (Санкт-Петербург), Полина Ледовская (Ноябрьск), Наталья Соловьева (Нижний Новгород). Никто из них не владеет ненецкой речью и не знаком глубоко с ненецкой культурой. Работа с художниками протекала последовательно: согласование образов, уточнение деталей. Авторы не стремились найти единый визуальный язык, напротив, была поставлена цель: дав в выборе стилистики волю художникам, понять, какой вариант окажется ближе к сути ненецкого фольклора.

При создании комиксов решалось несколько проблем. Первый уровень – технический – был, пожалуй, самый результативный. Все рисунки подошли утверждение у носителя культуры на предмет изображения особенностей одежды, бытовых нюансов, предметного мира. Это, безусловно, требовало от художников иной последовательности работы над графическим рассказом, а также понимания необходимости этого пути и терпения.

Следующий уровень проблем был напрямую связан с поисками авторами стилистики комиксов. Как уже было сказано, перед художниками не ставилась задача стилистического единообразия. Каждый мастер сам решал, какой язык будет адекватнее своему пониманию текста. Софья Воловиченко (сказка «*Хохорэ Вэсако*») и Антонина Лопатина («*Сяцэвэй-Тар"-Начь*») пошли по пути упрощения изобразительной манеры, лаконичности образов. Комикс по сказке «*Хохорэ Вэсако*» решал непростые задачи совмещения нескольких сюжетов (поиск Стариком Лебедем места для жизни, камлание Старика Мышелова и сюжеты этих камланий), а также передачи переживаемых героями эмоций. В комиксе «*Сяцэвэй-Тар"-Начь*» требовалось передать сложную этическую ситуацию – встречи героев сказки с особым ребенком, спонтанность и осознанность дальнейшего выбора. Некоторая примитивизация языка придала графике отстраненность, свойственную сказке как жанру, утратив при этом присущую обоим текстам драматичность.

Полина Ледовская при работе с текстом лакханако «*Вэсакохо' нухуцяха*» избрала детализированное изображение, сложное, напряженно тональное. Образы получились реалистические, элементы стилизации придали им даже некоторую мистичность. При этом сказка «выпала» из своего шутиwego исполнения – в тексте есть ссылка на смех П. Я. Окоэтэто, сказительницы, сопровождающий повествование. Еще один осознанный выбор стилистики был сделан Натальей Соловьевой для лакханако «*Маубада Луцечэ*». Так как главным героем русский («русский мужик»), то художница избрала стилизацию под лубок. В итоге насыщенное повествование обрело нарядную русскую орнаментированность и декоративность. В целом, это не способствовало пониманию, почему в ненецкой культуре бытовали сюжеты о русских, действующих в реалиях русской сказки (солдаты в доспехах, царские владения, дворец, корабли на море и пр.)

А вот комикс москвички Анастасии Титовой «*Тёняко*» в полной мере открыл визуальные потребности ненецкого фольклора. Как уже было сказано, эта сказка – из ранних. Главным героем выступает Нум, который при помощи других животных спасает от воды (потопа) одного из богов – Бога верховий рек.

Цикличность ритма повествования подчеркивается художником при помощи параллельной перспективы, превращающей пространство в подобие карты. Жесткость сюжета, требующего принесения в жертву помощников, обыгрывается объемными фигурами – условными и жизнеподобными одновременно. В результате, комикс сохранил нарративность и приобрел достаточную для фольклорного текста условность контекста и героев. Создание фигур в материале придало сюжету осязаемость, что вместе с условностью усилило метафоричность графической адаптации.

Самый сложный уровень проблем был связан с важностью введения в комикс не только атмосферы действия сказки, но и ее исполнения. На сегодняшний день, как уже указывалось, этот уровень был освоен лишь при помощи визуализации текста: применении знаков препинания и вариантов шрифта. Комиксы сборника «Лаханак» воплотили на интегрированном языке этого вида искусства лишь сюжетную линию повествования.

В заключении, подчеркнем, что современные научные исследования родных языков концентрируются в области популяризации литературных форм, а также изучения и сохранения фольклорной речи. Популяризация этих областей, одной стороны, максимально удаляет фольклор от человека, а с другой - не способствует обогащению и развитию литературного языка. Выход видится в соблюдении баланса между правилами литературной нормы и богатством фольклорных говоров. Таким образом, для сохранения актуальности духовного наследия народа, прежде всего, родного языка, требуется не только работа по сбору, фиксации фольклора, но и привлечение новых способов популяризации ритмики народной речи, ее лексик. Например, графического рассказа. В представленном опыте удалось многое. Но заметно, что, даже предложив убедительную визуализацию, комикс в сборнике «Лаханак» не представил богатство фольклора как произведения не только словесного, но и исполнительского искусства. Уверены, что комиксу по силам не только иллюстрировать нарратив, но и, одновременно, предлагать визуальные аналогии образной ненецкой речи, при помощи лetterинга делать наглядным голоса исполнителя и вторщика. Если в ненецкой культуре движение-действие – это опорная категория, выражающаяся и в структуре фразы [Головнев, 2018, с. 25], а ритм – это основа всей кочевой жизни, то графический рассказ – убедительный и способ воплощения метафоричности ненецкого языка.

Литература

- Головнев А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. №2. С. 6–45.
- Зализняк А. А. О прошлом и будущем русского языка // Культура РФ. Life. Программа С. Капицы «Очевидное-невероятное». [Электронный ресурс]. 2009. 18:08. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/1302/o-proshlom-i-budushem-russkogo-yazyka> (дата обращения: 05.09.2022)
- Комикс «Кунг-фу панда» перевели на ненецкий язык. ТАСС. [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://tass.ru/v-strane/4880856> (дата обращения: 13.10.2022)
- Лаханак: графические адаптации ненецких сказок / авт.-сост. Ю. В. Никитина, С. Е. Раздымаха. Новосибирск: ООО «ДЕАЛ», 2022. 126 с.: ил.
- Фестиваль «Ямальский комикс». Группа ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/yamalcomics> (дата обращения: 14.10.2022)
- Фольклор ненцев / сост. Пушкарева Е. Т., Хомич Л. В. Новосибирск: Наука, 2001. 504 с.
- Фольклорный фонд Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики» // Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики». Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic.yanao.ru/activity/10869/> (дата обращения: 14.10.2022)
- Фольклор ямальских ненцев / сост. Н. М. Янгасова; отв. ред. Н. Б. Кошкарева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2018. 224 с.
- Фольклор ямальских ненцев. Выпуск 2. Фольклор сеяхинских ненцев / сост. Л. О. Окоэтто; науч. ред. Н. Б. Кошкарева. Воронеж: ООО «Алекс Принт», 2020. 184 с.
- Фольклор ямальских ненцев. Выпуск 3. Фольклор мыскаменских ненцев / сост. Р. И. Лапгандер, С. Е. Раздымаха; отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2021. 172 с.: ил.
- Yamal Hero. Группа ВКонтакте. [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/yamalhero> (дата обращения: 20.10.2022)

References

- Golovnev A. V. Kochevniki Arktiki: iskusstvo dvizheniya (Arctic nomads: the art of movement) // Etnografiia. 2018. №2. P. 6–45.
- Zalizniak A. A. O proshlom i budushchem russkogo yazyka (About the past and future of the Russian language) // Kul'tura RF. Life. Programma S. Kapitsy "Ochevidnoe-neveroiatnoe". [Elektronnyi resurs]. 2009. 18:08. URL: <https://www.culture.ru/live/movies/1302/o-proshlom-i-budushem-russkogo-yazyka> (date 05.09.2022)
- Komiks "Kung-fu panda" pereveli na nenetskii yazyk (Kung Fu Panda comic book translated into Nenets language). TASS. [Elektronnyi resurs]. 2018. URL: <https://tass.ru/v-strane/4880856> (date 13.10.2022)

- Lahanako: graficheskie adaptatsii nenetskikh skazok (Lahanako: graphic adaptations of Nenets tales) / avt.-sost. Yu. V. Nikitina, S. E. Razdymakha. Novosibirsk: DEAL, 2022. 126 s.: ill.
- Festival' "Iamal'skii komiks" (Yamal Comic Festival). VKontakte. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vk.com/yamalcomics> (date 14.10.2022)
- Fol'klor nentsev (Nenets folklore) / sost. Pushkareva E. T., Khomich L. V. Novosibirsk: Nauka, 2001. 504 s.
- Fol'klorny fond SAI YaNAO "Nauchnyi tsentr izucheniia Arktiki" (The Folklore Collection of the State Autonomous Institution of the Yamal-Nenets Autonomous District «Arctic Research Centre») // SAI YaNAO "Nauchnyi tsentr izucheniia Arktiki". Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://arctic.yanao.ru/activity/10869/> (date 14.10.2022)
- Fol'klor yamal'skikh nentsev (Folklore of the Yamal Nenets) / sost. N. M. Iangasova; otv. red. N. B. Koshkareva. St Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2018. 224 p.
- Fol'klor iamal'skikh nentsev. Vol. 2. Fol'klor seiakhinskikh nentsev (Folklore of the Yamal Nenets. Vol. 2. The folklore of the Seyakha Nenets) / sost. L. O. Okotetto; nauch. red. N. B. Koshkareva. Voronezh: "Aleks Print", 2020. 184 s.
- Fol'klor iamal'skikh nentsev. Vol. 3. Fol'klor myskamenskikh nentsev (Folklore of the Yamal Nenets. Vol. 3. Folklore of the Nenets of Mys Kamennyi) / sost. R. I. Laptander, S. E. Razdymakha; otv. red. N. B. Koshkareva. St Petersburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2021. 172 p.: ill.
- Yamal Hero. VKontakte. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://vk.com/yamalhero> (date 20.10.2022)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ФОНЕТИКЕ, ГРАММАТИКЕ И ЛЕКСИКЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ

В данной статье рассматривается проблема эффективного обучения аспектам китайского языка на начальном этапе. Особенно необходимо решение данной проблемы в начальной школе, где учащиеся только начинают изучать китайский язык. Ограниченное количество подходящих учебных пособий требует использование таких дополнительных учебных материалов, как видеоматериалы. Целью исследования является выделение особенностей применения видеоматериалов для обучения аспектам китайского языка на начальном этапе обучения в школе. Задачами исследования являются: выявление проблем обучения фонетике, грамматике и лексике китайского языка в начальной школе; анализ особенностей психофизического развития учащихся младшего школьного возраста; описание специфики использования видеоматериалов на начальном этапе обучения в начальной школе. В результате исследования были выделены основные проблемы обучения аспектам китайского языка в начальной школе, особенности психологического развития младших школьников и описана специфика применения видеоматериалов на уроках китайского языка в начальной школе. Обучение китайскому языку требует интенсификации, и применение видеоматериалов на уроках китайского языка решает эту проблему, соответствуя не только лингвистическим, но и психофизиологическим требованиям младшего школьного возраста.

Ключевые слова: видеоматериалы; младший школьный возраст; китайский язык; методика преподавания иностранных языков; аспекты языка.

Davydova K. A.
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

USING VIDEO MATERIALS FOR EFFECTIVE TEACHING OF PHONETICS, GRAMMAR AND VOCABULARY OF THE CHINESE LANGUAGE AT THE ELEMENTARY LEVEL AT SCHOOL

This article deals with the problem of effective teaching aspects of the Chinese language at the initial stage. It is especially necessary to solve this problem in elementary school, where students are just beginning to learn Chinese. The limited number of suitable training aids requires the use of additional training materials such as videos. The purpose of the study is to highlight the features of the use of video materials for teaching aspects of the Chinese language at the initial stage of schooling. The objectives of the study are: to identify the problems of teaching phonetics, grammar and vocabulary of the Chinese language in elementary school; analysis of the features of the psychophysical development of students of primary school age; description of the specifics of the use of video materials at the initial stage of education in elementary school. As a result of the study, the main problems of teaching aspects of the Chinese language in elementary school, the features of the psychological development of younger students were identified, and the specifics of the use of video materials in Chinese lessons in elementary school were described. Chinese language teaching requires intensification, and the use of video materials in Chinese language lessons solves this problem, meeting not only the linguistic, but also the psychophysiological requirements of primary school age.

Key words: video materials; primary school age; Chinese; methods of teaching foreign languages; language aspects.

В современном мире китайский язык стремительно набирает свою популярность как среди взрослых, так и среди детей. На данный момент можно наблюдать активный спрос на изучение китайского языка в начальной школе. Однако обучение китайскому языку отличается от других европейских языков и хранит в себе некоторые трудности, которые преподаватель должен учитывать на этапе планирования и проведения

занятий. Для этого необходимо проанализировать потенциальные проблемы и рассмотреть способы их решения.

В Российской Федерации устоялась традиционная система изучения иностранных языков: английский, немецкий, испанский, французский. В приказе Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» по вопросу обучения второго иностранного языка в начальной школе сказано, что его можно реализовывать только «по заявлению обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и при наличии в организации необходимых условий». Из этого следует, что изучение второго иностранного языка в начальной школе не является обязательным и реализуется только при согласии всех детей, родителей и образовательной организации. В соответствии с этим, изучение китайского языка в начальной школе возможно только в качестве второго иностранного языка и появляются предпосылки для возникновения некоторых трудностей его обучения.

Основной проблемой является вопрос интенсификации обучения китайского языка в связи с его отличием от европейских языков. Необходимость интенсификации обучения китайскому языку вызвана современными требованиями формирования коммуникативной компетенции в полной степени и меньшим количеством часов для изучения, чем первый иностранный язык. Под интенсификацией образовательного процесса понимается улучшение обучения посредством поиска и использования, наилучшей в данных условиях целостной системы обучения, которая за наиболее краткий срок времени приведет к поставленным целям с наименьшими затратами со стороны преподавателя и учащихся [Сокеркина, 2012, с. 147].

Нередко можно увидеть как занятия по второму иностранному языку проводятся по аналогии с занятиями по первому иностранному языку: преобладающее количество языковых и условно-речевых упражнений; незнание как использовать на уроке навыки и умения учащихся, полученных при изучении первого иностранного языка; незнание как способствовать формированию металингвистического сознания, с помощью которого ученики могут легче и быстрее выучить иностранный язык и говорить на нем [Щепилова, 2005, с. 144].

Во время урока китайского языка при обучении лексике, фонетике и грамматике также можно столкнуться с более узконаправленными проблемами. Чжун Ян в своей работе «Часто встречаемые проблемы техники преподавания китайского языка на начальном уровне в комплексном уроке» выделил проблемы, которые возникают у преподавателей при обучении лексике и фонетике китайского языка: проблема запоминания порядка написания черт в иероглифе и проблема определения тона в воспринимаемой речи [Чжун Ян, 2018, с. 197].

Чжун Ян отмечает, что даже после демонстрации преподавателем правильного написания иероглифов, некоторые ученики всё еще продолжают писать иероглифы неправильно. Для решения этой проблемы он предлагает учителю по очереди писать черты иероглифа и обращать внимание учеников на написание, в качестве домашнего задания задаётся написание иероглифа по порядку черт. Также автор статьи пишет, что часто ученики не могут определить тон, с которым учитель и другой человек произносят слово, хотя сами подсознательно произносят слова правильно. Чжун Ян в таком случае предлагает повышать умение осознанного аудирования, увеличить количество фонетических упражнений.

В результате анализа можно выделить, что обучение китайскому языку имеет свою специфику и потенциальные проблемы, которые преподаватель должен учитывать при организации занятий. Претворение или минимизация возникновения данных проблем на начальном этапе изучения языка выступает одной из задач преподавателя при подборе учебных материалов и планировании занятия. Но для эффективного обучения китайскому языку также необходимо учитывать психофизические особенности учащихся.

В соответствии положением отечественной возрастной психологией возраст с 6-7 лет и до 9-10 лет считается младшим школьным возрастом [Мухина, 2006, с. 309]. В данном возрастном периоде начинают активно развиваться внимание, восприятие и память [Айгумова, 2021, с. 17].

В этот возрастной период нервная система и головной мозг ребенка постепенно также претерпевает изменения. По мнению специалистов, кора больших полушарий достигает большей степени зрелости уже к 7 годам, но некоторые важные отделы еще не достигли своего пика формирования. Один из таких отделов, еще не завершивший своё формирование, ответственен за контроль и регуляцию сложных форм психической деятельности. Именно поэтому младшие школьники быстро отвлекаются, они легко возбудимы и эмоциональны и их сложно успокоить на уроке [Обухова, 2011, с. 22].

В этот возрастной период концентрации внимания только начинает увеличиваться и в своем потенциале может достичь 10-30 минут. Со временем объем внимания у школьника может увеличиться вдвойне, его уже будет легче переключать и распределять по учебным задачам, устойчивое внимание также повысится [Давыдов, 2009, с. 94]. Однако концентрация внимания на одном учебном действии у учащихся, в начале обучения, короткая и поэтому через небольшой период времени уже сложно удерживать их внимание на выполнении одного упражнения.

У детей 7-10 лет очень развито чувство языковой догадки и им интереснее воспринимать язык как средство для общения, а не как языковую систему. Они быстро и легко запоминают новые языковые явления, с легкостью их воспроизводят и используют в новых ситуациях. У младших школьников есть способность непроизвольно запоминать учебный материал, который заинтересовал их содержанием или

формой представления. Материал должен быть представлен ярко, наглядно, логично и желательно с использованием активных игровых форм, чтобы учащиеся смогли попробовать разные действия по запоминанию нового материала. Данными требованиями необходимо руководствоваться при подборе видеоматериалов для занятий [Фоминных, 2016, с. с. 508].

В процессе изучения второго иностранного языка у учащихся появляется ситуация возникновения искусственного билингвизма или многоязычия. Многоязычием называется «явление индивидуальной психики, умение одних и тех же лиц общаться средствами нескольких языков» [Коренева, 2020, с. 14]. Многоязычие — это определенное явление индивидуальной психики и означает, что при обучении китайскому языку возникают новые психологические особенности, которые необходимо учитывать в преподавании его как второго иностранного.

Результатом обучения второго иностранного языка является металингвистическое сознание, а в процессе его становления развиваются и принимают участие такие психологические свойства личности, как мотивация, способности, воля, чувства, внимание, воспитание, память и мышление. Все эти условия необходимо учитывать при применении аудиовизуальных материалов для обучения китайскому языку в начальной школе.

Видеоматериалы являются одним из средств обучения, которые используются в образовательном процессе как носители учебной информации, так и инструмент педагогической и учебной деятельности с целью реализации образовательных, развивающих и воспитательных целей [Семендьева, 2011, с. 76]. Видеоматериалы относятся к аудиовизуальным средствам обучения, благодаря которым появляется возможность стимулировать образовательный процесс с опорой на зрительный и слуховой каналы одновременно.

Для описания специфики используемых видеоматериалов необходимо рассмотреть понятие их аутентичности. Под аутентичностью материалов понимаются материалы, создаваемые носителями языка для носителей языка и представляемые на языке носителей языка с целью реализации их потребностей в различных сферах жизни. Они могут быть представлены в текстовой, аудиальной, визуальной, иллюстрационной форме и также в других вариациях форм [Казакова, 2016, с. 51].

Аутентичные материалы помогают учащимся легче привыкнуть к иностранному языку, предоставив учащимся первоначальные языковые явления в контексте коммуникативной ситуации в комплексе с его фонетическим, семантическим, графическим и синтаксическим оформлением.

Видеоматериалы могут быть использованы, чтобы создать реальную коммуникативную ситуацию на уроке, где учащиеся смогут использовать новые лексические и грамматические единицы. Методически правильно созданная коммуникативная ситуация вызывает у учащихся интерес для дальнейшего изучения иностранного языка. Учащиеся должны как можно больше слышать иностранный язык, говорить на нем, использовать новые слова, оттачивать свои фонетические навыки. Видеоматериалы должны быть подобраны с целью реализации данных задач.

Применение аудиовизуальных материалов решает вопрос индивидуализации обучения, так как видеоматериал можно подобрать согласно интересам, личностным особенностям, уровню интеллектуального и эмоционального развития, а также полученным знаниям школьников. В этом плане использование видеоматериалов в сравнении с компонентами УМК является более гибким средством обучения, который можно изменять и подбирать в зависимости от образовательных потребностей учащихся.

В рамках урока китайского языка рекомендуется применять видеоматериалы совместно с языковыми, условно-речевыми и речевыми упражнениями, благодаря чему задействуются слуховое, зрительное и моторное восприятия учащихся. Аудиовизуальные средства обучения характеризуются своей зрительной и слуховой наглядностью, что способствует лучшему запоминанию и закреплению изучаемого языкового материала.

В первый год изучения видеоматериалы необходимо подбирать с опорой на наглядно-образное мышление. Они должны быть выбраны в соответствии с их яркостью, наглядностью, но в то же время с их логичностью и потенциалом для применения активных игровых форм. Использование видеоматериалов для знакомства с новой лексикой, грамматикой и фонетикой должно быть системно. Видеоматериалы должны дополнять материал, представленный в УМК, чтобы у учащихся постепенно формировалась логичная система языка и её составляющих.

Просмотр видеоматериала и выполнение упражнений по его содержанию также способствует развитию произвольного внимания у учащихся, так как они стараются концентрироваться на содержании видеоматериала, языковом оформлении речи, чтобы в дальнейшем использовать их для реализации своих познавательных и коммуникативных потребностей.

Песенный видеоматериал лучше использовать совместно с некоторыми элементами физической активности. Младшие школьники ещё только начинают учиться как правильно организовать свою эмоциональную и учебную деятельность, время их произвольной концентрации ещё весьма ограничено, в результате чего учащиеся данной возрастной группы быстро устают от занятий. Для своевременного отдыха эффективным вариантом будет активная работа с песенным материалом, где у учащихся будет возможность не только спеть песню на китайском языке, но и выполнить некоторые танцевальные движения, чтобы снизить накопившуюся эмоциональную и физическую нагрузку.

К тому же, видеоматериалы обязательно должны сопровождаться вариативными заданиями, которые преждевременно снимут языковые трудности, проверят степень усвоения просмотренного, закрепят новый языковой материал или создадут ситуацию речевого общения. Младших школьников должен заинтересовать не только сам факт просмотра видеоматериала, но и содержание.

Необходимо помнить о том, что аутентичные видеоматериалы всего лишь являются средством обучения, и ни в коем случае не являются развлекательным контентом. При использовании на уроке видеоматериалов важно соблюдать баланс между изучением нового материала в традиционном формате, а закрепление его уже в более современной форме.

Статус китайского как второго иностранного в школе и специфика самого языка выступают в качестве трудностей при обучении китайского языка на начальном этапе обучения. Положение китайского языка как второго иностранного языка в школе требует интенсификации обучения. Поэтому материал желателен должен быть богат аутентичными языковыми средствами, которые активно используются в повседневной речи носителями языка, также он должен содержать и страноведческую информацию.

Учащиеся на начальном этапе изучения китайского языка в школе находятся в младшем школьном возрасте, который также влияет на организацию образовательного процесса. В процессе планирования занятий и подбора учебных материалов необходимо учитывать возрастные особенности детей. У видеоматериалов есть потенциал для разнопланового их использования для обучения лексике, грамматике или фонетике, а также предоставляют большой выбор при подборе различных упражнений для формирования и тренировки навыков. Видеоматериалы могут быть трансформированы в языковые, условно-речевые и речевые упражнения, либо быть дополнительным материалом к ним.

В заключение стоит сказать, что видеоматериалы хранят в себе неограниченный потенциал использования на уроках китайского языка в начальной школе. Их применение способствует эффективному усвоению как лингвистического, так и страноведческого материала в комфортной для учащихся обстановке. Работа с видеоматериалом помогает индивидуализировать процесс обучения, сделав его максимально результативным для учащихся в зависимости от поставленных целей обучения.

Литература

- Айгумова З.И. [и др.]. Психология детей младшего школьного возраста : учебник и практикум для вузов; под общей редакцией А. С. Обухова. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 424 с. — (Высшее образование).
- Давыдов В.В. Теория развивающего обучения / В. В. Давыдов. —М.—2009. — 104 с.
- Казакова М.А., Евтюгина А.А. Аутентичные текстовые материалы в обучении иностранному языку. — Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. — 2016. Вып. 4. с. 50-59.
- Коренева М. Р. Каурова Е. М. Эрдынеева Д. В. Основы методики обучения второму иностранному языку: учебное пособие. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского гос-университета, 2020. — 116 с.
- Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития: учебник. 10-е изд., перера. и доп. М.: Академия, 2006. С. 309
- Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник. — М.: Издательство Юрайт; МГППУ. — 2011.
- Семендяева О. В. Аудиовизуальные технологии обучения: учебное пособие; Кемеровский государственный университет. — Кемерово, 2011. — 156 с.
- Сокеркина О.В., Пышняк Л.Н. Интенсификация процесса обучения иностранным языкам // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: Сборник научных трудов. — Минск: Изд. Центр, БГУ, 2012. — С. 147 – 152.
- Фоминых М. В. Особенности обучения иностранному языку в младшем школьном возрасте // Молодой ученый. — 2016. — № 7.5 (111.5). — С. 72-73.
- Чжун Ян. Часто встречаемые проблемы техники преподавания китайского языка на начальном уровне в комплексном уроке. Россия и Китай: двустороннее сотрудничество и региональный аспект: материалы III Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 2-3 ноября 2018 г.) / под ред. В.А. Гавриловой, И.Г. Хрипунова. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. — 236 с.
- Щепилова А.В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033200 «Иностр. яз.». — М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. — 245 с.

References

- Aygumova Z.I. [i dr.]. Psikhologiya detey mladshogo shkol'nogo vozrasta : uchebnik i praktikum dlya vuzov; pod obshchey redaktsiyey A. S. Obukhova. — Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2021. — 424 s. — (Vyssheye obrazovaniye).
- Davydov V.V. Teoriya razvivayushchego obucheniya / V. V. Davydov. —M.—2009. — 104 s.
- Kazakova M.A., Yevtyugina A.A. Autentichnyye tekstovyye materialy v obucheniі inostrannomu yazyku. — Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovaniye. Lichnost'. Obshchestvo. — 2016. Vyp. 4. s. 50-59.

- Koreneva M. R. Kaurova Ye. M. Erdyneyeva D. V. Osnovy metodiki obucheniya vtoromu inostrannomu yazyku: uchebnoye posobiye. – Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gos-universiteta, 2020. – 116 s.
- Mukhina V.S. Vozrastnaya psikhologiya. Fenomenologiya razvitiya: uchebnyk. 10-ye izd., perera. i dop. M.: Akademiya, 2006. S. 309
- Obukhova L. F. Vozrastnaya psikhologiya: uchebnyk. – M.: Izdatel'stvo Yurayt; MGPPU. – 2011.
- Semendiyayeva O. V. Audiovizual'nyye tekhnologii obucheniya: uchebnoye posobiye; Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet. – Kemerovo, 2011. – 156 s.
- Sokerkina O.V., Pyshnyak L.N. Intensifikatsiya protsessa obucheniya inostrannym yazykam // YAzyk, rech', obshcheniye v kontekste dialoga yazykov i kul'tur: Sbornik nauchnykh trudov. – Minsk: Izd. Tsentr, BGU, 2012. – S. 147 – 152.
- Fominykh M. V. Osobennosti obucheniya inostrannomu yazyku v mladshe m shkol'nom vozraste // Molodoy uchenyy. — 2016. — № 7.5 (111.5). — S. 72-73.
- Chzhun Yan. Chasto vstrechayemye problemy tekhniki prepodavaniya kitayskogo yazyka na nachal'nom urovne v kompleksnom uroke. Rossiya i Kitay: dvustoronneye sotrudnichestvo i regional'nyy aspekt: materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 2-3 noyabrya 2018 g.) / pod red. V.A. Gavrilovoy, I.G. Khripunova. – Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2019. – 236 s.
- Shchepilova A.V. Teoriya i metodika obucheniya frantsuzskomu yazyku kak vtoromu inostrannomu: ucheb. Posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 033200 «Inostr. yaz.». – M.: Gumanitar. izd. tsentr VLADOS, 2005. – 245 s.

Демкина Я. Ю.
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
Университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Санкт-Петербург, Российская Федерация

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ В ЖАНРЕ ДЕБАТОВ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕДВЫБОРНОГО ДИСКУРСА

Введение. Статья посвящена исследованию системы ценностей, присущих американскому предвыборному дискурсу на основе данных жанра предвыборных дебатов. **Научная новизна** состоит в выявлении концептуальных доминант американского общественного сознания. **Актуальность** работы заключается в выделении доминирующих лексических групп политических текстов при помощи программного обеспечения.

Целью работы является количественный и качественный анализ ценностного аспекта и частотности его употребления в политическом дискурсе и дискурсивном процессе предвыборных дебатов кандидатов в президенты США. **Задачей работы** является описание ценностных ориентиров жанра американского предвыборного дискурса, выявление концептуальных доминант, характерных для представителей двух конкурирующих партий, которые предназначены для прагматического воздействия на адресата.

Методы исследования. Для исследования концептуальных ценностных доминант в жанре предвыборных дебатов американского предвыборного дискурса используются корпусные методы при помощи программного обеспечения, которые позволяют выявить языковые структуры, передающие ценностные смыслы, выполняются список слов для каждого из анализируемых подкорпусов.

Результаты и обсуждение. Анализируется и обобщается совокупная частотность лексических единиц; списки ключевых слов, извлеченных из текстов предвыборных выступлений кандидатов в президенты США. Устанавливаются концептуальные доминанты американского общественного сознания. Обсуждается подход к выявлению аксиологем американской политической коммуникации, который основывается на анализе корпусов текстов предвыборных дебатов.

Вывод. Выявляются различия в концептуальных доминантах ценностных концептов, аксиологемах кандидатов в президенты от Республиканской и Демократической партий, лексические единицы и абсолютная частотность их употребления для кандидатов каждой из политических партий, представляются в таблице.

Ключевые слова: Дискурс, политический дискурс, жанр, предвыборные дебаты, лексические единицы, ценностный концепт, концептуальные доминанты, аксиологема

Demkina Y. Y.
Saint Petersburg State Electrotechnical University «LETI»
Saint Petersburg, Russian Federation

CONCEPTUAL DOMINANTS IN THE GENRE OF DEBATES THE US PRESIDENTIAL ELECTION DISCOURSE

Introduction. The article is devoted to the study of the system of values inherent in the American election discourse based on the data of the genre of election debates. The scientific novelty consists in identifying the conceptual dominants of the American public consciousness. The relevance of the work lies in the allocation of dominant lexical groups of political texts with the help of software.

The purpose of the work is a quantitative and qualitative analysis of the value aspect and the frequency of its use in political discourse and the discursive process of pre-election debates of US presidential candidates. The task of the work is to describe the value orientations of the genre of American pre-election discourse, to identify conceptual dominants characteristic of representatives of two competing parties, which are intended for pragmatic influence on the addressee.

Research methods. To study the conceptual value dominants in the genre of pre-election debates of the American election discourse, corpus methods are used with the help of software that allow identifying language structures that convey value meanings, a list of words is made for each of the analyzed subcorps.

Results and discussion. The aggregate frequency of lexical units is analyzed and summarized; lists of keywords extracted from the texts of election speeches of US presidential candidates. The conceptual dominants of the American public consciousness are being established. The approach to identifying the axiologies of American political communication, which is based on the analysis of the corpora of texts of pre-election debates, is discussed.

Conclusion. Differences in the in the conceptual dominants of value concepts, axiologiemes of presidential candidates of the Republican and Democratic parties, lexical units and the frequency of their use for candidates of each of the political parties are revealed in the table of this article.

Keywords: Discourse, political discourse, genre, election debates, lexical units, value concepts, conceptual dominants, axiologiemes

Введение. Политический дискурс в жанре дебатов на примере американского предвыборного дискурса, представляемый как корпус текстов, характеризуется детерминированными моделями и их конфигурациями, концептуальными доминантами, которые имеют определенное ценностное содержание и представлены концептуальными универсалиями, а именно, концептами, концептуальными моделями, когнитивными стереотипами, содержащимися в истории, этике этой страны [ван Дейк, 1988, с. 113]. Использование концептуальных доминант в предвыборных дебатах кандидатов в президенты США носит идеологический характер и отражает антагонизм, соперничество республиканской и демократической партий в области политологии и социологии, а также политические концепции и программы, речевые особенности лидеров конкурирующих партий.

Целью работы является количественный и качественный анализ концептуальных доминант ценностного аспекта и частотности их употребления в политическом дискурсе и дискурсивном процессе предвыборных дебатов кандидатов в президенты США.

Задачу работы составляет описание ценностных ориентиров жанра американского предвыборного дискурса, выявление концептуальных доминант, характерных для представителей двух конкурирующих партий, которые предназначены для прагматического воздействия на адресата. Ценностные смыслы не лежат на поверхности текста в следствие неоднозначности ценности как категории, они выводятся из семантики языковых структур, их синтагматических отношений в процессе развертывания дискурса, ассоциативных рядов и выводимых смыслов, возникающих в процессе его интерпретации.

В статье рассматриваются концептуальные доминанты ценностного аспекта политического дискурса как предмет исследования, имеющий большое значение для исследования корпуса текстов предвыборных дебатов кандидатов в президенты США в свете дискурсивной парадигмы. Актуальность исследования, приведенного в данной статье, состоит в представлении доминирующих лексических групп политических текстов на основе лингвистического анализа корпусов при помощи программного обеспечения; в дефиниции связи аксиологического анализа и лингвистического дискурс-анализа.

Современные лингвисты [Гайкова, 2003; Дотдаева, 2013; Курушкин, 2017; Марьянчик, 2013; Шейгал, 2000; Sowinska, 2013] выделяют категорию «ценность» политического дискурса, которую они представляют как известный и понятный идеал для общества, как единицу благородства жизни, не являющая дефиниции понятия «ценность». Предметом их исследований являются также и аксиологические характеристики политического дискурса.

В результате анализа политического дискурса отечественные и зарубежные ученые [Гайкова, 2003; Дотдаева, 2013; Курушкин, 2017; Марьянчик, 2013; Шейгал, 2000; Sowinska, 2013] показывают, что аксиологические характеристики политического дискурса представляются следующими социальными ценностями: свободой, демократией, равноправием, выражающими отношение социума к экономическим и политическим событиям в стране и в мире [Dijk, 1998, с. 105]. Система ценностей рассматривается Т. ван Дейком в социально-когнитивной сфере дискурс-анализа как когнитивная модель, построенная на сознании человеческого мозга, и как компонент общественного мышления.

Российский философ, культуролог Докучаев И.И. представляет в работе «Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры» концепцию ценность «как идеальную модель какого-либо явления всей человеческой деятельности», определяемую набором субъективных и объективных требований человека к этому факту. [Докучаев И.И., 2009, с. 20].

В данной статье на основе исследований Д.А. Леонтьева отметим, что ценность является идеальным образованием, представленным «моделью должного», определяемой принципами морали социума [Леонтьев Д.А., 1996, с. 6–7]. Ценность, определяемая историческими событиями и уровнем развития общества, дает идеальное представление вещей в соответствии с конкретной сферой человеческой деятельности. Категория ценность имеет две формы существования, а именно, индивидуальные личностные ценности и общественные идеалы.

Теория ценностей получила наименование аксиологии в конце XIX в., А.А.Кретов дает дефиницию аксиологом, представляет их как абсолютные ценности, как концептуальные доминанты, «концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее — лингвокультуры)», нарушение которых осуждается в социуме [Кретов, 2016, с. 8].

В работе Ф.И. Дотдаевой, посвященной анализу аксиологом в выступлениях президентов США, представлена классификация политических, социальных и экономических ценностей [Дотдаева, 2013, с. 7].

На основе исследований Д.Е. Гуньковой можно отметить, что категория ценность имеет различную субъективную интерпретацию с точки зрения идеологической самоидентификации разных представителей и групп общества [Гунькова, 2022, с. 129].

Методы исследования. Для исследования концептуальных доминант ценностного аспекта политического дискурса были применены подходы современной лингвистики такие, как лингвистический анализ текста, и аксиология. Данное исследование основано на корпусном методе актуализации ключевых слов, который позволяет выявить концептуальные доминанты и ценностные характеристики дискурса, при этом надо отметить, что выделение ключевых слов не позволит проанализировать текст, поскольку их экспликация и функции зависят от контекста политического дискурса.

Методика аксиологического анализа изучает языковые средства текстового корпуса [Марьянич, 2013, с. 29] и предоставляет дискурсивный подход к исследованию политических текстов. Основным аксиологическим критерием для дефиниции концептуальных доминант, когнитивных стереотипов является критерий детерминированности концептуальных единиц посредством частотности их употребления в текстах политического дискурса в жанре дебатов американского предвыборного дискурса. В статье представляется и сравнительный анализ концептуальных доминант в анализируемых корпусах, который базируется на концепции «ключевого слова» и определяет их самую высокую частотность в текстах американского политического дискурса в жанре предвыборных дебатов.

Использование корпусных методов ключевых слов для анализа концептуальных ценностных доминант в жанре предвыборных дебатов американского предвыборного дискурса позволяет выявить языковые структуры, которые передают ценностные смыслы представителей той или иной партии, в данном исследовании на примере представителей Республиканской и Демократической партий США. Выявляемые ключевые слова при помощи указанного корпусного метода объективируют ценностные доминанты политического дискурса в жанре предвыборных дебатов кандидатов в президенты США [Taylor C., Marchi A., 2018, с. 167].

Применение компьютерной программы исследовательского центра Ланкастерского университета, специализирующегося на автоматизированном анализе больших массивов естественного языка (UCREL Semantic analysis system) [https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/] дает возможность детерминировать содержательную специфику предвыборного дискурса на основе семантической разметки. Корпусный менеджер программы *AntiConc* [Anthony, 2019] автоматически анализирует корпус текстов с семантической разметкой с целью выделения семантических категорий и выделения специфических лексических единиц для политического дискурса предвыборных дебатов кандидатов Республиканской и Демократической партий США.

Результаты и обсуждение. В данном исследовании в соответствии с целью работы на основе лингвистического и аксиологического анализа текста, корпусного метода актуализации ключевых слов представлены результаты репрезентации концептуальных ценностных доминант, ключевых лексем, частотность их употребления по сравнению с референтным корпусом американского предвыборного дискурса кандидатов в президенты США в период с 2000 по 2020 год. [Кононова И.В., Мельничук Т.А., 2021, с. 117].

Анализ частотности лексем в корпусном анализе, построенный на исследованиях Л. Баукер и Дж. Персон, показывает, что в каждом корпусе ключевыми лексемами являются служебные слова, наречия, существительные и прилагательные, использующиеся в дебатах того или иного кандидата США и показывающие высокую меру ключевой значимости [Bowker, Pearson, 2002, с. 189]. Семантическое исследование и сравнительный анализ политического дискурса на основе анализа совокупной частотности лексических единиц семантической категории дает возможность устанавливать абсолютные частотности употребления концептуальных доминант семантических категорий в корпусах предвыборных дебатов кандидатов в президенты США.

Исследование, проведенное в данной статье, представляет лексемы с частотностью не менее 4 в отличие от исследований Л. Баукер и Дж. Персон (см. Таблица 1).

В результате анализа политического дискурса в жанре предвыборных дебатов кандидатов в президенты США от Республиканской и Демократической партий на основе применения компьютерной программы исследовательского центра Ланкастерского университета, специализирующегося на автоматизированном анализе больших массивов естественного языка (UCREL Semantic analysis system) [https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/], выявлена абсолютная частотность концептуальных ценностных доминант с точки зрения их употребления в речах каждой из политических партий и представлена в Табл. 1.

Табл. 1. Ключевая значимость и частотность употребления концептуальных ценностных доминант в жанре предвыборных дебатов кандидатов в президенты от Республиканской и Демократической партий

Корпусы текстов кандидатов в президенты от Республиканской партии			Корпусы текстов кандидатов в президенты от Демократической партии		
Концептуальные доминанты	Количественное содержание ключевой значимости	Частотность	Концептуальные доминанты	Количественное содержание ключевой значимости	Частотность
government	56.32	184	governor	105.37	221
taxes	50.02	148	now	41.68	505

opponent	40.05	45	fact	30.96	183
state	38.94	137	families	30.91	108
federal	38.29	119	class	28.80	95
strong	37.94	92	true	28.59	78
tremendous	35.15	27	American	25.54	204
relief	34.71	40	not	24.31	992
ought	33.68	104	loopholes	24.55	26
disaster	33.61	32	notion	24.25	20
friends	25.98	54	here	23.78	213
people	25.74	618	away	23.43	67
course	25.25	79	close	23.05	38
nations	23.49	53	wealthiest	21.00	30
bad	21.77	57	faith	20.00	32
record	21.72	68			
society	20.99	25			

Вывод. Использование корпусных методов и актуализации ключевых лексем позволяет сделать вывод, что состав ценностных концептуальных доминант политического дискурса в жанре предвыборных дебатов кандидатов в президенты США от Демократической и Республиканской партий является постоянным, изменяется их модель концептуализации в понимании электората.

В целях дефиниции доминирующих лексических групп при помощи программного обеспечения создается список концептуальных ценностных доминант для анализируемых подкорпусов предвыборных дебатов каждого из кандидатов в президенты США, в итоге отбираются ключевые лексем с наиболее высоким рангом, далее проводится семантическая категоризация данных лексических единиц и осуществляется поиск в корпусе с использованием определенных этгов.

Выявлена максимальная частотность, самая высокая мера *Keyness* концептуальной доминанты «government» 56.32 в дебатах кандидата Республиканской партии, концептуальной доминанты «govetnog» 105.37 в дебатах кандидата Демократической партии.

Концептуальной доминантой политического дискурсивного пространства является концептосфера «government», которую можно охарактеризовать как концептуальную универсалию и языковым критерием в парадигме современной когнитивной лингвистики. Данная концептосфера может быть представлена сочетанием концептов, соотносенных с политической деятельностью определенной партии, а именно «party», «governor», opponent, state, federal, nations. Ключевые лексем *government, opponent, state, federal, nations* относятся к семантическому полю «Сфера деятельности государства» и семантическому классу «государственное устройство»; лексем *society, people, friends* принадлежат семантическому полю «Общественные действия, состояния и процессы»; лексем *bad, disaster, tremendous* принадлежат оценочному полю и выражают отрицательную оценку ситуации; лексема *taxes* принадлежит семантическому полю «Деньги».

Список ключевых лексем представителей Демократической партии является менее репрезентативным, в нем преобладают языковые единицы с семантикой «движения, передвижения и местоположения», такие как *here, away*; лексема *now*, относящаяся к семантическому полю «Время», а также лексема *faith*, выражающая эмоциональное состояние. Ключевые лексем в предвыборных выступлениях кандидатов в президенты от Демократической партии также относятся к семантическому полю «Сфера деятельности государства», но составляют группу лексико семантической группы «Закон». Ключевые лексем в предвыборных выступлениях кандидатов в президенты от Демократической партии также относятся к семантическому полю «Сфера деятельности государства», но составляют группу лексико семантической группы «Закон».

Литература

- Гайкова О. В., Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации [Текст]: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.04/ О. В. Гайкова; Волгоградский государственный университет. – Волгоград, 2003. – 19 с.
- Гунькова Д.Е., Дискурсивная личность американского политического комментатора-радиоведущего [Текст]: дис. ...канд. фил. наук : 10.02.04/ Д.Е. Гунькова; СПбФЭУ. – Санкт-Петербург, 2022. – 200 с.
- Докучаев И.И. Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с
- Дотдаева Ф.И., Языковые средства ценностного воздействия в американском президентском дискурсе [Текст]: автореферат дис. ...канд. фил. наук: 10.02.04/ Ф.И. Дотдаева; ФГБОУ ВПО Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2013 – 19 с.

- Кононова И.В., Мельничук Т.А. Аксиологическая составляющая американского предвыборного дискурса в динамическом аспекте [Текст] / И.В. Кононова, Т.А. Мельничук // Science Journal of Vol SU. Linguistics, 2021. – Vol. 20. No. 4 117 – С. 113-121.
- Кретов А.А., 2016. Опыт метаязыкового описания семантических констант русской лексики [Текст] / А. А. Кретов // Воронежский государственный университет. Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и Межкультурная Коммуникация, 2016. – № 4. – С. 5-10.
- Курьякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- Курушкин С.В., 2017; Ценностно-политический дискурс сетевых сообществ: на материалах Интернет-СМИ России. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsennostno-politicheskii-diskurs-setevykh-soobshchestv-na-materialakh-internet-smi-rossii> (дата обращения: 17.09.2022)
- Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Соврем. социоанализ: сб. работ авторов, получивших гранты Моск. отделения Рос. науч. фонда и Фонда Форда. VI вып. М., 1996. С. 5–23
- Марьянчик В.А., 2013. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект [Текст]: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01/ О. В. Гаикова; ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова». – Архангельск, 2013. – 36 с.
- Шейгал, Е. И., 2000. Семиотика политического дискурса [Текст]: дис. ...докт. фил. наук: 10.02.01/ Е. И. Шейгал; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2000. – 431 с.
- Bowker L., Pearson J., Working with Specialized Language. A Practical Guide to Using Corpora// Copyright Year 2002 ISBN 9780415236997 Published August 1, 2002. – 256 P.
- Sowinska A., A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses // Discourse & Society, 2013. – 24 (6). – P. 792-809.
- Taylor C., Marchi A. Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review. L.: Routledge, 2018. – 314 p.
- Van Dijk, T. A. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage Publications Ltd, 1998. – 384 p.

Программное обеспечение

- Anthony L., 2019. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Waseda University. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (date of access: 06.09.2022)
- Multilingual extension of Semantic Tagger Framework for other languages. LREC 2016/UCREL Semantic analysis system. URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (дата обращения: 7.09.2022).

References

- Gaikova O. V., Pre-election discourse as a genre of political communication [Text]: author's abstract dis. ... Candidate of Philological Sciences: 10.02.04 / O. V. Gaikov; Volgograd State University. – Volgograd, 2003. – 19 p.
- Gunkova D.E., Discursive personality of the American political commentator-radio presenter [Text]: dis. ... cand. phil. Nauk : 10.02.04/ D.E. Gunkova; SPbFEU. – St. Petersburg, 2022. – 200 с.
- Dokuchaev I.I. Value and Existence. Fundamentals of the Historical Axiology of Culture. SPb.: Nauka, 2009. 595 s
- Dotdaeva F.I., Linguistic means of value influence in american presidential discourse [Text]: author's abstract dis. ... cand. phil. Nauk: 10.02.04/ F.I. Dotdaeva; FSBEI HPE Pyatigor. state linguist. un-t. – Pyatigorsk, 2013 – 19 p.
- Kononova I.V., Melnichuk T.A. Axiological component of the American pre-election discourse in the dynamic aspect [Text] / I.V. Kononova, T.A. Melnichuk // Science Journal of Vol SU. Linguistics, 2021. – Vol. 20. No. 4 117 – S. 113-121.
- Kretov A.A., 2016. Opyt metalanguagenogo description of semantic constants of Russian lexicon [Text] / A. A. Kretov // Voronezh State University. Vestnik VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2016. – № 4. – S. 5-10.
- Kubryakova E.S. Language and Knowledge. – М.: Yazyky slavyanskoi kul'tury, 2004. – 560 p.
- Kurushkin S.V., 2017; Value-political discourse of network communities: on the materials of the Internet media of Russia. URL: <https://www.dissercat.com/content/tsennostno-politicheskii-diskurs-setevykh-soobshchestv-na-materialakh-internet-smi-rossii> (date of access: 09/17/2022)
- Leontiev D.A. Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction // Sovrem. socioanalysis: a collection of works by authors who received grants from Mosk. Department Ros. Scientific. and the Ford Foundation. VI vyp. M., 1996. P. 5–23
- Maryanchik V.A., 2013. Axiological structure of the media-political text: linguostylistic aspect [Text]: abstract dis. ... Doctor of Philology: 10.02.01 / O. V. Gaikov; FSAOU HPE “Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov”. – Arkhangelsk, 2013. – 36 p.
- Sheygal, E. I., 2000. Semiotics of Political Discourse [Text]: Dis. ... doct. phil. Nauk: 10.02.01/ E. I. Sheygal; Volgograd State Pedagogical University. – Volgograd, 2000. – 431 p.
- Bowker L., Pearson J., Working with Specialized Language. A Practical Guide to Using Corpora// Copyright Year 2002 ISBN 9780415236997 Published August 1, 2002. – 256 P.

Sowinska A., A critical discourse approach to the analysis of values in political discourse: The example of freedom in President Bush's State of the Union addresses // *Discourse & Society*, 2013. – 24 (6). – P. 792-809.
Taylor C., Marchi A. *Corpus Approaches to Discourse: A Critical Review*. L.: Routledge, 2018. – 314 p.
Van Dijk, T. A. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: Sage Publications Ltd, 1998. – 384 p.

Software

Anthony L., 2019. AntConc (Version 3.5.8) [Computer Software]. Tokyo, Waseda University. URL: <http://www.laurenceanthony.net/> (date of access: 06.09.2022)
Multilingual extension of Semantic Tagger Framework for other languages. LREC 2016//UCREL Semantic analysis system. URL: <https://ucrel.lancs.ac.uk/usas/> (date of access: 7.09.2022).

НЕОЛОГИЗМЫ ПЕРИОДА КОРОНАВИРУСА В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Данная работа посвящена анализу структурных, этимологических и семантических особенностей неологизмов, появившихся в период глобальной пандемии коронавируса в современном английском языке, а также специфики их перевода на русский язык. Существующие в настоящий момент исследования данных неологизмов выполнены на относительно небольшом количестве примеров. Для данного исследования в интернет-источниках методом сплошной выборки было отобрано более 150 лексических единиц – лексем, словосочетаний, идиоматических выражений. При помощи анализа контекстов употребления единиц (или) их дефиниций была выявлена семантическая специфика каждого неологизма. Было установлено, что все неологизмы представляют несколько семантических областей: официальные и сленговые названия коронавируса, так называемая «новая нормальность», экономика, работа, видеоконференцсвязь, прозвища людей и поведение людей, досуг, профилактика и последствия коронавируса. В ходе анализа процентного соотношения неологизмов каждой смысловой области выяснилось, что большая часть новых слов образовалась в областях, непосредственно связанных с жизнью человека. Это смысловые области «новая нормальность», люди и их поведение во время пандемии, досуг во время пандемии, последствия пандемии коронавируса. Максимальное количество новых лексем представляют смысловые области новая нормальность, люди и их поведение во время пандемии, досуг во время пандемии, последствия пандемии коронавируса. Все эти области так или иначе связаны с человеком и появление большего числа лексем именно в них отражает общие тенденции антропоцентризма в современной реальности и научной парадигме. Основным способом передачи данных неологизмов на русский язык является описательный перевод, также встречается транскрипция, транслитерация и калькирование.

Ключевые слова: английская лингвокультура, неологизм, окказионализм, пандемия ковид 19, семантика, словообразовательные модели, переводческие трансформации

Drygina Y. A., Lyashenko I. V.
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation

NEOLOGISMS OF THE CORONAVIRUS PERIOD IN ENGLISH LINGUISTIC CULTURE AND THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

The study is devoted to the analysis of the structural, etymological and semantic features of neologisms that appeared in modern English during the global pandemic of coronavirus as well as the specifics of their translation into Russian. Currently existing studies of these neologisms involve a relatively small number of examples. For this study, more than 150 lexical units, including lexemes, word-combinations and idiomatic expressions, were selected from Internet sources by the method of continuous sampling. The analysis of the contexts in which the units were used and/or their definitions reveals the semantic specificity of each neologism. The study shows that all neologisms represent several semantic areas: official and slang names for coronavirus, the so-called “new normal”, economy, work, video conferencing, nicknames of people and human behavior, leisure time, prevention and consequences of coronavirus. The analysis of the percentage of neologisms of each semantic domain revealed that the majority of new words were formed in the areas directly connected with human life. These semantic areas include the “new normal”, people and their behavior during the pandemic, leisure time during the pandemic, and consequences of the coronavirus pandemic. The maximum number of new lexemes represent the semantic areas of the new normal, people and their behavior during the pandemic, leisure during the pandemic, and consequences of the coronavirus pandemic. All these areas are in one way or another related to humans, and the emergence of more lexemes in these areas reflects a number of general trends of anthropocentrism in modern reality and scientific paradigm. The main way of transferring these neologisms into Russian is a descriptive translation; transcription, transliteration and tracing are also found.

Key words: English linguoculture, neologism, occasionalism, covid-19 pandemic, semantics, word-formation models, translation transformations

Язык – живая, постоянно изменяющаяся система. Это своеобразное зеркало, отражающее жизнь. Любые изменения в жизни общества не могут не быть отражены в языке. Неудивительно, что такое беспрецедентное для всего человечества событие как глобальная пандемия способствовало появлению сотен новых слов и выражений, отражающих реалии сегодняшней жизни, получившей название «новая нормальность».

Даная работа посвящена исследованию лексических единиц – неологизмов, вошедших в состав современного английского языка за время глобальной пандемии. Они являются объектом исследования. Предметом исследования являются структурные, этимологические и семантические особенности данных лексических единиц.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами: непреходящим интересом лингвистов к процессу появления новых слов, их структурным, прагматическим и функциональным особенностям, в условиях «неологического взрыва» последних трех десятилетий; необходимостью комплексного лингвистического описания так называемого «языка коронавируса» – того сложного и многогранного пласта лексики; важностью описания переводческих приемов, используемых при передаче новой лексики в переводящем языке.

Целью данного исследования является выявление семантических особенностей неологизмов, появившихся в период пандемии коронавируса в современном английском языке и особенностей их перевода на русский.

Материалом для исследования послужили более 150 неологизмов, отобранных методом сплошной выборки из интернет-источников – блогов, чатов, социальных сетей, публикаций электронных СМИ, ряда онлайн словарей [Baishakhee, 2022, How to tell a covidiot..., 2022, Maclellan-Tobert, 2022, New Words We Created..., 2022, Nova, 2022, Shariatmadari, 2022, Thorne, 2022]. Критериями отбора являлись отсутствие в авторитетных лексикографических источниках дефиниций у лексемы или словосочетания, наличие в слове или словосочетании компонента corona, epidemic, pandemic, Covid и т.д., а также интуитивно ощущаемая связь лексемы с нынешней пандемией.

К основным методам и приемам, применяемым в данном исследовании, относятся: прием сплошной выборки единиц исследования из коллекций неологизмов и «слов года» в интернет-источниках, общенаучный описательный метод с использованием приемов обобщения, интерпретации и классификации исследуемого материала.

Неологизм традиционно определяется как новое слово или выражение или новое значение существующего слова. Вслед за В. И. Заботкиной хотим подчеркнуть, что слово должно обязательно восприниматься как новое. «Любое новое слово имеет качество неологизма, т.е. временную коннотацию новизны, пока коллективное языковое сознание реагирует на него как на новое» [Заботкина, 1989, с. 6].

Более 150 новых слов, словосочетаний выражений, являющиеся объектом данного исследования представляют несколько семантических областей: официальные названия и прозвища коронавируса, новая нормальность, экономика в период новой нормальности, работа во время карантина и локдауна, видеоконференцсвязь, люди и их поведение во время пандемии, досуг во время пандемии, профилактика коронавируса, последствия коронавируса.

Рассмотрим некоторые смысловые области подробно.

Люди и их поведение во время пандемии

В период коронавирусной пандемии появилось множество новых лексем, называющих людей или группы людей.

Общество разделилось на две группы – соблюдающие противоковидные меры и не верящие в вирус и их не соблюдающие.

Для номинации первой группы существуют лексемы “covidian” и “covidient”. Данные лексемы не являются абсолютными синонимами. Обратимся к их дефинициям в Urban Dictionary.

Covidian – someone who has elevated COVID-19 prevention or mitigation to the point of a religious persuasion, like they have become a zealot and judge and shame others for their “lesser” measures. A COVIDIAN does everything with COVID-19 prevention in mind, especially for others to see.

Covidient – a person who abides the quarantine rules to ensure safety of the population in general. The opposite of a covidiot. Someone who takes government guidelines very seriously, following the letter of the law [Urban Dictionary, 2022].

Как видно из приведенных определений, covidient является словом нейтральным, в то время как лексема covidian имеет эмоционально-экспрессивную окраску и явную негативную оценку.

Противостоящая данным лексемам группа слов с антонимичным значением более многочисленна и представлена лексемами с негативной эмоциональной оценкой. Сначала рассмотрим группу пейоративов: “covidiot” (“COVID”+“idiot”), “mogona” (производное от “moron” – идиот, недоумок, кретин), “coronasshole” (corona+asshole), все эти лексемы для обозначения людей, демонстративно не использующих средств индивидуальной защиты, не верящих в вирус, не соблюдающих карантинных мер. Этимология следующей

лексема этой группы “rat-lickers” отсылает нас во времена бубонной чумы, когда ряд людей специально лизали крыс, чтобы подтвердить, что не они переносят заболевание, а блохи, их кусающие [Urban Dictionary, 2022].

Менее «радикальны» популярный хэштег maskhole (mask+hole) – человек, не носящий маску и неологизм anti-masker.

Лексема flu bro, flu bros обозначают людей, преуменьшающих опасность коронавируса и его последствий и считающих его не опаснее обычного сезонного гриппа. Они считают, что мы близки к достижению стадного иммунитета и потому выступают против антиковидных ограничений [Urban Dictionary, 2022].

При помощи игры слов (добавление одной буквы к слову zombie) образована лексема zombie – все время сидящий в видеоконференциях на платформе zoom, что приводит к превращению человека в «зомби», а zoomed out – синонимичный предыдущей лексеме фразовый глагол.

Интересна лексема немецкого происхождения hamsterkauf (hamster + kauf), метафорически называющая человека, скупающего продукты и товары первой необходимости в большом количестве, делая запасы, словно хомяк и ее производное Hamsterkaufing.

Результатом самоизоляции и локдауна стало появление следующих лексем, обозначающих людей и группы людей, находящихся дома: lockdowners – люди, находящиеся в локдауне, nightingales – прозвище для людей на самоизоляции, собиравшихся вместе в определенное время для пения на балконах, чтобы поддержать моральный дух, quarantine, COVID bubble, bubble, corona bae – группа людей, проводящая карантин вместе, quarantinee – домохозяйка, очень хорошо ведущая хозяйство во время карантина, quarantinees – лица, которые на момент карантина являются подростками, COVID-19 antibuddies – уставшие друг от друга за период карантинных ограничений, coronababies, coronials, baby zoomers – родившиеся в период пандемии, после декабря 2019 года, zoom mom – матери, постоянно использующие Zoom на карантине, quarantine trolls (quarantine + trolls) – люди, занимающиеся рассылкой вредоносных и лживых сообщений и вирусе и карантинных мерах.

Пандемия, к сожалению, проявила худшие стороны человеческой природы. Люди стали шпионить друг за другом и доносить властям о нарушителях карантинного режима. Это породило неологизмы Coronasnitcing (corona+snitching) и gonadobbing (Rona+dobbing) в австралийском варианте английского языка.

В СМИ есть тенденция к осуждению людей, не соблюдающих ограничения. По аналогии с social shaming в New York Times впервые появились термины corona shaming, corona-shamed, означающий осуждение, в первую очередь, знаменитостей за пренебрежение мерами безопасности. Травля инфицированных знаменитостей, не одевших маску, или присутствовавших при большом скоплении людей, обычно происходит в соцсетях [Urban Dictionary, 2022].

Досуг во время пандемии

Как ранее отмечалось, общество разделилось на две группы – соблюдающие карантинные ограничения и игнорирующие и даже намеренно нарушающие их.

Первая группа проводит так называемые COVID Parties или coronavirus parties. Это реальные вечеринки с большим количеством людей, на которых меры предосторожности не соблюдаются. Есть даже мнение, что на этих вечеринках специально присутствуют заражённые, а остальные присутствующие не против заразиться, но данный вопрос дискуссионный [Wikipedia, 2022].

Вторая группа более сознательных граждан проводит онлайн-вечеринки - covideo party (coronavirus+video+party).

Тема алкоголя как прекрасного средства для снятия стресса из-за пандемии отражена в семантике неологизмов isobar (isolation+bar) – спиртные напитки, запасенные на период карантина, lockdown hour (lockdown+cocktail) – время отдыха и распития коктейлей, возможно с друзьями в онлайн режиме, quarantine (quarantine+Martini) – мартини, употребляемый во время карантина.

Еще один популярнейший способ проведения досуга обозначен неологизмом Quarantining and Chill – аллюзия на широко известный Netflix and chill – приглашение своего партнера домой на чашечку кофе с дальнейшими предсказуемыми последствиями [Urban Dictionary, 2022].

Тему личной жизни в период карантина продолжают неологизмы Quarantining (quarantine + dating), означающий общение и свидания в специальных онлайн-приложениях, pandating (pandemic + dating) – свидание во время пандемии, Isolationship (isolation + relationship) – отношения во время пандемии.

Следующая группа неологизмов обозначает разные хобби. Это isobaking (isolation + baking), quarantinebaking (quarantine + baking) – занятия выпечкой на карантине.

Во время карантина возросла творческая активность по созданию музыки - quarantine tunes (quarantine + tunes), литературных произведений в прозе - coronalit (coronavirus + literature) corona-fi (coronavirus + fiction, coronavirus + science-fiction) и в стихах - coronaverse (coronavirus + verse), периодических изданий – Quaranzine (quarantine + magazine).

Стриминг для одних работа, для других досуг, поэтому неологизм quarantine streaming (quarantine + streaming) просто не мог не появиться в период карантина.

Последствия коронавируса

Последствия для психики.

Влияние коронавируса на психическое состояние людей отражают следующие лексемы, образованные при помощи блендинга: "apocaloptimist" (apocalypse + optimist) – человек, верящий в положительный исход пандемии, coronastranky (corona + stranky) – человек, раздражительный из-за коронавируса, coronalusalional (corona + illusalional) – человек, страдающий искаженным представлением о коронавирусе.

У многих коронавирус вызывает беспокойство viral anxiety, covidian worry, так называемые эмоциональные качели coronacoaster, образованным по аналогии с roller coaster. У переболевших коронавирусом может развиваться post-coronavirus stress disorder (PCSD), сочетание, образованное по аналогии с posttraumatic stress disorder, а также постковидная бессонница - coronasomnia (coronavirus + insomnia) (DICT).

Множество людей страдают от коронафобии - coronaphobia (coronavirus+phobia) или даже от паранойи, связанной с коронавирусом - coronanoia (coronavirus+paranoia) или от синдрома усталости, связанного со слишком длительным пребыванием в видеоконференциях – Zoom fatigue.

Последствия для физического здоровья.

Серьезными последствиями для физического здоровья являются COVID pneumonia – серьезное осложнение, поражающее кровеносные сосуды в легких, COVID toes – сильные волдыри и зудящая сыпь на пальцах ног. Течение заболевания может быть очень длительным и те, кому не очень повезло быстро поправиться, именуются long-haulers.

Карантин в четырех стенах и невозможность заняться спортом и просто поддерживать должный уровень физической активности привел к проблеме увеличения веса. Эта проблема отражена в лексемах coronaspeck (coronavirus+speck), COVID-10, the COVID 19 (lbs).

Менее значительным последствием коронавируса, вызванным ношением масок, является блендинг маскне - maskne (mask+acne).

Последствия для личной жизни.

Ряд пар не смогли преодолеть все сложности совместной самоизоляции и расстались, официально разорвав свои отношения. Так появились неологизмы corona-divorce и covidivorce, а также лексема zumping (Zoom+ dumping), означающая разрыв отношений в видеоконференции.

Последствия для экономики.

Отношения к кризису в экономике и его оценки варьируются от спада pancession (pandemic+recession), кризиса corona crunch до полного краха coronageddon (coronavirus+armageddon), coronapocalypse (corona+apocalypse).

Главным результатом проведенного исследования является выявление новых слов, словосочетаний и выражений, появившихся в период пандемии в английском языке, а также особенностей их структуры и семантики. Они представляют несколько семантических областей: официальные названия и прозвища коронавируса, новая нормальность, экономика в период новой нормальности, работа во время карантина и локдауна, видеоконференциясвязь, люди и их поведение во время пандемии, досуг во время пандемии, профилактика коронавируса, последствия коронавируса. Максимальное количество новых лексем представляют смысловые области новая нормальность, люди и их поведение во время пандемии, досуг во время пандемии, последствия пандемии коронавируса. Все эти области так или иначе связаны с человеком и появление большего числа лексем именно в них отражает общие тенденции антропоцентризма в современной реальности и научной парадигме.

Анализируя переводческие приемы, используемые при передаче на русский язык анализируемых лексем, необходимо отметить преобладание описательного перевода, основанного на анализе словарных дефиниций (covidian и covidient), морфологических составляющих (quaranqueen, coronababies), контекстов употребления и этимологии (rat-lickers, flu bro, hamsterkauf). Встречаются также случаи калькирования (anti-masker, coronavirus parties, COVID pneumonia), транскрипции (covidiot) и транслитерации (maskne).

В заключение важно подчеркнуть необходимость изучения новой лексики как средства отражения тех изменений, которые происходят в лингвокультуре под влиянием социально значимых факторов. Существует постоянная необходимость изучения значений и структуры новых слов, многие из которых являются незафиксированными в словарях и прочих лексикографических источниках.

Литература

Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка : [Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов] / В. И. Заботкина. М. : Высш. шк., 1989. - 124,[2] с.

Baishakhee M. Know The Hilarious List Of Lockdown Lingo For New 'CoronaSpeak' ODISHABYTES URL: <https://odishabytes.com/know-the-hilarious-list-of-lockdown-lingo-for-new-coronaspeak/> (accessed 01 July 2022)

How to tell a covidiot from a maskhole: learning the language of the pandemic. BBC Radio 4 in 4 URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4G0DhbmMBPN3nTIGkDLXGgC/how-to-tell-a-covidiot-from-a-maskhole-learning-the-language-of-the-pandemic> (accessed 01 July 2022)

- MacLellan-Tobert S. The new words from the coronavirus pandemic KevinMD.com URL: <https://www.kevinmd.com/blog/2020/05/the-new-words-from-the-coronavirus-pandemic.html> (accessed 01 July 2022)
- New Words We Created Because Of Coronavirus URL: <https://www.dictionary.com/e/s/new-words-we-created-because-of-coronavirus/#coronasomnia> (accessed 01 July 2022)
- Nova A. Without the coronavirus pandemic, these jobs probably wouldn't have existed CNBC URL: <https://www.cnbc.com/2020/05/31/new-jobs-created-as-a-result-of-the-coronavirus-pandemic.html> (accessed 01 July 2022)
- Shariatmadari D. Pando, Miss Rona and Covid Toe: how the language of a disease develops – shaped by fear and prejudice // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/20/pando-miss-rona-covid-toe-language-disease-fear-prejudice> (accessed 01 July 2022)
- Thorne T. The End of Summer in Locktown Language and innovation URL: <https://language-and-innovation.com/tag/neologisms/> (accessed 01 July 2022)
- Urban Dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 01 July 2022)
- Wikipedia the free encyclopedia URL: <https://en.wikipedia.org/> (accessed 01 July 2022)

References

- Baishakhee M. Know The Hilarious List Of Lockdown Lingo For New 'CoronaSpeak' ODISHABYTES URL: <https://odishabytes.com/know-the-hilarious-list-of-lockdown-lingo-for-new-coronaspeak/> (accessed 01 July 2022)
- How to tell a covidiot from a maskhole: learning the language of the pandemic. BBC Radio 4 in 4 URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/articles/4G0DhbmMBPN3nTIGkDLXGgC/how-to-tell-a-covidiot-from-a-maskhole-learning-the-language-of-the-pandemic> (accessed 01 July 2022)
- MacLellan-Tobert S. The new words from the coronavirus pandemic KevinMD.com URL: <https://www.kevinmd.com/blog/2020/05/the-new-words-from-the-coronavirus-pandemic.html> (accessed 01 July 2022)
- New Words We Created Because Of Coronavirus URL: <https://www.dictionary.com/e/s/new-words-we-created-because-of-coronavirus/#coronasomnia> (accessed 01 July 2022)
- Nova A. Without the coronavirus pandemic, these jobs probably wouldn't have existed CNBC URL: <https://www.cnbc.com/2020/05/31/new-jobs-created-as-a-result-of-the-coronavirus-pandemic.html> (accessed 01 July 2022)
- Shariatmadari D. Pando, Miss Rona and Covid Toe: how the language of a disease develops – shaped by fear and prejudice // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/aug/20/pando-miss-rona-covid-toe-language-disease-fear-prejudice> (accessed 01 July 2022)
- Thorne T. The End of Summer in Locktown Language and innovation URL: <https://language-and-innovation.com/tag/neologisms/> (accessed 01 July 2022)
- Urban Dictionary URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 01 July 2022)
- Wikipedia the free encyclopedia URL: <https://en.wikipedia.org/> (accessed 01 July 2022)
- Zabotkina V. I. Novaya leksika sovremennoogo angliyskogo yazyka (New vocabulary of modern English) : [Ucheb. posobie dlya filol. fak. un-tov] / V. I. Zabotkina. M. : Vyssh. shk., 1989. - 124,[2] s.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЭКСКУРСИОННЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМЫ ТУРОВ ПО НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ И РОССИИ)

Под влиянием ряда факторов, индустрия туризма претерпела радикальные изменения. Эти изменения коснулись одного из основных средств привлечения и удержания потребителя – рекламы. В статье проводится анализ изменений в выборе стратегий речевого воздействия в рекламных текстах туристической отрасли. Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что в русском языке для реализации воздействия наряду с лексическими и синтаксическими средствами выразительности широко используется экспрессивная пунктуация. При этом в русском языке наблюдается тенденция к использованию императива и парцелляции, которые были и остаются характерными для англоязычных рекламных текстов. В английском языке наибольшую нагрузку несут на себе эпитеты, лексический повтор и парцелляция, основные выделительные функции выполняет запятая, в то время как тире и восклицательные знаки используются редко.

Ключевые слова: экскурсионный рекламный текст; туристские услуги; языковые средства; речевое воздействие; туры по России; туры по Новой Зеландии.

Dyachkova D. S., Rokhlina E. K.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

LINGUISTIC MEANS OF INFLUENCE IN THE EXCURSION ADVERTISING TEXTS IN ENGLISH AND RUSSIAN (COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ADVERTISING OF TOURS IN NEW ZEALAND AND RUSSIA)

Tourism has undergone radical changes over the last two years, which has led to the development of new impact strategies. Under the influence of a number of factors, the tourism industry has undergone radical changes. These changes affected one of the main means of attracting and retaining the consumer: advertising. The article analyzes changes in the choice of speech impact strategies in advertising texts of the tourism industry. The results of the analysis allow us to conclude that expressive punctuation is widely used in Russian alongside lexical and syntactic stylistic devices. In Russian, there is a tendency to employ imperatives and parcellation actively, which have long been a characteristic of English advertising texts. In English, epithets, lexical repetition and parcellation are of the greatest significance. The main emphatic functions are performed by a comma, while dashes and exclamation marks are rarely used.

Key words: excursion advertising text; tourist services; linguistic means; linguistic manipulation; tours in Russia; tours in New Zealand.

Введение

Туризм претерпел радикальные изменения за последние два года, и это привело к развитию новых стратегий воздействия. Стоит отметить, что в период кризиса темпы адаптации к новым реалиям остаются неравномерными в разных странах. Тем не менее, наблюдается тенденция к продвижению локального туризма во многих странах, включая Россию, для которых выездной туризм в течение длительного времени был приоритетным направлением развития.

Целью данной работы является обнаружение сходств и различий в приоритизации языковых средств воздействия в рекламных текстах, popularизирующих локальный туризм в русском и английском языках в настоящее время. Для реализации этой цели выполнены следующие задачи: методом доступной выборки были отобраны интернет-сайты туристических компаний в России и Новой Зеландии, включая архивные

копии; методом сплошной выборки были отобраны тексты, продвигающие локальный туризм; были проведены описательный, интерпретативный и сравнительный виды анализа.

Методы и материал

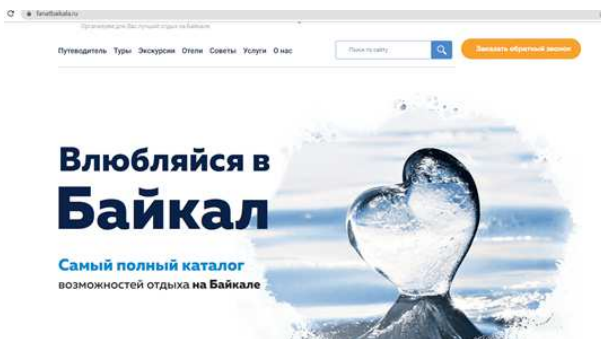
В ходе исследования были использованы количественные и качественные методы анализа: доступная и сплошная выборки, сравнительно-сопоставительный анализ, описательный анализ и интерпретативный анализ. Материалом исследования послужили интернет-сайты туристических операторов России и Новой Зеландии. Всего было отобрано 387 текстов, из них 217 русскоязычных и 170 англоязычных. Рекламные тексты отбирались по тематическому принципу: основную часть выборки составила реклама внутреннего туризма и экотуризма (по классификации ЮНВТО). Среди туристических компаний были выявлены самые популярные, основываясь на данные о динамике посещаемости сайтов. Основную часть отобранных нами рекламных текстов составили туры на Байкал и Алтай в России и туры по Северному острову в Новой Зеландии.

Теоретические рамки рассмотрения проблемы связаны, с одной стороны, со стремительным развитием технологий, которые используются туристическими компаниями для создания конкурентоспособных креолизованных текстов [Чернова, 2016].

С другой стороны, в рекламных текстах по-прежнему широко используются лингвистические средства воздействия на целевую аудиторию. Как отмечает З. Ю. Пальгова, несмотря на влияние звуковой и визуальной составляющих рекламного текста, ведущую роль воздействия в рекламном дискурсе остается за вербальной составляющей [Пальгова, 2012]. На протяжении десятилетий, рекламные агентства использовали и используют креолизованные тексты [Сорокин, Тарасов, 1990], включающие самые разнообразные элементы визуализации [Zahiri, Sadeghi & Maleki, 2015]. Самый яркий, выполненный с применением технологий высокой точности визуальный образ в силу различий в когнитивных системах потребителей может вызывать неоднозначные ассоциации. Это в свою очередь приводит к множественности интерпретаций послания, не исключая ошибочного истолкования. Язык, будучи высоко организованной знаковой системой, позволяет, используя средства различных иерархических уровней, акцентировать внимание реципиента на определенных значениях визуальных образов (фотографий, плакатов, видеороликов) [Цветкова, 2009; Эко, 2004].

Рассмотрим пример с сайта компании *Фанат Байкала* (Рис. 1):

Рис. 1. Пример с сайта Фанат Байкала

В данном случае, актуализируется семантический компонент чистоты, а не холода, с которым в сознании потенциальных потребителей может ассоциироваться ледяное сердечко. Таким образом, благодаря использованию императивной конструкции (краткость и ясность) в сочетании с семантикой глагола *влюбляться* актуализируется кристально чистая душа Байкала и открытость и честность компании по отношению к потенциальным клиентам. При этом отсутствие восклицательного знака не случайно: нельзя отдать команду любить. Таким образом, формируется дискурс, в котором содержится несколько кодов, апеллирующих к сознанию клиента: любовь взаимна – Байкал, с кристально чистой душой, и Вы полюбите друг друга – мы предоставим Вам эту возможность.

То, как рекламный текст может изменить смысл визуального образа, можно также рассмотреть на примере (Рис. 2) с сайта туристической компании 100% Pure New Zealand.

Рис. 2. Пример с сайта 100% Pure New Zealand

Здесь рекламодатели убеждают потенциальных покупателей в том, что только попробовав что-то новое, то, что они, возможно, очень долго откладывали, можно действительно восстановить силы и «сделать перезагрузку». Прыжок с парашютом рассматривается уже не как что-то экстремальное и опасное для жизни, а как верное решение, которое точно поможет ощутить прилив сил и энергии.

С точки зрения семиотики, как отмечал Ю.С. Степанов, устройство системы языка базируется на синтактике, семантике и прагматике [БЭС Языкознание, 2000]. Реализация прагматической установки рекламного сообщения с помощью максимально верно отобранных лингвистических и экстралингвистических средств определяет успешность рекламной кампании. Этот факт проиллюстрирован рассмотренными выше примерами.

Как мы уже отметили, язык претерпевает изменения, вызванные социально-экономическими факторами, но неодинаково на всех своих уровнях. Лексический уровень, в первую очередь, реагирует на новые явления, возможности, технологии появлением неологизмов. В ситуации с популяризацией уже существующих, но мало известных туристических направлений роль синтаксиса оказывается ведущей. Синтаксис позволяет создавать, сочетая предложения различной длины и композиционных типов, различные комбинации и неординарные эффекты, используя основной активный запас языка и усиливая экспрессивные свойства стилистических средств лексического и фонетического уровней [Рохлина, 2008; Budiharjo, 2022; Atalay et al., 2020; Malyuga & Tomalin, 2020].

В данной статье анализируются языковые средства выразительности, стратегии и закономерности речевого воздействия в текстах туров по Новой Зеландии и России. Рассмотрены такие параметры как длина предложений, стилистические средства разных уровней (гипербола, эпифора, повтор, полисиндетон, параллелизм и т.п.). Анализ отображает глобальные изменения в индустрии туризма, произошедшие в период с 2015 года по 2022 год и то, как они отразились на туристическом секторе в целом и на рекламных текстах туристических компаний. В данной работе обращается внимание на языковые средства речевого воздействия, которые являются наиболее распространёнными в рекламных текстах туристических компаний в России и Новой Зеландии, ориентированных на внутренний туризм.

Анализ и результаты

По мнению представителей туристической сферы Новой Зеландии, большее внимание должно уделяться именно внутреннему туризму, а не международному (20 апреля 2017 года Кабинет министров учредил Фонд туристской инфраструктуры с целью оказания финансовой поддержки местной индустрии, связанной с туризмом; в настоящее время ассигнования фонда составляют \$25 млн в год в течение 4 лет, начиная с 2017/18 года), тогда как в России такая тенденция стала развиваться с 2021 года, поэтому нашей задачей также является обнаружить, как туристический сектор обеих стран отреагировал на последствия, вызванные пандемией и найти этому отражение на языковом уровне.

Создатели рекламных текстов уделяют большое внимание проработке имиджа продаваемой туристической услуги, поскольку потребители совершают свой выбор, основываясь, в основном, на своих эмоциях и впечатлениях, а не на реальных фактах о рекламируемом туристическом объекте. Для привлечения потенциальных покупателей в рекламных текстах используются языковые средства различных уровней. На синтаксическом уровне нами были отмечены следующие языковые средства: обособление членов предложения, парцелляция, градация, анафора, риторический вопрос. Кроме того, нами были отмечены случаи употребления экспрессивной пунктуации. Е.О. Захарова в своей работе отмечала, что существуют экспрессивный, параграфемный и нулевой (частичный) типы нерегламентированной пунктуации [Захарова, 2010]. Среди рассмотренных нами примеров были отмечены некоторые случаи описанных ею типов.

С целью не только расширить и обогатить содержание высказывания, но и актуализировать определённый фрагмент текста, в туристической рекламе используется обособление.

В русскоязычных текстах основным пунктуационным знаком, выполняющим функцию обособления, является тире. Так, в первом примере: «...конечно же, фрирайд — полный восторг!» (fstravel.com), тире стоит между подлежащим и сказуемым, выраженными одной частью речи. Во втором примере тире служит средством для усиления выражения вывода и результата: «Прибавьте к этому блюда национальной кухни и отдых на природе — и вы получите незабываемые выходные!» (www.russiadiscovery.ru). В следующем примере представлено эллиптическое тире на месте распада простого предложения: «Сценарии приключений — в ваших руках!» (fstravel.com).

В англоязычной рекламе пунктуационный знак тире не так распространён. Например,

1. «Experience New Zealand's unique nature and wildlife. See New Zealand's icon, the Kiwi bird or explore the unspoiled landscape» (www.newzealand.com). Приложение the Kiwi bird обособляется с помощью запятой, причём, с одной стороны.

В следующем примере:

2. «Along the way, you'll explore Auckland's best neighborhoods, sip pours from local wineries, go swimming and kayaking, and take part in Rotorua's geothermal treatments and Maori culture — all within the span of a week.» (www.kimkim.com) тире ставится после перечисления.

А в предложении (3) запятая здесь выполняет функцию пояснения и уточнения.

3. «Explore the beauty of New Zealand's North Island, from the foodie's haven of Wellington to stunning Tongariro National Park.» (www.kimkim.com)

Парцелированные конструкции способствуют усилению выразительности текста, привлечению и удержанию внимания читателя. Наиболее распространённой моделью парцелляции в русскоязычном материале стала парцелляция однородных членов:

4. «Не смотря на зимний холод, в наших душах и сердцах будет горячо. Феерично. И немного сказочно, ведь всем нам нужно волшебство.» (Зимняя сказка на берегу Байкала. Новогодний тур 2023, fanatbaikala.ru);

5. «Киты. Сияние. Териберка.» (www.votpusk.ru)

Такие структуры помогают читателю эффективнее получить представление о предлагаемом туре способствуют лучшему запоминанию фразы и закреплению ее в сознании реципиента. Пример (4) иллюстрирует сочетание нескольких средств создания экспрессии: происходит усиление антитезы «холод – горячо» в контексте синтаксической конструкции слога в целом. В англоязычных текстах также встречаются примеры парцелляции однородных членов. В слогане компании, предлагающей премиальные туристические услуги, выразительность парцелированной конструкции усиливается анафорой:

6. «All-Inspiring. All taken care of. Always» (www.aptouring.com.au)

Слово *all* повторяется в начале следующих друг за другом фраз, тем самым, концепция, представленная этим словом, выдвигается на передний план для читателя. В этом случае реализуется не только интонационно-ритмическая функция, но и функция логико-эмоционального выделения. Часто встречается вынесение в отдельное предложение части сложносочинённого предложения:

7. «Soak in a naturally-heated thermal pool surrounded by mountains, forests or lakes. Or treat yourself to a relaxing therapeutic treatment in a health spa.» (Hot pool and health spas, www.newzealand.com)

Иногда экспрессию парцелированных конструкций недостаточно для создания яркого образа, тогда некоторые российские туристические компании прибегают к приёму градации, подкреплённому анафорой, чтобы мгновенно захватить безраздельное внимание читателей. Рассмотрим примеры:

8. «Поверьте, первый лёд Байкала – это красиво! Это волшебно! Это завораживает!» (fanatbaikala.ru);

9. «Осень на Байкале – это контрастно! Это сочно! Это то, что вам стоит увидеть!» (www.baikalika.ru)

Выразительные средства в данных примерах позволяют ощутить живость и яркость описываемых явлений и не потерять динамичность текста. Данные рекламные лозунги обращаются к эмоциям, вдохновению и мотивации читателя.

Нам известно, что повелительное наклонение глагола – это одна из наиболее часто употребляемых в рекламе синтаксических структур. В англоязычных рекламных текстах на протяжении многих лет используется этот приём, признанный самым эффективным способом призыва и убеждения. В рекламных текстах на русском языке только в последнее время императив стал набирать популярность. И если раньше чаще всего можно было встретить форму второго лица, множественного числа (11), то в последние два-три года стало распространённым употребление формы второго лица единственного числа (12) и (13):

10. «Побывайте на самом южном острове Большой Курильской гряды, – вы увидите вулканы и кекуры, дымящиеся фумарольные поля и лагунные озера.» (bolshayastrana.com);

11. «Поехали отдыхать!» (отдых в Подмосковье, fstravel.com);

12. «ОТКРОЙ ДЛЯ СЕБЯ ДУХ СИБИРИ» (amikantravel.ru).

Исходя из наших наблюдений, такая форма повелительного наклонения глагола используется как составляющая личностно-ориентированного подхода и встречается в рекламе туров, появившихся в период с 2020-го года по 2022. Можно выделить две причины использования такого неформального обращения к читателю: во-первых, в кризисный для туризма период туристические компании стали использовать более агрессивные методы побуждения; во-вторых, открытие новых туристических направлений ориентировано на молодежную аудиторию и на менее комфортный, но более активный и познавательный отдых.

Несмотря на то, что императив всё чаще встречается в русскоязычной рекламе, он не достиг того же распространения, как в рекламных текстах на английском языке. Это можно проследить на примере рекламных текстов Russia Discovery – самой популярной туристической компании, продающей туры по России. Мы сопоставили и в 2016-ом году проанализировали рекламные тексты, предлагающие одни и те же туристические услуги в и 2022-ом году. В ходе нашего анализа мы пришли к выводу о том, что в этой компании решили выбрать другую рекламную стратегию и использовать в текстах не повелительное наклонение глагола, а риторический вопрос и условный тип предложения, тем самым, передавая значение косвенного убеждения и подготавливая адресата к восприятию дальнейшей информации, предлагая изменить отношение к рекламируемому объекту (8 – 10):

13. «Хотите встретить Новый год на самом чистом и красивом озере России?» (дата обращения: сентябрь, 2022) – «Встречайте Новый год на самом чистом и красивом озере России!» (данные на 21 ноября 2016 г.);
14. «Если вы мечтаете о встрече с белыми медведями, то это путешествие для вас. Остров Врангеля — любимое место полярных медведей для рождения потомства.» (дата обращения: сентябрь, 2022) – «Почувствуйте себя настоящим полярником, отправляйтесь на острова Врангеля и Геральда!» (данные на 5 апреля 2016 г.);
15. «Как вам идея переночевать в Антарктиде?» (дата обращения: сентябрь, 2022) – «Исследуйте холодный мир Антарктиды.» (данные на 29 августа 2016 г.)

Условие, выраженное в рекламе, является важным фактором для приобретения товара или услуги, а выполнение этого условия приведет к положительному результату.

Если мы сравним рекламные лозунги одних из самых популярных туристических компаний, ориентированных на местный туризм, Russia Discovery и 100% pure New Zealand, мы увидим, что текст рекламы на русском языке сочетает в себе использование риторических вопросов-обращений к читателю и форм повелительного наклонения глагола:

16. «О чем вы мечтаете? Может быть, съездить на Байкал или подняться на Эльбрус? Слетать на Камчатку или заняться рафтингом в Карелии? Откройте Россию в путешествиях, от которых захватывает дух. Побывайте там, где никогда не были.» (Russia Discovery, www.russiadiscovery.ru)

Тогда как в англоязычном рекламном тексте очень ярко выделяется императив и прямое обращение к нашим, где синекдоха New Zealand подчеркивает связь каждого жителя и потенциального клиента со всей страной. А анафора Now's the time усиливает побудительный эффект:

17. «Now's the time to do something new, New Zealand. Now's the time to get out and explore our incredible country, and do all the things you've always wanted to do.» (100% pure New Zealand, www.newzealand.com)

Данный рекламный слоган был введён во время пандемии, когда в Новой Зеландии был запрещён международный туризм, и туристические компании стремились воодушевить клиентов на путешествия внутри своей страны.

В анализируемых нами текстах в качестве самого распространённого изобразительно-выразительного средства выступает эпитет. Наиболее популярны эпитеты, подчеркивающие уникальность туристической услуги (19 – 22):

18. «Это короткое майское путешествие на Алтай подарит вам неповторимый аромат цветущего по склонам гор багульника, красоту голубых озер, уникальность природы Чуйского тракта от горных перевалов до обширной Курайской степи.» (bolshayastrana.com);
19. «Уникальное и вряд ли сравнимое с чем-то другим зимнее путешествие откроет вам Тихоокеанский остров Сахалин.» (www.votpusk.ru);
20. «For a totally unique Kiwi experience, immerse yourself in the local arts and culture.» (www.newzealand.com);
21. «This escorted coach tour is one of a kind.» (www.discovernewzealand.com)

Рекламодатели убеждают читателей в непревзойдённости своих туров в надежде на то, что читатель воспользуется именно их услугами, аналогов которых он нигде не сможет найти.

В приведенных в данной статье рекламных текстах, как правило, используется комплекс лингвистических средств, включая пунктуацию. Например, нулевая пунктуация отмечена в рекламном тексте о Байкале (Рис.1) и в примере (13). Экспрессивная пунктуация в представлена в примерах (8) и (9).

Заключение

В ходе исследования мы получили результат о самых распространённых языковых средствах воздействия и выявили общие и отличающиеся рекламные стратегии. Так, а англоязычных и русскоязычных рекламных материалах глагол в повелительном наклонении используется довольно часто, что обусловлено стремлением восстановить туристический сектор. Тем не менее, не все русскоязычные компании используют эту стратегию, тем самым оказывая более мягкое влияние на читателя, не принуждая его к действию.

Нами были выявлены общие закономерности в составлении текстов, рекламирующих туры по России и Новой Зеландии: парцелляция, обособление, использование эпитетов с синонимичным значением. Данные средства языковой выразительности оказывают особое влияние на читателей, манипулируя его сознанием. Парцелляция стала занимать важную позицию в рекламных текстах, помогая читателю наиболее ярко

создать образ и поверить в то, что предлагаемая услуга сможет воплотить его в реальность. Кроме того, по-прежнему используется нерегламентированная (экспрессивная) пунктуация. В целом, обнаружения проведённого исследования подтверждают тезис о том, что для создания конкурентоспособных рекламных текстов в области локального туризма, специалистам необходимо оттачивать мастерство использования лингвистических средств.

Литература

- Захарова Е. О. Нерегламентированная пунктуация как признак рекламного текста. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Томск, 2010. 24 с.
- Пальгова З. Ю. О специфике интерпретации многомерных рекламных медиатекстов// Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. С. 32 - 39.
- Рохлина Е.К. Композиционная семантика и смысл текста// Материалы XXXVII Международной филологической конференции: Выпуск 20. Русский язык как иностранный и методика его преподавания. СПб, 2008. С. 173-179.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С.180-181.
- Цветкова Н.В. Визуальная репрезентация словесных тропов в рекламных текстах (на материале англоязычной рекламы) // Филология и человек. 2009. № 2. С. 145-155.
- Чернова И.В. Изображение и его функции в туристической рекламе // Профильное и профессиональное образование в условиях современного поликультурного пространства: материалы IV Международной заочной научно-практической конференции. 2016. С. 81-87.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб, 2004.
- Atalay A. Selin, Siham El Kihal & Florian Ellsaesser. The Role of Syntax in Persuasive Marketing Communication: A Natural Language Processing Approach. 2020. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3410351 (дата обращения 20.09.2022)
- Budiharjo B., Nuraeni A., Saptanigship N., Murti B.D., Rusjayanti A. Persuasion in Tourism Promotion Bilingual Texts: The Importance of Syntactic Forms and Choices// *Leksema: Jurnal Bahasa Dan Sastra*. 2022. Vol. 7, №1. Pp. 1-12.
- Malyuga Elena N., Tomalin B. Key Creative Features of Syntactic Design in English-Language Advertising Discourse// *International Journal of English Linguistics*. 2020. Vol. 10, No. 5. Pp. 145 – 154.
- Zahiri, Tahereh, Bahador Sadeghi & Ataollah Maleki. Strategies and Errors in Translating Tourism Brochures: The Case of EFL Learners// *Cumhuriyet Science Journal*. 2015. 36. Pp. 2766-2785

Источники

www.votpusk.ru
<https://fanatbaikala.ru/>
<https://www.russiadiscovery.ru/>
<https://bolshayastrana.com/>
www.newzealand.com
www.discovernewzealand.com
www.aptouring.com.au
www.kimkim.com

References

- Atalay A. Selin, Siham El Kihal & Florian Ellsaesser. The Role of Syntax in Persuasive Marketing Communication: A Natural Language Processing Approach. 2020. https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3410351 (дата обращения 20.09.2022)
- Budiharjo B., Nuraeni A., Saptanigship N., Murti B.D., Rusjayanti A. Persuasion in Tourism Promotion Bilingual Texts: The Importance of Syntactic Forms and Choices// *Leksema: Jurnal Bahasa Dan Sastra*. 2022. Vol. 7, №1. Pp. 1-12.
- Chernova I.V. Izobrazhenie i ego funkcii v turisticheckoj reklame (An image and its functions in tourism advertising) // *Profil'noe i professional'noe obrazovanie v usloviyah sovremennogo polikul'turnogo prostranstva: materialy IV Mezhdunarodnoj zaочноj nauchno-prakticheckoj konferencii*. 2016. Pp. 81-87. (in Russian)
- Eko U. Otsustvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu (La struttura assente. Introuzione alla Ricerca Semiologica). St Peterburg, 2004. (in Russian)
- Malyuga Elena N., Tomalin B. Key Creative Features of Syntactic Design in English-Language Advertising Discourse// *International Journal of English Linguistics*. 2020. Vol. 10, No. 5. Pp. 145 – 154.
- Palgova Z. Yu. On Specific Features of Multimodal Advertising Media Texts Interpretation// *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*. 2012. Vol. 12. Pp. 32-39. (in Russian)

- Rokhlina E.K. Kompozitsionnaya semantika i smysl teksta (Compositional semantics and the sense of a text)// Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj filologicheskoy konferencii: Vypusk 20. Russkij yazyk kak inostrannyj i metodika ego prepodavaniya. SPb, 2008. S. 173-179. (in Russian)
- Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya (Creolized texts and their communicative function)// Optimizatsiya rechevogo vozdejstviya. M., 1990. Pp. 180-181. (in Russian)
- Tsvetkova N.V. Vizual'naya reprezentatsiya slovesnyh tropov v reklamnyh tekstah (na materiale angloyazychnoj reklamy) // Filologiya i chelovek. 2009. № 2. C. 145-155. (in Russian)
- Zahiri, Tahereh, Bahador Sadeghi & Ataollah Maleki. Strategies and Errors in Translating Tourism Brochures: The Case of EFL Learners// Cumhuriyet Science Journal. 2015. 36. Pp. 2766-2785.
- Zakharova E. O. Nereglamentirovannaya punktuatsiya kak priznak reklamnogo teksta. (Non-conventional punctuation as a feature of advertising text)/Avtoreferat diss. na soiskanie uch. st. kand. filol. nauk. Tomsk, 2010. 24 p. (in Russian)

ТИПАЖ И ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Плакатный дискурс не раз становился объектом изучения как в отечественной, так и зарубежной науке. Принципиально важными в интерпретации социальной категоризации, представленной на советских плакатах, оказываются лексемы *category*, *image* и *tipazh*. Моделируемая целенаправленной пропагандистской деятельностью властей футуроориентированность общественного сознания советских граждан как устремленность в «светлое будущее», построение «нашего, нового мира» нигде не нашла лучшего воплощения, чем в плакате, и правильный типаж играл важнейшую роль в пропаганде этой идеи. Понятие типажа обнаруживает явное сходство с введенным В.И. Карасиком понятием «лингвокультурный типаж»; более того, исходя из таких выражений как *a model, an ideal type, of the model Stalinist citizen* можно провести параллель с еще одним понятием – модельной личностью, которая оценивается и преподносится в социуме исключительно с позитивной стороны и является моделью поведения. Как показало исследование, мысль о некой футуроориентированности и, более того, утопичности, плакатных образов красной нитью проходит через многие работы зарубежных авторов, которые широко пользуются такими словами как *illusion* и *utopia*. Исследователи советского плаката описывают, комментируют, интерпретируют материал, предлагая свое видение плакатного пространства как системы ключевых образов – типажей, отражающих пропагандируемые ценности некой проективной реальности, и представляя читателю чужой и во многом чуждый ему мир, в котором именно принадлежность к определенному классу служит основанием для социальной категоризации, которая, как любая другая категоризация, по утверждению Е.С. Кубряковой, носит всегда в конечном счете языковой характер. Анализ культурологического дискурса о плакатном искусстве показал, какими разными категориями оперируют ученые в своих трудах. Существительные *category*, *image*, *tipazh* безусловно можно отнести к ключевым словам культурологического дискурса, без которых предпринятые цитируемыми авторами исследования были бы невозможны.

Ключевые слова: плакат, социальная категоризация, типаж, образ, футуроориентированность

Emelianova O.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

ТИПАЖ И ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ: КЛЮЧЕВЫЕ ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО ПЛАКАТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА)

Concepts and categories are critical to cognition because they enable us to organize the world. Thinking about others in terms of their group memberships is known as social categorization (SC) – the natural cognitive process by which we place individuals into social groups. The main function of SC is simplification of the complex social world, because the presence of SC helps a person to structure the information received from the external world. Language has long been recognized as one of the most important tools of categorization. From this point of view, the lexemes *image* and *tipazh* are fundamentally important in interpreting the SC presented in Soviet posters. It is possible to make an analogy with the notion of “linguocultural type” introduced by V. I. Karasik, from which we can deduce aspects that characterize the poster types as well; this includes the distinguishability according to socially significant parameters, and the deduced value orientation promoted by these types. Moreover, based on such expressions as *a model, an ideal type, of the model Stalinist citizen* one can draw a parallel with another concept – the model personality. Researchers of the Soviet poster describe, comment on, interpret the material, offering their own vision of the poster space as a system of key images - types reflecting the promoted values of a certain projective reality, and presenting the readers with a world largely alien to them, in which belonging to a certain class serves as the basis for social categorization.

Key words: tipazh, image, social categorization, future orientation

Стремление к категоризации действительности составляет одну из важнейших сторон мыслительной активности человека. Категоризация, входящая в ядро понятийного аппарата когнитивной лингвистики, играет важную роль в познании, осмыслении и репрезентации окружающего мира, в том числе социального. Под социальной категоризацией (СК) принято понимать отнесение человеком окружающих его людей к определенным социальным группам, классам. Основной функцией СК является упрощение сложного социального мира, т.к. наличие СК помогает человеку структурировать информацию, получаемую из внешнего мира. Иными словами, чтобы как-то структурировать и организовать информационный поток, люди используют определенные упрощающие схемы и механизмы. Помимо этого, процесс СК способствует экономии когнитивных ресурсов, сокращая количество социальной информации, необходимой для запоминания. Указанные функции социальной категоризации особенно ярко проявляются в переломные эпохи, к которым относится Октябрьская революция 1917 года в России и период строительства нового социалистического общества. Наглядное воплощение СК нашла в плакатах того времени, представляющих собой концентрированный образ политики.

Плакатный дискурс не раз становился объектом изучения как в отечественной, так и зарубежной науке. «Взгляд со стороны», интерпретация авторов, находящихся в совершенно ином историческом, культурном и идеологическом пространстве, расширяет круг возможных рецептов, донося заложенные в плакатных образах идеи и смыслы. В работах англоязычных авторов встречается множество примеров, наглядно демонстрирующих исключительно важную роль категоризации, тесно связанной с понятиями образа и типажа, в анализе материала.

Стоит обратить внимание на то, что высказывание Глории Кэлхун, автора диссертации «*Saints into Soviets: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters*» [Calhoun, 2014] о роли образов в формировании категорий: *Symbolic images, in short, help create categories that we use to organize or make sense of what we see – that we use to establish meaning* (Calhoun) – практически дословно совпадает с тем, что пишет о категоризации Е.С. Кубрякова: «Категоризация представляет собой главный способ придания воспринимаемому миру упорядоченный характер, позволяет систематизировать наблюдаемое (и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других)» [Кубрякова, 1997, с.35]. Это важно отметить, поскольку сходство формулировок свидетельствует о сходстве понимания сути категоризации, хотя Кэлхун, не будучи лингвистом, пишет о функциях категорий, условно говоря, «простыми словами»: *categories...organize or make sense of what we see.*

Близкое к Кэлхун понимание категорий и категоризации обнаруживает и Виктория Боннелл, профессор Калифорнийского университета, автор монографии «*Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*» [Bonnell, 1998] которая делает явный акцент на социальной категоризации; говоря о пропагандистской направленности плаката, автор однозначно определяет главный критерий, в соответствии с которым осуществляется СК: *Equally important was the need to inculcate the concept of “class” as the central epistemological element in the new official ideology. Class, rather than nationality, religion, gender, or ethnicity, was to serve as the basis for social and political solidarity* (Bonnell). Именно сходство (принадлежность к определенному социально-политическому классу) служит залогом общности, единства и сплоченности (solidarity), что полностью соответствует словам Е.С. Кубряковой о необходимости понять, на основании каких критериев человек выносит свои суждения и рзносит увиденное, услышанное или прочувствованное по определенным группировкам [Кубрякова, 1999, с. 97].

Язык давно признан одним из важнейших инструментов как категоризации, так и самокатегоризации и самоидентификации. Об этом предельно ясно сказано Е.С. Кубряковой: «В принципе можно с полным на то основанием утверждать, что вся деятельность по категоризации мира, то есть по распределению по особым группировкам, классам и т.п. – по категориям, носит всегда в конечном счете языковой характер» [Кубрякова 2010:14]. С этой точки зрения принципиально важными в интерпретации категоризации, представленной на советских плакатах, оказываются лексемы *image* и *tipazh*.

Образ (image) традиционно трактуется как основная единица художественной формы, категория, характеризующая собой присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. При изучении образов часто делается акцент на их ценностной природе. Образы способны транспонировать культурные и ценностные смыслы; особенно значимые образы могут способствовать их созданию. Всеобъемлющий характер понятия «образ» хорошо показан в диссертации Кэлхун: *Images are crucial to the exercise of political power because images create meaning. Visual meaning can be understood most simply in terms of how one makes sense of or assigns significance to what one sees. Broadly speaking, assigning significance to images involves a dynamic interrelationship among emotions, beliefs, cognition, and experience* (Calhoun).

Как известно, категории в структуре знаний, как правило, дискретны, т.е. делятся на подгруппы, или субкатегории; под субкатегоризацией понимается членение категории на частные категориальные области, объединяющие члены по одному из существенных признаков. В зарубежных научных исследованиях советского плаката этот аспект находит широкое применение. Так, например, в диссертации Кэлхун «*Saints into Soviets*», посвященной влиянию православной символики на плакатные образы, приводится весьма показательный пример формирования такой субкатегоризации: *Categories create even more complex meaning through the layering effect of subcategories, or “networks of categories that reinforce each other.” These networks form a complex matrix of categories and subcategories that can visually convey even intricate abstract information using simple symbols. An image of a particular saint, for instance, can designate that individual as a member of the*

category saints while simultaneously signifying a particular subcategory of saints, such as martyrs (Calhoun). Нельзя не заметить, как искусно, со знанием дела автор оперирует понятиями *категория* и *субкатегория*.

На слове *tipazh*, означавшем существенное изменение в формировании плакатных образов, далее стоит остановиться подробнее; оно встречается исключительно у Боннелл и больше ни в одной из прочитанных нами работ зарубежных авторов о советском плакате. В английском языке такого слова нет, во всяком случае, оно не зафиксировано ни в BNC, ни в COCA. Автор берет это слово из дискуссий о политическом искусстве 1930-х годов; подчеркивая его тесную связь с социальной категоризацией, Боннелл старается донести до англоязычного читателя значение слова *tipazh*, поясняя читателю связь между типажом и социальной категоризацией через сравнение с однокоренными английскими *словами* *typicality*, *typesetting* и *typicalization*: *In the Soviet lexicon, the term tipazh implied a correct rendering of a particular social category (Bonnell). The essence of tipazh was not typicality but, rather, typesetting or typicalization.* В этот период перед советскими художниками-плакатистами были поставлены новые задачи: *Having abandoned the standard image, which Soviet critics labeled "stereotypical" and "bourgeois," artists faced the daunting task of making visually precise social types that corresponded not to contemporary experience but to current party analysis of the "inner essence of life," which would be fully realized only in the hoped-for future (Bonnell).* В этом высказывании автор очень точно характеризует основную тенденцию – то, что позже стали называть футуроориентированностью советского плаката. К этой мысли Боннелл не раз возвращается в своем исследовании: *This reformulation of the artist's task marked a fundamental shift from a symbolic representation of the past and present to a new mode of visual representation which depicted the present not as it actually was but as it should become. The trick was to create the illusion of an imaginary future in the visual terms of the present (Bonnell).* Моделируемая целенаправленной пропагандистской деятельностью властей футуроориентированность общественного сознания советских граждан как устремленность в «светлое будущее», построение «нашего, нового мира» нигде не нашла лучшего воплощения, чем в плакате, и правильный типаж играл важнейшую роль в пропаганде этой идеи «the future in the guise of the present». Как отмечает Боннелл, критики строго следили за выполнением поставленной партией задачи, указывая как на допущенные промахи (при этом главным недостатком оказывается «неправильный» типаж): *In the choice of tipazh, the artist Pinus wanted to present healthy, jolly, pretty, and intellectual faces, to show the new person who combines in herself physical strength and energy with a high level of culture. But it must be recognized that the artist did not succeed. The kolkhoznitsy are not typical. In the poster, we have instead some kind of "Mashen'ka and Dasha," pretty and rosy but completely uncharacteristic of the kolkhoz masses (Bonnell),* так и на достигнутые успехи, связанные с «правильным» типажом, воплощающим «правильные» ценности: *A contemporary reviewer of the poster approved of the artist's "good tipazh" of the miner and expressed particular appreciation for the miner's «heroic» status in the poster as the initiator of «comradely solidarity in work» between workers and the engineer (Bonnell).*

Боннелл последовательно прослеживает трансформацию/эволюцию ключевых образов советского плаката, которая приводит к появлению новой социальной категории – **the new Soviet man, the model Stalinist citizen: Now the image of the worker functioned as a model, an ideal type.** Its purpose was to conjure up a vision of the new Soviet man, to provide a visual script for the appearance, demeanor, and conduct of the model Stalinist citizen.

Понятие типажа действительно принципиально важно для изобразительного искусства вообще и его плакатной разновидности, в частности. В то же время, можно провести аналогию с введенным В.И. Карасиком понятием «лингвокультурный типаж», которое представляет собой обобщенный тип личности, выделяемой по социально-значимым параметрам в рамках определенного социально-этнического общества, проявляющий определенные речеповеденческие характеристики и узнаваемый носителями конкретной этно- или социокультуры по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации [Карасик, 2005]. Из данного определения можно вычленить аспекты, характеризующие и плакатные типажы; это и выделяемость по социально-значимым параметрам, и выводимая ценностная ориентация, пропагандируемая этими типажам (см. приведенные примеры: *comradely solidarity in work, physical strength and energy, high level of culture*). Более того, исходя из таких выражений как *a model, an ideal type, of the model Stalinist citizen* в последнем приведенном примере, можно провести параллель с еще одним понятием – модельной личностью [Карасик, 2002]. Модельная личность оценивается и преподносится в социуме исключительно с позитивной стороны, также является моделью поведения, которая оказывает влияние на культуру, становясь ее символом и примером для подражания. Вышесказанное прямо соотносится с интерпретацией образа и типажа в работе Боннелл: *In the early 1930s, a new type of image appeared in visual propaganda, an image that served as a model, as an ideal type. This was the meaning of tipazh, the problem of typalization that so concerned contemporary reviewers of political art (Bonnell).* Мысль о некой футуроориентированности и, более того, утопичности, плакатных образов красной нитью проходит через многие исследования зарубежных авторов, которые широко пользуются такими словами как *illusion* и *utopia*: *The image of the kolkhoznitsa was not supposed to be realistic. Its purpose was to provide a visual script and an incantation, engendering a powerful illusion. To depict the rural woman was to invoke her. The image became a vehicle for anticipating and achieving the future.* Особенно показательны в этом отношении примеры, отражающие обе указанные характеристики советских плакатов, пропагандирующих образ «нового человека», устремленный в светлое, хотя и не вполне реалистичное

будущее: *The future-oriented images in Soviet posters—and the social actions of those who labored to bring the utopian vision into being—must be considered within their operative cultural frame.*

Плакатное искусство – оригинальный пласт образов и типажей, в котором наслаиваются друг на друга действительное и желаемое, факт и фантазия, агитационная тенденциозность и предвидение. Нельзя не согласиться с распространенным мнением о том, что плакат — это фикция, мир-мечта. Этот мир-мечта был необходим, чтобы генерировать миф об идеальном обществе и идеальном государстве. Исследователи советского плаката описывают, комментируют, интерпретируют этот миф, предлагая свое видение плакатного пространства как системы ключевых образов – типажей, отражающих пропагандируемые ценности некой проективной реальности, и представляя читателю чужой и во многом чуждый ему мир, в котором именно принадлежность к определенному классу служит основанием для социальной категоризации, которая, как любая другая категоризация, по утверждению Е.С. Кубряковой, носит всегда в конечном счете языковой характер.

Категоризация – это неотъемлемая часть практически любого научного исследования. Анализ культурологического дискурса о плакатном искусстве показал, какими разными категориями – от *homo sovieticus* до такой необычной как *martyrs* (мученики) в диссертации Кэлхун оперируют ученые в своих трудах. Существительные *category, image, tipazh* безусловно можно отнести к ключевым словам культурологического дискурса, без которых предпринятые цитируемыми авторами исследования были бы невозможны.

Литература

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с
- Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» //Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии: сб. науч. тр. /под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25-61.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999. Т. 58. № 5-6. С. 3-99.
- Кубрякова, Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. М., 2010. С. 13–18.

Источники

- Bonnell, V.E. 1998. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. University of California Press, 385 pp.
- Calhoun, G. *Saints into Soviets Saints: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters*. Thesis, Georgia State University, 2014. URL : https://scholarworks.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1089&context=history_theses (дата обращения 29.07.2021)

References

- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с
- Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» //Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажии: сб. науч. тр. /под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25-61.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Семантика когнитивного в лингвистике (о принципах, контейнерах и формах их объективации в языке) // Известия АН. Серия литературы и языка, 1999. Т. 58. № 5-6. С. 3-99.
- Кубрякова, Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. М., 2010. С. 13–18.
- Bonnell, V.E. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. University of California Press. 1997. 385 pp.
- Calhoun, G. *Saints into Soviets Saints: Russian Orthodox Symbolism and Soviet Political Posters*. Thesis, Georgia State University, 2014. URL : https://scholarworks.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1089&context=history_theses (дата обращения 29.07.2021)

Зинина А. А., Котов А. А.

Национальный исследовательский центр Курчатовский институт
Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный лингвистический университет
Москва, Российская Федерация

ПРИМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РОБОТА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА РОССИЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

В работе описано исследование применения робота-компаньона при изучении лексики иностранного языка. В рамках эксперимента перед испытуемыми стояла задача изучить 26 слов латинского языка, при этом для испытуемых были предусмотрены подсказки – ключевые слова. В качестве ключевых слов мы использовали фонетические подсказки, предложенные носителями русского языка не знакомыми с латынью в ходе предварительного опроса (N=42, средний возраст 22 года, муж. 14, жен. 28). Во время эксперимента испытуемые использовали при обучении либо традиционный интерфейс – компьютер, либо, новый – социального робота (был использован робот Ф-2). В качестве испытуемых основного исследования выступили студенты лингвистического вуза (N= 43 человека, муж. 9, жен. 34, средний возраст 22,5 года). Было выявлено, что робот также эффективен при изучении лексики иностранного языка, как и компьютер. Более того, показано, что студенты рассматривают робота в качестве потенциального помощника, отмечают комфортность взаимодействия, подчеркивают перспективы использования в образовании.

Ключевые слова: социальная робототехника, человеко-машинное взаимодействие, обучение иностранному языку, робот-учитель

Zinina A. A., Kotov A. A.

Kurchatov Institute
Russian State University for the Humanities
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

THE USE OF A SOCIAL ROBOT FOR LEARNING A FOREIGN LANGUAGE BY RUSSIAN STUDENTS

The paper describes a study of using a companion robot in learning the vocabulary of a foreign language. In the experiment, the subjects were tasked to learn 26 Latin words using cues - keywords. As keywords we used phonetic hints suggested by native Russian speakers not familiar with Latin in a preliminary survey (N=42, male 14, female 28, average age 22 years). During the experiment the subjects used either the traditional computer interface or a new interface - a social robot (F-2 robot was used). The subjects were students (N=43, male 9, female 34, average age 22.5 years). It was found that the robot is as effective in learning foreign language vocabulary as the computer. Moreover, it was shown that students consider the robot as a potential assistant, note the comfort of interaction, emphasize the prospects of its use in education.

Keywords: social robotics, human-machine interaction, foreign language learning, robot-teacher

Введение

Современный подход к образованию предполагает активное включение новых технологий. Оптимизация образования, усложнение и потребность в большей индивидуализации учебных программ стимулируют разработку технических средств поддержки образовательного процесса, которые дополняют усилия родителей и учителей. Чаще всего эти системы представляют собой программную среду, обеспечивающую индивидуальное выполнение заданий. Однако у существующих технологий выявляется серьезный недостаток – они не обеспечивают вовлеченность участников в образовательный процесс, слабо поддерживают мотивацию и не предполагают взаимодействия с учениками. Данную проблему можно решить привлечением социальных роботов в качестве образовательных инструментов. Такой подход с одной стороны, облегчит нагрузку родителей и учителей, с другой – сделает образовательные технологии доступными для большого количества учеников по всей стране. Согласно современным данным, роботы могут быть достаточно эффективны при формировании когнитивных навыков и эмоциональной вовлеченности учащихся [Mubin et al., 2013; Kanda et al., 2004]. Роботы могут заимствовать методичность в представлении материала у современных электронных систем самостоятельного обучения, но при этом

роботы обладают физическим присутствием, которого не хватает дистанционным технологиям обучения. Роботы также способны выражать эмоциональные реакции с помощью жестов и мимики (их более или менее правдоподобную имитацию) на действия пользователя, и, в отличие от 2D-технологий (например, анимированных персонажей или виртуальных агентов на компьютерах и планшетах), социальные роботы могут манипулировать объектами и двигать своим телом, что существенно повышает их ценность как педагогических ресурсов [Lee, Lee, 2022].

Сегодня социальные роботы широко используются в образовательной деятельности – в частности, при изучении иностранного языка. Таким образом, в науке выделяется новая, быстро развивающаяся область – robot-assisted language learning (RALL) [van den Berghe et al., 2019; Tsai, 2019; Vogt et al., 2019]. Следует заметить, что эта область представлена преимущественно иностранными работами [Han, 2012; Tafazoli, Gómez Parra, 2017; Randall, 2019], в России подобных исследований не проводилось. Несмотря на то, что уже накоплено большое количество данных, подтверждающих эффективность использования роботов при изучении иностранного языка, специфика российской выборки может оказаться решающей для принятия данной образовательной технологии.

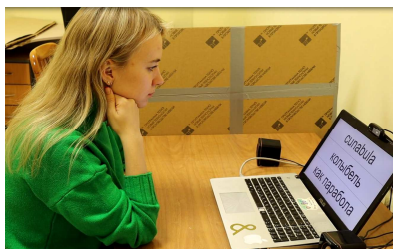
Экспериментальное исследование

В исследовании использовался робот Ф-2, разработанный для экспериментов по человеку-машинному взаимодействию [Zinina et al., 2020; Kotov et al., 2021] – Рис. 1.

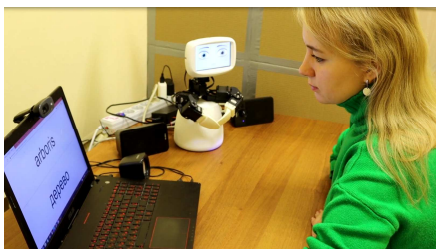

Рис. 1. Робот Ф-2

В рамках работы, мы провели эксперимент, в котором обучали студентов иностранному языку с использованием уже ставшего традиционным средства представления информации – компьютера, и перспективного – социального робота (Рис. 2).

С компьютером

С роботом

Рис. 2. Экспериментальные условия

Мы использовали внутрисубъектный экспериментальный план: каждый участник эксперимента проходил изучение слов с роботом и с компьютером. Порядок предъявления условий рандомизировался. Мы предполагали, что личное взаимодействие, возникающее между человеком и роботом, может способствовать изучению слов иностранного языка, повышать удовлетворённость человека от процесса обучения.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала для эксперимента были выбраны латинские слова, обладающие низкой частотностью как в латинском, так и в русском языке. При подборе стимульного материала учитывалось, что латинский язык редко изучают в школах и университетах (за исключением специализированных кафедр в лингвистических ВУЗах и медицинских учебных заведениях). Мы отобрали 26 слов, которые случайным образом были разделены на две группы для каждого из экспериментальных условий. В процессе изучения слов мы использовали фонетические подсказки, предложенные носителями русского языка не знакомыми с латынью в ходе предварительного опроса (N=42, средний возраст 22 года, муж. 14, жен. 28). Для каждого латинского слова было выбрано наиболее частотное русское слово-подсказка. Поскольку информанты не знали значений латинских слов, предложенные слова-подсказки были семантически не связаны с исходными словами. Латинские слова были начитаны специалистом-латинистом.

Процедура

В рамках эксперимента испытуемый сначала знакомился с изучаемыми словами – видел слово и его перевод на мониторе, слышал его чтение на иностранном языке, кроме того, человеку предъявлялась подсказка – слово русского языка, фонетически связанное с латинским словом, которое далее может использоваться для запоминания латинского слова. После общего знакомства со словами испытуемые переходили к стадии обучения (Рис. 3). Испытуемому предъявляли слово на русском языке (на экране компьютера или с помощью робота). Если человек не вспоминал слово, робот или компьютер давали ему подсказку, и если человек опять не давал ответа, запускалась запись – произнесение данного слова латинистом. Так каждое слово предъявлялось 2 раза, чтобы испытуемый имел возможность его запомнить. После эксперимента, испытуемые заполняли анкету, в которой оценивали впечатление от обучения иностранному языку с компьютером и роботом по шкалам семантического дифференциала.

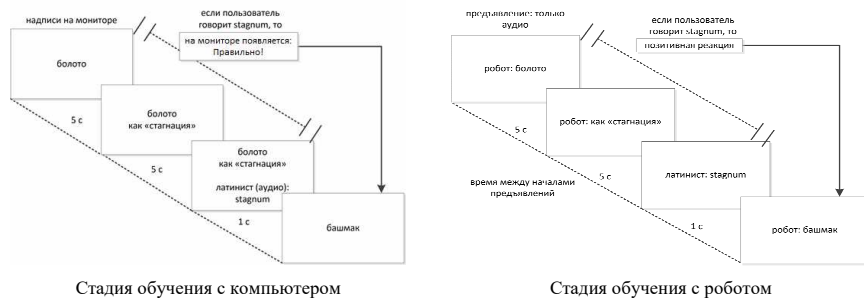

Рис. 3. Порядок предъявления русских, латинских слов и подсказок

Выборка

В качестве испытуемых выступили студенты лингвистического вуза (43 человека, муж. 9, жен. 34, средний возраст 22,5 года), 38 (88,4%) участников эксперимента отметили, что не изучали латинский язык, 4 (11,6%) - изучали латинский язык ранее в медицинском ВУЗе. Несмотря на то, что такие испытуемые свой уровень владения латинским языком оценивают как A1 / Beginner, они не знали представленных слов.

Результаты

Согласно полученным результатам 25 человек (59,5% от всей выборки) отметили, что им больше понравилось учить слова с роботом, 10 человека (23,8%) предпочли компьютер и 7 человек (16,7%) одинаково оценили обучение в двух условиях. Испытуемые одинаково оценили комфортность изучения латинских слов с роботом и с компьютером (на 3,8 баллов из 5). Интересно, что испытуемые, предпочитающие изучение слов с роботом или с компьютером значимо выше оценивают комфортность взаимодействия именно в рамках данного условия (t-test, $p < ,05$). Согласно шкалам семантического дифференциала, робота по сравнению с компьютером, участники исследования описывают скорее как дружелюбного, веселого, эмоционального, отзывчивого, привлекательного, заботливого и внимательного, в то время как компьютер в представлении респондентов скорее безразличный, но быстрый (Рис. 4).

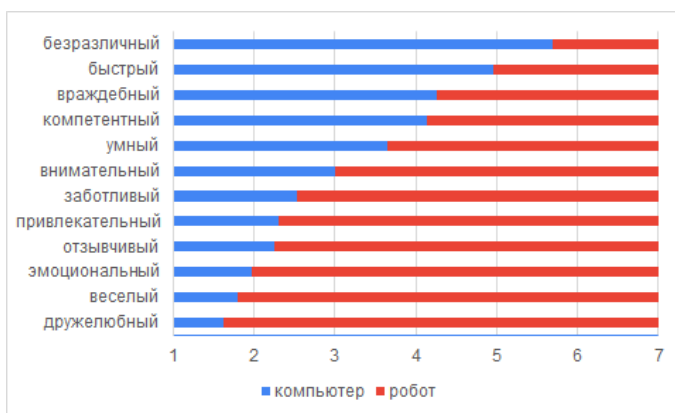

Рис. 4. Сравнение робота и компьютера по шкалам семантического дифференциала

После эксперимента мы дважды спрашивали испытуемых, какие слова они запомнили: в первом случае испытуемым нужно было самостоятельно вспомнить пары слов (латинское и перевод), во втором - экспериментатор называл оставшиеся русские слова и просил испытуемого вспомнить латинское слово. Согласно полученным результатам испытуемые одинаково успешно выучивают слова латинского языка в двух экспериментальных условиях.

Выводы

Полученные результаты позволяют заключить, что российские студенты доброжелательно воспринимают робота, оснащенного социальными навыками, для изучения иностранного языка. Кроме этого, социальный робот может быть использован для обучения иностранному языку в качестве дополнительного средства – эффективность обучения с роботом не отличается от обучения с компьютером. Такой подход, с одной стороны, облегчит нагрузку родителей и учителей, с другой – может сделать образовательные технологии доступными для большого количества учеников по всей стране. Вместе с этим, важно заметить, что использование робота в образовательном процессе призвано помочь ученикам, а не заменить реальных преподавателей. Дальнейшие исследования в рамках данного подхода будут направлены на поиск оптимальных стратегий для наиболее комфортного взаимодействия с роботом.

Литература (References)

- Han, J. (2012). Robot assisted language learning. *Language Learning & Technology*, 16(3), 1-9.
- Kanda, T., Hirano, T., Eaton, D., & Ishiguro, H. (2004). Interactive robots as social partners and peer tutors for children: A field trial. *Human-Computer Interaction*, 19(1-2), 61-84.
- Kotov, A., Zaidelman, L., Zinina, A., Arinkin, N., Filatov, A., & Kivva, K. (2021). Conceptual processing system for a companion robot. *Cognitive Systems Research*, 67, 28-32.
- Lee, H., & Lee, J. H. (2022). The effects of robot-assisted language learning: A meta-analysis. *Educational Research Review*, 35, 100425.
- Mubin, O., Stevens, C. J., Shahid, S., Al Mahmud, A., & Dong, J. J. (2013). A review of the applicability of robots in education. *Journal of Technology in Education and Learning*, 1(209-0015), 13.
- Randall, N. (2019). A survey of robot-assisted language learning (RALL). *ACM Transactions on Human-Robot Interaction (THRI)*, 9(1), 1-36.
- Tafazoli, D., & Gómez Parra, M. E. (2017). Robot-assisted language learning: Artificial intelligence in second language acquisition. *Current and future developments in artificial intelligence*, 1, 370.
- Tsai, C. C. (2019). Adapting an Anthropomorphized Robot for Enhancing EFL Learning Motivation and Performance at an Elementary School in Taiwan. *The New Educational Review*, 58(4), 22-35.
- van den Berghe, R., Verhagen, J., Oudgenoeg-Paz, O., Van der Ven, S., & Leseman, P. (2019). Social robots for language learning: A review. *Review of Educational Research*, 89(2), 259-295.
- Vogt, P., van den Berghe, R., de Haas, M., Hoffman, L., Kanero, J., Mamus, E., & Pandey, A. K. (2019, March). Second language tutoring using social robots: a large-scale study. In *2019 14th ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI)* (pp. 497-505). Ieee.
- Zinina, A., Zaidelman, L., Arinkin, N., & Kotov, A. (2020). Non-verbal behavior of the robot companion: a contribution to the likeability. *Procedia Computer Science*, 169, 800-806.

К ВОПРОСУ О МОТИВАЦИОННОМ КОМПОНЕНТЕ И МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦАХ В ИЗУЧЕНИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ

Автор представляет алгоритм анализа мотивации, единиц языка разного уровня и их употребления в общем контексте изучения языковой ситуации с точки зрения социолингвистики, определяются основные направления мотивационного подхода к изучению языковой ситуации, в качестве примера используется языковая ситуация в Канаде.

Ключевые слова: социолингвистика, языковая ситуация, языковая политика, билингвизм

Isaev Danil Vladimirovich

Orenburg state pedagogical university
Orenburg, Russian Federation

CONCERNING THE MOTIVATIONAL COMPONENT AND MARKED UNITS IN LANGUAGE SITUATION STUDIES

The author suggests an algorithm of motivational analysis including the analysis of language units of different layers and their use within the context of a wider linguistic situation studies. The main trends of sociolinguistic motivational analysis are stated, as an example the author uses the linguistic situation in Canada.

Keywords: sociolinguistics, linguistic situation, language policy, bilingualism

Современное изучение многокомпонентной языковой ситуации предполагает использование комплексного социолингвистического подхода, проявляющегося в учете факторов социальной и лингвистической природы.

Л.Б. Никольский рассматривает языковую ситуацию как взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований, изменяющееся во времени под воздействием общества и языковой политики [Никольский, 1978, с. 62], релевантным представляется и определение А. Д. Швейцера: «модель социально-коммуникативного распределения и иерархии социально-коммуникативных систем и подсистем, сосуществующих и взаимодействующих в пределах политико-административного объединения и культурного ареала в тот или иной временной период, а также социальных установок, которые поддерживаются в отношении этих систем и подсистем членами соответствующих языковых и речевых коллективов» [Швейцер, 2008, с. 133-134]. Л. Б. Никольский и А. Д. Швейцер рассматривают языковую ситуацию как взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований, изменяющееся во времени под воздействием общества и языковой политики [Швейцер, 2008, с. 62]. В данном подходе учитывается иерархический характер, особенности взаимоотношения, социальных установок и комплекса отношений к социально-коммуникативным системам и подсистемам, что определяется нами как «социолингвистическая мотивация».

Социолингвистическая мотивация – это комплекс отношения к языку или социально-коммуникативной подсистеме любого уровня, выражающийся в следующем:

1. Стремление употреблять единицы данной социально-коммуникативной системы или подсистемы в речи, стремление использовать ее во всех возможных ситуациях (особенно в «цензурируемых» с точки зрения престижа) и стремление изучать данную систему или подсистему, или напротив, отказ от ее употребления и изучения.
2. Общее отношение, восприятие и место социально-коммуникативной системы или подсистемы в рамках самоидентификации, своего рода оценка социально-коммуникативной системы или подсистемы с точки зрения как собственной принадлежности к ней, так и ее общей оценки. В данном случае речь может идти как о внутренней мотивации, так и о внешней (в случае оценки теми, кто не является носителями данной системы или подсистемы, например, носителей другого национального варианта или диалекта).

Основной сферой применения анализа языковой ситуации является языковая политика, в частности, оценка ее успешности. Языковая политика представляет собой системное воздействие государства на язык и его применение в обществе.

Предлагаемый нами алгоритм анализа языковой ситуации с учетом рассмотрения социолингвистической мотивации строится на основе комплексного рассмотрения следующих параметров: Компонентного состава языковой ситуации (входящих в нее социально-коммуникативных систем и подсистем);

Анализа тенденций стандартизации и доминирования одного или другого компонента (непосредственно лингвистический и социолингвистический анализ);

Изучение мотивации по отношению к социально-коммуникативным системам и подсистемам.

Компонентный анализ предполагает изучение инвентарного состава социально-коммуникативной системы или подсистемы. Именно на компонентах опосредованно проявляется социолингвистическая мотивация. Причем единицы, осознаваемые как элементы инвентаря социально-коммуникативной системы или подсистемы, становятся приоритетными «целями», тогда как неосознаваемые (например, отдельные фонетические черты канадского французского вроде палатализации) встречаются чаще, за исключением случаев «цензурируемого» окружения.

Тенденции стандартизации представляют собой направление и зону ближайшего развития социально-коммуникативной системы или подсистемы. Следует отметить, что «стандартизация» в данном случае обозначает «будущую норму» и «отношение к стандартизованному и нейтральному социально-коммуникативному варианту» одновременно. Если «нейтрального» варианта не существует (например, если анализируются национальные варианты языка), то тенденции стандартизации сравниваются с позиции других вариантов, имеющих влияние на рассматриваемые (в частности, при анализе канадского английского есть смысл анализировать американский и британский варианты, но австралийский и новозеландский могут быть исключены из рассмотрения). Выделение тенденций стандартизации служит основой для дальнейшего мотивационного анализа. В частности, для канадского варианта английского языка выделяются тенденции, условно называемые «американская» (употребление единиц, характерных для американского национального варианта), «британская» (британский национальный вариант соответственно) и «канадская» (употребление единиц, характерных только для канадского английского).

Социолингвистическая мотивация проявляется, в том числе, в особенностях употребления тех или иных лексических единиц, в особенности это характерно для тех элементов инвентаря социально-коммуникативной подсистемы, которые являются сильно маркированными и воспринимаются носителями как ее характерные особенности.

В рамках социолингвистического исследования подобные единицы рассматриваются как маркированные. Маркированность единицы предполагает инвентарную соотнесенность единицы любого уровня языка с той или иной социально-коммуникативной подсистемой.

Рассмотрим основные связанные понятия. Любая единица языка любого уровня может служить социолингвистической переменной.

Под социолингвистической переменной понимается Основная операционная единица социолингвистического анализа языковой и речевой вариативности, это любой языковой или речевой коррелят стратификационной и ситуативной вариативности. В зависимости от причины, обуславливающей социальную вариативность речи, выделяют стратификационные и ситуативные переменные (индикаторы и маркеры) [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 210].

Социолингвистический маркер определяется следующим образом: Вариант социолингвистической переменной, указывающий на условия реализации коммуникативного акта, сигнализирует о стиле, жанре, степени внимания говорящего к собственной речи, официальности/неофициальности обстановки и т. п. [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 212].

Под социолингвистическим индикатором понимается Социолингвистическая переменная, указывающая на социальное положение носителя языка. Индикаторы характеризуются вариативными количественными или качественными показателями у представителей разных социальных, социально-демографических или профессиональных групп населения, но остаются постоянными при варьировании тех или иных компонентов социально-коммуникативной ситуации [Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 211].

У А. Д. Швейцера используются понятия «стратификационной переменной» и «стратификационно-ситуативной переменной». Стратификационно-ситуативная переменная предполагает наличие определенных установок по отношению к противопоставляемым друг другу языковым формам, регламентации языковой нормы [Швейцер, 2008, с. 84], - то, что нами рассматривается как социолингвистическая мотивация. Также отмечается, что именно осознание изменений и закрепление социальных ценностей обуславливает переход стратификационных переменных в стратификационно-ситуативные [Швейцер, 2008, с. 84]. Тем самым, при анализе перехода языковых единиц из стратификационных в стратификационно-ситуативные переменные будет прослеживаться влияние мотивационных факторов по отношению к социально-коммуникативной системе или подсистеме. Отношение тесно связано с престижем социально-коммуникативной системы или подсистемы, в случае с изменением мотивации можно говорить об изменении престижа в том числе (хотя мотивация не исчерпывается престижем, но включает его как один из компонентов [Крысин, 2021, с. 64].

Тем самым, под маркированной единицей в рамках настоящего исследования понимается социолингвистическая переменная, служащая индикатором определенной социально-коммуникативной

подсистемы (социального статуса, регионального диалекта, национального варианта) и осознаваемая носителями или внешними по отношению к социально-коммуникативной подсистеме лицами как принадлежащая к ней. Мотивация по отношению к маркированной единице косвенным образом связана с мотивацией по отношению ко всей социально-коммуникативной подсистеме, тем самым, изучение мотивации по отношению к определенным единицам помогает раскрыть мотивацию по отношению ко всей подсистеме, служа, в свою очередь, маркером тенденций стандартизации (тенденция стандартизации представляется как динамический процесс направленного изменения социально-коммуникативной подсистемы, поэтому термин «маркер» нам представляется более предпочтительным).

В качестве примера в анализе нами выбрана языковая ситуация в Канаде.

Канадский английский представляет собой национальный вариант [Быховец, 1988, с. 4-5] английского языка, который может быть отнесен к более обширной группе североамериканского английского (в нее также входит английский США). Тем не менее, канадский английский, как отмечает Н. Н. Быховец, обладает значительным слоем дивергентной лексики (порядка 10,5 тысяч единиц), тогда как соответствий с американским английским много, но недостаточно, чтобы не признавать независимость канадского английского [Быховец, 1998, с. 114]. Кроме лексических, присутствуют определенные фонетические особенности (Canadian Raising, Canadian Shift), грамматические особенности, а также (что является более значимым) уникальность исторического развития. Тем самым, это совершенно уникальный национальный вариант английского языка, хотя и находящийся под сильным влиянием американского (и британского) английского. Примером анализа может служить изучение языковой ситуации на территории Канады. Несмотря на декларируемый официальный билингвизм, в государстве, по сути, сформированы три зоны: зона преобладания английского, зона преобладания французского и билингвальная зона. Тем не менее, несмотря на лишь относительную успешность языковой политики, применяемые меры позволили снизить интенсивность языкового конфликта. Государственное продвижение билингвизма в сочетании с осознанием обществом уникальности своего национального варианта языка привело в целом к определенным изменениям языковой ситуации, смене преобладающих тенденций стандартизации на те, которые более ориентированы на собственно национальные варианты (это характерно и для канадского английского, демонстрирующего тенденцию к американизации в сочетании с расширением употребления чисто канадских черт, так и для канадского французского) [Моисеева, 2014, с. 102].

Если брать общую статистику распространения национальных вариантов языка в Канаде, можно отметить то, что в настоящее время происходит закрепление «монолингвизма» с небольшим поясом билингвизма: на 2021 год процент людей, преимущественно употребляющих французский дома снизился до 19,2%, 21,4% людей отметили французский язык как своей основной (против 27,2% в 1971), при этом во всех провинциях, за исключением Квебека и Британской Колумбии число людей, говорящих на французском, снижается год от года, а число тех, кто употребляет английский дома – растет (74,2% регулярно, 63,8% преимущественно – это при том, что английский является родным для 54,9% населения) [White English and French..., 2022]. Таким образом, очевидно постепенное снижение роли билингвизма.

При выборе единиц для анализа социолингвистической мотивации нам представляется необходимым руководствоваться следующими критериями отбора:

1. Инвентарная соотнесенность единицы с определенной социально-коммуникативной системой или подсистемой. Некоторые маркеры (примеры) могут принадлежать к нескольким системам одновременно или относиться к нейтральным с точки зрения маркированности единицам. В случае если единица относится к нескольким системам одновременно, например, к канадскому, британскому и американскому вариантам (США), то использовать ее для анализа не представляется возможным, так как ее употребление не будет характеризовать выбор того или иного варианта.
2. Мотивационная соотнесенность. Этот критерий тесно связан с инвентарной соотнесенностью, он предполагает наличие или отсутствие отдельной мотивации по отношению к единице или же осознания носителями инвентарной соотнесенности данной единицы. Иными словами, присутствует ли идентифицируемое отношение к данной единице либо как к отдельному языковому явлению, либо же как к явлению, позволяющему идентифицировать носителя как представителя социальной группы.
3. Семантическая соотнесенность единиц. Данный критерий предполагает выбор единиц, прямо или косвенно относящихся по своему значению к описанию или определенным характеристикам группы, использующей анализируемую социально-коммуникативную систему или подсистему. Семантическая соотнесенность не является обязательным критерием, однако позволяет отобрать более сильно маркированные единицы.
4. При мотивационном анализе, в соответствии с классификацией А. Д. Швейцера, основное внимание уделяется стратификационно-ситуативным переменным, так как стратификационные переменные имеют значение исключительно как элементы инвентарной характеристики социально-коммуникативной системы или подсистемы.

С учетом необходимости рассмотрения единицы, являющейся элементом инвентаря национального варианта английского языка, следует отдельно рассмотреть и кратко описать специфику канадского английского как социально-коммуникативной подсистемы и кратко охарактеризовать языковую политику и особенности отношения носителей к данной подсистеме.

Канадский национальный вариант английского языка интересен для лингвиста не только тем, что это особенное и (по сравнению с американским или британским национальными вариантами) менее изученное языковое образование, но и тем, что на его примере возможно исследование определенных стереотипов, связанных с отношением к национально-специфической социально-коммуникативной подсистеме.

Употребление тех или иных маркированных единиц представляется манифестацией отношения к социально-коммуникативной подсистеме, проявление в речи маркированных лексических единиц позволяет отследить тенденции стандартизации, происходящие в данный момент изменения (например, тенденцию к американизации, отмечаемую исследователями канадского английского) [Walker, 2015, p. 127].

Таким образом, изучение мотивационного компонента позволяет решить следующие задачи:

1. Определить вопрос общих тенденций стандартизации, направления развития и непосредственного отношения населения к социально-коммуникативной системе или подсистеме. Реакция людей, выявленная за счет анкет, анализа употребления маркированных единиц, опросов, мнений интернет-форумов и иных методов, как социологических, так и чисто лингвистических, позволяет увидеть, какие компоненты системы или подсистемы активно употребляются в соответствующем контексте, а значит, насколько люди стремятся использовать в речи инвентарь социально-коммуникативной подсистемы.
2. Анализ социолингвистической мотивации как фактора успешности языковой политики позволяет определить то, насколько продуктивными являются проводимые государством меры в области языка, изучения национальных вариантов или продвижения билингвизма.
3. Анализ социолингвистической мотивации и употребления специфической социально-коммуникативной подсистемы предполагает, в числе прочего, изучение применения отдельных единиц языка различных уровней

Литература:

- Быховец, Н. Н. Лексические особенности английского языка Канады. Киев: Наукова думка, 1988. – 152 с.
- Крысин, Л. П. Очерки по социолингвистике. М.: ФЛИНТА, 2021 – 360 с.
- Моисеева, И. Ю., Исаев Д. В. Прогнозирование развития языковой ситуации на основании изменения социолингвистической мотивации. Вестник Оренбургского государственного университета, № 11 (172), 2014 – с. 99 – 104.
- Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. / Л.Б. Никольский, А.Д. Швейцер. М.: Высшая Школа, 1978. 216 с
- Словарь социолингвистических терминов. М, 2006. – 312 с.
- Швейцер А.Д. Современная социолингвистика, теория, проблемы, методы. М.: URSS, 2008. 178 с.
- Walker, J. A. Canadian English, A Sociolinguistic perspective. Routledge, NY, 2015. 147 p.
- While English and French are still the main languages spoken in Canada, the country's linguistic diversity continues to grow. [URL]: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220817/dq220817a-eng.htm> (Дата обращения: 25.10.2022)

References

- Byhovec, N. N. Leksicheskie osobennosti anglijskogo jazyka Kanady (Lexical features of English in Canada). Kiev: Naukova dumka, 1988. 152 p.
- Krysin, L. P. Oчерki po sociolingvistike (Essays on Sociolinguistics). Moscow: FLINTA, 2021. 360 p.
- Moiseeva, I. Ju., Isaev D. V. Prognozirovanie razvitiya jazykovoj situacii na osnovanii izmenenija sociolingvisticheskoj motivacii (The Prediction of Linguistic situation development based on the sociolinguistic motivation changes). Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Orenburg State University), № 11 (172), 2014. pp. 99 – 104.
- Nikolsky L. B. Vvedenie v sociolingvistiku. (An Introduction to Sociolinguistics). / L. B. Nikolsky, A. D. Schweitzer. Moscow: Vyschaya Schkola. 1978. 216 p.
- Slovar' sociolingvisticheskikh terminov (The Dictionary of Sociolinguistic terms). Moscow, 2006. 312 p.
- Schweitzer A. D. (Moderns sociolinguistics. Theory, issues, methods). Moscow: URSS, 2008. 178 p.
- Walker, J. A. Canadian English, A Sociolinguistic perspective. Routledge, NY, 2015. 147 p.
- While English and French are still the main languages spoken in Canada, the country's linguistic diversity continues to grow. [URL]: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/daily-quotidien/220817/dq220817a-eng.htm> (Дата обращения: 25.10.2022)
- Моисеева, И. Ю., Исаев Д. В. Прогнозирование развития языковой ситуации на основании изменения социолингвистической мотивации. Вестник Оренбургского государственного университета, № 11 (172), 2014 – с. 99 – 104.

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВЫПОЛНЕНИИ ФУНКЦИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Англоязычные заимствования или англицизмы активно проникают в разные языки во все сферы деятельности человека и во все функциональные стили языка (художественный, научный, деловой, публицистический и разговорный). В общественно-политическом дискурсе англицизмы нашли особое выражение, способствуя выполнению разных функций данного дискурса: информативной, коммуникативной, познавательной, образовательной, социально-формирующей, стабилизирующей, нормативной, генерирующей, контрольной и манипулятивной. В данной статье рассматриваются примеры англоязычных заимствований в публикациях общественно-политических изданий и их роль в выполнении специфических функций общественно-политического дискурса.

Ключевые слова: англицизм, англоязычное заимствование, дискурс, общественно-политический дискурс, функция общественно-политического дискурса.

Isakova A. M.

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N.Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation

THE ROLE OF ENGLISH BORROWINGS IN FULFILLING THE FUNCTIONS OF SOCIO-POLITICAL DISCOURSE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

English borrowings or Anglicisms actively penetrate into different languages in all spheres of human activity and in all functional styles of language (artistic, scientific, business, journalistic and colloquial). In socio-political discourse, English borrowings contribute to the fulfillment of various functions: informative, communicative, cognitive, educational, stabilizing, normative, generating, controlling and manipulative. In this article, some examples of English borrowings in publications of socio-political journals are discussed and their role in the fulfillment of the specific functions of socio-political discourse is analysed.

Key words: anglicism, English borrowing, discourse, socio-political discourse, function of socio-political discourse.

Англоязычные заимствования или англицизмы активно проникают в разные языки во все сферы деятельности человека. В определении самого понятия заимствования можно выделить два подхода. Заимствование часто определяется как процесс, в результате которого в языке появляются и закрепляются иноязычные морфемы, слова или словосочетания, и за счет которого происходит пополнение словарного запаса языка. [Черноголовина 2017] Другой подход к анализу заимствований рассматривает не сам процесс, а результат этого процесса. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» заимствование определяется как «элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и т.п.), перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой». При этом заимствования — это слова, уже вошедшие в лексическую систему принимающего языка, в то время как иноязычные слова — это слова, еще не принятые в лексическую систему. [Романов 2000] В рамках данного исследования под заимствованием понимается результат перехода какой-либо словоформы из одного языка в другой. А поскольку английский язык сегодня играет ведущую роль на мировой арене, именно на него приходится основной поток иностранных заимствований в систему разных языков, в том числе и в русский язык. Этим обусловлен выбор именно англоязычных заимствований для исследования.

В общественно-политическом дискурсе англоязычные заимствования нашли особое выражение, выполняя ряд специфических функций. Прежде чем мы перейдем к рассмотрению непосредственно англоязычных заимствований в общественно-политическом дискурсе, необходимо дать определение и сформулировать прагматические параметры данного типа дискурса.

Само понятие дискурса считают одним из сложных и трудно поддающихся определению понятий современной лингвистики. В широком смысле дискурс представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов, необходимых для понимания текста, дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Чаще всего дискурс определяют через понятия «речь», «выступление», «рассуждение». Однако наличие системы не позволяет полностью приравнять дискурс к вышеперечисленным понятиям: дискурс обладает свойством целостности, имеет внутреннюю организацию, форму, к нему применимы понятия вида, жанра и стиля.

По мнению Ю. С. Степанова, «дискурс — это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века». [Степанов 1995]

К. Гаузенблас пишет, что дискурс — это «набор упорядоченных языковых средств, использованных в отдельно взятом коммуникативном акте, происходящем между определенными участниками при определенных условиях. Дискурс может рассматриваться и как процесс, и как результат акта коммуникации». [Hausenblas 1964: 76]

По мнению Н. Д. Арутюновой, дискурс — это «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами... Дискурс — это речь, погруженная в жизнь». [Арутюнова 1990: 137]

В результате своего исследования Е. С. Кубрякова приходит к выводу, что у истоков термина оказывается концепт речи. «Под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) форму». [Кубрякова 1997]

В данной работе под дискурсом понимается набор языковых средств с определенной прагматикой в акте общественно-политической коммуникации.

Функциональные стили языка можно разделить на художественный, научный, деловой, публицистический и разговорный. С данными стилями соотносятся соответствующие типы дискурса, при этом внутри каждого типа могут существовать более частные подвиды. В рамках публицистического дискурса выделяют общественно-политический, который находит свое отражение в языке общественно-политической прессы и публичных выступлений. [Панина 2006]

Общественно-политический дискурс выполняет такие общие функции любого дискурса, как информативную, коммуникативную, познавательную, образовательную. Среди специфических функций общественно-политического дискурса выделяют социально-формирующую, стабилизирующую, нормативную, генерирующую, контрольную и манипулятивную, а также в определенной степени развлекательную, рекламную (если речь идет, например, о предвыборной агитации, социальной рекламе или популяризации политических партий, общественных объединений) и идеологическую.

Социально-формирующая функция заключается в консолидации разнонаправленных мнений и интересов социальных групп и формировании общественного мнения и общества с активной гражданской позицией.

Стабилизирующая функция направлена на достижение равновесия социально-политических взглядов в обществе и предупреждения конфликтов.

В рамках нормативной функции в общественно-политическом дискурсе формируются нормы социального поведения.

Генерирующая функция нацелена на формирование различных мнений по вопросам жизни общества.

Контрольная функция заключается в проверке на соответствие точек зрения определенных социальных групп и индивидуумов интересам определенных групп общественности.

Манипулятивная функция проявляется в манипулировании данными и информацией в целях формирования заранее определенного мнения по ключевым вопросам общества.

Эти функции в общественно-политическом дискурсе достигаются за счет специфического лексического состава: профсоюзной лексики; лексики избирательных систем и выборов; дипломатических, юридических терминов и терминов международного права; военной лексики; экономической лексики; названий государственных документов, а также различных языковых элементов, в том числе заимствований. [Казюлина 2011: 324]

В принимающем языке заимствования выполняют ряд самостоятельных функций:

Прежде всего, заимствования используются для обозначения новых предметов и явлений в языке, чтобы избежать описательного оборота. Например, слово *браузер* появилось для обозначения программы для поиска и просмотра на экране компьютера информации из компьютерной сети, *подкаст* — для обозначения звуковой передачи во всемирной сети, *блокбастер* — фильма, рассчитанного на широкую аудиторию и имеющего большие кассовые сборы, *мотель* — гостиницы для автотуристов, *спринт* — бега на короткие дистанции, *френчайзинг* — процедуры выдачи компанией лицензии на производство, продажу товаров под ее маркой.

Л.П. Крысин сформулировал положение, согласно которому носители языка склонны приводить в соответствие нерасчлененность обозначаемого понятия с нерасчлененностью наименования. Если объект наименования представляет собой одно целое, то говорящие стремятся обозначить его одним словом.

[Крысин 1993] В связи с этим заимствования часто оказываются предпочтительнее описательного оборота в принимающем языке.

Помимо этого заимствования применяются в целях языковой экономии, когда заимствованное слово оказывается проще и лаконичнее существующего аналога в принимающем языке. Примерами можно считать слово *кастинг* вместо словосочетания «подбор актеров или моделей», *риэлтор* вместо «агент по продаже недвижимости», *бренд* вместо «торговая марка».

Еще одной причиной использования некоторых заимствованных слов является их большая точность по сравнению с существующими аналогами. Например, *трейдер* нельзя заменить привычным *продавцом*, поскольку последний не заключает в себе лексему «на фондовой или оптовой бирже».

Одна из причин использования заимствований заключается в необходимости и желании произвести определенный эмоциональный эффект на реципиента. Заимствования в данном случае являются средствами передачи экспрессивности и эмоциональной окраски.

Кроме того, особую роль играет и социально-психологический фактор. Некоторые наполняют свою речь и тексты заимствованиями, чтобы сделать их элитарными и отгородиться от «масс». [Дуличенко 1994: 321]

Заимствования в общественно-политическом дискурсе используются по вышеперечисленным причинам, однако есть и несколько дополнительных функций, которые могут выполнять заимствования в данном типе дискурса.

Использование заимствований, в частности англоязычных, характерно больше для молодого поколения. Наполнение текстов общественно-политического дискурса англоязычными заимствованиями делает их привлекательными для молодежи, таким образом использование заимствований позволяет «достучаться» до молодого поколения, если оно является целевой аудиторией определенного текста.

Кроме того, заимствования в общественно-политическом дискурсе нередко выполняют роль эвфемизмов, когда есть необходимость новым словом скрыть другое слово или выражение, неудобное для данной обстановки, звучащее грубо или непристойно или носящее негативную коннотацию.

Рассмотрим использование англоязычных заимствований для выполнения функций общественно-политического дискурса на конкретных примерах.

В общественно-политическом интернет-издании «Газета.ru» периодически встречаются англоязычные заимствования для достижения разных целей:

При этом никаких драйверов для роста в промышленно развитых странах не наблюдалось. [Трегубов 2022] Утверждать о том, что слово «драйвер» используется в силу языковой необходимости не приходится, поскольку в данном контексте у него есть эквиваленты в русском языке — стимул, фактор, мотив. Тем не менее, автор использует англоязычное заимствование, вероятно, с целью сделать свой текст более привлекательным для молодых слоев общества, тем самым распространить свое мнение на молодое поколение (генерирующая функция общественно-политического дискурса).

Только вот сам Китай, возможно, планирует присоединиться к этим переговорам в качестве отдельного актора, обладающего суверенными правами, а российская сторона настаивает на том, чтобы с основной американской стороны в процессе участвовали и другие страны – члены НАТО, обладающие ядерным потенциалом, в частности, Великобритания и Франция. [Мухин 2022] Аналогичным образом слово «актор» имеет контекстный эквивалент в русском языке — участник. В данном примере заимствование могло быть использовано с целью сделать текст более элитарным, выделиться среди множества публикаций, посвященных теме вооружения. Также можно сделать предположение об осуществлении манипулятивной функции за счет искажения образа референта в процессе обозначения действительности. За счет использования англоязычного заимствования размывается роль и значение Китая в переговорах.

Еще одно общественно-политическое интернет-издание, деловой еженедельник «Эксперт», также использует в своих публикациях англоязычные заимствования:

Из-за отказа ряда глобальных линий буксироваться в российских портах, российские компании вынуждены использовать транзитно-буферные страны. Это увеличивает сроки и стоимость доставки на 10-80%, в зависимости от направления. [Филатов 2022] Заимствованное слово «буксироваться» в данном контексте используется в значении бронирования грузовместимости судна. В данном случае имеет место языковая экономия — заимствованное слово, действительно, лаконичнее существующего аналога в русском языке. Также могла иметь место и элитарная прагматика использования данного заимствования.

Из зоны конфликта Украина начинает превращаться в площадку для торга (поиск компромисса). Западу необходима передышка, надо отфиксировать позиции (устроит даже линия по Днепру) и перегруппировать силы (пересобрать себя изнутри). [Крутаков 2022] Вместо англоязычного заимствования «отфиксировать» в данном примере мог быть использован эквивалент в русском языке — «укрепить» без потери смысла. Русскоязычный аналог «укрепить», однако, носит отчасти военную коннотацию, нежелательную для описания существующей ситуации. Таким образом использование англоязычного заимствования имело стабилизирующую функцию и позволило предупредить негативную реакцию со стороны читателей.

Германия — государство, получившее наибольшее количество бенефитов от распада Советского Союза. [Огородников 2022] Слово «бенефит» имеет ряд аналогов в русском языке: «выгода»,

«преимущество», «польза», поэтому можно утверждать об отсутствии языковой необходимости в его использовании. Тем не менее, автор прибегает к данному заимствованию для стимулирования генерирующей функции общественно-политического дискурса. В данной публикации автор пытается пошатнуть образ экономики Германии как чего-то стабильного и нерушимого. Использование слова «бенефит» размывает масштаб социально-политической и экономической выгоды, которую получила Германия после распада Советского союза.

Стоит отметить, что намного большее количество англоязычных заимствований встречается в публикациях в сфере маркетинга:

В компании решили, что такой простой и вирусный креатив оценит внешняя аудитория и запустили с ним промо — создатели агентства Ovi Digital соделали на базе трека продакши.

Референсом для нашего контента стала социальная реклама 2012 года Dumb Ways to Die австралийского железнодорожного оператора Metro Trains.

По сравнению с данным типом дискурса общественно-политический наполнен англоязычными заимствованиями в меньшей степени. Авторы с осторожностью используют англоязычные заимствования в своих текстах, поскольку в политической сфере это может вызвать негативный общественный резонанс в контексте напряженности в отношениях России и Запада.

Часто использование англоязычных заимствований вызвано языковой необходимостью, поскольку в русском языке нет лаконичного эквивалента. Однако языковая необходимость возникает не во всех случаях. На рассмотренных примерах можно сделать вывод, что наличие англоязычных заимствований в текстах общественно-политического дискурса стимулирует генерирующую, манипулятивную, стабилизирующую функции данного типа дискурса, а также позволяет привлечь более молодую аудиторию и отгородиться от «масс» (элитарная составляющая).

Литература

- Hausenblas K. On the Characterization and Classification of Discourses // Travaux linguistique de Prague, 1. L'ecole de Prague d'aujourd'hui. Prague: Édition de l'Académie tchécoslovaque des sciences. 1964. P. 67—84.
- Казюлина М.А. О месте политической терминологии в общественно-политической лексике // Журнал «Преподаватель XXI век». 2011. №3. С. 321-325.
- Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: Материалы научной конференции. М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 19-20
- Панина Т. Г. Общественно-политический дискурс как область функционирования аксиологического концепта VEDEUTUNG // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета. Красноярск: Изд-во Сиб ГАУ. 2006. № 6 (13). С. 344-346
- Романов А. Ю. Англицизмы и американизмы в русском языке и отношение к ним. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ. 2000. 152 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. М.: РГГУ. 1995. С. 35—73.
- Черноголовина Т. Г. Новейшие англицизмы в современном русском языке // Журнал «Молодой ученый». 2017. № 47 (181). С. 255-258.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Гнозис. 2004. 328 с.

Источники

- Как безопасники «Тинькофф» запустили образовательный мультсериал «Мошеники в огороде». URL: <https://www.sostav.ru/publication/tinkoff-53897.html> (дата обращения 05.09.2022)
- Крутаков Л. Вашингтонский консенсус-2.0. пазл распадается. URL: <https://expert.ru/2022/07/21/vashingtonskiy-konsensus-20-pazl-raspadayetsya/> (дата обращения 01.09.2022)
- Лингвистическая энциклопедия под ред. Арутюновой Н. Д. М., Советская энциклопедия, 1990.
- Мухин А. Подавать по мере готовности. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/15348656.shtml> (дата обращения 27.08.2022)
- Огородников Е., Экономическое чудо Германии закончилось на Украине. URL: <https://expert.ru/expert/2022/28/ekonomicheskoye-chudo-germanii-zakonchilos-na-ukraine/> (дата обращения 25.08.2022)
- «СберМаркет горяч, доставка вери мач»: сервис «Сбера» выпустил клип на трек сборщика заказов. URL: <https://www.sostav.ru/publication/sbermarket-goryach-54519.html> (дата обращения 14.09.2022)
- Трегубов В. «От ускоренной адаптации до идеального шторма». URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77960/15393385.shtml> (дата обращения 14.08.2022)
- Филатов В. Что нам стоит «Север-Юг» построить? URL: <https://expert.ru/2022/08/20/sever-yug/> (дата обращения 02.09.2022)
- Энциклопедический словарь под ред. А.А. Ивина. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337/ДИСКУРС (дата обращения: 19.04.2022)

References

- Chernogolovina T. G. Novejshie anglicizmy v sovremennom russkom yazyke (The latest anglicisms in the modern Russian language) // Zhurnal "Molodoy uchenyj". 2017. No. 47 (181). pp. 255-258.
- Hausenblas K. On the Characterization and Classification of Discourses // Travaux linguistique de Prague, 1. L'ecole de Prague d'aujourd'hui. Prague: Édition de l'académie tchécoslovaque des sciences. 1964. P. 67—84.
- Kazyulina M.A. O meste politicheskoy terminologii v obschestvenno-politicheskoy leksike (On the place of political terminology in socio-political vocabulary) // Zhurnal "Prepodavatel XXI vek". 2011. №3. P. 321-325.
- Kubryakova E. S., Alexandrova O. V. Vidy prostranstv teksta i diskursa (Types of spaces of text and discourse) // Kategorizatsiya mira: prostranstvo i vremya: materialy nauchnoj konferencii. M.: Dialog-MGU, 1997. P. 19-20
- Panina T. G. Obschestvenno politicheskij diskurs kak oblast funkcionirovaniya aksiologicheskogo koncepta BEDEUTUNG (Socio-political discourse as a field of functioning of the axiological concept BEDEUTUNG) // Vestnik sibirskogo gosudarstvennogo aehrokosmicheskogo universiteta. Krasnoyarsk: Sib GAU Publishing House. 2006. No. 6 (13). P. 344-346
- Romanov A. Yu. Anglicizmy i amerikanizmy v russkom yazyke i otnoshenie k nim (Anglicisms and Americanisms in the Russian language and attitude towards them). St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 2000. 152 p.
- Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa (Semiotics of political discourse). Volgograd: Gnosis. 2004. 328 p.
- Stepanov Yu.S. Alternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip prichinnosti (Alternative world. Discourse. Fact and principle of causality) // Yazyk i nauka konca 20 veka. Moscow: RGGU. 1995, P. 35-73.

Sources

- Encyclopedic dictionary by Ivin A.A.. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/337/ДИСКУРС (date 19.04.2022)
- Filatov V. Chto nam stoit sever yug postroit. URL: <https://expert.ru/2022/08/20/sever-yug/> (date 02.09.2022)
- Kak bezopasniki tinkoff zapustili obrazovatelnyj multiserial moshenniki v ogorode. URL: <https://www.sostav.ru/publication/tinkoff-53897.html> (date 05.09.2022)
- Krutakov L. Vashingtonskij konsensus-2.0 pazl raspadaetsya. URL: <https://expert.ru/2022/07/21/vashingtonskiy-konsensus-20-pazl-raspadayetsya/> (date 01.09.2022)
- Linguistic encyclopedia by Arutyunova N. D. Moscow, Sovetskaya entciklopediya, 1990.
- Muhin A. Podavat po mere gotovnosti. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/articles/15348656.shtml> (date 27.08.2022)
- Ogorodnikov E. Ehkonomicheskoe chudo germanii zakonchilos na Ukraine. URL: <https://expert.ru/expert/2022/28/ekonomicheskoye-chudo-germanii-zakonchilos-na-ukraine/> (date 25.08.2022)
- Sbermarket goryach dostavka veri mach servis sbera vypustil klip na trek sborshchika zakazov. URL: <https://www.sostav.ru/publication/sbermarket-goryach-54519.html> (date 14.09.2022)
- Tregubov V. Ot uskorennoj adaptatsii do idealnogo shtorma. URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77960/15393385.shtml> (date 14.08.2022)

Каменева В. А., Ермолаева Е. Н., Мичурина Е. С.
 Кемеровский государственный университет
 Кемерово, Российская Федерация

ТИПОЛОГИЯ ОШИБОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ У СТУДЕНТОВ С УРОВНЕМ В1

Вопросы переводческой эрратологии становятся наиболее актуальными во времена изменений подходов и принципов обучения переводу. В связи с тем, что в ряде университетов России студенты приступают к обучению переводу, когда их уровень владения языком еще находится на уровне В1, анализ типичных ошибок в начале курса обучения приобретает особую теоретико-практическую значимость и новизну. Цель статьи – выявить и описать типичные ошибки студентов при переводе научно-популярных англоязычных текстов о традиционных праздничных культурах разных стран, идентифицировать доминирующие ошибки. Основные методы работы: сопоставительный анализ переводов, метод логического моделирования, метод структурного анализа и метод лексико-семантического анализа. Материалом для исследования послужили 82 перевода 11 текстов на английском языке: переводы получены в ходе эксперимента, в котором приняли участие 15 студентов 2 курса обучения по направлению «Лингвистика» Кемеровского государственного университета. Типичные переводческие ошибки, допущенные студентами с уровнем В1: 1) некорректная трансляция прагматического потенциала текста оригинала; 2) буквализмы как на лексическом, так и на грамматико-синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: переводческие ошибки, эрратология, классификация переводческих ошибок, переводоведение, перевод, референциальная информация.

Kameneva V. A., Ermolaeva E. N., Michurina E. S.
 Kemerovo State University
 Kemerovo, Russian Federation

TIPOLOGY OF ERRORS IN B1 STUDENTS' TRANSLATIONS OF POPULAR SCIENTIFIC ENGLISH TEXTS

The issues of translation erratology become the most relevant in times of changing approaches and principles of teaching translation. As in a number of Russian universities students start learning translation when their level of language proficiency is still at the B1 level, the analysis of typical errors at the beginning of the translation studies course acquires special theoretical and practical significance and novelty. The article is aimed at identifying and describing typical mistakes B1 students make when translating popular scientific texts about traditional holiday cultures of different countries. The research methodology includes the comparative analysis of translations, the method of logical modeling, the method of structural analysis and the method of lexico-semantic analysis. The material for the study embraces 82 translations of 11 English texts: the translations were obtained during an experiment in which 15 2nd-year students of the Department of Linguistics of Kemerovo State University took part. Typical translation mistakes made by the B1 students are: 1) incorrect translation of the pragmatic potential of the original text; 2) literalisms at both lexical and grammar-syntactic levels.

Key words: translation errors, erratology, classification of translation errors, translation studies, translation, referential information.

Введение

Теоретико-практические вопросы эрратологии перевода как никогда актуальны и привлекают внимание исследователей как в России, так и за рубежом. В центре научного внимания оказываются не только ошибки перевода, но и осмысление их причин и поиск теоретико-практических путей их преодоления [Богуславская 2014; Дроздова, Горбунова 2018; Лебедева, Сальникова 2017; Лутцева 2014; Малёнова, Черкашина 2013; Тетерлева, Попова 2009; Шевнин 2005; Щелокова 2020; Яковлев 2010 и др.]. В научное поле эрратологии перевода включены не только лингвистические аспекты, приводящие к совершению тех или иных переводческих ошибок, но и социально-культурные и технологические причины, среди которых отмечают:

глобализацию и англоизацию всех информационных процессов;

глобальное снижение начитанности;

повсеместное снижение грамотности;

несовершенство теории перевода в общем и методологии эрратологии перевода в частности;

несовершенство технологий машинного перевода и мн. др.

Как справедливо указывает Е. М. Казанова, «придание эрратологии статуса самостоятельного методологического направления позволит серьезнее относиться к анализу ошибок студентов и аспирантов на всех этапах университетского и пост-университетского обучения» [Казанова 2014, с. 24].

Обзор научной литературы показывает, что работы по эрратологии перевода, сфокусированные на исследовании ошибок перевода, можно сгруппировать в три группы:

1. Исследования, направленные на уточнение базового понятия эрратологии перевода «ошибка» и отграничения его от схожих понятий. Под переводческой ошибкой предлагается понимать «результат сбоя в реализации переводческой стратегии» [Абдрахманова 2014, с. 7] или «нарушения адекватности и эквивалентности на разных уровнях, которые имеются в конкретном переводе, погруженном в поле коммуникативной ситуации» [Ивлева 2018, с. 15]. Кроме того, в ряде работ анализируются трактовки понятий «ошибка» и «переводческое несоответствие», «переводческое несоответствие», «переводческая неудача», «девиат», что способствует совершенствованию понятийно-терминологического аппарата переводоведения. Е. Д. Малёнова и Л. П. Черкашина разграничивают понятия «переводческая ошибка» и «переводческое несоответствие» и подчеркивают, что лексическое несоответствие не должно рассматриваться как переводческая ошибка [Малёнова, Черкашина 2013, с. 46]. М. Дебрэн предлагает обозначать переводческую ошибку термином «девиат», или «отклонение от нормы», и выделять «как преднамеренные, так и случайные отклонения от норм» [Дебрэн 2007, с. 19].
2. Работы, направленные на систематизацию и критический анализ существующих типологий переводческих ошибок с обязательной попыткой апробации одной из типологий на материале перевода из собственной практики. В таких исследованиях ученые не дают свою типологию, ограничиваясь соотнесением уже известных типологий, анализом их достоинств и недостатков, но ценным представляется экспликация того, какие ошибки типичны при устном или письменном переводе текстов различных стилей и тематической направленности [Болдырева 2014; Кокуюнова 2012; Мурзаков 2020].
3. Исследования с авторскими типологиями. Так, в работе Е. В. Тетерлевой и Ю. К. Поповой обобщены актуальные подходы к типологизации переводческих ошибок, а также дана своя типология. Исследователи выделили «содержательные, нормативно-языковые и нормативно-речевые ошибки, прагматические и лингвокультурные ошибки» [Тетерлева, Попова 2009, с. 70–71]. Гу Цзюньлинь и Хуан Чжунлинь предлагают выделять статические и динамические ошибки перевода. Под статическими исследователи понимают «ошибки в морфологии, семантике и прагматике», а к динамическим ошибкам перевода относят «неправильное понимание, неправильное превращение и неправильное выражение» [Цзюньлинь, Чжунлинь 2016, с. 26]. По их мнению, «первый тип ошибок относится к переводческому процессу, а второй – результату перевода» [Там же].

Обсуждение теоретических аспектов эрратологии перевода значимо при подготовке студентов и магистрантов всех направлений, но при этом уровень языковой подготовки играет немаловажную роль. Традиционно обучение переводу осуществляется, если обучаемые владеют языком на уровне не ниже B2, но в ряде университетов в учебную программу включены курсы перевода по второму иностранному языку. На практике у доминирующего количества студентов владение вторым иностранным языком еще находится на уровне B1, когда начинается курс обучения переводу. В этом случае особую значимость приобретает анализ типичных ошибок в начале курса обучения переводу.

Методы и материалы

С целью выявления типичных переводческих ошибок, совершаемых студентами с уровнем B1 владения английским языком, был проведен эксперимент, в котором приняли участие 15 студентов одной из групп 2 курса обучения по направлению «Лингвистика» Кемеровского государственного университета. Несмотря на то, что для студентов этого направления подготовки английский язык является вторым иностранным языком, в программе обучения предусмотрен практический курс перевода. В течение двух месяцев студенты выполняли письменные переводы научно-популярных англоязычных текстов о традиционных праздничных культурах разных стран. Для данной статьи были отобраны 11 текстов на английском языке и 82 перевода. При выполнении перевода разрешалось пользоваться словарями общей лексики. В начале эксперимента студенты получали задание прочитать минимум 10 статей на русском языке по общей тематике культуры празднования. Кроме того, перед выполнением каждого перевода обязательным было ознакомление студентов с детальной информацией о той праздничной традиции, о которой упоминалось в тексте, предлагаемом для перевода.

Анализ ошибок проводился с опорой на классификацию М. А. Куниловской, которая выделяет две основные группы переводческих ошибок, противопоставленных «по их отнесенности к плану содержания или выражения», а также в группе смысловых ошибок – «по степени серьезности дезинформирующего воздействия» на читателя [Куниловская 2013, с. 155]:

- 1) смысловые ошибки могут в дальнейшем быть классифицированы по типу измененной или переданной в тексте перевода информации: проблемы с трансляцией референциальной информации; неверная передача предикативной, прецизионной, структурно-логической и прагматической информации и т. п.;
- 2) языковые ошибки: лексические, морфологические, грамматические, пунктуационные и орфографические.

Результаты

Анализ переводческих ошибок, допущенных участниками экспериментальной группы при осуществлении перевода предложенных текстов лингвокультурологического характера, позволил нам выделить наиболее существенные и частотные их типы.

Смысловые ошибки, негативно влияющие на адекватное восприятие текста перевода реципиентом, концентрируются вокруг проблемы передачи референциальной и прецизионной информации, когда студенты демонстрируют неверное «видение» затекстовой действительности оригинала. Это один из сложных аспектов перевода текстов лингвокультурной тематики, поскольку требует от переводчика, помимо знания стратегий и приемов перевода, широкого кругозора и начитанности, что позволит ему максимально полно донести до реципиента все тонкости бытования культуры языка оригинала, ведь переводчика по праву считают главным «звеном» осуществления эффективной межкультурной коммуникации.

Яркие примеры переводческих ошибок такого плана – это незнание переводчиком культурных реалий страны, на языке которой предоставлен текст оригинала, что неизбежно приводит к ошибкам понимания текста перевода реципиентом вследствие отсутствия у последнего необходимых фоновых знаний. Компетентный переводчик обязан компенсировать недостающую информацию, применив соответствующие переводческие приемы и, таким образом, максимально уравнивать прагматический потенциал оригинала и перевода. Так, в тексте, посвященном празднованию 1 мая в Великобритании, предложение *“There are two special traditional dances you may see – morris dancing and the dance around the Maypole”* студенты перевели так: *«В праздничные дни можно увидеть два особых традиционных танца – танец Морриса и танец вокруг Майского дерева»*. Очевидно, что усредненный русскоязычный реципиент совершенно не поймет, что имеется в виду под так называемым «танцем Морриса». Более того, студенты изменили написание танца, использовав заглавную букву и отождествив танец с неким человеком с таким именем или фамилией. Прагматическая сила предложения оригинала утрачена практически целиком, ведь в переводе никак не отражен сам характер данного танца под названием «моррис» – это ритмичный народный танец с привязанными к ногам танцоров колокольчиками, что сразу же при адекватном переводе воспроизводит и атмосферу праздника. Прагматически полноценный перевод мог бы включать прием компенсации (пояснения) и одновременного опущения названия танца, которое само по себе ничего не говорит русскоязычному реципиенту – не «танец Морриса», а «ритмичный народный танец с колокольчиками». Или возможен другой вариант: с упоминанием названия танца с маленькой буквы (как и принято) и переводческого пояснения-комментария в скобках: *«...моррис (ритмичный народный танец с колокольчиками) и танец вокруг майского дерева»*.

Даже если студенты могут соотнести культурные реалии стран языка оригинала и языка перевода, зачастую в переводе они прибегают к буквальному переводу, а не к поиску адекватного эквивалента, понятного для реципиента. Например, в предложении из текста о праздновании Дня смеха *“Then, when they bend down to do them up, you shout, “April Fool!”* последнюю фразу почти все перевели как *“Апрельский дурак!”*, и лишь 2 переводчика постарались учесть прагматический план текста перевода и дали варианты *«С 1 апреля!»*, *«С Днем смеха!»* или *«Тебя разыграли!»*, что, безусловно, точнее семантически, стилистически и лингвокультурологически.

Наблюдаются ошибки и в трансляции предикативной информации в аспекте модальности текста. Так, в одном из предложенных на перевод текстов вводным предложением выступает следующее: *“In the UK, jokes and tricks can be played up until noon on 1 April”*. Основная ошибка при переводе предложения участниками эксперимента сводилась к тому, что они стремились перевести модальную структуру буквально: *«Шутки и розыгрыши в Великобритании можно разыгрывать до полудня 1 апреля»*; *«В Великобритании шутить и разыгрывать можно до полудня 1 апреля»* и т. п. Но в силу того, что речь идет о повторяющихся, общепринятых традициях празднования 1 апреля, адекватным и эквивалентным (хоть и на другом уровне) переводом являются варианты: *«В Великобритании шутить и разыгрывать принято до полудня 1 апреля»* или *«В Великобритании шутки и розыгрыши устраивают до полудня 1 апреля»*, которые дали лишь 2 студента из 15.

То же касается видо-временных и залоговых предикативных конструкций. Англоязычные тексты зачастую используют активный залог с неодушевленным подлежащим, как в примере *“The film showed a family in Switzerland collecting spaghetti from trees”*. В переводе же чаще звучит пассивная форма: *«В репортаже была показана семья из Швейцарии, собирающая спагетти с деревьев»*, что несколько утяжеляет и формализует его звучание, поэтому оптимальнее замена пассива на безличную форму во множественном числе: *«В фильме показали семью / рассказали о семье...»*.

Среди языковых ошибок лексического типа наиболее частотными оказались те, что обусловлены неправильным выбором переводческого соответствия в случае их множественности, а также связанным с этим стилистическим диссонансом. Например, к упомянутому выше предложению *"In the UK, jokes and tricks can be played up until noon on 1 April"* студентами предлагались такие варианты перевода: *«В Великобритании шутки и розыгрыши проводятся до полудня 1 апреля»* (некорректная сочетаемость слов «шутки» и «проводились»), *«В Великобритании шутки и розыгрыши шутки актуальны до первой половины дня»* («актуальность» шуток и розыгрышей меняет смысловую и стилистическую планы оригинала).

Предложенные студентами соответствия зачастую не вполне корректны и по принадлежности к разным регистрам речи: *"Most British people wouldn't fall for the spaghetti trick today"* (fall for – единица нейтрально-разговорного стиля) – в переводе студентов *«Большинство британцев сегодня не повелись бы на ловку со спагетти»* («не повелись» – сленговая окрашенная единица).

На грамматическом уровне переводческие ошибки, в основном, сводятся к использованию буквализмов для перевода некоторых структур (особенно включающих определители существительных, например неопределенное местоимение *some*): *"...Miracles of Evolution trailer, which appeared to show some special penguins that had regained the ability to fly"* – «...трейлер "Чудеса эволюции", в котором были показаны *некоторые особые пингины*, которые восстановили способность летать». В данном случае оптимальным для адекватного перевода является опущение слова *some*, поскольку следующее за ним *special* уже указывает на то, что это особый вид пингинов, или добавление слова «вид»: *«...показали особый вид пингинов...»*.

Если в тексте встречались полные названия компаний с пояснениями о роде их деятельности, а в дальнейшем они упоминались только по названию, то при переводе большая часть студентов некорректно согласовывала подлежащее и сказуемое в аспекте грамматического рода. Так, для контекста *"On April Fool's Day 1998, the American hamburger chain Burger King announced that it had created a left-handed hamburger. ...The following day, Burger King admitted that this advertisement had been a hoax, but said that thousands of customers had gone to restaurants across the USA asking for a left-handed burger"* предлагался такой перевод: *«...американская сеть закусочных Burger King объявила о создании гамбургера для левшей. ...На следующий день Burger King признал, что эта реклама была розыгрышем, но сказал, что тысячи клиентов заходили в закусочные по всей территории США и просили бургер для левшей»*.

Заключение

Объем статьи позволяет лишь обобщенно изложить наши выводы о специфике переводческих ошибок при переводе текстов лингвокультурологической тематики, каждый из выделенных аспектов заслуживает отдельного и более детального рассмотрения, но общие выводы дают возможность не только систематизировать типичные переводческие погрешности, но и определить пути их преодоления при обучении переводу студентов невысокого уровня владения иностранным языком.

Исследование показало, что большая часть переводческих ошибок, которые были допущены студентами с уровнем В1, сводится к двум аспектам:

- 1) на смысловом уровне это некорректная трансляция прагматического потенциала текста оригинала вследствие искажения или неполной передачи референциальной и прецизионной информации (что может быть объяснено неполной сформированностью на этом этапе изучения языка лингвокультурных и страноведческих знаний);
- 2) на языковом уровне это тенденция к использованию буквализмов как на лексическом, так и на грамматико-синтаксическом уровнях (это, вероятно, объясняется явлением интерференции, когда студенты стремятся отождествить структуры родного и иностранного языка, что с течением времени и повышением уровня владения иностранным языком в большинстве случаев нивелируется).

Необходимо акцентировать внимание обучающихся на том, что во избежание упомянутых ошибок в ходе переводческого процесса выбор ими переводческого соответствия должен базироваться на концепции не формальной, а функциональной эквивалентности. Такой подход вкупе с обязательностью освоения лингвокультурного знания о странах как языка оригинала, так и языка перевода представляется наиболее эффективным для подготовки современных специалистов в области перевода и межкультурной коммуникации.

Литература

- Абдрахманова О. Р. Роль переводческой ошибки в обучении переводу // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 6–9.
- Богуславская Е. Л. Методика анализа переводческих ошибок: логический аспект // Педагогическое образование в России. 2014. № 6. С. 17–20.
- Болдырева Л. В. Типология переводческих ошибок при переводе англоязычной проблемной статьи на русский язык // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 124–129.
- Добрин М. Межязыковая девиатология: ошибки порождения и понимания // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, № 1. С. 12–19.

- Дроздова И. В., Горбунова Т. В. Переводческие ошибки в сфере услуг: классификация, причины и способы их преодоления // Вестник молодежной науки. 2018. № 2 (14). URL: <http://vestnikmolnauki.ru/wp-content/uploads/2018/07/Drozhdova-214.pdf> (дата обращения: 28.08.2022).
- Ивлева А. Ю. Оценка качества профессионального и учебного перевода: проблемы и перспективы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 1. С. 8–18. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2018.1.1>
- Какзанова Е. М. Эрратология в переводе научного текста // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2014. № 10. С. 21–24.
- Кокунова Ю. В. Буквализмы в переводах художественных фильмов: причины и следствия // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. № 8. С. 24–28.
- Куниловская М. А. Классификация переводческих ошибок для создания разметки в учебном параллельном корпусе *Russian Learner translator Corpus* // *Lingua mobilis*. 2013. № 1 (40). С. 141–158.
- Лебедева А. А., Сальникова Е. В. О некоторых причинах возникновения переводческих ошибок // Ogarëv-Online. 2017. № 14 (103). URL: https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/07/lebedeva_salnikova_statya.pdf (дата обращения: 28.08.2022).
- Лутцева М. В. Роль эрратологии в формировании языковой компетенции студента экономиста // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2014. № 10. С. 25–29.
- Малёнова Е. Д., Черкашина Л. П. К вопросу о классификации переводческих ошибок // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2013. № 9. С. 45–47.
- Мурашов А. А. Типология основных ошибок начинающих технических переводчиков санглийского // Дискурс. 2020. Т. 6, № 3. С. 118–130. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-118-130>
- Тетерлева Е. В., Попова Ю. К. Типы переводческих ошибок // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2009. № 7. С. 64–71.
- Цзюньлин Г., Чжунлянь Х. Система классификации переводческих ошибок // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 3. С. 26–40.
- Шевнин А. Б. Эрратология: теория ошибок и переводческих несоответствий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 11 (51). С. 111–113.
- Щелокова А. А. Эрратология как общая теория ошибок // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 168–172.
- Яковлев А. А. Эрратология и перевод // Альманах современной науки и образования. 2010. № 4. С. 211–212.

References

- Abdrakhmanova O. R. Translator's mistakes role in translation and interpretation training // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. № 6 (335). P. 6–9. (In Russian).
- Boguslavskaya E. L. Methods of translation mistakes analysis based on logical principles // *Pedagogical Education in Russia*. 2014. № 6. P. 17–20. (In Russian).
- Boldyreva L. V. Typology of translation mistakes in the translation of a problem-oriented article from English into Russian // *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2014. № 5 (116). P. 124–129. (In Russian).
- Debrenn M. Mezhh'yazykovaya deviatologiya: oshibki porozhdeniya i ponimaniya [Interlingual deviatology: errors of generation and understanding] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhhul'turnaya kommunikaciya*. 2007. Vol. 5, № 1. P. 12–19.
- Drozhdova I. V., Gorbunova T. V. Translation mistakes of translation in service sector: classification, causes and solutions // *Vestnik molodezhnoj nauki*. 2018. № 2 (14). URL: <http://vestnikmolnauki.ru/wp-content/uploads/2018/07/Drozhdova-214.pdf> (date 28.08.2022). (In Russian).
- Ivleva A. Yu. Assessment of professional and academic translation quality: problems and perspectives // *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. 2018. № 1. P. 8–18. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2018.1.1> (In Russian).
- Kakzanova E. M. Erratology in translation of a science text // *Perevod i сопоставitel'naya lingvistika*. 2014. № 10. P. 21–24. (In Russian).
- Kokunova Yu. V. Literality in feature films translation: causes and consequences // *Perevod i сопоставitel'naya lingvistika*. 2012. № 8. P. 24–28. (In Russian).
- Kunilovskaya M. A. Classification of translation errors for marking of education in parallel body *Russian Learner Translator Corpus* // *Lingua mobilis*. 2013. № 1 (40). P. 141–158. (In Russian).
- Lebedeva A. A., Sal'nikova E. V. On some causes of translation mistakes // *Ogarëv-Online*. 2017. № 14 (103). URL: https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2017/07/lebedeva_salnikova_statya.pdf (date 28.08.2022). (In Russian).
- Luttsava M. V. Role of erratology in the development of economics student's language competence // *Perevod i сопоставitel'naya lingvistika*. 2014. № 10. P. 25–29. (In Russian).
- Malenova E. D., Cherkashina L. P. Issue of translation errors classification // *Perevod i сопоставitel'naya lingvistika*. 2013. № 9. P. 45–47. (In Russian).

- Murzakov A. A. Typology of main errors of novice technical translators (English/Russian) // *Discourse*. 2020. Vol. 6, № 3. P. 118–130. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-118-130> (In Russian).
- Teterleva E. V., Popova Yu. K. Tipy perevodcheskix oshibok [Types of translation errors] // *Problemy romanogermanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov*. 2009. № 7. P. 64–71.
- Jun-ling G., Zhong-lian H. Study into classifications of translation mistakes // *Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 2016. № 3. P. 26–40. (In Russian).
- Shevnin A. B. Erratologiya: teoriya oshibok i perevodcheskih nesootvetstvij [Erratology: the theory of errors and translation inconsistencies] // *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2005. № 11 (51). P. 111–113.
- Shhelokova A. A. Erratology as general theory of errors // *Socio-Psycholinguistic Research*. 2020. № 8. P. 168–172. (In Russian).
- Yakovlev A. A. E'rratologiya i perevod [Erratology and translation] // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 2010. № 4. P. 211–212.

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ

В данной статье рассматриваются игровые технологии как средство обучения китайскому языку с использованием современных возможностей образовательного процесса. Целью статьи является изучение особенностей игровых технологий и их влияние на процесс обучения. Среди задач можно выделить описание особенностей игровых технологий, их преимущества и недостатки, определение характеристик современных онлайн-ресурсов. В качестве вспомогательного средства предлагается использовать современные онлайн-ресурсы с целью закрепления нового материала, пройденного на занятии. Значительное внимание уделяется способам закрепления лексико-грамматического материала с использованием языковых игр (анализ их преимуществ и недостатков), процессу формирования частичной социальной компетенции у учеников посредством выполнения кооперативных (co-operative) игр. Также в статье исследуются характерные признаки изменения парадигмы использования языковых игр по степени взросления учащихся и уделяется внимание использованию интернет-ресурсов Wordwall, Learning Apps, Quizlet при закреплении лексико-грамматических навыков для повышения мотивации обучения китайскому языку. Результатами исследования являются выделенные способы применения игровых технологий на занятиях по китайскому языку и условия для их эффективного применения.

Ключевые слова: игровые технологии; цифровизация обучения; китайский язык как иностранный; методика преподавания иностранных языков; аспекты языка.

Karasyuk N. D.
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

APPLICATION OF GAMING TECHNOLOGIES FOR REINFORCING LEXICAL AND GRAMMATICAL SKILLS OF THE CHINESE LANGUAGE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF EDUCATION

The article examines gaming technologies as a means of teaching the Chinese language using modern ways of the educational process. The purpose of the article is to study the features of gaming technologies and their impact on the learning process. Among the tasks, one can single out a description of the features of gaming technologies, their advantages and disadvantages, and the determination of the characteristics of modern online resources. As an additional mean, it is proposed to use modern online resources in order to consolidate the new material covered in the lesson. The article discusses ways to consolidate lexical and grammatical material using language games (analysis of their advantages and disadvantages), the process of forming partial social competence among students through the implementation of cooperative (co-operative) games. Changes in the paradigm of the use of language games according to the degree of maturation of students will also be considered. Besides, attention is paid to the use of Internet resources like Wordwall, Learning Apps, Quizlet while consolidating lexical and grammatical skills to increase motivation for learning Chinese. The result of the study is the highlighted ways of using gaming technologies in the Chinese language classes and the conditions for their effective use.

Key words: gaming technologies; digitalization of education; Chinese as a foreign language; methods of teaching foreign languages; aspects of the language.

В 21-ом веке цифровизация образования стала неотъемлемой частью жизни. Цифровые гаджеты уже используются повсеместно во всех сферах жизнедеятельности человека. Современный ребенок с раннего возраста живет в цифровой среде, для которого основными источниками информации и развлечения являются телефоны, планшеты, смартфоны, персональные компьютеры. Дети легко общаются на интернет-пространстве, используют веб-сервисы для скачивания и установки новых компьютерных игр. Это позволяет активно внедрять привычные ученикам игровые технологии в образовательный процесс. В

данном докладе будут рассмотрены элементы геймификации, которые можно использовать в учебном процессе обучения китайскому языку, начиная с начального уровня.

Успехи современного Китая предопределили актуальность и необходимость знания китайского языка. Изучение китайского языка набирает популярность во всем мире. Поэтому, во многих школах России уже сейчас можно заметить, что часто вторым иностранным языком по выбору становится китайский. Голубева Т.И. отмечает, что «игровые технологии, используемые на уроках, позволяют более интенсивно и качественно проходить весь лексико-грамматический материал, за счет появляющихся у учащихся эмоций при решении той или иной задачи» [Голубева, 2004, с. 135]. Стоит отметить, что эмоции являются неотъемлемым и признанным фактом лучшего запоминания изучаемого материала. Интеграция цифровизации образования и игровых технологий позволяет добиться значимого результата при обучении любому предмету. Но китайский язык обладает своей спецификой, методики обучения у него имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при геймификации процесса.

В современном обществе сложилось убеждение, что интернет и гаджеты — средство развлечения, но не обучения. Цифровые продукты конкурируют за внимание пользователей, а их возможности не используются в процессе обучения. Кроме того, люди зачастую не знают: где в интернете найти полезную обучающую информацию; записаться на развивающие курсы и конкурсы, проводимые в стране; получить бесплатный цифровой сертификат на дополнительное образование.

Рассмотрим игровые технологии как средство обучения китайскому языку как второму иностранному с использованием современных возможностей образовательного процесса. Для проведения игровых мероприятий по усвоению, тренировке и закреплению нового материала возможно использовать интерактивную мультимедийную доску.

На первом этапе изучения лексического материала необходимо систематизировать и закрепить изученный материал. Васильева А.С. в своем труде описывала, что «в понятиях методики обучения иностранным языкам есть отдельная классификация, которая позволяет применить то или иное упражнение для формирования определенного навыка» [Васильева, 2016, с. 668]. Различные типы и виды упражнений возможно трансформировать в игровые формы. Таким образом, задания и учебные материалы в глазах учащихся покажутся интересными, новыми и будут привлекательны для них.

Важность языковых игр обуславливается простотой усвоения материала и его закрепления, активизацией учеников и стимуляцией познавательной деятельности, использованием эмоций для лучшего запоминания материала, снятием коммуникативного барьера, созданием ситуации успеха. Крайне важно также отметить тот факт, что игры снимают напряженность после тяжелой работы во время урока и позволяют создать благоприятную атмосферу в классе.

Для того, чтобы языковые игры помогли учащимся развиваться, пополнять и расширять словарный запас, преподаватель должен четко объяснять правила игр, давать инструкции и непосредственно регулировать процесс выполнения заданий. Прежде всего стоит отметить, лаконичность игр и четкость инструкций.

Игра не должна занимать основную часть занятия, она должна составлять небольшую часть на этапе «разогрева» или на завершающей части занятия в качестве закрепляющего новый материал упражнения.

Применяя языковые игры на уроках, учитель должен помнить следующее:

1. Выбор формы игры должен быть педагогически и дидактически обоснован. Учитель должен знать, с какой целью он проводит ту или иную игру.
2. В играх должны быть задействованы все учащиеся в классе.
3. Игры должны соответствовать возрасту и языковым возможностям учащихся.
4. Языковые игры должны служить развитию всех видов речевой деятельности.
5. Среди многих видов упражнений есть такие, которые являются предметом педагогических дискуссий: корректировочные упражнения. Упражнения, включающие в себя поиск ошибок, полезны тем, что они дарят радость открытиям и стимулируют активность учащихся.
6. Игры должны базироваться на изученном материале.
7. Игры должны применяться на уроке в меру, целесообразно и планомерно.

По мнению Леонтьева А.А., «мотивация, создаваемая игрой, должна быть представлена в учебном процессе на ряду с коммуникативной, познавательной и эстетической мотивацией» [Леонтьев, 2005, с. 119]. Игра всегда предполагает принятие решений - как поступить, что сказать, как выиграть. Это обостряет мыслительную деятельность учащихся. Именно в игре дети усваивают общественные функции, нормы поведения. Выготский Л.С. всегда говорил, что «игра ведет за собой развитие» [Выготский, 2017, с. 27]. Развивающее значение игры заложено в самой ее природе, ибо игра – это всегда хорошие эмоции, а там, где эмоции - там активность, там внимание и воображение, соответственно, там работает мышление.

Преимуществом использования игровых технологий, несомненно, будет активизация всех участников группы. В современных условиях можно использовать онлайн-ресурсы, позволяющие создавать различные сценарии игр с распределением ролей, с выдачей заданий и представлении прогресса учащимся. Заинтересованность учащихся позволяет повысить мотивацию обучения, предоставит условия сотрудничества с другими участниками группы и сформировать метапредметные навыки и умения.

Недостатком же использования языковых игр будет являться переизбыток эмоций и чрезмерная заинтересованность игровым процессом. Белкова М.М. в своем исследовании пишет, что «некоторые

учащиеся могут только и делать активизироваться на время игры и никак не концентрироваться на самом учебном процессе» [Белкова, 2009, с. 49]. Данная проблема решается наполнением содержания самой игры, так как при использовании нововведённого лексико-грамматического материала учащиеся будут вынуждены изучать и понимать изученный материал для возможности успешного прохождения игры.

Использование соревновательного элемента при проведении игр является неоднозначным фактором, который может как завлечь учащихся, так и оттолкнуть их. В данной ситуации необходимо обратить внимание на контингент группы, их психологические особенности. Соревновательный элемент в командных играх может подталкивать учащихся узнавать дополнительную информацию для достижения лучших результатов, поддерживает мотивацию для изучения китайского языка. Но, с другой стороны, такая система может негативно влиять на некоторых учеников в связи с их характером и отношением к жизни. Здесь преподавателю необходимо обратить внимание на молчаливых участников, необходимо найти способ заинтересовать и стимулировать их.

Говоря о соревновательном элементе, нельзя не упомянуть различные способы использования цифровых ресурсов. Например, интернет-ресурс Wordwall позволяет делать викторины с определенным количеством очков на время. Задания могут быть как командными, так и индивидуальными. Учащиеся по возможности могут выполнять задания на интерактивной доске, так и в своих собственных телефонах. Примером может служить выполнение задания абсолютно правильно, не используя подсказки, тогда будет набрано большое количество очков. В данном случае соревновательный элемент может вызвать азарт у учащихся и могут включиться эмоции, которые будут способствовать лучшему запоминанию материала. Важно преподавателю создать ситуацию успеха, чтобы учащиеся на последних местах не смогли почувствовать себя неполноценными и не захотели бы больше принимать участие в подобных активностях.

Wordwall позволяет проверять не только кто знает лучше и быстрее, но и служить средством проверки усвоения лексического материала и грамматических конструкций. Ниже представлены различные разновидности игр, которые хотелось бы разобрать отдельно.

Первой разновидностью, которую хотелось бы описать, является стандартная игра на соотнесение слов с их значением. Она называется «match up». Задача учеников состоит в правильном соотнесении значения и перевода. Можно также использовать беспереводный способ, то есть заменить слова на картинки. Таким образом, будут формироваться навыки соотнесения и актуализироваться или закрепляться лексический материал.

Далее есть режим карточек, здесь представлена стандартная работа учащихся с карточками, в игре присутствуют три опции, это переложить карточку, вернуть карточку на место и перемешать всю колоду. Вариативность игровых сценариев в данном случае ограничивается лишь фантазией преподавателя, поэтому карточки являются универсальным средством для лучшего запоминания материала. Таким образом, если ученику выпала карточка с пиньинем и переводом, его задачей может стать составление предложения с этим словом или же написание нужного иероглифа. В случае неправильного ответа предлагается три действия. Самая левая кнопка «shuffle» означает «перемешать», то есть перемешивается вся колода карточек, и ученику надо заново начинать называть все слова или составлять с ними предложения. Второе действие «undo» предлагает просто убрать карточку обратно в колоду и предложить другому учащемуся испытать себя, последнее действие «deal» предлагает перейти к следующей карточке и пометить предыдущую как уже пройденный материал.

Данные описания не ограничиваются количеством режимов, здесь хотелось упомянуть лишь основные моменты и активности, которые можно использовать на уроках китайского языка.

Одна из самых сложных игр – maze chase. Представляет собой уровень из игры «Пакмэн», где за желтым кругом бегают монстры и необходимо как можно быстрее добежать до правильного ответа, не попавшись монстру.

Таким образом, можно сделать вывод, что геймификация в образовательном процессе имеет большое количество преимуществ, среди которых можно выделить лучшее усвоение материала, благоприятный положительный фон, разнообразие форм и видов игровых заданий, а также повышение мотивации к изучению иностранного языка. Наличие геймификации на уроке позволяет снизить нагрузку с учеников с, позволить им полностью насладиться процессом обучения совместно с тем фактом, что геймификация позволяет усваивать материал более эффективно.

Литература

- Белкова М.М. Использование информационно-компьютерных технологий на уроках иностранного языка / Белкова М.М. // Английский язык в школе. 2009. №2. С. 48-52.
- Васильева А.С. Основные задачи современного школьного образования в контексте формирования и развития культуры информационного общества / Васильева, А. С. // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2016. №5. С. 667-671.
- Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Альманах Института коррекционной педагогики. 2017. № 28. С. 1-33.
- Голубева Т.И. Применение информационных технологий в обучении иностранному языку: Учебное пособие / Т.И. Голубева, С. О. Репина. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2004. 167 с.

Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, личность / А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Соколова. Москва: Смысл, 2005. 431 с.

References

- Belkova M.M. Ispol'zovaniye informatsionno-komp'yuternykh tekhnologiy na urokakh inostrannogo yazyka / Belkova M.M. // *Angliyskiy yazyk v shkole*. 2009. №2. P. 48-52.
- Vasil'yeva A.S. Osnovnyye zadachi sovremennoogo shkol'nogo obrazovaniya v kontekste formirovaniya i razvitiya kul'tury informatsionnogo obshchestva / Vasil'yeva, A. S. // *Molodoy uchenyy. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal*. 2016. №5. P. 667-671.
- Vygotskiy L.S. Igra i yeye rol' v psikhicheskom razvitii rebenka // *Al'manakh Instituta korektsionnoy pedagogiki*. 2017. № 28. P. 1-33.
- Golubeva T.I. Primeneniye informatsionnykh tekhnologiy v obuchenii inostrannomu yazyku: Uchebnoye posobiye / T.I. Golubeva, S. O. Repina. Orenburg: GOU OGU, 2004. 167 p.
- Leont'yev A.A. Deyatel'nost', soznaniye, lichnost' / A.A. Leont'yev, D.A. Leont'yev, Ye.Ye. Sokolova. Moskva: Smysl, 2005. 431 p.

Кашенкова И. С.
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
Москва, Российская Федерация

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ИНОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

Статья посвящена проблеме намеренного использования средствами массовой информации языковых единиц в качестве инструмента управления общественным сознанием. В современных условиях информационного загрязнения и медиапропаганды авторы иноязычных публикаций всё чаще прибегают к определённым искажениям содержания информации, оказывающим влияние на её когнитивное восприятие, поэтому вопрос изучения признаков речевого манипулирования в медиатексте представляется особенно актуальным. Методом семантико-синтаксического анализа было установлено, что речевые манипулятивные действия могут осуществляться в медиатексте различным способом, однако лексические средства их выражения составляют наиболее обширную группу, выявление и когнитивный анализ которой позволит снять значительные трудности при восприятии и переводе информации такого рода. В статье приводятся примеры лексических средств выражения речевого манипулирования. Целью данного исследования является повышение компетентности в сфере восприятия и оценки информации, а также основанных на ней заключений и действий получателей информации. Результатом данного исследования стал вывод автора о необходимости формирования у пользователей иноязычных медиа, в частности у студентов вузов, обучающихся по аспекту «общественно-политический перевод», определённых когнитивных инструментов для анализа воспринимаемой и переводимой информации, а также для воспрепятствования манипулирования своим сознанием медиатекстом.

Ключевые слова: медиатекст, речевое манипулирование, политические аффективы, эвфемизмы, метафора, перевод

Kashenkova I.
Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

LEXICAL MEANS OF SPEECH MANIPULATION IN TEXTS OF FOREIGN-LANGUAGE MEDIA

The article deals with the problem of the deliberate use of linguistic units by the media as a tool for controlling public consciousness. In modern conditions of information pollution and media propaganda the authors of foreign language publications more and more often resort to certain distortions of information content, affecting its cognitive perception, so the question of studying the signs of speech manipulation in the media text seems particularly relevant. The method of semantic-syntactic analysis revealed that speech manipulative actions can be carried out in a media text in different ways, but the lexical means of their expression constitute the most extensive group, the identification and cognitive analysis of which will help to remove significant difficulties in the perception and translation of this kind of information. The article provides examples of lexical means of speech manipulation. The aim of this study is to improve the competence to perceive and evaluate information and to make judgements and actions based on it of recipients of information. As a result of this study, the author has concluded that the users of foreign-language media, in particular university students studying social and political translation, need to develop certain cognitive tools to analyse the information they perceive and translate, and to prevent the manipulation of media texts with their own consciousness.

Keywords: media text, speech manipulation, political affects, euphemisms, metaphor, translation

По мнению российского политолога С. Г. Кара-Мурзы, термин «манипуляция» сам «есть метафора и употребляется в переносном смысле: ловкость рук в обращении с вещами перенесена на ловкое управление людьми <...> как с объектами, вещами» [Кара-Мурза, 2001: с. 15]. Наиболее действенным средством управления людьми выступает язык, ведь «внушаемость посредством слова – есть глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению» [Кара-Мурза, 2001:

с. 84]. Разновидностью языкового воздействия, цель которого заключается в «регуляции поведения другого человека, управлении его деятельностью» и является **речевое манипулирование** [Быкова, 2000: с. 42].

Речевое манипулирование средствами массовой информации стало неотъемлемой частью современного информационного общества. Получить чёткую, непредвзятую и неотредактированную информацию, не связанную с мнением какой-либо крупной организации или влиятельной корпорации, стало практически невозможно, поскольку радио, телевидение, интернет и прочие медиа навязывают реципиентам определённое восприятие информации. На фоне нынешнего идеологического противостояния России и коллективного Запада речевое манипулирование может приводить к неосозанным сбоям в коммуникации и угрозам национальной безопасности. Поэтому, в условиях практически отсутствующей системы наблюдений за результатом деятельности медиа и продуктивностью их воздействия на общественное сознание, считаем необходимым обеспечить формирование у пользователей иноязычных медиа, в частности у студентов вузов, обучающихся по аспекту «общественно-политической перевод», определённых когнитивных инструментов для анализа воспринимаемой и переводимой ими информации, а также для уменьшения манипулятивных возможностей медиатекста воздействовать на их сознание.

Речевое манипулирование выражается различными средствами (лексическими, грамматическими, стилистическими и проч.), в совокупности они образуют нечто вроде очков, через которые пользователь медиа воспринимает описываемые события и явления. В данном исследовании на материале немецкоязычных медиатекстов представлены наиболее употребимые лексические средства речевого манипулирования, среди которых эвфемизмы и метафоры, имперсонализация и универсальные обобщения, пресуппозиции и политические аффективы, «слова-ярлыки и слова-лозунги» [Кашенкова, 2020: с. 8].

Интересно, что все эти средства коррелируют с основными функциями СМИ, а именно информирующей, идеологической и рекреативной, поэтому неподготовленным пользователям СМИ часто бывает достаточно сложно осознать сам факт дезинформации или предоставления им лишь ограниченной информации. Как результат: им приходится делать выводы и принимать соответствующие решения только на основе этой ограниченной или необъективной информации, что, в конечном счёте, лишает их возможности принятия свободных и самостоятельных суждений и решений.

Например, **эвфемизмы** помогают вуалировать возникающие в обществе и в мире проблемные ситуации, подменяя определённые номинации словами или словосочетаниями с менее острым значением. Так, нарушая нормы международного права, в апреле 2022 года Турция вновь вторглась на территорию Северного Ирака, используя артиллерию, боевые самолеты и вертолеты. Однако, западные медиа предпочли не обострять ситуацию и не придавать особого значения захватываемым военным действиям, осуществляемым страной -членом НАТО на территории соседнего государства, отметив лишь «начало нового наступления» Турции против рабочей партии Курдистана: «*Türket beginnt neue Offensive gegen PKK im Nordirak*» (www.zeit.de, 18.04.2022).

Определённый эмоциональный настрой и мироощущение у аудитории создают **метафоры**, формируя у неё необходимую психологическую вовлечённость и аттракцию. Так,

намекая о «беспомощности» лидеров правительственной коалиции Германии и высказывая возмущение проводимой ими политикой, связанной с намерением ввести новый газовый сбор, и тем самым, вынудить многие мелкие предприятия (в том числе и любимые немцами пекарни) свернуть производство, немецкие СМИ пишут о так называемом вопросе совести, на который правительство Германии вынуждено дать честный ответ, то есть чётко обозначить свою позицию по данному вопросу: «*Die Brütchenfrage der Ampelregierung*» (www.sueddeutsche.de, 07.09.2022). Данный образ отсылает реципиента к трагедии Иоганна Вольфганга Гёте «Фауст», в которой Гретхен, задаёт Генриху Фаусту прямой вопрос по теме, имеющей для него неприятное или неоднозначное значение (*Gretchenfrage*).

Множественный или универсальный характер высказывания закрепляет в сознании аудитории определённые смысловые акценты, расставленные медиа по принципу **универсальных обобщений и имперсонализации**. Лексические единицы такого рода «имеют распылявчатый денотат» [1:51], но повышают возможности воздействия медиатекста за счёт создания у аудитории иллюзии идеологического единения и абсолютной солидарности мнений, и, таким образом, встраивая необходимую информацию в систему ценностей и мировоззрение аудитории. Так, комментируя указ президента РФ В. Путина об объявлении частичной мобилизации в стране, немецкоязычные СМИ пишут об осуждении данного решения «правительствами западных стран», закрепляя в сознании получателей данной информации оценочные штампы: «*Westliche Regierungen verurteilen russische Teilmobilmachung*» (www.spiegel.de, 21.09.2022). Они же считают, что данное решение может «всё» изменить, целенаправленно манипулируя сознанием и навязывая аудитории (своей и российской) выбор определённой гражданской позиции: «*Teilmobilmachung: Warum dieses Putin-Wort jetzt alles ändert*» (www.focus.de, 21.09.2022).

Создание **пресуппозиций** является, на наш взгляд, одним из самых распространённых способов речевого манипулирования на уровне лексики. Подача первичной информации не в качестве требующего критического осмысления нового знания, но в качестве заранее известного и воспринимаемого как должное компонента сообщения, внедряет в сознание реципиента нужную информацию, направляет ход его мысли и даёт аудитории установку на интерпретацию ситуации под определённым идеологическим углом зрения. Так, комментируя представление в здании Рейхстага в Берлине восковой фигуры канцлера Германии Олафа Шольца, предназначенной для местного музея восковых фигур мадам Тюссо, немецкие медиа отмечают

«неподвижность» фигуры, намекая на бездействие и пассивность самого канцлера: *«Regloser Bundeskanzler: Olaf-Scholz-Figur vor dem Reichstag enthüllt»* (www.spiegel.de, 07.09.22). А, пытаясь убедить аудиторию в неискренности, и тем самым, в отсутствии угрозы для западных стран партнёрских отношений между Россией и Китаем, немецкие медиа называют Россию лишь «кажущимся» гигантом, которого председатель КНР использует везде, где тот ему полезен: *«Der russische Scheinriese: Chinas Präsident benutzt Putin, wo immer er ihm nützlich ist»* (www.tagesspiegel.de, 04.02.2022).

В последнее время влияние на нравственные устои в обществе происходит за счёт использования **политических аффективов**, а также **«слов-ярлыков и слов-лозунгов»**. Их особенность заключается в использовании так называемой техники «двойных стандартов». С помощью устойчивых идеологических речевых клише и поляризации лексических единиц по принципу «свои» и «чужие» даётся достаточно резкая эмоциональная оценка всему политическому контексту. Очевидно, что для «чужих», то есть для политических оппонентов, выбираются слова с отрицательной (скрытой или явной) коннотацией, которые, часто опираясь на абстрактный или неопределённый смысл сообщения, программируют в общественном сознании конкретные эмоционально-оценочные заключения и навязывают реципиенту однозначные, зачастую неверные оценки. Так, например, разъясняя населению отказ правительства Германии от российских поставок газа, немецкие СМИ пишут о том, что Россия может использовать энергию как оружие шантажа стран Запада: *«Wirtschaftsminister Habeck: «Energie als Waffe gegen uns»* (www.tagesschau.de, 22.06.22) Или, комментируя выступление президента РФ В. Путина на Восточном экономическом форуме в сентябре текущего года и его намерение пересмотреть условия соглашения об экспорте зерна из Украины, немецкие медиа создают определённый психологический фон, используя такие ключевые лексемы, как «пропагандистская речь», «угроза расторжения сделки»: *«Propaganda-Rede auf Wirtschaftsforum: Putin droht mit Ende des Getreideabkommens»* (www.spiegel.de, 07.09.2022).

Таким образом, можно констатировать, что речевое манипулирование медиатекстом не просто означает получение какой-либо информации под заданным идеологическим углом. Оно может закреплять в сознании аудитории чужую идеологию и способствовать появлению идейной общности получателя информации и его идеологического оппонента. Присваивая или встраивая в своё сознание неверную, неполную или недостоверную информацию, пользователи иноязычных медиа, в частности студенты вузов, обучающиеся по аспекту «общественно-политический перевод», рискуют разрушить основные защитные барьеры, препятствующие искажению когнитивного восприятия информации. Формируя у студентов навыки когнитивного анализа воспринимаемой информации и выявления лексических средств речевого манипулирования, можно способствовать развитию компетентности в сфере мобилизации их собственных суждений, а также повышению у них переводческой осознанности и ответственности.

Литература

- Быкова О. Н. Опыт классификации приёмов речевого манипулирования в текстах СМИ // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. 2000. № 1(9). С. 42–53.
Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
Кашенкова И. С. Специфика современной политической коммуникации в Германии: борьба за лексику / И. С. Кашенкова, Р. Ю. Кашенков // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1(21). С. 5-11.

References

- Bykova O.N. (2000) Opyt klassifikacii priyomov rechevogo manipulirovaniya v tekstax SMI (Experience of classification of speech manipulation techniques in mass media texts) // Rechevoe obshhenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj associacii. № 1(9), pp. 42–53. (in Russian).
Kara-Murza S.G. (2001) Manipulyaciya soznaniem (Manipulation of consciousness). M.: E'KSMO-Press. (in Russian).
Kashenkova, I. S. (2020) Specifika sovremennoj politicheskoj kommunikacii v Germanii: bor'ba za leksiku (The specifics of modern political communication in Germany: the struggle for vocabulary) / I. S. Kashenkova, R. YU. Kashenkov // Filologicheskie nauki v MGIMO. № 1(21), pp. 5-11. (in Russian).

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РОМАНА МАРГАРЕТ ДРЭББЛ «ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД»

Предметом исследования послужила авторская трактовка образа Британии, одного из центральных, в романе «Ледниковый период» (1977), принадлежащего перу современной британкой писательницы, литературоведа и публициста Маргарет Дрэббл (род. в 1939). Текст этого романа интерпретируется с помощью актуальных методов гендерного, мотивного, дискурсивного, а также сравнительно-сопоставительного анализа. С точки зрения жанрового своеобразия, «Ледниковый период» представляет собой роман социальный и повествует о британском обществе первой половины 1970-х гг.. Для Дрэббл характерен пессимистический взгляд на судьбу Британии: экономический кризис, пришедший на смену буму 1960-х, гибель людей в результате терактов ИРА. Многочисленные персонажи страдают от ощущения тревоги и уныния в Британии, символической атмосферы ледяного холода. Личные трагедии индивидуальных персонажей создают ощущение национальной депрессии. Заголовок представляет собой метафору экономического и социального застоя, обреченности старой культуры некогда великой и могущественной нации, которую славят Дж.Милтон и У.Вордсворт в эпитафиях к роману. Образ Британии рассматривается также с точки зрения его гендерной атрибуции, рассматривается его соотношение с мужским и женским началом, равноценно представленным в романе и тщательно проработанном. Особенность наррации романа заключается в постоянном чередовании точек зрения персонажей разных гендеров на одни и те же события. Применение гендерного подхода к тексту романа выявляет особенности его топики и системы мужских и женских символов, связанных с концептом «Британия». Делается вывод о том, что будущее Британии соотносится автором с молодым поколением персонажей. Апокалиптическому зачину противопоставлен мотив обновления в финале.

Ключевые слова: М.Дрэбл, «Ледниковый период», образ Британии, мужское и женское начало, проблема гендерной атрибуции, британскость и английскость

Klimovskaia A. Ia.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

MARGARET DRABBLE'S "THE ICE AGE" IN THE ASPECT OF CULTURAL STUDIES

The paper focuses on the image of Britain, one of the central in M.Drabble's "The Ice Age" (1977). Born in 1939 she is a leading British novelist, literary scholar and publicist. Methods of popular gender, motif, discourse and comparative analyses are applied to Drabble's text. The genre of "The Ice Age" is attributed to a social novel, which focuses on the British society of the mid 1970s. Following "The Realms of Gold" (1975) the novel by the name tells its own story. Drabble is pessimistic about Britain: the economic crisis after the boom of the 1960s and deaths of people from IRA attacks. A wide range of characters suffers from anxiety and depression, the symbolic atmosphere of icy cold. Personal tragedies of individual characters contribute to the national depression. The title of the novel contains the metaphor of the socio-economic stagnation and decay of the old culture of a formerly powerful nation which is glorified by J.Milton and W.Wordsworth in the novel's epigraphs. The problem of gender attribution of the image of Britain is also tackled, as well as its correlation with maleness and femaleness equally represented and thoroughly-developed in the novel. The narrative technique of this novel is characterized by the coexistence of the views of the characters of different genders. The gender approach applied here studies the peculiarities of the novel's symbols correlating with the concept of "Britain". It is concluded that the future of Britain is associated with a new generation. Apocalyptic beginning of the novel is confronted with the motif of renewal at its end.

Keywords: M.Drabble, "The Ice Age", the image of Britain, masculinity and femininity, issue of gender attribution, Britishness and Englishness

В статье рассматривается реализация образа Британии, одного из центральных, в романе «Ледниковый период» (1977) Маргарет Дрэббл (род. в 1939). Восьмой роман современной британской писательницы, литературоведа и публициста относится ко второму периоду ее творчества, который

характеризуется «ростом интереса к проблемам не только отдельно взятого человека, но и всего английского общества 1973-75-х гг.» [Филимонова, 2009, с. 5], «отходом от изображения личности в пользу общества» [Hannay, 1986, с. 12]. С точки зрения жанрового своеобразия наблюдается эволюция от романа воспитания к социальному роману, ориентированному на судьбу общества в целом (дань уважения ее любимой Дж.Элиот). Отметим, что Дрэббл была воспитана на «либеральных, левых идеях» [Александров, 2010, с. 120] и остается им верна. В интервью она признавалась, что идея этого романа была навеяна чтением газет тех лет [Scholes, 2019].

Анализом образа Британии в «Ледниковом периоде» детально занималась английский литературный критик Л.Шоулз, символике романа посвящена книга О.Кеньон, с точки зрения жанрового своеобразия рассматривала роман Т.В.Филимонова и с точки зрения проблематики – И.Левидова. К гендерному аспекту образа Британии мы обращаемся здесь впервые.

Вышедший вслед за «Златыми мирами» (“The Realms of Gold”, 1975) с его оптимистичным настроем, «Ледниковый период» своим названием говорит сам за себя. В начале романа возникает чувство обреченности некогда великой и могущественной нации. Роман открывается «говорящей» немаркированной аллюзией – «Это ужасное время, в которое мы живем» (Ее источником служит «Повесть о двух городах» Ч.Диккенса, который описывает тяжелые времена в истории дореволюционного Парижа и Лондона). Отсылку к ней делает Кити Фридман, подруга главного героя, лишившаяся ноги, а также собственного мужа в результате взрыва бомбы ирландских террористов. Этот несчастный случай оказывается звеном в череде многих трагедий. «Прошедший год был настолько полон несчастных случаев, что они стали казаться почти обыденными» [Drabble, 1977, с. 12. Здесь и далее перевод наш – А.К.], – размышляет главный мужской персонаж Энтони Китинг. Сам он, погряз в долгах после краха успешной карьеры в сфере недвижимости и едва не погиб в тридцать восемь лет в результате сердечного приступа, а его друг и компаньон Лен отбывает четырехлетний срок в тюрьме за мошенничество.

Британия первой половины семидесятых, о которой повествует Дрэббл, стала свидетелем экономического кризиса, пришедшего на смену буму 1960-х, финансовой депрессии, забастовок горняков. Снова, как и в годы войны, возникла необходимость затянуть пояса, ведь декларируемое общество всеобщего благосостояния оказалось неспособным оказать помощь своим гражданам. Второстепенный персонаж романа сетует также на засилье афроамериканцев и арабов. Молодые герои, включая новорожденных, страдают от наркозависимости. Ситуация кризиса усугубляется тем, что приходит на смену веселым и процветающим 60-м, эпохе легких денег и впечатляющих барышей. История Британии, которая развивается на глазах Дрэббл, дается через частную, а семья становится метафорой общества в целом. Все персонажи переживают кризисы, как сомнамбулы бредут по жизни, не находя личного счастья. Личные трагедии индивидуальных персонажей усугубляются общим состоянием нации и создают ощущение национальной депрессии, «ощущения тревоги, паники и уныния» [Drabble, 1977, с. 13], о которых свидетельствует Энтони: «... над страной депрессия застилалась подобно туману... Во всей нации семьи, прослушав новости, смотрели друг на друга и говорили “Боже мой” или “Что же дальше?” или “Я умываю руки”... По всей стране люди обвиняли других людей за все, что шло не так... Никто не знал, кто именно повинен во всем этом, но большинству людей удавалось найти объект для многочисленных жалоб» [Drabble, 1977, с. 64-65]. «Огромный ледяной кулак с длинными холодными пальцами сжимал и замораживал народ Британии, ту великую и могущественную нацию, замедляя ток их крови, приводя их к неподвижности, фиксируя их в состоянии спячки, подобно рыбе в замерзшей реке...» [Drabble, 1977, с. 65]. По словам Энтони, страна, переживает метаморфозу, летаргический сон самосозерцания и накапливает силы. Название романа служит метафорой экономического и социального застоя Британии, гибели старой культуры.

Особенность наррации этого романа – «постоянное чередование точек зрения персонажей разных гендеров на одни и те же события, параллельное, а не последовательное развитие событий» [Климовская, 2016, с. 58]. Писательница использует этот нарратологический прием, чтобы передать ощущение одиночества и разобщенности британцев. С другой стороны, в романе впервые равноценно представлены мужское и женское начала, которые выведены в оппозиции.

Любовница Энтони, Алисон, по возвращении в Лондон из восточно-европейской страны, где ее старшая дочь оказывается в тюрьме, воспринимает город свежим взглядом как очень пугающий, очень шумный, очень грязный, усиливая негативное впечатление повтором. Геронья обвиняет застройщиков за порчу облика всей страны, за неудобную планировку городов: в родном Нортэме (перестроенном по проекту Лена) она оказывается в ловушке: не может от вокзала добраться ни до магазинов, ни к чудом сохранившейся церкви, окруженной автодорогами. Мужская философия, по горькому заключению самого автора, «выливается в планы городской перепланировки, где здания важнее людей, где войны ведутся ради идеалов и принципов» [Rose, 1980, с. 122]. Алисон поражает «бездушное и безжалостное наступление на природу» [Климовская, 2016, с. 61]. Урбанистический пейзаж, созданный Дрэббл, проникнут унынием. Один из самых драматичных символов романа – умирающая собака с ободранной до костей боком, которой некуда идти, но она решительно настроена пересечь четырехполосную автостраду. Автор декларирует сходство между собакой и героиней, оказавшейся не у дел во враждебной среде. Таким образом, Дрэббл в этом романе отражает пагубное превосходство культуры, которая традиционно связывается с мужским началом, над природой, ведущее к катастрофе.

В контексте затронутой темы интересным представляется вопрос о гендерной атрибуции образа Британии. В английском языке страны традиционно рассматриваются как существительные женского рода. Согласно исследованию голландского антрополога Г.Хофстеде, в котором категории «феминность» и «маскулинность» используются в отношении стран [См.: Кон, 2001, с.589], Великобритания рассматривается как маскулинная страна, ибо господствующими ценностями в обществе провозглашаются материальный успех и прогресс. Ценность «маскулинных» качеств особенно повышается в период политических кризисов.

Алисон в своих рассуждениях о том, как другие страны ополчились против ее родины в последнее время, сравнивает ее с «безопасной, потрепанной, облезлой старой львицей» [Drabble, 1977, с. 96] и использует местоимение женского рода – «любой мог подергать ее (*her*) за хвост» [Drabble, 1977, с. 96, курсив наш]. В последующих размышлениях о прошлом и настоящем своей страны Алисон применяет местоимение среднего рода, лишая ее гендерной атрибуции: «... нация, некогда столь процветающая, столь высокомерная, столь мощная империя, в пределах которой никогда не заходило солнце. Лишенная власти, узавленная, гневная, бессильная, старая страна, роптала, протестовала и позволяла над собой (*itself*) насмехаться» [Drabble, 1977, с. 96-97, курсив наш]. Она использует в адрес Англии следующие многочисленные эпитеты: «соскальзывающая все ниже и ниже, потрепанная, грязная, ленивая, неумелая, опасная, в ее (*its*) предсмертных судорогах, измотанная, пришедшая в негодность, лишь временами пытающаяся дать отпор» [Drabble, 1977, с. 97, курсив наш]. В подобной трактовке Л.Шоулз усматривает поразительное соответствие с сегодняшней Великобританией [Scholes, 2019].

Мужские персонажи (Лен и Энтони, соответственно) в размышлениях используют этот же прием гендерной нейтрализации: «Англия. Что с ней (*it*) случилось? Потертая, ленивая, без амбиций, временами самодовольная» [Drabble, 1977, с. 55, курсив наш]; «Дряхлая Британия, изгоняющая своих (*its*) призраков. Или предприимчивая Британия» [Drabble, 1977, с. 209, курсив наш]. Характерно, что мужской дискурс оказывается более лаконичным, в то время как Алисон создает более разностороннее описание, богатое на эпитеты.

В отношении своей родины персонажи обоих гендеров используют и термин «Британия» (Энтони [65], [209]) и «Англия» (Алисон [96, 97], Энтони [13], повествователь [297]). Разделению двух понятий посвящено эссе Дж.Фаулза «Бьет англичанином, а не британцем» (1964). Термин «Британия» ассоциируется с «военной мощью и нездоровым патриотизмом британцев», «высокомерным превосходством» [Скороходько, 2018, с. 95], урбанистическим пейзажем. «Английскость», как черта национального характера, по Фаулзу, выражается в «увлеченности идеей справедливости», «стремлением к свободе», и в тоже время проявляется в роли «отстраненного наблюдателя» [Скороходько, 2018, с. 92]. Обосновавшись в живописном трехсотлетнем загородном доме Хай Рук, Энтони снимает с себя ответственность за новый безликий образ Лондона, причиной которого стали подобные ему застройщики. В этом «желании убежать из промышленного, бурлящего мегаполиса в уютную, цветущую английскую деревню» можно усмотреть актуализацию мотива «английскости» [Скороходько, 2018, с. 95]. Проанализировав качества, которые акцентируют Энтони и Алисон в прошлом и настоящем национальной идентичности их страны, мы делаем вывод о том, что она утрачивает признаки «британскости» (величие, мощь, высокомерие) и обретает черты дряхлеющего существа, ленивого и потрепанного.

Нынешняя беспросветность Англии связывается с судьбой Алисон. Роман оказывается «самым мрачным в отношении женской доли» [Климовская, 2016, с. 61] в мире, созданном по мужским законам. Ради выполнения долга матери ребенка с ДЦП Алисон в тридцать лет жертвует свободой, старшей дочерью и личным счастьем. Дрэбл «очень правдиво и эмоционально передает беспомощность» Алисон в ее попытке разорваться «между несовместимыми чувствами и обязанностями» [Левидова, 1979, с. 266]. Мужские концепты – религия и философия – не способны принести ей утешения. «Алисон не может ни жить, ни умереть. <...> Англия возродится, но не Алисон Мюррэй», [Drabble, 1977, с. 297] – резюмирует автор.

По ходу действия романа читатель встречает много образов птиц. Являющиеся частью природы, они представляют собой, по мысли О.Кеньон, «женские символы в романе» [Kenyon, 1988, с. 96]. Роману предпосланы два эпиграфа: из трактата Дж.Мильтона «Ареопагитика» (1644) и стихотворения Вордсворта, обращенного к Мильтону (1802). В первом звучит страстное обращение Мильтона к благородной и могущественной английской нации, которая ассоциируется с пробуждающимся ото сна и сбрасывающим крепкие оковы сильным человеком и молодой орлицей с горящим взглядом. Во втором выстраивается образ надежды, говорится о том, что Мильтон снова нужен эгоистичной Англии, чтобы дать ей представление о манерах, добродетели, свободе, мощи. Сам роман начинается с гибели фазана, свидетелем которой становится Энтони. Избежав подобной печальной участи, главный персонаж испытывает сочувствие к птице. В тюрьме осужденному на шесть лет за шпионаж Энтони, который вновь открывает для себя значение природы, является дятел. Маленькая птичка, по мысли О.Кеньон символизирует трепещущий человеческий дух [Kenyon, 1988, с. 96]. Место погибшего фазана из зачина занимает живой дятел, воспринимаемый Энтони, как посланник Бога, символ свободы, надежды и обещания жизни, олицетворением которого служит и орлица из эпиграфа Мильтона. В тюрьме Энтони обретает веру в Бога, которой не принял в юности, достигает самопознания, получает возможность возрождения. Однако, вопрос о том, как возрождение Энтони связано с судьбой Англии, остается открытым. Этот персонаж размышляет о

соотнесении личного счастья с общественным. В дни своего процветания Энтони становится человеком действия, делает деньги, воспринимает личные и общественные проблемы страны как мотивацию к действию, считает, что шагает в ногу со временем. Воспитанный в семье директора церковной школы, где выступали против культа денег, он бросает вызов своим тихим предкам: фермерам, школьным учителям, священникам, врачам; вежливым, высоколобым, пребывавшим в бездействии, которые, по его словам, «уничтожили страну, подорвали инициативу, разрушили экономику» [Drabble, 1977, с. 36]. В финале главный герой воспринимает себя анахронизмом, частью ушедшего мира, «воспитанным в лоне собора, построенным в честь веры, которую он когда-то хотел разделить, воспитанный на идеалах служения обществу, которым когда-то хотел заниматься, дитя потерянной империи». Его поколение, несмотря на все перемены, не создало оригинального стиля. Их декларируемая созидательная энергия оказала деструктивное влияние на социум, игнорируя потребности и чувства людей.

Несмотря на мрачную атмосферу романа и ощущение катастрофы, Дрэббл заканчивает мотивом обновления Британии, надежды на которое связаны с молодым поколением персонажей: Джейн, старшую дочь Алисон, спасает любовь Энтони, который по-отцовски тепло относится к ней, ледяной холод сестринского отчуждения между Алисон и Розмари ломается младшим поколением Джейн и Молли. «Апокалиптическому зачуну противопоставлен мотив обновления в финале» [Hannay, 1986, с. 81].

Подводя итоги, отметим, что Дрэббл создает оригинальную авторскую трактовку образа родной ей Британии. Развивая национальные традиции Э.Троллопа, писательница создает своеобразную «хронику» современной ей Британии, точный портрет эпохи. Образ Британии рассматривается ею на уровне проблематики, как неотъемлемая часть системы символов, а также в гендерном аспекте. Дрэббл создает масштабную и глубинную картину. Образ Британии не персонифицируется автором, он связывается с животным началом и гендерно-нейтрален. Название романа служит метафорой экономического и социального застоя Британии, гибели старой культуры. Для английской литературы того времени подобное свидетельство было беспрецедентным. Среди современниц Дрэббл сходное впечатление от Британии характерно для Б.Пим (1913–1980) в ее романах «Осенний квартал» (1979) и «Несколько зеленых листьев» (1980). Подобие в трактовке образа Британии можно усмотреть в мысли о ее закате, унылом по настрою урбанистическом пейзаже, атмосфере ледяного холода, который испытывают персонажи. Тем не менее, Дрэббл возлагает надежды на будущее Британии, которому посвящены два последующих романа «Светлый путь» (1987) и «Естественное любопытство» (1989).

Литература

- Александров Н. Д. Тет-а-тет. Беседы с европейскими писателями. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2010.
- Климовская А. Я. Мужское и женское начало в романе М. Дрэббл «Ледниковый период» // Сборник статей по материалам VIII научно-методической конференции «Англистика XXI века», посвященной памяти профессора С. В. Воронина. СПб.: Универс. Образовательн. Округа, 2016. С.58–62.
- Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч.1: Хрестоматия / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алтейя, 2001. С.562–605.
- Левидова И. Картина для рамы // Иностранная литература. 1979. №3. С.264–266.
- Скорыходко Ю. С. Неовикторианский роман младшего поколения: Поэтика и жанровые разновидности. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018.
- Филимонова Т. В. Проблемы интеллектуальной и нравственной свободы в творчестве М. Дрэббл 1960-х гг.: автореф. дис. ...канд. филол. наук. СПб., 2009.
- Bokat N. S. The Novels of Margaret Drabble: this Freudian family nexus. N.Y.: Peter Lang, 1998.
- Gullette M. Safe at Last in the Middle Years. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988.
- Hannay J. The Intertextuality of Fate. A Study of M.Drabble. Columbia: U-ty of Missouri Press, 1986.
- Kenyon O. Women Novelists Today. A Survey of English Writing in the Seventies and Eighties. Brighton, 1988.
- Rose E. C. The Novels of Margaret Drabble: Equivocal Figures. London: Macmillan, 1980.
- Scholes L. Re-Covered: Margaret Drabble's 1977 Brexit novel. URL: <http://medium.com/parisreviewblog/recovered-margaret-drabbles-1977-brexit-novel-7d59b138c49c> (дата обращения: 18.09.2022)

References

- Aleksandrov N. D. Tet-a-Tet. Besedy s evropejskimi pisatelyami (Tet-a-tet. Conversations with European Writers). M.: B.S.G.-Press, 2010.
- Klimovskaya A. Ya. Muzhskoe i zhenskoe nachalo v romane M. Drebbel "Lednikovyj period" (Maleness and Femaleness in M. Drabble's Novel "The Ice Age") // Sbornik statej po materialam VIII nauchno-metodicheskoj konferencii "Anglistika XXI veka", posvyashchyonnoj pamjati professora S. V. Voronina. SPb.: Univer. Educat. Regions, 2016. C.58–62.
- Kon I. S. Muzhskie issledovaniya: menyayushchiesya muzhchiny v menyayushchiemysya mire (Men Studies: Changing Men in Changing World) // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' I: Hrestomatiya. / Pod. Red. I. A. Zhrebkinoj. Kharkov: HCB1, SPb.: Alteia, 2001. C.562–605. (In Russian).

- Filimonova T. V. Problemy intellectual'noj i npravstvennoj svobody v tvorcestve M. Drebbi 1960-h gg (Problems of Intellectual and Moral freedom in the works of M. Drabble of 1960s) : avtoreferat dis. Kandidata filologicheskikh nauk: SPb, 2009. (In Russian).
- Levidova I. Kartina dlya ramy (A Picture for a Frame) // Foreign Literature. 1979. №3. С.264–266. (In Russian).
- Skorohod'ko Yu. S. Neovictorianskiy roman mladshogo pokoleniya: poetika i zhanrovye raznovidnosti (Neo-Victorian Novel of a Younger Generation: Poetics and Genre Forms). M.: FLINTA: Nauka, 2018.
- Bokat N. S. The Novels of Margaret Drabble: this Freudian family nexus. N.Y.: Peter Lang, 1998.
- Gullette M. Safe at Last in the Middle Years. Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988.
- Hannay J. The Intertextuality of Fate. A Study of M.Drabble. Columbia: U-ty of Missouri Press, 1986.
- Kenyon O. Women Novelists Today. A Survey of English Writing in the Seventies and Eighties. Brighton, 1988.
- Rose E. C. The Novels of Margaret Drabble: Equivocal Figures. London: Macmillan, 1980.
- Scholes L. Re-Covered: Margaret Drabble's 1977 Brexit novel. URL: <http://medium.com/@parisreviewblog/recovered-margaret-drabbles-1977-brexit-novel-7d59b138c49c> (date: 18.09.2022)

Источники

Drabble M. The Ice Age. London: Weidenfeld and Nicolson, 1977.

БАРОЧНЫЙ ЯЗЫК ИЛИ ЯЗЫК БАРОККО: ВЫЗОВЫ И ПОИСКИ МЕТОДА ПРИ ПЕРЕВОДЕ «ПОЭМЫ О ПОЛИФЕМЕ И ГАЛАТЕЕ» Л. ДЕ ГОНГОРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье анализируются методы перевода испаноязычного барочного текста на примере «Поэмы о Полифеме и Галатее» Л. де Гонгоры-и-Арготе. Характеризуются эстетические и лингвистические особенности поэтики автора, а также фундаментальные черты «темного стиля». Далее выделяются две полярные стратегии перевода барочного текста: упрощение (модернизация) и усложнение (архаизация). Анализируется перевод П. Грушко, тяготеющий ко второй стратегии. В результате сопоставления избранных октав П. Грушко с нашим переводом делается вывод о том, что «срединный» метод перевода может оказаться правомерным вариантом, поскольку он позволяет передать ряд важнейших языковых особенностей барочного текста и сохранить естественность восприятия текста, а значит сохранить и читательский интерес.

Ключевые слова: проблемы перевода, литература Испании, поэзия барокко, Луис де Гонгора-и-Арготе, компаративистика, синтаксис испанской поэзии

Kovalev B. V.

Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

THE BAROQUE LANGUAGE OR THE LANGUAGE OF BAROQUE: CHALLENGES AND SEARCH FOR A METHOD TO TRANSLATE L. DE GONGORA'S "THE FABLE OF POLYPHEMUS AND GALATEA" INTO RUSSIAN

The article analyzes some methods of translation of the Spanish-language Baroque text into the phenomenon of "The Fable of Polyphemus and Galatea" by L. de Gongora y Argote. The aesthetic and linguistic features of the author's poetics, as well as the fundamental features of the "dark style" are characterized. Further, two polar strategies for translating a baroque text are distinguished: simplification (modernization) and complication (archaization). Grushko's translation corresponding to the second strategy is analyzed. As a result of the comparison of the selected octaves by P. Grushko with our version, it is concluded that the "median" method of translation may be a legitimate appeal, since it allows you to convey a number of linguistic features of the baroque text and the natural perception of the text, which means preservation of the reader's interest.

Key words: problems of translation, Spanish literature, baroque poetry, Luis de Gongora y Argote, comparative studies, Spanish poetry syntax

Одной из актуальных проблем для современных переводчиков является поиск метода перевода испаноязычных барочных текстов на русский язык. Настоящая проблема обусловлена сложностью и архаичностью стиля текстов эпохи барокко: с одной стороны, представляется фундаментально значимым сохранить ряд лингвистических особенностей текста, с другой стороны, избыточная рачительность со стороны переводчика, направленная на передачу сложности оригинала, может оказать негативное воздействие на прагматический аспект [Смирнова 2013]. Современный читатель может попросту не воспринять чрезмерно архаизированный переводчиком текст. В этой связи актуализируется проблема поиска функционального метода перевода барочных текстов, посредством которого русскоязычный текст был бы пригоден для восприятия в рамках сегодняшних языковых реалий.

«Поэма о Полифеме и Галатее» является ярчайшим текстом-репрезентантом так называемого темного стиля Л. де Гонгоры-и-Арготе, одного из крупнейших поэтов эпохи барокко. Именно из этого стиля вырастает явление «гонгоризма», ставшего своего рода эмблемой всего барокко как культурного явления: гонгоризм — это сложно но простым, непонятно но понятном, это способ рассказать об известном невиданным доньне образом. Конечно, постигнуть усложненные метафоры и запутанный порядок слов могут немногие: в этом смысле гонгоризм антидемократичен и элитарен, тексты ориентированы на образованного,

искусшенного читателя, аристократию духа (исп. «gente culta»). Произведения, написанные в рамках «темного стиля», рассчитаны на медленное вдумчивое прочтение — читатель должен внимательно изучать каждую строчку и каждое слово, чтобы понять смысл образа, фразы, предложения и всего текста. А преодолев эти трудности, читатель испытает подлинное наслаждение. Такова программа Л. де Гонгоры.

«Поэма о Полифеме и Галатее» написана в 1612 году и состоит из 63 октав. Сквозной романсовой рифмовки, которая будет присутствовать в более поздней «Поэме о Пираме и Фисбе», нет, что придает произведению определенную свободу и динамизм. Сюжетной основой поэмы служат «Метаморфозы» Овидия: именно они являются опорой для Гонгоры, в тексте не раз обнаруживаются переклички с соответствующим эпизодом из античной поэмы.

Язык поэмы многотруден, текст изобилует синтаксическими конструкциями, заимствованными из латыни: *acusativo con infinitivo*, сохранившийся в испанском языке и по сей день, *acusativo de relación* и т.д. Это же относится и к лексике. В оригинале встречаются культизмы (т.е. слова, пришедшие в испанский язык путем прямого заимствования из классической латыни в эпоху уже сформировавшегося нового языка): «*persona*» — актерская маска, «*сориа*» — изобилие, богатство и проч. Текст осложнен (и тем самым — украшен) бесчисленными гиперболами, метонимиями, гипербатонами.

В связи со сложностью языка поэмы актуализируется вопрос о поиске метода перевода. Думается, что глобально можно говорить о двух вероятных полярных подходах: упрощение, влекущее потерю языкового и образного богатства текста, и архаизация — как следствие попытки сохранения максимального количества лингвистических особенностей текста. Остальные, «компромиссные», варианты будут лежать в пространстве между двумя обозначенными полярными подходами.

Полный перевод поэмы на русский язык появился совсем недавно — и стал итогом почти полувековой работы П. Грушко над «Полифемом» и другим важнейшим барочным текстом — «Одиночествами», которые в русском переводе получили название «Поэма уединений» [Гонгора 2019].

Позиция прославленного переводчика — сознательная архаизация, «иссушение» текста, «поиск естественной неестественности». Сам П. Грушко во вступительной статье так излагает свой подход, который он применяет и по отношению к «Одиночкам», и по отношению к «Полифему»: «Сохранению барочного облика поэмы способствовало удержание, а в некоторых случаях умышленное копирование, лексических, синтаксических и структурных ухищрений Гонгоры... За невозможность калькировать эллинизмы, латинизмы и заимствования из некоторых европейских языков, пришлось интенсивно использовать церковно-славянский и старорусский языки, что также может восполнить русскому читателю впечатление необычности» [Грушко 2021: 131-132]. П. Грушко отстаивает использование целостной архаизированной структуры: «При переводе главной трудностью и явилось сильное воссоздание образа поэмы, которая должна восприниматься современным русским читателем как произведение приверженца темного стиля, эрудита, не только знакомого со всем объемом позднеренессансной культуры, но намеренно затемняющего свое творение» [Гонгора 2019: 157].

Ставя своей целью «сознательное затемнение стиля» (и, следственно, затруднение читательского восприятия), «сохранение пресловутого вычурного темного стиля» П. Грушко использует следующие инструменты: запутанный синтаксис, архаизмы, заимствованные из церковно-славянского языка, «играющего в данном случае роль “русской латыни”» среди которых глаголы “насказать”, “мниться”, “торить”, “сребрить”, существительные “цевница”, “чертог”, “зрак”, “лилея”, “тороватый”, наречия “от веку» [там же: 158] и проч. Издание перевода сопровождается небольшим словарем — в помощь читателю.

Для понимания метода П. Грушко важно осознавать системность его подхода: перечисленные слова и приемы не «мерцают» в тексте, но образуют целостную запутанную структуру.

В итоге получается, скажем, такие октавы:

(7)

«Был как большая мускулов
свирепый сей (Нептунов сын, страшила,
чей зрак на сфере лба пылал с утра
почти что ровней страшного светила)
циклоп, кому сосна, сколь ни храбра,
жердиной легкой став, трусливо льстила
под грузным гнетом, тоньше тростника:
день — посох овчара, другой — клюка.

(8)

Чернеющих волос поток волнистый —
подобье сумрачных летейских вод,
терзает пряди ветер норовистый,
спадающие грязно и врзлет,
а бороды каскад (как сын нечистый
спаленных Пиреней) на грудь течет,
чьи неумело, изредка и всеу
перстами цедит он густые струи» [там же: 135].

Подход П. Грушко в целом встретил одобрение в критике. Сам переводчик неустанно цитирует в собственных эссе хвалебный отзыв, опубликованный на портале «Prosodia»: «Ни в коем случае не упрощая подлинника, целенаправленно отвергая соблазн сделать его “ближе и понятнее современному читателю”, переводчик становится для русского читателя надежным проводником в причудливом и поражающем воображение поэтическом мире Гонгоры» [Серебренников 2020]. И все же при всех достоинствах стратегии П. Грушко нельзя не констатировать сугубо фонетические затруднения при чтении, отсутствие музыкальности стиха (что не соответствует звуковому оформлению оригинала). Кроме того, представляется спорным и обильное, избыточное использование непонятной читателю лексики. При этом переводчик не сумел избежать сомнительных с точки зрения фонетики и синтаксиса «втычек», преследующих цель «подогнать» строку под избранный размер: «почти что», «сей», что также способствует усложнению восприятия текста.

Однако заслуживает внимания и иной метод перевода поэмы. Подчеркнем, что мы не отрицаем значение перевода П. Грушко, его точность, его качество – однако тем не менее считаем необходимым предложить еще один вариант перевода, могущий стать интересным в свете поисков метода перевода испанских барочных текстов на русский язык.

Для корректного читательского восприятия, на наш взгляд, следует использовать не целостную архаичную структуру, использование которой отстаивает П. Грушко, и не «язык барокко» (к такому можно отнести язык эпохи Г. Р. Державина, считающегося едва ли не единственным представителем «русского барокко» в литературе), но отдельные маркеры, указывающие на лингвистические особенности оригинала и воссоздающие общее стилистическое впечатление: устаревшие слова, (например, «туля», «перси», «уста», «очи», «квит», «светило»), архаичные формы слов («златой», «сребряный», «младой», «краса»), инверсии («Сей великан был мускулов горою...») и проч. При этом необходимо сохранять естественность мелодики испанского стиха и передавать сложный синтаксис, присущий оригиналу и являющийся одной из ключевых особенностей поэтики Л. де Гонгоры.

Реализованную переводческую стратегию мы апробировали, поместив две октавы, посвященные описанию циклопа Полифема, в книгу Х. Л. Борхеса «Книга вымышленных существ», где автор, рассуждая об образе циклопа, весьма кстати цитирует именно гонгоровское описание Полифема:

VII

«Сей великан был мускулов горою,
Нептунов сын чудовищный, чье око,
сравнимое в блистанье со звездой,
во лбу крутом светило одиноко.
Владел он, вместо посоха, сосною
и с нею обращался столь жестоко,
что словно тонкий стебель тростника
сосну сгибала грозная рука.

VIII

Спадают пряди черными волнами,
подобные потоку вод летейских,
и так истерзаны семью ветрами,
что вид циклопа – худший из злодейских.
Поток брады полнится волосами,
что, точно чадо кряжей Пиренейских,
текут на грудь, но редко, зря и слабо
перстами цедится густая лава» [Борхес 2022: 245].

Избавив стих от усложняющей лексики, сохранив мелодику и коренные образы, мы тем не менее не «спростили», не упростили ни семантическую, ни синтаксическую составляющую. Именно в контрастном сочетании семантической и синтаксической насыщенности с фонетической и музыкальной красотой, «полетностью» стиха и заключается поэтическое своеобразие «Полифема». Иным методом перевода этого текста может оказаться, таким образом, поиск не естественной неестественности, а просто естественности — немного затемнённой, выпадающей из поля зрения, метафорически говоря, находящейся за углом — но чтобы зайти за этот угол, требуется пройти через прекрасный, достойный Дедала лабиринт, полный метафор, аллюзий и сложных конструкций. И оказавшись за углом, мы обнаружим поразительную ясность, мелодичность и красоту — высшее наслаждение, открывающееся по прочтении сложного барочного текста. А это в полной мере соответствует программе Гонгоры и эстетическим принципам «темного стиля».

Полный текст поэмы в нашем переводе в настоящий момент готовится к публикации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в современных условиях именно использование «срединного» метода (между избыточной архаизацией, свойственной переводу П. Грушко [Гонгора 2019], и чрезмерным упрощением первоисточника) оказывается функционально обоснованным и позволяет, с одной стороны, передать ряд важнейших языковых особенностей, свойственных поэтике барокко, и, с другой

стороны, сохранить читательский интерес и естественность восприятия текста, что полностью отвечает актуальным вызовам, стоящим перед переводчиками сегодня.

Литература

- Гонгора-и-Арготе, Л. Поэма Уединений; Сказание о Полифеме и Галатее; Стихотворения / Пер. с исп. П. Грушко. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 264 с.
- Борхес, Х. Л. Книга вымышленных существ. М.: Азбука-Аттикус, 2022. 256 с.
- Грушко П. М. «Поэма Уединений» Луиса де Гонгоры-и-Арготе: барочный образ, воссозданный на русском языке // Испания. Книга открытий. Русский взгляд: сборник эссе. М.: Институт перевода: Центр книги Рудомино, 2021. С. 130–133.
- Серебrenников А. Четыреста лет одиночества // Prosodia. 2020. №13. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/chetyresta-let-odinochestva-gongory/> (дата обращения: 12.09.2022)
- Смирнова М. Б. Теоретическая рефлексия о языке и предмете в споре о «темных» поэмах Луиса де Гонгоры // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. С. 177–184.

References

- Borges, J. L. *Kniga vymyshlennyh sushchestv* (The Book of Imaginary Beings). M.: Azbuka-Attikus, 2022. 256 p.
- Gongora-i-Argote, L. *Poema Uedinenij; Skazanie o Polifeme i Galatee; Stihotvoreniya* (Solitudes; The Fable of Polyphemus and Galatea; Poems) / Trad. by P. Grushko. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2019. 264 p.
- Grushko P. M. «Poema Uedinenij» Luisa de Gongory-i-Argote: barochnyj obraz, vossozdannyj na russkom yazyke (The Góngora “Solitudes”: a baroque image reinvented in Russian) // *Ispaniya. Kniga otkrytij. Russkij vzglyad: sbornik esse*. M.: Institut perevoda: Centr knigi Rudomino, 2021. PP. 130–133.
- Serebrennikov A. *Chetyresta let odinochestva* (Four hundred years of solitude // *Prosodia*. 2020. №13. URL: <https://prosodia.ru/catalog/shtudii/chetyresta-let-odinochestva-gongory/> (date: 12.09.2022)
- Smirnova M. B. Theoretical reflection on the language and subject of poetry in the dispute about the “obscure” poems by Luis de Góngora // *RSUH/RGGU Bulletin: “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies”*, Series. 2013. PP. 177–184. (In Russian).

АКЦЕНТУАЛИЗАЦИЯ РИТОРИКИ КОНФРОНТАЦИИ В РАМКАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА COLD WAR 2.0

В исследовании представлен анализ лексики, содержащей сему конфронтации и используемой для репрезентации концепта COLD WAR 2.0 в рамках современного политического дискурса США в 2022 году. Исследование проведено методами концептуально-дефиниционного, функционально-репрезентативного и дискурсивного анализа. Результаты исследования показали, что конфронтационная риторика, характерная для эскалации глобального противостояния мировых держав, содержится во всех компонентах концепта. В понятийном компоненте концепта представлен значительное количество лексико-семантических полей, таких как «Конфронтация», «Опасность», «Потакание» и т.д., содержащих конфронтационную лексику. В образном компоненте концепта представлен ряд метафорических моделей, также содержащих сему противостояния. В ценностной составляющей концепта сема конфронтации представлена имплицитно за счет негативной коннотации лексических единиц, репрезентирующих исследуемый концепт. В заключении говорится о перспективности дальнейшего изучения концепта COLD WAR 2.0 из-за роста его значимости в современном политическом дискурсе.

Ключевые слова: английский язык, политический дискурс, концепт, фрейм, новая холодная война

Kovalev N.
MGIMO University
Moscow, Russian Federation

THE ACCENTUALIZATION OF CONFRONTATION RHETORIC WITHIN THE FRAMEWORK OF THE COLD WAR 2.0 CONCEPT REPRESENTATION

The study presents an analysis of the vocabulary containing the seme of confrontation which is used to represent the COLD WAR 2.0 concept within the framework of the modern political discourse of the United States in 2022. The research was carried out by the methods of conceptual-definitional, functional-representative and discourse analysis. The results of the study show that the confrontational rhetoric characteristic of the escalation of the global confrontation of world powers is contained in all the components of the concept. The notional component of the concept contains a significant number of lexico-semantic fields, such as “Confrontation”, “Danger”, “Appeasement”, etc., containing confrontational vocabulary. In the figurative component of the concept, a number of metaphorical models, containing this confrontation, are presented. In the value component of the concept, the seme of confrontation is presented implicitly due to the negative connotation of lexical units representing the concept under consideration. In conclusion, it is said about the prospects for further study of the COLD WAR 2.0 concept due to the growth of its importance in modern political discourse.

Key words: the English language, political discourse, concept, framework, new cold war

Введение

Холодная война стала самым длительным глобальным конфликтом в новейшей истории, продлившемся более пятидесяти лет и породившем концепт COLD WAR, представляющий интерес не только для политологов, конфликтологов и историков, но также являющийся предметом изучения лингвистики и когнитивной науки. По своему структуре данный концепт является сложным многокомпонентным динамическим фреймом или концептом-сценарием.

На современном этапе существования человеческой цивилизации можно говорить о новом концепте COLD WAR 2.0 (NEW COLD WAR, SECOND COLD WAR), возникшем в ходе возобновления противостояния мировых держав в XXI веке. Данный концепт активно эволюционирует в зависимости от меняющихся экстралингвистических обстоятельств, однако, в целом, сохраняет структуру, схожую со структурой породившего его концепта COLD WAR [Ковалев, 2022]. Ввиду появления новых акторов, методов ведения противостояния и сфер, в рамках которых протекает конфликт, меняется и содержание его ключевых компонентов. В настоящем исследовании приводятся результаты исследования изменений

семы конфронтации, являющейся обязательным компонентом концепта, в постпандемный период, характеризующийся эскалацией конфликта.

Теория и методика исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках политического дискурса методами интерпретативного, компонентного, контекстуального и дискурсивного анализа на материалах качественной прессы, издававшейся в период с марта по сентябрь 2022 года в США, в частности, таких изданий, как *The American Conservative*, *Foreign Policy*, *Foreign Affairs* и др. Целью исследования является анализ лексики, репрезентирующей сему конфронтации с точки зрения принадлежности компонентам концепта NEW COLD WAR (понятийному, образному и ценностному), а также ее положения в структуре концепта. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: выделение лексико-семантических полей, объединяющих лексические единицы, репрезентирующие конфронтационную составляющую концепта, их анализ с точки зрения когнитивных признаков концепта NEW COLD WAR, анализ возможной метафоризации конфронтационной составляющей концепта с целью определения образно-ценностного компонента концепта, построение модели фрейма.

Для решения исследовательских задач была разработана методика фреймового анализа концептов в диахронии, разделенная на следующие этапы:
анализ лексикографических источников и построение базовой схемы концепта;
поиск лексики (лексико-семантических полей), репрезентирующей исследуемый концепт в ходе разных периодов его существования;
вычленение когнитивных признаков концепта;
построение модели фрейма на изучаемом этапе (выделение понятийного компонента концепта);
анализ метафоризации концепта (выделение образной составляющей концепта);
анализ количества апелляций к концепту и его аксиологической составляющей (выделение ценностного компонента концепта).

Теоретический обзор

Ключевыми понятиями, используемыми в настоящем исследовании, являются понятия дискурса, политического дискурса и концепта, которые исследуются в диахроническом срезе.

Дискурс представляет собой динамичное явление, способствующее синхронизированному порождению и восприятию текста. Таким образом, трансформация «сцен реального мира» осуществляется в соответствии со стереотипными представлениями, набором характерных признаков объектов, таких как сценарии, схемы, фреймы и пр., что дает возможность исследовать различные типы дискурса и входящих в них концептов в ходе их эволюции. Политический дискурс мы понимаем в широком смысле как «любые речевые образования, содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2004, с. 121]. Высокая эффективность дискурсивного подхода к сфере политики заключается в том, что такой подход позволяет провести анализ сущностной стороны этой области, а именно, специфику концептуализации, рождающую достаточно обширный ряд форм речевого воздействия.

На данный момент, несмотря на значительное количество исследований, не существует единого определения концепта. В данном исследовании использована дефиниция Е.С. Кубряковой, которая гласит, что «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [Кубрякова, 1996, с. 90]. Сложные концепты имеют комплексную структуру, включающую «образно-перцептивный компонент, понятийный (информационно-фактуальный) компонент и ценностную составляющую (оценка и поведенческие нормы)» [Карасик, 2004, с. 118].

Исходя из классификации типов концептов [Бабушкин, 1996], концепт NEW COLD WAR имеет структуру сценария или динамического фрейма. Впервые методику фреймового анализа разработал М. Минский, определивший фрейм как подвижную структуру знаний, состоящую из узлов и отношений между ними и дающую представление о типовых объектах и событиях, что позволяет фрейму пополняться новыми знаниями [Minsky, 1975], [Минский, 1988]. В лингвистику фреймовый анализ привнес Ч. Филлмор [Fillmore, 1985].

Результаты исследования

Понятийный компонент концепта NEW COLD WAR

Конфронтационная лексика нашла отражения во множестве лексико-семантических полей, репрезентирующих концепт NEW COLD WAR. Удалось выявить **лексико-семантическое поле Участника**, которое включает в себя следующие контексты и выражения: “Competition with both Russia and China is inevitable. But a double Cold War is not – and must never become so” [Harris, 2022]; a Double Cold War, to coerce or even contain both of its great power rivals simultaneously; the United States, China, and other world powers

compete in some areas, cooperate in others [Walt, 2022]; “Russia and China share an animosity to a U.S.-led international system” [Haass, 2022]. Из полученных примеров видно, что ключевую роль в противостоянии начинает играть Китай, и что США будет крайне сложно вести двойную холодную войну с Российской Федерацией и КНР.

Большой акцент делается на неотъемлемую для политического дискурса **опозицию «свой-чужой»**, четко разделяющую политических акторов на дружественных и недружественных, «хороших» и «плохих»: “...the world’s autocracies are implacably opposed to international order and democratic values”, “a contest between democracy and autocracy?” [Harris, 2022]. “The United States is a superpower. Russia is not. A Ukrainian victory would ... cement democracy’s foothold in Eastern Europe, offering a powerful lesson to would-be authoritarian aggressors and democratic nations alike” [Vindman, 2022]. “Russia’s invasion of Ukraine ... has also deepened the divide between East and West and North and South. Viewed as a whole, our framework enables rival powers to move beyond the simple dichotomy of ‘friend or foe’” [Rodrik, Walt, 2022]. В американском политическом дискурсе очерчивается четкая линия противостояния между так называемым демократическим («свободным») миром и авторитарными государствами, к которым относят как Россию, так и Китай. Также подчеркивается главенствующая роль США в мире, в отличие от роли РФ как региональной державы.

В рамках **ЛСП Потакание** американские власти подвергаются критике за излишне мягкое отношение к Москве: “Stop Tiptoeing Around Russia. It Is Time to End Washington’s Decades of Deference to Moscow, ... U.S. policymakers continued their futile courtship of Kremlin leadership” [Vindman, 2022]. “Washington’s approach to Moscow has been stuck at the appeasement end of the policy spectrum”, “a desire to kowtow to Moscow” [Charap, Mazarr, 2022].

Собственно **ЛСП Конфронтация** также представлено довольно объемно, что свидетельствует о фазе эскалации глобального конфликта: hostility between the Kremlin and Western capitals, “yet a conflict between the United States and China no longer seems like a remote possibility” [Haass, 2022]. “Washington has mostly looked the other way in a fruitless effort to deal cooperatively with Moscow” [Vindman, 2022]. “When the United States convenes a club of democracies aimed openly against China, it should not be surprising that Chinese President Xi Jinping cozies up to Russian President Vladimir Putin” [Rodrik, Walt, 2022].

ЛСП Опасность характерно для любого противостояния, и, особенно, для холодной войны, поскольку существует осознание, что последствия могут быть колоссальными: to address looming global dangers, “the United States has bent over backward to acknowledge Russia’s security concerns and allay its anxieties”. “Indeed, the lessons of every significant Cold War crisis suggest that a more circumspect policy is necessary at such a perilous moment” [Charap, Mazarr, 2022]; “the Soviet Union is long gone, but concerns about instability, Russia’s nuclear arsenal, regional conflict, and bilateral confrontation remain. To avoid provoking Moscow, the United States has implicitly acknowledged Russia’s influence in an imagined post-Soviet geopolitical space in Ukraine” [Vindman, 2022]. “Again, however, it is Russia’s weakness juxtaposed against Putin’s willingness and ability to act recklessly with the military and nuclear strength he does possess that makes Russia such a danger” [Haass, 2022].

В современном политическом дискурсе в рамках обсуждения новой холодной войны присутствует, хоть и не так широко, и **ЛСП Примирение**, характеризующееся лексикой, направленной на мирное урегулирование конфликта и поиск компромиссов: “a future world order will need to accommodate non-Western powers and tolerate greater diversity in national institutional arrangements and practices” [Rodrik, Walt, 2022]. “Perhaps we ought to invest as much time and energy trying to end this war as we do to defeat and humiliate Russia, which will not bring us peace” [Buchanan, 2022]. “If political leaders and the countries they represent genuinely wish to construct a more prosperous and secure world, the tools to do so are available” [Rodrik, Walt, 2022].

ЛСП Сдержанность в репрезентации концепта указывает на необходимость проявлять сдержанность во избежание перетекания конфликта в «горячую» стадию. При этом нельзя не отметить, что проявление сдержанности не является актом доброй воли, а лишь расчетом: crises call for pragmatic restraint, calculated caution with regard to American involvement in the Ukraine conflict, “U.S. presidents consistently restrained their short-term ambitions to avoid the calamity of large-scale war ... this approach ... reflects the best traditions of Cold War-era crisis diplomacy—pursuing U.S. interests while avoiding a direct clash with a rival, always with an eye on the long term” [Charap, Mazarr, 2022].

Структурно данные ЛСП представлены в соответствующих элементах концепта (субфреймах и слотах), в частности, когнитивные признаки ЛСП Участники принадлежат субфрейму Parties, который включает в себя слоты US, China, Russia; когнитивные признаки ЛСП Конфронтация образуют субфрейм Confrontation, в который включены слоты Reconciliation (ЛСП Примирение) и Constraint (ЛСП Сдержанность) ЛСП Опасность и ЛСП Потакание представлены в виде слотов Danger и Appeasement соответственно. См. Диаграмму 1.

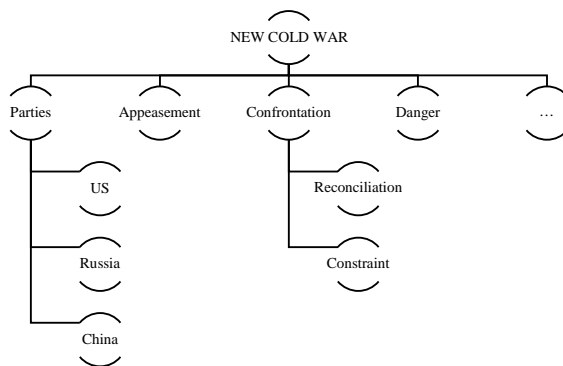

Диаграмма 1.

Образный компонент концепта NEW COLD WAR

Образный компонент концепта в рамках роста конфронтационной риторики представлен рядом метафорических моделей. В частности, прослеживается **погодная метафора**, в рамках которой сложившаяся на современном этапе ситуация называется идеальным штормом, а по сути – полной катастрофой. Интересно, что помимо словосочетания *perfect storm*, употребляется еще и словосочетание *imperfect storm*, которое вносит элемент неопределенности прогнозов исхода конфликта: “The frightening gap between global challenges and the world’s responses, the increased prospects for major-power wars in Europe and the Indo-Pacific, and the growing potential for Iran to cause instability in the Middle East have come together to produce the most dangerous moment since World War II. Call it a perfect—or, more accurately, an imperfect—storm” [Haass, 2022].

Взаимоотношения между мировыми державами представлены через призму **морбиальной метафоры**, в которой период после окончания холодной войны сравнивается с похмельем, вызванным победой США в первой холодной войне: “Part of the problem may be a decades-long hangover from the Cold War during which the expertise, education, and training of Eurasia specialists in the national security establishment have atrophied” [Vindman, 2022]. Также в рамках морбиальной метафоры излишнее внимание к изучению России, а не других восточноевропейских государств, в частности, Украины, называется «ядовитым»: “Recognizing the poisonous Russocentrism of U.S. foreign policy is the first step toward a better approach to U.S.-Ukrainian relations” [Vindman, 2022].

Также можно проследить **метафору нарушения привычного порядка вещей**, сложившегося между Вашингтоном и Москвой до недавних событий, в рамках которого отношения между странами были стабильными и войны между странами велись нечасто. Однако в данный момент эта «передышка» закончилась: “Russia’s aggression has upended many assumptions that influenced thinking about international relations in the post-Cold War era. It has ended the holiday from history in which wars between countries were rare” [Haass, 2022].

В структуре концепта данное метафорическое переосмысление конфронтации в рамках глобального противостояния представлено следующим образом: когнитивные признаки погодной метафоры можно наблюдать в рамках субфрейма Temperature, имеющего в своей структуре субфрейм Climate со слотом Weather; в субфрейме Health входит слот Poison, а в субфрейме Routine – слот Holiday. См. Диаграмму 2.

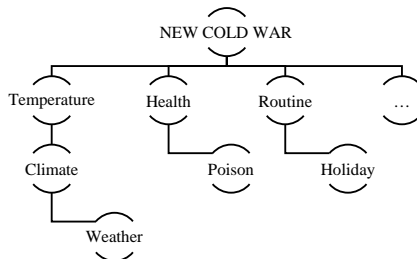

Диаграмма 2.

Ценностный компонент концепта NEW COLD WAR

В рамках ценностного компонента концепта NEW COLD WAR сема конфронтации представлена имплицитно. Рост конфронтационной риторики свидетельствует о большой значимости концепта в современном американском политическом дискурсе, который является по своей сути конфликткогенным, а с точки зрения коннотации, прослеживается негативная окраска лексических единиц.

Результаты исследования

Так, результаты исследования показывают, что в понятийном компоненте концепта увеличилось количество лексики, характеризующей противостояние не только между США и РФ, но и между США и КНР. С точки зрения образного компонента можно говорить, с одной стороны, о достаточно жесткой и бескомпромиссной риторике, направленной на эскалацию конфликта и подавлению неугодных США держав, а с другой – об осторожности и сдержанности, призывающих не допустить перерастания локальных кризисов в полномасштабный глобальный конфликт. Ценностный компонент характеризуется негативной оценкой возможных последствий конфликта, а также оправданием действий США и критикой их противников.

Выводы

Полученные результаты свидетельствуют о перспективности дальнейшего изучения концепта COLD WAR 2.0 и его компонентов, поскольку на фоне роста напряженности в глобальной политике его значимость в политическом дискурсе растет из-за усиления уровня конфронтации, что отображается во всех трех компонентах концепта. Нынешняя эскалационная фаза характеризуется ужесточением конфронтации и акцентуализацией оппозиции «своей-чужой», ростом значения борьбы с США с Китаем и неопределенным финалом, при этом наблюдается беспрецедентный рост конфронтационной риторики, характерной для фазы эскалации, как эксплицитно, так и имплицитно.

Источники

- Buchanan P. J. *Winners and Losers in the Ukraine War*. September 3, 2022 <https://www.theamericanconservative.com/winners-and-losers-in-the-ukraine-war/> (Accessed 25 October 2022).
- Charap S., Mazarr M. *The Wisdom of U.S. Restraint on Russia*. September 12, 2022 https://www.foreignaffairs.com/united-states/wisdom-us-restraint-russia?check_logged_in=1&utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20220914 (Accessed 25 October 2022).
- Haass R. *The Dangerous Decade A Foreign Policy for a World in Crisis*. September/October 2022 <https://www.foreignaffairs.com/united-states/dangerous-decade-foreign-policy-world-crisis-richard-haass> (Accessed 25 October 2022).
- Harris P. *Can America Wage A Cold War Against Russia And China?* March 31, 2022. <https://www.19fortyfive.com/2022/03/can-america-wage-a-cold-war-against-russia-and-china/> (Accessed 25 October 2022).
- Rodrik, D., Walt S. M. *How to Build a Better Order*. September/October 2022 <https://www.foreignaffairs.com/world/build-better-order-great-power-rivalry-dani-rodrik-stephen-walt> (Accessed 25 October 2022).
- Vindman A. *Stop Tiptoeing Around Russia*. August 8, 2022 https://www.foreignaffairs.com/united-states/stop-tiptoeing-around-russia?utm_medium=promo_email&utm_source=lo_flows&utm_campaign=registered_user_welcome&utm_term=email_1&utm_content=20220914 (Accessed 25 October 2022).

Литература

- Бабуркин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 104 с.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград. Гос. Пед. Ун-т; Н. -И. Лаб. «аксиол. Лингвистика». - Волгоград: Перемена, 2002. - 476 с.
- Ковалев Н.А. Концепт NEW COLD WAR на фоне вызовов современности (на материалах англоязычной прессы) / Н.А.Ковалев // Филологические науки в МГИМО. — №8 (2) 2022; гл. ред. В.А. Иовенко. — М.: МГИМО-Университет. 2022. — С.18-28.
- Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. - М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. - 245 с.
- Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. - М. : Гнозис, 2004. - 324 с.
- Fillmore, Ch. J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6 (2). P. 222–254.]
- Minsky M. *A Framework for Representing Knowledge*. Winston, Patrick, ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277

References

- Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1996. 104 s.
- Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs / Volgograd. Gos. Ped. Un-t; N. -I. Lab. "aksiol. Lingvistika". - Volgograd: Peremena, 2002. - 476 s.
- Kovalev N.A. Koncept NEW COLD WAR na fone vyzovov sovremennosti (na materialah anglojazychnyj pressy) / N.A.Kovalev // Filologicheskie nauki v MGIMO. — №8 (2) 2022; gl. red. V.A. Iovenko. — M.: MGIMO-Universitet. 2022. — S.18-28.
- Kubryakova E.S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'jankov, Ju.G. Pankrac, L.G. Luzina; pod obshh. red. E.S. Kubryakovoj. - M.: Filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova, 1996. - 245 s.
- Minskij M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII. Kognitivnye aspekty jazyka. M.: Progress, 1988. C. 52–92.
- Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa / E.I. Shejgal. - M. : Gnozis, 2004. - 324 s.
- Fillmore, Ch. J. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985. 6 (2). P. 222–254.]
- Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. Winston, Patrick, ed. *The Psychology of Computer Vision*. New York: McGraw-Hill, 1975. P. 211–277

УДАЛЁННЫЙ ИНСТРУКТАЖ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УСТНОГО ПЕРЕВОДА, ОПОСРЕДОВАННОГО ВИДЕОСВЯЗЬЮ

В статье описывается методика эксперимента, направленного на создание корпуса эмпирического материала для изучения особенностей удалённой работы переводчика в режиме видеоконференции на примере переводческого сопровождения удалённого инструктажа. В основу описываемой методики легли подходы, разработанные для изучения компьютерно-опосредованной совместной деятельности, абзацно-фразового двустороннего перевода и специфики работы переводчика в удалённом режиме. В рамках проекта проведено четыре сессии с участием профессиональных переводчиков, русскоязычных коммуникантов и носителей английского, китайского и немецкого языков. Каждая экспериментальная сессия включала предварительный опрос участников, задание для разминки, задачу по сборке конструктора LEGO®, ретроспективный опрос и интервью переводчика, где в качестве стимула использовалась видеозапись коммуникации. Описывается теоретико-методологическая база эксперимента, структура экспериментальной сессии, выделяются ключевые направления изучения полученного эмпирического материала.

Ключевые слова: видеокоммуникация, дистанционный устный перевод, лингвистические особенности устного перевода, удалённый перевод, экспериментальное исследование.

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект № МК-73.2021.2).

Krasnopeyeva E., Kraeva S.
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

REMOTE GUIDANCE ON A PHYSICAL TASK AS A RESEARCH TOOL FOR EXPLORING THE NATURE OF VIDEO-MEDIATED INTERPRETING

This paper describes the procedure and design of an experimental study aimed at collecting empirical data to explore the nature of interpreter performance during video-mediated guidance on a physical task. The proposed methodology is based on approaches developed in research on computer-mediated interaction, dialogue interpreting, and remote interpreting. The project included four sessions with professional interpreters, Russian-speaking participants, and native speakers of English, Chinese, and German. Each session consisted of a pre-task orientation, a warm-up task, a simulated interpreting situation (a LEGO® construction task), a questionnaire and a retrospective interview with the interpreter, where a video recording of the session was used as a stimulus. In this paper, we discuss the data collection procedure, define its methodological background, and identify key lines of interest for further research.

Keywords: video-mediated communication, distance interpreting, linguistic aspects of interpreting, remote interpreting, empirical study.

The study is funded by the President's Grant for the State Support of the Young Russian Candidates of Sciences (Project No. MK-73.2021.2).

Введение

Видеосвязь сегодня всё чаще рассматривается как допустимая альтернатива очному взаимодействию в различных профессиональных контекстах. При этом современные исследования подчёркивают, что видеокоммуникацию следует понимать как новый фрейм, подразумевающий специфический способ мышления и поведения [Васильева, 2010]. Трансформация эргономики рабочих пространств и процессов, опосредованных технологиями видео, становится одним их актуальных объектов исследования гуманитарной парадигмы.

Под удалённым инструктажем (remote instruction / guidance on a collaborative physical task) понимается категория задач, при которых инструктор-специалист удалённо курирует работу исполнителей на месте

[Fussel et al., 2004, p. 16]. Подобные задачи находят применение в инженерно-технических проектах, при обучении персонала, на производстве, в здравоохранении [Ibid.]. При участии иноязычных специалистов удалённый инструктаж может требовать устного перевода.

Переводческое сопровождение удалённого инструктажа – одна из разновидностей дистанционного перевода, т. е. устного перевода, опосредованного информационно-коммуникационными технологиями. Проблемы устного перевода видеокommunikации при монтаже оборудования или обучении специалистов пока не нашли широкого освещения в научной литературе. Среди причин недостаточной разработанности темы необходимо назвать трудоёмкость поиска эмпирической базы для описания свойств данной практики. В этой статье мы рассматриваем возможность использования экспериментальных методик при создании корпуса примеров устного перевода в ходе удалённого инструктажа (в данном случае корпус понимается как коллекция данных, собранная с определённой целью [Meier, 2019, p. 75]).

Теоретико-методологическая база исследования

В дескриптивных исследованиях перевода приоритет имеют аутентичные (неэкспериментальные) данные, полученные в естественных условиях. При этом, как не раз подчёркивалось, сам факт присутствия на месте наблюдателя и/или записывающего устройства может влиять особенности работы переводчика [Gile, 1998, p. 77]. Кроме того, сложно отрицать, что получить доступ к материалам, записанным в реальных ситуациях общения, удовлетворяющим задачам исследования и разрешённым к обнародованию, не всегда возможно. Этими и рядом других факторов обусловлена необходимость обращения к экспериментальным методам в исследованиях устного перевода. Как отмечает Д. Жиль, переводческий эксперимент даёт уникальную возможность наблюдать несколько вариантов перевода, выполненных в относительно одинаковых условиях, что редко можно встретить в профессиональной среде [Ibid.].

Обозначим два мнения, характеризующие полярные взгляды на экспериментальные материалы при изучении устного перевода в технологических контекстах. Так, в работах С. Браун предлагается особый подход, в котором сочетаются преимущества контролируемого эксперимента и дескриптивного исследования аутентичной коммуникации: на основе анализа фрагментов записей общения в ситуациях, типичных для определённых социальных контекстов, создаются сценарии, в дальнейшем используемые для организации удалённого взаимодействия с участием переводчика [Meier, 2019, p. 75]. К. Фантинуоли, в свою очередь, призывает в целом отказаться от «реальных» исходных текстов в экспериментальных исследованиях: по его мнению, для изучения технологически-опосредованного устного перевода исходные материалы должны создаваться искусственно и содержать определённые свойства на уровне синтаксиса, лексики и семантики, чтобы у исследователей была возможность использовать точные методы, работать с переменными и изучать функциональные зависимости между наблюдаемыми параметрами [Fantinuoli, 2017, p. 170]. Соответственно, любое экспериментальное исследование переводческой деятельности сопряжено с рядом ограничений.

Наше исследование представляет собой открытый поисковый эксперимент, благодаря которому создаётся «платформа для наблюдения» [Gile, 1998, p. 77] особенностей и трудностей переводческого сопровождения удалённого инструктажа по видеосвязи. В основе исследования – задача на коллективную сборку конструктора, которая применяется в качестве исследовательского инструмента в ряде научных направлений, в том числе в работах, описывающих поведенческие и речевые особенности совместной деятельности, а также различные аспекты компьютерно-опосредованной коммуникации [Alem, 2009; Fussel et al., 2004].

Данную задачу следует рассматривать в одном ряду экспериментами по выполнению Map Task – задания на поиск маршрута по карте, широко используемого для создания корпусов диалогической речи, в том числе с участием переводчика [Turner, Merrison, 2016]. Для выполнения задания Map Task коммуниканты получают карты воображаемой местности, содержащие небольшое количество отличий. На одной из карт указывается маршрут, который коммуникант-помощник должен разъяснить коммуниканту-последователю. Участники эксперимента не видят изображения карт друг друга и должны в диалоге найти решение указанной задачи. Как отмечают Э. Тёрнер и Г. Меррисон, с одной стороны, объяснение маршрута по карте нельзя назвать самой распространённой коммуникативной практикой. С другой стороны, сложно отрицать аутентичность данной ситуации: участники эксперимента не разыгрывают определённый сценарий (в отличие от, например, участников деловых игр – учебных судебных заседаний и медицинских консультаций), а осознанно взаимодействуют в заданных обстоятельствах, естественным образом вовлекаясь в процесс решения поставленной задачи [Turner, Merrison, 2016, p. 144]. Важное замечание при исследовании подобных данных состоит в том, что их необходимо рассматривать *sui generis*, не распространяя результаты на все коммуникативные ситуации подобного рода.

Выбранное для нашего проекта задание решает аналогичные исследовательские задачи, при этом позволяет более точно моделировать ситуацию удалённого инструктажа. Как и Map Task, задача на сборку конструктора позволяет сформировать корпус естественных диалогов в контролируемых условиях, в нашем случае – с участием переводчика. Предлагаемая методика эксперимента не подразумевает использование сценария, при этом при разработке его структуры учтён опыт анализа реальной ситуации удалённого инструктажа с участием переводчика [Краснощева, Краева, 2022].

Результаты исследования

В соответствии с разработанной процедурой, каждая экспериментальная сессия подразумевала участие одного или двух представителей исследовательской группы, носителя иностранного языка (далее условно – «инструктор»), переводчика и русскоязычного участника («исполнителя»). В ходе сессии участники выполняли задание для разминки и решали задачу по сборке конструктора LEGO®; по результатам каждой сессии проводилось ретроспективное интервью с переводчиком, где в качестве стимула использовалась видеозапись коммуникации.

За несколько дней до сессии каждый потенциальный участник получал форму информированного согласия и справочные материалы, в которых были описаны задачи исследования, его ход и цели. Благодаря справочным материалам исследователи могли в некоторой степени контролировать объём фоновых знаний участников, а также предусматривать ряд трудностей в процессе перевода. Так, инструктор получал наибольший объём материалов: ему предлагалось ознакомиться с расписанием для проведения разноичного задания; с кратким глоссарием, в котором были представлены изображения и обозначения ключевых деталей конструктора на родном языке инструктора (часть глоссария см. в Табл. 1); с видеоинструкцией и пошаговым визуальным руководством по сборке модели конструктора (официальное издание производителя). Переводчик также получал ссылки на официальные сайты компании-производителя для подготовки к работе, двуязычный глоссарий и видеоинструкцию. Исполнитель заранее знакомился только с расписанием для проведения разминки.

Табл. 1. Фрагмент глоссария, предложенного переводчику (языковая пара английский-русский)

Русский	Английский
Пластина 2×4	2×4 Plate
Плитка 2×2	2×2 Tile
Кронштейн 1×2×1, перевернутый	1×2 Bracket, Inverted

На первом этапе каждой сессии после подключения к видеоконференции исследовательская группа уточняла у участников, удалось ли им изучить предоставленные ранее материалы; имели ли участники опыт сборки конструктора, опыт работы с переводчиком, а также опыт выполнения совместной работы в режиме видеоконференции.

На втором этапе проводилась разминка – задание, в рамках которого инструктор и исполнитель на основе предоставленных им расписаний дня через переводчика искали время для организации встречи. Как отметили переводчики в ретроспективных интервью, разминка помогала настроиться на работу и адаптироваться к особенностям речи коммуникантов.

На третьем этапе выполнялась сборка конструктора: инструктор на основе пошагового руководства описывал необходимые детали модели вертолётa и способ их соединения. Переводчик, ориентируясь на глоссарий и результаты самостоятельной подготовки, выполнял последовательный перевод инструктажа. Исполнитель осуществлял сборку, ориентируясь только на озвучиваемый перевод. На Рис. 1 представлена визуальная составляющая полученного материала.

Рис. 1. Участники видеоконференции в процессе сборки конструктора

На четвёртом этапе переводчик давал ретроспективный комментарий на основе визуального опросного листа. Цель данного этапа – выявить особенности формирования состояния присутствия (субъективного ощущения существования в общем пространстве со всеми участниками общения) при работе в удаленном режиме.

На пятом этапе также в режиме видеоконференции проводилось интервью с переводчиком, где в качестве стимула использовалась видеозапись (основное задание – сборка конструктора). В ходе интервью переводчики отвечали на такие вопросы, как «*Что я думал в данный момент? Что я чувствовал? Что мне помогло, что мешало?*». В ретроспективном интервью акцент был сделан на моменты, где наблюдались заполненные паузы, хезитации, речевые сбои, специфические приёмы перевода.

Обсуждение результатов исследования

В рамках проекта проведены четыре экспериментальные сессии с использованием описанной процедуры. В них приняли участие переводчики-профессионалы и носители английского, китайского и немецкого языков (Табл. 2). Длительность каждой сессии составляла более 1,5 часов, из которых непосредственно сборка конструктора – от 30 до 50 минут. Аудио- и видеозапись осуществлялась средствами платформы для проведения видеоконференций Zoom (<https://zoom.us>). Аудиозаписи речи каждого участника обработаны в системе автоматического распознавания речи Sonix (<https://sonix.ai/>); их проверка осуществлялась при разметке в редакторе ELAN (<https://archive.mpi.nl/ta/elan>), где результаты контент-анализа ретроспективных интервью также соотносились с обсуждаемыми сегментами сессии.

Табл. 2. Характеристики экспериментальных сессий

	Сессия 1 HEM-РУС	Сессия 2 АНГЛ-РУС	Сессия 3 HEM-РУС	Сессия 4 КИТ-РУС
Данные переводчиков				
Возраст	34	24	29	31
Пол	Жен	Жен	Жен	Жен
Опыт работы (лет)	12	1	7	4
Длительность (мин)				
Разминка	4	4	2,5	6
Сборка	29	44	32	51
Интервью	92	77	97	58
Количество словоупотреблений				
Оригинал	1150	2389	2088	3806
Перевод	1097	1228	949	2025

С одной стороны, все проведённые сессии уникальны, поскольку ход решения поставленной задачи достаточно сложно предсказать – он определяется индивидуальными особенностями коммуникантов. С другой стороны, специфика видеокommunikации и наличие справочных материалов определили общие для всех испытуемых переводчиков трудности. Пошаговое руководство, которого придерживается инструктор, позволяет осуществлять сравнение работы переводчиков в схожих контекстах. Отметим, что в ходе всех проведённых сессий участники успешно собирали модель из деталей конструктора, то есть цель коммуникации была достигнута.

Заключение

Таким образом, описанная процедура позволила получить следующие типы данных для количественного и качественного анализа: орфографическая транскрипция реплик носителя иностранного языка; орфографическая транскрипция реплик переводчика; транскрипция реплик переводчика с предварительной разметкой пауз и речевых сбоев; выборка контекстов ретроспективного комментария.

На данном этапе мы ограничиваемся исследованием вербальной составляющей полученного материала и выделяем два ключевых направления интерпретации её свойств: коммуникативно-прагматическое и когнитивное.

В рамках первого направления интерес представляет выделение тактик, служащих для координации коммуникации и повышения её эффективности, описание языкового оформления этих тактик, выявление причин их использования. Систематизация добавлений, средств экспликации и опущений в переводе, а также наблюдение за изменением вариантов перевода с течением времени сессии позволят рассуждать о способах адаптации переводчика к условиям ограничений визуального канала информации при описании взаимодействия с объектами (артефактами).

Второе ключевое направление связано с необходимостью выделения значимых источников когнитивной нагрузки в процессе удалённого инструктажа, а также выявления способов её снижения. Для этого на этапе ретроспекции мы использовали визуальный опросный лист, позволяющий зафиксировать формирование состояния присутствия. В дальнейшем эти данные могут быть соотнесены с лингвистическими признаками формирования состояния присутствия (динамикой использования местоимений *я/мы* в речи инструктора и *вы/мы* в речи переводчика с течением времени сессии и др.). Работа в указанных направлениях позволит использовать полученные экспериментальные данные при подготовке рекомендаций для эффективного осуществления удалённого инструктажа с участием переводчика.

Литература

- Васильева, З. С. Опыт исследования коммуникативного взаимодействия, опосредованного видеотехнологиями / З. С. Васильева // Антропологический форум. – 2010. – № 13. – С. 177–210.
- Краснопеева, Е. С. Адаптация устного переводчика к работе в гибридной среде (на примере пусконаладочных работ с удаленным участником) / Е. С. Краснопеева, С. С. Краева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2022. – Т. 8. – № 2(30). – С. 6–23.
- Alem, L. Presence in video-mediated interactions: Case studies at CSIRO / L. Alem // Media Space 20+ Years of Mediated Life. – Springer, 2009. – P. 369–392.
- Fantinuoli, C. Computer-assisted interpreting: challenges and future perspectives / C. Fantinuoli // Trends in E-tools and resources for translators and interpreters. – Brill, 2017. – P. 153–174.
- Fussell, S. R. Gestures over video streams to support remote collaboration on physical tasks / S. R. Fussell, L. D. Setlock, J. Yang, J. Ou, E. Mauer, A. D. Kramer // Human-Computer Interaction. – 2004. – Vol. 19. – No. 3. – P. 273–309.
- Gile, D. Observational studies and experimental studies in the investigation of conference interpreting / D. Gile // Target. – 1998. – Vol. 10. – No. 1. – P. 69–93.
- Meyer, B. Corpus-based studies on interpreting and pragmatics / B. Meyer // The Routledge Handbook of Translation and Pragmatics. – Routledge, 2019. – P. 75–92.
- Turner, G. H. Doing 'understanding' in dialogue interpreting: Advancing theory and method / G. H. Turner, A. J. Merrison, // Interpreting. – 2016. – Vol. 18 – No. 2. – P.137–171.

References

- Vasilyeva, Z. S. Video-mediated communicative interaction: an analysis / Z. S. Vasilyeva // Antropologicheskij forum [Forum for Anthropology and Culture]. – No. 13. – P. 177–210. (in Russian)
- Krasnopeyeva, E. S. Interpreter adaptation in hybrid ecology: the case of video-mediated commissioning of equipment / E. S. Krasnopeyeva, S. S. Kraeva // Vestnik Tjumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates]. – 2022. – Vol. 8. – No. 2(30). – P. 6–23. (in Russian)
- Alem, L. Presence in video-mediated interactions: Case studies at CSIRO / L. Alem // Media Space 20+ Years of Mediated Life. – Springer, 2009. – P. 369–392.
- Fantinuoli, C. Computer-assisted interpreting: challenges and future perspectives / C. Fantinuoli // Trends in E-tools and resources for translators and interpreters. – Brill, 2017. – P. 153–174.
- Fussell, S. R. Gestures over video streams to support remote collaboration on physical tasks / S. R. Fussell, L. D. Setlock, J. Yang, J. Ou, E. Mauer, A. D. Kramer // Human-Computer Interaction. – 2004. – Vol. 19. – No. 3. – P. 273–309.
- Gile, D. Observational studies and experimental studies in the investigation of conference interpreting / D. Gile // Target. – 1998. – Vol. 10. – No. 1. – P. 69–93.
- Meyer, B. Corpus-based studies on interpreting and pragmatics / B. Meyer // The Routledge Handbook of Translation and Pragmatics. – Routledge, 2019. – P. 75–92.
- Turner, G. H. Doing 'understanding' in dialogue interpreting: Advancing theory and method / G. H. Turner, A. J. Merrison, // Interpreting. – 2016. – Vol. 18 – No. 2. – P.137–171.

Кривенко О. А.

Медицинский колледж министерства здравоохранения
и демографической политики Магаданской области
Магадан, Российская Федерация

О СОХРАНЕНИИ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из актуальных направлений социолингвистики является изучение адекватной языковой политики по сохранению языков коренных малочисленных народов. Современная языковая политика Магаданской области нацелена на то, чтобы языки коренных малочисленных народов Севера продолжали функционировать и развиваться. В статье рассматриваются методы поддержки культурно-языкового многообразия Магаданской области, регулируемые правительством, а также внедрения языковых программ, направленных на дальнейшее развитие и функционирование языков коренных малочисленных народов Севера в регионе.

Ключевые слова: языковая политика, культурно-языковое многообразие, программы поддержки языков коренных малочисленных народов Севера в Магаданской области.

Krivenko O. A.

Medical College of the Ministry of Health
and Demographic Policy of the Magadan Region
Magadan, Russian Federation

ON THE PRESERVATION OF THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH UNDER THE CONDITIONS OF THE MODERN LANGUAGE POLICY ON THE TERRITORY OF THE MAGADAN REGION

One of the topical areas of sociolinguistics is the study of an adequate language policy for the preservation of the languages of indigenous peoples. The modern language policy of the Magadan region is aimed at further functioning of languages of the indigenous peoples of the North. The article discusses methods of supporting the cultural and linguistic diversity of the Magadan region, regulated by the government, as well as the introduction of language programs aimed at the further development and functioning of the languages of the indigenous peoples of the North in the region.

Key words: Keywords: language policy, cultural and linguistic diversity, programs to support the languages of the indigenous peoples of the North in the Magadan region.

Язык в некотором смысле является инструментом для выражения мыслей говорящих на нем людей, который помогает выразить свой особый способ организации и восприятия реальности. Язык является важнейшим компонентом национальной культуры этноса. Языковое многообразие следует рассматривать как достояние культуры того или иного народа, поскольку каждый язык составляет основу преемственности культурной самобытности говорящих на нем людей.

Является ли язык коренных малочисленных народов Севера адекватным инструментом, способным к выполнению тех функций, которые могут требоваться для языка, позволяющего отразить реалии современной действительности? Любой язык, обладая достаточной структурной пластичностью и адаптивностью, потенциально способен воплотить новые экспрессивные потребности, воспринимаемые людьми, и стать средством современного общения при обеспечении должного его сохранения и развития.

Современная языковая политика Магаданской области нацелена на то, чтобы языки коренных малочисленных народов Севера продолжали функционировать и развиваться.

На сегодняшний день нет работ, предлагающих комплексный анализ современной языковой ситуации и языковой политики в Магаданской области. Недостаточно разработанная теоретическая база работ в рамках данной тематики говорит о необходимости рассмотреть некоторые вопросы языковой политики в Магаданской области, как определяющего фактора для дальнейшего функционирования языков коренных малочисленных народов Севера в изучаемом регионе.

По мнению магаданского исследователя Ю.Ю. Магерамовой «языковой ландшафт Крайнего Северо-Востока на рубеже XX–XXI вв., с одной стороны, обладает собственной спецификой по сравнению с лингвистической ситуацией многих других регионов России (отсутствием влияния диалекта, существованием особого колымского региона, утратой языков коренных этносов), а с другой стороны, во многом соответствует современным тенденциям развития языковых систем в глобальном масштабе, что выражается, в частности, в активизации ассимилятивных процессов, в переходе от многочисленных миноритарных языков, основанных на культурном прошлом, к языку, имеющему прагматическое коммуникативное значение» [Магерамова, 2021, с. 244].

На сегодняшний день, сохранение языка и самобытности коренных народов, населяющих Магаданскую область, является одним из приоритетных направлений национальной политики, в этой связи важным является создание условий для использования родного языка коренными малочисленными народами Севера ввиду серьезного воздействия экстралингвистических факторов. Также значимым представляется изучение социально-психологических факторов, определяющих языковое поведение КМНС, изучение рисков языкового сдвига и дальнейшее развитие языков малых этносов в условиях многоязычного региона.

Академик А.С Герд определяет языковую политику (языковое планирование) как «сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной государственной или административной территории». Автор отмечает, что языковая политика в определенном смысле является отражением политики государства, осуществляемой через систему государственных мероприятий [Герд, 2005, с. 93].

Н. Б. Вахтин, в свою очередь, рассматривает языковую политику как часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализует эту политику в виде языкового планирования, то есть в реализации языковой политики [Вахтин, 2004, с. 163].

В рамках реализации языковой политики государство принимает нормативные и законодательные акты о языках, которые неизбежно затрагивают общественно-политическое сознание граждан и оказывают воздействие на социальные, экономические, культурные стороны их жизни.

Согласно Закону РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» «Правительство Российской Федерации разработывает федеральные целевые программы сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации и осуществляет меры по реализации таких программ. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации могут разрабатывать соответствующие региональные целевые программы (Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/)»

В программах сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации предусматриваются обеспечение функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик и иных языков народов Российской Федерации, содействие изданию литературы на языках народов Российской Федерации, финансирование научных исследований в области сохранения, изучения и развития языков народов Российской Федерации, создание условий для распространения через средства массовой информации сообщений и материалов на языках народов Российской Федерации, подготовка специалистов в указанной области, совершенствование системы образования в целях развития языков народов Российской Федерации и иные меры (Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1: [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/).

В 2016 году в Магаданской области был принят закон «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области», определяющий родные языки коренных малочисленных народов как исторически обусловленные и закрепленные в общественном сознании коренных малочисленных народов системы знаков, служащие естественным способом человеческого общения и мыслительной деятельности, способом национальной самоидентификации, средством хранения и передачи информации и являющиеся основой и средством воплощения и развития национальной культуры коренных малочисленных народов. Данный закон направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития родных языков коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Магаданской области на территориях традиционного расселения своих предков (Закон Магаданской области «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области»: [сайт]. – URL: <https://magadan-gov.ru/doc/33568>).

На территории Магаданской области также действует постановление от «04» июля 2019 г. No 476-пп «Об утверждении государственной программы Магаданской области «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области», направленное на создание благоприятных условий для устойчивого социально-экономического развития, сохранения культурного наследия, этнических языков и духовных традиций коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области (Об утверждении государственной программы Магаданской области «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области»: [сайт]. – URL: <https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=28668>). В отношении этнокультурной политики, данная программа позволила достичь определенных результатов, направленных на сохранение языкового

своеобразия региона. Так, построен этнокультурный центр в с. Тауйск Магаданской области, изданы книги авторов из числа коренных малочисленных народов Севера (К. Ханькан, А. Чайко, Ч. Моторова), проводятся различного уровня конференции, семинары, совещания, конкурсы и национальные праздники - конференция «Богоразовские чтения» на базе МОГАУДПО «Институт развития образования и повышения квалификации педагогических кадров» г. Магадана.

Вместе с тем, как отмечается в программе – «происходит положительная динамика демографических процессов, что представлено ростом численности коренного населения и снижением младенческой смертности».

Однако, «отсутствует возможность преподавания родных языков как учебной дисциплины, а не только факультативных и кружковых занятий, ощущается нехватка педагогических кадров. Требуется внимание к вопросу заработной платы учителям родного языка». Данный фактор является основополагающим для совершенствования языковой политики региона. По нашему мнению, необходимо приложить массу усилий для дальнейшего активного педагогического взаимодействия и совершенствования образовательной стратегии региональной политики в области национальных языков.

Также в Магаданской области действует Постановление губернатора Магаданской области от 16.02.2016 № 33-п «О создании Совета при губернаторе Магаданской области по вопросам коренных малочисленных народов Севера». В полномочия Совета входит в том числе разработка предложений, касающихся сохранения и развития языка коренных малочисленных народов Севера (О создании Совета при губернаторе Магаданской области по вопросам коренных малочисленных народов Севера: [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/432975931>).

Как видим, с точки зрения соблюдения правовых основ языковой политики в политическом пространстве Магаданской области функционирование языков коренных малочисленных народов Севера законодательно закреплено и всячески поддерживается государством.

Все эти попытки, направленные на сохранение языков коренных малочисленных народов Севера могут действовать как стабилизирующая и укрепляющая сила для обеспечения жизнеспособности родных языков.

Однако, несмотря на большое количество норм, действующих на территории Магаданской области, в сфере обеспечения адекватной языковой политики по сохранению языков коренных малочисленных народов, все-таки имеет место недостаточное правовое регулирование этого вопроса. Принятие вышеперечисленных законодательных актов, не в полной мере смогло обеспечить должную реализацию языковой политики на территории региона. В настоящее время государство лишь фрагментарно обеспечило реализацию языковой политики, часть норм носит декларативный характер, а пробелы, содержащиеся в действующем законодательстве, значительно снижают возможность эффективной реализации языковой политики Магаданской области. Так, до настоящего времени нет четкого понимания, что такое «повышение качества изучения родных языков представителями коренных народов» и в чем оно состоит, что входит в понятие «содействие в изучении родных языков» и др., и это в свою очередь порождает массу неясностей в вопросах реализации языковой политики Магаданской области.

В настоящее время для языков КМНС актуально расширение функционального пространства, развитие и социальный престиж языка, более того, первоочередным является вопрос о его выживании и дальнейшем сохранении в условиях полиэтничного региона.

Следует также отметить «смешанный» тип этнической среды на территории Магаданской области, где двуязычие имеет широкое распространение.

Само по себе двуязычие – это состояние, которое очень трудно поддерживать среди группы людей в течение любого продолжительного периода времени, ведь равновесие в использовании двух языков легко теряется.

Каким бы нестабильным оно ни было, двуязычие может закончиться не чем иным, как переходным этапом в одноязычие. Необходима разработка различных двуязычных программ, способствующих поддержанию обоих языков среди коренного населения.

Кажется очевидным, что двуязычное образование в Магаданской области, будет совершенствоваться, по крайней мере, в обозримом будущем, благодаря мониторингу его качества со стороны правительства региона.

Фактически, правительством Магаданской области, учреждениями общего и высшего образования на протяжении 10 лет были предприняты различные усилия, направленные на борьбу с тенденцией неуклонного упадка родных языков. Даже там, где из-за языковой ситуации сложным представлялось начать двуязычную программу, был создан жизнеспособный климат для сохранения родного языка. Среди коренных народов в таких местах появился спрос на языковые курсы и программы изучения коренных народов (в области искусства, музыки, танца, истории). Осознавалась необходимость включения детей и взрослых в программу поддержки изучения языка.

Там, где преобладает родной язык, его начинают использовать чаще во многих аспектах повседневной жизни, чем десять лет назад, но все еще не в достаточной степени. Изучению языков КМНС способствуют двуязычные классы, программы образования для взрослых, а также курсы на базе учреждений среднего и высшего образования.

Следует отметить, что необходимо рассмотреть очередную проблему функционирования языка, важнейшим аспектом которой будут систематические усилия по развитию словарного запаса коренных малочисленных народов Севера, подходящего для выражения неродных понятий (например, по научно-техническим дисциплинам).

Еще одним фактором, возникающим на пути к улучшению языковой ситуации, станет социально-психологическая установка носителей языка по отношению к распространению языков КМНС в быстро развивающемся языковом пространстве, где превалирует русский язык.

Ведь отсутствие целенаправленной и последовательной деятельности по программе развития и сохранения языков малочисленных народов Севера отрицательно сказывается на их развитии, итоги переписи показывают, что процесс языкового сдвига у коренных этносов продолжается.

Правительство в некотором смысле преуспело в разработке нормативных актов и законов, но в большинстве случаев механизмы для их исполнения и реализации этих, даже если они направлены на пользу языка коренных народов, не в полной мере эффективны.

В настоящее время немногие коренные народы идентифицируют себя как носители языка наследия, еще меньше могут говорить на языке своих предков.

НАСЕЛЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО РОДНОМУ ЯЗЫКУ ПО ОТДЕЛЬНЫМ СУБЪЕКТАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Магаданская область	Численность населения соответствующей национальности	Указавшие родной язык	в том числе назвали родным языком						Не указавшие родной язык	
			русский	эвенский	корякский	чукский	юкагерский	эвенкийский		другой язык
Указавшие национальную принадлежность	152066	151963	145347	647	382	56	13	11	5507	103
Эвены (ламуты)	2635	2633	1980	642	-	-	-	10	1	2
Коряки	900	900	516	2	382	-	-	-	-	-
Ительмены	613	613	611	-	-	-	-	-	2	-
Чуки	285	285	231	-	-	53	-	-	1	-
Камчадалы	280	280	280	-	-	-	-	-	-	-
Орочи	76	76	73	2	-	-	-	-	1	-
Юкагиры	71	71	58	-	-	-	13	-	-	-
Чуванцы	57	56	56	-	-	-	-	-	-	1
Эскимосы	33	33	32	-	-	-	-	-	1	-
Указавшие другие ответы о национальной принадлежности (не перечисленные выше)	147116	147016	141510	1	-	3	-	1	5501	100
Лица, в переписных листах которых не указана национальная принадлежность	4930	1302	1260	3	-	1	-	-	38	3628

Приведенные статистические данные переписи населения показывают, что для многих носителей языка КМНС родным является русский. В такой ситуации наиболее остро встает вопрос о ведении языковой политики, направленной на сохранение и поддержание родных языков (Всероссийская перепись населения 2010 года: [сайт]. URL: <https://habstat.gks.ru>). Процесс утраты языков КМНС происходил в связи с закрытием поселков и национальных округов, носители языка уезжали в другие населенные пункты области, где постепенно происходила их ассимиляция с русскоговорящим населением.

Правительство Магаданской области предпринимает важные шаги в поисках модели для эффективной поддержки развития языков коренных народов.

Комплекс разработанных мер для обеспечения поддержки культуры и языков коренных народов, указывают на то, что Магаданская область в лице правительства региона готова работать в этом направлении.

Особенно многообещающей представляется программа по сохранению языков КМНС. Тем не менее, необходимо быть более открытым для предложений извне, направленных на создание целого комплекса мер, требующих тщательной разработки для удовлетворения потребности в возрождении языков коренных народов Магаданской области. Одна из дополнительных мер, которую следует учитывать в этом плане работы – основание фонда для поддержки инициатив по развитию языков коренных народов, открытого для коренных жителей, желающих работать над возрождением языка своих предков. Такие инициативы по возрождению языка, как правило, реализуются через учреждения образования и культуры. Эти программы финансируются из региональных бюджетов и строго контролируются государством, поэтому они обязаны четко попадать под требования образовательных стандартов, которые регламентируют, как именно нужно преподавать. Вследствие этого, предоставляется не так много свободы в возникновении новаторских идей по возрождению языка, которые лежат за пределами учебных программ.

Если бы такой фонд создавался из инициативных групп, вероятным представляется больше шансов на свежие начинания, исходящие от коренных общин.

Понятно, что сотрудничество между свободно говорящим и человеком с педагогической степенью было бы идеальным для возрождения языка, однако для функционирования такого тандема необходим целый ряд факторов.

Таким образом, фонд может быть хорошим способом заручиться поддержкой совместных инициатив, которые могут возникать между носителями языка КМНС из числа общин и сотрудниками образовательных учреждений.

Важной проблемой также является отсутствие обученного педагогического состава, владеющего языком коренных народов. Более того, вопрос престижа языка остается проблемой для многих учителей. Большинство педагогов осознают необходимость изучения языка предков, однако многие не могут полностью объяснить значимость этого процесса. В этой связи, важным представляется проведение мероприятий по обмену опытом, способствующих погружению в атмосферу использования родного языка. Значимым также представляется создание постоянной платформы для встреч и обмена методиками обучения в пределах региона.

Язык коренных малочисленных народов Севера – незаменимый носитель культурного и интеллектуального наследия малых этносов, хранящий историю многих тысяч лет его развития. Сохранение языкового разнообразия – это не сентиментальная дань некоему идеализированному прошлому, а часть содействия устойчивому, уместному и расширяющему возможности развитию. Лингвистическое разнообразие дает уникальные перспективы, поскольку оно раскрывает множество способов, с помощью которых люди организуют и классифицируют и передают свой опыт. Увенчаются ли предпринимаемые попытки успехом местной власти по возрождению языкового многообразия региона – это вопрос, ответ на который сложно сформулировать.

На наш взгляд, сложность изучения языковой ситуации в Магаданской области и дальнейшего ее анализа связана с недостаточной разработанностью данного вопроса. Такое исследование имеет перспективы для развития как для практики обучения языкам, так и в теоретическом аспекте. Результаты работы по теоретическому осмыслению собранного материала могут послужить основой для сведения их к единым позициям для анализа и сопоставления. Немаловажной является перспектива рассмотреть ряд сложного взаимодействия факторов (лингвистических, демографических, политических, географических, социальных и др.), из которых формируется языковая ситуация в области, что в последующем даст материал для дальнейших методических разработок.

Литература

- Вахтин Н. Б, Головкин К В. Социоллингвистика и социология языка: Учебное пособие. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. — 336 с.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2е изд., исправленное. – СПб.: Изд-во Петерб. университета, 2005. – 457 с.
- Магерамова Ю.Ю. Лингвистическая ситуация на Крайнем Северо-Востоке России на рубеже XX–XXI веков // Историческая этнология. 2021. Т.6, №2. С. 243–256.
- Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (дата обращения: 08.07.2021).
- Закон Магаданской области «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области» [сайт]. – URL: <https://magadan-gov.ru/doc/33568> Дата обращения: 07.10.2022.
- Население коренных малочисленных народов российской федерации по родному языку по отдельным субъектам российской федерации [сайт]. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/sroc/Documents/Vol4/pub-04-23.pdf Дата обращения: 07.10.2022.
- СУБЕРЛЕНКА.RU : науч. электрон. б-ка: [сайт]. – URL: Проблемы сохранения родных языков коренных малочисленных народов Севера (на материалах Магаданской области) <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sohraneniya-rodnyh-yazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-na-materialah-magadanskoy-oblasti/viewer> Дата обращения: 08.10.2022.
- О создании Совета при губернаторе Магаданской области по вопросам коренных малочисленных народов Севера [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/432975931> Дата обращения: 08.10.2022.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [сайт]. – URL: <https://habstat.gks.ru/storage/mediabank> Дата обращения: 08.10.2022.
- Релиз о коренных народах [сайт]. – URL: habstat.gks.ru Дата обращения: 08.10.2022.
- Об утверждении государственной программы Магаданской области «Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области» [сайт]. – URL: <https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=28668> Дата обращения: 08.10.2022.

References:

- Vaxtin N. B, Golovko K V. Sociolingvistika i sociologiya yazy'ka: Uchebnoe posobie. — SPb.: ICz «Gumanitarnaya Akademiya»; Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2004. — 336 s.
- Gerd A.S. Vvedenie v e'tnolingvistiku: Kurs lekcij i xrestomatiya. 2e izd., ispravlennoe. – SPb.: Izd-vo Peterb. universiteta, 2005. – 457 s.

- Mageramova Yu.Yu. Lingvisticheskaya situatsiya na Krajnem Severo-Vostoke Rossii na rubezhe XX–XXI vekov // Istoricheskaya e'tnologiya. 2021. T.6, №2. S. 243–256.
- Zakon RF ot 25.10.1991 N 1807-1 (red. ot 11.06.2021) "O yazy`kax narodov Rossijskoj Federacii" [sajt]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/ (data obrashheniya: 08.07.2021).
- Zakon Magadanskoj oblasti «O rodny`x yazy`kax korenny`x malochislenny`x narodov Severa, prozhivayushhix na territorii Magadanskoj oblasti» [sajt]. – URL: <https://magadan.gov.ru/doc/33568> Data obrashheniya: 07.10.2022.
- Naselenie korenny`x malochislenny`x narodov rossijskoj federacii po rodnomu yazy`ku po otdel`ny`m sub`ektam rossijskoj federacii [sajt]. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-23.pdf Data obrashheniya: 07.10.2022.
- CYBERLENINKA.RU : nauch. e`lektron. b-ka: [sajt]. – URL: Problemy` soxraneniya rodny`x yazy`kov korenny`x malochislenny`x narodov Severa (na materialax Magadanskoj oblasti) <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sohraneniya-rodnyh-yazykov-korennyh-malochislennyh-narodov-severa-na-materialah-magadanskoj-oblasti/viewer> Data obrashheniya: 08.10.2022.
- O sozdanii Soveta pri gubernatore Magadanskoj oblasti po voprosam korenny`x malochislenny`x narodov Severa [sajt]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/432975931> Data obrashheniya: 08.10.2022.
- Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda [sajt]. – URL: <https://habstat.gks.ru/storage/mediabank> Data obrashheniya: 08.10.2022.
- Reliz o korenny`x narodax [sajt]. – URL: habstat.gks.ru Data obrashheniya: 08.10.2022.
- Ob utverzhenii gosudarstvennoj programmy` Magadanskoj oblasti «Social`no-e`konomicheskoe i kul`turnoe razvitiye korenny`x malochislenny`x narodov Severa, prozhivayushhix na territorii Magadanskoj oblasti» [sajt]. – URL: <https://www.49gov.ru/documents/one/index.php?id=28668> Data obrashheniya: 08.10.2022.

Кузнецов А. Н.ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования»
Москва, Российская Федерация**Вельдяева Т. А.**ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»
Красноярск, Российская Федерация

ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ- ЛИНГВИСТОВ К ПРЕДСТОЯЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Актуальность представленных материалов определяется тем, что в контексте внедрения положений профессионального стандарта «Специалист в области перевода» и необходимости совершенствования учебно-программной документации профильных вузов, статье рассматривается диагностическое тестирование готовности к профессиональной межкультурной коммуникации как начальный этап формирования профессиональной межкультурной стратегической компетентности будущих переводчиков. Основным диагностирующим инструментом является метод анкетирования как с интегрированными элементами метода кейсов, сравнительно-сопоставительного анализа и рефлексии. Данное анкетирование состоит из шести частей, коррелирующих с элементов советующей компетентности, а также требованиями ФГОС ВО по направлению «Лингвистика» и профессионального стандарта переводчика. По результатам каждой из частей входной диагностики сделаны дидактические выводы, которые, в свою очередь, могут использоваться в качестве методических рекомендаций для проектирования технологии и содержания курсов и пособий по подготовке к межкультурной коммуникации. Также, сделан обобщённый вывод по проведенной диагностике, проведен анализ результатов и приведены статистические данные. Материалы могут быть использованы, в частности, для дальнейшего научного поиска в области проектирования и формирования профессиональных компетентностей переводчиков.

Ключевые слова: подготовка переводчиков, профессиональная межкультурная стратегическая компетентность, подготовка лингвистов, диагностика уровня компетенции, обыденное сознание, межкультурная коммуникация, кросс-культурный анализ, профессиональный стандарт переводчика

Kuznetsov A. N.Institute of Education Management of the Russian Academy of Education
Moscow, Russian Federation**Veldyaeva T. A.**Siberian State University
Krasnoyarsk, Russian Federation

AN APPROACH TO DIAGNOSTICS OF COMPETENCY OF LINGUISTIC STUDENTS IN FORTHCOMING PROFESSIONAL INTERCULTURAL COMMUNICATION

In the context of the introduction of the newly developed occupational standard for translators and the vitality of the modification of translator training curricula, the authors of the article discuss the diagnostic assessment used to evaluate students' readiness for professional intercultural communication. It is used as an initial stage in the formation of professional intercultural strategic competency of translators. The main assessment tool is a questionnaire incorporating elements of case-study method, comparing and contrasting, and reflecting analysis. Consisting of six parts, the questionnaire is aligned to the structure of professional intercultural strategic competency and the requirements of the national educational and the occupational standard. Each part features conclusion of high didactic value since it could be used as methodological guidelines for development of educational courses and handbooks on professional intercultural communication identifying further learning objectives. At the end there's a summative evaluation based on learner-supplied evidence with associated statistics. The materials may be used for the further theoretical backgrounding and development of the professional competencies of translators.

Key words: translator training, professional intercultural strategic communication, linguistic education, competency level diagnostics, ordinary consciousness, intercultural communication, cross-cultural analysis, occupational standard of a translator

Не только формирование компетентностей, но и оценивание уровня их сформированности является сложнейшей задачей, характеризующейся поликритериальностью и полипараметричностью. В соответствии с Федеральным законом об образовании Российской Федерации¹ качество образования является комплексной характеристикой и, в первую очередь, показывает «степень соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы». То есть, результаты образовательного процесса (или компетенции), во-первых, должны удовлетворять потребности работодателей и специалистов - быть полезны; во-вторых, являются планируемыми или проектируемыми; и, в-третьих, должны быть измеримы – иметь некие референсные значения.

Авторами данной статьи разрабатывается и апробируется структурно-функциональная модель формирования профессиональной межкультурной стратегической компетентности (ПМСК) будущих переводчиков [Вельдяева, 2013; Гавриленко, 2012]. Под ПМСК мы понимаем интегративное качество личности, обеспечивающее его личностную и функциональную готовность (компетентность) к решению профессиональных стратегических задач в области межкультурного взаимодействия в условиях профессионально-обусловленного диалога культур, т.е. в конкретно-деятельностных ситуациях профессиональной жизнедеятельности; эта готовность должна включать в себя следующие аспекты: **когнитивный** (профессионально-значимые знания), **личностный** (профессионально-значимые качества), **деятельностный** (профессионально-значимые умения и навыки), **аксиологический** (мотивированность к предстоящей профессиональной межкультурной деятельности), **праксиологический** (реальный/квази-профессиональный опыт). Таким образом, профессиональная межкультурная стратегическая компетентность обеспечивает продуктивную профессиональную деятельность в контексте диалога культур.

Первым этапом реализации структурно-функциональной модели ПМСК является констатирующий эксперимент, имеющий целью диагностирование текущего уровня сформированности прото-элементов ПМСК. Основным диагностирующим инструментом нами был выбран метод анкетирования [Ядов, 1995] с интегрированными элементами метода кейсов, сравнительно-сопоставительного анализа и рефлексии.

Входное диагностическое анкетирование студентов (количество респондентов – 226 чел.) проводилось в двух вузах г. Москвы, осуществляющих подготовку переводчиков:

- 1) ФГАОУ ВПО НИТУ «МИСиС»: , студенты 3 и 4 курса (197 человек), прошедшие обучение по направлению «45.03.02 Лингвистика» (бакалавриат), профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» (далее - ТиМ), профиль «Перевод и переводоведение» (далее - ПП), по направлению «45.04.02 Лингвистика» (магистратура), англоязычная программа «Теория коммуникации и международные связи с общественностью» (ТКиМСО) (28 человек, в т.ч. иностранные студенты – 16 человек), студенты «Образовательного центра лингвистики и естественных наук» Института базового образования ФГАОУ ВПО НИТУ МИСиС (Далее - ИБО), проходившие подготовку по дополнительной образовательной программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (17 человек);
- 2) ФГБОУ ВПО «Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горюхина»: студенты 5 курса факультета «Технический сервис в Агропромышленном комплексе» (далее ТС в АПК), специальность «Сервис импортной автотракторной техники» с присвоением дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» (12 человек).

Разработанное анкетирование состояло из шести частей.

В первой части диагностического инструментария (личные данные, опыт изучения иностранных языков, наличие подготовки в области межкультурного взаимодействия) студенты предоставляли фактическую информацию об опыте формирования иноязычной коммуникативной и межкультурной компетентностях. На вопрос «Проходили ли Вы подготовку в области межкультурной коммуникации?» 27% студентов (61 человек) ответили положительно. Как правило это студенты старших курсов или магистранты. При этом 73% студентов (165 человек) не имеют предшествующего обучения межкультурной коммуникации.

Вторая часть представляет собой блок праксиологического и аксиологически-мотивационного диагностирования и включает в себя восемь открытых вопросов (описание предшествующего межкультурного опыта, проблемных ситуаций, оценивание значимости межкультурной подготовки и мотивированности к успешному межкультурному диалогу).

¹ Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 02.12.2019 N 403-ФЗ (последняя редакция) (с изменениями на 2 июля 2021 года) (редакция, действующая с 1 сентября 2021 года)

Основными дидактическими выводами по второму блоку входного диагностического анкетирования могут быть следующие.

- поскольку большая часть студентов: 1) не сталкивались с коммуникативными затруднениями культурологического характера, 2) воспринимают иноязычную лингвистическую компетентность условием успешной межкультурной коммуникации, и 3) не имеют опыта профессиональной межкультурной коммуникации, считаем необходимым наглядно продемонстрировать студентам реальные межкультурные коммуникативные неудачи, их ситуационное многообразие и создать педагогические условия приобретения квазипрофессионального опыта межкультурного взаимодействия;
- ввиду того, что 48% студентов утверждают, что «настороженно и аккуратно» относятся ко всему новому и «иному», а также чувствуют себя не уверенно в ситуациях неопределенности, считаем важным повышать уровень мотивированности студентов к межкультурной коммуникации, а также развивать релевантные личностно-деловые качества, в частности через освоение стратегии межкультурной коммуникации (в т.ч. как универсальной стратегии взаимодействия с «новым» и «неизвестным»), а так же использовать специально отобранные методы, формы и средства формирования профессиональной межкультурной стратегической компетентности (метод проектов, дискуссии, диалоги, диспуты, деловые и ролевые игры и пр.);
- так как в части анкет прослеживается недостаточное осознание значимости и влияния особенностей родной культуры на успешность межкультурной коммуникации, а также присутствуют идеи культурного универсализма (все культуры и, следовательно, индивиды, одинаковы) считаем важным применение метода сравнительно-сопоставительного анализа для выявления и анализа культурных особенностей и различий с последующей рефлексией;
- так как в части анкет прослеживается недостаточное осознание значимости и влияния особенностей родной культуры на успешность межкультурной коммуникации, а также присутствуют идеи культурного универсализма (все культуры и, следовательно, индивиды, одинаковы) считаем важным применение метода сравнительно-сопоставительного анализа для выявления и анализа культурных особенностей и различий с последующей рефлексией.

Третья часть - аналитико-культурологический блок – состоит из четырех вопросов-заданий, проверяющих научный кругозор, умение искать и обрабатывать релевантную информацию [Kuznetsov, 2021], а также проводить кросс-культурный анализ и прогнозирование [Вельдяева, 2015]. В данном блоке студенты изучают и анализируют культурные особенности конкретных стран и прогнозируют возможные межкультурные затруднения в процессе коммуникации между их представителями.

Основные дидактические выводы по второму блоку входного диагностического анкетирования могут быть сформулированы следующим образом:

- поскольку 43% студентов продемонстрировали недостаточно высокий уровень умений работы с источниками информации, навыков критического мышления, кросс-культурного анализа и отбора релевантных данных о культурных особенностях конкретных стран, авторы сочли важным применение метода проектов, а также увеличение доли самостоятельной подготовки студентов к семинарским занятиям и практикумам, участия в научно-исследовательской деятельности, что соответствует принципу формирования автономности, как одному из центральных принципов [Kuznetsov, 2021], используемых в структурно-функциональной модели формирования ПМСК; при этом формируются и развиваются умения и способности, в том числе, включённые в ряд компетенций, регулируемых ФГОС ВО 3++ по направлению 45.03.02 Лингвистика уровня бакалавриата¹ (УК-1 «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач», УК-5 «Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах») и 45.04.02 Лингвистика уровня магистратуры² (УК-1 «Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий», УК-5 «Способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия», ОПК-7 «Способен работать с основными информационно-поисковыми и экспертными системами, системами представления знаний и обработки вербальной информации»); данные методы и формы также соответствуют ряду трудовых действий, умений и знаний, регламентированных профессиональным стандартом переводчика [Перевод, 2019]: трудовая функция «устный сопроводительный перевод», трудовое действие «сбор информации о предстоящем мероприятии и условиях осуществления перевода», умение «ориентироваться в разных информационных источниках»; трудовая функция «устный последовательный перевод», умение «определять стратегию перевода в соответствии с особенностями коммуникации и целью перевода»,

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12.08.2020 «Об утверждении федерального государственного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика» № 969 // URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/450302_B_3_31082020.pdf (дата обращения 10.11.2021)

² Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 992 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 45.04.02 Лингвистика» http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Mag/450402_%D0%9C_3_17062021.pdf (с изменениями и дополнениями) Редакция с изменениями N 1456 от 26.11.2020 (дата обращения 10.11.2021)

трудовая функция «письменный перевод (в том числе с использованием специализированных инструментальных средств), умение «находить, анализировать и классифицировать информационные источники в соответствии с переводческим заданием» и пр.

- так как подавляющее большинство студентов (92%) описывали культуры и проводили кросс-культурный анализ, не акцентируя внимания на деловом характере предстоящей профессиональной межкультурной деятельности, важным является введение профессионального делового контекста на занятиях по межкультурной коммуникации, изучение типичных ситуаций делового межкультурного общения и релевантных культурных особенностей стран и национальностей. Иными словами – необходима профессионализация межкультурной подготовки в рамках высшего образования, основанная на принципах профессионально-компетентного подхода и принципе учета требований социально-профессиональной среды [Кузнецов, 2015]. При формировании ПМСК эффективным является применение следующих форм и методов: кейсов, разбора «критических ситуаций», квазипрофессионального моделирования, рефлексии, деловых и ролевых игр. Данный дидактический вывод коррелирует с требованиями ФГОС ВО, выраженных в следующих компетенциях: 45.03.02 Лингвистика уровня бакалавриата (ОПК-4 «Способен осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие в устной и письменной формах как в общей, так и профессиональной сферах общения в соответствии с правилами и традициями межкультурного профессионального общения, правилами речевого общения в иноязычном социуме»), 45.04.02 Лингвистика уровня магистратуры (ОПК-5 «Способен осуществлять межъязыковое и межкультурное взаимодействие с носителями изучаемого языка в соответствии с правилами и традициями межкультурного профессионального общения, правилами речевого общения в иноязычном социуме»), а также требованиям профессионального стандарта переводчика: трудовая функция 3.1.1 «Устный сопроводительный перевод» включает в себя такое трудовое действие как «Сопровождение заказчика в соответствии с заранее согласованной программой с целью обеспечения межкультурной коммуникации» и следующие умения и знания: «Ситуативно применять знания культурно-коммуникативных особенностей, позволяющих преодолеть влияние стереотипов во время контакта с представителями различных культур», «Правила этикета, принятые в родной и иноязычных культурах».

Четвертый - теоретико-стратегический - блок студенты: высказывали свои предположения о возможных стратегиях до и во время профессионального межкультурного взаимодействия, а также в случае возникновения межкультурных коммуникативных затруднений. Данная часть состоит из трех открытых вопросов и определяет теоретические предпосылки готовности к межкультурному взаимодействию, в том числе к ситуациям затрудненной межкультурной коммуникации.

По результатам анализа четвертой части анкеты нами были сформулированы следующие дидактические задачи:

- поскольку крайне низкий процент респондентов указывал на такой вид подготовки как консультирование и обмен релевантным профессиональным опытом, мы считаем важным внедрить мастер-классы со специалистами-практиками как одну из форм формирования профессиональной межкультурной стратегической компетентности, дающую возможность опосредованного получения релевантного опыта [Кузнецов, 2015; Вельдяева, 2018];
- результаты четвертого блока входной диагностики подтверждают выводы предыдущего блока о необходимости профессионализации подготовки к межкультурному взаимодействию и применения принципов учета требований социально-профессиональной среды, адекватности средств обучения и моделирования квазипрофессиональной деятельности; это соответствует требованиям актуальных ФГОС ВО по направлению «Лингвистика» и профессионального стандарта переводчика [Перевод, 2019; Вельдяева, 2018];
- так же как и во втором блоке анкетирования, ответы на данный блок показывают, у студентов происходит подмена понятий «язык» и «культура», и иноязычная лингвистическая компетентность, сформированная на достаточно высоком уровне, воспринимается как условие успешной межкультурной коммуникации; следовательно, одной из дидактических задач [Гавриленко, 2012; Вельдяева, 2015] должна являться демонстрация значимости таких явлений как «культурные измерения», «культурная дистанция», этапы культурного шока (в частности первого этапа, на котором культурные различия не ощущаются коммуникантами), что также докажет важность межкультурной подготовки в контексте предстоящей профессиональной деятельности;
- учитывая, что подавляющее большинство студентов выбирают стратегию ассимиляции («подстроиться под») или адаптации ко второй культуре и предлагают таким образом фактически отказаться от собственной культурной идентичности, считаем необходимым обучать стратегическому подходу к межкультурной коммуникации как способности проектировать и/или выбирать наиболее продуктивные стратегии профессионального межкультурного взаимодействия, учитывая лингво- и социокультурные особенности участников коммуникации. Что, в свою очередь, является формированием ПМСК.

Пятый и шестой блоки кросс-культурного анализа и стратегическо-деятельностного проектирования (анализ конкретных межкультурных ситуаций, кросс-культурный анализ и стратегическое прогнозирование, последующее предложение собственных эффективных стратегий профессионального межкультурного взаимодействия). Студентам предлагались три кейса по межкультурной коммуникации, включающие в себя

описание «межкультурного затруднения» с сопутствующими специально спроектированными заданиями-вопросами, предполагающими проведение кросс-культурного анализа и проектирование стратегий межкультурного взаимодействия. Следует также отметить, что данные задания соотносятся с требованиями профессионального стандарта переводчика, в частности, с трудовой функцией 3.3.4. «Консультирование в области качества перевода» и ее трудовым действием «Консультирование в области повышения результативности межкультурного взаимодействия в рамках переводческой деятельности», что предполагает наличие таких умений как «объяснять специфику национального поведения в различных ситуациях межкультурного взаимодействия». Также, трудовая функция 3.1.1. «Устный сопроводительный перевод» и одно из ее трудовых действий - «Сопровождение заказчика в соответствии с заранее согласованной программой с целью обеспечения межкультурной коммуникации» регламентируют следующие умения: распознавать и использовать экстралингвистическую информацию; использовать принятые нормы поведения и национального этикета; ситуативно применять знания культурно-коммуникативных особенностей, позволяющих преодолеть влияние стереотипов во время контакта с представителями различных культур; распознавать невербальные средства общения (мимика, жесты), принятые в иноязычных культурах; и знания правил этикета, принятых в родной и иноязычных культурах. Качество выполнения заданий последних двух блоков диагностического анкетирования определяет, с одной стороны, готовность будущих специалистов к профессиональному межкультурному общению, сформированность элементов по ПМСК и, с другой стороны, соответствие их подготовки требованиям профессионального стандарта переводчика.

Основные дидактические выводы по пятому и шестому блокам входного диагностического анкетирования:

- ввиду того, что больше половины студентов (68%) демонстрировали «обыденное сознание», преобладание стереотипов, недостаточность критического восприятия проблемного задания и узкий научный кругозор, считаем целесообразным применение метода проектов как вида научно-исследовательской деятельности, развивающего в том числе критическое мышление; более того, в соответствии с профессиональным стандартом переводчика, трудовая функция 3.1.1. «Устный сопроводительный перевод» подразумевает такие умения, как «Ситуативно применять знания культурно-коммуникативных особенностей, позволяющих преодолеть влияние стереотипов во время контакта с представителями различных культур». ФГОС ВО 3++ регламентирует формирование универсальных компетенций, связанных с критическим мышлением: направление 45.03.02 «Лингвистика» уровня бакалавриата (УК-1 «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач»), направление 45.04.02 «Лингвистика» уровня магистратуры, УК-1 «Способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий»;
- поскольку подавляющее большинство студентов (96%) в качестве продуктивных стратегий профессионального межкультурного взаимодействия предлагают стратегии толерантного отношения, адаптации и/или ассимиляции (социокультурная мимикрия) и фактический отказ от собственной культурной идентичности, необходимым является продемонстрировать разнообразие стратегий межкультурного взаимодействия с учетом сохранения собственной культурной идентичности, а также сфокусировать на развитии стратегического мышления и планирования;
- исходя из того, что 99% студентов не анализируют профессиональное межкультурное взаимодействие с позиций стратегического мышления, т.е. не происходит таких важных тактических операций, как прогнозирование возможных затруднений, проектирование коммуникативно-поведенческой стратегии (реальных поведенческих и речевых действий), считаем необходимыми формирование стратегического компонента профессиональной межкультурной компетентности как вектора, направленного на успешную межкультурную коммуникацию, достижение коммуникативных целей в профессиональном контексте диалога культур за счет применения определенного алгоритма действий, выработанного в процессе подготовки и собственного практического (реального и квазипрофессионального) опыта; именно эта концепция легла в основу обучающего курса по формированию ПМСК.

Входное диагностическое анкетирование оценивало готовность к профессиональной межкультурной коммуникации. Для оценивания применялась десятибалльная шкала, где готовность делилась на высокую (8-10 баллов), среднюю (5-7 баллов) и низкую (0-4 баллов). Графически результаты представлены на Рис. 1.

Готовность к профессиональной межкультурной коммуникации

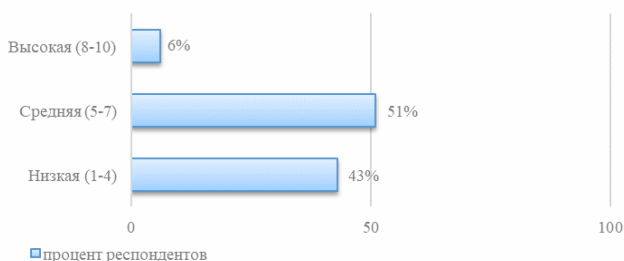

Рис. 1. Готовность студентов к профессиональной межкультурной коммуникации (по данным входного тестирования)

Из графика выше (Рис. 1) видно, что половина студентов - 51%, (115 из 226 человек) на момент входного тестирования имели средний уровень готовности к профессиональной межкультурной коммуникации, 43% студентов (97 человек) продемонстрировали низкий уровень готовности к профессиональной межкультурной коммуникации и наименьшая часть студентов (6%, что составляет 14 человек) имеют высокий уровень готовности. Однако, стоит отметить, что респонденты, обучающиеся на уровне магистратуры, имеют достаточно высокий уровень готовности и больше как академического, так и профессионального опыта; часть из них проходили межкультурную подготовку на предыдущей ступени обучения. Также следует отметить тот факт, что среди респондентов, чей уровень готовности к профессиональной межкультурной коммуникации был диагностирован как «низкий», также присутствуют студенты, имеющие целенаправленную подготовку в области межкультурной коммуникации в рамках высшего образования, что говорит о низкой эффективности текущих образовательных программ

Результаты входного диагностического анкетирования, позволяют сформулировать дидактические цели и задачи, которые, в свою очередь, отражаются в применяемых методах, формах и средствах формирования ПМСК. Важно отметить, что данное эмпирическое исследование коррелирует с требованиями актуальных нормативных документов (ФГОС ВО и профессиональным стандартом специалиста в области перевода) и демонстрирует значимость формирования универсальных и общепрофессиональных компетенций, регламентируемых ФГОС ВО, а также указывает на необходимость профессионализации межкультурной подготовки в вузах для удовлетворения как государственного, так и социально-профессионального заказов.

Литература

- Вельдяева, Т. А. Профессиональная межкультурная стратегическая компетентность: подходы и этапы формирования / Т. А. Вельдяева // Среднее профессиональное образование. – 2013. – № 8. – С. 23-25.
- Вельдяева, Т. А. Когнитивный подход к формированию профессиональной межкультурной стратегической компетентности / Т. А. Вельдяева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. – 2015. – № 4(28). – С. 157-168.
- Вельдяева, Т. А. Межкультурный аспект профессиональных стандартов специалистов / Т. А. Вельдяева // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. – 2018. – №4. – С. 52-56.
- Гавриленко, Т. А. Профессиональная межкультурная стратегическая компетентность переводчиков в сфере профессиональной коммуникации: проблемы терминологии и формирования / Т. А. Гавриленко, А. Н. Кузнецов // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет имени В.П. Горячкина». – 2012. – № 4-2(55). – С. 57-60.
- Кузнецов, А. Н. Развитие кросскультурной компетентности в техническом вузе: концепция, реализация, контроль / А. Н. Кузнецов. – Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, Inc., 2015. – 159 с.
- Перевод и локализация: опыт разработки профессионального стандарта / Е. М. Александрова, М. В. Берендяев, К. А. Васильева [и др.]; Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 140 с.
- Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности / В.А. Ядов. — 3-е изд., испр. — Москва: Омега-Л, 2007. — 567 с.

Kuznetsov, A. N. Development of Information Competency of Technical University Students: a Case Study of Career-Oriented Cross-Cultural Language Training / A. N. Kuznetsov, A. Bannova, T. Veldyaeva // 15th International Technology, Education and Development Conference, Valencia, 08–09 марта 2021 года. – Valencia: IATED, 2021. – С. 8267-8274.

References

- Veldyaeva, T. A. Professional intercultural strategic competence: approaches and stages of formation // Secondary Vocational Education. – 2013. – № 8. – Pp. 23-25.
- Veldyaeva, T. A. Cognitive approach to the formation of professional intercultural strategic competence // Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodological-didactic research. – 2015. – № 4(28). – Pp. 157-168.
- Veldyaeva, T. A. Cross-cultural aspect of professional standards professionals // Municipal Education: Innovations and Experiment. – 2018. – № 4. – Pp. 52-56.
- Gavrilenko, T. A. Professional intercultural strategic competence of translators in the field of professional communication: the problem of termination and the formation of a // Bulletin of the Federal state educational institution of higher professional education “Moscow state Agroengineering University named after V. P. Goryachkin”. – 2012. – № 4-2(55). – Pp. 57-60.
- Kuznetsov, A. N. Development of cross-cultural competence in a technical university: concept, implementation, control / A. N. Kuznetsov. - Raleigh, North Carolina, USA: Lulu Press, Inc., 2015. - 159 p.
- Translation and localization: the experience of developing a professional standard / E. M. Alexandrova, M. V. Berendyaev, K. A. Vasilyeva [et al.]; Siberian Federal University, Institute of Philology and Language Communication. - Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. - 140 p.
- Yadov V.A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. - 3rd ed. - Moscow: Omega-L, 2007. - 567 p.
- Kuznetsov, A. N. Development of Information Competency of Technical University Students: a Case Study of Career-Oriented Cross-Cultural Language Training // 15th International Technology, Education and Development Conference, Valencia, 08–09 марта 2021 года. – Valencia: IATED, 2021. – Pp. 8267-8274.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ КОММУНИКАЦИИ В ЯЗЫКАХ МОНГОЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В исследовании предпринимается попытка выделить основные исторические обстоятельства и факторы, затрудняющие межъязыковую коммуникацию в монголоязычной среде. Основным методологическим инструментарием исследования выступает общенаучный метод сравнения и историко-интерпретационный подход. Устанавливается негативное влияние таких факторов, как географическая разобщённость монголоязычных этносов, опыт проведения ряда самостоятельных языковых реформ в XX столетии, обилие заимствований лексических элементов из языков соседствующих народов, а также неопределённость касательно единого происхождения монгольских языков. Отмечается политический характер большинства выделенных препятствий. Таким образом, делается вывод о значительном влиянии политических процессов, имевших место в истории, на способности отдельных языковых групп поддерживать внутреннюю коммуникацию. Как правило, процессы подобного характера не всегда попадают в поле зрения учёных-лингвистов.

Ключевые слова: лингвистика, коммуникация, язык, Монголия, история, языковой барьер

Kushkhov B. K.
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

THE HISTORICAL BACKGROUND OF MODERN COMMUNICATIONAL DIFFICULTIES AMONG THE MONGOLIC LANGUAGES

The study attempts to identify the main historical circumstances and factors that impede interlingual communication in the Mongolian-speaking environment. The main methodological tools of the study are the general scientific method of comparison and the historical-interpretive approach. The negative influence of such factors as the geographical disunity of the Mongolian-speaking ethnic groups, the experience of a number of independent language reforms in the 20th century, the abundance of borrowing of lexical elements from the languages of neighboring peoples, as well as the uncertainty regarding the common origin of the Mongolian languages is established. The political nature of most of the identified obstacles is noted. Thus, a conclusion is made about the significant influence of political processes that have taken place in history on the ability of individual language groups to maintain internal communication. The processes of this nature are often neglected by linguists.

Keywords: linguistics, communication, language, Mongolia, history, language barrier

Введение

Современные языки, имеющие монгольское происхождение, имеют достаточно большую степень распространённости за пределами современного государства Монголия. В частности, заметное число говорящих на языках монгольской группы наблюдается в КНР, где на них говорят так называемые «ожные монголы» (Автономный Район Внутренняя Монголия), хошоуты или монголы Кукунора (Синьцзян-Уйгурский Автономный Район) а также баргуты и харачины (провинция Хэйлуцзян), в Российской Федерации монгольские языки наблюдаются у калмыков, бурят и некоторой части эвенков. Помимо этих двух стран, монгольские языки получили ограниченное распространение среди незначительных общин потомков монгольских воинов-кочевников, осевших на территориях современного Афганистана и Ирана [Грунтов 2015, с. 238].

В связи с такой широкой географией распространения данной группы языков встаёт очевидный вопрос о способности поддержания языковой коммуникации между её носителями. Вопрос о степени схожести языков одной языковой группы представляется очень популярным в лингвистических исследованиях. Так, достаточно широко изучены различия в языках тюркского, иранского, славянского

происхождения. В это же время проблематике монгольских языков уделяется куда менее значительное внимание.

Проблемы

Исследование данного вопроса показывает наличие большого количества препятствий, значительно ограничивающих возможности коммуникации между разными языками монгольской группы. К числу негативных факторов, затрудняющих «обмен информацией» между разными представителями «монгольского мира» можно отнести следующие проблемы, выделенные и рассмотренные в данном исследовании.

1 - *Факт проведения отдельных и невазвязанных языковых реформ* в отдельных диалектах.

В частности, монголоязычные жители Ирана и Афганистана пишут арабской вязью, внутренние монголы и бартугы - традиционным монгольским письмом или китайской иероглификой [Баранова, 2021, с.84]. Это отличает их от других современных монгольских этносов, с 20го века использующих кириллическое письмо. Но и между «кириллическими» языками поддерживать письменную коммуникацию крайне сложно: пользующиеся кириллицей халха-монголы, буряты и калмыки имеют значительные различия в написании одних и тех же звуков в силу проведения трёх самостоятельных друг от друга языковых реформ, связанных с переходом на кириллицу (в 1920е годы – калмыцкий и бурятский языки, в 1940е годы - халха-монгольский) [Араи, 2021, с.16]. В трёх языках не полностью совпадает даже сам алфавит. В результате, письменные различия в трёх языках, несмотря на наличие формально одного и того же алфавита, представляются ещё более серьёзными, нежели устные. В современных же условиях интернет-коммуникации предполагается значительное доминирование письменных форм общения над устными.

2 - *Географическая разобщённость и изолированность ареалов* распространения монгольских языков, которая прослеживается на многовековых хронологических отрезках.

Значительное географическое распространение монгольских языков произошло в 13 веке посредством кочевой экспансии. Монгольские завоеватели едва ли не впервые в истории человечества сумели организовать экспансионистский проект евразийского масштаба. В частности, в него напрямую были вовлечены территории Китая, России, Кореи, Индии, Афганистана, Ирана, Средней Азии, Ближнего Востока, а также Восточной и Юго-Восточной Европы- естественно, вместе с проживающими на их территориях народностями. В результате, незначительные группы монголов оказались на колоссальном расстоянии друг от друга, не имея прямой возможности общаться друг с другом на протяжении многих столетий [Грунтов, 2015, с.241]. Единое управление завоеваниями монголов быстро стало сходиться на нет и уже спустя пять-шесть десятилетий с момента своего начала уже не представлялось реальным. В результате, имела место утрата общей имперско-монгольской идентичности завоевателей, которые перестали ассоциировать себя с другими монголоязычными народами. Этот упадок некогда сильного «Pax Mongolica» привёл также и к нарушению континентальных торговых путей, которые поддерживались в исправности благодаря недолговечному «консенсусу» монгольских правителей. Подобное обстоятельство также представляется катализатором процесса локализации некогда единого языка, или же, в крайнем случае, группы значительно схожих.

В дальнейшем, спустя ещё несколько столетий, ситуация усугубилась вхождением разных монгольских народов в состав разных империй на правах вассалов: русской, китайской, персидской, могольской, дураннийской и тд. Это обстоятельство, связанное с установлением строгих границ между политическими образованиями и незаинтересованностью держав в трансграничных миграционных потоках, ещё сильнее ограничило возможности культурно-языкового взаимодействия монголоязычных этносов.

3 - *Наличие значительной доли языковых заимствований* в монгольских языках из языков соседних народов.

В силу разобщённости ареалов распространения монгольских языков, их носители были вынуждены на регулярной (даже бытовой) основе общаться с народами совершенно другого происхождения. В эпоху расширения своего ареала расселения, монголы приходили на захваченные ими территории, всегда оставаясь в численном меньшинстве, в окружении незнакомой и не похожей на них культуры [Баранова, 2021, с.79], нуждаясь в достижении понимания их религиозных и языковых «символов». В результате, происходила существенная диффузия некогда агрессивных кочевников-тенгрианцев с различными монотеистическими оседлыми народами, которая не могла не сказаться на заимствовании ими ряда «чужих» слов и выражений, а иногда и даже легендарных фольклорных сюжетов.

Ситуация усугублялась и «оседанием» монгольских воинов на захваченных землях, что побуждало их к смешанным бракам с женщинами-представительницами местных народов. В результате, сыновья подобных смешанных браков заимствовали огромное количество немонгольских слов и выражений у своих матерей в ранние годы жизни, которые, как правило, они проводили вдали от своих монголоязычных отцов, занятых военными походами.

4 - *Гипотетическое различие в происхождении языков разных монгольских этносов.*

В соответствии с популярным научным мнением, целостный и единый монгольский язык формировался во многом искусственными мерами в 13 веке: в частности, именно на это столетие

приходится масштабная языковая реформа, организованная Чингисханом для удовлетворения административных потребностей его империи. Понятие «монгол», само по себе, стало вытеснять племенные и родовые идентификации именно в эту эпоху. Вероятно, до образования относительно целостного монгольского языка, каким он представляется исследователям в своём состоянии 13-14 веков, различные протомонгольские племена уже имели значительные языковые различия, которые и стали проявляться при распаде так называемой «Монгольской империи» [Баранова, 2021, с.85]. Так как время её целостного существования не превышает период в несколько десятилетий, возврат к местным языковым нормам мог осуществляться путём общения между разными поколениями монголов. При этом, не стоит полностью отождествлять причины диверсификации монгольских языков с одним этим процессом: рассмотренные в первых трёх пунктах факторы также оказали своё влияние на формирование коммуникационной проблемы во внутригрупповом общении.

Выводы

Таким образом, в исследовании делается вывод о наличии целого спектра исторических факторов, создавших существующие затруднения во внутригрупповой коммуникации монгольских этносов. Посредством применения историка-интерпретационного подхода и сравнительного общенаучного метода в процессе анализа были определены главные причины существования значительных трудностей в коммуникации между носителями разных языков монгольского происхождения. К ним следует отнести факт проведения отдельных и невзаимосвязанных языковых реформ в отдельных диалектах, географическая разобщённость и изолированность ареалов распространения монгольских языков, наличие значительной доли языковых заимствований в монгольских языках из языков соседних народов, а также гипотетическое различие в происхождении языков разных монгольских этносов. Также, устанавливается первостепенность политических и переселенческих факторов, способствовавших формированию данных трудностей, в том числе: значительная и краткосрочная экспансия воинов-кочевников 13 века, скорое падение «панмонгольской идентичности кочевых завоевателей» и последовавший несколько столетий спустя раскол «монгольского мира» на территории с разной политической принадлежностью.

Литература

- Баранова В. В. Новые контакты близкородственных языков: монголоязычные группы в поисках аутентичности // Социоллингвистика. 2021. №1 (5). С. 78-89.
- Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. №3. С. 205-255.
- Юкиясу Араи. Интеграция и разделение языка: языковая политика монгольских народов в СССР и Монголии в 1920-1940 гг. // Социоллингвистика. 2021. №1 (5). С. 9-29.

References

- Baranova V. V. Novye kontakty blizkородstvennykh yazykov: mongoloyazychnye grupy v poiskah autentichnosti // Sociolingvistika. 2021. №1 (5). S. 78-89.
- Gruntov I. A., Mazo O. M. Klassifikaciya mongol'skikh yazykov po leksikostatisticheskim dannym // Voprosy yazykovogo rodstva. 2015. №3. S. 205-255.
- YUkiyasu Arai. Integraciya i razdelenie yazyka: yazykovaya politika mongol'skikh narodov v SSSR i Mongolii v 1920-1940 gg. // Sociolingvistika. 2021. №1 (5). S. 9-29.

Левочкин И. И., Высоцкая М. Р.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ ЕЛИЗАВЕТЫ II НА МАТЕРИАЛЕ НЕКРОЛОГОВ «THE GUARDIAN» И «THE NEW YORK TIMES»

Статья посвящена описанию стилистических фигур в некрологе, выражающих оценку исторической личности. За основу взяты два некролога крупных СМИ англоговорящих стран – «The Guardian» и «The New York Times», посвященные королеве Великобритании Елизавете II. Авторы выдвигают гипотезу об оценке исторической личности, где статья одного из СМИ, на основе выявленного количества и качества стилистических фигур, будет проецировать более негативную оценку, чем другая. Предлагается сравнительно-сопоставительный анализ, по результатам которого авторы статьи делают вывод об использованных изданиями стилистических средствах и о современном состоянии такого публицистического жанра, как некролог.

Ключевые слова: некролог, медиа-дискурс, фигура речи, стилистический анализ, лексика

Levochkin I. I., Vysotskaya M. R.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

ASSESSMENT OF THE PERSONALITY OF ELIZABETH II BASED ON THE GUARDIAN AND THE NEW YORK TIMES OBITUARIES.

The article is following a description of stylistic figures in obituaries, expressing the assessment of historical figures. The Guardian and The New York Times obituaries devoted to Elizabeth II death were used as a basis of the analysis. Authors put forward a hypothesis: an article by one of the media, based on the quality and quantity of stylistic figures identified, will project a more negative assessment of historical figures than the other one. The article offers a comparative and comparative analysis, where according to the results the authors conclude about the stylistic means used by publications and the current state of such a publicistic genre as the obituary.

Keywords: obituary, media discourse, figure of speech, stylistic analysis, vocabulary

В связи с недавней смертью долгоправящего и старейшего монарха Великобритании, Елизаветы II, возрос интерес к исследованию общественного представления о данной личности. За время ее правления выросло не одно поколение, произошло немало важных с исторической точки зрения событий, и это делает дискурс о ее фигуре актуальным для исследований. С лингвистической точки зрения, подобные оценочные компоненты легко обнаружить в текстах общественно-политического и медиадискурса. Одним из жанров подобного типа текстов является некролог.

За основу анализа были взяты некрологи газет «The New York Times» и «The Guardian», посвященные королеве Великобритании и Северной Ирландии Елизавете II, опубликованные в день ее смерти, 8 сентября. Выбор газет основан на предположении о контрастном содержании некрологов, опубликованных в Соединенных Штатах Америки и Великобритании соответственно. Объектом исследования являются фигуры речи, которые указывают отношение интернет-газет в сторону описываемой личности. Стилистический анализ фокусировался на поиске средств выразительности в выбранных статьях: синтаксические, лексические и лексико-синтаксические приемы были в приоритете поиска. Кроме этого, приоритет поиска был направлен на те тропы, которые отражают оценку личности Елизаветы II, ее правления, взаимоотношений с семьей и общественностью. Актуальность статьи обоснована отсутствием исследований некрологов на наличие различных фигур речи. Гипотезой на момент начала анализа является предположение, что в тексте одной из интернет-газет количество эмоциональных элементов с позитивной коннотацией должно превалировать над аналогичной. Выбор практического материала обосновывается тем, что материалы газет «The New York Times» и «The Guardian» ориентирован на либерального реципиента, в то время как аналогичные издания выступают на более консервативную аудиторию. Важной особенностью выбранных некрологов также являются личности авторов. Так, автором американского текста является журналист, который не специализируется на написании описываемого жанра медиа-дискурса в то время, как английский журналист – корреспондент по религиозным вопросам и королевским делам.

Некрологи представляют особый жанр, поскольку в центре подобного вида текстов стоит определенный человек, его качества и достижения, и основная задача некролога состоит в том, чтобы наилучшим образом преподнести читателю сложный жизненный путь в одной газетной статье [Moses 2004]. Будучи институциональным жанром дискурса, целью некролога является отражение значимых событий в жизни усопшего, но тем не менее, с помощью различных средств может выражаться и нежелательный подтекст [Букина 2020]. В подтверждение этому, некролог является конвенциональной процедурой по оповещению коллективного реципиента о смерти человека. В таком случае здесь затронута перформативная функция дискурса [Бейлинсон 2009]. Презентационная функция представлена непосредственно в рассматриваемых нами стилистических приемах и ключевых словах статей.

Как и любой публицистический жанр, подобные статьи обладают четкой структурой. Если рассматривать внутреннюю композицию выбранных некрологов, обе статьи начинаются с заголовка и подводки, которые несут в себе апеллятивную функцию: заголовок и подводка некролога, написанного британским журналистом довольно конкретизированы, в то время как, у американского журналиста статья начинается эксплицитно, со стандартного приема газетного жанра – использование языка заголовков, т. е. «Headlines». Тенденция к газетному стилю прослеживается и в структуре основного содержания статьи: текст выстроен по схеме «песочные часы», т. е. новость, которая начинается с объемного пересказа сути события, затем следует «переход» (начиная с подзаголовка «The Young Princess») и подробный рассказ с соблюдением хронологии события [Колесниченко 2008]. В противовес этому, английская статья намного больше напоминает структуру некролога: вводная часть кратко описывает итоги жизни описываемой личности (имя, титул, возраст на момент смерти, обстоятельства последних лет жизни), а основная часть содержит общую информацию об описываемой личности (место рождения, детские годы, образование, начало профессиональной деятельности, личные качества, достижения, увлечения, признание, завершение деятельности и личная жизнь) [Евдокимова 2010]. Стоит отметить, что статья «The Guardian» не сепарирует текст, в отличие от американской статьи, где присутствуют подзаголовки.

Будучи текстом с высокой степенью эмоциональной информации [Колесниченко 2008], некролог содержит большое количество стилистических приемов. Проведя стилистический анализ текста интернет-издания «The New York Times», было обнаружено следующее количество используемых языковых средств, по отношению к герою, которому посвящен некролог: эпитет (15), метафора (3), сравнение (3), эвфемизм (2), противопоставление (2), гипербола (1). Рассмотрим реализации каждого из тропов присутствующих в некрологе «The New York Times» на конкретных примерах:

1) *She ruled for seven decades, unshakably committed to the rituals of her role amid epic social and economic change and family scandal.* – яркий пример эпитета, отражающий приверженность королевы к традициям и обязанностям, несмотря на неблагоприятные события в королевской семье;

2) *Some predicted that Elizabeth would recede into the shadows after Philip's death...* – данный пример эпитета, используемый автором некролога, снова денотирует на стойкость королевы, несмотря на, казалось бы, травмирующие события произошедшие в последние годы правления;

3) *...she urged her subjects to fight the virus with the same bulldog tenacity that wartime Britons had shown.* – сравнение исторической личности с символом милитаризма снова указывает на непоколебимость королевы перед выполнением своих обязанностей;

4) *...a moment described by Princess Margaret as like a phoenix rising from the ashes.* – эвфемизм, используемый для сравнения королевы с символом бессмертия и стойкости;

5) *Elizabeth's courtly and reserved manner changed little as Britain shed its empire abroad and was transformed at home, from a deferential and self-doubting nation, impoverished by World War II, into a brash, wealth-driven, less respectful and more self-centered place.* – противопоставление выступает нарративом, показывающим в каком направлении двигалась страна в период правления Елизаветы II;

6) *Elizabeth's long years as sovereign were a time of enormous upheaval.* – гиперболизация выступает в качестве показателя того, что в период правления королевы абсолютно все изменилось в лучшую сторону.

Аналогичный анализ статьи интернет-издания «The Guardian» показал следующее количество языковых средств: эпитет (6), перифраз (3), сравнение (2), гипербола (1), градация (2), антитеза (2), метафора (1). Рассмотрим реализации каждого из средств выразительности некролога «The Guardian»:

1) *Through all this, the Queen increasingly appeared a serene and unifying figure, no longer publicly ridiculed as out of touch.* – эпитет, к которому прибег автор статьи, очевидно, характеризует королеву как оплот стабильности и спокойствия, чего требовали от нее обстоятельства неудавшегося брака Чарльза и соответствующая реакция общественности.

2) *By contrast, Her Majesty's sang-froid was widely admired.* – продолжение образа невозмутимого монарха данный перифраз подчеркивает всеобщее одобрение и даже восхищение этой чертой королевы.

3) *Even devoted monarchists knew of her only at second hand, as a cipher...* – несмотря на долгий срок правления, известность и приверженность государству и подданным, Елизавета в силу своих принципов старалась не показывать на публику истинный характер, о чем и говорит данное сравнение.

4) *Instead she played, largely impeccably, the part of a modern constitutional monarch <...> with a right to be consulted and to advise and warn political leaders privately* – как показывает данная гипербола, ввиду перемен, происходивших в обществе с окончанием Второй мировой войны, монархии тоже приходилось претерпевать изменения, и королева Елизавета безукоризненно стала символом этих изменений.

5) *As Queen, she was an integral part of the country and its institutions: one of the best-known women and national leaders in the world, photographed, painted, filmed, depicted, lauded – and occasionally ridiculed – from the time she became heir to the throne, at the age of 10, in 1936, to the end of her life.* – здесь обособление выступает неким противопоставлением градации, разрывом в ряде причастий прошедшего времени с положительной коннотацией. Это указывает на то, что несмотря на положительный и даже в какой-то степени вознесенный образ королевы, за всю историю ее правления возникали случаи, когда этот образ становился более приближенным к обычным людям, нежели чем образ «избранного Богом» монарха.

6) *Born a fortnight before the 1926 general strike, she lived well into the age of the internet.* – контекстуальная антитеза, представленная в противопоставлении двух периодов в истории человечества, подчеркивает, насколько долгим был срок правления Елизаветы и каким длинным был ее путь становления.

7) *The princess had made occasional wartime radio broadcasts, her piping, stilted voice, speaking in cut-glass tones to the children of the empire.* – в указанной метафоре четко видится поддержка будущей королевы своего народа в непростое для Англии время.

Соответственно, для некрологов характерны следующие фигуры речи: эпитет, метафора, сравнение, эвфемизм, противопоставление, гипербла, градация, антитеза, перифраз. Авторы предполагают, что при дальнейших исследованиях аналогичных статей интернет-изданий, количество найденных средств увеличится.

Из проведенного анализа следует, что в статье «The New York Times» среди стилистических приемов больше лексики с положительной коннотацией (например, личность описывают такими словами и словосочетаниями, как «unshakable», «a phoenix rising from the ashes», «nation's anchor» и т. д.). Тем не менее, при проведении анализа были обнаружены единицы с негативным описанием личности (например, использование тропов со словами и словосочетаниями, как «as racist», «grudgingly slow to adapt to a world much different from the one she had», «a costly and unloved anachronism» и так далее; упомянутые тропы не указывая на личность Елизаветы II, тем не менее, описывают ее в негативном ключе, характеризуя как человека, который судит людей по цвету кожи, тяжело адаптируется к современным реалиям, и чья должность не способствует прогрессу социума Великобритании) В то же время в статье «The Guardian» стилистические слова и словосочетания с негативной коннотацией отсутствуют совсем. Их можно разделить на положительные (например, «a focus of national life, celebration and commemoration», «a serene and unifying figure», «her piping, stilted voice, speaking in cut-glass tones to the children of the empire» и т. д.) и нейтральные (например, «Born a fortnight before the 1926 general strike, she lived well into the age of the internet», «Her reign encompassed a period of the greatest changes, yet it is hard to see her name being bestowed», «steadfastly private» и т. д.) Следовательно, гипотеза, выдвинутая в начале статьи, подтверждается: большое разнообразие параллельных конструкций и антитез в статье газеты «The Guardian» может говорить скорее не о противоречивости личности королевы, а о том, как во время продолжительного срока ее правления менялся ее образ, роль как внутри страны, так и внутри семьи. Американский некролог, в свою очередь, несмотря на большое количество позитивной лексики, описывающей героя, отражает негативные стороны не только ее личности, но и ближайшего окружения.

Хочется отметить, что некрологи – это открытое поле для лингвистических исследований. Как уже было сказано ранее, стилистические средства в аналогичных статьях могут быть разнообразнее, чем в предлагаемом анализе и варьироваться в зависимости от личности, которая стоит в центре статьи. Для дальнейших исследований авторы предлагают исследование концептов американского и британского некрологов, как отдельных, но сопоставимых структур, имеющих собственные особенности, в том числе и оценочный компонент, выражающийся с помощью средств художественной выразительности.

Литература

- Бейлинсон Л.С. Функции институционального дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. - 2009. - №3(7). - С. 142-146.
- Букина Т.Г. Некролог как биографический жанр: этикетно-прагматический // ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 1. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И КУЛЬТУРЫ. - 2020. - №ТОМ 26, № 2. - С. 35-41.
- Евдокимова О.Н. Языковые и стилистические особенности траурных речевых жанров: автореф. дис. канд. фил. наук: 10.02.04. - Курск, 2010. - 171 с.
- Колесниченко А.В. Практическая журналистика. Учебное пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.
- Rae A. Moses, Giana D. Marelli Obituaries and the Discursive Construction of Dying and Living // Texas Linguistic Forum 47: Proceedings of the Eleventh Annual Symposium about Language and Society. - Austin: Moses and Marelli, 2004. - p. 123-130.

References

- Bejlinson L.S. Funkcii institucional'nogo diskursa (Functions of Institutional Discourse) // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. - 2009. - №3(7). - S. 142-146.

- Bukina T.G. Nekrolog kak biograficheskij zhanr: etiketno-pragmaticheskij (Obituary as a Biographical Genre: Etiquette and Pragmatics) // IZVESTIYA URAL'SKOGO FEDERAL'NOGO UNIVERSITETA. SERIYA 1. PROBLEMY OBRAZOVANIYA, NAUKI I KUL'TURY. - 2020. - №TOM 26, № 2. - S. 35-41.
- Evdokimova O.N. Yazykovye i stilisticheskie osobennosti traurnyh rechevyh zhanrov (Linguistic and stylistic features of mournful speech genres): avtoref. dis. kand. fil. nauk: 10.02.04. - Kursk, 2010. - 171 s.
- Kolesnichenko A.V. Prakticheskaya zhurnalistika (Practical Journalism). Uchebnoe posobie. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008.
- Rae A. Moses, Giana D. Marelli Obituaries and the Discursive Construction of Dying and Living // Texas Linguistic Forum 47: Proceedings of the Eleventh Annual Symposium about Language and Society. - Austin: Moses and Marelli, 2004. - p. 123-130.

Источники

- Guardian Media Group is amongst the world's leading media organisations with a global, progressive audience. // The Guardian URL: <https://workforus.theguardian.com/life-at-GNM/> (дата обращения: 21.09.22).
- Queen Elizabeth II Dies at 96; Was Britain's Longest-Reigning Monarch // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/08/world/europe/queen-elizabeth-dead.html> (дата обращения: 10.09.22).
- Queen Elizabeth II obituary // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2022/sep/08/queen-elizabeth-ii-obituary> (дата обращения: 10.09.22).
- Why Readers See The Times as Liberal: The Public Editor // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/24/public-editor/liz-spayd-the-new-york-times-public-editor.html> (дата обращения: 21.09.22).

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЖУРНАЛИСТСКИЕ СТАНДАРТЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Современная журналистика в России находится в процессе постоянной трансформации. Социально-технологические изменения предопределяют изменение подходов к работе. В сложившихся условиях переосмыслению подлежат исторически сформулированные в условиях «традиционной» медиасистемы профессиональные журналистские стандарты, которые являются неотъемлемой частью журналистской культуры (идеологии), ценностей и профессионального самосознания.

Ключевые слова: медиа, новые медиа, социальные медиа, профессиональные стандарты, СМИ, журналистика, журналистская этика, цифровизация, теория журналистики

Litvinova A. I.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

PROFESSIONAL JOURNALISTIC STANDARDS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND SOCIO-POLITICAL CHALLENGES OF THE XXI CENTURY: THEORETICAL APPROACHES

Modern journalism in Russia is in the process of constant transformation. Socio-technological changes predetermine a change in approaches to work. In the current conditions, professional journalistic standards historically formulated in the conditions of the “traditional” media system, which are an integral part of journalistic culture (ideology), values and professional identity, are subject to rethinking.

Keywords: media, social media, new media, professional standards, mass media, journalism, digitalization, journalistic ethics, journalism theory

Современная журналистика в России — и как деятельность, и как институт — находится в процессе постоянной трансформации. Наряду с особенностями политического и правового контекста на этот процесс влияет динамичное развитие технологий, способствующее появлению и широкому распространению новых цифровых инструментов, платформ, форматов. Социально-технологические изменения предопределяют модернизацию организационной структуры российских медиа; определяют закономерности создания, распространения и потребления контента; меняют принципы взаимодействия с аудиторией; создают новые формы монетизации, способы сбора и анализа разнообразных данных. В сложившихся условиях перманентному переосмыслению подлежат исторически сформулированные в условиях «традиционной» медиасистемы профессиональные журналистские стандарты, которые являются неотъемлемой частью журналистской культуры (идеологии), ценностей и профессионального самосознания. Параллельно с этим постепенно трансформируются и требования к сотрудникам редакций, для которых вопрос послушания не только за информационной, но и технологической повесткой становится принципиальным для выживания в высоко конкурентной среде. Наблюдение за адаптацией российских редакций «традиционных» (нецифровых) СМИ и спецификой работы «новых» (цифровых) медиа позволяет сделать предварительные выводы о том, что «традиционные» профессиональные журналистские стандарты (требования к качеству журналистского материала) меняются неравномерно — в зависимости от размера редакции, источников финансирования (от чего зависит острота конкурентной борьбы за свою аудиторию), социально-демографической ситуации в регионе распространения и других факторов, которые влияют на формирование новых закономерностей создания, распространения и потребления контента. Схожие тенденции прослеживаются и в западных медиа. Так, например, Элизабет Саад Корреа [Saad Correa] указывает, что выбор между новаторством или просто сохранением хорошо знакомых процессов зависит от того, насколько организация вовлечена в инновационные процессы, а также от различных культурных, социальных и экономических аспектов каждой медиакомпании [Making Media: Production, Practices, and Professions. Edited by Mark Deuze and Mirjam Prenger, с. 465].

Для понимания контекста важно отметить, что в российской практике формируются две различных по системным, профессиональным, этико-правовым и функциональным характеристикам массмедийных сферы: «традиционная» и сетевая. В связи с этим очевидно формирование двух различных по своему содержанию актуальных повесток (формируемой «традиционными» и «новыми» медиа), различных подходов к пониманию информационных потребностей аудитории и функциональных аспектов деятельности массмедиа. Экспресс-анализ зарубежного опыта демонстрирует схожие процессы. При этом достаточно примеров, когда медиа намеренно и откровенно игнорируют соблюдение как профессиональных, так и этических стандартов, объясняя это самыми разными необходимостями. Например, отсутствие проведения фактчекинга может объясняться необходимостью оперативно опубликовать контент в одной из социальных сетей. Или использование «языка вражды» может оправдываться потребностью вовлечь аудиторию (для улучшения показателей) и получать от нее более активный отклик. Также на возможность соблюдения журналистских стандартов могут влиять специфические правила конкретных медиаплатформ. Но для того, чтобы понять, что именно происходит в профессиональном сообществе с теми или иными стандартами (профессиональными, этическими, редакционными), необходимо исследовать представления о них действующих журналистов. В этом исследовании меня также интересует воспроизводство журналистских стандартов и профессиональной этики как фактор обеспечения социальной ответственности журналиста, подходы к моделированию профессиональной коммуникации журналиста, трансформация ценностей журналистов в РФ в процессе профессиональной социализации и социально-политическом и экономическом контекстах.

В качестве рамки определения профессиональных журналистских стандартов мы используем предложенную Дюзом [Deuze] концептуализацию журналистики как «профессиональной идеологии», которая состоит из пяти «идеально-типичных черт или ценностей»: общественное служение, объективность, автономия, оперативность и этика [Deuze, 2005, с. 6].

Понятие общественного служения модернизируется в результате разделения профессионального сообщества на офлайн- и онлайн-журналистов. С развития онлайн-журналистики в 1990-х годах офлайн- и онлайн-журналисты часто рассматривали друг друга как конкурирующие профессиональные виды [Singer 2015a; Eldridge II 2018]. Сторонники онлайн-журналистики приветствовали появление новых возможностей [Jarvis 2014; Rusbridger 2018], в то время как другие воспринимали онлайн-журналистов как угрозу традиционным стандартам [Fichter 2014], считая их ничем иным, как «экспертами по Интернету» [Gehlen 2014]. Исследования, сравнивающие офлайн- и онлайн-журналистику, в основном были сосредоточены на различиях в качестве и широте новостного контента в офлайн- и онлайн-СМИ [Doudaki and Spyridou 2013; Gheretti 2014; Burggraaf and Trilling 2020] на изменениях профессиональных стандартов под влиянием интернет-технологий [Arant and Anderson 2001; Witschge and Nygren 2009], на специфике условий работы традиционных и онлайн-журналистов [Thurman 2016a]. Ряд ученых отмечают, что онлайн-журналисты либо считают самих себя, либо воспринимаются своими офлайн-коллегами как «неполноценные» [Witschge and Nygren 2009; Usher 2014]. Однако исследования, сравнивающие концепции профессиональных ролей офлайн- и онлайн-журналистов, сосредоточены на относительно узком наборе ролей [Cassidy 2005], таким образом, теоретическое осмысление различий в профессиональных убеждениях и практиках онлайн- и офлайн журналистов носит фрагментарный характер [Henkel, I., Thurman, N., Möller, J., & Trilling, D., 2020].

Эмпирическое исследование [Henkel, I., Thurman, N., Möller, J., & Trilling, D. 2020] показало, что офлайн- и онлайн-журналисты в целом разделяют одну и ту же профессиональную идеологию. Авторы исследования отмечают, что, если в 2015 году онлайн-журналисты высмеивали понятие объективности [Agarwal, Barthel, 2015], то в 2020 году представления офлайн- и онлайн-журналистов в том, что касается этических стандартов «не сильно различаются», хотя и с заметным исключением в отношении публикации непроверенного контента. При этом исследователи выявили некоторые устойчивые различия между офлайн- и онлайн-журналистами в случаях, когда речь заходила о ценности общественных услуг [Henkel, I., Thurman, N., Möller, J., & Trilling, D., с. 1383].

Переход «традиционных» медиа в онлайн-среду обусловлен не только цифровизацией, но и глобальными социально-политическими процессами, такими как пандемия COVID-19, международная политическая обстановка в 2022 году [Как изменились соцсети в марте 2022 года, 2021]. Одной из ключевых проблем этого периода становится проблема дезинформации. Профессиональные стандарты подвергаются проверке на прочность в условиях ограниченного доступа к источникам информации, трудностей с проверкой информации на достоверность, постоянно актуализируемыми институциональными ограничениями. Сегодня любые опубликованные данные потенциально могут стать дезинформацией в зависимости от контекста представления, способа формулировки или точки зрения получателя [Devillers и другие, 2020]. И все это происходит в условиях повышенного социального интереса и требует переосмысления профессиональных стандартов с учетом технологических и социально-политических факторов.

Литература

- Agarwal, Sheetal D., and Michael L. Barthel. 2015. «The Friendly Barbarians: Professional Norms and Work Routines of Online Journalists in the United States». *Journalism* 16 (3): 376–391. doi:10.1177/1464884913511565.
- Arant, David M., and Janna Q. Anderson. 2001. «Newspaper Online Editors Support Traditional Standards». *Newspaper Research Journal* 22 (4): 57–69.
- Burggraaf, Christiaan, and Damian Trilling. 2020. «Through a Different Gate: An Automated Content Analysis of How Online News and Print News Differ». *Journalism* 21 (1): 112–129. doi:10.1177/1464884917716699.
- Cassidy, William P. 2005. «Variations on a Theme: The Professional Role Conceptions of Print and Online Newspaper Journalists». *Journalism & Mass Communication Quarterly* 82 (2): 264–280. doi:10.1177/107769900508200203.
- Devillers, Laurence & Didier, Emmanuel & Dognin-Sauze, Karine & Froidevaux, Christine & Germain, Eric & Grinbaum, Alexei & Jean-Baptiste, Jeany & Kirchner, Claude & Perrin, Jerome & Tessier, Catherine & Villata, Serena & Zolynski, Célia. (2020). Ethical issues in the fight against disinformation and misinformation. 10.13140/RG.2.2.36425.26729.
- Deuze, Mark. 2005. «What Is Journalism? Professional Identity and Ideology of Journalists Reconsidered». *Journalism: Theory, Practice & Criticism* 6 (4): 442–464. doi:10.1177/1464884905056815.
- Deuze, Mark. 2019. «What Journalism Is (Not)». *Social Media & Society* 5: 205630511985720–4.
- Donovan, J., & boyd, D. (2021). Stop the presses? moving from strategic silence to strategic amplification in a networked media ecosystem. *American Behavioral Scientist*, 65(2), 333-350. doi:10.1177/0002764219878229.
- Doudaki, Vaia, and Lia-Paschalia Spyridou. 2013. «Print and Online News: Remediation Practices in Content and Form». *Journalism Studies* 14 (6): 907–925.
- Eldridge II, Scott A. 2018. *Online Journalism From the Periphery. Interloper Media and the Journalistic Field*. London: Routledge.
- Fichter, Alina. 2014. «Zwei Welten.» («Two worlds».) *Die Zeit*, 20 March. Accessed February 26, 2018. <http://www.zeit.de/2014/13/sueddeutsche-zeitung-ploechinger>.
- Gehlen, Dirk. 2014. Laut FAS besteht der Gegensatz zwischen «Internetexperten» und «Journalisten» (According to FAS the essential difference is the one between “internet experts” and “journalists”) [Twitter]. 23 March. <https://twitter.com/dvg/status/447649232879886336/photo/1>.
- Ghersteti, Marina. 2014. «Still the Same? Comparing News Content in Online and Print Media». *Journalism Practice* 8 (4): 373–389. doi:10.1080/17512786.2013.813201.
- Henkel, I., Thurman, N., Möller, J., & Trilling, D. (2020). Do online, offline, and multiplatform journalists differ in their professional principles and practices? findings from a multinational study. *Journalism Studies*, 21(10), 1363-1383. doi:10.1080/1461670X.2020.1749111.
- Jarvis, Jeff. 2014. *Geeks Bearing Gifts: Imagining New Futures for News*. New York: CUNY Journalism Press.
- Making Media: Production, Practices, and Professions*. Edited by Mark Deuze and Mirjam Prenger, c. 492.
- Rusbridger, Alan. 2018. *Breaking News: The Remaking of Journalism and Why It Matters Now*. Edinburgh: Canongate.
- Singer, Jane B. 2015a. «Online Journalism». In *The Concise Encyclopedia of Communication*, edited by Wolfgang Donsbach, 417–418. Chichester: Wiley Blackwell.
- Waters, S. (2020). The ethical algorithm: Journalist/Whistleblower relationships explored through the lens of social exchange. *Journalism and Communication Monographs*, 22(3), 172-245. doi:10.1177/1522637920947719.
- Wilding, D., & Molitorisz, S. (2022). Improving news media oversight: Why australia needs a cross-platform standards scheme. *Australian Journalism Review*, 44(1), 19-38. doi:10.1386/ajr_00086_1.
- Witschge, Tamara, and Gunnar Nygren. 2009. «Journalistic Work: A Profession Under Pressure?» *Journal of Media Business Studies* 6 (1): 37–59. doi:10.1080/16522354.2009.11073478.
- Как изменились соцсети в марте 2022 года. Официальный сайт компании Brand Analytics. URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-march-2022/>.

References

- Agarwal, Sheetal D., and Michael L. Barthel. 2015. «The Friendly Barbarians: Professional Norms and Work Routines of Online Journalists in the United States». *Journalism* 16 (3): 376–391. doi:10.1177/1464884913511565.
- Arant, David M., and Janna Q. Anderson. 2001. «Newspaper Online Editors Support Traditional Standards». *Newspaper Research Journal* 22 (4): 57–69.
- Burggraaf, Christiaan, and Damian Trilling. 2020. «Through a Different Gate: An Automated Content Analysis of How Online News and Print News Differ». *Journalism* 21 (1): 112–129. doi:10.1177/1464884917716699.
- Cassidy, William P. 2005. «Variations on a Theme: The Professional Role Conceptions of Print and Online Newspaper Journalists». *Journalism & Mass Communication Quarterly* 82 (2): 264–280. doi:10.1177/107769900508200203.
- Devillers, Laurence & Didier, Emmanuel & Dognin-Sauze, Karine & Froidevaux, Christine & Germain, Eric & Grinbaum, Alexei & Jean-Baptiste, Jeany & Kirchner, Claude & Perrin, Jerome & Tessier, Catherine & Villata,

- Serena & Zolynski, Célia. (2020). Ethical issues in the fight against disinformation and misinformation. 10.13140/RG.2.2.36425.26729.
- Deuze, Mark. 2005. «What Is Journalism? Professional Identity and Ideology of Journalists Reconsidered». *Journalism: Theory, Practice & Criticism* 6 (4): 442–464. doi:10.1177/1464884905056815.
- Deuze, Mark. 2019. «What Journalism Is (Not)». *Social Media & Society* 5: 205630511985720–4.
- Donovan, J., & boyd, D. (2021). Stop the presses? moving from strategic silence to strategic amplification in a networked media ecosystem. *American Behavioral Scientist*, 65(2), 333-350. doi:10.1177/0002764219878229.
- Doudaki, Vaia, and Lia-Paschalia Spyridou. 2013. «Print and Online News: Remediation Practices in Content and Form». *Journalism Studies* 14 (6): 907–925.
- Eldridge II, Scott A. 2018. *Online Journalism From the Periphery. Interloper Media and the Journalistic Field*. London: Routledge.
- Fichter, Alina. 2014. «Zwei Welten.» («Two worlds».) *Die Zeit*, 20 March. Accessed February 26, 2018. <http://www.zeit.de/2014/13/sueddeutsche-zeitung-ploechinger>.
- Gehlen, Dirk. 2014. Laut FAS besteht der Gegensatz zwischen «Internetexperten» und «Journalisten» (According to FAS the essential difference is the one between “internet experts” and “journalists”) [Twitter]. 23 March. <https://twitter.com/dvg/status/447649232879886336/photo/1>.
- Ghersetti, Marina. 2014. «Still the Same? Comparing News Content in Online and Print Media». *Journalism Practice* 8 (4): 373–389. doi:10.1080/17512786.2013.813201.
- Henkel, I., Thurman, N., Möller, J., & Trilling, D. (2020). Do online, offline, and multiplatform journalists differ in their professional principles and practices? findings from a multinational study. *Journalism Studies*, 21(10), 1363-1383. doi:10.1080/1461670X.2020.1749111.
- Jarvis, Jeff. 2014. *Geeks Bearing Gifts: Imagining New Futures for News*. New York: CUNY Journalism Press.
- Making Media: Production, Practices, and Professions*. Edited by Mark Deuze and Mirjam Prenger, c. 492.
- Rusbridger, Alan. 2018. *Breaking News: The Remaking of Journalism and Why It Matters Now*. Edinburgh: Canongate.
- Singer, Jane B. 2015a. «Online Journalism». In *The Concise Encyclopedia of Communication*, edited by Wolfgang Donsbach, 417–418. Chichester: Wiley Blackwell.
- Waters, S. (2020). The ethical algorithm: Journalist/Whistleblower relationships explored through the lens of social exchange. *Journalism and Communication Monographs*, 22(3), 172-245. doi:10.1177/1522637920947719.
- Wilding, D., & Molitorisz, S. (2022). Improving news media oversight: Why australia needs a cross-platform standards scheme. *Australian Journalism Review*, 44(1), 19-38. doi:10.1386/ajr_00086_1.
- Witschge, Tamara, and Gunnar Nygren. 2009. “Journalistic Work: A Profession Under Pressure?” *Journal of Media Business Studies* 6 (1): 37–59. doi:10.1080/16522354.2009.11073478.
- How social networks changed in March 2022. Official website of the company Brand Analytics. URL: <https://brand-analytics.ru/blog/social-media-march-2022/>.

АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ ИЛИ АНГЛИЙСКИЙ КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗРАБОТКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ В ГЛОБАЛИЗОВАННОМ МИРЕ

Появление теории мировых вариантов английского языка (World Englishes) послужило толчком к пересмотру многих принципов и привычных практик преподавания английского языка как иностранного (English as a Foreign Language, EFL). Было выдвинуто предположение о необходимости перехода от преподавания EFL к преподаванию EIL, то есть английского как международного языка (English as an International Language, EIL). В этой связи встал вопрос о соответствии существующих учебных пособий требованиям парадигмы World Englishes и EIL. На основе разработанных в исследовательской литературе критериев в данной статье с этой точки зрения анализируются два популярных в России учебных курса для взрослых – English File Advanced (2020) и Cutting Edge Advanced (2014). Проведенный анализ позволил прийти к выводу, подтверждающему результаты других исследований в данной области: даже в тех случаях, когда авторы учебных пособий ориентируются на принципы новой парадигмы, создать учебник, вполне отвечающий задачам перехода на обучение EIL, вряд ли возможно.

Ключевые слова: английский язык как иностранный, английский язык как международный, теория мировых вариантов английского языка, учебник английского языка

Malakhovskaya M.

Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

EFL OR EIL? DEVELOPING AND USING ENGLISH TEXTBOOKS IN A GLOBALIZED WORLD

The emergence of the theory of World Englishes triggered the revision of many principles and practices of teaching English as a Foreign Language (EFL). It has been suggested that there is a need to move from teaching EFL to teaching EIL (English as an International Language). In this regard, the question arose of whether the existing teaching materials and textbooks comply with the requirements of the World Englishes and EIL paradigm. Based on the criteria developed in the literature, this article analyzes two adult coursebooks popular in Russia, English File Advanced (2020) and Cutting Edge Advanced (2014). The author comes to a conclusion confirming the results of other studies in this area: even in cases where textbook writers are guided by the principles of the new paradigm, it is hardly possible to create a textbook that fully meets the objectives of the transition to teaching EIL.

Keywords: English as a Foreign Language, English as an International Language, theory of World Englishes, English textbook

Более полувека назад появилась, а затем стремительно стала набирать популярность теория «мировых вариантов английского языка» (World Englishes, WE), родоначальником которой был индийский лингвист Б. Качру. К созданию этой теории его побудило небывалое до того времени распространение английского языка и его повсеместное использование в качестве инструмента межъязыкового и межкультурного общения [Качру 2012, с. 149]. Опираясь на статистические данные, Б. Качру и его единомышленники и последователи подчеркивают тот факт, что в сегодняшнем мире носителей английского языка существенно меньше, чем тех, кто используют его в качестве второго или иностранного: за пределами стран Запада общение на английском «в основном, представляет собой коммуникацию носителей английского языка как неродного с теми, кто владеет им как вторым или иностранным, а не с теми, для кого он родной» [Качру 2012, с. 150].

Эта новая и уникальная ситуация отражена моделью трех концентрических кругов, которую Б. Качру разработал для описания распространения и функционирования английского языка в разных частях земного шара. Во внутренний круг он включил страны, в которых английский язык является родным для большей части населения, во внешний – те, в которых он используется как официальный, но не родной язык, а в

расширяющийся круг – страны, где английский язык считается иностранным и используется для «межкультурной коммуникации с представителями других стран» [Proshina, Nelson, p. 532].

Центральным положением теории World Englishes следует считать утверждение о том, что современный английский язык не является неким однородным и монолитным целым – напротив, это язык плюрицентричный, распавшийся на множество вариантов (World Englishes). Все эти варианты, по мысли приверженцев данной теории, «равны в своей легитимности», а все, говорящие на английском языке, будь то носители языка из стран внутреннего круга или представители стран внешнего или расширяющегося круга, являются равными партнерами в обсуждениях, касающихся использования этого языка [Proshina, Nelson, p. 535-536].

Теория WE приобрела большое количество последователей. Можно предположить, что причиной такой популярности стала ее укорененность в господствующей в последние десятилетия постмодернистской идеологии, которая выдвигает на первый план отказ от политического и идеологического империализма, размытость границ между центром и периферией, внимание к частному и местному в противовес общему и глобальному, а также делает акцент «на разнообразии, различии и фрагментарности идентичности» [см. Basar 2020, p. 51]. Не удивительно, что последователи теории Б. Качру, вполне в духе бартовского постмодернистского утверждения о смерти автора, высказывают мысль о смерти носителя языка.

Исследователи указывали, что теория WE оказала революционизирующее воздействие на многие сферы гуманитарных знаний, в частности, на литературоведение, социолингвистику, культурологию и прикладную лингвистику [Proshina, Nelson, p. 536]. Однако в наибольшей степени ее инновационный потенциал проявился и продолжает проявляться в области теории и практики преподавания английского языка.

В литературе отмечалось, что приверженность принципам теории WE требует пересмотра устоявшихся педагогических парадигм, ориентированных на моноцентрическую или бипцентрическую модель английского языка, базирующуюся «на британском варианте и культуре Великобритании и/или американском варианте английского языка, его культуре и ценностях, обслуживаемых этим вариантом» [там же]. Такой пересмотр, прежде всего, может коснуться некоторых аспектов теории освоения иностранного языка (second-language acquisition theory). Так, по-видимому, придется признать относительность традиционной трактовки таких понятий как языковая интерференция, языковая ошибка, фоссилизация и интерязык [Качру 2012, с. 152].

Кроме того, переход на новую парадигму не может не привести к изменениям в самом содержании преподавания английского языка. Очевидно, что он требует от преподавателей, администраторов учебных заведений и методистов пересмотра учебных планов и программ, а также принципов тестирования и проведения экзаменов [Rose, H., McKinley, J., Galloway 2020]. Исследователи прикладных аспектов теории World Englishes утверждают, что в современных условиях, когда английский язык функционирует в глобальном пространстве в качестве lingua franca, необходимо перейти от преподавания английского языка как иностранного (English as a Foreign Language, EFL) к его преподаванию как международного языка (English as an International Language, EIL) или языка как языка-посредника в международной коммуникации (English as a Lingua Franca, ELF) [см. Proshina, Nelson 2020]. В связи с этим, весьма обоснованным представляется мнение тех лингвистов и преподавателей, которые ратуют за пересмотр принципов разработки учебных материалов и, в первую очередь, учебных пособий [Shin, Eslami, Chen 2011; Vettorel, Lorigione 2013, и др.].

Известно, что назначение учебника иностранного языка – быть инструментом выработки навыков, необходимых для эффективного общения. Поскольку в современном глобализованном мире изучающим английский язык гораздо чаще придется использовать его для общения с теми, кто владеет им как вторым или иностранным, чем с носителями языка из стран внутреннего круга, последние теперь не могут считаться моделью для подражания. Стремление соответствовать фонетическим, грамматическим и лексическим нормам британского или американского английского больше не гарантирует возможности приобретения навыков успешного общения. Сами же эти нормы не могут служить критерием для отбора и разработки тех или иных учебных материалов. Кроме того, как указывают приверженцы парадигмы World Englishes, в современных условиях должны произойти изменения и в том, что касается культурного компонента учебных пособий – они должны отражать жизнь и культуру не только и не столько стран внутреннего круга, сколько всех тех регионов, где реально используется английский язык в качестве средства международного общения.

Исследователи задаются вопросом, насколько имеющиеся на сегодняшний день учебники соответствуют новой парадигме. В последние годы появилось множество работ, в которых с этой точки зрения анализируются как локально изданные учебники, так и учебники крупнейших международных издательств. Выдвигаются различные критерии для оценки соответствия языкового и культурного содержания учебных пособий тем параметрам, которые определяются теорией World Englishes. Наиболее обоснованной представляется точка зрения тех, кто предлагает проводить оценку учебников на основе ответов на следующие вопросы: 1) достаточно ли полно представлены в учебнике культура и реалии стран внешнего и расширяющегося круга или же в нем, как и в прежние десятилетия, доминирует культура стран внутреннего круга; 2) представлены ли в аудио и видео материалах какие-либо акценты помимо британского Received Pronunciation и американского стандарта General American; 3) имеются ли в учебнике

эпизоды, в которых представители стран, находящихся за пределами внутреннего круга, участвуют в деловой, академической или иной коммуникации, успешно используя английский язык [Vettorel, Lopriore 2013].

Для проведения данного исследования на основе этих критериев были обследованы новейшие издания двух популярных в нашей стране учебных пособий для взрослых – English File Advanced (2020) и Cutting Edge Advanced New Edition (2014).

Рассмотрим сначала вопрос об отображении культуры и повседневной жизни в учебнике English File. Большая часть материалов дает представление о жизни стран внутреннего круга, причем преимущественно Великобритании. Но есть исключения. Например, при изучении темы «Семья» студентам предоставляются материалы для чтения и аудирования, построенные на знакомстве с семьями знаменитых людей из самых разных стран.

Также жизнь за пределами Великобритании в некоторой степени освещается при обсуждении путешествий, туризма и переезда на жительство в другую страну. Но характерно, что жизнь в других странах представлена через то, как она видится британцам. Представителей стран внешнего и расширяющегося круга мы нигде не видим в качестве коммуникантов, успешно использующих английский язык.

Что касается репрезентации акцентов стран внешнего и расширяющегося круга, то несмотря на заявленное в книге для учителя намерение знакомить студентов с их многообразием, фактически этому вопросу посвящено всего лишь два упражнения в одном из начальных разделов учебника. При этом внимание студентов в основном привлекается к разнице между Received Pronunciation и American Standard Pronunciation, то есть опять студенты остаются в пределах бицентрической модели английского языка.

В целом, анализ показал, что авторы данного пособия, скорее всего, не ставили своей целью повысить осведомленность студентов в сфере World Englishes и выработать у них навыки использования английского языка как инструмента межязыкового и межкультурного общения в глобализованном мире.

Создатели курса Cutting Edge Advanced New Edition, напротив, явно не упускали из поля своего зрения требования новой парадигмы и старались ввести студентов в проблематику World Englishes. К решению этой задачи они подошли продуманно и с учетом результатов исследований, проведенных сообществом лингвистов и преподавателей, озабоченных переводом обучения английскому языку на рельсы EIL В книге для учителя подчеркивается необходимость научить студентов пользоваться английским языком для получения информации о глобальном мире и разнообразных культурах.

С этой задачей они справляются довольно успешно. Например, в учебнике идет речь о том, как по-разному в разных странах решаются проблемы урбанизации, какие тенденции можно наблюдать в развитии института семьи в разных частях света, а также рассказывается о нормах социального поведения в разных странах.

Важно и то, что в данном учебном курсе делается довольно успешная попытка повысить уровень понимания студентами современного положения английского языка как языка международного. В первом же разделе учебника этот вопрос поднимается в контексте рассмотрения проблем глобализации. Студенты знакомятся с фактами и статистикой. Им предлагается выполнить ряд упражнений, направленных на критическое осмысление этой новой ситуации и на выработку собственного отношения к ней. Аудиоматериалы позволяют не только услышать разные акценты, но и попытаться их идентифицировать.

Существенно то, что в данный раздел включено интервью с одной из наиболее известных исследовательниц EIL Дженнифер Дженкинс, в котором идет речь о чертах этого впервые возникающего варианта английского языка и о перспективах его развития. Она, в частности, говорит о тенденции к исчезновению окончания у глаголов 3 лица в настоящем времени и к переходу некоторых неисчисляемых существительных в разряд исчисляемых. Также Дженкинс высказывает предположение о том, что английские и американские идиомы, вероятно, не будут в фокусе внимания изучающих английский как международный.

При том, что в этом разделе авторы учебника действительно дают студентам и преподавателям возможность серьезно повысить свой уровень осведомленности об английском как международном, в следующих разделах им не предлагается каким-либо образом углубить, расширить или закрепить полученные знания. Поэтому и в этом случае вряд ли можно считать, что рассматриваемый учебный курс вполне отвечает задачам перехода на обучение EIL.

Результаты проведенного исследования вполне согласуются с выводами, содержащимися в работах других авторов, в которых также анализируются учебные пособия с точки зрения их пригодности для перехода к преподаванию английского языка как международного. Эти выводы кратко можно сформулировать так: даже если согласиться с целесообразностью создания учебника, построенного на основе принципов новой парадигмы, практическое осуществление этой задачи крайне затруднительно. Изучение причин такого рода трудностей выходит за рамки данного исследования.

Литература

Качру, Б. (2012) Мировые варианты английского языка: агония и экстаз / пер. Т.А. Иванковой // Личность. Культура. Общество. Т. XIV. Вып. 4. С. 145-164.

- Basar, I. (2020) Impact of postmodernism in ELT // *International Journal of Arts and Commerce*. Vol. 9 (10). P. 28-38.
- Cunningham S., et al. (2014) *Cutting Edge Advanced*. New edition. Harlow: Pearson Education Limited.
- Latham-Koenig, et al. (2020) *English File Advanced*. Oxford: Oxford University Press.
- Proshina, Z., Nelson C. (2020) Varieties of English and Kachru's Expanding Circle // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24 (3). 523–550. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550.
- Rose, H., McKinley, J., Galloway, N. (2020) Global Englishes and language teaching: a review of pedagogical research // *Language Teaching*. Vol. 54 (2). P. 157-189. doi: 10.1017/S0261444820000518.
- Shin J., Eslami Z., Chen W. (2011) Presentation of local and international culture in current international English-language teaching text books // *Language, Culture and Curriculum*. Vol. 24 (3), November 2011, 253–268.
- Vettorel, P., Lopriore, L. (2013) Is there ELF in ELT coursebooks? *Studies in Second Language Learning and Teaching*. Vol. 3 (4), 483-504. <https://doi.org/10.14746/ssl1t.2013.3.4.3>.

References

- Kachru, B. (2012) *Mirovye varianty anglijskogo jazyka: agonija i jekstaz [World Englishes: agony and ecstasy]* / translated by T. Ivankova // *Lichnost'. Kul'tura. Obshestvo*. Vol. 19 (4). P. 145-164.
- Basar, I. (2020) Impact of postmodernism in ELT // *International Journal of Arts and Commerce*. Vol. 9 (10). P. 28-38.
- Cunningham S., et al. (2014) *Cutting Edge Advanced*. New edition. Harlow: Pearson Education Limited.
- Latham-Koenig, et al. (2020) *English File Advanced*. Oxford: Oxford University Press.
- Proshina, Z., Nelson C. (2020) Varieties of English and Kachru's Expanding Circle // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 24 (3). 523–550. doi: 10.22363/2687-0088-2020-24-3-523-550.
- Rose, H., McKinley, J., Galloway, N. (2020) Global Englishes and language teaching: a review of pedagogical research // *Language Teaching*. Vol. 54 (2). P. 157-189. doi: 10.1017/S0261444820000518.
- Shin J., Eslami Z., Chen W. (2011) Presentation of local and international culture in current international English-language teaching text books // *Language, Culture and Curriculum*. Vol. 24 (3), November 2011, 253–268.
- Vettorel, P., Lopriore, L. (2013) Is there ELF in ELT coursebooks? *Studies in Second Language Learning and Teaching*. Vol. 3 (4), 483-504. <https://doi.org/10.14746/ssl1t.2013.3.4.3>.

ВЗАИМНАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РКИ: ОПЫТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ ПЕДАГОГА

Культурная интеграция иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, в значительной мере зависит от профессиональной направленности учебного заведения. Тематическое планирование занятий, как правило, подчинено задачам усвоения профессиональной лексики и общей грамматики русского языка. Однако культурно-историческая среда, в которой студенты пребывают в течение нескольких лет, может оказаться дополнительным стимулом к углубленному изучению русского языка, и как следствие, к успешной культурной интеграции.

Главенствующая роль в достижении успеха интеграционных процессов в студенческой аудитории принадлежит преподавателю РКИ, который способен побудить иностранных студентов к диалогу культур, ко взаимной культурной интеграции как в рамках так и за рамками учебных занятий.

Ключевые слова: интеграция иностранных студентов, взаимная культурная интеграция, диалог культур, обучение РКИ, метод самонаблюдения, роль педагога в культурной интеграции.

Malyavkina I. V.

Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation

MUTUAL CULTURAL INTEGRATION IN THE PROCESS OF RFL LEARNING: THE EXPERIENCE OF SELF-OBSERVATION OF A TEACHER

The cultural integration of foreign students studying in Russian universities largely depends on the professional orientation of the educational institution. Thematic planning of classes, as a rule, is subordinated to the tasks of mastering professional vocabulary and general grammar of the Russian language. However, the cultural and historical environment in which students stay for several years may be an additional incentive for in-depth study of the Russian language, and as a result, for successful cultural integration.

The leading role in achieving the success of integration processes in the student audience belongs to the Russian as a foreign language teacher, who is able to encourage foreign students to a dialogue of cultures, to mutual cultural integration both within and outside the classroom.

Keywords: integration of foreign students, mutual cultural integration, dialogue of cultures, teaching Russian as a foreign language, method of self-observation, the role of a teacher in cultural integration.

Образовательный дискурс на современном этапе, несмотря на все применяемые технические средства и информационно-коммуникативные технологии, по-прежнему базируется на модели «адресант – адресат». Модели односторонней, в которой воздействие направлено от «учителя» к «ученику». Ответ со стороны адресата носит, как правило, пассивный характер и необходим адресанту лишь для контроля усвоения знаний, умений и навыков первого. Если в качестве адресата выступает иностранный студент, типовая модель коммуникативной ситуации (ТМКС) усложняется интеграционным процессом, в который вовлечен адресат. Этот процесс активно воздействует на формирование личностного дискурса [Карасик 2000]. Иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах, осваивают не только новые и знакомые им учебные дисциплины, но и способы межкультурной коммуникации. Процесс обучения направлен как на развитие специальных профессиональных способностей, так и на организацию контакта обучающихся в студенческом сообществе, с преподавателями, а также с внешним миром, с которым сталкиваются студенты вне образовательного процесса [Шамовская 2019]. Актуальные проблемы интеграции и адаптации иностранцев в образовательной среде российских вузов активно исследуют педагоги отечественной высшей школы. К.Д. Кунилова раскрывает особенности социальной и культурной интеграции иностранных студентов через диаспоральные ресурсы [Кунилова 2020], Т.В. Шамовская рассматривает межкультурную коммуникацию как условие социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в вузе [Шамовская 2019].

Нас интересует в первую очередь аспект культурного влияния педагога, преподавателя русского языка как иностранного, на обучающихся. Заслуживает несомненного внимания исследование, проведенное коллегами из Московского государственного университета геодезии и картографии. Они предложили иностранным студентам ответить на ряд вопросов, которые, по мнению авторов, напрямую связаны с имиджем преподавателя. Анкетирование проводилось среди инофонов, проходящих обучение в нескольких московских вузах (МИИГАиК, РосНОУ, РАНХиГС). Общая численность опрошенных составила 95 человек [Быкова 2020]. Полученные и обобщенные результаты позволили автору сделать весьма важные и практически значимые выводы. В частности, «что студенты очень пристально наблюдают за нами, и оцениваем не только мы их, но и они оценивают нас;<...> в своих пожеланиях и выделении самого главного для преподавателя РКИ наши обучаемые оказывают порой очень серьёзные экспертизы по уровню владения нами профессиональной компетенцией» [Быкова 2020]. Для достижения высоких результатов в обучении РКИ, как справедливо подытожил автор, нам необходимо понимание того, что обучающий и обучаемый зависимы друг от друга и равноправны в предъявлении своих требований, или пожеланий друг к другу. Это во многом сможет помочь верно выстроить учебно-воспитательный процесс в новой для инофонов образовательной системе.

Однако, проведенное исследование не затрагивает односторонность коммуникативного воздействия в ТМКС. И в нем студенты выступают объектом наблюдения преподавателя. Поэтому мне показалось интересным привести результаты исследования совершенно иного рода – опыта самонаблюдения.

Большой психологический словарь трактует метод самонаблюдения как один из основных методов психологии, заключающийся в получении эмпирических данных посредством наблюдения субъекта за его собственными психическими процессами и состояниями в момент их протекания или вслед за ним [БПС 2009]. Наблюдающим субъектом в данном случае является преподаватель РКИ. Он же – коммуникатор в типовой модели коммуникативной ситуации обучения иностранных студентов русскому языку. Поскольку реципиентами в ТМКС выступают несколько учебных групп, из двух стран, то я подразделила их на две – ТМКС(1) и ТМКС(2). В ТМКС(1) реципиент – учебная группа военно-морских курсантов, прибывших из Социалистической Республики Вьетнам (СРВ). В ТМКС(2) реципиент – учебная группа студентов, прибывших из Китайской народной республики (КНР).

Анализируя впоследствии собственные психические процессы, я отметила, во-первых, яркие положительные эмоции, возникшие при знакомстве с группой вьетнамцев. Этому способствовали внешние факторы: необычная парадная форма одежды, военная выправка, приветливые улыбки, открытые взгляды. Эмоциональный процесс привел к устойчивому положительному отношению и в дальнейшем закрепил эмоциональный фон радости и предвкушения новых встреч в учебной аудитории. При чем на это приподнятое настроение не влияла повышенная интенсивность занятий – пять дней в неделю по шесть академических часов. Чувство приятного удивления, не покидавшее меня при обучении курсантов из СРВ, активизировало собственные познавательные процессы. Обострилось внимание, возник повышенный интерес к обучающимся как представителям другой, новой для меня, культуры. Сформировалась цель получения каких-либо данных об истории Вьетнама, современной географии этой страны, культурных достопримечательностях. В библиотеке Академии имела книга П.В. Познера. История Вьетнама. Новые знания способствовали разрушению личных стереотипов и неверных представлений о СРВ, о национально-культурных особенностях вьетнамцев. В частности, новой информацией, вызвавшей удивление, стал факт биографии первого президента Вьетнама Хо Ши Мина. Этот известный в России политический деятель, как оказалось, был талантливым поэтом, на русском языке опубликовано несколько книг его стихов и прозы. Новое знание закрепило высокий эмоциональный фон проведения учебных занятий, сформировало новый взгляд на обучающихся как наследников древней национальной культуры вьетов. В дальнейшем курсанты проявили живой интерес к заучиванию стихотворений на русском языке. Это было следствием их общего увлечения поэзией. Таким образом, коммуникация в рамках ТМКС обучения РКИ привела к взаимной культурной интеграции – обмену культурными ценностями: для преподавателя ими стали новые знания о родной стране обучающихся, для курсантов – овладение трудностями фонетики русского языка посредством заучивания стихотворений и песен.

В рамках ТМКС(2) вновь обозначились признаки взаимной культурной интеграции. Здесь опыт самонаблюдения педагога в трех разных учебных группах студентов из КНР привел к новым результатам.

Первая группа, второкурсники Государственного экономического университета, изучали русский язык в объеме восемь часов в неделю. На занятиях пользовались учебником Антоновой В.Е., Нахабиной М.М. и др. Дорога в Россию. По теме «Выдающиеся личности: ученые, деятели науки, культуры, искусства» студентам было дано задание подготовить небольшие доклады о выдающихся деятелях Китая. Задание было встречено студентами с энтузиазмом. Они выбрали интересный новый для меня материал и, что особенно ценно, постарались отретипировать четкое и правильное русское произношение, чтобы информация не вызвала трудностей в восприятии слушателя. Заинтересованное внимание преподавателя к их национальной культуре и достижениям вызвало ответный интерес и внимательное чтение биографии великого русского полководца Суворова. Студенты проявили повышенную любознательность и с готовностью посетили Мемориальный музей А.В. Суворова в Санкт-Петербурге. Впоследствии группа активно посещала во внеурочное время исторические достопримечательности, такие как Музей Арктики и Антарктики, музей-

ледокол «Красин», город-герой «Кронштадт». Итак, мы наблюдаем пример взаимной культурной интеграции, которой способствуют оригинальные методики в рамках учебной программы.

Вторая группа – магистранты из Китая, обучающиеся в СПбГУ (в институте «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»). По программе научной деятельности магистрантов-иностранцев ежегодно проходит конференция, на которой они выступают с докладами по темам своих магистерских диссертаций. На конференцию традиционно приглашаются все студенты и преподаватели ВШЖИМК. В программе Конференции 2020 живой интерес у меня вызвали незнакомые произведения китайских писателей, в частности, четыре классические романы Китая, которые «знают все в этой стране». Филологу по образованию, мне ранее не довелось познакомиться с китайскими литературными памятниками, поэтому я внимательно выслушала доклады и посмотрела яркие презентации китайских магистрантов. Полученные знания вновь запустили эмоциональный процесс, который побудил к чтению первой книги – У Чэньэнь. Путешествие на Запад. Это произведение китайской классической литературы по-настоящему обогатило меня, подарило целый спектр ярких эмоций, читательских переживаний и явилось новым этапом самонаблюдения педагога. Именно данный пример, на мой взгляд, показывает, как важно преподавателю РКИ самому участвовать в культурной интеграции с обучающимися иностранцами.

В составе третьей группы – студенты Института русского языка как иностранного РГПУ им. А.И. Герцена. Важнейшей задачей Практического курса первого иностранного языка я вижу актуализацию знаний лексики, грамматики русского языка и навыков говорения. Система постоянного контроля и текущих оценок выполненных студентами заданий выявила серьезный разрыв в уровнях подготовки обучающихся. В этой ситуации возникла необходимость в мотивации слабых студентов к повышению уровня владения русским языком. И здесь следование принципу взаимной культурной интеграции поспособствовало интересу и усердию отстающих к выполнению заданий. Например, по теме «Транспорт» я дала задание подготовить подробное описание маршрута: как добраться из Санкт-Петербурга в мой родной город в Китае. При ответе студент должен пользоваться виртуальной картой Китая. Это задание позволяет упрочить доверие и взаимное уважение между педагогом и учеником. Проявив искренний интерес к современной транспортной системе Китая, в ответ я вызвала любопытство и желание студентов больше узнать о транспорте в России. Во внеурочное время китайские студенты, пригласив друзей, совместно с преподавателем побывали на экскурсии в Центральном музее железнодорожного транспорта России и в новом Музее железных дорог России.

Приведенные примеры, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что культурная интеграция при обучении РКИ, независимо от избранной иностранными студентами специальности, тогда только дает ожидаемый результат, когда она носит взаимный характер. Другими словами, только искренний интерес и уважение преподавателя к культуре, национальным традициям и достижениям страны, представителями которой являются студенты-иностранцы, вызовет ответное внимание к русской культуре и усердие в овладении русским языком.

Литература

- Быкова, О. П. Роль имиджа преподавателя РКИ в современном российском образовательном пространстве / О. П. Быкова, М. А. Мартынова // Мир без границ: русский язык как иностранный в международном образовательном пространстве Vol. 2.0 : Материалы Международной научно-практической конференции, Псков, 19–21 декабря 2019 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2020. – С. 102-109. – EDN RZEKDR.
- Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000(а). – С. 5-19.
- Кунилова, К. Д. Социальная и культурная интеграция иностранных студентов через диаспоральные ресурсы / К. Д. Кунилова // Современные проблемы динамики культуры в социальной и культурной антропологии : Материалы всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Курск, 20–21 марта 2020 года / Под редакцией Е.А. Когай. – Курск: Курский государственный университет, 2020. – С. 128-131. – EDN XZREGW.
- Шамовская, Т. В. Межкультурная коммуникация как условие социокультурной адаптации иностранных студентов в процессе обучения в вузе / Т. В. Шамовская, Д. Б. Алимова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2019. – № 1(33). – С. 172-177. – EDN XHETQM.

Словари

- Большой психологический словарь. Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М., 2009. 811 с.

References

- Bykova, O. P. Rol imidza prepodavatelya RKI v sovremennom rossiiskom obrazovatelnom prostranstve / O. P. Bykova, M. A. Martynova // Mir bez granic: russkii yazyk kak inostrannyi v mezhdunarodnom obrazovatelnom prostranstve Vol. 2.0: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Pskov, 19–21 dekabrja 2019 goda. – Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet, 2020. – S. 102-109. – EDN RZEKDR.

- Karasik, V. I. O tipakh diskursa / V.I. Karasik // Yazykovaya lichnost: institucionalnyi I personalnyi diskurs: Sb. nauch. tr. VGPU. Volgograd: Peremena, 2000(a). – S. 5-19.
- Kunilova, K. D. Sosialnaya I kulturnaya integratsiya inostrannykh studentov cheres diaspornye resursy / K. D. Kunilova // Sovremennyye problemy dinamiki kul'tury v sotsial'noy i kul'turnoy antropologii: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov, Kursk, 20–21 marta 2020 goda / Pod redaktsiyey Ye.A. Kogay. – Kursk: Kurskiy gosudarstvennyy universitet, 2020. – S. 128-131. – EDN XZREGW.
- Shamovskaya, T. V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya kak usloviye sotsiokul'turnoy adaptatsii inostrannykh studentov v protsesse obucheniya v vuze / T. V. Shamovskaya, D. B. Alimova // Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom. – 2019. – № 1(33). – S. 172-177. – EDN XHETQM.

Dictionaries

- Bolshoi psichologicheskii slovar. Pod red. B.G. Mescheryakova, V.P. Zinchenko. M., 2009. 811 s.

МЕХАНИЗМЫ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной статье с позиций когнитивного лингвосинергетического подхода медиадискурс в купе с телекоммуникационными системами рассматривается как нелинейная дискурсивная система, формирующая языковое сознание потребителей медиа контента в режиме реального времени. В работе исследуется использование различных ментально-языковых структур на процесс конструирования значений. Заголовки медиатекстов, представляя свернутые конструкции медиа материала, позволяют определить паттерны поведения и доминирующие аттракторы, определяющие языковое сознание реципиентов. Обсуждается эффективность подачи новостного материала в заголовках, определяющая угол зрения на одни и те же события и факты в современном медийном пространстве. Автор приходит к выводу, что использование противоречивых смысловых конструкций позволяет дестабилизировать сложившуюся языковую картину через СМИ и способствует формированию определенного медийного образа объекта в языковом сознании реципиентов в заданном аттрактором направлении.

Ключевые слова: языковая картина мира, медиадискурс, лингвосинергетический, когнитивный, смысловой конструкт, заголовок СМИ

Mamonova N. V.
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

MECHANISMS OF DESTABILIZATION OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN THE MEDIA DISCOURSE

In this article, from the standpoint of the cognitive linguosynergetic approach, media discourse coupled with telecommunication systems is considered as a nonlinear discursive system that forms the linguistic consciousness of media content consumers in real time. The paper explores the use of various mental and linguistic structures on the process of constructing meanings. Media text headings, representing collapsed constructions of media material, allow us to determine patterns of behavior and dominant attractors that determine the linguistic consciousness of recipients. The effectiveness of the presentation of news material in the headlines, which determines the angle of view on the same events and facts in the modern media space, is discussed. The author comes to the conclusion that the use of contradictory semantic constructions allows destabilizing the existing linguistic picture through the media and contributes to the formation of a certain media image of the object in the linguistic consciousness of recipients in the direction set by the attractor.

Keywords: linguistic world picture, media discourse, linguosynergetic, cognitive, semantic construct, media headline

Развитие телекоммуникационных технологий в значительной мере оказывают влияние на передачу информации и данных в современном мире. Языковая картина мира как «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» особенно явно можно отследить в медийном контенте [Габбасова, 2013, с. 302].

В современном мире информация стала ценным ресурсом, из которого можно извлекать выгоду. Количество просмотров, перепостов и реакций повышает цену информационного товара. Данные показатели иллюстрируют степень влияния на языковое сознание потребителя данного информационного контента. Через эти каналы происходит формирование культурно-ценностных ориентиров, в конечном счете, фиксируемых в концептах, символизирующих, что является ценностью в данном сообществе, что есть добро, а что зло.

В. И. Карасик отмечает «понижение критичности мировосприятия» современных потребителей информационного контента, что, безусловно, «способствует превращению человека разумного в молекулу толпы, интеллектуальный уровень которой, как известно, равен интеллекту ее самого глупого участника» [Карасик, 2017, с. 28].

Также Е. Ф. Косиченко, А. Д. Старостина пишут о все большей индивидуализации современного общества, об акценте на эмоциональность, а не логичность и доказательность контента, его историческую значимость, о существующей тенденции «направлять массовое мышление в более «комфортное» русло, задавая ценностные ориентиры и в целом формировать определенную систему ценностей», что в комплексе определяет интерес читателей «к такого рода сконструированным событиям» [Косиченко, Старостина, 2020, с. 67]. Более того, исследователи отмечают, что благодаря Интернету «смена ценностных ориентиров может происходить достаточно быстро и охватывать максимально большое число людей; также быстро протекает адаптация человека к новой реальности, сопровождаемая замещением в его сознании подлинных ценностей навязанными», апеллируя «к их эмоциональным переживаниям» [Косиченко, Старостина, 2020, с. 67].

Принятие культурно-ценностных ориентиров реализуется через нелинейное воздействие СМИ на индивидов с помощью цифровых технологий. Это могут быть мессенджеры, социальные сети и прочие средства. Трансформационное воздействие на языковое сознание потребителя цифрового контента следует считать нелинейным и эмерджентным. Накопление новых смысловых компонентов извне в дискурсивной системе усиливает флуктуации, меняя систему изнутри и делая прежние смысловые конструкции неустойчивыми.

Постепенно на смену старым доминирующим аттракторам приходят новые, которые начинают определять образцы поведения в социуме.

В дестабилизации сложившихся дискурсивных систем со своими доминирующими аттракторами значительную роль в заголовках медиатекстов играют эмоциональная включенность и оценочность, подмена собой логичность и доказательность новостных сообщений.

Эмоциональная включенность читателей позволяет размывать привычные представления и сложившиеся смысловые конструкции, модели и образцы поведения в тех или иных ситуациях. Для реализации поставленных задач зачастую используются лексические единицы с оценочной и экспрессивной функциями. В медиа дискурсе заголовочные комплексы представляют собой рекурсивный текст, отражающий всю полноту смысла медиа текста, что позволяет привлечь внимание читателя, удержать его на некоторое время.

Рассмотрим механизмы дестабилизации языковой картины мира рядового читателя СМИ. Материалом для исследования послужили заголовки электронного периодического издания «МК.ru» за октябрь 2022 года. Формирование определенного медиаобраза у читателя может создаваться путем использования противоположных по значению лексических единиц и имеющих значительно различающиеся ассоциативные ряды.

Так, при использовании комплекса прилагательных автор пытается создать определенный медиаобраз при описании происходящих событий:

«*Китайская* мультииндустрия, *тревожная* анимация: в Москве показали *лучшие* мультфильмы. От фэнтези к *вдохновляющей* реальности»¹;

«Для *отечественных* производителей открыто *окно возможностей* на *международных* рынках»².

Оппозиция, представленная лексическими единицами «китайская», «тревожная» и «лучшие», «вдохновляющей» передают ощущение контраста, сложность и одновременно перспективность развития по китайскому пути в целом (хотя речь в заголовке идет только о мультииндустрии). Антитеза «отечественный» - «международный» открывает интерпретационные поля для автора и читателей через метафору, представленную лексемами «окно возможностей». Коннотации могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от ассоциативных рядов, присутствующих в языковом сознании реципиента, и жизненного опыта читателя и автора.

В свете событий последнего десятилетия приобретает особый подтекст лексические единицы с семей «Крым»:

«В коллекции *крымской* красавицы появилась еще одна корона. *Обезоруживающая* красота Анастасия Божковой»³.

Внимание читателя привлекает прилагательное «крымский», имеющий подтекст военно-морской, что во второй части заголовка усиливается прилагательным «обезоруживающий», коррелирующего со значениями непобедимый, неприступный. Семантические повторы «красавицы», «красота» усиливают положительные коннотации, связанные с семей «Крым».

Использование стереотипов в заголовочных комплексах позволяет высветить героев нашего времени и сформировать некоторые паттерны поведения и приоритеты для социума:

«*Мобилизованный* холостой россиянин *объявил конкурс* на *бедную* невесту: «Получит выплаты». *Сирота* из Кемеровской области выбрал *мать-одиночку* с тремя детьми»⁴.

¹ <https://www.mk.ru/culture/2022/10/28/kitayskaya-multindustriya-trevozhnaya-animaciya-v-moskve-pokazali-luchshie-multifilmy.html>

² <https://www.mk.ru/nationalprojects/importozameshenie/2022/10/27/dlya-otchestvennykh-proizvoditeley-otkryto-okno-vozmozhnostey-na-mezhdunarodnykh-rynkh.html?from=top1> (28.10.2022)

³ <https://crimea.mk.ru/social/2022/10/15/v-kollekcii-krymskoy-krasavicy-poyavilya-eshe-odna-korona.html>

⁴ <https://www.mk.ru/social/2022/10/28/mobilizovannyi-kholostoy-rossiyanin-obyavil-konkurs-na-bednyu-nevestu-poluchit-vyplaty.html>

Прилагательные «мобилизованный», «холостой» и «бедная» позволяет сделать своеобразный срез общества текущего момента. Обостряет эту оппозицию глагольная конструкция «объявил конкурс», следом поясняемая другой конструкцией «получит выплаты». Лексические единицы «сирота», обозначающая статус, инициировавшего действие, и «мать-одиночка с тремя детьми», передающие статус принимающего действие, иллюстрируют попытку самостоятельного варианта решения социальных проблем в обществе. Жертвенность и отречение привлекает внимание читателей, наталкивая на размышления (как бы читатель поступил в этом случае), вызывая оценочные суждения.

Экспрессивная функция глагольных конструкций заставляет читателя эмоционально включаться и привлекает внимание к медиатексту. Например:

«Кадиров *перегнул жесткую линию*: главе Чечни сделали больно. От озвучивания потерь — к разборкам»¹;

«Лукашенко: *По всему периметру* России нас начинают *колошматить*»².

Так, фраза «перегнул жесткую линию» ассоциируется у читателей с выражением «перегнул палку», свидетельствующая об избыточности каких-либо действий с неодобрительными коннотациями. В глагольной конструкции «начинают колошматить» просторечно передается значение атаки с яростью и с агрессией, что усиливается фразой «по всему периметру», отсылающему читателя к ассоциациям о закрытости пространства и его ограниченности.

Использование в одном заголовке противоположных по значению лексических единиц позволяет дестабилизировать устоявшиеся представления в языковой картине мира читателей. Присутствие флуктуаций, то есть отклонений от привычных образцов поведения и ориентиров, почти всегда стимулирует праздный интерес читателей. Рассмотрим некоторые примеры:

«В Ярославле *элитный комплекс остался без воды и отопления*»³;

«Женщина на дагестанском *«Мерседесе» сбита полицейского в центре Москвы*»⁴;

«В Москве появились *пьяные снегири*: возможен ли *алкоголизм у птиц*. Орнитолог разъяснил»⁵;

«У москвички *украли котенка* редкой породы: *прикинулись* покупателями. Похитители *устроили голливудский блокбастер*»⁶.

Антитеза «элитный комплекс» - «без воды и отопления» противоречит обывательскому представлению об элитном жилье, вызывая читательское любопытство и вопрос «Как такое могло случиться?». Несовместимость ассоциативных рядов с лексемами «женщина», «дагестанский», предполагающий стереотипный образ покорной дагестанской женщины, и с лексемами «сбита полицейского», «в центре Москвы» заставляет читателя искать объяснения этому явлению, о котором заявляет заголовок.

Смысловые повторы «пьяные», «алкоголизм» характеризуются эмоциональным фоном восходящей градации, иллюстрирующий как особенности дикой природы («снегири»), так и социальные проблемы.

Смысловой ряд глаголов «украли» - «прикинулась» - «устроили» переключается со словосочетанием «голивудский блокбастер», передающий нереалистичность цепочки событий из жизни обычного жителя мегаполиса. Также это косвенно свидетельствует о мышлении автора и читателя категориями массовой культуры и об успешном усвоении российскими читателями смысловых конструкторов американской пропаганды с заданными образцами поведения и видением мира.

Таким образом, использование противоречивых смысловых конструкций вызывает интерес у читателя и привлекает внимание к медиатекстам. Дестабилизация сложившихся представлений о мире в медиадискурсе реализуется путем введения противоположных по смыслу лексических единиц. Появление противоположных по смыслу лексем косвенно свидетельствует о появлении в дискурсивной системе новых доминирующих аттракторов, конкурирующих с текущими. Введение новых смыслов в дискурсивную систему способствует формированию целевого образа того или иного явления (персоны, группы лиц и прочее) в языковом сознании реципиентов в заданном аттрактором направлении.

Литература

Габбасова А. Р., Фаткулина Ф. Г. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 4. С. 302.

Карасик В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktoidy-kak-lingvokulturnoe-yavlenie> (дата обращения: 28.10.2022).

¹ https://www.mk.ru/politics/2022/10/28/kadyrov-peregнул-zhyostkuyu-liniyu-glave-chechni-sdelali-bolno.html?from=main_omk (29.10.2022)

² <https://www.mk.ru/politics/2022/10/28/voennyi-analitik-obyasnil-znachenie-zaversheniya-chastichnoy-mobilizacii-pozvolit-pereyti-v-nastuplenie.html> (29.10.2022)

³ <https://yar.mk.ru/social/2022/10/22/v-yaroslavle-elitnyy-kompleks-ostalsya-bez-vody-i-otopleniya.html>

⁴ <https://www.mk.ru/incident/2022/10/28/zhenzhina-na-dagestanskom-mersedese-sbita-policeyskogo-v-centre-moskvy.html>

⁵ <https://www.mk.ru/moscow/2022/10/27/v-moskve-poyavilis-pyanye-snegiri-vozmozhen-li-alkogolizm-u-ptic.html>

⁶ <https://www.mk.ru/incident/2022/10/28/u-moskvichki-ukrali-kotenka-redkoy-porody-prikinulis-pokupatelyami.html>

Косиченко Е. Ф., Старостина А. Д. Фейковые новости как способ конструирования социально значимого события в СМИ (на примере новостных заголовков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. №9 (838). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fejkovyie-novosti-kak-sposob-konstruirovaniya-sotsialno-znachimogo-sobytiya-v-smi-na-primere-novostnyh-zagolovkov> (дата обращения: 28.10.2022).

References

- Gabbasova A. R., Fatkullina F. G. Jazykovaja kartina mira: osnovnye priznaki, tipologija i funkcii // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2013. № 4. S. 302.
- Karasik V. I. Faktoidy kak lingvokul'turnoe javlenie // *Politicheskaja lingvistika*. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/faktoidy-kak-lingvokulturnoe-yavlenie> (data obrashhenija: 28.10.2022).
- Kosichenko E. F., Starostina A. D. Fejkovyie novosti kak sposob konstruirovaniya social'no znachimogo sobytija v SMI (na primere novostnyh zagolovkov) // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2020. №9 (838). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fejkovyie-novosti-kak-sposob-konstruirovaniya-sotsialno-znachimogo-sobytiya-v-smi-na-primere-novostnyh-zagolovkov> (data obrashhenija: 28.10.2022).

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье кратко описывается понятие термина «звукоизобразительность» и его базисные категории, а именно, параметры звучаний, классификация денотатов, стадии деиконизации, которые могут быть использованы при изучении звукоизобразительной лексики. Кроме того, собраны случаи её использования в процессе обучения студентов иностранным языкам в качестве катализатора усвоения иноязычных лексических единиц. В целом анализ представленных вариантов демонстрирует эффективность опоры на звукоизобразительность при изучении иностранных языков, поскольку ономотопея способствует выявлению ключевых закономерностей развития как онто- так и филогенеза. При обучении артикуляционным принципам, а также при экстенсивном чтении, применение звукоизобразительных лексических комплексов облегчает студентам восприятие письменной информации и ускоряет процесс их обучения благодаря выявлению обоснованной взаимосвязи между звучанием и значением слов. Характерным результатом исследования стало то, что независимо от родного языка обе группы студентов (носители русского и китайского языка) оказались восприимчивы к словам 2-й и 3-й степени деиконизации, то есть к словам, сохранившим явную звукоизобразительную связь с денотатом, и при этом отвечающие грамматическим и фонотактическим правилам языка. Также обе группы студентов обращали внимание на слова, передающие смешанные звучания и краткие звучания удара. Однако носители русского языка акцентировали внимание на лексике, содержащей тоновые звучания, в то время как носители китайского языка – на словах со звучанием диссонанса. В статье более подробно обсуждаются результаты последнего исследования авторов, посвященные восприятию английской звукоизобразительной лексики при экстенсивном чтении носителями русского и китайского языка. В завершение авторы приводят возможные причины различия в восприятии континуантов и фреквативов.

Ключевые слова: ономотопея, деиконизация, обучение, звукоизобразительная лексика.

Matinova V. L., Sedelkina Y. G.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

METHODOLOGICAL POTENTIAL OF SOUND SYMBOLISM IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

The article gives an outline of the concept and term “sound symbolism” and its key features - characteristics of tones, classification of denotations, and stages of de-icization. Besides, sound symbolic lexis is performed from the perspective of teaching foreign languages to students in order to facilitate mastering (acquisition) of foreign lexical units. Overall, the results showed that usage of sound symbolism via teaching foreign languages is rather efficient, as it helps to trace certain stages of ontogenesis and phylogenesis development. While teaching pronunciation and reading extensively, usage of sound symbolic vocabulary alleviates written perception of texts and facilitates educational process due to recognition of motivated relations between sounds and meaning of words.

The representative result of our research revealed that both groups of students (Russian and Chinese speaking) were sensitive to words from second and third stages of de-icization, that is lexis retaining sound symbolic relation with denotation and also corresponding to grammar and phonotactics rules. Moreover, both respondents paid attention to the words containing mixed sounding and pulsed ones. However, Russian informants emphasized lexis with tonal sounding, while Chinese informants pointed out words with dissonance sounding. The article describes more precisely results of the latest research, devoted to the reception of English sound symbolic lexis within extensive reading by Russian and Chinese native speakers. In conclusion authors account possible reasons of different perception of continuants and frequentatives.

Keywords: sound symbolism, de-icization, teaching foreign languages

Одной из самых ранних работ, отражающих рассуждения о смысловой связи между словом и его денотатом, является диалог Платона «Кратил» (Plato, “Kratil”) [Платон, 1990]. Слова, в которых

присутствует такая связь, составляют звукоизобразительную систему языка, которая изучается в рамках фоносемантики (*iconicity studies*). С. В. Воронин выделил в звукоизобразительной системе языка две подсистемы: звукоподражательную, элементы которой акустически имитируют звуковой признак денотата и звукоимвольческую, элементы которой артикуляторно передают незвуковой признак денотата [Воронин, 2006].

М. Магнус (M. Magnus) в своей диссертации, посвященной звукоизобразительности, рассматривает классификацию трех видов соотношений звуковой и смысловой формы слова в языке, которая была предложена немецким языковедом В. Гумбольдтом (W. Humboldt) еще в конце XVIII. Она дала терминам авторскую трактовку, адаптировав сложную систему понятий, и выделила такие типы звуковой символики как ономатопея, иконичность и фоносемантическая ассоциация, с последующим анализом каждого из них [Magnus, 2001].

Задолго до исследования М. Магнус советские лингвисты И. В. Арнольд и С. В. Воронин изучали понятие звукоизобразительности. В 90-е годы XX века И. В. Арнольд рассмотрела термин «ономатопея» или «звукоподражание» в качестве имитации действий или предметов окружающего мира посредством произнесения конкретных звуков, имеющих в той или иной степени сходство с ними [Арнольд, 1986]. С. В. Воронин указывал, что «звукоподражание (ономатопея) – закономерная произвольная фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации звуковым (акустическим) признаком денотата (мотивом)» [Воронин, 2006:21]. Ономатопея также определена им как условное воспроизведение звуков окружающей среды посредством использования фонем определенного языка. Например, рус. *хруст*, англ. *crunch*, фра. *croquer*, кыр. *кычыратуу*). В то время как под звукоимвольцизмом понимается качественная повторяющаяся связь между фонемами слова и признаком денотата, не основанная на звуковом сходстве [там же]. Например, рус. *большой*, англ. *large*, фра. *gros*, кыр. *чоң*.

Так, с одной стороны звукоизобразительность представляет собой имитацию звуков окружающей среды, что соотносится с первым типом классификации М. Магнус, а с другой – как закономерную произвольную фонетически мотивированную связь между фонемами слова и их денотатом, что схоже с трактовкой второго типа классификации М. Магнус, с иконичностью. На основании этих точек зрения можно заключить, что звукоизобразительность является способом транслирования свойств и проявлений денотата посредством их акустического или артикуляторного имитирования.

С. В. Ворониным был сформулирован ряд акустических признаков звуковых денотатов, относящихся к значимым параметрам перцепции звука, необходимых для объективного анализа типов звучаний. Среди них: высота (частота и спектр звука), громкость, регулярность (частота колебаний), диссонантность (прерывистость или целостность звучания), длительность звучания [Воронин, 2006:29]. На основе этих параметров звучаний лингвист дифференцировал три типа звучаний: удар (стук, хлопок), тоновый неудар (гудок, вой, гул), диссонанс (звук вибрации, отрывистая трель птицы) [там же, с.40]. Сопоставив характеристики звуковых денотатов с характеристиками фонем в соответствующих словах, обозначающих эти звучания, С. В. Воронин выделил три класса звукоподражательных слов: инстанты (передают звучание ударов), континуанты (передают звучание неударов) и фреквентативы (передают звучание диссонансов). Поскольку существуют также и смешанные типы звучаний, он выделил еще два гиперкласса: инстанты-континуанты (передают звучание удара, сопровождающегося тоновым неударом, например, звук удара в колокол или по радиатору) и фреквентативы квазинстанты-континуанты (передают дробный удар, сопровождающийся предшествующим или последующим тоновым или шумовым призвуком, например, треньканье, брелчание, дребезжание).

Для идентификации звукоизобразительных слов по ряду критериев С. В. Воронин разработал метод фоносемантического анализа, включающий следующие операции: семантика (определение звукового/незвукового значения слова); критерии (семантические, грамматические, словообразовательные и др.); этимология (установление этимологии с привлечением родственных языков); экстралингвистика (сопоставление акустических и артикуляторных характеристик слова с сенсорными характеристиками денотата); типология (выявление слов со сходными звучанием и значением в неродственных языках); *summa summarum* (выводы о наличии/отсутствии в слове примарной мотивированности) [Воронин, 2006:87].

Обнаружение исконной связи между формой и значением слова невозможно без погружения в этимологию конкретной рассматриваемой единицы. М. А. Флакман обнаружила, что в ходе диахронического развития лексики эта связь ослабевает, и в исторической перспективе звукоизобразительное слово превращается в конвенциональный знак-символ. Автор назвала этот процесс деиконизацией и выделила 4 его стадии: (1) междометия по типу, например, *heigh-ho* (*о-хо-хо! э-эх!*); (2) слова, сохранившие изначальную семантику, например, *beer* (*зудеть, сеналить*); (3) слова, подвергшиеся определенным фоносемантическим изменениям, например, *gnaw* (*грызть*); (4) слова, утратившие свою первоначальную семантику, например, *hawk* (*налетать, нападать*) [Флакман, 2015]. Таким образом, на первый взгляд звуковая мотивированность слова путем имитации может не отражать его акустическую природу. Однако её можно установить путём этимологического анализа, который вскрывает принадлежность слова к звуковым характеристикам, давшим начало этому слову.

Рассмотрев базисные категории звукоизобразительной системы, перейдем к ее лингводидактическому потенциалу при обучении и изучении иностранных языков. М. Дингеманс (M. Dingemans) является

ведущим ученым в исследовании звукоизобразительности. Так, совместно с А. Нильсеном (A. Nielsen) они формулируют тезисы о том, что звукоизобразительные слова преобладают в лексиконе детей на ранних порах. Такие слова как, например, *chew* (жевать), *giggle* (хихикать) являются более легкими для освоения по сравнению со словами, в которых отсутствует естественная мотивированная связь формы и значения (arbitrary words). Несмотря на это, учащиеся вынуждены преимущественно оперировать конвенциональной лексикой. Иностранного языка. Поскольку в ней отсутствует примарная мотивированность, требуются дополнительные когнитивные усилия со стороны учащихся при ее усвоении. Согласно А. А. Егоровой звуковая модель текста, особенно поэтического, играет главенствующую роль, придавая ему выразительность. А сам звукоизобразительный символизм является яркой чертой в большей степени характерной детской речи [Егорова, 2019].

Неврологи Е. М. Хаббард (E. M. Hubbard) и В. С. Рамачандран (V. S. Ramachandran), объединили синестезию (междувещные ассоциации) и звукоизобразительность в теорию бутстрэппинга (bootstrapping theory) согласно которой, только симбиоз синестезии и синкинезии (способность устанавливать связь между внутренними и внешними движениями) способствовал возникновению протоязыка [Ramachandran, Hubbard, 2001]. Эту же мысль подтверждают М. Имаи (I. Imai) и С. Кита (S. Kita), которые приходят к заключению, что ЗИ помогает выявить ключевые закономерности развития языка как у детей (онтогенез), так и в человеческой истории в целом (филогенез). Также, они приходят к заключению о том, что ЗИ представляет собой след изначально звукоизобразительного протоязыка. [Imai, Kita, 2014].

Японский лингвист С. Кавахара (S. Kawahara) пришел к выводу, что обучение фонетике и, в частности, произношению на начальном этапе особенно затруднительно, так как требует от студентов экстралингвистических знаний. Так как звукоизобразительные связи исходят из артикуляционной природы звуков, то это позволяет обучать студентов артикуляционным принципам и ставить правильное произношение. Это стало предпосылкой для проведения эксперимента, в ходе которого преподаватель использовал звукоизобразительность при подаче нового материала, однако он также опирался на материал знакомый обучающимся, например имена персонажей Дисней. В результате исследования студенты легко освоили такие лингвистические аспекты как различия между сонорными, взрывными, лабиальными звуками, а также их акустическими вариациями и артикуляторными особенностями. Более того была выявлена интересная статистика, согласно которой в названиях крекеров чаще встречаются переднеязычные гласные, (например, *Triscuit, Simple Mills, Wheat Thins, Cheez-It Crackers*), в то время как в названиях мороженого – заднеязычные (*Magnum, Cornetto, Bulla, Wall's*). Наряду с этим, использование звукоизобразительной лексики и знакомого материала облегчило психологическое восприятие тем [Kawahara, 2019].

Китайский лингвист Т Ли (T. Li), рассматривая произношение как наиболее сложный аспект обучения носителей китайского языка английскому, автор предлагает дополнить традиционные методы обучения музыкальным сопровождением, а также видео файлами с субтитрами. Так, посредством имитирования речи носителей языка, восприятия невербальных знаков и особенностей артикуляции звуков может быть отработано и поставлено правильное произношение и интонирование. Кроме того, при рассмотрении морфологической иконичности, автор утверждает, что свободное владение аффиксами также ускоряет процесс восприятия и распознавания слов [Li, 2020].

Результаты этих исследований говорят о необходимости помочь учащимся прочувствовать уже существующую мотивированную связь между звучанием и значением английских слов. Тогда они заметят различия между особенностями мышления на иностранном (английском) и своем родном (китайском) языке. Во время этого процесса формируется языковое чутье. И. А. Маринченко, Е. В. Васильева и С. Лю разработали ряд упражнений на основе ЗП слов для обучения иностранных студентов русскому языку и пришли к выводу, что их использование способствует улучшению артикуляционных навыков, задействует и восполняет экстралингвистические знания и придает речи студентов эмоционально-экспрессивную окраску [Маринченко и др., 2020].

Ю. Г. Седёлкина, исследуя процесс запоминания и усвоения английских фразеологизмов у студентов неязыковых специальностей, пришла к выводу о том, что наличие звукоизобразительности во фразеологизмах английского языка способствовало более качественному освоению учебного материала студентами. В своей диссертации автор также указывает, что звукоизобразительность лексических комплексов в 9 раз облегчает их восприятие в письменной речи по сравнению с конвенциональной лексикой [Седёлкина, 2006].

При изучении авторами влияния звукоподражания на перцепцию английской лексики носителями русского и китайского языка при экстенсивном чтении (около 60 стр. печатного текста в неделю на протяжении 12 недель), эксперимент показал следующее. Независимо от того, что родные языки учащихся принадлежат к принципиально разным языковым системам, лексические списки, отобранные обеими группами студентов, содержали 10% звукоподражательных слов. При этом студенты выделили только те слова, которые находились на 2й и 3й стадиях деиконизации и в идентичных пропорциях в обоих корпусах. Подавляющее большинство (80%) в каждом корпусе занимают ониматопы, ассимилированные языковой системой и сохраняющие явную звукомысловую связь с денотатом, что говорит об их значимости в семантизации незнакомых слов. Как только эта связь ослабевает, и слово приобретает в языке новые значения, его восприятие не-носителями языка усложняется [Седёлкина, Матинова, 2022]. Об этом также

говорят результаты исследования визуального восприятия носителями русского языка английской лексики - слова на 2й стадии деиконизации опознавались статистически значимо быстрее [Tkacheva, Flaksman et. al, 2021].

Различия же касаются исключительно типа звукового денотата. Более трети лексики, выделенной обеими группами студентов, составляют инстанты-континуанты и фреквентативы квазинстанты-континуанты, передающие смешанные звучания удара, тонового неудара и диссонанса. Около пятой части составили инстанты, передающие краткие звучания. Однако, носители русского языка отдали предпочтение континуантам, тогда как носители китайского – фреквентативам, что, вероятно, связано с различиями в языковых картинах мира носителей этих языков [подробнее о методе и результатах эксперимента см. Седёлкина, Матинова, 2022].

Сравнивая артикуляционную систему английского и китайского языка, авторы Zhang F., Yin P. указывают, что первый можно соотнести с музыкальным термином легато, то есть со связным и плавным переходом от звука к звуку, при котором английская речь становится неразрывным потоком. В то время как китайский язык автор сравнивает со стаккато – отрывистым исполнением, для которого характерна явная акцентуация границ звуков [Zhang F., Yin P., 2009]. То есть, привлекательность фреквентативов может быть объяснена сходством их звуковой формы с родным языком студентов.

Исходя из этого можно сделать вывод, что лингводидактический потенциал звукоизобразительности становится заметен при освоении как родного, так и иностранного языков. При этом роль играют не только характеристики, собственно, звукоизобразительного слова, но стадия его деиконизации. Важное значение имеют также сходства и различия в языковых картинах мира родного и иностранного языка учащихся. Можно заключить, что опора на звукоизобразительную лексику делает учебный процесс более доступным для обучающихся, так как способствует установлению прочных связей между словом и его звуковой формой, необходимых при обучении фонетике, качественном пополнении словарного запаса студентов, а также при понимании неадаптированной литературы во время экстенсивного чтения.

Исследование проводится в рамках проекта «Психофизиологические индикаторы восприятия звукоизобразительных слов родного и иностранного языка» (РФФИ, проект No 20-013-00575 А)

Литература

- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. / И. В. Арнольд М.: Высшая школа, 1986.
- Воронин С. В. Основы фоносемантики. / С. В. Воронин М.: ЛЕНАНД, 2006.
- Воронин С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании: учебное пособие / С. В. Воронин. – Л.: изд-во ЛГУ, 1990.
- Воронин С. В. Английские ониматопы: Фоносемантическая классификация / Издание 2-е / С. В. Воронин под ред. проф. Бродович О. И. — СПб.: «Геликон Плюс», 2004
- Егорова А. А. Звукоизобразительная лексика в малых жанрах традиционных английских детских стихов (nursery rhymes) //Ивестия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – №. 9 (142). – С. 190-195.
- Маринченко И. А., Васильева Е. В., Сяоминь Л. Работа со звукоподражаниями на занятиях по русскому языку как иностранному //Литература и культура Сибири, Дальнего Востока и Восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации. – 2020. – С. 81-88.
- Седёлкина Ю. Г. Запоминание и усвоение английских фразеологизмов в зависимости от наличия в них фоносемантического компонента //Наука и образование сегодня. – 2016. – №. 10 (11). – С. 65-67.
- Седёлкина Ю. Г. Использование фоносемантических лексических комплексов в обучении иноязычной речи (на материале английского языка) : дис. – С.-Петербург. гос. ун-т, 2006.
- Седёлкина Ю. Г., Матинова В. Л. К вопросу о деиконизации: немотивированная визуальная перцепция иноязычной ониматопеи в художественном тексте. – 2022.
- Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика английского языка в синхронии и диахронии / М. А. Флакман. - СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2015.
- Imai M., Kita S. The sound symbolism bootstrapping hypothesis for language acquisition and language evolution //Philosophical transactions of the Royal Society B: Biological sciences. – 2014. – Т. 369. – №. 1651. – С. 20130298.
- Kawahara S. Teaching phonetics through sound symbolism //Proceedings of ISAPh. – 2019. – Т. 421. – С. 2018-4.
- Li T. Application of Iconicity to English Teaching //Higher Education Studies. – 2020. – Т. 10. – №. 2. – С. 13-23.
- Magnus M. What's in a Word?: Studies in Phonosemantics. – Det historisk-filosofiske fakultet, 2001.
- Nielsen A. K. S., Dingemans M. Iconicity in word learning and beyond: A critical review //Language and Speech. – 2021; 64. – №. 1: 52-72.
- Tkacheva L, Flaksman M, Nasledov A, Sedelkina Y, Lavitskaya Y. Iconicity and Second Language Visual Perception: A Psycholinguistic Study of English Imitative Words at Different De-icization Stages // Mathematics. 2021 Jan;9(12):1331
- Zhang F., Yin P. A study of pronunciation problems of English learners in China //Asian social science. – 2009. – Т. 5. – №. 6. – С. 141-146.

References

- Arnold I. V. Lexicology of the modern English language. / I. V. Arnold M.: Higher School, 1986.
- Voronin S. V. Fundamentals of phonosemantics. / S. V. Voronin M.: LENAND, 2006.
- Voronin S. V. Phonosemantic ideas in foreign linguistics: a textbook / S. V. Voronin. – L.: Publishing house of LSU, 1990.
- Voronin S. V. English onomatopes: Phonosemantic classification / 2nd edition / S. V. Voronin edited by Prof. Brodovich O. I. — St. Petersburg: “Helikon Plus”, 2004
- Egorova A. A. Sound-symbolic vocabulary in small genres of traditional English nursery rhymes //Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – №. 9 (142). – Pp. 190-195.
- Marinchenko I. A., Vasilyeva E. V., Xiaomin L. Work with onomatopoeia in the classroom of the Russian language as a foreign language //Literature and culture of Siberia, the Far East and Eastern abroad. Problems of intercultural communication. – 2020. – pp. 81-88.
- Sedelkina Yu. G. Memorization and assimilation of English phraseological units depending on the presence of a phonosemantic component in them //Science and education today. – 2016. – №. 10 (11). – Pp. 65-67.
- Sedelkina Yu. G. The use of phonosemantic lexical complexes in teaching foreign language speech (based on the material of the English language) : dis. – S.-Petersburg State University, 2006.
- Sedelkina Yu. G., Matinova V. L. On the issue of deiconization: unmotivated visual perception of foreign-language onomatopoeia in a literary text. – 2022.
- Flaxman M. A. Sound-symbolic vocabulary of the English language in synchrony and diachrony / M. A. Flaxman. - St. Petersburg: Publishing house of SPbSETU “LETT”, 2015.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ ПЕРЕВОДОВ ЭПОСА «ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»

В статье рассматривается понятие «внутриязыковой перевод», различные представления о переводе в процессе истории и лексические особенности нескольких переводов на современный немецкий язык средневерхненемецкого эпоса «Песнь о нибелунгах». Также рассказывается о целях и задачах, которые ставили перед собой переводчики эпоса. Переводы, выполненные в разное время, анализируются с точки зрения их близости к оригиналу, особое внимание уделяется лексемам, вышедшим из употребления или сузившим своё значение.

Ключевые слова: внутриязыковой перевод, устаревшая лексика, средневерхненемецкий, современный немецкий язык, оригинал, эпос.

N. S. Milovanova
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

LEXICAL CHARACTERISTICS OF THE INTRALINGUAL TRANSLATIONS OF «THE NIBELUNGENLIED» EPOS

In the article we study the term “intralingual translation” and the transformations of the ideas of the translation in the history, and the lexical characteristics of some translations of the Middle German epos “The Nibelungenlied” into modern German. We describe also the purposes and intents of the translators. The translations, which were completed at different times, are analyzed from the viewpoint of their similarity to the original, special attention has been given to the lexical items, which are not used or which have restricted the meaning.

Key words: Intralingual translation, obsolete vocabulary, the Middle High German, modern German language, original, epos.

«Песнь о нибелунгах» – средневерхненемецкий эпос, записанный неизвестным автором около 1200 г. в юго-восточной Германии. Он является одним из наиболее известных эпических произведений человечества и стоит в одном ряду с такими произведениями, как поэмы Гомера, «Песнь о Роланде», «Слово о полку Игореве», «Божественная комедия» Данте [Миньяр-Белоручева 1987, с. 61]. В основе сюжета эпоса – женитьба нидерландского героя Зигфрида на бургундской принцессе Кримхильде. Текст поэмы состоит из строф и разделен на главы, которые называются авантюрами.

В настоящее время возрос интерес к культурно-историческому наследию, появляются новые переводы и интерпретации древних произведений. Например, таких, как «Кентерберийские рассказы», «Песнь о нибелунгах», «Слово о полку Игореве» и др. [Журавлева 2003, с. 14].

Существует более тридцати рукописей этого произведения, которые сохранились полностью или дошли до нас в отрывках. Самыми известными являются рукописи А (Hohenems-München), В (Sant-Gallen) и С (Donaueschingen). Рукопись А относится ко второй половине 13-го века. Рукопись В была создана в середине 13-го века, многие исследователи считают её наиболее близкой к оригиналу. Рукопись С, которая получила широкое распространение, была создана до 1250 года.

В нашем докладе речь идет о внутриязыковом переводе данного средневекового эпоса на современный немецкий язык. Понятие «внутриязыковой перевод» по-разному трактуется исследователями, например, некоторые определяют его как истолкование словесных знаков того же языка, синонимичное перифразе [Миньяр-Белоручева 1987, с. 65; Шелия 1982, с. 14]. По мнению Е.С. Петровой, внутриязыковой перевод – это переложение старых текстов на современный язык [Петрова 2001, с. 262]. Рассмотрев всевозможные понимания внутриязыкового перевода, мы остановимся на следующем: внутриязыковой перевод – это перевод на современный язык исторического текста, написанного на языке предшествующей эпохи [Нелюбин 2003, с. 46]. Существует примерно 65 переводов «Песни» на современный немецкий язык, мы рассмотрим некоторые из них.

В современной теории перевода есть два направления, о которых говорит А.В. Федоров в своей книге «Основы общей теории перевода»: «Это 1) перевод, основанный на тенденции к дословному

воспроизведению языка оригинала в ущерб языку, на который текст переводится, и 2) перевод, основанный на стремлении отразить «дух», смысл подлинника и соблности требования современного языка» [Федоров 1983, с. 24].

Также и И.Г. Гердер считал, что существует два вида перевода: один перевод передаёт оригинал слово в слово, возможно даже звуки слов. Другой вид перевода передаёт образ автора, то, как бы он сказал на нашем языке [Sdun 1967, p. 76].

Рассмотрим, какими принципами руководствовались переводчики «Песни о нибелунгах» в разное время.

В течение 18 века, особенно в Германии, авторы эпохи Просвещения, такие как И.Я. Бодмер, И.Я. Брейтингер и К.М. Виланд, отстаивали принцип необходимой верности оригиналу [Breitinger 1966, p. 23]. Считалось, что переводчик эпохи Просвещения не имеет права отклоняться от дословного текста оригинала [Breitinger 1966, p.136]. Например, И. Я. Брейтингер выступал за идеал верного, дословного перевода, по его мнению, оригинал заслуживает особого внимания и иногда даже принуждает переводчика нарушать правила грамматики [Breitinger 1966, p.147].

В 1805 году в журнале «Eunomia» Ф.Г. фон дер Гаген издал свой пробный перевод. Он изложил содержание «Песни о нибелунгах», а также представил перевод отрывка «Как бургунды ехали к гуннам» с комментариями.

Фон дер Гаген считал, что перевод должен быть верным оригиналу и пытался достичь этого, например, с помощью соответствующих устаревших слов, форм слов и выражений [Von der Hagen 1814, p. 8]. Такой перевод очень близок к исходному тексту, часто переводчик не меняет вышедшие из употребления лексемы. Рассмотрим перевод эпизода, где рассказывается о том, как бургунды подъехали к реке, строфа 1523.

Оригинал (строфа 1523):

*„Dô reit von Tronege Hagene zaller vorderôst
Er war den Nibelungen ein helflicher trost
Do erbeizte der degen küene nider ûf den sant,
Sîn ros er harte balde zuo zinem boume bebant.“*

Перевод фон дер Гagens

*„Da rit von Tronj Hagen zu aller vorderost
Er war den Nibelungen ein helflicher Trost
Da stunde der Degen kühne nieder auf den Sand;
Sein Roß er viel balde an eimen Baume geband.“*

Для интерпретации значения средневерхнемецкого текста используется словарь Маттиаса Лексера. В этом переводе сохранены практически все лексемы подлинника, например, свн. наречие *vorderost*, существительные *trost*, *degen*, *ros*. Заменяется только вышедшая из употребления лексика. Свн. претеритум от глагола *erbeizen* (*erbeizte*), который имел значение «слезать», передан устаревшей формой имперфекта от глагола *stehen* (стоять) (*stunde*). Свн. наречие *harte* (жестко, тяжело, строго, очень) передано современным наречием *viel*, т.к. нн. *hart* сузило своё значение и сейчас означает «жесткий».

Позднее, в 1807 году, Ф.Г. фон дер Гаген осуществил перевод целого эпоса. Перевод был выполнен в таком же стиле, то есть это было дословное воспроизведение оригинала. Ф. Царнке утверждает, что переводчик просто переписал немецкий текст, адаптировав его [Zarnke 1887, p.54].

О других представлениях о переводе говорят Ф.Г. Клопшток и И.Г. Гердер. По их мнению, переводчик должен был передать публике не только слова, но и смысл текста оригинала, текст перевода должен был стать прежде всего доступным для современного читателя [Klopstock 1823, p. 55].

В этом же году проповедник К. Нимайер издал свой перевод «Песни о нибелунгах». Рассмотрим начало авантюры о Зигфриде:

Оригинал (строфа 20)

*„Do wohs in Nederlanden eins richen kvniges kimt
Der vater hiez Sigemunt sin muoter Sigelint
In einer burge riche witen wol bekannt
Niden bi dem Rine diu was ze Santen genannt.“*

Перевод К. Нимайера:

*„In Nederlanden wuchs der Königssohn
Des Vater Siegemunt heiß, Sieglint die Mutter
In einer reichen, weltbekannten Burg
Genennet Santen nieder an dem Rheine.“*

К. Нимайер, как и предыдущий переводчик, сохраняет большинство лексем оригинала, которые не изменили своего значения. Свн. претеритум глагола *heizen* (называться) (*hieze*) передан претеритумом нн. глагола *heissen* (*hieße*). Свн. существительное *burg* (крепость) передано нн. сущ. *Burg*. Свн. прилагательное *riche* соответствует нн. *reich*.

Однако этот перевод менее приближен к оригиналу. Свн. сочетание *witen wol bekant* (очень далеко известный) передано нн. прилагательным *weltbekant* (всемирно известный) При переводе первого предложения опущено свн. прилагательное *riche*. Кроме того, здесь присутствует лексическая замена: свн. существительное *kimt* (ребенок) передано нн. *Sohn* (сын).

В 1806 году в журнале «Der neue Berlinische Monatsschrift» был издан перевод гессенского профессора Д.Г. Хегевиша. Это был пробный перевод с замечаниями по поводу поэмы. Для перевода Д.Г. Хегевиш выбрал сцену, где рассказывает о том, как Зигфрид впервые увидел Кримхильду.

Оригинал (строфа 278)

„Von einer kemenaten sach man si alle gan
Do wart vil michel drängen von helden dargetan
Di des gelinge heten, ob kunde das geschehen,
Daz si di maid edele solden vrolichen sehen.“

Перевод Д.Г. Хегевиша:

„Aus einem besonderen Gebäude sah man sie alle gehen
Da geschah ein großes Drängen der Helden
Die das Anliegen hätten, ob es geschehen könnte,
Daß sie das edle Mädchen fröhlichen sehen möchten.“

Здесь в переводе также сохранено большинство лексем оригинала, которые сохранились в современном немецком языке. Свн. претеритум глагола *sehen* (*sah*) соответствует нн. претеритуму глагола *sehen* (*sah*), свн. существительное *drängen* передано нн. *Drängen*, для перевода свн. наречия *vrolichen* употреблено нн. *fröhlich*.

Свн. прилагательное *michel* (большой) переводчик передает прилагательным *groß*, т.к. *michel* вышло из употребления. Свн. существительное *maid* (девушка), которое сохранилось в современном немецком, но считается устаревшей лексемой, передано нн. *Mädchen*. Для того чтобы сделать текст более доступным современному читателю, переводчик поясняет некоторые вышедшие из употребления лексемы. Например, свн. предложное сочетание *von einer kemenaten*, где вышедшая из употребления лексема *kemenaten* означает «жилое помещение для женщин», передано сочетанием *aus einem besonderen Gebäude* (из особого здания). Кроме того, Д.Г. Хегевиш снабжает свой перевод комментариями.

В 1807 году в журнале «Der neue Teutsche Merkur» был представлен перевод И. Хинсберга, а именно начало «Песни о нибелунгах». Комментарий к переводу И. Хинсберга был составлен К.М. Виландом. Он пишет, что этот перевод позволяет современному читателю читать средневековый эпос без помощи словаря. Рассмотрим отрывок перевода, выполненный И. Хинсбергом, а именно, эпизод, где представлен поединок Зигфрида с королём Людегастом.

Оригинал (строфа 179)

„Do sach er her das groze, das uf dem velde lac,
daz wider siner helfe mit ingefuoge wac.
Des was wol vierzec tusent oder dennoch baz.
Sivrit in hohem muote sach vil vroeliche daz.“

Перевод И. Хинсберга:

„Sieglindes Sohn in seinem Waffenkleide
Ritt ganz allein auf Späh' und Erkundung hin:
Er sah der Feinde Heer mit Herzenfreude
Sah weit im Felde sich das Lager ziehen“

Данный перевод является наименее близким к оригиналу. В текст перевода вводится предложение, отсутствующее в оригинале (*Sieglindes Sohn ...ritt ganz allein auf Späh und Kundschaft hin*). Непереданным остается предложение оригинала о численности войска (свн. *des was wol vierzec tusent oder dennoch baz*).

Из исходных лексем сохранены немногие, например, претеритум глагола *sehen*, существительное *Feld*. Можно сделать вывод, что переводчик передает общее содержание оригинала. В синтаксическом плане переводчик также полностью меняет структуру предложений подлинника. Например, во втором предложении употребляется конструкция *accusativus cum infinitivo*, отсутствующая в оригинале.

В 1827 году появился перевод целого эпоса, выполненный К. Зимроком, который много раз переиздавался. К. Зимрок модернизирует язык текста «Песни», хотя его перевод очень близок к оригиналу. К. Зимрок утверждал, что его перевод должен помочь читать и понимать произведение в оригинале [Simrock 1954, p.4]. Одной из основных его задач было сделать текст перевода понятным и доступным для современного читателя. Вместе с тем переводчик сохранил шарм средневерхнемецкого произведения. По его представлениям от текста перевода нельзя требовать того, чтобы каждое слово было современным [Simrock 1954, p. 16]. По мнению К. Зимрока, наличие в тексте перевода таких устаревших лексем, как *Degen*, *Recke*, *Minne*, а также словосочетания *Schwester mein* вместо *meine Schwester* никогда не вызовет негативной оценки у читателя [Simrock 1954, p. 18]. Рассмотрим перевод строфы 182.

Оригинал (строфа 182)

*„Do het ovch sich ein reche gein den veinden dar
Erhaben uf die warte; der war ze vlize gar.
Den sach der herre ivrit unde in der chuene man.
Ietweder do des andern mit nide hueten began.“*

Перевод К. Зимрока:

*„Da hatte sich ein Recke auch aus der Feinde Schar
Erhoben auf die Warte, der wohl gewappnet war:
Den sah der Degen Siegfried und ihn der kühne Mann;
Jedweder auf den anderen mit Zorn zu blicken begann.“*

В данном переводе сохранены устаревшие лексемы *Recke* и *Warte*. Свн. существительное *herr* (господин) передано нн. существительным *Degen*. Чтобы сделать перевод более доступным для современного читателя, К. Зимрок заменяет вышедшие из употребления или изменившие свое значение лексемы. Свн. сочетание *mit nide* передается существительным с предлогом *mit Zorn* (с гневом), т.к. существительное *Neid* изменило свое значение, вышедшее из употребления свн. наречие *vlize* (тщательно) передано нн. причастием *gewappnet*.

К. Зимрок максимально пытается приблизить свой перевод к оригиналу. Он старается сохранить и лексику, и грамматическую структуру эпоса.

Перевод З. Гроссе является самым современным из проанализированных, он был осуществлён в 1997 году. З. Гроссе пишет, что текст средневековой рукописи должен быть доступен для читателя, который не имеет языковых знаний, так как лексика, грамматические структуры ему чужды и малопонятны [Grosse 2010, p. 971]

Для перевода рифмованного текста З. Гроссе выбрал прозу по двум причинам. Во-первых, потому что в заданную схему исходного текста с рифмованными строфами трудно адаптировать современный перевод, не потеряв при этом содержательную точность исходного текста, так как словарный состав и синтаксис сильно изменились. Во-вторых, по его мнению, средневерхненемецкий оригинал невозможно передать точно на новонемецком языке, который отстоит от него на столетия. Кроме того, текст, построенный из 2376 рифмованных строф, современному читателю было бы воспринимать намного сложнее, чем текст в прозе.

Но отказ от метрической и строфической структуры отнимает у Песни характерную для героической поэзии форму и скрывает от реципиента важный спектр языкового выражения. Изменение формы также изменяет и подачу содержания, которая неотделима от оформления текста. Имена и центральные понятия не могут быть акустически выделенными. Также невозможно передать и повторяющиеся стилистические фигуры, например, устойчивые фразеологизмы, формальные обороты, также междометия для выражения различных эмоций, которые больше вписываются в ритмически связанный рифмованный текст, нежели в современную прозу [Grosse 2010, p. 973].

О своём переводе З. Гроссе пишет, что он не передал средневековый источник в рифмованной форме, но, с другой стороны, варьирует относительно небольшой лексический состав исходного текста [Grosse 2010, p. 976].

Рассмотрим несколько строф из перевода З. Гроссе.

Оригинал (строфа 194)

*„Zen rossen gâhte Gernot und sine man.
Den vanen zucte balde der starke spileman,
Volkêr der herre. dô reit er vor der schar.
Dô was ouch daz gesinde ze strite hêrlîchen gar.“*

Перевод З. Гроссе:

„Zu den Pferden eilten Gernot und seine Männer. Die Fahne riss schnell Herr Volker an sich, der starke Spielmann. Er rit der Abteilung voran. Auch das übrige Gefolge war zum Kampf auf prachtvolle Weise bereit.“

Переводчик заменяет не только вышедшие из употребления лексемы, но и те, которые сохранились в современном языке. Например, свн. существительное *ros* (конь, лошадь), которое является устаревшим, но сохранилось в немецком языке, передано нн. *Pferd*. На наш взгляд, для передачи особенностей подлинника при переводе возможно было употребить лексему *Ross*. Свн. претеритум глагола *gan* (идти) соответствует нн. претеритуму глагола *eilen* (спешить) (*eilten*), таким образом, действие становится более динамичным. Свн. наречие *balde* (скоро, быстро) передается нн. наречием *schnell*. Далее встречается уточнение к существительному (*das übrige Gesinde*), отсутствующее в оригинале.

В заключении можно сделать вывод, что переводчики руководствовались различными принципами и ставили перед собой различные задачи. Одни переводы, по нашему мнению, были ориентированы на дословное воспроизведение оригинала, другие – на передачу смысла.

Из современных переводов больше всего приближен к оригиналу перевод К. Зимрока. Но несмотря на то, что он использует устаревшие формы слов, неупотребительные в современном языке, их значение остается понятным современному читателю. Таким образом, К. Зимрок сохраняет временную дистанцию и

передает атмосферу того времени, когда произведение было создано, также раскрывает смысл оригинала и сохраняет его структуру.

Литература

- Журавлева О.А. Структурно-семантические особенности внутриязыкового перевода (на материале «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера и их переводов на современный язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 14 с.
- Миньяр-Белоручева А.П. Проблемы интерлингвистического перевода и авторского комментирования исторических текстов (прагматический аспект) // Прагматические характеристики текста и его смысловая интерпретация. Нальчик: КБГУ, 1987. С. 62-69
- Нелюбин Л.Л. Толковый переводческий словарь. М.: Наука, 2003. 162 с.
- «Песнь о нибелунгах» Л., Наука, 1972. 228 с.
- Петрова Е.С. Локализация в межъязыковом и внутриязыковом переводе// Университетское переводоведение. Вып.2 СПб., Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. С. 259-266
- Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., Филология три, 1983. 124 с.
- Шелля М.Д. Вопросы внутриязыкового перевода: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1982. 20 с.
- Breitinger Johan Jacob Critische Dichtkunst Bd.2. Stuttgart, Bey Joh. Fried.Gleditsch, 1966. 275 p.
- Klopstock Friedrich Gottlieb Sämtliche Werke, Bd.13. Leipzig, von G.J. Göschen 1823. 268 p.
- Das Nibelungenlied Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch, ins Neuhochdeutsche übersetzt und kommentiert von Siegfried Grosse . Stuttgart, Philipp Reclam, 2010. 991 p.
- Das Nibelungenlied, übersetzt von Karl Simrock. Stuttgart, Verlag der Göttschen Buchhandlung, 1954. 290 p.
- Sdun Wienfried Probleme und Theorien des Übersetzens in Deutschland vom 18. Bis zum 20. Jahrhundert. München, Hueber, 1967. 105 p.
- Von der Hagen Nordische Heldenromane, Bd.1. Breslau, J.Max, 1814. 264 p.
- Zarnke Friedrich Das Nibelungenlied. Leipzig, Georg Wiegands Verlag, 1887. 614 p.

Источники

- Lexer Mattias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch, Stuttgart, S. Hirzel 1992.
- Die Übersetzung des Nibelungenliedes von Hegewisch//Der neue berlinische Monatsschrift Bd.2.,13 Berlin, Bei Friedrich Nikolai 1806. 324 -251 p.
- Die Übersetzung des Nibelungenliedes von Hinsberg //Der neue Teutsche Merkur. Bd.2., Weimar, Hoffmann Karl Ludolph 1808. 376-394 p.
- Die Übersetzung des Nibelungenliedes von K. Niemeyer//Eunomia. Bd.2. Berlin, von Feßler und Fischer 1805. 117-141p.

References

- Zhuravljeva O. A. Strukturno-semanticheskiye osobennosti vnutriyazykovogo perevoda (na materiale Kenterberijskikh rasskazov D. Chossera i ikh perevodov na sovremennij yazyk) [Structural-semantic characteristics of the intralingual translation (based on the material from the Canterbury tales of D. Chaucer)]: avroreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk: SPb, 2003.
- Min'yar-Beloručeva A. P. Problemy interlingvističeskogo perevoda i avtorskogo kommentirovanija istoričeskikh tekstov (pragmatičeskij aspekt)// Pragmatičeskije kharakteristiki teksta i ego smyslovaja interpretacija [Problematic aspects of the interlinguistic translation and of the authorial commentation of the historical texts (pragmatic aspect)]// Pragmatic characteristics of the text and its semantic interpretation. Nalchik, KBGU, 1987. P. 62-69.
- Neljubin L. L. Tolkovyj perevodčeskij slovar' (Defenition translation dictionary). M.: Nauka, 2003.
- «Pesn' o nibelungakh» («The Nibelungenlied»). L.: Nauka, 1972.
- Petrova E. S. Lokalisacija v mezhyazykovom i vnutriyazykovom perevode// Universitetskoje perevodovedenije, Вып. 2 (Localization in the interlingual and intralingual translation)// The university translation and interpretation studies, № 2. SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2001. P. 259-266.
- Fjodorov A. V. Osnovy obshtej teorii perevoda (The foundations of the general translation theory). M.: Filologija tri, 1983.
- Shelija M. D. Voprosy vnutriyazykovogo perevoda (Problems of the intralingual translation): avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk. M.: 1982.
- Breitinger Jokhan Jakob Kritische dikhtkunst bd.2. (Critical poetry, № 2). Stuttgart, Bey Joh. Fried. Gleditsch, 1966.
- Klopshok Fridrikh Gottlib Semtliche werke, bd.13. (All writings, № 13) Leipzig, fon G.J. Geschen 1823.
- Das Nibelungenlied mittelhohdojch/neuhohdoich, ins neuhohdojche uebersetzt und kommentirt fon Siegfried Grosse (The Nibelungenlied Middle German/modern German, into modern German translated and commented from Siegfried Grosse) Stuttgart, Philipp Reclam, 2010.
- Das Nibelungenlied, uebersetzt fon Karl Simrock (The Nibelungenlied, translated from Karl Simrock) Stuttgart, Verlag der Gottashen buchhandlung, 1954.

Sdun Winfrid Probleme und Teorien des uebersetzens in dojtschland fom 18. bis tsum 20 jahrhundert (Problems and theories of the translation in Germany in the 18th.-20th. century) München, Huber, 1967.

Fon der Hagen Nordische heldenromane, Bd.1 (Nordic heroic tales, № 1) Breslau, J.Max, 1814.

Tsarnke Fridrikh Das Nibelungenlid (The Nibelungenlied) Leipzig, Georg Wiegands ferlag, 1887.

Sources

Lekser Matias Mitelkhokhdjojches tashenwjorterbukh (The dictionary of Middle-German). Stuttgart, S. Hirtsel, 1992.

Die Uebersetzung des nibelungenlides fon Hegewish// der noje berlinishe monatsshrift, bd. 2 (The translation of «the Nibelungenlied» from Hegewish)// The new Berlin montly magazine №2. Berlin, Bei Fridrikh Nikolai, 1806. P. 324-351.

Die Uebersetzung des nibelungenlides fon Hinsberg// der noje dojche merkur, bd. 2 (The translation of «the Nibelungenlied» from Hinsberg)// The new german Merkur, № 2. Weimar, Hofman Karl Ludolf. 1808. P. 376-394.

Die Uebersetzung des nibelungenlides fon K. Nimajer// Eunomnija, bd. 2 (The translation of «the Nibelungenlied» from K. Niemeyer)// Eunomnia, № 2. Berlin, Fon Fesler und Fischer, 1805. P. 117-141.

Сокращения

Свн. – средневерхненемецкий.

Нн. – новонемецкий.

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ ЛЕКСЕМЫ *FAIRLY* В РУСЛЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

В статье на основе когнитивно-функционального подхода исследуется функционирование лексемы *fairly*, традиционно ассоциированной с определенными когнитивными контекстами и конкретной частеречной принадлежностью, с преимущественным акцентом на ее способности выступать в новой функции репрезентации модусной категории, прежде всего, категории оценки. Материалом для исследования послужили данные британского лингвистического корпуса BYU-BNC, а также данные словарей, в том числе онлайн словаря Collins и этимологического онлайн словаря. Основными методами исследования являются корпусный анализ, концептуально-дефиниционный и контекстуально-репрезентативный анализ, а также метод интроспекции. Проведенное исследование выявило, что лексема *fairly* имеет широкие семантические возможности и может функционировать в когнитивном контексте не только как наречие, но и как иллокутивная частица, причем с разным коммуникативным значением, зависящем от интенции говорящего. С ее помощью говорящий может указывать на правильность или оправданность происходящего, выражать интенсивность оценки, а также высокую степень уверенности в правильности оценки. Большую роль при интерпретации значения лексемы играет детальный анализ контекста и привлечение знаний о мире.

Ключевые слова: когнитивный подход, маскирующаяся иллокутивная частица, эмфатическая частица, когнитивный контекст, модусная категория, оценка.

Minchenkov A. G.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

ANALYSIS OF THE SEMANTIC VARIATION OF THE LEXEME *FAIRLY*: COGNITIVE APPROACH

On the basis of the cognitive-functional approach, the article explores the functioning of the lexeme *fairly*, which is traditionally associated with particular cognitive contexts and specific grammatical word class, with a special focus on its ability to perform a new function, namely serve as a linguistic means of expressing a modal category, primarily the category of evaluation. The study uses language data taken from the British linguistic corpus BYU-BNC, as well as data from dictionaries, including online and etymological dictionaries. The main methods used in the study include corpus analysis, definition analysis, contextual analysis and the method of introspection. The study has found that the lexeme in question has a considerable semantic potential and can function in the cognitive context not only as an adverb, but also as an illocutionary particle expressing different meanings depending on the user's intention. Thus, it can be used by the writer/speaker to show that the event or development described is right or justified, express the intensity of evaluation or the user's high degree of certainty of the rightness of his/her evaluation. In interpreting the meaning of the lexeme in question a major role is played by such factors as the analysis of the cognitive context and the use of our knowledge of the world.

Key words: cognitive approach, disguised illocutionary particle, emphatic particle, cognitive context, modal category, evaluation.

Важнейшим методологическим принципом когнитивного исследования языка считается принцип антропоцентризма, предполагающий «признание ведущей роли человека в организации и использовании языка» [Болдырев, 2013, с.8]. Существенной особенностью российской когнитивной лингвистики является признание того факта, что находящиеся в сознании человека структуры знаний и система концептов являются не зеркальным отражением мира, а результатом наших взаимоотношений с миром [Кубрякова, 2001].

В русле научной школы Е.С.Кубряковой предлагается широкий взгляд на языковую когницию, основывающийся на положении о том, что каждая единица языка должна анализироваться не только с точки зрения когниции, но и с точки зрения коммуникации [Кубрякова, 2009]. Единица языка, рассматриваемая как лингвистический знак, обладает богатым семантическим потенциалом, который реализуется в дискурсе.

Подобный подход позволяет учитывать при анализе значения как когнитивные, так и коммуникативные факторы. Многоуровневость значений языковых единиц, понимаемая как «необходимость выхода за рамки собственно языковой системы в процессе изучения языковых значений и обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности» [Болдырев, 2013, с.8], позволяет, в частности, освободиться от ограничений, накладываемых частеречной принадлежностью единиц.

По мнению Н.Н.Болдырева, помимо когнитивной и коммуникативной, язык выполняет еще одну важную функцию – интерпретирующую [Болдырев, 2007, с.25-26]. Интерпретирующая функция напрямую связана с принципом антропоцентризма и отражает интенциональный характер языковой деятельности индивида. Язык позволяет его носителю проявить собственную индивидуальность в восприятии и осмыслении сущностей и событий окружающего мира и выразить свое отношение к ним. Реализация интерпретирующей функции языка происходит посредством системы модусных категорий, включающих в себя, в частности, категорию оценки [Болдырев, 2010, с.17].

Данная статья посвящена функционированию единицы английского языка, лексемы *fairly*, традиционно ассоциированной с определенными когнитивными контекстами и конкретной частеречной принадлежностью, с преимущественным акцентом на ее способности выступать в новой функции языкового средства репрезентации модусной категории, прежде всего, категории оценки, другими словами, в функции иллокутивной частицы. Понятие «маскирующей» (иллокутивной) частицы было введено и рассмотрено нами ранее на примере англоязычных лексем *positive* и *positively* [Минченков, 2018]. Характеристика «маскирующаяся» отражает тот факт, что изучаемые единицы привычно, в большом количестве контекстов, употребляются не как частицы, а как другие, причем различные, части речи, что затрудняет их идентификацию в качестве средства репрезентации модусной категории.

Термин «частица» традиционно используется в российской англистике в рамках морфологии и теории частей речи [Зернов, 1983; Иванова, 1981]. Частицы считаются отдельной частью речи, однако, количество слов, относимых к частицам, обычно невелико, и между учеными нет согласия в отношении того, какие слова считать частицами [Там же].

В зарубежных англоязычных грамматиках частица, как правило, вообще не выделяется как отдельная часть речи, а слова, обычно относимые к частицам отечественными англистами, по традиции включаются в класс наречий [Quirk et al., 1985; Longman Grammar, 1999]. При этом термин «частица» (particle) могут называться разрозненные и совершенно разные по функционированию служебные слова [Lyons, 1981].

Учитывая дискурсно ориентированный характер значения частиц, едва ли удивительно, что «термин» частица (particle) достаточно широко используется в лингвистической прагматике и теории дискурса. В этих областях наблюдается тенденция считать частицами слова, обладающие определенными коммуникативно-функциональными особенностями. С.Левинсон, например, выделяет дискурсные частицы (discourse particles), используемые в целях речевого взаимодействия между участниками коммуникации и указывающие, насколько то или иное высказывание или его отдельный элемент соответствует коммуникативным ожиданиям или принципам языковой кооперации [Levinson, 1994, p.162]. С.Харви вводит понятие иллокутивной частицы (illocutionary particle), позволяющее объединить в один класс языковые единицы с преимущественно коммуникативной направленностью, чья функция состоит в том, чтобы маркировать высказывания в точки зрения интенций говорящего. По его мнению, иллокутивные частицы используются говорящим для того, чтобы сигнализировать собеседнику о том, как следует воспринимать высказывание в целом или какие-то его отдельные части [Hervey & Higgins, 1999, p.52]. Важными особенностями иллокутивных частиц, таким образом, являются их ориентированность на говорящего, отсутствие жесткой синтаксической связи с другими словами внутри предложения, даже в тех случаях, когда, они относятся к слову, и, соответственно, невозможность поставить к ним вопрос от какого-либо отдельного слова.

Как мы уже показывали ранее на примере других иллокутивных частиц [Минченков, 2018], слова в контексте обнаруживают способность переходить из одного грамматического класса в другой и менять значения в соответствии с интенцией языкового пользователя. А поскольку, как мы уже отметили выше, язык постоянно меняется вместе с пользователями, этот процесс происходит непрерывно, затрагивая новые слова, которые меняют не только свое привычное значение, но и грамматическую функцию. Данное явление, на наш взгляд, представляет большой интерес, а его исследование в русле когнитивного подхода видится актуальным и перспективным. Материалом для исследования послужили данные британского лингвистического корпуса BYU-BNC, а также данные словарей, в том числе онлайн словаря Collins и этимологического онлайн словаря.

В рамках традиционной классификации по частям речи лексема *fairly* относится к наречиям, что отражено и в словарях. В качестве первого значения указанной лексемы в современном словаре, как правило, приводится 'to quite a large degree' (в достаточно большой, хотя и не очень большой степени) [COD]. В этом значении лексема встречается в большом количестве отмеченных в корпусе примеров, в сочетании как с прилагательными – *fairly cheap, rare, obvious, small, urgent, confident* – так и с наречиями – *fairly easily, soon, recently, arbitrarily*, с которыми она связана синтаксически. Статус лексемы как наречия степени во всех этих случаях подтверждается возможностью задать к ней вопрос (В какой степени?). Интересно отметить, что при высокой частотности употребления *fairly* в указанном значении в современном языке, оно, как следует из этимологического словаря, развилось у анализируемой лексемы сравнительно

недавно, причем позже других значений (фиксируется с 1805 года) [OED]. Другое распространенное значение лексемы *fairly*, отмеченное в значительном, хотя меньшем, количестве случаев, фиксируется раньше, с 70-х годов XVII века [OED]. Данное значение определяется словарями как 'justly' или 'honestly' [COD, CIDE]. В этом значении данная лексема также функционирует как наречие и сочетается с глаголами, с которыми имеет синтаксическую связь, что подтверждается возможностью задать вопрос, а также тестом на сравнение. В качестве примеров можно привести взятые из корпуса сочетания *acted fairly*, *traded fairly*, *apply rules fairly*, *fired fairly*. Ко всем приведенным примерам можно применить тест на сравнение, в частности, уволить можно более или менее справедливо, торговать более или менее честно и т.д.

Рассмотрим теперь следующий отмеченный пример:

(1) *Exporters fairly complained that this made their goods less competitive.*

Анализ примера в когнитивном контексте выявляет ситуацию, когда экспортеры жалуются на то, что их товары становятся менее конкурентноспособными. Формально анализируемая лексема, также как и в примерах выше, относится к глаголу и должна быть признана наречием. Однако, наши знания семантики глагола *complain* и знания о мире говорят нам о том, что все не так однозначно. Действительно, очевидно существует разница между тем, когда кто-то действует справедливо или справедливо применяет правила, с одной стороны, и справедливо жалуется, с другой. В последнем случае суждение о том, что жалоба справедлива, выносит сторонний наблюдатель, в нашем случае, говорящий. Другими словами, лексема *fairly* в примере (1) ориентирована на говорящего, отражает его оценку ситуации, выражает его убеждение в том, что экспортеры имели все основания выражать недовольство, а значит функционирует не как наречие образа действия, а как иллюкативная частица. Способность данной лексемы выражать мнение говорящего о том, что описываемое им событие является, будет или было бы вполне оправдано, правильно или разумно подтверждается единицами, которые словари приводят в качестве контекстуальных синонимов *fairly*, а именно *rightly*, *reasonably*, *justifiably*, *as deserved* [CIDE, COD]. Представляется, что данное коммуникативное значение описываемой лексемы развилось в результате постепенной интерпретации членами социума упомянутого выше значения 'justly'.

Проанализируем другие схожие примеры из корпуса:

(2) *He ought fairly to be excused from liability for breach of trust;* (3) *He cannot fairly tell the plaintiffs to cease to bother him about the money;* (4) *As Mr Beazley fairly recognized, it is almost inevitable;* (5) *This may fairly be regarded as the most serious offence.*

В примере (2) автор, употребляя частицу *fairly*, показывает, что, по его мнению, освобождение упомянутого человека от ответственности будет справедливо и правильно. Стоит обратить внимание на одновременное употребление модального глагола *ought to*, также выражающего субъективное предствление о том, что было бы правильно. В примере (3) говорящий с помощью частицы указывает на то, что, по его мнению, было бы неправильно ожидать от героя, что тот сам скажет истцам не беспокоить его по поводу денег. Анализ когнитивного контекста указывает на отсутствие какой-либо синтаксической связи *fairly* с следующим за ним глаголом *tell*. В примере (4) говорящий, используя частицу, показывает, что он согласен с суждением Бизли и считает его разумным. В примере (5) в сочетании с модальным глаголом *may* частица *fairly* сближается по своему коммуникативному значению с русской иллюкативной частицей *вообще*, выражая высокую степень убежденности говорящего в правильности своей оценки. Следует отметить, что примеры подобные (5), включающие в себя анализируемую частицу в сочетании с модальными глаголами *can*, *may*, *might*, за которыми следуют глаголы, выражающие мнение или суждение, достаточно распространены: *may/can fairly be described as*, *may fairly be characterized as*, *can fairly be called*, *can fairly be read as*, *can fairly be considered*, *might fairly consider that*, *can fairly claim*, *can fairly be classed among*.

Проведенный анализ также выявил примеры употребления *fairly*, похожие на примеры, описанные выше, тем, что в них данная лексема, формально относясь к глагольной форме, не имеет с ней жесткой связи, однако, с точки зрения коммуникативного значения лексемы, они очевидно другого рода. Рассмотрим несколько таких примеров:

(6) *I got the impression that he was fairly exasperated at the way things had gone up to now;* (7) *The house was built of wood and it fairly shook during some of the more energetic dances;* (8) *At the start of 1945 the place fairly hummed with activity, being surrounded in all directions by RAF and American Air Force;* (9) *These Scotsmen fairly make my flesh creep, with their laws...and lying.*

В примере (6) *fairly* формально относится к причастной форме глагола *exasperate*, обозначающего *cause anger or extreme annoyance* [CIDE], то есть некую крайнюю степень эмоции. Соответственно, предположение о том, что *fairly* может означать *to quite a large degree* вступает в явное противоречие с семантикой *exasperate*. Одновременно когнитивный контекст не позволяет заключить, что говорящий считает, что человек, о котором он ведет речь, имеет все основания испытывать указанные крайние эмоции. В примерах (7) и (8) интересующая нас лексема едва ли может быть наречием степени: в (7) семантика глагола *shook* не позволяет градуировать сам глагол по линии *very-rather-fairly*, а в (8) мы вообще имеем дело с метафорой. При этом *fairly* не может быть и иллюкативной частицей с описанным выше коммуникативным значением, поскольку говорящий ведет речь о неодушевленных существах и не может считать, что их поведение разумно или оправданно. В примере (9) *fairly* также, с одной стороны, не может градуировать действие, выражаемое сочетанием *make flesh creep*; с другой стороны, мы понимаем, опираясь

на контекст, что говорящий явно не может считать данное действие разумным или оправданным, поскольку оно очевидно вызывает у него только отрицательные эмоции.

При интерпретации коммуникативного значения анализируемой лексемы в примерах (6)-(9) мы использовали данные, полученные из различных словарей. Как следует из этимологического словаря, самым ранним значением лексемы, относящимся еще к началу 15 века, является *handsomely*, позже (к 1590 году) развившееся в *totally* [OED]. Другими словами, лексема могла означать полноту качества/свойства. Современные словари отмечают, что *fairly* при употреблении с глаголом может указывать на высокую интенсивность действия (used to emphasize that something happens to very great degree or extent [COD]), или использоваться для усиления образных, метафорических выражений (used to emphasize figurative expressions [CIDE]). В качестве возможных контекстуальных синонимов *fairly* приводятся лексемы *almost*, *practically*, *positively*, *really* [COD]. При этом отмечается, что данное коммуникативное значение вступает в определенное противоречие с упомянутым выше значением интересующей нас лексемы *to quite a large degree*.

Данные, полученные из словарей, в совокупности с анализом контекста позволяют интерпретировать примеры (6)-(9) и подобные им. Стоит обратить внимание на то, что интересующая нас лексема, как следует из словарной статьи, может использоваться в сочетании с метафорическими, образными выражениями, отражающими особый способ интерпретации описываемого события говорящим. Так происходит, в частности, в примере (8) – осуществляя метафорический перенос значения глагола *hum*, употребляющегося в прототипических контекстах с агенсами, способными производить звуки, на неодушевленную сущность (воздух), говорящий использует *fairly* для выражения интенсивности оценки. Учитывая предложенные ранее основные критерии – невозможность поставить осмысленный вопрос от глагола и ориентацию лексемы на интенцию говорящего – мы считаем, что в данном случае *fairly* используется как эмфатическая иллокутивная частица. С ее помощью говорящий показывает, что, с одной стороны, даваемая им характеристика действия представляет собой аппроксимацию, но, с другой стороны, интенсивность действия настолько высока, что используемая характеристика почти в полной мере описывает это действие. Так же, в примере (7) говорящий, осознавая приблизительность своей оценки (дом не трясет в буквальном смысле этого слова), показывает, что некоторые танцы происходят настолько интенсивно, что у него возникает чувство, как будто дом ходит ходуном. В примере (9) маловероятно, что, каждый раз, когда говорящий думает о шотландцах или имеет с ними дело, они вызывают у него настоящую дрожь, но интенсивность негативных эмоций настолько высока, что их можно сравнить с физически ощущаемой дрожью. Пример (6) несколько отличается от примеров (7)-(9). В нем интересующая нас лексема предшествует неметафорической единице, обозначающей сильные эмоции, и с помощью ее говорящий сигнализирует, что, по его впечатлению, интенсивность эмоций настолько высока, что практически достигает уровня крайнего раздражения. Во всех описанных примерах *fairly* следует признать эмфатической частицей. Интересно отметить, что, как показал анализ, *fairly* как частица может относиться не только к глаголу, но также иногда к словосочетанию с предлогом:

(10) *The policeman caught him fairly in the doorway.*

В примере (10) говорящий использует *fairly* чтобы подчеркнуть скорость и динамизм совершения действия: мы понимаем, что полицейский поймал нарушителя не прямо в дверях, но явно быстрее, чем можно было ожидать, настолько быстро, что тот не смог уйти намного дальше.

Следует отметить, что, как показывает анализ примеров, употребление *fairly* как эмфатической частицы встречается, прежде всего, в художественной, биографической литературе, а также в газетной публицистике.

Таким образом, проведенное исследование выявило, что лексема *fairly* имеет широкие семантические возможности и может функционировать в когнитивном контексте не только как наречие, но и как иллокутивная частица, причем с разным коммуникативным значением, зависящем от интенции говорящего. Большую роль при интерпретации значения лексемы играет детальный анализ контекста и привлечение знаний о мире. Дальнейшее изучение маскирующихся иллокутивных частиц является актуальным, поскольку оно позволяет выявлять интересные и важные закономерности отражения в языке результатов познания человеком окружающего мира и разные способы реализации им своих интенций в когнитивном контексте. Такое исследование вносит вклад в дальнейшее развитие когнитивной семантики и очевидно показывает ее преимущества по сравнению с традиционными подходами к языковым единицам в рамках теории частей речи. Немаловажно также и то, что изучение маскирующихся иллокутивных частиц имеет большую практическую значимость, так как позволяет разработать критерии идентификации частиц, что актуально для понимания англоязычного текста в целом и практического перевода.

Литература

- Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4. С.17-28.
- Болдырев Н.Н. Концептуальная основа модусных категорий // Когнитивная лингвистика: механизмы и варианты языковой репрезентации. СПб: Изд-во «Лема» РГПУ им.А.И.Герцена, 2010. С.17-27.

- Болдырев Н.Н.* Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №24. Филология. Искусствоведение. Вып.82. С.7-13.
- Зернов Б.Е.* Частицы // Теоретическая грамматика английского языка. Ленинград: Изд-во Ленинградского Ун-та, 1983. С.106-112.
- Иванова И.П.* Частицы // Теоретическая грамматика современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1981. С.96-98.
- Кубрякова Е.С.* О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001. С.283-291.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №1. С.5-12.
- Минченков А.Г.* Маскирующаяся иллюкутивная частица и когнитивный контекст // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. №1. С.67-75.
- Hervey S. & Higgins I.* Thinking Translation. London: Routledge, 1999.
- Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Longman Grammar of Spoken and Written English.* London: Longman, 1999.
- Lyons J.* Language, Meaning and Context. London: Fontana, 1981.
- Quirk R. et al.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.

References

- Boldyrev N.N.* Reprezentacija znanij v sisteme jazyka (Representation of Knowledge in the Language System) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. №4. С.17-28.
- Boldyrev N.N.* Konceptual'naja osnova modusnyh kategorij (Conceptual Basis of Modal Categories) // Kognitivnaja lingvistika: mehanizmy i varianty jazykovoj reprezentacii. SPb: "Lena" RGPU im. A.I.Gercena, 2010. С.17-27.
- Boldyrev N.N.* Teoreticheskie osnovy i metodologicheskie principy kognitivnogo issledovanija jazyka (Theoretical Bases and Methodological Principles of the Cognitive Study of Language) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №24. Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp.82. С.7-13.
- Zernov B.E.* Chasticy (Particles) // Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1983. S.106-112.
- Ivanova I.P.* Chasticy (Particles) // Teoreticheskaja grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka. Moskva: Vysshaja shkola, 1981. S.96-98.
- Kubryakova E.S.* O svjazjah kognitivnoj nauki s semiotikoj (opredelenie interpretanty znaka) (On Links between Cognitive Science and Semiotics (Defining the Sign Interpretant)) // Jazyk i kul'tura. Fakty i cennosti. M., 2001.
- Kubryakova E.S.* V poiskah sushnosti jazyka (Searching for the Essence of Language) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2009. №1. S.5-12.
- Minchenkov A.G.* Maskiruyushchayasya illokutivnaya chastica i kognitivnyj kontekst (Disguised Illocutionary Particle and Cognitive Context) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2018. №1. S.67-75.
- Hervey S. & Higgins I.* Thinking Translation. London: Routledge, 1999.
- Levinson S.C.* Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Longman Grammar of Spoken and Written English.* London: Longman, 1999.
- Lyons J.* Language, Meaning and Context. London: Fontana, 1981.
- Quirk R. et al.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Longman, 1985.

Источники (Dictionaries)

- CIDE – Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 1995.
- COD – Collins Online Dictionary: URL: <https://www.collinsdictionary.com>. (date 10.09.2022).
- OED – Online Etymology Dictionary: URL: <https://www.etymonline.com>. (date 15.09.2022).
- BYU-BNC – British National Corpus BYU-BNC. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (date 11.09.2022).

Морозова М. Н., Тимофеева Л. Л., Потапова Т. М.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

К ПРОБЛЕМАМ НЕЙРОННО-СЕТЕВОГО МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Статья посвящена проблемам нейронно-машинного перевода, степени его качества и особенно адекватности перевода специальной лексики (на примере нефтегазовой терминологии). В статье дается краткий обзор истории машинного перевода, основных его видов, выделяемых на основе различных критериев. Особое внимание уделяется нейронно-машинному переводу, его основным характеристикам, основным критериям оценки качества нейронно-машинного перевода. Также авторы уделяют внимание классификации ошибок, которые могут возникнуть в процессе перевода. В практической части статьи авторы сравнивают качество перевода статей, посвященных нефтегазовой тематике, и осуществленного при помощи систем Яндекс и Гугл. В результате анализа авторы приходят к выводу, что обе системы за исключением сложных случаев достаточно качественно справляются с переводом, тем не менее, существующие ошибки связаны с терминологией нефтегазовой области, омонимичной с терминами иной области знаний, когда машинный переводчик делает выбор в пользу более часто встречаемого термина, что приводит к выводу о насущной необходимости как составления наиболее полных глоссариев терминов научной области перевода, помощи экспертов для наиболее качественного обучения машинного переводчика, а также повышения роли степени и качества осведомленности самого переводчика в той области научного знания, в которой он (она) работает.

Ключевые слова: сравнение, машинный перевод, нейронно-машинный перевод, адекватность перевода, нефтегазовая терминология

Morozova M. N., Timofeeva L. L., Potapova T. M.

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

TO THE PROBLEMS OF NEURAL –MACHINE TRANSLATION

The article is devoted to the problems of neural-machine translation, discusses the degree of its quality and, especially, the adequacy of special vocabulary translation (in the field of oil and gas industry). The article starts with a short description of the history of machine translation and its types. Special attention is paid to neural-machine translation, its basic characteristics and criteria of translation quality evaluation. Also the authors mention the types of mistakes that arise in the process of translation. The next part of the article contains examples of comparison of quality of translation of articles devoted to oil and gas industry. The translations were produced by Yandex and Google translators. The authors come to the conclusion that both systems generally provide an adequate quality of translation, and existing mistakes are mostly connected with translation of oil and field terminology, homonymous to terminology of other field of science, when the machine translator prefers a more frequently used term. Summing up, the authors state the importance of increasing the quality of teaching the machine translator, which needs a growing number of published glossaries of terms in various fields of science, experts' assistance and an increased role of human translator's involvement in the field of science, where he/she works.

Key words: comparison, machine translation, neural-machine translation, adequacy of translation, oil and gas terminology

Бурный рост научно-технического прогресса, развитие новых технологий, международное разделение труда и глобализация определили растущую потребность в переводе, что приводит к тому, что традиционный устный и письменный перевод уже не могут их удовлетворить. Соответственно, использование сначала электронно-вычислительных машин, а затем и компьютеров, обладающих высокой скоростью работы и способностью к быстрой обработке большого массива данных привело к развитию машинного перевода и появлению различного программного обеспечения.

На данный момент активно развивается нейронно-сетевой машинный перевод (neural machine translation), являясь одним из наиболее востребованных и популярных объектов исследования ученых – лингвистов. При существовании различных систем машинного перевода с использованием нейронных сетей можно предполагать, что один и тот же текст, будучи переведенным с использованием различных программ перевода, может в итоге различаться. Соответственно, целью предпринятого нами исследования было

сравнение качества перевода текста, выполненного в наиболее популярных системах Google Translate и Yandex Translator.

1. Немного из истории машинного перевода

Машинный перевод появился в 1940-х годах. На данный момент в развитии машинного перевода выделяют 4 этапа [Дроздова, 2015]:

1947-1964 – начало развития машинного перевода. Рост его популярности.

1964-1975 – спад интереса к машинному переводу после опубликования отчета “Language and Machines: Computers in Translation and Linguistics” в 1966 году, где подвергалась сомнению целесообразность финансирования проектов по развитию машинного перевода.

1975-1989 – Возрождение – рост науки и технологии, развитие международного сотрудничества, кибернетики способствовали росту интереса к машинному переводу, что способствовало появлению исследований в области компьютерных технологий и искусственного интеллекта для обработки данных естественного языка и привело к появлению систем перевода.

С 1990 – по настоящее время – дальнейшее развитие систем машинного перевода на основе массового использования компьютерных технологий и Интернета [Карасев, Артюшина, 2011, с. 117].

В 2016 году Гугл запустил систему перевода на основе нейронных сетей (GNMT). Сейчас все экономически развитые страны мира расценивают исследования в области машинного перевода как высшую точку в развитии современных информационных технологий.

2. Кратко о машинном переводе – что это такое?

В узком смысле под машинным переводом понимается перевод устного или письменного текста с одного естественного языка на другой при помощи компьютерной программы. В широком смысле – это область исследований на стыке лингвистики, кибернетики и математики для создания систем для осуществления машинного перевода в узком смысле [Лядашева, 2018, с. 29].

Существует несколько видов машинного перевода, но принципиальная схема машинного перевода едина и строится на основе т.н. треугольника Бернарда Бокуа 1968 года: где выделяются Source Sentence - исходный язык, Target Sentence – целевой и т.н. Interlingua – этап анализа -синтеза, где происходит перенос данных, проанализированного по различным параметрам предложения исходного языка на целевой [<https://habr.com/ru/company/lokalise/blog/334342/>].

Одним из основных критериев для классификации систем машинного перевода является степень участия человека в данном процессе, так согласно Карасеву и Артюшиной [Карасев, Артюшина, 2011, с. 118] выделяются:

Полностью автоматизированный перевод

Автоматизированный машинный перевод при участии человека

Перевод, осуществляемый человеком при помощи компьютера.

Если за основной критерий брать принцип работы, то можно выделить:

Машинный перевод на основе правил – rule-based machine translation (RBMT) – появился в 1970-е годы. Фактически представляет собой набор лингвистических правил для каждого естественного языка, участвующего в переводе. Это могут быть – система дословного перевода (Direct machine translation), трансферная система (Transfer-based machine translation), интерлингвистическая система (Interlingual machine translation).

Машинный перевод на основе примеров – example-based machine translation (EBMT) – в ходе такого перевода предложение, которое надо перевести разбивается на фрагменты, которые переводятся на целевой язык путем сопоставления выделенного фрагмента с корпусом имеющихся примеров на основе аналогии, затем все переведенные таким образом фрагменты объединяются в полное предложение.

Машинный перевод на основе статистики - statistics-based machine translation (SBMT) – основывается на принципе статистического анализа – в систему загружаются большие объемы текстов на исходном языке и их переводы на необходимый язык, выполненные человеком. Система анализирует статистику межязыковых соответствий, синтаксических конструкций и опирается на результаты статистического анализа при выборе наиболее адекватного варианта перевода [Карасев, Артюшина, 2011, с. 118].

3. Немного о нейронном переводе

С 2013 года на основе исследований различных методик машинного перевода и концепции глубинного обучения (deep learning) появился нейронный машинный перевод – neural machine translation (NMT) – т.е. машинный перевод на основе искусственных нейронных сетей [Павлов, 2017]. Сама по себе нейронная сеть может быть природной (биологической) и искусственной, где искусственная сеть строится по образу и подобию биологической и используется как для изучения природных нейронных сетей, так и для разработки искусственного интеллекта и перевода [Фаустова, 2017].

«Искусственные нейронные сети (NN) являются практичными, элегантными и математически увлекательными моделями для машинного обучения. Они вдохновлены центральными нервными системами людей и животных — более мелкие вычислительные единицы (нейроны) соединяются друг с другом, чтобы сформировать сложную сеть, способную учиться и адаптироваться», –как объяснял доктор Марек Рей,

научный сотрудник Кембриджского университета [<https://ru.smartcat.com/blog/neironny-pierievod-novyitrend-i-iegho-pierspiektiv/>].

С 2016 года такие крупные компании, как Гугл, Майкрософт и Яндекс, начали применять технологии нейронных сетей в машинном переводе. Благодаря нейронным сетям существенно улучшилось качество машинного перевода. Нейросетевой машинный перевод не просто ищет и сопоставляет слова и выражения исходного языка и языка перевода, он позволяет глубже проникнуть в связи, существующие между словами, и путем сложного анализа каждого переводимого фрагмента изучить их взаимоотношения для выяснения контекста. Нейронная сеть анализирует «окружение» каждого слова, даже если слова находятся в разных частях предложения (Skip-grams), что позволяет правильно определить контекст, который, в свою очередь, обеспечивает связь слов в предложении при переводе. [Мифтахова, Морозкина, 2019]. Сегодня машина, как и человеческий мозг, способна производить надежный перевод, а также изучать язык, и поэтому постоянно улучшает качество переводимого материала. Чтобы улучшить работу машины, ее «обучают» переводчики. На практике качество NMT зависит от:

Объема переведенных данных (слов, сегментов предложений и уже переведенных текстов)

Качества перевода, обеспечиваемого живыми переводчиками для обучения машины для повышения надежности и сложности результатов.

Мощности компьютеров, используемых для создания моделей, а также в некоторых случаях для обработки переводов в реальном времени [<https://www.linguise.com/ru/>].

Несмотря на все преимущества новой технологии перевода, на сегодняшний день она не может полностью заменить уже существующие системы. Полагаем, что в настоящее время следует отдать предпочтение соотношению статистического метода с нейронными сетями для создания так называемых гибридных систем перевода. В такой системе две технологии взаимно компенсируют существующие в них недостатки. Примером гибридной системы машинного перевода является Яндекс Переводчик (Yandex Translator), который переводит текст или предложение на основе статистического и нейросетевого подходов.

4. Как оценить качество машинного перевода?

Проблема оценки качества перевода привлекла большое количество исследователей. Обобщая, можно сказать, что существует три основных подхода:

Оценка на основе того, насколько решена поставленная задача – при этом способе оценивание качества перевода при отсутствии референтного текста (иными словами, мы не сравниваем некий конкретный перевод с модельным, нас волнует только – понятен переведенный текст пользователю или нет).

Экспертная оценка – самый дорогой способ оценивания, где задействованы переводчики-эксперты, которые оценивают перевод по прежде всего двум параметрам: адекватность и гладкость (adequacy and fluency) [Мошкович, 2013] т.е. насколько правильно передается смысл оригинала, и насколько перевод соответствует нормам принимающего языка.

Оценивание с использованием автоматических методов [Шалапина, 1996] – использование программ, которые оценивают качество перевода путем сравнения с неким референтным текстом и выявления на основе этого сравнения ошибок, совершенных в процессе перевода.

Существует ряд классификаций ошибок, которые учитываются при автоматической оценке качества перевода, где одной из наиболее популярных классификаций является “Error analysis of statistical machine translation output”, согласно которой ошибки делятся на пять классов: пропущенные слова (missing words), порядок слов (word order), неправильные слова (wrong\incorrect words), неизвестные слова (unknown words), пунктуационные ошибки (punctuation errors), каждый из классов при этом делится на подклассы [Vilar, 2006, с. 699].

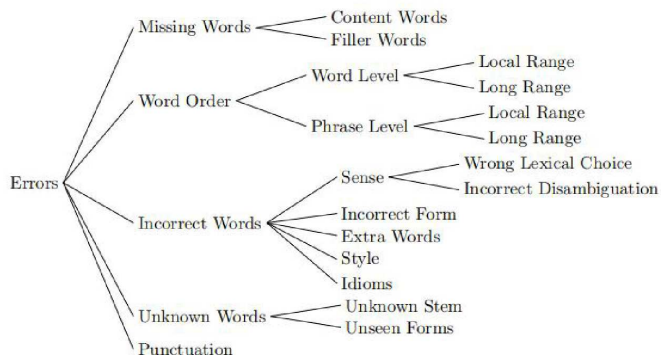

Рис. 1. Классификация ошибок, предложенная Д. Виларом [Vilar, 2006, с.701].

В нашем исследовании мы решили проанализировать переводы одного и того же текста, выполненного при помощи Google Translator и Yandex Translator. Нам показалось интересным сравнить качество перевода, выполненного при помощи этих двух систем, которые как мы уже говорили выше, используют гибридную форму перевода – статистическую и нейронную. В качестве оснований для сравнения мы будем использовать классификацию ошибок Вилара, в которой нас прежде всего будут интересовать грамматические ошибки, а также нам представляется интересным сравнить качество перевода терминов и общую адекватность и «гладкость» перевода текста, и кроме того проанализировать влияние допущенных ошибок или недостатков перевода на его качество.

В качестве материала исследования мы использовали статьи, посвященные проблемам нефтегазовой области. Перевод осуществлялся при помощи систем Google Translate и Yandex Translator. В качестве примера в данной статье мы используем статью под названием «Introduction to Oil and Gas Industry or Petroleum Industry» [https://whatispiping.com/oil-and-gas-industry/, 13.07.22].

Итак, сравнение машинных переводчиков Яндекс и Гугл можно начать с грамматических различий в переводах. Различия существуют, но они не критичны, не искажают общего смысла предложений, разве что можно говорить о более или менее удачных вариантах, более или менее близких к значению грамматической модели оригинального предложения. Например:

оригинал	яндекс	гугл
Professionals ... should be aware of the gas and oil industry overview....	Профессионалы ... должны быть осведомлены об обзоре нефтегазовой отрасли	Профессионалы ... должны знать обзор нефтегазовой отрасли.

Как мы видим, Яндекс и Гугл по-разному перевели оригинальную конструкцию SHOULD BE AWARE OF – и на наш взгляд вариант Яндекса ближе к оригиналу, но и вариант Гугл переводчика вполне адекватен, то же можно сказать и о таких расхождениях как:

оригинал	яндекс	гугл
Petroleum is a naturally occurring liquid found in rock formations	Нефть - это природная жидкость, содержащаяся в горных породах	Нефть представляет собой природную жидкость, встречающуюся в горных породах

В данном случае системы перевода не только использовали различные синтаксические конструкции при переводе, но и выражение TO BE FOUND IN получило различное воплощение как: СОДЕРЖАТЬСЯ И ВСТРЕЧАТЬСЯ В ЧЕМ-ЛИБО, но опять же различия не оказывают влияния на содержание предложения.

Следует также отметить, что в большом количестве случаев разные системы машинного перевода используют синонимические варианты перевода, так что выбор перевода зависит исключительно от предпочтений переводчика.

оригинал	яндекс	гугл
They must know	Они должны быть осведомлены	Они должны знать
Involved in the process	Вовлеченных в процесс	Участвующих в процессе
This industry is very crucial to the global economic framework...	Эта отрасль имеет очень важное значение для глобальной экономической структуры....	Эта отрасль очень важна для глобальной экономической структуры...

Однако, есть и более серьезные случаи, например:

оригинал	яндекс	гугл
Set up the plant...	Устанавливают завод....	Создают завод ...

В данном случае перевод Яндекса явно проигрывает Гуглу – мы имеем дело с ошибочным выбором значения TO SET UP, но, тем не менее, о смысле данной части предложения можно легко догадаться. Примерно также обстоит дело в случае:

оригинал	яндекс	гугл
maintenance of Industrial plants	обслуживания промышленных установок	обслуживания промышленных предприятий

Здесь Яндекс переводит PLANT как УСТАНОВКА, в то время как Гугл использует ПРЕДПРИЯТИЕ, что в контексте предложения о необходимости нефти для эксплуатации и обслуживания различных объектов промышленности кажется более уместным.

Однако, анализ позволяет заметить и иные ошибки, которые могут существенно затруднить понимание текста.

оригинал	яндекс	гугл
This (production) is done either onshore or offshore .	Это делается либо на суше, либо в оффшоре .	Это делается либо на суше, либо на море .

Мы имеем в виду варианты перевода ONSHORE/OFFSHORE. Оба машинных переводчика перевели ONSHORE как НА СУШЕ, в то время как OFFSHORE Яндекс перевел как В ОФФШОРЕ, а Гугл – НА МОРЕ. Если учесть, что обсуждаемая часть текста посвящен видам добычи нефти, которая может осуществляться как на суше, так и на море, то нам кажется что выбранный Яндексом вариант В ОФФШОРЕ несет ненужную, отвлекающую читателя аллюзию на предпринимательскую или банковскую деятельность; так что на наш взгляд, вариант Гугл в данном случае предпочтительнее.

Еще следует отметить случай с терминами EXTRACTION – PRODUCTION (of oil), где оба переводчика перевели оба термина как ДОБЫЧА. Это привело к тому, что оригинальное предложение

If the oil is found beneath the earth then the **extraction/production** of oil starts otherwise the company will move to the next place for exploration... перевод принимает вид - Если нефть найдена под землей, то начинается **добыча/добыча** нефти, в противном случае компания перемещается в следующее место для разведки. (гугл).

Согласно англо-русскому словарю нефтегазовых терминов [<https://eng-rus-oil-dict.slovaronline.com/>] EXTRACTION - добыча, экстракция, извлечение, отдача (нефти)

PRODUCTION – производство, выработка, добыча (опять же нефти). Собственно говоря, необходимо развести эти два понятия, поскольку машина пока не справляется – это задача для переводчика, который и должен решить, какой способ выхода из ситуации выбрать: перевести как, например, ИЗВЛЕЧЕНИЕ И ДОБЫЧА, ДОБЫЧА И ПРОИЗВОДСТВО, или вообще опустить одно из существительных и использовать только одно слово ДОБЫЧА.

Есть и еще более интересный случай, где также оба машинных переводчика не справились, но по-разному.

В оригинальном тексте есть предложение, где приводятся три сектора нефтегазовой промышленности: **«The Oil and Gas Industry or petroleum industry has been divided into the following three sectors-Upstream oil and gas, Midstream oil and gas, Downstream oil and gas.»** Сразу хотим отметить, что это была «задача со звездочкой», так как в российской нефтегазовой промышленности, в отличие, например, от американской, выделяют только два сектора: «разведка и добыча» и «переработка и транспортировка», таким образом сектор «Midstream», не имеет отдельного термина в русском языке и традиционно объединяется с термином «Downstream» и переводится как сектор «переработки и транспортировки нефти и газа». К сожалению, с этой задачей нейропереводчики не справились.

Проблема заключается именно в переводе названий секторов: а именно в переводе upstream/ midstream/ downstream oil. Яндекс переводит их как - **1. Добыча нефти и газа**, **2. Нефть и газ среднего течения**, **3. Добыча нефти и газа ниже по течению**. Гугл же предлагает - **1. Добыча нефти и газа**, **2. Переработка нефти и газа**, **3. Переработка нефти и газа**. В переводе Яндекса вызывает сомнение «нефть и газ среднего течения и ниже по течению» - в переводе же Гугла на русский язык теряется составляющая «транспортировка». Рассмотрим подробнее данную проблему.

Всю деятельность, связанную с нефтью можно разделить на два цикла: поиск и добыча и переработка и реализация, транспортировка же сырья или продукта, соответственно является составляющей как первого так и второго сектора. Крупные компании могут охватить всю цепочку одновременно, более мелкие компании сосредотачиваются лишь на одном из направлений. Изначально в США тоже различали только два основных сектора, но в середине 20 века, произошло выделение в отдельный сектор с целью коммерциализации и получения дополнительной прибыли. Сектор разведки и добычи (хотелось бы заметить, что многие словари, профессиональные сайты используют или транслитерацию или вообще

оставляют английский термин без изменений – апстрим/ upstream сектор). (**Upstream oil and gas**) занимается работами по разведке месторождений и добычей нефти или газа. Мидстрим сектор (**Midstream oil and gas**) специализируется на перемещении нефти или газа любым доступным способом: трубопроводами, танкерами, железнодорожными цистернами, автомобильным транспортом, и Даунстрим (**Downstream sector**) – это все заводы, занимающиеся переработкой нефти в конечный продукт [<https://pkf-kentavr.ru/apstrim-midstrim-daunstrim-sektora-v-mire-nefti/>]. Таким образом, если мы сравним переводы и данным выше объяснением, то видно, что оба машинных переводчика потерпели неудачу, фактически неверно перевели названия секторов нефтегазовой промышленности, но Гугл хотя бы смог развести два основных сектора, правда потеряв весомую составляющую. Параллельно следует отметить, что предлагаются и иные варианты перевода данных терминов: **upstream – midstream – downstream – разведка и добыча, средний поток и нисходящий поток**, что также, по-нашему мнению, мало приемлемо.

В итоге, по результатам проведенного нами исследования можно сказать, что в целом (за исключением сложных случаев) оба машинных переводчика можно спокойно использовать, полученный переводной текст в основном соответствует тексту оригинала. В синтаксических структурах расхождений практически не наблюдаются, в подавляющем количестве случаев лексический перевод, порядок слов, грамматические структуры и стилистические особенности оригинала передаются обеими программами вполне адекватно, и выбор варианта зависит от «вкусовых» предпочтений переводчика. Тем не менее, есть и ошибки в переводе, при этом следует отметить следующее: подобные ошибки связаны с терминологией нефтегазовой области, особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с омонимичными терминами иной области знаний, или с терминами, которые мало известны непрофессионалам в данной области. В таких случаях машинный переводчик делает выбор в пользу более часто встречаемого, известного большинству пользователей языка варианта. И именно в подобных случаях резко возрастает роль переводчика-человека, который должен найти ошибки, совершенные машинным переводчиком, и исправить их, чему способствует осведомленность переводчика в основных понятиях, процессах, базовом оборудовании, применяемых в научно-технической области перевода, возможность обратиться к словарям и глоссариям, а в сложном случае и к экспертам. Все выше перечисленное дает возможность не только избежать ошибок в переводе, но и способствует обучению машинного переводчика, что в итоге должно привести к повышению качества машинного перевода и уменьшению количества ошибок при переводе.

Литература

- Дроздова, К. А. Машинный перевод: история, классификация, методы / К. А. Дроздова. —Филологические науки в России и за рубежом: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2015 г.). — Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. — С. 139-141.
- Карасев И. В., Артюшина Е. А. Системы машинного перевода / Успехи современного естествознания. 2011, №7, С.117-118.
- Лядашева Е.Д. Экономический текст как особый тип текста // Филология и лингвистика. 2018. № 3 (9). С. 29-30.
- Мошкович В.В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 10. с.291-297.
- Павлов В.Е., Башмакова И.С. Нейронная сеть и машинный перевод //Молодежный вестник ИрГТУ. 2017. № 2. С. 16.
- Фаустова К.И. Нейронные сети: применение сегодня и перспективы развития // Территория науки. 2017. № 4. С. 83-87.
- Vilar D., Jia Xu, D'Haro L., Ney H. Error Analysis of Statistical Machine Translation Output. // Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation, Genoa, Italy, 2006, P. 697—702.

Электронные источники

- <https://habr.com/ru/company/lokalise/blog/334342/> - дата обращения 23.07.22
- <https://habr.com/ru/company/lokalise/blog/334342/> - дата обращения 12.08.22
- <https://ru.smartcat.com/blog/nejronnyj-pierievod-novyj-triend-i-iegno-pierspiektiv/> - дата обращения 18.08.22
- Мифтахова, Морозкина, 2019 - Машинный перевод. Нейроперевод. - <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-neyroperevod/viewer> - дата обращения 18.08.22
- <https://www.linguae.com/ru> - дата обращения - 13.07.22
- <https://whatispiping.com/oil-and-gas-industry/> - дата обращения 13.07.22
- <https://eng-rus-oil-dict.slovaronline.com/> - дата обращения 12.08.22
- <https://pkf-kentavr.ru/apstrim-midstrim-daunstrim-sektora-v-mire-nefti/> - дата обращения 12.08.22

References

- Drozdova K. A. Mashinnyy perevod: istoriya, klassifikatsiya, metodi/ K. A. Drozdova. – Fililogicheskiye nauki v Rossii i za rubezhom: materiali III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, iul' 2015 g.). – Sankt-Peterburg: Svoyo izdatelstvo, 2015. – s 139-141.
- Karasyov I. V., Artuishina E. A. Sistemi mashinnogo perevoda/ Uspekhi sovremennogo estestvoznanya. 2011, №7, S.117-118.
- Lyadashcheva E.D. Ekonomicheskiy tekst kak osobiy tip teksta // Filologiya i lingvistika. 2018. № 3 (9). S. 29-30.
- Moshkovich V. V. Otsenka kachestva perevoda i ispolzovaniye adekvatosti i ekvivalentosti kak kriteriev otsenki kachestva perevoda//Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. № 10. S.291-297.
- Pavlov V. E Bashmakova I. S. Neironnaya set' i mashinnyy perevod// Molodezhniy vestnik IrGTU. 2017. № 2. S. 16.
- Faustova K. I. Neironnye seti: primeneniye segodnya i perspektivi razvitiya// Territoriya nauki. 2017. № 4. S. 83-87.
- Vilar D., Jia Xu, D'Haro L., Ney H. Error Analysis of Statistical Machine Translation Output. // Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation, Genoa, Italy, 2006, P. 697—702.

Electronic Sources

- <https://habr.com/ru/company/lokalise/blog/334342/> - date of access 23.07.22
- (<https://habr.com/ru/company/lokalise/blog/334342/> - date of access 12.08.22
- (<https://ru.smartcat.com/blog/nieironnyi-pierievod-novy-i-triend-i-iegho-pierspiektiviy/> - date of access 18.08.22
- Miftakhova, Morozkina, 2019 – Mashinnyy perevod. Neiroperievod. - <https://cyberleninka.ru/article/n/mashinnyy-perevod-neyroperevod/viewer> - date of access 18.08.22
- <https://www.linguise.com/ru> - date of access 13.07.22
- (<https://whatispiping.com/oil-and-gas-industry/> - date of access 13.07.22
- (<https://eng-rus-oil-dict.slovaronline.com/> - date of access 12.08.22
- <https://pkf-kentavr.ru/apstrim-midstrim-daunstrim-sektora-v-mire-nefti/> - date of access 12.08.22

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Тема данного исследования является продолжением исследования вопросов многозначности/двусмысленности семантических единиц в разных жанрах и особенностей перевода таких единиц. Ранее нами были исследованы особенности перевода многозначных единиц в общественно-политических текстах. Проблема семантической, лексической и структурной многозначности является существенной в вопросах перевода, так как переводчик должен выбирать те или иные подходящие для каждого конкретного случая приемы и способы перевода или декодирования информации с ИЯ на ПЯ. Применительно к русско-английскому переводу наибольшую трудность представляет перевод единиц на лексическом и грамматическом уровнях, которые и придают смысловую нагрузку тексту ПЯ. В данном исследовании рассматриваются некоторые проблемы перевода лексических единиц в таком жанре как русские народные сказки.

Ключевые слова: двусмысленность, реалии, перевод, семантика, культура, эквивалентность

Naumova E.

Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
Saint Petersburg, Russian Federation

AMBIGUITY IN FOLKLORE TEXTS TRANSLATION

The proposed topic serves as a follow-up discussion to the problem of semantic and structural ambiguity in different genres (previous studies focused on social and political text headlines). The problem of semantic and structural ambiguity is critical with regard to the translation techniques and tools the translator uses to decode the information from source language (SL) to target language (TL). When dealing with Russian-English translation, the most frequent problems that may occur are on the lexical and grammatical level, which further affects the semantic value of the TL text. These translation difficulties apply to almost all genres. In this article we will look at some of the difficulties in translating lexical units in Russian fairy tale texts.

Key words: ambiguity, realia, translation, semantics, culture, equivalence

Анализ данных в рамках данного исследования выявил случаи адекватных и вполне равнозначных вариантов перевода и в том, и в другом текстах перевода. Переводчики (русскоязычный и англоязычный), выполнившие рассматриваемые переводы, применили соответствующие приемы и стратегии перевода с целью сохранения и передачи культурных реалий, содержащихся в тексте.

Понятие «многозначность» и ее основные виды

Термин «многозначность» относится к междисциплинарным понятиям. Кроме того, оно рассматривается с разных точек зрения и проблематик в рамках многих гуманитарных наук, таких как философия, психология, этнопсихология, лингвистика и ее подразделы (психолингвистика, этнопсихолингвистика, риторика, стилистика и др.). В силу этого, данное понятие также известно, как полисемия, асимметрия, омонимия, двусмысленность и многозначность. Единого, общепринятого обозначения данного явления на данный момент не представлено. В данной статье мы рассмотрим это понятие и его формальные соответствия, а также представим основные точки зрения относительно классификации данного термина [Наумова, 2021, с. 104].

В зарубежной научной традиции (немецкой, французской, испанской и английской) можно встретить следующие терминологические аналоги: *ambiguity* (Bach, Berthoud, Britton, Bucaria, Bubka, Dunbar, Fuchs, Gleich, Gómez-Veiga, González Álvarez, Gullvåg, Gutierrez, Hamm, Hogaboam, Honeyman, Kayser, Kennedy, Klare, Lakoff, Landheer, Le Ny, S.L. Small, Lim, Marquer, Onifer, Peña, Rosier, Sheridan, Thiollent, Tuggy, Wurzel, Wasow, Zhang), некоторые ученые из этого же перечня используют термины *homonymy*, *vagueness*, *polysemy*, *paraphrase* противопоставляя их термину *ambiguity* или вовсе используют только один из представленных терминов. В своих научных трудах, такие исследователи, как Fuchs (2009), Kayser (1987) рассматривают понятие *ambiguity* наряду с понятиями *ambivalence* и *paraphrase*. Lakoff (1970), Gullvåg (1992) и Kennedy (2009) описывают данный термин одновременно с понятием *vagueness*. Некоторые ученые

выделяют наряду с понятием *ambiguity* понятие *polysemy* (Klare (1965), Tuggy (2006)) и *homonymy* (Slama-Cazacu (1961), Klare (1965) Gutierrez Haces (2010)).

Исследования по вопросам многозначности также проводились рядом российских ученых, таких как Зуева (1952), Виноградов (1960), Эман (1960), Османова (1962), Арсеньева (1966), Апресян (1972), Ковалик (1975), Колесников (1981), Ольшанский (1991), Бревдо (1999), Гребенкина (2001), Богуславский (2005), Литвин (2005), Пономарева (2005), Драгой (2006) Головня (2007), Бобровская (2007), Кобозева (2007), Юдина (2007), Москвин (2008), Логачева (2009), Малаховский (2009), Зализняк (2010), Богатырева (2011), Ольховская (2013), Южаникова [Южаникова, 2015, стр. 20], Мурашов (2016), которые используют понятие двусмысленности. Вслед за зарубежными исследователями, отечественные ученые оперируют понятиями *многозначность*, *двусмысленность*, *полисемия*, *омонимия*, *ассиметрия*, а в некоторых случаях – *неоднозначность* и *ассиметрический дуализм* (Скаличка (1967)). В выборе той или иной терминологии для обозначения рассматриваемого понятия наблюдаются некоторые интересные тенденции. Первоначально, когда это понятие только начали изучать в 50-70-е годы XX века, применялось понятие *многозначность* (Зуева, Арсеньева, Апресян), позднее на смену этому понятию пришли такие термины, как *омонимия* (Османова, Колесников, Пономарева, Логачева, Малаховский), а также такие дефиниции, как *полисемия* (Ковалик, Обшанский, Кобозева) и *неоднозначность* (Бревдо, Богуславский, Драгой, Юдина). Также в научных исследования по данной тематике можно встретить и термин *двусмысленность* (Бобровская, Южаникова, Мурашов, Москвин) в некоторых отдельно взятых случаях ученые говорили об *омонимии* (Виноградов, Головня). Примечательно, что с начала нового тысячелетия, термин *многозначность* возвращается в научный аппарат лингвистических и филологических исследований (Гребенкина, Литвин, [Ольховская, 2013, с.25]), становясь, тем самым, наиболее часто употребляемым термином среди всех вышеперечисленных. Все исследования касались вопросов многозначности в целом, а также отдельных ее видов и аспектов.

Отечественные исследователи обращались к вопросам многозначности и, в некоторых случаях, вопросам ее разрешения/преодоления преимущественно применительно к вопросам русского языка и культуры речи, реже – к вопросам немецкого и английского языков. В целом, объектом исследования в подобных случаях становились художественная проза (в широком смысле), лексическая, грамматическая и семантическая составляющие высказываний, а также публицистические тексты. В отдельных случаях работы посвящены проблемам многозначности и перевода [Богуславский, 2005, с. 2].

Поскольку термин *ambiguity* первоначально появился в зарубежных трудах, в первую очередь рассмотрим именно представления иноязычных ученых касательно данного понятия и его разновидностей с примерами возникновения данного языкового явления в речи.

Некоторые исследователи, в частности Бенедикт Гляйх [Gleich et al., с. 220] и его соавторы, в статье *Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources* предприняли попытку разрешить проблему возникновения языковой многозначности и разработать способы ее обнаружения сквозь призму компьютерной лингвистики и выделяет следующие виды многозначности:

1. Лексическая многозначность
2. Синтаксическая или структурная многозначность
3. Семантическая многозначность
4. Прагматическая многозначность

Многозначность при переводе русских народных сказок

В процессе перевода сказок, особый интерес представляет собой перевод имен собственных и возникающие при этом случаи многозначности.

Некоторые из таких примеров представлены в таблице:

ИЯ	B1 (B.P.C. Ральсон (1873))	B2 [P. Бейн, 1915, с.22, 222, 118]	B3 [И. Железнова, 1966, с.42, 16, 77]
Морозко	Frost	Morozko+пер.ком.	Father Frost
Елена Прекрасная	Helena the Fair	Helena the Fair	Yelena the Fair
Царевна-лягушка	The Frog Princess	The Frog-Tsarevna	The Frog-Tsarevna

Не меньший интерес и сопутствующие при переводе трудности представляет собой перевод имен нарицательных. Некоторые из примеров также представлены в следующей таблице:

ИЯ	B1 (B.P.C. Ральсон (1873))	B2 [P. Бейн, 1915, с. 100, 226]	B3 [И. Железнова, 1966, с.50, 82]
Баба-Яга	Baba Yaga, Hag	Baba-Yaga, the bony-legged witch	Baba-Yaga, a cunning witch
Ведьма/колдунья	Witch	Witch	Witch
Царевна/Царевич	Prince/Princess	Tsarevna/Tsarevich	Tsarevna/Tsarevich
Нечистая сила	Evil Spirit/Unclean spirit	Unclean spirit	Devil

В целом, обобщая результаты анализа имен существительных, можно сделать вывод, что рассмотренные языковые единицы переводились разными переводчиками с помощью культурной адаптации, транслитерации/транскрипции или смешанным переводом, представляющим собой сочетание двух упомянутых способов перевода.

Еще одной из сложных и неоднозначных задач для переводческой адаптации являлись глаголы передвижения, передающие “сказочную” динамику действий.

Некоторые примеры представлены в следующей таблице [Наумова, 2017, с.109]:

ИЯ	В1 [И. Железнова, 1966, с. 107, 43, 44]	В2 [Р. Бейн, 1915, с. 19, 20, 21]
очутился	in a twinkling	and look
руки врозь	hands dropped	threw up her arms
сгинь	a plague on you	Be off with you!
пропади	I hope the earth swallows you	Be off with you!

Исходя из этих примеров, можно сделать вывод, что оба автора переводов выполнили основную задачу по передаче “сказочности” движений, где В1 является более доступным для широкой публики, а В2 больше подходит для юных читателей.

Выводы

В данной статье был представлен краткий перечень одной из классификаций многозначности. Также статья представляет краткий обзор трудностей и особенностей перевода многозначных лексико-семантических единиц перевода. В ходе анализа, было обнаружено, что рассматриваемые лексико-семантические единицы преимущественно переводятся с помощью таких приемов перевода, как транслитерация/транскрипция, описательный перевод, а также сочетаниями этих приемов. Все приведенные выше примеры представляют собой адекватные способы перевода анализируемых единиц.

Литература

- Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Лазурский А.В., Митюшин Л.Г., Бердичевский А.С. Интерактивное разрешение неоднозначности различных типов в машинном переводе// Диалог-2005.
- Наумова Е. В. Способы передачи лексически многозначных единиц в русско-английском переводе (на материале русской народной сказки «Морозко») / Е. В. Наумова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2017. – № 4(60). – С. 104-113. – EDN ZDUHHH.
- Наумова Е.В. Термин «многозначность» и ее виды в отечественной и зарубежной лингвистике// Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2021;(6):100-107. <https://doi.org/10.25587/n0220-2395-0142-v>
- Ольховская А. И. Лексическая многозначность в общелингвистическом и лексикографическом рассмотрении. [Электронный ресурс]: автореферат диссертации ... к. филол. н. / А. И. Ольховская. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2013.
- Южанникова М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке [Электронный ресурс]: автореферат ... дисс. к. филол. н. /М. А. Южанникова. – Красноярск: СФУ, 2016.
- Bain, R. Nisbet [19] Russian Fairy Tales From the Russian of Polevoi. New York: Frederick A. Stokes Company Publishers, 252p.
- Gleich, B., Creighton, O., Kof, L. (2010). Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources. In: Wieringa, R., Persson, A. (eds) Requirements Engineering: Foundation for Software Quality. REFSQ 2010. Lecture Notes in Computer Science, vol 6182. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-14192-8_20
- I. Zheleznova (1966) Vasilisa the Beautiful. Russian Fairy Tales. Moscow: Progress Publishers.

References

- Bain, R. Nisbet [19] Russian Fairy Tales From the Russian of Polevoi. New York: Frederick A. Stokes Company Publishers, 252p.
- Gleich, B., Creighton, O., Kof, L. (2010). Ambiguity Detection: Towards a Tool Explaining Ambiguity Sources. In: Wieringa, R., Persson, A. (eds) Requirements Engineering: Foundation for Software Quality. REFSQ 2010. Lecture Notes in Computer Science, vol 6182. Springer, Berlin, Heidelberg. https://doi.org/10.1007/978-3-642-14192-8_20.
- Iuzhannikova M. A. Fenomen dvusmyslennosti kak osnovanie stilicheskikh priemov v sovremennom russkom iazyke [Elektronnyi resurs]: avtoreferat ... diss. k. filol. n. / M. A. Iuzhannikova. – Krasnoyarsk: SFU, 2016.
- Naumova E.V. Lexical Ambiguity and Its Adaptation In Russian Folklore Texts Translation (The Russian Fairytale “Morozko” as a case-study) *Vestnik of the North-Eastern Federal University*. 2017; 4(60): 104-113. (In Eng.) – EDN ZDUHHH.

- Naumova E.V. Ambiguity and its types in international linguistic studies. *Vestnik of the North-Eastern Federal University*. 2021;(6):100-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.25587/n0220-2395-0142-v>
- Ol'khovskaia A. I. Leksicheskaia mnogoznachnost' v obshchelingvisticheskom i leksikograficheskom rassmotrenii. [Elektronnyi resurs]: avtoreferat dissertatsii ... k. filol. n. / A. I. Ol'khovskaia. – Moskva: Gosudarstvennyi institut russkogo iazyka im. A.S. Pushkina, 2013.
- Zheleznova I. (1966) *Vasilisa the Beautiful*. Russian Fairy Tales. Moscow: Progress Publishers.

Неворотова Е. О.
Институт востоковедения и африканистики, Национальный
исследовательский институт «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АУТЕНТИЧНЫХ ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ С ПЛАТФОРМЫ YOUTUBE ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

На сегодняшний день Интернет ресурсы являются самым доступным способом получения информации. Абсолютное большинство молодых людей использует его каждый день для работы, учебы, отдыха, общения и много другого. Технологический прогресс накладывает свой отпечаток на психические процессы по восприятию информации, запоминанию, использованию ее в процессе коммуникации, в результате чего меняется подход к осуществлению образовательной деятельности. Использование исключительно классических бумажных пособий в процессе изучения иностранных языков уже не обеспечивает достижения достаточного уровня речевой и социо-культурной компетенции. Сегодня требуется более комплексный и неординарный подход с учетом психологических особенностей и запросов студентов. Аутентичные видеоматериалы с платформы YouTube могут стать одним из наиболее доступных инструментов.

В ходе образовательного процесса преподаватели японского языка сталкиваются с рядом сложностей: ограниченное количество актуальных учебных пособий и отсутствие возможности изучения новых лексических единиц, потеря мотивации и интереса к обучению у студентов. Внедрение в образовательный процесс видеоконтента с платформы YouTube, создаваемый носителями японского языка, на наш взгляд, является одним из наиболее доступных инструментов для устранения вышеперечисленных проблем.

В ходе подготовки автором были изучены исследования и научные статьи на русском и английском языках об опыте использования платформы YouTube для повышения эффективности преподавания английского языка. Научная новизна работы состоит в том, что подобные исследования не проводились применительно к преподаванию японского языка.

В работе были проанализированы возможности YouTube, которые помогут преподавателю улучшить коммуникацию со студентами и сделать образовательный процесс более актуальным, интерактивным и продуктивным.

По прошествии 2021-2022 учебного года автором был проведен опрос мнения студентов, результаты которого представлены в настоящей работе. В опросе приняли участие 51 студент-японист 1 и 2 года обучения в НИУ ВШЭ и РГПУ им. Герцена на 2021-2022 уч. г.

Ключевые слова: японский язык, иностранный язык, YouTube, аутентичные видеоматериалы, мотивация, позитивное преподавание.

Nevorotova E. O.
Institute of Oriental and African Studies, National Research
Institute "Higher School of Economics" (HSE University)
Saint Petersburg, Russian Federation

USING AUTHENTIC VIDEO MATERIAL FROM YOUTUBE TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF TEACHING JAPANESE

Today Internet is one of the main way of getting information. Technological progress influence on our mental processes including memory, attention, perception of information, in response to these changes teaching, obtaining knowledge and teacher's approach to education is changing as well. Using only classic paper books and manuals does not provide achieving sufficient level of speech and socio-cultural competence. Today it requires a comprehensive and extraordinary approach taking into account students' psychological features and requests. Authentic video materials from YouTube can be one of the most useful tools available.

In the educational process teacher face a number of difficulties: limited amount of relevant training manuals and books, lack of ability to study new lexical units, loss of student's interest and motivation to study. Including into the educational process authentic video materials from YouTube can be a useful tool to eliminate these issues.

In preparing the paper author analyzed sources in Russian and English about effectiveness of using YouTube for teaching English. The scientific novelty of the research is determined by the lack of information about using this tool to increase the effectiveness of teaching Japanese.

In this paper author analyze features of YouTube that can help teachers to improve communication with students and learning process by introducing modern interactive teaching techniques to make the process more relevant, interesting, interactive and productive.

After 2021-2022 school year author conducted survey of students' opinion about including authentic video materials from YouTube in Japanese-language classes, the findings of which will be presented as follows. The survey involved 51 student-japanist of 1th and 2nd years of study from HSE and Herzen National State University.

Keywords: Japanese language, foreign language, YouTube, authentic video materials, motivation, positive teaching

Введение

На сегодняшний день Интернет ресурсы являются самым доступным способом получения информации. Абсолютное большинство молодых людей использует его каждый день для работы, учебы, отдыха, общения и много другого.

Отличительной особенностью 21 века является скорость технологического прогресса, которая оказывает влияние на социально-культурную жизнь общества. Быстрое развитие науки и культуры, глобализация и большая вовлеченность людей в Интернет и компьютерные технологии влияет на образ мышления и язык, что приводит к появлению большого количества новых лексических единиц, сведения о которых отсутствуют во многих традиционных учебниках. Особенно остро эта проблема прослеживается в сфере преподавания японского языка, ведь многие студенты обучаются по учебникам 10 и более-летней давности.

Многие преподаватели японского языка в ВУЗах сталкиваются с проблемой потери мотивации и интереса к процессу обучения у студентов, что ведет к снижению успеваемости. Классические пособия с минималистичным дизайном трудно воспринимаются молодыми людьми, привыкшими к «яркой картинке». При выстраивании образовательного процесса и коммуникации со студентами преподавателям следует учитывать их психологические особенности восприятия информации.

Все это приводит нас к необходимости поиска новых приемов, освоению современных технологий и внедрению в образовательный процесс новых интерактивных элементов. Подключение видеоконтента с платформы YouTube, создаваемый носителями японского языка, на наш взгляд, является одним из наиболее доступных инструментов для устранения вышеперечисленных проблем.

В ходе подготовки автором были изучены исследования и научные статьи на русском и английском языке об опыте использования платформы YouTube для повышения эффективности преподавания английского языка. Научная новизна работы состоит в том, что подобные исследования не проводились применительно к преподаванию японского языка.

В ходе учебного года 2021-2022 к занятиям по японскому языку (аспект аудирования) со студентами-японистами 1 и 2 года обучения в НИУ ВШЭ и РГПУ им.Герцена в качестве дополнения автором были подключены видеоматериалы с платформы YouTube. В данной работе приведены способы внедрения в образовательный процесс видео, требования к видео и примеры использованных YouTube каналов с классификацией по тематике. По прошествии учебного года 2021-2022 автором был проведен опрос мнения студентов, результаты которого приведены в настоящей работе.

Использование аутентичных видеоматериалов с платформы YouTube на занятиях по японскому языку

Согласно ВЦИОМ ежедневный доступ к Интернет есть у 70% населения России, около 90% опрошенных молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет пользуются YouTube, что говорит о доступности и удобстве платформы. 13% опрошенных отметило, что уже использует YouTube для изучения иностранных языков¹.

Возможность бесплатного доступа к большому количеству качественного контента в любое время стали основными причинами включения в занятия видео именно с платформы YouTube.

На начальном этапе изучения языка преподаватель может использовать видеоматериалы с YouTube не столько для практики аудирования, устного перевода или выполнения заданий, сколько для демонстрации особенностей японской фонетической структуры. Интересный метод- просмотр видео [русскоговорящих](#) японцев и анализ особенностей их произношения в русском языке.

В процессе изучения иностранного языка студентам предстоит освоить не только различные виды речевой деятельности, но и особенности речевого поведения носителей. Одним из эффективных способов изучения иностранного языка является метод «шедоунга» или «теневого подражания». Просмотр большого

¹ YouTube — «телевидение» XXI века. Всероссийский центр изучения общественного мнения <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xi-veka> Дата обращения: 05.09.2022

количества видео, когда автор показывает себя крупным планом, дает студентам возможность детального изучения особенностей вербальной и невербальной коммуникации японцев.

Многие видео носителей на YouTube создаются профессиональными преподавателями японского языка как иностранного, которые ориентируются на уровни международного экзамена JLPT (Japanese-Language Proficiency Test). Зачастую в названии видео уже указан необходимый для понимания уровень, что позволяет студенту и преподавателю быстрее сориентироваться при подборе видео.

Для студентов с уровнем ниже «среднего» восприятие информации исключительно на слух может представлять сложность. В таких ситуациях возможность включить и выключить субтитры может быть очень полезной. Некоторые видео не содержат голосового сопровождения, представляя только яркий, качественный видеоряд, однако внизу имеются субтитры, описывающее происходящее на экране. Подобные видео можно использовать в качестве практики чтения, однако за счет «красивой сопроводительной картинки» задание будет восприниматься студентами более позитивно и носить более информативный характер. В YouTube также есть возможность регулирования скорости воспроизведения, что дает студентам и преподавателям выстроить наиболее комфортные условия.

В ходе изучения японского языка остро стоит проблема актуальности изучаемой лексики. На начальных этапах студенту необходимо освоить базовую лексику, которая доступна к изучению и через классические пособия. Однако на более продвинутых уровнях и при общении с носителями (особенно в неформальных жизненных ситуациях), студенты часто сталкиваются с проблемой непонимания новых лексических единиц (неологизмов и современных молодежных выражений). На платформе YouTube можно найти видео-уроки квалифицированных японских преподавателей с объяснениями и примерами использования популярных неологизмов, что представляет ценность не только для студентов, но и для самих преподавателей.

Одна из проблем в процессе изучения японского языка - потеря студентами мотивации. Многие молодые люди приходят изучать японский язык, вдохновившись популярной современной японской культурой, однако в процессе обучения трудности языка зачастую приводят к потере интереса. Яркий, качественный контент помогает преподавателям разнообразить занятия и поддерживать мотивацию у студентов. Использование на учебных занятиях видеоматериалов с YouTube позволяет преподавателям снизить уровень стресса у студентов. Большой объем материала, наличие контролей и требований преподавателей приводит к тому, что молодые люди чувствуют давление, которое ведет к снижению способностей к обучению. Многие студенты привыкли использовать YouTube для развлекательных целей, просмотр видео ассоциируется у них с принужденным времяпрепровождением, поэтому включение видеоматериалов с YouTube вызывает положительные эмоции и снижает уровень стресса. Подключение современных технологий позволяет преподавателям сократить дистанцию и создать более комфортную и дружескую атмосферу.

Японоязычные YouTube каналы могут быть как адаптированными, так и неадаптированными. Адаптированные YouTube видео (как правило преподавателей японского языка) могут быть следующих видов: видео-уроки с лексико-грамматическими объяснениями, трэвел-влоги, культурологические видео, видео-уроки для подготовки к экзаменам, уроки по иероглифике, лайф-видео с диалогами в реальных жизненных ситуациях (в ресторанах, отелях, бытовые разговоры с друзьями). Особенно хотелось бы отметить видео по изучению японской иероглифики: популярным способом подачи информации сегодня является внедрение рубрики «иероглифы на улице», которая дает студентам возможность увидеть, как изучаемые иероглифы выглядят в японской действительности. Рубрика представляет большую ценность для тех студентов, которые не имеют возможности побывать в Японии. Лайф-видео с диалогами в реальных ситуациях позволяют студенту лучше понять культурно-психологический аспект вербальной и невербальной коммуникации японцев.

Неадаптированные видео предпочтительнее брать, начиная с уровня выше среднего. Тематика неадаптированных видео может быть любой, главное, чтобы видео содержало грамотную речь и отвечало интересам преподавателя и студентов. Преподаватель на этом этапе выполняет преимущественно поддерживающую, контролирующую и мотивирующую функцию.

Практика включения в занятия видеоматериалов с платформы YouTube

В ходе учебного года 2021-2022 в качестве дополнения к занятиям по японскому языку (аспект аудирования) со студентами-японистами 1 и 2 года обучения в НИУ ВШЭ и РГПУ им.Герцена были подключены видео с платформы YouTube.

Способы включения видеоматериалов с YouTube в образовательный процесс:

Просмотр видео японских преподавателей с грамматическими комментариями по последней пройденной грамматической теме. Грамматические комментарии и примеры были только на японском языке. Обсуждение. Пересказ видео. Создание собственных примеров;

Просмотр видеоподкастов с субтитрами в качестве вспомогательного элемента для тренировки навыков восприятия на слух. Обсуждение темы, высказывание своего мнения по теме на японском языке;

Просмотр трэвел-влогов. Обсуждение увиденных достопримечательностей, интересных особенностей, увиденных иероглифов, их чтения и способы использования;

5. Просмотр культурологических видео. Обсуждение японской традиционной культуры на русском и японском языке;
6. Просмотр лайф-видео с реальными диалогами в ресторанах, отелях. Обсуждение и перевод использованной лексики, составление своих диалогов в подобной ситуации с использованием услышанных выражений на японском языке.
7. **Требования к видео**
8. Аутентичность;
9. Грамотная японская речь;
10. Соответствующая уровню студентов скорость воспроизведения;
11. Качественный звук;
12. Качественный видеоряд;
13. Соответствие грамматической и лексической теме урока основного учебного пособия;
14. Длительность видео не более 15 минут

Опрос мнения студентов

После окончания 2021-2022 учебного года автором было проведен опрос «Ваше отношение к включению на занятиях по аудированию видеоматериалов с YouTube»

В опросе принял участие 51 студент, изучающий японский язык, 1 и 2 года обучения НИУ ВШЭ и РГПУ им. Герцена на 2021-2022 уч. г.

Опрос был проведён онлайн с использованием Yandex Forms <https://forms.yandex.ru/>

Опрос проводился с 14.09.2022 по 16.09.2022.

Цели опроса:

Проанализировать отношение студентов к включению в занятия видеоматериалов с платформы YouTube; Понять, какому аспекту студенты 1 и 2 года обучения уделяют больше внимания при просмотре видео: содержанию или речевому поведению;

Проанализировать влияние включения видеоматериалов с платформы YouTube на уровень мотивации студентов и их отношение к образовательному процессу.

Результаты опроса:

88% студентов выразили положительное отношение к включению YouTube видео, 12% - нейтральное. 100% опрошенных посчитало их хорошим дополнением к занятиям по аспекту «Аудирование».

Отдельно хочется отметить тот факт, что больше 90% ответивших отметило, что видео японских преподавателей с грамматическими комментариями на японском языке иногда были понятнее, чем очные объяснения русскоязычного преподавателя и грамматические комментарии в учебнике.

По результатам опроса стало понятно, что совсем не уделяют внимания речевому поведению только 2% опрошенных, 42% студентов концентрируются в большей степени на содержании, но речевому поведению также придают значение, 54% акцентирует внимание на обоих аспектах в равной степени; более 85% опрошенных ответило, что старается в большей или меньшей степени копировать речевое поведение автора видео.

Только около 12% студентов ответили, что просмотр YouTube видео не повлияло на уровень их интереса к образовательному процессу, остальные 73% отметили повышение уровня заинтересованности и мотивации к изучению японского языка и культуры. Никто из опрошенных не отметил снижение уровня интереса в результате просмотра видео. 44% опрошенных отметило, что включение подобного интерактивного элемента положительно повлияло на отношение к преподавателю, 56% отметили положительное отношение независимо от формы проведения занятия.

Заключение

Преподавание иностранных языков требует от преподавателя не только высокого уровня языковых компетенций, но и понимания психологических, психофизиологических, педологических особенностей образовательного процесса. Подключение новых технологий позволяет нам не только разнообразить процесс изучения языка, но и сделать его более многосторонним, глубоким, психологически комфортным и, как следствие, эффективным. Просмотр видеоматериалов с платформы YouTube дает возможность более полного погружения в языковую среду при отсутствии возможности непосредственного пребывания в стране изучаемого языка.

Мы не можем игнорировать тот факт, что современные студенты имеют свои психологические особенности, выросло поколение, для которых Интернет- обязательная часть жизни и основной источник информации. Яркий, качественный визуальный ряд, современный и лаконичный способ подачи, быстрая смена картинок- все это новые характеристики образовательного процесса 21 века. Сегодняшний день дарит нам новые возможности для достижения наилучших результатов. Как показали результаты проведенного автором опроса, абсолютное большинство студентов позитивно относятся к включению видеоконтента YouTube в занятия по японскому языку и отмечают повышение уровня интереса и мотивации к изучению языка.

Однако следует отметить, что не у всех преподавателей и ВУЗов есть техническая и технологическая возможность подключения к занятиям подобного интерактивного элемента, так как он требует специального оснащения преподавателя и аудитории.

Но на наш взгляд, «секрет успеха» кроется в психологических аспектах. Первая важная психологическая особенность занятий с использованием видеоконтента YouTube - возможность преодоления барьера с преподавателем и создания более комфортной образовательной среды, что является важным элементом для достижения образовательного прогресса. Вторая - эмоциональное воздействие. Просмотр качественного видео вызывает у студентов положительные эмоции. У большинства YouTube эмоционально связан с приятным времяпрепровождением, в результате чего полученная оттуда информация не ассоциируется с «тяжелым трудом» и не вызывает психологического сопротивления. Многие студенты ощущают прилив энтузиазма, усиление интереса и мотивации к процессу изучения языка. Заинтересованность преподавателя и осведомленность в темах видео, готовность идти навстречу интересам студентов, возможность комментировать происходящее на экране - все это инструменты для создания интересного, интерактивного и продуктивного занятия.

Литература

- Бордовская Н.В. Психология и педагогика : учебник для вузов / Н.В. Бордовская, С.И. Розумов. - СПб.: Питер, 2017. - 624 с. - ISBN 978-5-496-00787-0. - Текст: непосредственный
- Бубнова А.С. Обучение устному переводу: теневой повтор как универсальное упражнение на подготовительном этапе: Международный электронный научный журнал. 2018. №5 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-ustnomu-perevodu-tenevoy-povtor-kak-universalnoe-uprazhnenie-na-podgotovitelnom-etape/viewer> (Дата обращения 14.09.2022)
- Высоцкий Л.С. Мышление и речь. Мастера психологии. - СПб.: Питер, 2019. - 432 с. - ISBN 978-5-4461-1109-1 - Текст: непосредственный
- Дэвид Майерс. Социальная психология : учебное пособие - 7-е изд. - СПб: Питер, 2022. - 800 с. - ISBN 978-5-4461-1570-9. - Текст: непосредственный
- Кабардов М.К. Языковые способности: психология, психофизиология, педагогика. - М.: Смысл, 2013. - 400 с. - ISBN 978-5-89357-330-5 - Текст: непосредственный
- Наумова Е.А. Интернет и неологизмы в японском языке : Вестник московского университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №4 - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41538267> (Дата обращения: 20.09.2022)
- Терехов И.В. Изучение студентами-лингвистами речевого поведения носителей языка на материале художественного кино Британии: проблема и пути решения. <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-studentami-lingvistami-rechevogo-povedeniya-nositel-yazyka-na-materiale-hudozhestvennogo-kino-britanii-problema-i-puti/viewer> (Дата обращения 14.09.2022)
- Хавенсон Т.Е. Школьный климат. История понятия, подходы к определению и измерение в анкетах PISA. / Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. : Вопросы образования - URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/0u0o0zh1fn/204528459.pdf> (Дата обращения: 20.09.2022)
- Wael Abdulrahman Almurashi. The effective use of YouTube videos for teaching English languages in classrooms as supplementary supplementary material at Taibah University in Alula : International Journal of English Language and linguistics Research. 2016. Vol. 4, №3 - <http://www.eajournals.org/wp-content/uploads/The-Effective-Use-of-Youtube-Videos-for-Teaching-English-Language-in-Classrooms-as-Supplementary-Material-at-Taibah-University-in-Alula.pdf> (Дата обращения: 10.09.2022)
- Cahyana A.A.C. Using of YouTube videos in teaching English for foreign language at vocational high school : JPВII. Vol. 8, №3 (Дата обращения: 10.09.2022)

References

- Bubnova A.S. Obuchenie ustnomu perevodu: tenevoi povtor kak universal'noe uprazhnenie na podgotovitel'nom etape (Interpreter education: shadowing as a universal exercise on preparatory stage) // Mezhdunarodnyi elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2018. №5 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-ustnomu-perevodu-tenevoy-povtor-kak-universalnoe-uprazhnenie-na-podgotovitelnom-etape/viewer> (date: 14.09.2022)
- Kabardov M.K. Iazykovye sposobnosti: psikhologiya, psikhofiziologiya, pedagogika (Language skills : psychology, psychophysiology, pedagogy). М.: Smysl, 2013.
- Khавенсон Т.Е. Chirkina Т.А. Shkol'nyi klimat. Istoriia poniatii, podkhody k opredeleniiu i izmerenie v anketakh PISA. (School climate. History of the concept, approaches to the definition and PISA questionnaires measuring) // HSE Voprosy obrazovaniia. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/0u0o0zh1fn/204528459.pdf> (date: 20.09.2022)
- Naumova E.A. Internet i neologizmy v iaponskom iazyke (Internet and neologisms in Japanese) // Vestnik moskovskogo universiteta. Lingvistika i mezhkul'turnaia komunikatsiia. 2019. №4 - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41538267> (date: 20.09.2022)

- Terekhov I.V. Izuchenie studentami-lingvistami rechevogo povedeniia nositelei iazyka na materiale khudozhestvennogo kino Britanii: problema i puti resheniia (Student of linguistics study speech behaviour of native speakers using British feature films : problem and ways to resolve). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-studentami-lingvistami-rechevogo-povedeniya-nositeley-yazyka-na-materiale-hudozhestvennogo-kino-britanii-problema-i-puti/viewer> (date 14.09.2022)
- Wael Abdulrahman Almurashi. The effective use of YouTube videos for teaching English languages in classrooms as supplementary supplementary material at Taibah University in Alula // International Journal of English Language and linguistics Research. 2016. Vol. 4, №3 - <http://www.eajournals.org/wp-content/uploads/The-Effective-Use-of-Youtube-Videos-for-Teaching-English-Language-in-Classrooms-as-Supplementary-Material-at-Taibah-University-in-Alula.pdf> (date: 10.09.2022)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ОБЛАСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТЕКЛА

Изготовление стекла — древнее искусство, одно из значительных изобретений человечества. Со сменой исторических центров развития искусства стеклоделия происходило не только увеличение и усложнение техник и инструментов в этой специальной области, но и становление в ней профессиональной лексической системы. Статья посвящена рассмотрению вопроса перевода профессионализмов, характерных для стекольного искусства. В статье рассматриваются двуязычные понятия, функционирующие в специальной области художественного стекла, а также варианты их перевода, апробированные на занятиях по английскому языку со студентами бакалавриата по профилю «Художественное стекло» в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. В статье делаются выводы о наличии проблемы при переводе профессионально-ориентированных текстов по специальности «Художественное стекло». В результате анализа было выявлено, что единичные англо-русские словари профессиональных терминов, которые относятся к этой узкой области искусства, не позволяют эффективно переводить в этой области профессиональной деятельности.

Ключевые слова: перевод, художественное стекло, профессиональная лексика, язык для специальных целей, язык специальности, профессиональный жаргон, профессионализмы.

Orlova T. S.

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design
Saint Petersburg, Russian Federation

PROFESSIONAL VOCABULARY IN THE ART GLASS INDUSTRY AS A TRANSLATION PROBLEM

Making glass is an ancient art, one of mankind's most significant inventions. As the historical centers of glassmaking changed, not only did techniques and tools become more complex and advanced, but also a lexical system was being formed in this specialty area. This article is focused on the issue of professional vocabulary related to glass art as a translation problem. An analysis is presented of specific concepts that operate in the particular field of art glass. Also, it offers options for translation, tested in English classes with undergraduate students of Art Glass education program at the St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design. The article concludes that there is a problem in the translation of professional texts in the specialty "Art glass". As a result of the analysis, it was revealed that the few English-Russian dictionaries of professional terms that relate to this narrow area of art do not provide effective translation in this professional area.

Keywords: translation, glass art, professional vocabulary, language for specific purposes, LSP.

В последние десятилетия значительно возрос интерес к изучению отраслевых терминологий. В первой четверти XXI в. исследователи-филологи все чаще посвящают научные работы проблемам терминологических систем, язык которых начал складываться много веков назад [Степанова 2020].

Именно такой системой является исследуемая в настоящей статье терминологическая система, относящаяся к производству стекла. Зародившись более пяти тысячелетий назад, она сохраняет активные темпы развития и в наше время [Песков 2021]. Современная стекольная промышленность характеризуется регулярным обновлением способов обработки стекломассы, совершенствованием технологий производства, что обуславливает необходимость своевременного контроля специалистов-лингвистов за созданием и использованием терминологических обозначений как на русском, так и на иностранном языке.

Статья посвящена рассмотрению особенностей перевода специальной лексики, характерной для стекольного искусства. В статье рассматривается ряд единиц профессиональной лексики, функционирующих в специальной области художественного стекла, а также варианты их перевода. Актуальность темы связана с необходимостью использовать практико-ориентированный подход на занятиях по английскому языку со студентами бакалавриата по профилю «Художественное стекло» в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица. Анализ

имеющихся вариантов перевода профессионализмов в данной отрасли имеет практическую ценность для студентов художественных специальностей, т. к. позволяет не только усилить мотивацию к изучению иностранного языка, но и успешно и эффективно использовать знания английского языка в профессиональной деятельности.

На основании определения из Лингвистического энциклопедического словаря, которое, по нашему мнению, наибольшим образом подходит для цели нашего исследования, под профессионализмами нами понимается группа слов, относящаяся к производственной деятельности людей, связанных профессией и родом занятий [Лингвистический энциклопедический словарь]. Группа слов, относящаяся к профессионализмам образуются за счет накопленных в результате трудовой деятельности образных ассоциаций, имеющих у представителей конкретной профессии. Профессионализмы «по-новому обозначают уже известные понятия, обычно предметы и процессы труда (деятельности)» [Гальперин 1958] за счет сужения смысловой части слова.

Для целей статьи укажем на ряд существующих лингвистических проблем в этой области, обусловивших необходимость сделать практико-ориентированную статью. Во-первых, студентам неязыковых вузов с художественной направленностью необходимо постоянно уметь свободно оперировать профессиональной лексикой на английском языке как для того, чтобы изучить появление новой техники выдувания или работы на горелке, так и для участия в международных мастер-классах, конференциях, а также для закупки материалов.

Во-вторых, с момента переноса центра стеклоделия из Венеции в США и Канаду, искусство стеклоделия стремительно развивается в первую очередь в англоговорящих странах и привлекает не только профессионалов, но и широкую аудиторию. Можно вспомнить высокий рейтинг у реалити-шоу *Blown Away* (2019) — канадский телесериал, понравившийся более чем 80% зрителей, согласно статистике Google. Это шоу о состязаниях по выдуванию стекла, премьеры которого состоялась на канадском канале перед последующим выпуском на потоковой платформе Netflix [Унесенный воздухом]. На основе этого англоязычного видеоматериала можно выявить определенный разрыв в том, что характерно для стеклодувного мастерства в России и за рубежом, обусловленный не только и не столько различиями в степени распространенности этого искусства, сколько различиями в техническом оборудовании и манипуляциях со стеклом. Таким образом, обозначилась проблема отсутствия эквивалентов для обозначения ряда техник и инструментов.

В-третьих, студентами обозначена необходимость изучать зарубежные видео-блоги на тему художественного стекла для профессионального становления и общения, а также подчеркнута проблема подачи заявок на участие в международных профессиональных мероприятиях не столько по причине нехватки языковых компетенций, сколько из-за различий в единицах профессиональной лексики на русском и английском языках.

Тем не менее, с технической точки зрения сами принципы процессов обработки стекла не сильно отличаются от страны к стране, несмотря на смену исторических центров стеклодувного мастерства. Найти различия в технологиях, характерных для стеклодувной деятельности, можно было не всегда. Так, например, в 30-х-40-х гг. XIX в. в России ключевой задачей мастера было умение изготовить изделие, не уступающее выданному ему образцу ни по красоте, ни по качеству исполнения [Зарубежное художественное стекло XIX — начала XX века (до 1917 г.) в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника 2010]. Эти образцы, закупленные в Западной Европе для копирования и подражания, представляли собой как товар английских и французских лавок и магазинов, так и экспонаты всемирных художественно-промышленных выставок [там же]. Стремление идти в ногу с новейшими тенденциями европейского стеклоделия обуславливалось стремлением фабрикантов производить актуальную и современную продукцию, которую бы хотел приобрести российский покупатель. Такая картина наблюдалась на многих частных заводах России, что объяснялось политикой государства. Известный русский исследователь Иван Иванович Лазаревский писал в 1922 г.: «Русский цветной хрусталь и стекло николаевского времени настолько электичны, насколько от мастеров того времени требовалось умение подражать всем стилям, не создавая собственного, что определить отличительные качества его от иностранного хрусталя и стекла мне кажется почти невозможным» [Зарубежное художественное стекло XIX — начала XX века (до 1917 г.) в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника 2010].

Подобные выводы о лингвистических проблемах в отрасли художественного стекла можно получить, если использовать вышеназванный сериал для учебных целей на занятиях по дисциплине английский язык. Так, на практических занятиях при обработке новой лексики из каждого эпизода нами неоднократно было замечено, что перевод профессиональных терминов с английского языка на русский язык через установление дефиниции в словаре, например, стекольной промышленности [Англо-русский стекольный словарь; Шлыкова 2014], не вызывает должного эффекта узнавания у студентов. В подобных случаях, посредством визуализации выявляется русскоязычный эквивалент, который в большинстве случаев можно было охарактеризовать как профессионализмы и профессиональные жаргонизмы [Словарь социолингвистических терминов], которые и послужили материалом для статьи.

С целью выявить спектр имеющихся вариантов перевода специальной лексики рассмотрим ряд примеров.

(1) *мильфеори(i) — murrine*.

В середине XIX века в Европе входят в моду стеклянные пресс-папье для бумаг, выполненные в технике «миллефиори». Они были самыми причудливыми и «поэтичными безделушками» своего времени и украшали письменные столы в кабинетах деловых людей. Итак, в русском языке у нас *miliefiori* — «тысяча цветов», т. к. эта техника подразумевает изготовление предметов, украшенных крошечными разноцветными стеклянными цветочками» путем обкатывания стеклянных шариков в разноцветных нитях с помощью газовой горелки. В английском языке проявляется этимологическая связь с искусством эллинистической Александрии: несколько слоёв стекла разного цвета, последовательно набравшие слою на заготовку прямо у стеклодувной печи. Такие изделия были похожи на слоистые агаты, которые называли муринами. В английской терминологической системе слово пришло к XVIII в., когда мастера на острове Мурано в Венецианской лагуне не просто восстановили, но и усовершенствовали утраченные технологии. С этого времени стеклянные изделия в технике миллефиори производились не только в Италии, но также в Англии и во Франции и получили распространение по всей Европе [Песков 2021].

(2) *моллирование* — *slumping*. Второй по популярности является техника моллирования (лат. *Mollio* — размягчаю, плавлю) — технология формовки художественных изделий из нагретого листового стекла [Козицын 2020]. Расплавленное стекло при температуре 600—700 °С медленно деформируется под действием собственного веса, принимая, таким образом, форму опорной поверхности (формы, матрицы). Такая технология применима, например, к блюдам, тарелкам, плоскам.

Техника моллирования на английский язык переводится как «*slumping*» — резкое или внезапное падение, просадка [Корчемкин, Кашкин, Курбатов 1995]. Эту технику можно повторить в домашних условиях, однако с серьёзной проблемой можно столкнуться при покупке зарубежного оборудования для моллирования. Рассмотрим пример.

(3) *тоннельная печь* — *kiln*. Этот процесс происходит в тоннельной печи, в верхней части которой установлены керамические электронагреватели, а в нижней — металлическая опорная поверхность (форма), на которую горизонтально устанавливается лист стекла.

Если обратиться к словарным статьям, то они для понятия «тоннельной печи» предлагают следующие варианты: «*glass-bending furnace*», «*tunnel kiln*», «*tunnel oven*» [Универсальный англо-русский словарь]. Тем не менее, несмотря на фиксацию словарем сразу нескольких вариантов, при практике перевода возникает ряд проблем с соотношением этих единиц с определенной сферой профессиональной деятельности. Если ввести вышеуказанные словарные единицы в строку интернет-поиска и посмотреть результат в картинках, то будет очевидно, что в рамках занятий художественным стеклом в домашних условиях и в мастерских средних и высших учебных заведений, они не подходят.

Так, например, «*glass-bending furnace*» как печь для моллирования или гнупого листового стекла подходит с точки зрения дефиниции, но «*glass-bending furnace*» представляет собой промышленную установку, с помощью которой изготавливают, например, лобовое стекло для автомобилей.

Среди значение слова «*furnace*», фиксируемых словарями, на первом месте стоит значение «горна» [Мюллер 2003], т. е. основная сфера использования «*furnace*», таким образом, в первую очередь, кузнечное дело. Подобным же образом следующий из предложенных англо-русским словарем вариант, «*tunnel kiln*» является, на основе интернет-запроса, производственной печью для отжига кирпичей, а «*tunnel oven*» подходит для изготовления хлебобулочных изделий.

Таким образом, все вышеперечисленные варианты перевода на основе словарных статей не подходят для применения в рамках учебного перевода текстов о стекольном производстве, например, в контексте изготовления тонких и уникальных произведений искусства.

На основе оригинальных видео на тему моллирования на практических занятиях со студентами был найден вариант «*kiln*» или «*glass slumping kiln*». Подобные же названия камер для моллирования и фьюзинга, «*glass slumping kiln*» и «*glass fusing kiln*», соответственно, можно встретить на англоязычных сайтах производителей оборудования для стеклодувов. Не менее важно для целей статьи, что именно переводческий вариант «*glass slumping kiln*» производители профессионального оборудования считают названием для приборов, подходящих для учебных целей.

Тем не менее, в иностранных источниках не менее часто происходило опущение при названии печи для моллирования — «*kiln*». По нашему мнению, без четко заданного контекста стоит избегать подобных способов перевода, т. к. англоязычный словарь трактует «*kiln*» как — a furnace or oven for burning, baking, or drying, especially one for calcining lime or firing pottery¹ [Kiln].

Другая, но не менее популярная техника называется «*fusing*» — техника спекания цветного стекла в печи как для витража, но без металлических вставок между пластинами стекла. Печь для фьюзинга в оригинальных видео, которые были выбраны для учебных целей, получила наименование по аналогии с печью для моллирования — (4) «*fusing glass kiln*». В словаре русско-английском словаре терминов, тем не менее, — «*muffle furnace*» или «*muffle oven*» (устар. «*retort furnace*»), что, вероятно, обусловлено тем, что в русских мастерских фьюзинг происходит в муфельной печи, или в «муффеле», как сказали бы профессионалы.

Следующий пример на русском языке передается только через описание или через профессионализм. Всего для производства необходимо три печи с разными температурами. В одной из них происходит

¹ «Печь для отжига или сушки, в частности, для обожженной извести или отжига глиняной посуды» (перевод наш).

подогрев материала в процессе его формовки. Работа в этой печи производится через специальное отверстие — (5) «glory hole», сквозь которое видно раскаленную внутреннюю сторону печи, которая среди российских профессионалов известна как «кукушка» из-за раздвижных створок, напоминающих скворечник.

Следующий пример подслушанный в мастерской это «вилка», который в профессиональной литературе на русском языке известен как металлический держатель для стеклодувной трубки. Английским эквивалентом «вилка» является “yoke” (6).

Особую сложность представляют собой наименование различных инструментов для манипуляций с горячим стеклом. На практике дело обстоит так: стеклодув использует специальные инструменты по форме напоминающие щипцы, клещи, пинцет. Тем не менее, в процессе обработки стекла стеклодувы называют на русском языке большую часть из этих инструментов «ножницами» за исключением «разверток» — больших ножниц, кусачек для раскрытия и расширения краев и изделий с горлышками, которые бывают плоскими, гранеными и округлыми. Английзычные стеклодувы в процессе работы со стеклом употребляют отдельное наименование для каждого вида ножниц, в зависимости от конкретной манипуляции со стеклом: (7) *shears* — металлические ножницы для резки горячего стекла; *tongs* — ножницы с лезвиями в форме щипцов, предназначенные для формирования основной формы горлышка изделия из стекла; *shapers / tweezers / pincers* — щипцы для придания изделию формы, *jacks* — развертки, большие ножницы с металлическими концами; (*wood*)*jacks / parchoffi* — развертки, большие ножницы с деревянными концами, которые не оставляют следа внутри сосуда; *pi dividers* — измерительный прибор в форме ножниц, позволяющий определить диаметр горлышка будущего изделия.

Рассмотрим следующий пример профессионализма.

(8) «ананас» — «*optic mold*». Так называют специальную металлическую форму, в которую вставляется трубка с раскаленной стеклянной массой для придания рифленной формы будущему стеклянному изделию.

Итак, нами были проанализированы терминологические обозначения стекла, изделий из него, а также техник инструментов, которые применяются в сфере художественного стекла. Большинство рассмотренных терминологических единиц (94%) обозначающих стекло и изделия из него, являются субстантивными словосочетаниями с атрибутивной связью между компонентами. Однословные понятия составляют 4,5 % от общего числа проанализированных единиц специальной профессиональной лексики. В результате приложения результатов анализа в работе со студентами бакалавриата по профилю «Художественное стекло» можно сделать вывод о том, что развитие навыков аудирования и чтения аутентичных материалов по теме художественного стекла, а также употребления профессионализмов в разговорной и письменной практике в рамках практических занятий английским языком в неязыковом вузе повышает не только уровень коммуникативных компетенции в профессиональной среде, но и дает дополнительные мотивации студентам для изучения английского языка.

Проведенное исследование также выявило отсутствие узких русско-английских изданий, ориентированных на овладение профессиональной лексикой в области художественного стекла как студентами, так и практикующим специалистам. Также в результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что использование универсальных словарей часто неэффективно, поскольку в них присутствуют в основном общеупотребительные значения слов и выражений, но подходящие к узкому контексту конкретной области профессиональной деятельности. В существующих англо-русских словарях, глоссариях и терминологических словарях-справочниках по избранной для исследования тематике не представлено четкое разделение единиц, характерных для смежных художественных специальностей.

Тем не менее, на основе проведенного исследования считаем, что важно понимать, например, закал стекла, моллирование и фьюзинг как разные виды термической обработки не только стеклоизделий, но и керамических изделий, требующих разных режимов работы специальной печей, и, соответственно, требуют разных наименований для избежания терминологической путаницы. Таким образом, необходимо создавать специализированные двуязычные глоссарии, словари, в которых приводился бы не только перевод терминов, но и расшифровывались и переводились профессионализмы.

Литература

- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958.
- Зарубежное художественное стекло XIX – начала XX века (до 1917 г.) в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2010. URL: <https://vladmuseum.ru/upload/iblock/27b/25.%20Зарубежное%20художественное%20стекло%20XIX–1-й%20четверти%20XX%20века%20в%20собрании%20ГВМЗ.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).
- Козицын И. П. Объемное моллирование стекла: учебно-методическое пособие. СПб: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2020.
- Песков С. История стекла. От стеклянного оружия до стекол иллюминаторов космических кораблей. М.: Центрполиграф, 2021.
- Степанова В. В. Терминологические обозначения стекла и изделий из него (на материале русского языка) // Весник МДПУ им. И. П. Шамякина. 2020. № 2 (56). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskie-oboznacheniya-stekla-i-izdeliy-iz-nego-na-materiale-russkogo-yazyka> (дата обращения: 20.09.2022).

Унесенный воздухом (сериал) Blown Away (TV series). URL: [wiki5.ruhttps://wiki5.ru/wiki/Blown_Away_\(TV_series\)](https://wiki5.ru/wiki/Blown_Away_(TV_series)) (дата обращения: 20.09.2022).

Шлыкова Т. В. Художественная керамика и стекло. Реставрация. Хранение. Исследование англо-русский и русско-английский терминологический словарь-справочник. СПб: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2014. Kiln. — URL: <https://www.thefreedictionary.com/kiln> (дата обращения: 20.09.2022).

References

Gal'perin I. R. Oчерki po stilistike anglijskogo yazy'ka (Essays on the style of the English language). M.: Izdatel'stvo literatury` na inostranny`x yazy'kax, 1958.

Zarubezhnoe xudozhestvennoe steklo XIX – nachala XX veka (do 1917 g.) v sobranii Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika (Foreign art glass of the 19th - early 20th centuries (until 1917) in the collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve). Vladimir, 2010. URL: <https://vladmuseum.ru/upload/iblock/27b/25.%20Zarubezhnoe%20xudozhestvennoe%20steklo%20XIX–1-j%20chetverti%20XX%20veka%20v%20sobranii%20GVSMZ.pdf> (data obrashheniya: 20.09.2022).

Kozicyn I. P. Ob`yomnoe mollirovanie stekla: uchebno-metodicheskoe posobie (Volumetric slumping of glass: a teaching aid.). SPb: SPGХPA im. A. L. Shtiglicza, 2020.

Peskov S. Istoriya stekla. Ot steklyannogo oruzhiya do stekol illyuminatorov kosmicheskix korablej (History of glass. From glass weapons to windows of spaceships). M.: Centrpoligraf, 2021.

Stepanova V. V. Terminologicheskie oboznacheniya stekla i izdelij iz nego (na materiale russkogo yazy'ka) [Terminological designations of glass and products from it (on the material of the Russian language)] // Vesnik MDPU im. I. P. Shamyakina. 2020. № 2 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologicheskie-oboznacheniya-stekla-i-izdeliy-iz-nego-na-materiale-russkogo-yazyka> (data obrashheniya: 20.09.2022).

Unesennyj vozduxom (serial) Blown Away (TV series) [Blown Away]. URL: [wiki5.ruhttps://wiki5.ru/wiki/Blown_Away_\(TV_series\)](https://wiki5.ru/wiki/Blown_Away_(TV_series)) (data obrashheniya: 20.09.2022).

Shly'kova T. V. Xudozhestvennaya keramika i steklo. Restavraciya. Xranenie. Issledovanie anglo-russkij i russko-anglijskij terminologicheskij slovar`-spravochnik (Artistic ceramics and glass. Restoration. Storage. Research English-Russian and Russian-English terminological dictionary-reference book). SPb: SPGХPA im. A. L. Shtiglicza, 2014.

Kiln (Kiln). — URL: <https://www.thefreedictionary.com/kiln> (data obrashheniya: 20.09.2022).

Источники (Dictionaries)

Англо-русский стекольный словарь. URL: <https://pandia.ru/text/77/315/38526.php> (дата обращения: 20.09.2022).

Корчемкин С. Н., Кашкин С. К., Курбатов С. В. Англо-русский строительный словарь. М.: Русский Язык, 1995.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская Энциклопедия, 1990.

Миоллер В. К. Новый англо-русский словарь: 170000 слов и словосочетаний. М.: Русский язык - Медиа, 2003.

Словарь социолнгвистических терминов / В. Ю. Михальченко. М.: РАН. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.

Универсальный англо-русский словарь. URL: https://universal_en_ru.academic.ru/1203821/glass-bending_furnace. (дата обращения: 20.09.2022).

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СДВИГА ГРАДУАЛЬНОСТЬ – НЕГРАДУАЛЬНОСТЬ С ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМ DEAD В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ случаев интенционального семантического сдвига может играть важную роль при рассмотрении этнокультурного потенциала языка. Целью данной статьи является изучение случаев интенционального семантического сдвига *градуальность* - *неградуальность* с прилагательным *dead* в произведениях современных англоязычных авторов. Задачи исследования предполагали выявление типов нового неграмматического смысла, возникающего при намеренном использовании неградуируемого прилагательного *dead* с усилителями типа *very, too, a little bit* в произведениях современных англоязычных авторов, а также анализ того, как данные конструкции могут отражать специфику мировоззрения англоговорящего сообщества. Материалом исследования стали случаи интенционального семантического сдвига *градуальность* - *неградуальность* с прилагательным *dead* в произведениях современных англоязычных писателей, в том числе представленные в базе *British National Corpus*. Используемый в работе этнолингвистический анализ намеренного использования прилагательного *dead* в несвойственном ему грамматическом контексте позволил выявить специфику восприятия концепта 'dead' в англоговорящем сообществе: понятие смерти живых существ, растений и человека может переосмысливаться, не воспринимаясь как нечто предельное, неизменное, не подлежащее высмеиванию. Интенциональный семантический сдвиг на основе категории *градуальность* с прилагательным *dead* позволяет передавать широкий спектр эмоций и приводит к появлению нового неграмматического смысла.

Ключевые слова: интенциональный семантический сдвиг, градуальность, этнокультурные особенности.

Osokina N. Yu.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

ON THE INTENTIONAL SEMANTIC SHIFT IN THE UNGRADABLE ADJECTIVE 'DEAD'

Analysis of the Intentional Semantic Shift may be regarded as an important means to understand the peculiarities of the ethnocultural potential of a language. This paper aims to consider the Intentional Semantic Shift in the ungradable adjective *dead* in the works of contemporary English-speaking writers. An attempt was made to describe different types of the new non-grammatical meaning resulting from the deliberate use of the ungradable adjective *dead* with the intensifiers *too, very, so, a bit, a little* and to analyze how the intentional use of the adjective *dead* in an alien grammatical context may reveal the specific perception of the concept 'dead' in the English-speaking communities. The examples with the Intentional Semantic Shift in the adjective *dead* were taken from the *British National Corpus* and from the works of modern British, American and Australian writers. The ethnolinguistic analysis of the deliberate use of the ungradable adjective *dead* with intensifiers, such as *so, such, very*, etc. allows to conclude that the concept 'dead' in the English-speaking communities need not always be viewed as terminative and unchangeable, it may be rethought, reinterpreted and sometimes mocked at. The Intentional Semantic Shift in the ungradable adjective *dead* may convey a range of emotions and result in additional non-grammatical meanings.

Keywords: The Intentional Semantic Shift, graduality, ungradable adjectives, ethnocultural peculiarities.

Изучение этнокультурного потенциала языка не может быть исчерпывающим без учета роли, выполняемой грамматическим строем языка в отражении картины мира говорящих. Особый интерес при анализе этнокультурной специфики грамматики могут вызывать случаи интенционального семантического сдвига, или намеренного использования грамматической формы в несвойственном ей грамматическом контексте с целью создания нового, неграмматического смысла. Возникающие в результате намеренного

нарушения грамматических норм выразительные, экспрессивные конструкции зачастую являются амбивалентными, могут получать различные интерпретации, и, в связи с этим, получили название «грамматическая метафора».

Изучение случаев интенционального семантического сдвига в этнолингвистическом аспекте представляется особенно важным, поскольку оно позволяет увидеть, какие понятия, лежащие в основе грамматических категорий, могут творчески переосмысливаться говорящими, становясь источником языковой игры. Выявление грамматических категорий, способных потенцировать речеворечную деятельность говорящих, делает возможным проследить, какие концепты в восприятии того или иного языкового сообщества способны подвергаться переоценке, а также увидеть, как этот процесс переосмысливания может происходить.

Целью данной работы является рассмотрение случаев интенционального семантического сдвига на основе категории градуальности, то есть способности признака проявляться в большей или меньшей степени. В результате интенционального семантического сдвига в сфере категории градуальности, происходит умеренное использование прилагательных и наречий, называющих неградуируемые признаки, с показателями степени или обстоятельствами, называющими степень проявления признака. Необходимо отметить, что интенциональный семантический сдвиг *градуальность - неградуальность* может иметь место у различных частей речи, и способен проявляться не только у прилагательных и наречий, но и у существительных, числительных, местоимений и глаголов. Так, у англоязычных авторов встречаются сочетания *very married* (O. Goldsmith), *very much single* (A. Potter), *too New York* (P. Sykes), *so 1990s* (C. Manby), *very my* (C. Aherm), *very in* (M. Keyes), *so Queen Elizabeth* (O. Goldsmith). Намеренное нарушение норм сочетаемости позволяет авторам передавать «непередаваемое», поскольку данные емкие и экспрессивные сочетания могут получать различные интерпретации, выражая целый спектр эмоций. В данной работе мы обратимся к случаям интенционального семантического сдвига *градуальность - неградуальность* с прилагательным *dead*, рассматривая использование сочетаний *very dead*, *a little bit dead*, *too dead*.

Не вызывает сомнений, что прилагательное *dead* выражает предельный признак, необратимое состояние, которое не может проявляться в большей или меньшей степени. М. Мамардашвили называет смерть «предельным понятием», которое, по его мнению, несет в себе возможность представлять ряд других вещей и событий. В нашем привычном понимании (по крайней мере, в сознании русскоговорящих), признак *dead* является конечной точкой градуальной шкалы, исключая ее продолжение, что отражено в языковых нормах. Вместе с тем, в произведениях англоязычных авторов встречаются примеры нарушения этих правил, когда этот терминативный признак рассматривается как градуальный, при этом, как и свойственно метафоре, передаются новые неграмматические смыслы. Нашей задачей при рассмотрении интенционального употребления прилагательного *dead* с различными усилителями являлось выявление типов новых смыслов, возникающих при интенциональном семантическом сдвиге *неградуальность - градуальность*, а также анализ того, как данные нарушения норм грамматики могут передавать специфику мировосприятия англоговорящего сообщества.

Материалом исследования послужили примеры, представленные в *British National Corpus*, а также примеры, используемые англоязычными писателями, не входящие в данную базу. Так, *British National Corpus* приводит 7 примеров *very dead* в современной прозе, 1 пример использования сочетания *a bit dead* и 5 примеров с выражениями *too dead*. В произведениях современных англоязычных авторов было обнаружено более 10 сочетаний *very dead*, а также примеры сочетаний *seriously dead* и *a little bit dead*.

В рассмотренных примерах прилагательное *dead* использовалось как по отношению к человеку, так и когда речь шла о животных и растениях, в значении 'not living', иные значения прилагательного *dead*, его использование в фразеологических оборотах не рассматривалось.

Анализ показывает, что при использовании прилагательного *dead* в сочетании с усилителем *very* с названиями животных могут реализовываться следующие оттенки значения *dead* ('not living'): «испорченный, сильно разложившийся»:

In a corner of the floor stood a saucer of milk which had long since turned to an unsavoury junket embellished with blue mould. Beside it lay two very dead herrings' heads. (M. Read).

The mound was no mound at all, but actually a deer; a very dead deer, and a long way from fresh. (S. Gallagher).

Если речь идет о растениях, *very dead* означает «давно высохшее»:

There was a set of crappy old green plastic pots with very dead plants and dry crumbling soil (L. Moriarty).

В приведенных выше примерах использования сочетания *very dead* с названиями животных и растений возникающее в результате интенционального семантического сдвига значение «разложившийся, высохший» представляется логичным и эвфемистическим: «мертвый так долго, что начал разлагаться», «растение давно засохло». Однако в случаях использования сочетаний *very dead* с именами лиц значение «давно умерший», как правило, не встречается; основным в таких примерах представляется эмоционально-оценочное значение. Конструкции с интенциональным семантическим сдвигом *градуальность - неградуальность* с прилагательным *dead*, используемые, когда речь идет о человеке, способны передавать целый спектр эмоций: скорбь, горечь, растерянность, иронию, насмешку или угрозу. В большинстве

примеров использование прилагательного *dead* с показателями степени проявления признака является маркером разговорного речевого регистра.

Так, в следующем примере из *British National Corpus* сочетание *very dead* используется, чтобы передать угрозу, подчеркнуть серьезность ситуации, и возможно, фатальные последствия для говорящих:

Do you know what you're saying? This man has killed before ... if he's involved, you could end up very dead. (F. Forsyth).

Использование усилителя *very* с прилагательным *dead* может способствовать выражению скорби о безвозвратно ушедших, трагически погибших во время войны сослуживцах:

There was no chance of Ryder forgetting. By the end of the war, he said, the planes were full of ghosts. They crowded so thickly into the cockpits – young, joking, beautiful, brave and so very dead. (E. Buchan).

Сочетание несочетаемого в оксюмороне выражении *so very dead* – показатель высокой степени признака *so very* используется с предельным признаком *dead* – позволяет передать насколько невозможной, неправильной и несправедливой представлялась смерть сослуживцев персонажу, который спустя много лет не мог смириться с гибелью товарищей.

Выражение *very dead* может использоваться и для передачи шока при известии о смерти, а также для того, чтобы показать процесс принятия произошедшего:

It's not possible to bring my dad to life. I tried. When I found him lying on the floor of his office – very dead, in fact – blue in the face with an empty pill container by his side and an empty bottle of whiskey on the desk. (C. Ahern).

Do you want to go and see him? I did see him, five minutes after that. He was very dead, and there was blood all over the floor. Poor David Riccio. He sings to God now, not me. (T. Vicary).

Нередко сочетания *too dead, a bit dead* могут использоваться для придания ироничного звучания повествованию:

Cultured, attractive bachelors, they accompanied society women to events like this when their own husbands were too busy or too tired or too dead. (O. Goldsmith).

Is she seriously dead? Ledwell?

Strike resisted the urge to reply, 'Not seriously. Only a bit.' (R. Galbraith).

I'm calling about some things you didn't tell me during your history of Overlook's great and honorable history... About how they...turned it into a playground for Mafia big wigs, and about how it had to be shut down in 1966 when one of them got a little bit dead. (S. King).

В последних двух случаях эффект интенционального семантического сдвига усиливается и специфицируется благодаря использованию литоты (*a little bit*).

Приведенные выше примеры демонстрируют, что в сознании англоговорящих авторов понятие смерти не является чем-то незбылемым и конечным. Понятие смерти переосмысливается, рассматривается как нечто, что может подвергаться иронии (*seriously dead*), быть более или менее выраженным (*very dead*), или более или менее значимым для персонажа (*so dead*). Можно также предположить, что в этих примерах проявляется отмечаемое психологами стремление человека выделять все новые компоненты в конкретной, казалось бы, неделимой точке или, по словам Н. Д. Арутюновой, «растягивать значение», поскольку «стремление к точности измерений уводит от точности... а континуальность мира берет верх над попытками представить его дискретно».

Отметим, что в русском языке подобное переосмысление смерти как чего-то непостоянного, переходящего, не является настолько распространенным. Можно предположить, что в сознании русскоязычных понятие смерти является незбылемым, сакральным в большей степени, чем для носителей английского языка, в меньшей степени предполагающим переосмысление.

Литература

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт/ отв. ред. Г. В. Степанов: АН СССР, Ин-т Языкознания. М.: Наука, 1988.
- Декстер, С. Б. Осокина Н. Ю. Интенциональный семантический сдвиг градуальность – неградуальность как источник скрытых смыслов в произведениях современных англоязычных авторов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 124-136.
- Козлова Л. А. Этнокультурный потенциал грамматического строя языка и его реализации в грамматике говорящего. – Барнаул, АлтГПА, 2009.
- Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиция, Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
- Масленникова А. А., Осокина Н. Ю. Интенциональный семантический сдвиг в сфере имен лиц// Материалы ХLI Международной филологической конференции. Вып. 16: Грамматика (Романо-германский цикл) /отв.ред. А.В. Зеленчиков. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 36-42.

References

- Arutiunova N. D. Tipy yazykovikh znacheniy: otzenka, sobytiye, fact [Types of linguistic meanings": evaluation, event, fact] / отв. red. G. V. Stepanov: AS USSR, In-te of Linguistics. M.: Nauka, 1998.

- Dektarev S. B. Osokina N. Yu. Intenzional'nyy semanticheskiy sdvig gradual'nost' – negradual'nost' kak istochnik skrytykh smyslov v proizvedeniyakh sovremennykh angloyazychnykh avtorov. [The Intentional Semantic Shift Gradable → Non-Gradable as a Means of Creating Ambiguity and Implication in a Literary Text] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 124–136..
- Kozlova L. A. Etnokul'turniy potentsial gammaticheskogo stroya yazyka I ego realizatsiya v grammatike govoryaschego [Ethnocultural potential of Grammar and its Discourse Actualization]. Barnaul, AltSPA, 2009.
- Mamardashvili, M.K. (2009) Leksii po antichnoy filosofii [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya, Fond Meraba Mamardashvili.
- Maslennikova A. A. Osokina N. Yu. Intenzional'nyy semanticheskiy sdvig v sfere imen litz [The Intentional Semantic Shift in Names of Persons] // XLI International Philological Conference Materials. № 16: Grammar (Romano-German) /otv. red. A. V. Zelenschikov. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbSU, 2012. P. 36-42

Источники (Sources)

- Ahern C. The Book of Tomorrow. New York: Harper, 2010.
- British National Corpus (BNC).URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (date 29.10.2022)
- Buchan E. That Certain Age. London, New York, Toronto, Dublin, Camberwell, New Delhi, Rosebank: Penguin Books. 2004.
- Galbraith R. The Ink Black Heart. New York, Boston, London: Mulholland Books, Little, Brown and Company. 2022
- Goldsmith O. Fashionably Late. New York: Harper Paperbacks. 1999.
- Goldsmith O. Marrying Mom. New York: Harper Torch. 2000.
- Keyes M. Watermelon. London: Arrow Books, 2010.
- King S. The Shining. London: Hodder. 2007.
- Moriarty.L. Truly, Madly, Guilty. Penguin books. 2016.: URL: <https://books.google.ru/books?id=o9-UCgAAQBAJ&pg=PT69&lpq=PT69&dq=moriarty+truly+madly+guilty+very+dead+plants&source=bl&ots=7Iuvmgynao&sig=ACfU3U1PDuNoccB8lkFcllkMvnvyByKqRQ&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKEwjdwPcov76AhWnpYsKHUeccCN44ChDoAXoECB8QAw#v=onepage&q=moriarty%20truly%20madly%20guilty%20very%20dead%20plants&f=false> (date 26.10.2022)
- Manby C. Seven Sunny Days. London: Coronet Books. 2003.
- Potter A. Me and Mr Darcy. London: Hodder. 2007.
- Sykes P. Bergdorf Blondes. New York: Miramax Books, Hyperion. 2004

Павлова Е. Б.Российский университет дружбы народов (РУДН)
Москва, Российская Федерация

ЛИНГВОПРАГМАТИКА ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СЕГМЕНТЕ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Объектом исследования являются англоязычные интернет-мемы, транслирующие экологическую проблематику. Источником материала послужил сайт Reddit.com, который используется для распространения актуальных мемов в сети интернет. В статье характеризуется функции англоязычных экологических интернет-мемов, описывается их прагматическая составляющая, включающая визуальный шаблон и вербальный компонент; определяются релевантные вербальные и невербальные средства, обеспечивающие реализацию коммуникативных стратегий и тактик. На основе выделенных коммуникативных стратегий предлагается типология экологических интернет-мемов.

Ключевые слова: виртуальная коммуникация, экологическая коммуникация, экологические интернет-мемы, лингвопрагматика, коммуникативные стратегии, тактики, английский язык.

Pavlova E. B.Peoples Friendship University of Russia (RUDN University)
Moscow, Russian Federation

LINGUOPRAGMATICS OF ENVIRONMENTAL INTERNET MEMES IN ENGLISH-LANGUAGE ONLINE COMMUNICATION

The paper studies English-language Internet memes on environmental issues. The source of the material was the website Reddit.com, which is used to share current memes on the Internet. The paper characterizes the functions of English-language environmental Internet memes and describes their pragmatic component including a visual template and a verbal component; it also identifies relevant verbal and nonverbal means which ensure the implementation of communicative strategies and tactics. Based on the communicative strategies identified, it proposes a typology of environmental Internet memes.

Key words: virtual communication, environmental communication, environmental Internet memes, linguopragmatics, communicative strategies, tactics, English.

Введение

Процессы распространения и дифференциации социальных сетей сопровождаются структурными изменениями в общении: появляются новые возможности для коммуникативных действий, позволяющих использовать альтернативные публичные пространства и новые способы обмена информацией [Вешнякова, 2016; Канашина, 2018; Квят, 2013; Изгаршева, 2020; Ребрина, Шамне, 2022; Щурина, 2012; Zhang, Jichang, Ke, 2016; Shifman, 2014]. Эти изменения затрагивают различные формы частного и профессионального виртуального общения, в том числе и экологическую коммуникацию [Zhang, Pinto, 2021; Ross, Rivers, 2019]. Одним из активно развивающихся форматов экологического интернет-общения являются мемы, обладающие большим прагматическим потенциалом и ставшие уже фактом медийной коммуникации. Как и политические интернет-мемы, они выполняют мобилизационную функцию, способны формировать определенные взгляды у членов социальных сообществ. Наиболее существенное влияние на общественное мировое сознание оказывает экологическая коммуникация на английском языке. За короткий промежуток времени англоязычные экологические интернет-мемы становятся глобальными [Ross, Rivers, 2019, с. 976]. Этим объясняется актуальность изучения лингвопрагматики англоязычных интернет-мемов экологической тематики.

Экологические интернет-мемы как актуальный феномен англоязычной интернет-коммуникации: материалы и методы исследования

Интернет-мемы транслируют общественно значимые идеи, что позволяет рассматривать их как инструменты экологической коммуникации, обладающие сложной прагматической составляющей. Целью исследования является определение стратегемно-тактической организации текстов англоязычных

экологических интернет-мемов, обеспечивающей их прагматический потенциал. Для достижения поставленной цели были предприняты следующие шаги: охарактеризовать функции экологических интернет-мемов; выявить доминирующие коммуникативные стратегии и репрезентирующие их тактики, получающие вербальную и невербальную объективацию в текстах экологических интернет-мемов; установить релевантные языковые средства и охарактеризовать невербальный компонент (визуальный шаблон) мема; дифференцировать в зависимости от выявленных коммуникативных стратегий основные типы экологических интернет-мемов. Источником для отбора материала послужил сайт Reddit.com, который, представляя собой гибрид сайта и соцсети, позволяет пользователям загружать собственные видео и ссылки на сторонние сайты, обеспечивает возможность поиска по ключевым словам, имеет стандартный для социальных сетей инструментарий. По сути, Reddit.com представляет собой новую медиа-платформу, благодаря которой осуществляется организация, упаковка и распространение информации экологического содержания [Simon, Xenos, 2000, с. 363], а феномен интернет-мема превращается в значимый фактор, влияющий на новый экологический медиаландшафт.

Обработанные интернет-мемы анализировались с использованием лингвостилистического, лингвосомиотического методов, контент-анализа. Лингвопрагматика англоязычных интернет-мемов изучалась на основе разработанной ранее «лингвопрагматической модели экологического интернет-дискурса, включающей следующие компоненты: цель → интенция/коммуникативно-прагматические установки → стратегия → тактики» [Павлова, 2021, с. 62-63].

Воздействующий потенциал англоязычных экологических интернет-мемов рассматривался также с учетом типологии, предложенной в работах Н. А. Зиновьевой. Данная типология построена по принципу дихотомий: «источник мема (дихотомия – истина-ложь); объект реальности, требующий отражения (дихотомия – персонаж-событие/идея); апелляция к уровню включенности в культуру (дихотомия – традиция-инновация); смысловые доминанты (дихотомия – фон-фигура); форма отображения (дихотомия – изображение-текст); эффект воздействия (дихотомия – мысль или действие)» [Зиновьева, 2015, с. 197-200].

Результаты исследования и их обсуждение: специфика интернет-мема как актуального формата англоязычной экологической интернет-коммуникации

Интернет-мемы обладают способностью оперативно реагировать на текущие события, оказывать сильное эмоциональное воздействие на адресата, охватывать широкую аудиторию интернет-пользователей, активно распространяться в онлайн- и офлайн-пространстве транслируемые экологические взгляды, удовлетворяя потребность аудитории в зрелищности и творчестве. Все это обуславливает их превращение в популярный жанр экологического дискурса, представляющий собой продукт и новой сетевой смеховой культуры, и мобилизационных экологических PR-технологий. Экологические интернет-мемы предлагают современную оценку экологической проблематики через призму политики, экономики, психологии человека. Они обнаруживают некоторое сходство функций с политическими мемами. Например, как и в политической коммуникации, экологические интернет-мемы служат для формирования актуальной повестки дня (отражают реакции на последние экономические, акции экоактивистов); проблематизации фрагментов действительности (специально созданные (искусственные); интернет-мемы используются для акцентирования внимания аудитории на проблемах изменения климата, загрязнения пластиком океанов, обезлесения, утраты биоразнообразия и т.д.); выражения протеста против лицемерных действий крупных корпораций, государственных органов, псевдоэкоактивистов; высмеивания акций экоактивистов, навязчивости и бесполезности экопропаганды (самозарождающиеся (истинные) мемы) или дискредитации действий корпораций, государств, прикрывающихся заботой об экологии (искусственные интернет-мемы); пропаганды экологического сознания, стереотипов экологичного поведения (искусственные и истинные мемы). Перечисленный перечень функций экологических интернет-мемов следует, на наш взгляд, расширить функциями экологического просвещения и экологического воспитания. Как правило, эти функции характерны для искусственных интернет-мемов.

На основе осуществленного лингвостилистического, лингвосомиотического анализа, контент-анализа экологических интернет-мемов можно предложить следующую конкретизацию лингвопрагматической модели для данного сегмента виртуальной коммуникации.

Цель (зачем говорить?) – для поддержки и продвижения экологических идей / демонстрации скептического отношения к экологическим акциям → интенция (с каким намерением говорить?) – воздействовать на адресата / коммуникативно-прагматические установки: воздействовать на адресата (каким образом?) с помощью информирующе-акцентирующей (сообщить о проблеме, привлечь внимание к ней, поддержать идею устойчивого производства, заставить задуматься о масштабах экологических проблем); убеждающей (доказать необходимость защиты природы, опасность последствий экологических катастроф); рекреационной (развлечь аудиторию, высмеять бесполезность предпринимаемых действий); регулятивной (закрепить нужный стереотип поведения) установок → стратегии (за счет каких речевых действий?) – создания позитивного отношения к вопросам экологии, информирования, аргументирования, запугивания, создания комического эффекта, выработки стереотипа экологичного поведения → тактики (какими средствами?) вербальными, невербальными.

Рассмотрим некоторые типовые примеры, иллюстрирующие лингвопрагматику англоязычных экологических интернет-мемов.

В приведенном ниже интернет-меме, в котором использован известный визуальный шаблон «**Drakeposting**», объективируется интенция воздействия на адресата с целью одобрения экологических идей и конкретных экологических методов хозяйственной деятельности (рис. 1).

Рис. 1. Мем «Drakeposting» – «Избирательный Дрейк»

Исходный визуальный шаблон мема «**Drakeposting**», основу для него составили стоп-кадры из клипа с рэпером Дрейком, не подвергается изменению. На кадрах Дрейк в ярко-оранжевой куртке сначала эффектно отказывается от чего-то, а затем демонстрирует одобрительный жест. При рефрейминге трансформации подвергся вербальный компонент мема, уточняющий, что именно не поддерживает Дрейк (традиционные методы ведения сельского хозяйства) и что поддерживает (восстановительное земледелие). В данном случае информирующе-акцентирующая стратегия реализуется с помощью тактики привлечения внимания. В результате формируется новое ядро интернет-мема, включающее известный визуальный шаблон, новый вербальный компонент и новое обобщенное значение – поддержка идеи устойчивого производства. В соответствии с типологией, предложенной Н.А. Зиновьевой, рассматриваемый интернет-мем является истинным, представляет собой мем-инновацию, поскольку в нем использован прецедентный феномен – существующий актуальный мем. Использование образа узнаваемого мемного персонажа способствует усилению прагматического эффекта креолизованного текста и инициирует разделение пользователями выраженной в нем позиции. Тактика привлечения внимания реализуется за счет контраста между вербальными (использование стандартной специальной лексики) и невербальными средствами (образ известного рэпера). Вербальный и невербальный ряды дополняют друг друга: эллиптические синтаксические конструкции (*Supporting destructive "traditional" farming practices / Supporting regenerative farming practices*), обеспечивающие лаконизм подписей, легко восстанавливается с помощью визуальной составляющей мема.

Обратимся к рассмотрению интернет-мема, в котором реализована интенция воздействия на адресата с помощью стратегии аргументирования. Приведенный на рис. 2 мем «*Which of these is true about climate change?*» [Что из этого верно об изменении климата?] является искусственным, созданным специально для разъяснения правды об изменении климата. В данном меме в формате комикса приводятся эмоциональные доводы необходимости практических действий, направленных на предотвращение негативных последствий глобального потепления. Вербальный компонент содержит ряд аргументационных техник: начало оформлено риторическим вопросом *Which of these is true about climate change?*, привлекающим внимание адресата и побуждающим его задуматься над поставленной проблемой. В текстовой части мема использованы и другие экспрессивные синтаксические средства: антитеза, вопросно-ответные конструкции, приемы синтаксического параллелизма (анафора, эпифора). Завершается вербальный ряд призывом к действию.

Рис. 2. Мем «Which of these is true about climate change?» – «Что из этого верно об изменении климата?»

В данном меме визуальный ряд иллюстрирует, поддерживает вербальный ряд. Контрастная цветовая гамма рисунков маркирует климатических пессимистов фиолетовым цветом, а оптимистов – желтым; фразы-призыв размещена на красном фоне.

Приведем типовые примеры интернет-мемов, в которых объективируется интенция воздействия на адресата за счет стратегии запугивания, реализующейся тактикой негативного прогнозирования.

Рис. 3. Мем «Sarah Connor is on fire» – «Сара Коннор в огне»

Рис. 4. Мем «The Cat in the Hat» – «Кот в шляпе»

Визуальными шаблонами мемов являются кадры из фильмов «Terminator 2: Judgment Day» (1991 год, США) (рис. 3) и «The Cat in the Hat» (2003 год, США) (рис. 4), данные шаблоны не подвергаются трансформациям. Ядро анализируемых интернет-мемов конституирует новое обобщенное значение (изменение климата губительно для человечества) и устойчивый визуальный шаблон. Рассматриваемые мемы являются истинными, апеллирующими к известным современным художественным фильмам, со смысловой доминантой – событиям. Данные мемы интерпретируют одно и то же событие – разрушительные последствия климатических изменений. Прагматический потенциал мема «Sarah Connor is on fire» обеспечен прежде всего за счет апокалиптической картинки и обращен к так называемым климатическим скептикам, о чем свидетельствует надпись в верхней части мема «Climate change deniers». Вербальный компонент мема содержит риторический вопрос, побуждающий адресата (климатических скептиков) задуматься над негативными последствиями глобальных изменений климата и необходимостью конкретных действий для предотвращения катастрофы: *When it comes to climate change why are so many people still on the fence?* [Когда дело доходит до климатических изменений, почему так много людей выжидают?]. Экспрессивности высказыванию добавляет использование идиомы «on the fence». Прагматический эффект мема «The Cat in the Hat» создается преимущественно за счет акцента на вербальном компоненте, состоящим из двух высказываний: *A bright future for younger generations*; *Climate change and its effects likely causing mass extinction* [Светлое будущее для новых поколений. Климатические изменения и их последствия, которые, вероятно, приведут к массовому вымиранию]. Первая часть высказывания содержит иронию, созданную с помощью метафоры *a bright future*. Тактика негативного прогнозирования объективируется также терминологическим сочетанием «массовое вымирание». В целом в данном меме визуальный ряд подчинен вербальному и является его иллюстрацией.

В рамках стратегии создания комического эффекта реализуются тактики высмеивания акций экоактивистов, деятельности крупных корпораций, государств, несоответствия их заявлений и действий. Истинный мем «Экологические активисты» (рис. 5) имеет исходный визуальный шаблон на основе скриншота видеоролика «Surhead» (2017 г.). Данный шаблон не трансформировался. В процессе изменения ситуативной рамки в него были добавлены надписи: *Environment activists talking about climate change; Them using Yachts and airplanes* [Экологические активисты, когда говорят об изменении климата; Они же, когда

используют яхты и самолеты]. Комический эффект мема создается за счет резонанса вербального и невербального (иллюстрирующего) компонентов.

Стратегия создания комического эффекта реализуется в данном случае тактикой доведения ситуации до абсурда. Ложный мем «Just Stop Oil» (рис. 6) содержит оперативный эмоциональный отклик на недавнюю акцию экоактивистов климатической группы «Just Stop Oil», обливших томатным супом картину Винсента Ван Гога «Подсолнухи» в лондонской Национальной галерее. Шаблон мема состоит из четырех частей, каждая из которых имеет подписи. Последовательность расположения частей мема и сопровождающих их реплик иронично представляет доведенную до абсурда ситуацию, когда «Суп на Ван Гоге» останавливает добычу нефти и спасает мир от климатической катастрофы.

Рис. 5. Мем «Environment activists» – «Экологические активисты»

Рис. 6. Мем «Just Stop Oil» – «Просто покончите с нефтью»

Заключение

В ходе исследования англоязычных экологических интернет-мемов были выявлены следующие доминирующие стратегии: создания позитивного отношения к вопросам экологии, информирования, аргументирования, запугивания, создания комического эффекта. Стратегии создания позитивного отношения к вопросам экологии, информирования и аргументирования реализуются преимущественно посредством специально отобранных фактов и апелляции к этическим и эмоциональным доводам, элементами резонанса вербального и невербального ряда; стратегия запугивания объективируется как правило эмоциональными доводами, содержащими элемент угрозы, негативного прогнозирования; стратегия создания комического эффекта реализуется элементами языковой игры, резонанса / диссонанса фона, объекта, персонажа, вербального и невербального ряда, доведения ситуации до абсурда. В качестве визуального компонента как правило используются широко известные изображения-шаблоны, изображения узнаваемых мем-персонажей, кадры из известных кинофильмов, мультфильмов, видеонг, которые активно вовлекаются в рефрейминг, связанный с проблемами экологии. Визуальным шаблоном могут стать изображения фрагментов действительности (загрязненный пластиковыми бутылками океан), а также созданные изображения, как, например, горящая спичка «Climate Change», накатывающие волны «COVID 19», «Recession», «Climate Change», «Biodiversity Collapse».

Анализ прагматического потенциала англоязычных экологических интернет-мемов позволил выделить пять основных лингвопрагматических типов: информирующий, убеждающий, запугивающий, юмористический, иронически-скептический.

Полученные результаты исследования лингвопрагматики англоязычных экологических интернет-мемов дают возможность очертить контур развития данного явления и предоставляют дополнительный материал для анализа глобальной экологической интернет-коммуникации.

Литература

- Вешнякова А. В. Лингвокреативный аспект интернет-мемов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. 6 (4). С. 34-40.
- Зимовая М. В. Многозначность в терминологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2011.
- Зиновьева Н.А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195-201.
- Изаршова А. В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 5. С. 86-101. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-86-10>

- Канашина С. В. Интернет-мем и прецедентный феномен // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 122-126. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>
- Квят А.Г. Медиамем как инструмент политического PR: когнитивный подход // Медиаскоп. 2013. № 1. URL: <http://mediascope.ru/node/1254#24> (дата обращения: 16.07.2022).
- Павлова Е.Б. Лингвопрагматика экологического интернет-дискурса. Москва: РУДН, 2021. 104 с.
- Ребрина Л. Н., Шамне Н. Л. Интернет-мем как актуальный формат политической коммуникации Германии (на материале тематической группы «Олаф Шольц») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 38–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>
- Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161-173.
- Zhang B., Pinto J. Changing the World One Meme at a Time: The Effects of Climate Change Memes on Civic Engagement Intentions // Environmental Communication. 2021. № 15(6). P. 749-764.
- Ross A.S., Rivers D.J. Internet Memes, Media Frames, and the Conflicting Logics of Climate Change Discourse, Environmental Communication. 2019. № 13(7). P. 975-994, DOI: 10.1080/17524032.2018.156034
- Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge, MA. MIT Press. 2014. 200 pp.
- Simon A., Xenos M. Media Framing and Effective Public Deliberation // Political Communication. 2000. № 17. P. 363-376.
- Zhang L., Jichang Zh., Ke X. Who creates Trends in Online Social Media: The Crowd or Opinion Leaders? // Journal of Computer-Mediated Communication. 2016. 21(1). P. 1-16.

References

- Veshnjakova A. V. Lingvokreativnyj aspekt internet-memov (The linguistic and creative aspect of internet memes) // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2016. 6 (4). S. 34-40.
- Zimovaja M. V. Mnogoznachnost' v terminologii (Multiple meanings in terminology): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Orel, 2011.
- Zinov'eva N.A. Vozdejstvie memov na Internet-pol'zovatelej: tipologija Internet-memov (Impact of memes on internet users: typology of internet-memes) // Vestnik jekonomiki, prava i sociologii. 2015. № 1. S. 195-201.
- Izgarsheva A. V. Internet-mem kak mediatekst: lingvisticheskij aspekt (The internet meme as media text: linguistic aspect) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2020. № 5. S. 86-101. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2020-5-86-10>.
- Kanashina S. V. Internet-mem i precedentnyj fenomen (Internet meme and precedent phenomenon) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 4 (193). S. 122-126. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-4-122-127>.
- Kvjat A.G. Mediамем как инструмент политического PR: когнитивный подход (Media meme as a tool of political PR: a cognitive approach) // Медиаскоп. 2013. № 1. 3. URL: <http://mediascope.ru/node/1254#24> (date 16.07.2022).
- Pavlova E.B. Lingvopragmatika jekologicheskogo internet-diskursa (Linguopragmatics of environmental online discourse). Moskva: RUDN, 2021. 104 s.
- Rebrina L. N., Shamne N. L. Internet-mem kak aktual'nyj format politicheskoy kommunikacii Germanii (na materiale tematiceskoy grupy «Olaf Sholc») (Internet memes as a relevant format of political communication in Germany (the case of the thematic group “Olaf Scholz”)) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 38–58. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.4.3>
- Shhurina Ju. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii (Internet meme as a phenomenon of internet communication) // Nauchnyj dialog. 2012. № 3. S. 161-173.

Источники

- Reddit.com. URL: [reddit.com: search results - environmental memes](https://www.reddit.com/search/results?environmental+memes) (date 23.08.22).

Патракова О. Н.
БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ГЕНЕЗИС СЮЖЕТА О «СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

В статье рассматривается повествовательная структура сюжета о «Спящей красавице» в контексте истоков данного фольклорно-литературного нарратива, описываются и анализируются основные подходы к решению проблемы зарождения классического сюжета. Исходя из анализа ключевых теоретических концепций, выделяются две основные группы предпосылок возникновения сюжета: мифологическая и антропологическая. Во всех мифологических трактовках сюжета сон и пробуждение героини являются персонификацией смены лет, сезонов или дней, что основывается на связи сюжета с отражением мифологического представления о круговом времени. Второе объяснение происхождения сюжета лежит в иной плоскости и обусловлено антропологическими предпосылками. Родственность мотивов сна и смерти ложится в основу семантического и структурного ядра сюжета о «Спящей красавице», хранящего в сжатой форме отголоски древнейшего обряда инициации. Общей сутью обеих концепций является осмысление сказкой процессов умирания и воскресения, с тем отличием, что в первой группе эти процессы связываются с персонификацией природно-временных циклов, а во второй – со сменой функционального состояния человека при его переходе в иной социальный статус во время обряда инициации.

Ключевые слова: сюжет о Спящей красавице, фольклор, исторические корни, мотивы сна и смерти, инициация, мифология

Patrakova O.
Baltic State Technical University «Voenmeh» D.F. Ustinov
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

THE GENESIS OF THE TALE TYPE OF «SLEEPING BEAUTY» IN THE EUROPEAN FOLKLORE AND LITERARY TRADITION

The article examines the narrative structure of the plot “Sleeping Beauty” in the context of the origins of this folklore and literary narrative, describes and analyzes the main approaches to solving the problem of the origin of the classical plot. Based on the analysis of key theoretical concepts, two main groups of prerequisites for the emergence of the plot are distinguished, mythological and anthropological. In all mythological interpretations of the plot, the heroine’s dream and awakening are personifications of the change of years, seasons or days, which is based on the connection of the plot with the reflection of the mythological idea of circular time. The second explanation of the motives of sleep and death forms the basis of the semantic and structural core of the plot “Sleeping Beauty”, which stores in a compressed form the echoes of the ancient initiation rite. The common essence of both concepts is the comprehension of the processes of dying and resurrection by the fairy tale, with the difference that in the first group these processes are associated with the personification of natural-time cycles, and in the second – with the change of the functional state of a person during his transition to a different social status during the initiation rite.

Keywords: the tale type of Sleeping Beauty, folklore, historical roots, motifs of sleep and death, rite of initiation, mythology

Сюжет о «Спящей красавице» занимает особое место в европейской культурной традиции. Он так прочно укрепился в сознании читателей разных стран и эпох, что с течением времени стал осознаваться и восприниматься как своего рода культурная константа. Шарлотта Тренке в работе «Французская волшебная сказка: итальянские традиции и аристократические корни» отмечает, что «Спящая красавица», наряду с «Золушкой», является сказкой, вызывающей наибольшее восхищение читающей публики на протяжении многих веков, становясь, таким образом, частью мирового культурного наследия [Tinguet, 2012, p. 189]. Сюжет в целом или отдельные его фрагменты находят отражение не только в фольклорных сказках, но и в античных мифах, средневековых анонимных новеллах, а также в литературных сказках – жанре, который начинает активно развиваться в европейской литературе с конца XVII-ого века и остается востребованным в

наши дни. Кроме того, в современную эпоху известный нарратив выходит за рамки литературного медиума и получает все новые и новые интерпретации в разных видах искусства: театре, балете, кинематографе.

Несмотря на широкую известность и распространенность нарратива о «Спящей красавице» в различных культурных средах и медиумах, вопрос зарождения и развития исследуемой сказки в европейской фольклорной и литературной традициях остается актуальной литературоведческой проблемой.

Все трактовки происхождения нарратива могут быть сведены к двум основным подходам интерпретации сказочных текстов, сложившимся еще в конце XIX века. Так, М. Меньил отмечает, что сторонники школы «сравнительной мифологии» обращаются к поиску истоков ключевых мифов европейской культуры в письменных источниках, видят в сказках отголоски древних мифов, а ритуалы считают вторичным, иллюстрирующим миф, тогда как последователи «антропологической» школы «обращаются к устной культуре изолированных современных диких племен», рассматривая мифы в качестве более позднего приложения к ритуалам [Mesnil, 1988, p. 348].

Исходя из анализа ключевых теоретических концепций, можно выделить две группы основных предположений возникновения сюжета – мифологические и антропологические.

Мифологическая трактовка сюжета возникает на раннем этапе его исследования, уже авторы конца XIX ассоциируют образ Спящей красавицы с образом Персефоны, богини плодородия и царства мертвых, которая спускается в Аид осенью и весной и поднимается на Олимп весной и летом [Husson, 1874]. В данной концепции главная героиня сказки отождествляется с весной и солнечным светом, а ее сон – с наступлением зимы или ночи, которые аллегорично представлены в образе непроходимого волшебного леса

Такие исследователи как Л. Феликс-Фор-Гойо [Felix-Faure Goyau, 1910] и Ф. Деллэй также придерживаются «сезонной» теории в трактовке сюжета. К примеру, Ф. Деллэй считает символической не только фигуру Спящей красавицы, но и всех героев сказки: детей героини, Аврору и День, зарождающихся весной; злую королеву, которая стремится съесть детей, как ночь поглощает солнечный свет, но теряет свои силы с приближением весны; принца, вернувшегося, как летнее солнце, и установившего свои правила, не позволившего королеве победить героиню [Dillaue, 1885, p.212-213].

Большинство исследователей объединяют «солнечную» и «сезонную» теории при объяснении символов сказки, однако есть те, кто отвергает одну из них, полностью придерживаясь другой. К примеру Ш.-М. Плуа считает единственно верной интерпретацией «солнечную» теорию, связывая образ главной героини с персонафикацией зари, а изображение леса – с мраком ночи [Saintuyves, 1990, p.76].

П. Сентив, отмечая связь собственной теории с «сезонной» интерпретацией, ассоциирует образ героини с символикой нового года, а образ злой королевы – с уходящим годом. В качестве доказательства он приводит, к примеру, традиционный для сюжета запрет прядения, который связан с древним представлением о том, что пряжа – это нить судьбы, а прясть перед новым годом – означает препятствовать его приходу [Saintuyves, 1990, p.79]. Подобные идеи были распространены и в славянской мифологии: «Непрядильные» периоды года, как и запреты на прядение в определенные дни, дни пробуждения домашних или природных духов, высвечивали символику прялки как инструмента «творения» сверхъестественных существ, прядущих в запретное для людей время, а также глубинную связь прялки с культом предков» [Лашкина, 2009, с. 22].

Еще одним подтверждением теории П. Сентива может служить количество фей, приносящих свои дары на крестины Спящей красавицы. Традиционное для сюжета число 7, по мнению исследователя, связано с днями первой недели нового года, от которой зависит благополучное протекание всего года. Число 12, фигурирующее в некоторых версиях сказки (к примеру, в «Шиповнике» братьев Гримм), связано либо с двенадцатью месяцами, либо с двенадцатью днями от Рождества до праздника Богоявления [Saintuyves, 1990, p.84]. Что касается феи, приносящей несчастье, ее образ П. Сентив связывает с мифическим персонажем по имени Перхта (*Берхта, Берта*), женским божеством, символизирующим уходящий год: «Литургическая драма окончания старого и начала нового года обязательно приводит к борьбе двух мифических женщин, которые их символизируют, и в конечном итоге к триумфу юной принцессы», – отмечает исследователь [Saintuyves, 1990, p.84].

В мифологическом подходе Спящую красавицу сравнивают также с образами Эвридики, лесной нимфы, попавшей в царство мертвых из-за укуса змеи, и Брюнхильды, героини скандинавской мифологии, усыпленной за неповиновение шипом сна и пробужденной воином Зигфридом. Данные интерпретации основываются, по-видимому, на общем элементе укола, сближающем сказку и упомянутые мифы.

Приведенные мифологические интерпретации сюжета разнятся в описании происхождения тех или иных символов и персонажей, однако все они могут быть объединены их связью с мифологическим представлением о круговом времени, в котором день сменяет ночь, весна зиму, а на смену старому году приходит год новый. Исследуемый сюжет, таким образом, является конструктором, осмысляющим и персонафицирующим движение времени.

Второе объяснение происхождения сюжета обусловлено предпосылками иного характера и связано с антропологическими исследованиями древних ритуалов. В основу семантического и структурного ядра сказки ложатся отголоски обряда инициации или посвящения: «Что такое посвящение? Это — один из институтов, свойственных родовому строю. Обряд этот совершался при наступлении половой зрелости. Этим обрядом юноша вводился в родовое объединение, становился полноправным членом его и приобретал право вступления в брак. <...> Предполагалось, что мальчик во время обряда умирал и затем вновь

воскресал уже новым человеком. Это — так называемая временная смерть» [Пропп, 2000, с. 56]. Применительно к описанию обряда в ритуальной архаической традиции В.Я. Пропп пишет о посвящении мальчика, юноши, но рассуждая о формах отражения данного обряда в сказке, исследователь отмечает, что фольклор часто тяготеет к передаче специфически женских форм временной смерти. Для героини «именно момент ухода из дома ради брака и вызывал необходимость посвящения, т. е. умирания и воскресения», — подчеркивает исследователь [Пропп, 2000, с.103].

Опираясь на ряд исследований, описывающих ритуал инициации,¹ рассмотрим, какие элементы сказочного нарратива о Спящей красавице являются отголосками данного обряда.

Мотивы, связанные с наступлением половой зрелости и получением права вступления в брак, встречаются во всех известных фольклорных и литературных версиях сказки о «Спящей красавице». Некоторые исследователи отождествляют с инициацией уже сам момент укола веретеном [Bettelheim, 1976, p. 341], хотя более обоснованной, на наш взгляд, является инициация во время сна, поскольку именно проснувшись, героиня обретает жениха и в дальнейшем вступает в брак. Самые ранние версии сказки напрямую указывают на половой акт, происходящий во время сна героини, но со временем это указание перестает фигурировать в текстах и устных сказаниях, постепенно трансформируясь в «поцелуй любви».

Сказка сохраняет не только свидетельство самого обряда инициации, но и указание на способы погружения посвящаемого в состояние временной смерти. К примеру, В.Я. Пропп приводит обобщенную классификацию ритуальных предметов, используемых в обряде, среди которых «предметы, вводимые под кожу: иголки, шпы, занозы», «средства, вводимые внутрь» и «предметы, которые надеваются» [Пропп, 2000, с. 103]. Все три группы предметов встречаются в различных вариациях исследуемого сюжета.

В сюжетном типе № 709 о «Мертвой царевне», который является родственным сюжету о «Спящей красавице», а некоторыми исследователями признается вариацией последнего, отголоски ритуала сохраняются также в символических значениях цветов, описывающих облик героини. Королева-мать из сказки, записанной братьями Grimm, загадывает: «Ах, если бы у меня родился ребёночек, белый как снег, румяный как кровь и чёрный как чёрное дерево» (« Hätt' ich ein Kind, so weiß wie Schnee, so rot wie Blut und so schwarz wie das Holz an dem Rahmen ! ») [Grimm, 2017, p. 35]. Царевна в сказке Пушкина «белолица, чернобрава», «всех румяней и белее» [Пушкин, 1960, с. 345]. Триптих цветов, белого, черного и красного, напрямую связан с инициатическим содержанием сюжета.

Так, Ю. Вебстер пишет об особой роли белого как цвета мертвых в обряде инициации, отмечая, что все ритуальные действия были направлены на то, чтобы подчеркнуть статус посвящаемого как временно умершего [Webster, 1908, p. 44]. Черный цвет имеет схожее значение в обрядах инициации. Опираясь на исследования Р. Кодрингтона [Codrington¹⁸⁹¹] и Л. Фробениуса [Frobenius, 1904], В.Я. Пропп описывает значения черного и белого цветов следующим образом: «Посвящаемый не только не умывался, но обмазывался золой. Это обмазывание очень существенно: неумывание связано с обмазыванием или сажей или глиной, т. е. собственно с окраской в черный или белый цвет» [Пропп, 2000, с.110]. Из данного описания заметна связь исследуемого сюжета с сюжетом о «Золушке», в центре которого также находится ритуал инициации, только выраженный в иной форме. Что же касается символического значения красного цвета, то он, по всей видимости, уже ввиду его соотнесенности с мотивом крови и румянца, символизирует пробуждение, оживание, что формируется в рамках сюжета ключевую для большинства фольклорных мотивов оппозицию жизни и смерти.

Само попадание героини в лес, неизменно присутствующее во всех вариантах сказок о «Спящей красавице», также свидетельствует о ритуальном происхождении сюжета. В картине мира первобытного человека лес имел особое значение и осознавался как переходное место на границе двух миров, мира живых и мира мертвых.² Героиня сказки во время инициации не является ни живой, ни мертвой, находится в состоянии сна или временной смерти. Этнолог-фольклорист А. ван Геннеп подчеркивает, что в некоторых из обрядов сон воспринимается как временная смерть и связывается с идеей о перемещении души [Геннеп, 1999, с. 166], что позволяет говорить о своего рода «инициации сном», когда посвящаемый погружается в сон, а просыпается в новом статусе.

Таким образом, как следы древнейшего ритуала инициации, так и отголоски мифологических представлений о круговом времени находят свое отражение в сказочном сюжете о «Спящей красавице». На наш взгляд, данные подходы к истолкованию происхождения фольклорного нарратива не противоречат друг другу, а мотивы сна и смерти, тесно связанные в культурной традиции со времен античности, оказываются неотделимыми и в рамках исследуемого сюжета, составляя его мифологическое и инициатическое ядро. В

¹ См., к примеру: *Аранович С.З.* Цикл лекций для психологов о сказках, мифах и ритуалах в народной традиции. [Электронный ресурс] URL: <https://philologist.livejournal.com/10134860.html> (дата обращения 21.10.2022); *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Москва: Лабиринт, 2000; *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928; *Пропп В.Я.* Русская сказка. Москва: Лабиринт, 2000; *Codrington R.H.* The Melanesians: Studies in their Anthropology and Folk Lore. Oxford: Clarendon Press, 1891; *Cumont F.* Lux perpetua. Paris: Librairie orientale de Paul Geuthner, 1949; *Hutton Webster D.* Primitive Secret Societies. New York: The Macmillan Company, 1908; *Львине С.Я.* Дом в лесу // Язык и литература. Т. 8. Л., 1932. С. 159-194; *Геннеп А., ван.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература РАН, 1999.

² См., к примеру: *Аранович С.З.* Цикл лекций для психологов о сказках, мифах и ритуалах в народной традиции. [Электронный ресурс] URL: <https://philologist.livejournal.com/10134860.html> (дата обращения 21.10.2022).

основу сюжета ложатся элементы, вытекающие из двух основных групп предпосылок его происхождения, общей сутью которых является осмысление процессов умирания и воскрешения, с тем отличием, что в первой группе эти процессы связываются с персонификацией природно-временных циклов, со сменой календарных дней, времен года и лет, а во второй – с изменением социального статуса участника обряда инициации. С течением времени нарратив значительно трансформируется, постепенно забываются архаичные символы, утрачиваются изначальные мотивировки, им на смену приходят более поздние смысловые наслоения, однако ядро сюжета остается неизменным и по-прежнему содержит в своей основе отголоски древних мифов и ритуалов.

Литература

- Bettelheim B. *Psychanalyse des contes de fées* / Trad. de Théo Carlier. Paris: Pocket, 1976.
- Codrington R. H. *The Melanesians: Studies in their Anthropology and Folk Lore*. Oxford: Clarendon Press, 1891.
- Cumont F. *Lux perpetua*. Paris: Librairie orientaliste de Paul Geuthner, 1949.
- Dillaye F. *Contes de Ch. Perrault avec notices*. Paris: Lemerre, 1885.
- Félix-Faure Goyau L. *Vie et la mort des fées, essai d'histoire littéraire*. Paris: Librairie Académique, 1910.
- Frobenius L. *Das Zeitalter des Sonnengottes*. Berlin: De Gruyter, 1904.
- Grimm J., Grimm W. *Kinder- und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm (Contes pour les enfants et la maison de Jakob et Wilhelm Grimm)* / Trad. par Natacha Rimasson-Fertin. Paris: Collection Merveilleux, 2017.
- Husson H. *La chaîne traditionnelle : contes et légendes au point de vue mythique*. A. Franck, 1874.
- Mesnil M. *Saintyves et les contes : A la recherche d'un contexte perdu* // *Ethnologie française*. Vol. 18. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. P. 348-357.
- Saintyves P. *Les contes de Perrault et les récits parallèles : leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires)*. Genève-Paris: Slatkine Reprints, 1990.
- Trinquet Ch. *Le conte de fées français (1690-1700) : Traditions italiennes et origines aristocratiques*. Tübingen: Narr Verlag, 2012.
- Webster H. *Primitive Secret Societies*. New York: The Macmillan Company, 1908.
- Агранович С.З. Цикл лекций для психологов о сказках, мифах и ритуалах в народной традиции. [Электронный ресурс] URL: <https://philologist.livejournal.com/10134860.html> (дата обращения 21.10.2022).
- Геннеп А., ван. *Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов*. М.: Восточная литература РАН, 1999.
- Лашкина Ю.В. *Семантика прялки в русской традиционной культуре. Диссертация кандидата культурологических наук*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2009.
- Лурье С.Я. *Дом в лесу* // *Язык и литература*. Т. 8. Л., 1932. С. 159-194.
- Пропф В. Я. *Морфология сказки*. Л.: Academia, 1928.
- Пропф В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. М.: Лабиринт, 2000.
- Пушкин А.С. *Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях* // *Собрание сочинений в 10 томах. Том III*. М.: Гослитиздат, 1960. С. 344-358.

References

- Agranovich S.Z. *Cikl lekcij dlya psihologov o skazkah, mifah i ritualah v narodnoj tradicii (A series of lectures for psychologists about fairy tales, myths and rituals in the folk tradition)*. URL: <https://philologist.livejournal.com/10134860.html> (21.10.2022). (in Russian)
- Bettelheim B. (1976) *Psychanalyse des contes de fées* / Trad. de Théo Carlier. Paris: Pocket.
- Codrington R. H. (1891) *The Melanesians: Studies in their Anthropology and Folk Lore*. Oxford: Clarendon Press.
- Cumont F. (1949) *Lux perpetua*. Paris: Librairie orientaliste de Paul Geuthner.
- Dillaye F. (1885) *Contes de Ch. Perrault avec notices*. Paris: Lemerre.
- Félix-Faure Goyau L. (1910) *Vie et la mort des fées, essai d'histoire littéraire*. Paris: Librairie Académique.
- Frobenius L. (1904) *Das Zeitalter des Sonnengottes*. Berlin: De Gruyter.
- Gennep A., van. (1999) *Obyrady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obyadov (Rites of passage. Systematic study of rituals)*. М.: Vostochnaya literatura RAN. (in Russian)
- Grimm J., Grimm W. (2017) *Kinder- und Hausmärchen. Gesammelt durch die Brüder Grimm (Contes pour les enfants et la maison de Jakob et Wilhelm Grimm)* / Trad. par Natacha Rimasson-Fertin. Paris: Collection Merveilleux.
- Husson H. (1874) *La chaîne traditionnelle : contes et légendes au point de vue mythique*. A. Franck.
- Lashkina Yu.V. (2009) *Semantika pryalki v russkoj tradicionnoj kul'ture (Semantics of the spinning wheel in Russian traditional culture. Dissertation of the Candidate of Cultural Sciences)*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet kul'tury i iskusstv. (in Russian)
- Lur'e S.Ya. (1932) *Dom v lesu (House in the forest)* // *Yazyk i literatura (Language and literature)*. Т. 8. Leningrad. P. 159-194. (in Russian)

- Mesnil M. (1998) Saintyves et les contes : A la recherche d'un contexte perdu // Ethnologie française. Vol. 18. Paris: Presses Universitaires de France. P. 348-357.
- Poushkin A.S. (1960) Skazka o mertvoj carevne i o semi bogatyryah (The tale of the dead Princess and the Seven Heroes) // Sobranie sochinenij v 10 tomah (Collected works in 10 volumes). T. III. M.: Goslitizdat. P. 344-358. (in Russian)
- Propp V. Ya. (1928) Morfologiya Skazki (Morphology of the fairy tale). Leningrad: Academia. (in Russian)
- Propp V. Ya. (2000) Istoricheskie Korni Volshebnoj Skazki (The Historical Roots Of The Fairy Tale). M.: Labirint. (in Russian)
- Saintyves P. (1990) Les contes de Perrault et les récits parallèles : leurs origines (coutumes primitives et liturgies populaires). Genève-Paris: Slatkine Reprints.
- Trinquet Ch. (2012) Le conte de fées français (1690-1700) : Traditions italiennes et origines aristocratiques. Tübingen: Narr Verlag.
- Webster H. (1908) Primitive Secret Societies. New York: The Macmillan Company.

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ КАК МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ПОЛИСЕМИИ НА БАЗЕ КОМПЛЕКСНОГО ЗНАКА (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируются модели метафоризации, актуализирующиеся при развитии полисемии производным словом. Указывается на связь между выбором семантического признака-основы модели семантической деривации и типом концептуальной и, соответственно, семантической интеграции компонентов комплексного знака.

Ключевые слова: комплексный знак, метафоризация, концептуальная интеграция, ядерная сема модели семантической деривации, когнитивное моделирование.

Polyanchuk O. B.
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

FEATURES OF METAPHORIZATION AS A MECHANISM OF POLYSEMY DEVELOPMENT ON THE BASIS OF A COMPLEX SIGN (ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

The article analyzes the models of metaphORIZATION, which become actual with the development of polysemy by a derivative word. It is pointed out the connection between the choice of a semantic feature-basis of the semantic derivation model and the type of conceptual and, respectively, semantic integration of the complex sign components.

Key words: complex sign, metaphORIZATION, conceptual integration, nuclear seme of the semantic derivation model, cognitive modelling.

Процесс вторичной метафорической номинации как отражение образной картины мира является объектом разносторонних исследований: ученых привлекает как когнитивный, так и семантический аспект данного явления, которое проявляется как в языке, так и в речи. Метафора является не только способом организации знания говорящего о мире, но и механизмом формирования новых концептов, что, в свою очередь, обуславливает создание новых значений слова. В настоящей статье метафоризация рассматривается как механизм развития полисемии, как один из способов структурной организации модели семантической деривации на основе производного слова.

Процесс развития полисемии (семантическая деривация) имеет свои закономерности. Каждое новое значение появляется в соответствии с определенным правилом, регламентирующим отношения между исходным и производным значениями. [Полянчук, 2008, с.40]. Подход к семантической деривации с таких позиций позволяет дать системное описание явления многозначности. На наличие закономерностей во взаимоотношениях между исходным и производным значением указывал Д.Н. Шмелев, отмечая, что во многих случаях они лишь формально отличаются от отношений между словообразовательными формантами. По мнению Д.Н. Шмелева, при развитии многозначности происходит не только изменение значения слова, но и реализация определенной семантической формулы или модели семантической деривации. [Шмелев, 2006]. Таким образом, регулярная полисемия связана с понятием модели.

Говоря о моделировании, мы подразумеваем как словообразовательное, так и семантическое моделирование, которые невозможны без концептуальной интеграции, представляющей собой в описываемом случае слияние чаще всего двух ментальных пространств. Другими словами, концепты находятся в состоянии постоянного взаимодействия, которое осуществляется по определенным правилам, свидетельствующим о системной организации концептосферы, о наличии своего рода закономерностей, которые находят свое отражение в языке в процессе вербализации. Концептосфера структурируется с помощью различных когнитивных моделей: образно-схематических, пропозициональных, метафорических, метонимических и других [Полянчук, 2008]. Таким образом, языковые или речевые единицы, возникающие при трансформации, дают возможность вторично вербализовать уже существующие в сознании человека понятия или концепты, что дает основание говорить о вторичной репрезентации концептов как особом типе

представления знаний, в основе которого лежит единый когнитивный механизм. Такой когнитивный механизм получил название механизма концептуальной деривации, а сама схема, согласно которой «работает» данный механизм, – модели концептуальной деривации [Болдырев, 2001, с.79].

На наш взгляд, поиск закономерностей концептуального и, соответственно, семантического характера объясняет не только особенности перегруппировки семем при развитии полисемии, но и указывает на тип композиционной семантики исходной единицы, если такая является комплексным знаком (далее КЗ), в частности, фразеологической единицей либо производным словом.

В данном исследовании мы предпринимаем попытку анализа соотношения когнитивных, формальных и семантических характеристик французского производного слова, развивающего полисемию. В частности, для нас представляет интерес динамический аспект исследования, а именно, Объектом исследования являются французские префиксальные КЗ с приставками со значением привативности, обратного действия, помещения внутрь, системные связи, возникающие при интеграции словообразовательных формантов и их влияние на выбор признака вторичной метафорической номинации при развитии полисемии, а также суффиксальные производные, включающие суффиксы агента действия и уменьшительного значения. Нам интересно, какой именно семантический признак становится ядерной семой модели семантической деривации, механизмом которой является метафора. Особенно важным является установить, с каким компонентом словообразовательной структуры исходной единицы соотносится такой признак. Также оказывается необходимым указать на роль импликационального компонента в процессе прототипического моделирования.

Как показало исследование, КЗ может развивать полисемию двумя путями:

1. При одновременности процесса словообразовательной и семантической деривации.
2. При наличии только семантической деривации на базе уже сформированного КЗ.

В рамках данной статьи нас интересует второе направление анализа. Остановимся кратко на описании базовых характеристик исходной единицы. В данном случае речь идет о моносемичной семеме, которая всегда потенциально «готова» к дальнейшему семантическому развитию, заключая в себе импликациональные компоненты. О.П. Ермакова указывает, что даже семема, обладающая четко выраженными словообразовательными параметрами, предполагает наличие слабой идиоматичности. [Ермакова, 1977]. Говоря о словообразовательных параметрах, мы имеем в виду полную словообразовательную мотивацию, четкую членимость по словообразовательной модели, слабую идиоматичность и эксплицитное словообразовательное значение. Релевантность любого уровня выраженности таких параметров определяется по методу представления словообразовательной структуры производного слова через его развернутую дефиницию и поиск в ней синтаксических позиций коррелятов словообразовательных формантов, предложенному Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 1976]. Именно этот метод позволяет с высокой долей объективности оценить степень выраженности указанных параметров. Например, производное слово *dégraïsser* «обезжирить» имеет деривационное сочетание *éloigner la graïsse* «удалить жир», в котором главные члены полностью соответствуют словообразовательным формантам; что касается производного значения глагола *décoiffer* «растрепать» (исходное значение), который в производном значении означает *déconcerter* «ошеломить», то в соответствующем ему деривационном сочетании *déconcerter comme si on faisait perdre la coiffure* корреляты префикса и производящей основы занимают синтаксические позиции второстепенных членов, находящихся в придаточном предложении, что свидетельствует об утрате словообразовательной мотивации и словообразовательного значения.

В предыдущих исследованиях нами было доказано, что процесс развития полисемии на базе КЗ имеет свой формальный и семантический аспект. Под формальным аспектом мы подразумеваем локальную соотнесенность ядерной семы модели семантической деривации, которая предполагает два варианта [Поляничук, 2008]:

1. Может соответствовать производящей основе.
2. Может являться результатом переосмысления семантики аффикса и производящей основы.

В первом случае (тип 1) наблюдается относительно расчлененное восприятие семантики КЗ: Префикс сохраняет свою регулярную семантику, а метафоризация происходит на базе производящей основы. Например, глагол *démonétiser* в исходном ЛСВ означает «лишить денег», а в производном – «лишить ценности». В данном случае мы имеем дело с частичной словообразовательной мотивацией, условной словообразовательной членимостью 1 степени [Кубрякова, 1974], словообразовательным значением, представленном в измененном виде «лишить похожее на обозначенное производящей основой».

Во втором случае (тип 2) метафоризация затрагивает ядерную сему модели семантической деривации, являющуюся результатом переосмысления семантики словообразовательных элементов. Например, глагол *démâsquier* в исходном ЛСВ означает «снять маску», а в ЛСВ2 «обнаружить» (результат действия снятия маски). В данном случае речь идет о затемненной словообразовательной мотивации, имплицитном словообразовательном значении.

Безусловно, в перечисленных случаях мы имеем дело с разными моделями концептуальной интеграции, точнее, с разными степенями концептуальной и являющейся ее следствием семантической интеграции.

Под семантическим аспектом исследования мы понимаем тип семантического нарушения (иначе – семантический тип ядерной семы), который актуализируется в каждом конкретном случае.

Проведенное в таком направлении исследование показало, что существует четкая корреляция между формальным и семантическим механизмом концептуальной и семантической деривации на базе комплексного знака. Приведем примеры видов метафоризации для типа I и типа 2.

Тип 1. Семантические нарушения (СН), которые служат основой метафоризации для КЗ типа 1, демонстрируют определенное разнообразие. Тем не менее, отражая абсолютные признаки концепта, они оказываются достаточно типизированными. Под абсолютными признаками подразумевается регулярная, обобщенная, типизированная семантика. На основе концептуального и компонентного анализа выявлено пять разновидностей: СН, отражающие функцию, выполняемую производящей основой, ее свойство, ее местонахождение, сходство по форме и способ действия. Все эти признаки расположены вблизи ядра, соответствующего концепта, и, следовательно, релевантны для всех членов данной языковой общности, не отличаясь индивидуализированной семантикой.

Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих разные типы СН.

1. Метафорическая модель **объект** → **функция объекта**. Например, *désaxer* имеет два значения: 1. *Ecarter, sortir de l'axe* – «сместить ось» (т. е. «удалить ось»); 2. *Faire sortir de l'état normal, habituel* – «выбить из колеи», «вывести из нормального, привычного состояния» («удалить» от нормального состояния), (30 %).

Глагол *enrober*, построенный по модели (**en** + N)N означает: 1 (этим. знач. 12 в.) *Vêtir* – «одеть», т. е., «надеть платье»; 2. *Entourer (une marchandise, un produit) d'une enveloppe ou d'une couche protectrice* – «завернуть товар в обертку или защитную упаковку».

2. Метафорическая модель **объект** → **свойство объекта**. Например, глагол *délarder* означает: 1. *Enlever le lard de (un porc)* – «срезать сало со свиной туши», т. е. «удалить сало»; 2. *Diminuer l'épaisseur de* – «уменьшить толщину чего-либо» (30%).

3. Метафорическая модель **объект** → **местонахождение объекта**. Например, глагол *découronner* означает: 1. «Снять корону»; 2. «Снять верхнюю часть». В этом глаголе производное значение развивается за счет актуализации потенциальной семы исходного значения – «место, где находится корона» – «верхняя часть, голова» (5%).

4. Метафорическая модель **действие** → **способ действия**. Например, существительное *badigeonneur*, построенное по модели (V + **eur**)N, имеет следующие ЛСВ: 1. *Ouvrier qui badigeonne* – «маляр, т. е. рабочий, который красит»; 2. *Mauvais peintre* – «плохой художник, т. е. человек, который плохо рисует (как если бы он не рисовал, а красил, мазал кистью)» (15%).

5. Метафорическая модель **объект** → **объект, похожий по форме** (20%). Данный признак характерен для КЗ, построенных по моделям (N1 + **on**)N2 (или другой уменьшительный суффикс) и (**en** + N)V. Например, существительное *barbillon* имеет два ЛСВ: 1. *Filament charnu aux bords de la bouche de certains poissons* – «вырост на губе некоторых рыб», т. е. «бородка»; 2. *Petite pointe (d'un hameçon, d'une flèche) qui empêche la prise de l'échapper* – «небольшой наконечник (рыболовного крючка, стрелы), который позволяет не упустить добычу». Признак «сходство с бородой по форме (выпуклая, острая и т. п.)» оказывается ядерной семой модели семантической деривации.

Тип 2. Семантические нарушения, лежащие в основе процесса метафоризации по типу 2, в основном представляют собой результат действия (реже – способ действия), реализации качества и т.п. Главное, что объединяет все примеры такого типа, это то, что формальная составляющая данного процесса (сема-основа метафорического переноса лежит за пределами словообразовательной структуры, не соотносясь ни с аффиксом, ни с производящей основой) способствует актуализации такого семантического нарушения, как результат или способ. Другими словами, высокая степень концептуальной и, соответственно, семантической интеграции и определяет выбор такого семантического нарушения при метафоризации. Приведем несколько примеров префиксальных КЗ, развивающих полисемию.

Глагол *dépoussiérer* – означает 1. *Enlever la poussière* – «очистить от пыли» (т. е. «удалить пыль»); 2. *Rafrâchir, renouveler les connaissances* – «обновить, освежить свои знания». Семантическое нарушение представлено как положительный результат (высвобождение).

Глагол *déplier* означает: 1. *Etendre ce qui était plié* – «развернуть то, что было свернуто»; 2. *Sortir, étaler pour le montrer* – «вынуть» (с целью показать). Семантическим нарушением в данном случае является результат, который представлен как «доступность взгляду».

Глагол *démarrer* означает: 1. *Larguer les amarres d'un navire* – «отдать швартовы»; 2. *Mettre en marche, en mouvement* – «привести в движение». Семантическое нарушение-основа метафорического переноса представлено результатом «начало движения».

Глагол *désaltérer* означает: 1. *Apaiser la soif* – «утолить жажду»; 2. *Soulager* – «успокоить». В данном случае при метафоризации актуализируется семантический компонент, связанный с результатом «физическое либо психическое состояние».

Глагол *décrocher* имеет следующие значения: 1. *Décrocher une chose qui était accrochée* – «снять с крюка» (то, что на нем висело); 3. *Rompre le contact* – «прервать контакт». Семантическое нарушение выглядит как прекращение действия.

Глагол *envénimer* имеет следующие ЛСВ: 1. *Imprégné de venin* – «вести яд»; 2. *Rendre plus virulent, plus pénible* – «сделать более сложным, тяжелым». Семантическое нарушение при метафоризации отражает «отрицательное качество».

Что касается суффиксальных производных слов, то в данном случае мы имеем дело с семантическим нарушением «отрицательный или положительный признак», например: Существительное *collégien* означает: 1. *Elève d'un collège* – «ученик колледжа»; 2. *Jeune homme sans expérience* – «молодой человек, не имеющий опыта». Семой-основой метафорического переноса является компонент, отражающий признак, характерный для ученика колледжа – молодость и неопытность.

Существительное *moucheron* имеет следующие ЛСВ: 1. *Insecte volant de petite taille, petite mouche* – «маленькое летающее насекомое, маленькая муха»; 3. *Espion, personne abusive* – «шпion, назойливый человек». СН - основа метафорического переноса – признак, отражающий отрицательное свойство мелкой мошарки, ее назойливость.

Список таких семантических нарушений на базе суффиксальных производных достаточно широк и представляет собой набор нетипичных, индивидуализированных признаков (неопытность, назойливость, глупость, слабость, недоверчивость и т.п.). Что касается префиксации, то также можно утверждать, что процесс метафоризации, проходящий по типу 2, предполагает целый спектр разнообразных результатов (высвобождение, доступность взгляду, начало движение, прекращение движения, приобретение определенного физического / психического состояния). Следовательно, мы можем сделать вывод о нетипичности, индивидуальности семантических нарушений в случае метафоризации типа 2, в то время как в случае развития полисемии по типу 1 речь идет о стандартном наборе признаков.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Семантический аспект процесса развития полисемии на базе комплексного знака, в частности, его механизм, представленный метафоризацией, находится в тесной связи с формальным аспектом данного процесса: модели метафоризации по своему содержанию определяются локальной соотносительностью ядерной семы модели семантической деривации.
2. Степень концептуальной интеграции составляющих комплексного знака и связанная с ней ориентация процесса развития полисемии по типу 1 или 2 определяет характер семы-основы метафорического переноса. В частности, при частичной идиоматичности комплексного знака (тип 1) в процессе метафоризации актуализируются системные, типовые признаки, а при высокой идиоматичности – индивидуализированные.
3. В случае типа 1 и типа 2 при метафоризации на базе комплексного знака эксплицируются разные наборы признаков: в первом случае – свойство объекта, функция, сходство по форме, местонахождение, во втором – результат, представленный разнообразными семантическими признаками (высвобождение, физическая или психическая характеристика, начало или окончание действия и т.п.)
4. При развитии полисемии по типу 2 отчетливо прослеживается дифференциация метафорических признаков для префиксальных и суффиксальных производных слов. В первом случае речь идет о результате, во втором – о характеристике объекта.

Итак, метафорические процессы, характеризующие развитие полисемии на базе комплексного знака, с одной стороны, отличаются своей спецификой, объясняющейся законами концептуальной интеграции, с другой стороны – являются отражением системных закономерностей данного процесса.

Литература

- Болдырев Н.Н., Л.В. Бабина. Вторичная репрезентация как особый тип представлений знаний в языке // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 2001. – № 4. – С. 79-86.
- Ермакова О.П. Проблемы лексической семантики производных слов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук – М., 1977. – 36 с.
- Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа. – М. : Наука, 1974. – 319 с.
- Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степени мотивированности производных слов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1976. – Ч. 2. – С. 285-292.
- Поляничук О.В. Динамические аспекты анализа производного слова. Воронеж, ИПЦ ВГУ, 2008, -99с.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М. : Дом книги, 2006. – 280 с.

References

- Boldyrev N.N., L.V. Babina. Vtorichnaya reprezentaciya kak osobyy`j tip predstavlenij znanij v yazy`ke // Nauch. dokl. vyssh. shk. Filol. nauki. – 2001. – № 4. – S. 79-86.
- Ermakova O.P. Problemy` leksicheskoj semantiki proizvodny`x slov : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk – M., 1977. – 36 s.
- Kubryakova E.S. Osnovy` morfologicheskogo analiza. – M. : Nauka, 1974. – 319 s.
- Kubryakova E.S. Teoriya motivacii i opredelenie stepeni motivirovannosti proizvodny`x slov // Aktual`ny`e problemy` russkogo slovoobrazovaniya. – Tashkent, 1976. – Ch. 2. – S. 285-292.
- Polyanchuk O.V. Dinamicheskie aspekty` analiza proizvodnogo slova. Voronezh, IPCz VGU, 2008, -99s.
- Shmelev D.N. Problemy` semanticheskogo analiza leksiki. – M. : Dom knigi, 2006. – 280 s.

Пригожина К. Б., Муратова О. А., Столярова Е. В., Федотова М. Г.
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация

СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЦИАЛЬНО- ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

Социально-образовательная коммуникативная среда, создаваемая в вузах под воздействием парадигмальных сдвигов в различных сферах, вскрывает необходимость внедрения стратегий организации межличностного и межкультурного общения участников. Определение характерных черт данной среды, выделение факторов и условий эффективности взаимодействия в ней являются ключевыми условиями для успешного выбора и реализации данных стратегий с помощью современных образовательных онлайн-ресурсов.

Ключевые слова: социально-образовательная среда, межкультурное взаимодействие, онлайн-ресурсы, критическое мышление, межличностное взаимодействие

Prigozhina K. B., Muratova O. A., Stolyarova E. V., Fedotova M. G.
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

STRATEGIES FOR PROMOTING INTERPERSONAL AND INTERCULTURAL INTERACTION IN SOCIAL LEARNING ENVIRONMENT AT TERTIARY LEVEL

Social learning communicative environment created in universities with paradigm shifts in various fields requires developing and implementing strategies for interpersonal and intercultural interaction. Determining the features of this environment, highlighting factors and conditions for effective interpersonal and intercultural communication, as well as classifying and selecting educational online resources are the key prerequisites for a successful choice of strategies contributing to efficient interaction in this environment.

Keywords: social learning environment (SLE), intercultural communication, digital teaching resources, critical thinking, interpersonal communication

Современное информационно-коммуникативное, информационно-технологическое и социально-экономическое пространство характеризуется трансформационным переходом от таких парадигмальных черт, как “устойчивое, предсказуемое, простое, определенное” (SPOD) к энтропии, порождающей “нестабильность/хрупкость, неопределенность/тревожность, сложность/нелинейность, неоднозначность/непостижимость” (VUCA/BANI). Коммуникативно-прагматические ситуации межличностного и межкультурного взаимодействия в таких условиях становятся менее предсказуемыми, что влияет на адекватность выбора и адаптивность стратегий дискурсивного поведения участников. Отражением этих процессов является социально-образовательная коммуникативная среда, которая расширяет границы коммуникативного сообщества, вовлекая участников в межличностное сетевое и межкультурное взаимодействие.

Возникает потребность, с одной стороны, в исследовании факторов, определяющих эффективность такого взаимодействия, и выявлении трудностей, препятствующих его реализации. С другой стороны, необходимо изучение мульти- и метафункциональности, а также лингводидактического потенциала современных онлайн-ресурсов для разработки дидактических решений и стратегий по формированию умений межкультурной коммуникации и критического мышления как его когнитивной основы с целью преодоления этих трудностей и создания коммуникативного пространства в указанной среде в соответствующих педагогических условиях.

Для достижения указанных целей остановимся на определении социально-образовательной среды вуза и выявлении ее характеристик. Сравнительно-сопоставительный анализ отечественных и зарубежных подходов к выделению ключевых компонентов социально-образовательной среды [Koschmann 1996; Väljataga, Tammets 2011; Garvin 2008; Ясвин 2001; Лебедева, Орлов 1996; Рубцов 1996; Панов 2004; Гнитецкая 2021] позволил выявить четыре основные категории, в которых эти компоненты приведены

наиболее репрезентативно: условия, формы, цели, средства коммуникативного взаимодействия участников (Табл. 1).

Табл. 1. Компоненты социально-образовательной среды вуза

Персоналии	Условия	Формы	Цели	Средства
Koschman, 1996	SLE - social learning environment (социально-образовательная среда)			
	образовательная и социальная активность		коммуникативное взаимодействие для решения задач	технологии проблемного обучения и электронных средств коммуникации (в т.ч. социальные сети)
Hart, 1996; Garvin, 2008	OL - organizational learning (организационное обучение)			
	вовлечение участников в разнообразные формы взаимодействия и сотрудничества (индивидуальная, парная, групповая работа) случайное (естественное) обучение (incidental learning), опосредованное обучение		вовлечение в социальный обмен (интерактивное сетевое или взаимное обучение)	открытость, гибкость, адаптивность, интерактивность, креативность, вариативность
Лебедева, Орлов, 1996	психодидактическая модель			
	целенаправленно смоделированное пространство		всестороннее развитие личности участников, учитывающее их интересы	инструменты для самовыражения сообразно индивидуальным способам познания, восприятия и переработки информации, а также когнитивного реагирования
Рубцов, 1996	коммуникативно-ориентированная модель			
	особая форма сотрудничества, характеризующаяся общностью мотивационных установок, целей и задач участников	непосредственное и опосредованное сотрудничество преподавателей и студентов	вовлечение участников в целенаправленное социально-коммуникативное взаимодействие	
Ясвин, 2001	эколого-личностная модель			
	социальное и пространственно-предметное окружение	система условий и совокупность возможностей для саморазвития и формирования личности		
Панов, 2004	экопсихологическая модель			
	система педагогических и психологических условий и факторов	раскрытие индивидуально-психологических качеств и способностей личности, всестороннее развитие личности	нивелирование и/или преодоление индивидуально и социально-психологических, личностных, когнитивно-эмоциональных, мотивационных трудностей межличностного и межкультурного общения	интерактивно-коммуникативное пространство
Väljataga, Tammets, 2011	digital learning space (цифровое образовательное пространство)			
	мотивационная среда	сотрудничество для решения образовательных задач		эффективность, беспрепятственность и продуктивность

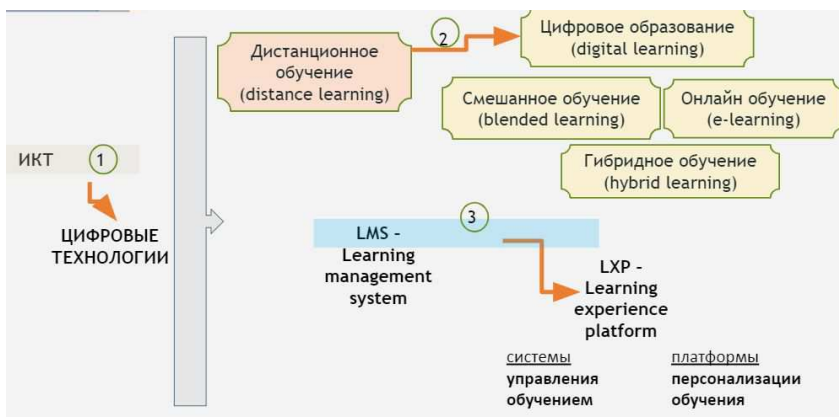
На основе сравнительно-сопоставительного анализа отечественных и зарубежных подходов к выделению компонентов социально-образовательной среды представим ее характерные черты в предлагаемом нами определении. Под *социально-образовательной коммуникативной средой* вуза мы предлагаем понимать целенаправленно смоделированное цифровое информационно-образовательное коммуникативное пространство, характеризующееся открытостью, интерактивностью, адаптивностью, метафункциональностью и вариативностью, предоставляющее необходимые возможности, систему педагогических и психологических условий, а также разнообразие педагогических технологий для обеспечения вовлеченности участников в целенаправленное социально-коммуникативное взаимодействие и сотрудничество, направленное на системную и последовательную реализацию образовательных целей для решения образовательных, учебно-познавательных и профессиональных задач.

Сравнительный анализ работ отечественных и зарубежных ученых, исследующих особенности межличностного и межкультурного взаимодействия [Чагина 2017; Гнигетцкая 2021; Neulier 2018] позволил выделить два блока и шесть групп факторов, влияющих на межличностное и межкультурное взаимодействие в социально-образовательной коммуникативной среде. Блок 1 - внутренние факторы: а) личностно-психологические, б) личностно-мотивационные, в) когнитивно-эмоциональные и когнитивно-рефлексивные. Блок 2 - внешние факторы: г) социально-психологические, д) межличностные и ситуационно-прагматические, е) когнитивно-дискурсивные и вербально-семантические.

Выделенные внешние и внутренние факторы в дальнейшем были нами конкретизированы. Внешние – в виде группы четырех факторов неопределенности, а внутренние – в виде группы четырех факторов субъекта. Все представленные группы факторов воздействуют на эмоционально-мотивационный настрой, тем самым либо способствуя, либо препятствуя эмоциональной открытости в общении и мотивационной готовности к нему, что в свою очередь влияет на восприятие, дискурсивные поведенческие стратегии, а также формы эмоционально-когнитивного реагирования участников социально-образовательной среды.

Среди внешних факторов, влияющих на межличностное и межкультурное взаимодействие в социально-образовательной коммуникативной среде, невозможно не отметить трансформационный переход от устойчивого, предсказуемого, простого и определенного так называемого SPOD-мира к нестабильному, неопределенному, сложному и неоднозначному VUCA-миру, и далее в BANI-мир, еще более изменчивый – хрупкий, тревожный, неоднозначный и непостижимый. Эти изменения определяют три основные вехи дальнейшего развития социально-образовательной среды, влекущие за собой изменение способов создания и передачи знания, а также формирования навыков и умений. Согласно докладу “Будущее образования: глобальная повестка” (<https://vbudushee.ru/upload/iblock/f47/f47425d3a3eae0b4d37ce157f622aea.pdf>, <https://globalcentre.hse.ru/nletter10.1>) образовательная парадигма находится на рубеже трансформационного перехода в развитии образовательных траекторий - от образовательных платформ как среды для самообразования, самооценки, самопознания к среде нейроинтерфейсов, дополненной реальности, искусственного интеллекта, где участники получают универсальные (“живые модели”) знания в нейронет-группах под руководством виртуальных тьюторов. Отметим, что выводы авторов доклада находят как сторонников, так и противников описываемых ими трансформаций, но тем не менее, уже сейчас мы наблюдаем, что цифровые технологии приходят на смену информационным и коммуникационным технологиям, дистанционное обучение становится составным компонентом цифрового образования, системы управления обучением (так называемые LMS) трансформируются в образовательные платформы, предоставляющие учащимся новый образовательный опыт персонализации обучения (Рис. 1).

Рис. 1. Внешние факторы влияния на социально-образовательную среду – трансформации

Переходя к внутренним факторам, воздействующим на эффективность взаимодействия в социально-образовательной среде, на основе анализа работ отечественных и зарубежных ученых [Шишова 2014; Shuang, Volcic 2015], а также полагаясь на результаты проведенного опроса, мы выделили ряд факторов (Табл. 2), затрудняющих эффективность общения в социально-образовательной среде (triggering factors – TF), складывающиеся из четырех групп факторов неопределенности (uncertainty factors – UF) и четырех групп факторов субъекта (personality factors – PF).

Табл. 2. Факторы, определяющие эффективность взаимодействия в социально-образовательной среде

Факторы неопределенности (uncertainty factors – UF)	Факторы субъекта (personality factors – PF)
UF 1 объектно-субъектная неопределенность	PF 1 личностно-мотивационные и когнитивно-эмоциональные
UF 2 предметная неопределенность	PF 2 личностно-психологические
UF 3 контекстная неопределенность	PF 3 когнитивно-рефлексивные
UF 4 дискурсивная неопределенность	PF 4 когнитивно-дискурсивные и социально-психологические

Проведенный среди магистрантов (51 респондент) опрос позволил выявить факторы, оказывающие наибольшее влияние на эффективность взаимодействия в социально-образовательной среде в вузе. Перед респондентами были поставлены следующие вопросы: какие из представленных внешних и внутренних факторов оказывают влияние на межличностное и межкультурное взаимодействие в социально-образовательной среде вуза, какова степень воздействия этих факторов, какие из представленных внешних и внутренних факторов способствуют обеспечению эффективности взаимодействия участников социально-образовательной среды вуза.

Результаты опроса показали, что любой из представленных четырех факторов неопределенности (UF) является препятствием на пути организации и осуществления взаимодействия участников социально-образовательной среды вуза при условии, что они (участники) испытывают трудности, связанные с факторами субъекта категорий 1 и 2 (PF1 и PF2). Именно эти факторы относятся к личностно-мотивационному, когнитивно-эмоциональному и личностно-психологическому состоянию и настрою участников (Рис. 2). Респонденты также отметили высокую степень влияния факторов PF1 и PF2 на эффективность взаимодействия, выделив следующие составные компоненты PF1 и PF2 как способствующие ее обеспечению: а) мотивационная готовность к взаимодействию и сотрудничеству, б) эмпатия и развитый эмоциональный интеллект, в) эмоциональная открытость, г) позитивный эмоционально-мотивационный настрой, д) отсутствие проявлений этноцентризма, предубеждений, предвзятой атрибуции.

Понимание сущностных характеристик социально-образовательной коммуникативной среды, типологии факторов и степени их влияния на эффективность межличностного и межкультурного взаимодействия способствует раскрытию стратегий для эффективной организации такого взаимодействия в социально-образовательной среде вуза. Говоря о стратегиях эффективного взаимодействия, нельзя не упомянуть о необходимости развития у студентов умений межличностного и межкультурного общения и критического мышления для самостоятельной выработки ими стратегий по преодолению трудностей в ситуациях неопределенности. Основываясь на анализе работ отечественных и зарубежных авторов, а также на результатах опроса и опыте реализации курса «Межкультурные и деловые коммуникации на английском языке», был выделен комплекс умений межкультурной коммуникации и критического мышления в четырех основных аспектах в соотношении со степенью выраженности групп факторов UF и PF (Табл. 3). Позволим себе воздержаться от предоставления в таблице перечня формируемых умений, поскольку он более обстоятельно представлен в ряде предыдущих публикациях авторов.

Рис. 2. Факторы, оказывающие наибольшее влияние на эффективность взаимодействия в социально-образовательной среде в вузе

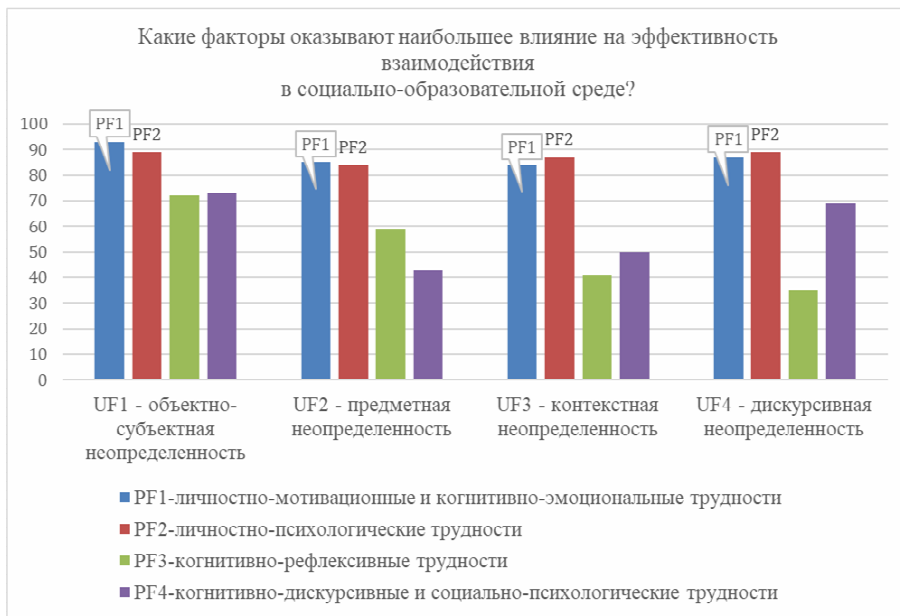

Табл. 3. Комплекс умений межкультурной коммуникации и критического мышления как стратегии эффективного межличностного и межкультурного взаимодействия

Группы факторов UF и PF	Аффективный компонент (восприятие: мотивация, готовность)	Психологический компонент (принятие и интерпретация: предположения и атрибуции)	Когнитивный компонент (оценка и доводы: анализ и синтез)	Поведенческий компонент (управление и корректировка: принятие решений и преодоление трудностей в аксиологическом контексте взаимодействия)
степень воздействия UF и PF минимальна	Комплекс умений межкультурной коммуникации и критического мышления блока 1			
степень воздействия UF и PF возрастает	Комплекс умений межкультурной коммуникации и критического мышления блока 2			
степень воздействия UF и PF максимальна	Комплекс умений межкультурной коммуникации и критического мышления блоков 1 и 2			

Какими стратегиями, обеспечивающими эффективность межличностного и межкультурного взаимодействия в социально-образовательной среде вуза, могут воспользоваться преподаватели? В ситуации современного трансформационного перехода к цифровым технологиям можно предположить, что одной из стратегий для преподавателя становится умение осуществлять профессиональный подбор и интеграцию современных образовательных онлайн-ресурсов в образовательный процесс.

Предлагаемый авторами пошаговый алгоритм включает три этапа и предполагает поиск ответов на следующие основополагающие вопросы: 1) «для чего?» - постановка цели (работа над развитием языковых навыков, формирование речевых и коммуникативных умений, формирование компетенций и качеств личности), 2) «с помощью чего?» - подбор онлайн-ресурсов на основе необходимого функционала и

организация цифрового инструментария для достижения поставленной цели, 3) «на основе чего?» - использование функционала онлайн-ресурсов для разработки различных типов интерактивных заданий, направленных на достижение поставленной цели. Помимо этого, выработке эффективных стратегий организации межличностного и межкультурного взаимодействия в социально-образовательной среде вуза способствуют следующие аспекты: а) разработка интерактивных, а не «оцифрованных» заданий и пособий, б) проверка, направлены ли разработанные интерактивные задания на достижение поставленной цели, в) определение типов интерактивных заданий, которые можно комбинировать (мульти- и метафункциональность выбранных онлайн-ресурсов), г) анализ типов заданий, возможных для реализации в интерактивном формате с помощью функционального наполнения выбранных онлайн-ресурсов, д) подбор типов заданий и форм взаимодействия, которые были бы полезны и увлекательны для конкретной группы студентов.

Понимание сущностных характеристик социально-образовательной коммуникативной среды, типологии факторов и степени их влияния на эффективность межличностного и межкультурного взаимодействия способствует раскрытию стратегий для его эффективной организации. Современные образовательные онлайн-ресурсы как инструмент реализации подобных стратегий (как для студентов, так и для преподавателей) закладывают основу для формирования личностно-психологических, личностно-мотивационных, когнитивно-эмоциональных и когнитивно-рефлексивных качеств участников взаимодействия, способствуя тем самым созданию социально-образовательного коммуникативного сообщества преподавателей и студентов в личностно-деятельностном, организационно-методическом и интерактивном аспектах, что обеспечивает эффективность взаимодействия в социально-образовательной среде вуза.

Литература

- Гнищецкая Т.Н., Дроздова Е.М. Качество естественно-научного образования в условиях цифровизации образовательной среды // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12. № 1. С. 56–64. DOI: 10.18721/JHSS.12105.
- Коммуникативно-ориентированные образовательные среды. Психология проектирования / Под редакцией В.В. Рубцова. М.: Психологический ин-т РАО, 1996.
- Лебедева В.П., Орлов В.А. Психодидактические аспекты развивающего образования // Педагогика. 1996. №6. С. 25-30.
- Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.
- Часина А.В. Преодоление межкультурных коммуникативных трудностей как основа развития межкультурной компетентности личности // Вестник КГУ: Педагогика, психология, социокинетика. 2017. №2. С. 91-97.
- Шишова Е.О. Тренинг по развитию коммуникативной компетенции. Казань, 2014. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21804/20_219_kl-000726.pdf (дата обращения: 25.10.2022).
- Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
- Garvin, D.A., et al. (2008). Is yours a learning organization? Harvard Business Review, 86, 109-116.
- Koschmann, T. (1996). Paradigm shifts and instructional technology: An introduction. In CSDL: Theory and practice of an emerging paradigm. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1-23.
- Neuliep, J.W. Intercultural Communication, A Contextual Approach. Sage Publications, Inc., USA, Seventh Edition, 2018.
- Shuang L., Volcic Z. Introducing Intercultural Communication, Global Cultures and Contexts. Sage Publications Ltd, Great Britain, 2nd ed., 2015, 384 p.
- Väljataga, T. P., et al. (2011). Considering students' perspectives on personal and distributed learning environments in course design. In M. J. Lee, & C. McLoughlin (Eds.), Web 2.0-based e-learning: Applying social informatics for tertiary teaching. Hershey, PA: IGI Global, 85–107.

References

- Chagina A.V. Preodolenie mezhkul'turnyh kommunikativnyh trudnostej kak osnova razvitiya mezhkul'turnoj kompetentnosti lichnosti (Overcoming intercultural communicative difficulties as a basis for the development of intercultural competence) // Vestnik KGU: Pedagogy, psychology sociokinetics. 2017. №2. pp. 91-97. (In Russian).
- Garvin, D.A., et al. (2008). Is yours a learning organization? Harvard Business Review, 86, 109-116.
- Gniščekaja T.N., Drozdova E.M. Kachestvo estestvenno-nauchnogo obrazovanija v uslovijah cifrovizacii obrazovatel'noj sredy (Quality of science education in a digitalised learning environment) // Society. Communication. Education. 2021. T. 12. № 1. pp. 56–64. DOI: 10.18721/JHSS.12105 (In Russian).
- Jasvin V.A. Obrazovatel'naja sreda: ot modelirovanija k proektirovaniju (The learning environment: from modelling to design). M.: Smysl, 2001. (In Russian).

- Kommunikativno-orientirovannye obrazovatel'nye sredy. Psihologija proektirovanija (Communication-oriented learning environments. The psychology of design) / ed. V.V. Rubcov. M.: Psychological Institute RAS, 1996. (In Russian).
- Koschmann, T. (1996). Paradigm shifts and instructional technology: An introduction. In CSCL: Theory and practice of an emerging paradigm. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1-23.
- Lebedeva V.P., Orlov V.A. Psihopedagogicheskie aspekty razvivajushhego obrazovanija (Psychoeducational aspects of developmental education) // *Pedagogy*. 1996. №6. pp. 25-30 (In Russian).
- Neuliep, J.W.* Intercultural Communication, A Contextual Approach. Sage Publications, Inc., USA, Seventh Edition, 2018.
- Panov V.I. Jekologicheskaja psihologija: Opyt postroenija metodologii (Environmental Psychology: Experiences in Methodology). M.: Nauka, 2004. 197 p. (In Russian).
- Shishova E.O. Trening po razvitiju kommunikativnoj kompetencii (Communication competence training). Kazan', 2014. URL: https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/21804/20_219_kl-000726.pdf (date 25.10.2022). (In Russian).
- Shuang L., Volcic Z.* Introducing Intercultural Communication, Global Cultures and Contexts. Sage Publications Ltd, Great Britain, 2nd ed., 2015, 384 p.
- Väljataga, T. P., et al. (2011). Considering students' perspectives on personal and distributed learning environments in course design. In M. J. Lee, & C. McLoughlin (Eds.), *Web 2.0-based e-learning: Applying social informatics for tertiary teaching*. Hershey, PA: IGI Global, 85–107.

ТРИКСТЕРСКАЯ СТРАТЕГИЯ: К ПРОБЛЕМЕ ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Основная цель данной работы заключается в выявлении средств реализации «трикстерской» стратегии на примере мотивационной книги Элизабет Гилберт «Большое волшебство». Образ трикстера рассматривается в качестве опорного пункта интерпретации текста. В выражении трикстерской стратегии автора участвует комплекс стилистических средств, анализ которых способствует правильной ориентировке в системе смысловых связей текста. Текст рассматривается как многомерная, иерархически упорядоченная система смыслов, обладающая поверхностными и глубинными слоями. Глубинный слой – «действующее вещество текста» – представляет собой идейное содержание, которое предстоит декодировать, а затем перекодировать, «апроприировать» читателю в системе когнитивных структур, связей, которые соответствуют его представлениям о мире.

Ключевые слова: стилистика, трикстер, коммуникативные стратегии, декодирование, текст.

Elena S. Rudenko, Anastasia D. Melnik
Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russian Federation

TRICKSTER STRATEGY: ON THE ISSUE OF TEXT DECODING

The paper explores means of implementing the “trickster” strategy as exemplified by Elizabeth Gilbert’s motivational book “Big Magic”. The trickster’s image is regarded as a key point in the interpretation of the text. The execution of the author’s trickster strategy involves a set of stylistic devices, whose analysis contributes to the correct orientation in the system of text’s meaningful links. The text is viewed as a multidimensional, hierarchically ordered system of meanings with surface and deep layers. The deep layer is the “active substance of the text” – it is an ideological content that has to be decoded, and then recoded, “appropriated” by the reader in a system of cognitive structures, connections that correspond to his view of the world.

Key words: stylistics, trickster, communication strategies, decoding, text.

В теоретической лингвистике существует несколько сотен определений текста, однако ни одно из этих определений не может охватить данное явление во всей его сложности и многогранности. В настоящей работе текст рассматривается как многомерная, иерархически упорядоченная система смыслов, обладающая поверхностными и глубинными слоями. Глубинный слой – «действующее вещество текста» – представляет собой идейное содержание, которое предстоит декодировать, а затем перекодировать, «апроприировать» читателю в системе когнитивных структур, связей, которые соответствуют его представлениям о мире. Вслед за И. В. Арнольд мы считаем, что множественность возможных толкований при движении в глубину текста не безгранична, «пределы вариативности зависят от инвариантных смыслов всей структуры и ее элементов в их взаимодействии; за данными пределами начинаются искажения» [Арнольд 1974, с. 28].

Смысловая упорядоченность текста подчинена выражению авторской интенции, она (в терминах стилистики декодирования) способствует помехоустойчивости и эффективности связи, то есть передаче максимум сигнала в минимум времени. Однако, как будет показано далее, автор может отклоняться от подобного сценарного фрейма взаимодействия с читателем, нарушая при этом иерархию смыслообразующих единиц и создавая помехи для восприятия текста. Подобная коммуникативная стратегия может привести к размыванию/разрушению эстетической целостности произведения (смысловая диффузности) в том случае, если она не носит системный характер. В случае, если подобная – трикстерская – стратегия является стержневой, пронизывающей всю ткань текста, то она сигнализирует о целенаправленной установке адресанта на ответную реакцию, а именно на вовлечение в игру, на принятие взаимоисключающих точек зрения.

Основная цель данной работы заключается в выявлении способов и средств реализации трикстерской стратегии на примере мотивационной книги Элизабет Гилберт «Большое волшебство». Вслед за О. С. Иссерс мы толкуем понятие речевая стратегия как «комплекс речевых воздействий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008, с. 54], под трикстерской стратегией мы понимаем

индивидуально-авторский комплекс речевых воздействий, направленных на формирование у читателя определенного видения мира (игрового, лёгкого, трикстерского отношения к творчеству).

Наибольший вклад в осмысление феномена трикстера внесли такие исследователи, как К. Г. Юнг [Юнг 1991], П. Радин [Радин 1999], К. Леви-Строс [Леви-Строс 2001], Ю. М. Лотман [Лотман 1992], Е. М. Мелетинский [Мелетинский 1963], Е. С. Новик [Новик 1996]. Хотя в образе трикстера, созданном Э. Гилберт, и прослеживаются черты мифологического плута, хитреца, сочетающего в одном лице пафос упорядочения мира и выражение его дезорганизации, он вместе с тем наполняется индивидуально-авторским смыслом, участвующим в формировании идеологического задания текста.

Э. Гилберт – автор культового романа «Ешь, молись, люби» – в своей книге «Большое волшебство» исследует природу вдохновения и рассказывает о том, как пробудить в себе любопытство, преодолеть страх и начать творить. В представлении Э. Гилберт носителем творческого начала выступает трикстерская энергия: *«I believe that the original human impulse for creativity was born out of pure trickster energy. Of course it was! Creativity wants to flip the mundane world upside down and turn it inside out, and that's exactly what a trickster does best»* [Gilbert 2015, p. 223]. Цель трикстера – низложение порядка, возвращение к тому состоянию мира, в котором еще не было создано правил. По замечанию К. Кереньи, «беспорядок – неотъемлемая часть жизни, и трикстер – воплощенный дух этого беспорядка. Его функцией в архаическом обществе <...> является внесение беспорядка в порядок, и таким образом, создание целого, включение в рамки дозволенного опыта недозволенного» [Кереньи 1999, с. 257]. Образ трикстера является опорным, ключевым пунктом интерпретации текста, вокруг которого выстраивается четкая система текстообразующих оппозиций, отраженных в сводной таблице:

Табл. 1. Система текстообразующих оппозиций в книге Э. Гилберт «Большое волшебство»

<i>The cult of artistic suffering / martyr</i>	<i>Play / trickster</i>
<i>Martyr says: "The world can never be solved." Martyr says: "Through my torment, the truth shall be revealed." Martyr = Sir Thomas More</i>	<i>Trickster says: "Perhaps not ... but it can be gamed." Trickster says: "I didn't come here to suffer, pal." Trickster = Bugs Bunny</i>
<i>The selected few</i>	<i>Everyone</i>
<i>Ah, lovely adolescence – when "the talented" are officially shunted off from the herd, thus putting the total burden of society's creative dreams on the thin shoulders of a few selected souls, while condemning everyone else to live commonplace <...> existence. Passion can seem intimidatingly out of reach at times – a distant tower of flame, accessible only to geniuses and to those who are specially touched by God.</i>	<i>Are you considering becoming a creative person? Too late, you already are one. To even call somebody a creative person is almost laughably redundant; creativity is the hallmark of our species. You can support other people in their creative efforts, acknowledging the truth that there's plenty of room for everyone. Furthermore, curiosity is accessible to everyone.</i>
<i>Seriousness</i>	<i>Lightness</i>
<i>Are you one of those who people who believe that the arts are the most serious and important thing in the world? If so, my friend, then you and I must part ways right here.</i>	<i>It will only weigh you down and trouble your mind, and we need to stay as light and unburdened as possible in order to keep you creating. She asked herself when was the last time she'd felt truly light, joyous, and – yes – creative in her own skin.</i>
<i>Fear</i>	<i>Courage/Curiosity</i>
<i>My fear never had anything more interesting or subtle to offer than that one emphatic word, repeated at full volume on an endless loop: "STOP, STOP, STOP, STOP! <...> you will often meet artists who deliberately cling to their suffering, their addictions, their fears, their demons.</i>	<i><...> when I refer to "creative living" <...> I'm talking about living a life that is driven more strongly by curiosity than by fear. But if you don't have the courage, let's try to give you some. Because creative living is a path for the brave.</i>

Вышеприведенная система оппозиций («мученик – трикстер», «избранное меньшинство – каждый», «серьезность – легкость», «страх – смелость») задает способ структурирования и понимания текста, а также способ организации картины мира автора.

Соположение разнородных в отношении культурного веса и влияния фигур, немислимое в традиционных ценностных координатах, становится возможным в рамках концептуального пространства текста: так, например, английскому государственному деятелю и писателю, основоположнику утопического социализма Томасу Мору противопоставляется герой американских мультипликационных фильмов Барз Банни, при этом свои симпатии автор отдает последнему. Об одобрительном отношении автора к трикстерской природе творчества свидетельствует, в частности, употребление лексических единиц с

положительной коннотацией, которые выступают средствами реализации манипулятивной тактики анализ-«плюс»: *Trickster trots off to enjoy another day* [Gilbert 2015, p. 222]; <...> *when she tuned in to the possibility of writing from a place of trickster energy, she had a breakthrough* [Gilbert 2015, p. 226]; *the trickster is obviously a charming and subversive figure* [Gilbert 2015, p. 224], *I put my trust in play, in pliancy, in trickery* [Gilbert 2015, p. 235]. При этом под влиянием контекстного окружения некоторые лексемы приобретают ярко выраженную мелиоративную окраску: *the trickster is obviously a charming and subversive figure* [Gilbert 2015, p. 224].

Для достижения желаемого эффекта воздействия на адресата коммуникации автор прибегает к целому ряду стилистических приемов, среди которых особенно выделяются синтаксический параллелизм, антитеза и амплификация смыслового комплекса – нагнетание равнозначных выражений, насыщение фрагмента текста подробностями и деталями; данные приемы «рассеяны» по всему тексту, однако во всей полноте их взаимодействие проявляется в главе «The Martyr vs. the Trickster» (см. Таблицу 2). Подобное сходение в одной точке пучка стилистических приемов, направленных на создание стилистического эффекта большой силы, М. Риффатер называет «конвергенцией» [Риффатер 1980].

Табл. 2. Конвергенция стилистических приемов в книге Э. Гилберт «Большое волшебство»

<i>Martyr energy is dark, solemn, macho, hierarchical, fundamentalist, austere, unforgiving, and profoundly rigid.</i>	<i>Trickster energy is light, sly, transgender, transgressive, animist, seditious, primal, and endlessly shape-shifting.</i>
<i>Martyr says: "Life is pain."</i>	<i>Trickster says: "Life is interesting."</i>
<i>Martyr says: "The system is rigged against all that is good and sacred."</i>	<i>Trickster says: "There is no system, everything is good and nothing is sacred."</i>

Низвержение авторитетов, освобождение от ложных представлений о том, что творчество доступно только избранным (в чьей «избранности», по мнению Э. Гилберт, можно усомниться – *when "the talented" are officially shunted off from the herd*), примат легкости над серьезностью – паттерны поведения, присущие творцу-трикстеру (см. Таблицу 1). При этом на макроуровне текста в качестве приемов аргументации выступают апелляции к авторитету: *"There is no love which does not become help," taught the theologian Paul Tillich: Years ago, I interviewed the musician Tom Waits for a profile in GQ magazine. <...> ... I will probably speak about it forever, because I've never met anyone who was so articulate and wise about creative living* [Gilbert 2015, p. 131]. И это не единственное противоречие, обнаруживаемое в тексте, так, например, в одном отрезке текста страх концептуализируется как «попугачик» на творческом пути, в другом – как ноша, от которой необходимо избавиться: *Then we head off together – me and creativity and fear – side by side by side forever; So take your insecurities and your fears and hold them upside down by their ankles <...> and shake yourself free of all your cumbersome ideas about what you require <...> in order to become creatively legitimate* [Gilbert 2015, p. 108]. Своей кульминации эти противоречия достигают в заключении книги, которое можно рассматривать как попытку снятия противоречий: *We are terrified, and we are brave. Art is a crushing chore and a wonderful privilege. Only when we are at our most playful can divinity finally get serious with us <...>* [Gilbert 2015, p. 273]. Колумнист газеты "The Guardian" Зое Уильямс иронично обыгрывает одно из заключительных предложений книги, заостряя проблему отсутствия единой и четкой авторской позиции: *"Make space for all these paradoxes to be equally true inside your soul, and I promise – you can make anything." You run the risk, of course, of making something like this book¹* [Williams 2015].

Э. Гилберт иронически деконструирует и одновременно реконструирует идейно-смысловую основу произведения, выступая при этом в роли трикстера/инициатора/катализатора творческой деятельности читателя и запуская процесс изменения его мировидения. Обнаруживаемые в тексте частные противоречия можно объяснить стремлением автора придать тексту игровой, иронический характер. Автор активно использует тактику анализа-«минус» для дискредитации образа творца-мученика и тактику анализа-«плюс» для глорификации образа творца-трикстера. Среди способов реализации тактик особенно выделяются синтаксический параллелизм, антитеза и амплификация смыслового комплекса. Сложившаяся в тексте устойчивая оппозиция «трикстер – мученик» является частным случаем более общей оппозиции «свой – чужой», задающей нравственно-психологический аспект авторского видения мира.

Литература

- Арнольд И. В. Стилистика декодирования. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1974.
 Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
 Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999. С. 241 – 264.
 Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
 Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
 Мелетинский Е. М. Миф и сказка. М.: Наука, 1963.

¹ Williams Z. Big Magic: Creative Living Beyond Fear by Elizabeth Gilbert review. URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/oct/21/big-magic-creative-living-elizabeth-gilbert-review>

- Новик Е. С. Фольклор – обряд – верования: опыт структурно-семиотического изучения текстов устной культуры: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996.
- Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Кереньи и К. Г. Юнга. СПб.: Евразия, 1999.
- Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. 1980. № IX, С. 88–89.
- Юнг К. Г. Архетип и символ. СПб.: Ренессанс, ИВО-СиД, 1991.
- Gilbert E. *Big Magic: Creative Living Beyond Fear*. Bloomsbury, 2015. 273 p.

References

- Arnol'd I. V. *Stilistika dekodirovanija (Stylistics of decoding)*. L.: Izd-vo LGPI im. A. I. Gercena, 1974.
- Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi (Communicative strategies and tactics of Russian speech)*. M.: Izd-vo LKI, 2008.
- Kerenyi K. *Trickster i drevnegrecheskaja mifologija (The trickster in relation to Greek mythology)* // Radin P. *Trickster: Issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev*. SPb.: Evrazija, 1999. pp. 241-264.
- Levi-Stros K. *Strukturnaja antropologija (Structural Anthropology)* / Per. s fr. V.V. Ivanova. M.: Izd-vo JeKSMO-Press, 2001.
- Lotman Ju. M. *Kul'tura i vzryv (Culture and explosion)*. M.: Gnozis, 1992.
- Meletinskij E. M. *Mif i skazka (Myth and folk tale)*. M.: Nauka, 1963.
- Novik E. S. *Fol'klor – obryad – verovanija: opyt strukturno-semiotičeskogo izučeniija tekstov ustnoj kul'tury (Folklore – ritual – beliefs: the experience of structural and semiotic studies of texts of the oral tradition): dis. dokt. filol. nauk. M., 1996.*
- Radin P. *Trickster. Issledovanie mifov severoamerikanskih indejcev s kommentarijami K. Keren'i i K. G. Junga (The trickster. A study in American Indian mythology with commentaries by K. Kerényi and C. G. Jung.)*. SPb.: Evrazija, 1999.
- Riffater M. *Kriterii stilističeskogo analiza (Criteria for style analysis)* // *Novoe v zarubeznoj lingvistike*. 1980. № IX, P. 88–89.
- Jung K. G. *Arhetip i simvol (Archetype and symbol)*. SPb.: Renessans, IVO-SiD, 1991.
- Gilbert E. *Big Magic: Creative Living Beyond Fear*. Bloomsbury, 2015. 273 p.

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ В ВУЗЕ: АСПЕКТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Цель домашнего чтения традиционно рассматривается как расширение словарного состава и усвоение грамматики студентами посредством чтения книги. Однако нельзя ограничивать изучение книги языковыми феноменами. Чтение обладает потенциалом, который не всегда используется на занятиях. В современном мире важно обучать студентов навыкам критического мышления, коммуникации, творческому подходу к решению проблем, уменью ясно и аргументированно выражать свою точку зрения, предлагать пути решения проблем. Домашнее чтение – эффективный инструмент для формирования этих умений и навыков. Оно представляет собой синергию трех аспектов: языкового, лингвокультурологического и психологического. Два последних аспекта мало представлены в процессе обучения. Каждый аспект подробно описан в статье, снабжен примерами заданий и возможными формами деятельности.

Ключевые слова: домашнее чтение; методика преподавания языка; языковой, лингвокультурологический, психологический аспект; языковая компетентность, типы заданий, навыки и компетенции, книготерапия.

Ryzenkova A.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

HOME READING AT UNIVERSITY: ASPECTS AND OPPORTUNITIES

The purpose of home-reading is traditionally seen as expanding students' vocabulary and mastering grammar structures by reading books. However, the study of a book cannot be reduced to only linguistic phenomena. Reading has a huge potential, which is not fully used in the classroom. It is crucial to teach students the skills of critical thinking, communication, creativity in solving problems, the ability to clearly and reasonably express one's point of view, to suggest ways to tackle problems. Home-reading is an effective tool for developing these skills and abilities. It is viewed as the synergy of three aspects: linguistic, cultural and psychological. Much attention is paid to the latter two aspects that do not receive proper consideration in the course of studies. Tasks and classroom activities are thoroughly described in the paper.

Key words: home reading; language teaching methodology; linguistic, cultural, psychological aspects, language proficiency, types of tasks, skills and competencies

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ В ВУЗЕ: АСПЕКТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ

Домашнее чтение – дисциплина в языковом вузе, целью которой традиционно является расширение словарного состава и усвоение грамматики в процессе чтения и обсуждения книги. Поэтому задания часто включают языковые упражнения: заучивание лексического минимума, нахождение в тексте синонимов, эквивалентов, заполнение пропусков предложениями или подходящими по смыслу словами, перевод, основанный на лексике из книги. Знание текста проверяется при помощи вопросов и заданий типа «верно – не верно». На обсуждение отводится меньше времени.

Однако нельзя ограничивать изучение книги языковыми феноменами. Чтение обладает огромным потенциалом, который не в полной мере используется на занятиях. Благоприятное влияние чтения художественного текста отмечалось Н.Е. Железняк, Ю.Н. Дрешер, Л.Н. Карповой, Н.С. Лейтес, О.Л. Кабачек, И.И. Тихомировой и др. [Карпова, 2014, Дрешер, 2007, Железняк, 2019, Jack, S. J., Ronan, K. R., 2008, McCulliss, D., 2012]. Ряд авторов отмечает положительный эффект чтения в процессе воспитания, образования и коррекции [Карпова, 2014, Дрешер, 2007]. Согласно Н.Е. Железняк, польза художественной литературы заключается в следующем: 1) художественная литература дает возможность «соприкоснуться с опытом», 2) «во время чтения художественного произведения мы обращаемся внутрь себя», 3) книга помогает отвлечься от реальных событий, дает возможность «передышки и осмысления жизненных событий», 4) чтение расширяет взгляд на мир, читатель видит мир не «черно-белым и плоским», а многогранным, 5) «книги формируют мировоззрение», 6) художественные тексты «помогают найти себя, развить в себе недостающие качества», 7) «чтение художественной литературы развивает образное

мышление», 8) улучшает концентрацию внимания, 9) чтение художественных текстов «снижает уровень стресса», 10) «Чтение расширяет словарный запас и кругозор» [Железняк, 2019, с. 172–176]. В современном мире с его неопределенностью, постоянными изменениями в политической, финансовой, социальной и культурной сферах важно обучать студентов навыкам критического мышления, коммуникации, осознанности, творческому подходу к решению проблем, умению ясно и доказательно выражать точку зрения, умению предлагать пути решения проблем, обосновывая результативность.

Кроме того, чтение – это всегда творческий диалог автора и читателя. [Белянин, 2006]. Развивая эту теорию, подробно описанную В.П. Беляниным в книге «Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя» [Белянин, 2006], можно сказать, что, обсуждая художественный текст в группе, диалог автора и читателя превращается в полилог. В полилоге создаются новые миры: мир автора воспринимается сразу несколькими читателями с их субъективной оценкой и интерпретацией текста, создается пространство для обмена мнениями и впечатлениями.

Для формирования навыков критического мышления, коммуникативных навыков, творческого и осмысленного подхода к решению проблем, умению лаконично и убедительно высказывать свою точку зрения, а также трансформировать ее в процессе дискуссии домашнее чтение представляется эффективным инструментом, а также способом самопознания и познания мира и людей, творческого осмысления жизненных ситуаций и адаптации к ним, что несомненно является актуальным. Оптимизация преподавания этой дисциплины состоит в выделении трех аспектов: языкового, лингвокультурологического и психологического. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Языковой аспект включает задания, направленные на усвоение лексики и грамматики, узнавание стилистических приемов, умение объяснить, для чего автор прибегает к ним, анализ языка героев, понимание их характера и взаимоотношений через диалоги, формы повествования, а также аналитические навыки работы с текстом (прямой и непрямой способ характеристики героев, выбор лексики автором, стилистических приемов и экспрессивных средств) и др. Н.Е. Железняк отмечает, что «расширение лексикона дарует нам и расширение гаммы чувств, увеличение окружающего пространства!» [Железняк, 2019, с. 179].

Таким образом, языковой аспект включает следующие уровни работы с книгой: лексический, грамматический, стилистический и аналитический. Задания для освоения языкового аспекта включают следующие:

- Learn words and phrases, make examples with them;
- Supply the synonyms from the text for the following words;
- Give the English / Russian equivalents of the following words;
- Translate the sentences from Russian into English using the essential vocabulary;
- Translate the extract from the text paying attention to the style of the target language;
- Give the summary of the story / chapter;
- Say if the statements below are true or false;
- Answer the questions;
- Give the character sketch.

Выполнение языковых заданий полезно для студентов, начинающих изучать язык. По мере усвоения правил грамматики и овладения лексикой важно выходить на обсуждение произведения, а также чередовать языковые задания с разговорными упражнениями, развивая спонтанность речи. Важно устраивать обсуждения в малых группах, в парах или организовывать общую дискуссию. Ниже приведены цитаты из книги О. Уальда, которые стоит обсудить со студентами в контексте произведения:

- When poverty creeps in at the door, love flies in through the window.
- Children begin by loving their parents; as they grow older they judge them, sometimes they forgive them.
- Unselfish people are colourless. They lack individuality.

Полезным упражнением является анализ и сопоставление языковых средств, с помощью которых автор доносит до читателя свою позицию. Например, стилистическое задание *Find in the text the sentences that describe harsh reality and those that create a fairy-tale-like atmosphere. Divide a sheet of paper into two columns. Put down the words, word-combinations and sentences that describe common people's life in the first column and those that describe the life of the rich in the second column. Which of them predominate? What stylistic device helps the author to contrast the ideas?* не просто фокусирует внимание на стилистических приемах в сказке *“The Happy Prince”*, но и развивает внимательность, мотивирует осознанно отбирать релевантные единицы языка и использовать их для подтверждения мнения.

Обсуждение предполагает доказательное выражение мнения, глубокое знание текста и контекста, в котором автор использует утверждения. Например, следующие утверждения о дружбе О. Уальда без контекста имеют один смысл:

- Friendship, true friendship was quite free from selfishness of any kind.
- One good action breeds another.
- Love is all very well in its way, but friendship is much higher. Indeed, I know of nothing in the world that is either nobler or rarer than a devoted friendship. (O.Wilde)

В сказке «Преданный друг» эти утверждения принадлежат эгоистичному и корыстному герою Мельнику, который манипулирует маленьким Гансом, чтобы получить от него желаемое. Его возвышенные разговоры о дружбе – это средство добиться своих целей.

В домашнем чтении выделяется также **лингвокультурологический** аспект. Из художественного текста можно узнать о культурных особенностях страны и людей, говорящем на этом языке. Рассмотрим примеры. В романе современного британского писателя Ника Хорнби «Про мальчика» подробно описывается, как герои встречают Рождество: *After presents they had lunch, which was a big ring doughnut-type thing made of pastry rather than doughnut, with a lovely cream and mushroom sauce in the hole in the middle, and then they had Christmas pudding with five-pence pieces hidden in it (Marcus had two in his portion), and then they pulled crackers and put the hats on, except Will wouldn't wear his for very long. He said it made his head itch. After they'd watched the queen on TV (nobody wanted to, apart from Lindsey's mum, but whatever old people wanted they got, in Marcus's experience), Clive rolled a joint, and there was a bit of a row. (Nick Hornby "About a Boy")*. Из отрывка понятно, как обычная семья празднует Рождество, какие блюда готовят, чем занимаются члены семьи. Поскольку факты о празднике влетены в канву произведения, лингвокультурная информация лучше запоминается.

Из романа Дэвида Митчела «Под знаком черного лебедя» (“*Black Swan Green*”) можно узнать не только школьные выражения (*Finders keepers, losers weepers*), но и информацию об особенностях взаимоотношений в семье, о социально-политической ситуации во времена М. Тэтчер, факты и мнения героев о Фолклендской войне, настроения в обществе и прочую культурную информацию.

Задания, нацеленные на **развитие лингвокультурологических компетенций**, могут включать обсуждение утверждений из книги, анализ контекста и импликаций, объяснение лингвокультурологических единиц и лингвокультурологический комментарий. Ниже приведены примеры упражнений для разных произведений.

Задание 1. *Comment on the following statement. Explain M. Thatcher's words. What does she refer to?*

Mrs Thatcher was on TV yesterday talking to a bunch of schoolkids about cruise missiles. 'The only way to stop a playground bully', she said, as sure of her truth as the blue of her eyes, 'is to show to the bully that if he thumps you, then you can jolly well thump him back a lot harder!' (D. Mitchel "Black Swan Green").

Данное задание отсылает студентов к общественно-политической ситуации в 1982 году, когда Великобритания вела войну с Аргентиной за Фолклендские острова. Речь идет не о праве школьников дать сдачу, а о политических принципах М. Тэтчер, твердости и безапелляционности ее политики. Мало известные факты о Фолклендской войне находят отражение в романе и описаны через призму переживаний конкретной семьи.

Задание 2. *Why does O. Wilde resort to the words describing Egypt, mention Gods and cultural notions meaningful for Egyptian culture in his fairy-tale "The Happy Prince"? How does it help to understand the message better?*

В сказке “*The Happy Prince*” упомянуты сфинксы, бог Тот, ибис (священная птица бога Тота) и встречаются другие отсылки к египетской культуре. Данные описания помогают создать контраст между миром бедняков, полным лишений, и миром сказки и мечты, к которому стремятся люди. Образы перерождения и вечной жизни способствуют пониманию заключительного эпизода сказки.

Задание 3. *What do the following words and phrases mean in the context of the novel / story? (mistletoe, to make New Year resolutions, to kiss a blarney stone, salamander, Phoenix u др.). Give the explanation.*

К данному типу заданий можно отнести комментарии аллюзий в текстах. Как правило, имена писателей, художников, музыкантов, имплицитные и явные цитаты помогают читателю лучше понять содержание и идеи автора. Например, вопрос *How do Ellie's music preferences help the reader understand her character?* Элли – героиня романа Н. Хорнби, она подросток и фанат группы «Нирвана». Слушая музыку группы и надевая толстовку с изображением лидера группы Курта Кобейна, Элли выражает протест против лицемерной системы образования. Увлечение героини группой красной нитью проходит через ткань произведения, помогая читателю понять как саму героиню, так ее отношения с родителями, учителями и друзьями.

Перейдем к рассмотрению **психологического** аспекта преподавания домашнего чтения. В художественной литературе поднимаются актуальные темы современности: тема **травли** (D. Mitchel “*Black Swan Green*”, N. Hornby “*About a Boy*”, Golding “*The Lord of the Flies*”, Kate DiCamillo “*The Tiger Rising*”), **депрессии** (N. Hornby “*About a Boy*”, B. McLaverty “*Grace Notes*”), **проблемы родителей-одиночек** (N. Hornby “*About a Boy*”), проблемы **детско-родительских отношений** (D. Mitchel “*Black Swan Green*”, N. Hornby “*About a Boy*”, B. McLaverty “*Grace Notes*”, R.Dahl “*Matilda*”), проблемы **зависимости от гаджетов** (R. Bradbury “*The Murderer*”), **экзистенциальные проблемы смысла, свободы, воли, выбора и ответственности** (R. Bradbury “*Fahrenheit 451*”, “*The Sound of Thunder*”, G. Orwell “*1984*”, S. Maugham “*The Fall of Edward Barnard*” и др.), проблемы **войны и ее разрушительных последствий** для отдельной семьи и мира (S. Maugham “*The Unconquered*”, R. Bradbury “*The Garbage Collector*”, D. Mitchel “*Black Swan Green*”), **кризиса и Великой Депрессии** (“*The Gigolo and Gigolette*”, F.S.Fitzgerald “*The Great Gatsby*”), **любви** (“*The Happy Prince*”, “*The Fisherman and the Soul*”) и др. Чтение и обсуждение литературы дает студентам возможность лучше разобраться в себе, понять свои морально-нравственные приоритеты, выслушать многообразные точки зрения, обдумать их, принять факт разнообразия мнений и отношений,

поменять точку зрения или отстоять свое видение ситуации. Обсуждение также позволяет студентам канализировать напряжение и тревогу.

Отмечая важность **психологического аспекта**, стоит отметить, что чтение художественной литературы само по себе терапевтично: читатель примеряет на себя различные роли, представляет, как вел бы себя в той или иной ситуации, ведет внутренний диалог с героями, симпатизирует или выражает антипатию. В работе с книгой можно знакомить студентов со словами, обозначающими чувства и эмоции (*sad, astonished, frustrated, happy, disappointed, ill at ease, calm, relaxed, annoyed, loathsome, taken aback* и др.). Называние чувств и эмоций повышает осознанность студентов. Приоритетной задачей в преподавании домашнего чтения является создание безопасной и доброжелательной атмосферы, где любой студент будет услышан. Возможность делиться переживаниями, а также слышать о переживаниях других людей, сверяться с их мнениями и ощущениями является ценным для студентов, которые были лишены живого контакта в связи с изоляцией во время пандемии. Психологический аспект важен как никогда. В таком подходе любое мнение верно и важно, человек не может ошибаться в своих чувствах. Отсутствие правильного ответа способствует установлению доверия между студентами и преподавателем и сплачиванию студенческой группы. Доверительная атмосфера позволяет раскрываться и говорить, а за счет говорения выходить на более высокий уровень владения языком. Задания могут носить следующий характер:

1. Вопросы об **эмоциональном состоянии** студентов (Have you ever felt like the character? What words help you understand the character's emotional state? What is the character's dilemma? What are his / her relations with the other characters?);
2. Вопросы о **чувствах героя и чувствах студента** в подобной ситуации (How did the character feel? Why did he / she feel like that? How would you feel if you were in the character's shoes?);
3. Вопросы об **изменении эмоционального состояния** до, во время и после прочтения рассказа / главы / книги (How did your mood change throughout reading the story? What did you feel before you started to read? What associations did the title of the story evoke? What did you expect to happen in the story entitled like that? How did your attitude to the characters change when you were reading / have read the story up to the end?) Такие вопросы помогают сфокусировать внимание на своих ощущениях, повысить осознанность, лучше понять и объяснить свое видение текста.

Кроме вопросов, психологический аспект домашнего чтения включает работу в парах, драматизацию, в частности, разыгрывание суда (*Mock Court Trial*), разговора между героями, написание продолжения рассказа и другие задания. Примеры заданий приведены ниже:

- *Act out the conversation between Little Hans and the Miller; the Miller manipulates asking to do some favour for him while Little Hans tries to resist and say 'no'.*
- *How could the story "The Gigolo and Gigolette" end?*
- *Continue the phrase: If I were Annette, I would... ; If I were Annette's father, I would ...*
- *Act out a court trial. The parties involved in the lawsuit are Annette, Hans, Annette's parents (Mr. and Mrs. Pierre), an advocate, a prosecutor, a judge, the jury, a secretary, witnesses (the midwife, Milli) etc.*

Задания даются по завершении чтения и делают процесс чтения более осознанным. Студенты, выбирая роль адвоката / прокурора / судьи / подсудимого и пр. вживаются в роль и лучше понимают произведение, более аргументированно высказывают свою позицию, рассматривают ситуацию с различных точек зрения.

В методических указаниях выделяются **этапы работы с книгой**. Перед чтением важно выяснить, что интересно студентам данной группы. От их мотивации зависит работа на занятии. Достаточно короткого опроса или заполнения анонимной формы Google. Совместный выбор способствует установлению контакта между преподавателем и студентами, а обсуждение вариантов формирует доверие и приводит к осознанному выбору. На данном этапе, уместны вопросы: *What makes the book interesting for you? Why would you like to read it? What makes the book / the author special for you? Why would you like to share this book with your groupmates?*

Второй этап предполагает знакомство с творчеством писателя, его биографией, историческим периодом, наиболее значимыми работами автора. К данному этапу можно отнести и обсуждение выбранной книги: когда и как книга создавалась, насколько книга актуальна сейчас и др. вопросы. Это помогает посмотреть на произведение шире, узнать исторический, культурный и социальных контекст произведения.

Третий этап охватывает собственно работу над книгой: языковые, лингвокультурные и психологические аспекты, описанные выше. На этом этапе проводятся дискуссии, работа в малых группах, драматизации и пр. Этот этап занимает 95% времени всего курса домашнего чтения.

На заключительном этапе проводится синтез материала. Студенты делятся впечатлениями, проводят параллели с другими авторами и книгами. Если по прочитанному произведению снят фильм или поставлен спектакль, то стоит познакомить группу с режиссерским видением и обсудить книгу и фильм и/или спектакль. На заключительном этапе можно провести викторину по знанию произведения (вопросы по содержанию книги), а также по знанию лексики из книги.

Домашнее чтение – дисциплина, которая охватывает множество аспектов: языковой, лингвокультурный, психологический. Использование этих аспектов важно уметь чередовать и приспосабливать под задачи конкретного преподавателя в работе с конкретной группой и книгой. Чтение

может быть эффективным инструментом развития мотивации, аналитических качеств, осознанности и творчества как студентов, так и самого преподавателя.

Литература

- Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М.: Генезис, 2006.
- Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия. / Отв. ред. Н.Л. Карпова, редкол.: Н.С. Лейтес, О.Л. Кабачек, И.И. Тихомирова. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014.
- Дрешер Ю.Н. Библиотерапия: Полный курс: учебное пособие / Ю.Н. Дрешер. – М.: «Издательство ФАИР», 2007.
- Железняк Н.Е. Культуротерапия. Лекции по психологии искусства. – М.: Издательство АСТ, 2019.
- Jack, S. J., & Ronan, K. R. (2008). Bibliotherapy practice and research. *School Psychology International*, 29 (2), 161 – 182.
- McCulliss, D. (2012). Bibliotherapy: Historical and research perspectives. *Journal of Poetry Therapy*, 25 (1), 23 – 38.

References

- Bel'anin V.P. Psihologicheskoe literaturovedenie. Tekst kak otrazhenie vnutrennih mirov avtora i chitatela (Psychological Literature Studies. Text as a Reflection of the Author's and the Reader's Inner worlds). – М.: Genesis, 2006.
- Bibliopsikhologia. Bibliopedagogika. Biblioterapia (Bibliopsychology. Bibliopedagogics. Bibliotherapy). / Отв. ред. N.L. Karpova, redcoll.: N.S. Leites, O.L. Kabachek, I.I. Tikhomirova. – М. Russkaya shkol'naya bibliotchnaya assotsiatsiya, 2014.
- Dresher Y.N. Biblioterapia: Polnyi kurs: uchebnoe posobie (Bibliotherapy: a Complete course: study guide) / Y.N. Dresher. – М.: "Izdatel'stvo FAIR", 2007.
- Zheleznyak N.Y. Kultterapiya. Leksii po psihologii iskusstva (Culture Therapy. Lectures on the Psychology of Art). – М.: Izdatel'stvo AST, 2019. – 352 s.
- Jack, S. J., & Ronan, K. R. (2008). Bibliotherapy practice and research. *School Psychology International*, 29 (2), 161 – 182.
- McCulliss, D. (2012). Bibliotherapy: Historical and research perspectives. *Journal of Poetry Therapy*, 25 (1), 23 – 38.

Рязанова Е. В., Дектерев С. Б.
 Санкт-Петербургский государственный университет
 Санкт-Петербург, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО ФОНА НА ВОСПРИЯТИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗОВ

В статье описываются результаты лингвистического ассоциативного эксперимента, проведенного с целью изучения восприятия традиционных образов потустороннего мира в фольклорной традиции современными представителями английской и русской культуры. Для эксперимента были выбраны частотные концепты английской и русской фольклорной картины мира *black cat, ghost, goblin, brownie, boggart, witch* /черный кот, приведение, домовый, ведьма, баба-яга. В результате эксперимента выявлены особенности восприятия и интерпретации концептов студентами разных культур, а также тенденция к интернационализации фольклорных образов в силу процессов глобализации и влияния массового кинематографа и мультипликации.

Ключевые слова: национальная картина мира, фольклорная традиция, лингвистический эксперимент, сверхъестественные существа

Ryazanova E. V., Dekterev S. B.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

THE INFLUENCE OF CURRENT CULTURAL ENVIRONMENT ON THE PERCEPTION OF TRADITIONAL FOLK IMAGES

The concepts of semantic field "supernatural creatures" in English and Russian oral tradition are considered. The article presents the results of the linguistic associative experiment aimed at investigation of understanding and interpretation of folk concepts by contemporary speakers. The concepts under experiment are *black cat, ghost, goblin, brownie, boggart, witch* /черный кот, приведение, домовый, ведьма, баба-яга. The experiment showed similarities and differences in the perception and interpretation of these concepts by the students of Russia and England and revealed the tendency to internationalization of folk personages due to the globalization and the influence of mass cinema and cartoon production.

Key words: national picture of the world, folk culture, key concepts, linguistic experiment, supernatural creatures

Данное исследование посвящено изучению восприятия современными носителями языка традиционных концептов, заложенных в национальных картинах мира разных культур. С позиций этнолингвистики картина мира включает в себя сумму знаний индивида, этноса о предметах объективной действительности. Концептуальная модель мира, в свою очередь, складывается из групп и классов понятий. Формой ее выражения является языковая модель мира, представленная в виде семантических полей, классов и отношений между ними. По мнению А.С.Герда, «концептуальная модель мира и представляет тот или иной уровень народного знания о внешнем мире» [Герд 1995, с.57]. На формирование лексического состава языка влияют географические и социальные условия, тип хозяйства, и особенности традиционной культуры.

Большинство ученых [Лотман, 1999; Толстая, 1995; Толстой, 1995; Топоров, 1992; Урысон, 1998] сходятся во мнении, что в основе языковой картины мира современных носителей языка лежат древние, архаичные представления о мире, которые можно найти в древних и архаичных прецедентных текстах. Как отмечает С.М. Толстая, «после принятия славянами христианства мифологические представления о мире не исчезли – в славянской народной культуре сохранились многие концепты, структуры и даже формы глубоко архаического типа, которые не только уживались с христианским мировоззрением на протяжении десяти веков, но и в наше время продолжают во многом определять культурное и этническое самосознание индивидуума и социума, причем не только в традиционной народной фольклорной культуре, но и в культуре всего общества» [Толстая, 1995, с. 150]. Американский исследователь народной английской баллады Л.Ч. Вимберли также указывает на наличие в традиционных текстах большого количества разнообразных представлений и верований, имеющих языческое, дохристианское происхождение [Wimberly, 1965, p.10]. Эти представления, по мнению учёного, прекрасно уживаются в народном сознании

с христианской традицией и, на сегодняшний день, являются естественной частью представлений о мире, реализующих себя посредством национального языка и национальной культуры.

Под национальной культурой мы будем понимать культуру общности людей, живущих на одной территории и пользующихся общим национальным языком, в нашем случае мы говорим об английской (то есть сформированной на территории Англии) и русской национальных культурах, которая находит свое непосредственное отражение в английском и русском национальных языках.

Любая национальная культура консолидирует в себе большое количество аспектов, связанных с особенностями формирования этноса, его историей, географическим положением и другими социокультурными факторами. К национальной специфике культуры относят такие компоненты как, традиции и обычаи, регулирующие социальное поведение, бытовую традиционную культуру, «национальные картины мира», которые отражают специфику восприятия окружающего мира, а также художественную культуру, которая вбирает в себя традиционную народную культуру, корнями уходящую в мифологию и фольклор. [Антипов, Донских, Марковина, Сорокин 1989, с.77] Каждая национальная культура при этом характеризуется набором определенных ключевых культурных концептов, вбирающих в себя все традиционных представления, ассоциации, характеризующие данный фрагмент национальной картины мира. [Степанов 1997].

В данной работе рассматриваются персонажи традиционных национальных культур Англии и России, являющиеся представителями потустороннего «чужого» мира. Для ассоциативного эксперимента были выбраны некоторые ключевые концепты поля, а именно *black cat, ghost, goblin, brownie, boggart, witch*. в английском языке и русские персонажи фольклорной картины мира черный кот, домовый, привидение, ведьма, баба Яга.

Сверхъестественные существа в традиционном народном дискурсе являются частью универсальной оппозиции *свое-чужое*, представляют собой опасных, чуждых миру людей персонажей, которые подстерегают человека за рамками привычного, защищенного пространства, а иногда и проникают в это защищенное пространство дома, например, через дымоход и печь, как определенные порталы в потусторонний чужой мир. [Рязанова 2009].

Действия данных персонажей обусловлены их ролью в фольклорном мире быть антагонистами обычных героев из реального мира. В силу сложившихся традиций фольклорного и мифологического дискурса они могут как вредить, так и помогать людям, иметь злые и добрые намерения, подсказывать и наделять героев магическими знаниями и в то же время уничтожать и убивать.

Такая двойственная природа многих «сверхъестественных существ» связана с их непростой историей развития и существования в народном сознании и памяти. По своему происхождению образы и персонажи сверхъестественного претерпели существенные изменения на протяжении веков, особую роль при этом сыграла христианизация европейской и русской культуры, когда многие положительные мифологические герои стали приобретать демонические характеристики. Как справедливо отмечает Н.Г. Кривуля, «некоторые из мифических персонажей продолжили функционировать в культуре в христианский период, какие-то были ассимилированы и обрели иные функции и смыслы, другие стали частью этнических верований, иные навсегда растворились в истории, став мертвыми образами мифологии прошлого». [Кривуля, 2014, с.90]

Так, например, ведьма в добиблейские времена была связана со знаниями и умениями, близкими к шаманам. Сравнимые характеристики у европейской и русской ведьмы говорят об общей этимологии. *Witch' (Eng.) – comes from the Anglo-Saxon word 'Wicca' meaning the wise ones. The Wicca had magical powers, which they used during pagan times. Ведьма (Rus.) – происходит от славянского 'vedatj', означавшего «знать»*. В древние времена ведьмы в европейских и славянских культурах были не сказочными персонажами, а живыми людьми, обладавшими определенными сакральными знаниями. В связи с распространением христианства и насаждением новых представлений, они стали терять свои языческие корни и обрести негативными характеристиками и внушать страх окружающим людям, что постепенно переместило их в ряды нечистой силы, связанной с потусторонним *чужим* миром. Стоит отметить, что такие общие исторические предпосылки объясняют сходные черты в образах английской (европейской) и русской (славянской) ведьмы, но в силу национальной специфики культур, эти образы все же имеют определенные отличия.

Согласно данным фольклорных источников, английская ведьма может колдовать, живет одна, находится в лиге с дьяволом, летает на метле на шабаш среди ночи, может превращаться в различных животных (чаще всего появляется в виде кролика), имеет остроконечную черную шляпу с широкими полями, одета в черный плащ, стара и уродлива, имеет животное – собаку или кошку, не тонет в воде, имеет знак дьявола в виде родинки или родимого пятна.

Русская (славянская) ведьма также может колдовать, но часто живет в семье, также состоит в створе с дьяволом, летает на метле на шабаш среди ночи, может превращаться в различных животных, но чаще всего появляется в виде свиньи, имеет цветной головной убор в виде платока, одета в разноцветную одежду, стара и уродлива (на Севере), но молода и красива (на Юге), имеет животное – собаку или кошку, не тонет в воде, имеет хвост.

К лексемам, связанным с образом ведьмы в русской фольклорной картине мира, относится и образ *Бабы-Яги*, часто переводимый на английский язык как Russian Witch или Baba-Yaga the Witch. Второй

вариант кажется более адекватным для перевода, так как Баба-Яга хоть и обнаруживает некоторое сходство с образом русской ведьмы, имеет определенно свои собственные отличные от ведьм черты. Этимологически образ Баба Яги имеет более сложную и амбивалентную природу. Отголоски языческих традиций, согласно которым языческая предшественница данного образа была древней берегиней и богиней войны, переплелись с более поздними наслоениями христианской морали и сделали из нее страшную старуху, летающую в ступе и «поедающую детей».

Не менее популярен в фольклорной традиции России и Англии и образ черного кота. В народных верованиях, сказках, фольклорных текстах кот часто является компаньоном ведьмы и обычно проживает в ее доме. Важное символическое значение приобретает черная окраска кота, поскольку именно черный кот традиционно связан с нечистой силой. Черный кот сопровождает многие мифологические и фольклорные персонажи. В народной мифологии считается, что черт может принимать облик черного кота, а леший кричит кошачьим голосом. В фольклоре кот имеет несколько ипостасей. И одна из главных — кот-демон, кот-оборотень, существо, которое вызывает у людей суеверный страх и приносит несчастья. [Афанасьев, 1996]

С другой стороны, языческие славяне считали мохнатого кота спутником бога Велеса, одного из центральных божеств в славянской мифологии, который также являлся покровителем сказителей и поэзии. В силу такого происхождения образ черного кота в современную культуру пришел в своем двуликом облике, может быть злым и добрым, может вредить и помогать, а часто и хулиганить. Достаточно вспомнить различные интерпретации данного персонажа от детских фильмов и сказок до романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Кот-Бегемот) и современной мультипликации о трех богатырях. Интересно, что в отличие от русской традиции, где черный кот, переходящий дорогу, является плохой приметой, в современной британской культуре черный кот должен приносить удачу, хотя не все респонденты нашего эксперимента разделяют это верование.

На Руси мохнатый спутник Велеса олицетворялся с домовым – хранителем семейного очага. Вероятно, благодаря его любви к ласке, домашнему теплу, чистоте и уюту. Первоначально охранителем дома являлся умерший предок — основатель рода, первый хозяин родового дома. Со временем индивидуальные черты утратились, и из предка домового превратился в домашнего духа-охранителя. Из тотемного божества домовый превратился в одного из низших представителей мелкой нечистой силы, в некоторых поверьях даже злобного духа, от которого надо было избавляться.

Английские лексемы *goblin*, *brownie*, *boggart* в русских переводных словарях имеют один из вариантов *домовой*. Тем не менее, анализ словарных дефиниций в словаре английского фольклора позволяет увидеть значительные различия в толковании данных образов и лишь частичные совпадения с компонентами значения *домовой*. Если выделить семь компонентов значений лексем *goblin*, *brownie*, *boggart* и сопоставить с компонентами значения русской лексемы *домовой*, то очевидна их разная мифологическая сущность. Гоблин выглядит как маленький (иногда большой), злой и уродливый чертенок, бoggart похож на страшного полутергеиста, появляется как в доме, так и за его пределами, в то время как брауни - помогающий домашний дух, обычно живет один в доме.

Как видно из культурологических описаний сем, ближе всего по значению русскому *домовому* соответствует английское *brownie*. Однако русская фольклорная традиция и данные нашего эксперимента показывают, что *домовой* не всегда бывает добрым и положительно настроенным к обитателям жилища, на что указывают ритуалы, связанные с задобриванием данного существа в разных культурах. Поэтому, в зависимости от контекста и ситуации русский *домовой* может иметь общие признаки с *boggart* (например, стучать и бить посуду), либо даже к *goblin* (например, сильно навредить), но эти соответствия будут лишь частичными, приближая данные лексемы скорее к семантическим лакунам. В других компонентах своих значений *boggart* и *goblin* могут соотноситься с русскими вариантами *привидение*, *призрак*, *полтергейст*

Из анализа фольклорных источников следует, что самым универсальным персонажем, имеющим больше всего сходств в представлениях и верованиях в двух культурах, является привидение. Легенды о привидениях до сих пор живы в народных приданиях и наивной картине мира. Издавна люди верили, что бестелесные существа спускаются на землю и приходят в гости к своим семьям и возлюбленным, иногда помогают, иногда запугивают и приносят вред. Современная массовая культура популяризирует данный персонаж во всех его ипостасях, изображая как страшным и опасным, так и безобидным и дружелюбным, что лишь частично соответствует его мифологической природе.

В рамках изучения особенностей восприятия концептов чужой традиционной культуры нами был проведен ассоциативный лингвистический эксперимент, в котором участвовали студенты вуза с уровнем владения языком Intermediate и Upper-Intermediate с одной стороны, и студенты из Великобритании, изучающих русский язык, с другой. Целью эксперимента было выявить, какие интерпретации английских и русских концептов-лексем, обозначающих образы сверхъестественных персонажей, они смогут дать на основе собственного культурного опыта. Респондентам было предложено оценить каждого персонажа по шкале good- bad-very bad/dangerous, дать свои ассоциации на каждое ключевое слово и указать источник информации о данном персонаже (например, сказка, кино, мультфильм и т.д.)

Ответы как русских, так и английских респондентов показали отличия в их восприятии данных традиционных образов от фольклорных народных толкований. В связи с этим были также проанализированы источники формирования знаний студентов о представителях потустороннего мира.

Сравним результаты ассоциативного эксперимента с проведенным нами исследованием фольклорных персонажей английской культуры.

Эксперимент показал, что образ английской ведьмы воспринимается как плохой или очень опасный большинством русских и английских студентов, в то время как допускают, что она может быть хорошей по отношению к людям 24% русских студентов и 22% англичан.

Баба-Яга воспринимается как отрицательный плохой (33%), либо очень опасный (28,5%) персонаж русскими респондентами, но все же может иногда помогать и совершать хорошие поступки (24%), что соответствует двойственной природе данного образа. Один из респондентов даже охарактеризовал ее как «хранительницу леса», что соответствует ее первоначальной языческой природе в качестве берегини.

Несоответствие с данными фольклорных источников наблюдается в интерпретации английскими студентами образа черного кота (*Black cat*), который, согласно фольклорной традиции, должен приносить счастье. Тем не менее большинство английских респондентов (90%) охарактеризовали его как плохого персонажа, который является животным, связанным с ведьмой, приносящим несчастье и только (10%) указали на положительную ассоциацию, которая сложилась у них в связи с просмотром мультфильма *Loopy Tunes*.

Интересно, что только 38% русских студентов дали черному коту отрицательную характеристику, также указав на его связь с ведьмами, что соответствует фольклорной традиции. Тем не менее, русский образ черного кота в целом не вызывает много негативных ассоциаций (только 19%), так как большинство русских респондентов сравнивают его с «ученым котом» из сказок А.С.Пушкина и «бедным черным котом» из современной эстрадной песни «Жил да был черный кот». Следует отметить, что 20% английских студентов также указали на положительный образ русского черного кота, который сформировался у них в процессе знакомства со сказками Пушкина.

Характеризуя английское привидение (*ghost*), 52% русских студента указали на его опасную сущность в английской традиции, в основном основываясь на современных фильмах Голливуда, книгах и компьютерных играх. В то же время русское *привидение* получило гораздо меньше отрицательных характеристик по сравнению с английским (34% считают его плохим и очень плохим). Показательно, что 14% опрошенных представителей России считают, что оно может быть хорошим и 14% - как хорошим, так и плохим.

Английские студенты показали похожее соотношение в характеристике привидений. 62% опрошенных считают привидения преимущественно плохими персонажами, преследующими и пугающими людей на основе современного американского кинематографа и фильмов ужасов. Однако 37% опрошенных англичан полагают, что привидения бывают как плохими, так и хорошими (12% - только хорошими), указывая в источниках информации детские мультфильмы и фильмы (*Casper the Friendly Ghost*, *Harry Porter series*). Следует отметить, что в случае с концептом *ghost* данные эксперимента ближе всего совпадают с толкованиями словарей английского фольклора, поскольку согласно народной традиции как в Англии, так и в России привидения могут быть как плохими, так и хорошими по отношению к людям.

Гораздо больше сложностей вызвали лексемы *brownie* и *boggart*, так как многие из них не встречали данных персонажей в своем культурном окружении, однако 43% назвали *boggart* плохим существом, вспомнив произведения Дж.Роулинг о Гарри Поттере, что вполне соответствует толкованию данного персонажа в словаре английского фольклора. Полное совпадение толкования образа выявлено в случае с лексемой *goblin* в результате знакомства молодого поколения России с фильмом «Властелин колец», основанном на народных английских легендах и романом о Гарри Поттере, доказывая тем самым тезис о необходимости погружения в культуру изучаемого языка.

Ассоциации в интерпретации данных образов у английских респондентов также выявили совпадение толкования образа *goblin* и *boggart* с народной традицией, большинство из опрошенных указало в качестве источников фильмы о Гарри Поттере и «Властелин колец». Однако, народный персонаж *brownie* оказался практически не известен современным английским студентам, хотя многие из них проассоциировали его с кулинарным продуктом, популярным в современной Британии, который имеет одноименное название.

В результате эксперимента выяснилось, что в трактовке английских образов русские студенты опирались на данные англо-русских словарей, а также на свое восприятие подобных персонажей под влиянием современных фильмов, мультфильмов и популярной детской литературы. Представители английской культуры также черпали свои знания из сказок братьев Гримм, фильмов о Гарри Поттере и других источников современной массовой культуры. Характеризуя русских персонажей, студенты как Англии, так и России в основном упоминали сказки А.С. Пушкина и примеры сказочного кинематографа XX века.

Стоит отметить, что развитие массового кинематографа и мультипликации в XX веке внесло свою лепту в интерпретацию образов сказочных персонажей потустороннего чужого мира. В отличие от христианской морали, которая пыталась трансформировать прежних языческих богов в демонические существа, кинематограф и мультипликация позволили сделать этих персонажей с одной стороны более яркими и осязаемыми, а с другой наделить их дополнительными характеристиками, которые соответствовали их новым социальным функциям. Кинематограф и анимация помогли «оживить» потусторонний чужой мир либо в пугающих и страшных формах с целью создания новых жанров, либо представить эти образы в гротескных и юмористических формах, целью которых было высмеять плохих героев, показать, что они не так страшны, как кажется, и что добро всегда побеждает, как это можно

наблюдать в жанре детской сказки. Сами «сверхъестественные существа» на экранах не столько ужасны и отвратительны, сколько смешны и забавны, а иногда даже беспомощны. Это привело в свою очередь к определенной нивелировке и упрощению художественных образов, которые стали восприниматься соответственно современными представителями культуры.

Результаты опроса современных представителей двух культур позволяют сделать следующие выводы:

1) восприятие концептов как своей, так и чужой народной культуры тесно связано с личным опытом и источником информации о данных концептах.

2) современные носители языка и культуры в основном формируют свои представления о народной культуре из кинематографа и мультипликации, большая часть которого имеет английское и американское происхождение. Этим объясняется сходство в трактовке и восприятии некоторых концептов и образов английского сказочного фольклора у русских и английских респондентов и расхождение в их характеристиках с традиционными народными источниками.

3) в силу глобализации языков и культур происходит заимствование концептов чужой народной культуры и интернационализация представлений о них, что приводит к частичной нивелировке традиционных толкований и трансформации фольклорных образов в результате появления у них изначально не свойственных им характеристик, делающих их похожими на персонажей из чужой культуры.

Литература

- Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
- Афанасьев А. Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М. 1996.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Языки и культура. М., 1990.
- Герд А.С. Введение в этнолингвистику. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1995.
- Кривуля Н.Г. Проблемы представления и типологии демонических и монструозных персонажей в анимации // Вестник ВГИК, 2014. №2(20) С.92-107.
- Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1995
- Лотман Ю.Н. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семисфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Рязанова Е.В. Пограничные локусы входа/выхода в фольклорном доме // Известия Саратовского ун-та, Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2009. №4. С.32-36.
- Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997
- Толстая С.М. Роль мифологических моделей в славянском этническом самосознании // Этническое и языковое самосознание. М.: Изд-во МГУ, 1995.
- Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «Индрик», 1995.
- Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. М., 1992. Т.2. С.161 – 164
- Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С.3 – 21.
- Simpson J. A. Dictionary of English Folklore. Oxford University Press, 2003.
- Wimberly L.C. Folklore in the English and Scottish Ballads. New York: Dover Publications, 1965.

References

- Antipov G.A., Donskih O.A., Markovina I.Y., Sorokin Y.A. Tekst kak javlenije kulture. Novosibirsk, 1989.
- Afanas'jev A. Proisshozhdenije mifa: stat'i po folkloru, etnografii i mifologii. M., 1996.
- Vereschagin E.M., Kostomarov V.G. Jazyki i kul'tura. M., 1990.
- Gerd A.S. Vvedenije v etnolingvistiku. Spb.: Sankt Peterburgskij universitet, 1995.
- Krivulya N.G. Problemy predstavlenija i tipologii demonicheskikh i monstroznyh personazhej v animazii// Vestnik VGIK, 2014. №2(20). S.92-107
- Mjuller V.K. Anglo-russkij slovar'. M.: Russkijazyk, 1995.
- Lotman Y.N. Vnutri mysljaschih mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya. M.: Yazyki russkoj kulture, 1999.
- Ryazanova E.V. Pogranichnyje lokusy vhoda/vyhoda v folklorom dome// Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov.ser. Ser. Filologija. Zhurnalistika. 2009. №4. S.32-36.
- Stepanov Y.S. Konstanty. Slovar' russkoj kulture. Opyt issledovaniya. M.: Yazyki russkoj kulture., 1997.
- Tolstaja S.M. Rol' mifologicheskikh modelej v slavjanskom etnicheskom samosoznanii// Etnicheskoje i yazykovoe samosoznanije.M.: Izd-vo MGU, 1995
- Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kultura. Ocherki po slavjanskoj mifologii i etnolingvistike. M.: Izd-vo Indrik, 1995.
- Toporov V.N. Model' mira // Mify narodov mira. M., 1992. T.2. S. 161-164.
- Uryson E.V. Yazykovaja kartina mira vs. obihodnyje predstavlenija)model vosprijatija v russkom yazyke) // Voprosy yazykoznanija. 1998. № 2. S.3 – 21.
- Simpson J. A. Dictionary of English Folklore. Oxford University Press, 2003.
- Wimberly L.C. Folklore in the English and Scottish Ballads. New York: Dover Publications, 1965.

ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ И ПЕРЕДОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье обсуждается проблема использования инновационных стратегий и авангардных образовательных технологий для повышения эффективности обучения иностранным языкам в современном образовательном пространстве школы и вуза. Автор рассматривает модель применения стратегических инноваций в динамичной учебной среде через индивидуальный подход к учебным способностям и личностным характеристикам учащихся.

Ключевые слова: инновационные стратегии, авангардные образовательные технологии, кооперативное обучение, дифференциация, цифровые медиа

Salamatina I. I.

State University of Humanities and Social Studies
Kolomna, Moscow Region, Russian Federation

BREAKTHROUGH STRATEGIES AND CUTTING-EDGE TECHNOLOGIES OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN MODERN EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article deals with the use of innovative strategies and cutting-edge educational technologies to improve the effectiveness of teaching foreign languages in modern school and university education. The author reveals a model for implementing strategic innovations in a dynamic learning microenvironment through an individual approach to the learning abilities and personal characteristics of students.

Key words: breakthrough strategies, cutting-edge educational technologies, cooperative learning, differentiation, digital media

Эпоха высокоразвитых прогрессивных цифровых технологий, виртуализации и искусственного интеллекта, глобальной коммуникации, масштабных реформ всех сфер человеческой жизни диктует национальной системе образования необходимость подготовки подрастающего поколения как к жизни в поликультурном и многоязычном обществе, так и к развитию способности к общению и сотрудничеству.

Современные вызовы общества ставят перед учителем задачи применять на практике инновационные стратегии, методы и технологии, развивать профессиональные навыки и быть творческой личностью. Ему необходимо знать, как продуктивно управлять микросоциумом обучающихся (knowledge management) и выступать не только в роли учителя-предметника (выполняя социальные роли воспитателя, организатора и наставника), но и в роли тьютора, модератора и фасилитатора.

«Таргетируй, моделируй и управляй!» - таков непрременный лозунг прогрессивного учителя, который должен эффективно внедрять инновационные педагогические стратегии в учебный процесс, учитывая индивидуальные способности и особенности обучающихся. Более того, он должен быть способен обустроить новые цифровые и учебные пространства (digital and learning spaces) в рамках управления знаниями, чтобы моделировать процесс создания, поддержания, распространения и применения на практике интеллектуального капитала обучающегося.

Необходимо выделить следующие семь эффективных образовательных стратегий преподавания в классе, которые являются основой продуктивного процесса преподавания иностранного языка в современной российской школе:

- *Визуализация (Visualization)*. Воплотите скучные академические концепции в жизнь, обогащая их с помощью визуального и практического опыта обучения, помогая вашим студентам понять, как они могут применить свои школьные знания в существующем мире. Используйте интерактивную доску для отображения фотографий, аудиоклипов и видеороликов, а также поощряйте учащихся работать не только за партами, вовлекая их в участие в различных экспериментах в классе, в конкурсах, викторинах, дискуссиях и виртуальных экскурсиях. Расширенная реальность при использовании VR и AR технологий позволяет «проживать» разные ситуации в микросоциуме.

- *Кооперативное обучение (Cooperative learning)*. Поощряйте совместную работу учащихся с разным уровнем знаний, как в малых группах, так и со всем классом. Устно выражая свои идеи и реагируя на идеи других, ваши ученики смогут развить уверенность в себе, а также улучшить свои навыки общения и критического мышления, которые им будут жизненно необходимы на протяжении всей жизни. Ученик – соавтор процессов обучения и преподавания.

- *Проблемно-ориентированное обучение (Inquiry-based instruction)*. Задавайте наводящие на размышления вопросы, которые будут способствовать более самостоятельному и независимому мышлению обучающихся. Поощряя их задавать вопросы и изучать свой собственный потенциал, вы помогаете им улучшить свои навыки решения проблем, а также получить более глубокое понимание академических концепций, что является важными жизненными навыками. Акцент на развитие не только *hard-skills*, но и *soft-skills* как неотъемлемое условие «живой» коммуникации.

- *Дифференциация (Differentiation)*. Дифференцируйте обучение, распределяя задачи в зависимости от способностей учащихся, чтобы никто не отставал. Распределение занятий в классе в соответствии с уникальными / индивидуальными потребностями учащихся в обучении означает, что люди с более высокими академическими способностями получают больше возможностей, а те, кто испытывает трудности, получают соответствующую поддержку. Обсуждение проблем и фиксация дефицитов поможет персонализировать процесс обучения.

- *Технологии в классе (Technology in the classroom)*. Включение технологий в ваше преподавание – отличный способ активно вовлекать учеников в учебный процесс, особенно учитывая, что в 21 веке цифровые медиа повсеместно окружают молодежь. Интерактивные доски или мобильные устройства можно использовать для отображения изображений и видео, которые помогают учащимся визуализировать новые академические концепции. При использовании технологий обучение может стать более интерактивным, поскольку учащиеся могут физически присутствовать на уроке в период дистанционного обучения (пандемия) и, безусловно, молниеносно исследовать свои идеи, что развивает их автономию. Мобильные устройства, такие как планшеты или iPhone, или iPad, могут использоваться учащимися в классе для записи результатов, фото- или видеосъемки.

- *Управление поведением (Behaviour management)*. Реализация эффективной стратегии управления поведением имеет решающее значение для завоевания уважения ваших учеников и обеспечения того, чтобы у них были равные шансы полностью раскрыть свой потенциал. Шумный класс не способствует созданию продуктивной учебной среды, поэтому создание атмосферы взаимного уважения (экологичного общения [<http://io.nios.ru/articles2/103/6/prakticheskie-aspekty-realizacii-ekologichnogo-podhoda-v-rabote-klassnogo>]) посредством сочетания дисциплины и поощрений может быть полезным, как для вас, так и для учащихся.

- *Профессиональное развитие (Professional development)*. Участие в регулярных программах профессионального развития – отличный способ улучшить преподавание в вашем классе. В условиях постоянного изменения образовательной политики чрезвычайно полезно посещать мероприятия, где вы сможете получить новый опыт и вдохновение, общаясь с другими преподавателями и учеными. Быть эффективным учителем непросто, потому что каждый ученик уникален. Однако, используя комбинацию разных стратегий преподавания, вы сможете учитывать различные стили обучения и академические способности учащихся, а также сделать свой класс динамичной и мотивирующей средой обучения.

Глобальная педагогика сотрудничества нового тысячелетия характеризуется переходом к таким моделям обучения, которые ставят обучающегося в активную позицию.

Выдающийся советский и российский педагог и методолог-теоретик современной педагогической науки, основатель дидактики как науки об обучении, действительный член Международной Педагогической академии, кандидат педагогических наук, профессор В. К. Дьяченко утверждает, что одной из инновационных технологий современного образования является коллаборативное обучение. Это признанный образовательный подход к преподаванию и усвоению знаний, предполагающий совместную работу групп преподавателей или учащихся по решению проблемы, выполнению задания или созданию продукта [Дьяченко, 1991]. Коллаборативное обучение часто рассматривается как социальная деятельность, в которой участники общаются друг с другом, а процесс обучения осуществляется посредством коммуникации [Бектасова, 2016]. Такое кооперативное / коллаборативное обучение – это философия взаимодействия, в то время как групповая работа – это структура взаимодействия, направленная на содействие достижению конечного результата или цели.

Кооперативное обучение – это личная философия. Это не просто метод, используемый в процессе обучения в классе. Во всех случаях, когда люди объединяются в группы, сотрудничество предлагает способ выполнения работы, который уважает и подчеркивает способности и вклад каждого члена учебной группы. Основная цель коллаборативного обучения лежит в достижении консенсуса посредством сотрудничества членов группы – учителей / педагогов, с одной стороны, и учеников или студентов, с другой.

Кооперативное обучение – это особый вид коллаборативного обучения. При совместном обучении учащиеся работают вместе в небольших группах над структурированной деятельностью. Они несут индивидуальную ответственность за свою работу, но также оценивается и работа группы в целом. Кооперативные группы работают лицом к лицу и учатся работать в команде (*team-building method*).

В небольших группах учащиеся могут поделиться своими сильными, а также улучшить свои слабые стороны. Они развивают навыки своего межличностного общения. Они учатся справляться с конфликтами.

Для того чтобы создать среду, в которой может происходить кооперативное обучение, необходимы три вещи. Во-первых, учащиеся должны чувствовать себя комфортно, но одновременно и испытывать некоторое давление. Во-вторых, группы должны быть достаточно маленькими, чтобы каждый ее член мог внести свой вклад. В-третьих, задача, над которой учащиеся работают вместе, должна быть четко определена.

Преимущества обучения в малых группах в условиях совместной работы включают:

- *Разнообразие.* Учащиеся учатся работать со всеми типами людей. Во время взаимодействия в малых группах они находят много возможностей поразмыслить и принять участие в обсуждении ответов, которые другие участники дают на поставленные вопросы. Небольшие группы также позволяют ученикам высказать свою точку зрения на проблему, основанную на их культурных различиях. Этот обмен неизбежно помогает им лучше понять другие культуры и точки зрения.

- *Признание индивидуальных различий.* Учащиеся могут давать разные ответы на задаваемые вопросы. Каждый из них может помочь группе создать продукт, который отражает широкий спектр перспектив и, следовательно, является более полным и всесторонним.

- *Межличностное развитие.* Ребята учатся общаться со своими сверстниками и другими учащимися, работая в команде над совместными проектами. Это может быть особенно полезно для обучающихся, испытывающих трудности с коммуникабельностью. Они могут извлечь выгоду из структурированного взаимодействия с другими людьми.

- *Активное вовлечение учащихся в процесс обучения.* Работая в небольших группах, у каждого участника есть возможность внести свой вклад в рабочий процесс. При командной работе ученики лучше усваивают материал и способны критически относиться к задаваемым вопросам.

- *Больше возможностей для личной обратной связи.* Поскольку в небольших группах происходит больше обменов мнениями между участниками, ваши ученики получают больше личных отзывов о своих идеях и ответах. Такая обратная связь часто невозможна при обучении в большой группе, когда один или два ученика обмениваются идеями, а остальная часть класса слушает.

В зарубежной педагогике существует ряд подходов к обучению навыкам сотрудничества. Однако, согласно исследованию, проведенному автором [Саламатина, 2018, с.115], выделяются следующие основные характерные особенности процесса совместного (коллаборативного) обучения:

1) обучение является деятельным процессом, в процессе которого учащиеся усваивают новую информацию и связывают ее усвоение со знанием, которым они владеют;

2) обучение требует решения задач, которые возможны при условии активного участия его/ее сверстников, обработки и обобщения информации, а не механического запоминания и повторения;

3) учащиеся извлекают пользу от знакомства с точкой зрения разных людей;

4) обучение совершенствуется в условиях социальной среды, в которой учащиеся взаимодействуют;

5) в коллаборативной среде обучения учащиеся развиваются и в социальном, и эмоциональном плане, так как они слушают различные точки зрения, вынуждены выражать и защищать свои идеи. При этом учащиеся начинают создавать свои собственные уникальные концептуальные рамки, а не полагаться только на экспертов или рамки текста.

Факультет иностранных языков Государственного социально-гуманитарного университета (ГСГУ) подготовил условия для полноценного внедрения и успешного использования инновационных технологий и прогрессивных методов в образовательном процессе, в том числе совместного обучения в рамках стратегического проекта «Территория развития цифрового образовательного пространства» - «Learning Spaces» [<https://sites.google.com/view/learningspaces-gsgu>], цель которого – создание онлайн- и офлайн-медиаплатформ лингводидактических продуктов для повышения профессиональных компетенций студентов и выпускников факультета иностранных языков – молодых специалистов: тематические исследования, учебно-методические продукты, онлайн-обучающие модули, образовательные проекты, мастер-классы. Можно отметить следующие реализованные модули группового взаимодействия [Саламатина, 2021, с.97]:

- Изучение передовых методов интегрированного обучения иностранным языкам на основе цифровых технологий, таких как:
 - Гибкая методология (Agile-подход)
 - Педагогический дизайн
 - Технология Scrum
 - Смешанное / Перевернутое обучение
 - CLIL
 - Проблемно-ориентированное обучение и т.д.
- Проектирование образовательных продуктов в рамках проектных команд под руководством наставников, ведущих специалистов в области обучения и научных руководителей.
- Апробация полученных практико-ориентированных дидактических онлайн- и офлайн-продуктов в рамках производственных практик и исследовательской деятельности студентов факультета иностранных языков (презентации на конференциях, публикации, дипломные работы, конкурсы мастерства, дебаты и т.д.).
- Анализ полученных результатов, совершенствование продукции.
- Работа участников проекта построена на следующих принципах: развитие творческого потенциала каждого студента, открытость новым идеям и нацеленность на результат.

- Основными ценностями гибкой методологии в рамках коллаборации в ходе реализации проекта «Learning Spaces» являются:
- Учащиеся и методы формирования команды гораздо важнее, чем процессы и инструменты.
- Конечный продукт важнее, чем исчерпывающая документация.
- Готовность к переменам важнее, чем следование первоначальному плану.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что коллаборативное или групповое обучение – это обучение через сотрудничество. По сравнению с традиционными формами обучения, успешное сотрудничество и командная работа позволяют создавать разнообразные формы взаимодействия между участниками образовательного процесса. Коллаборативная среда развивает взаимопонимание, которое включает в себя схожие знания, взгляды, предположения участников группы, т.е. разделение одних и тех же идей всей группой.

Внедрение инновационных стратегий и передовых технологий в образовательное пространство школы обеспечивает высокий потенциал преподавателя иностранных языков, что, в свою очередь, позволяет обеспечить качественное вхождение в любую конкурентную среду современного школьного образования.

Источники

Сайт Learning Spaces факультета иностранных языков ГСГУ [<https://sites.google.com/view/learningspaces-gsgu>]

Литература

- Баранова В.Г. Практические аспекты реализации экологичного подхода в работе классного руководителя [<http://io.nios.ru/articles2/103/6/prakticheskie-aspekty-realizacii-ekologichnogo-podhoda-v-rabote-klassnogo>]
- Бектасова, Г. К. Коллаборативная среда как эффективная форма организации урока в условиях повышения качества образования и воспитания / Г. К. Бектасова. — Текст : непосредственный // Педагогическое мастерство : материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). М.: Буки-Веди, 2016. С. 3-4.
- Дьяченко В. К. Сотрудничество в обучении. О коллективном способе учебной работы. М.: Наука, 1991. С. 24–57.
- Ройтблат О. В. Неформальное образование в системе повышения квалификации в условиях трансформации педагогической профессии // Мир науки, культуры, образования. № 2 (27). 2011. С.127.
- Роскош экологичного общения: 10 принципов, о которых стоит знать [<https://www.kforum.ru/o-kompanii/blog/roskosh-ekologichnogo-obshcheniya-10-printsipov-o-kotorykh-stoit-znat/>] (дата обращения: 24.09.2022)
- Саламатина И. И. Коллаборативное обучение в малой учебной группе американской школы // Педагогическое образование и наука. 2018. №1. С. 113-117.
- Саламатина И. И. Коллаборация, цифровизация и инновационный проект «Learning Spaces» факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «ГСГУ» // Образование с позиции будущего: Сб. трудов участников международного образовательного форума EdEXPO 2021 [Электронный ресурс]. – Электрон.текстовые дан. (1 файл pdf: 146 с.). СПб.: Из-во «Международные образовательные проекты», 2021. С.95-98.

References

- Baranova V.G. Prakticheskie aspekty realizatsii ekologichnogo podkhoda v rabote klassnogo rukovoditel'ia [<http://io.nios.ru/articles2/103/6/prakticheskie-aspekty-realizacii-ekologichnogo-podhoda-v-rabote-klassnogo>]
- Bektasova G.K. Kollaborativnaia sreda kak effektivnaia forma organizatsii uroka v usloviakh povysheniia kachestva obrazovaniia i vospitaniia / G.K. Bektasova. — Text : neposredstvennyi // Pedagogicheskoe masterstvo : materialy VIII Mezhdunar. Nauch. Konf. (Moscow, June 2016). M.: Buki-Vedi, 2016. P. 3-4.
- Diachenko V.K. Sotrudnichestvo v obuchenii. O kolektivnom sposobe uchebnoy raboty. M.: Nauka, 1991. P. 24-57.
- Roitblat O.V. Neformalnoe obrazovanie v sisteme povysheniia kvalifikatsii v usloviakh transformatsii pedagogicheskoi professii // Mir nauki, kultury, obrazovaniia. №2 (27). 2011. P.127.
- Roskosh ekologichnogo obshcheniia 10 printsipov o kotorykh stoit znat [<https://www.kforum.ru/o-kompanii/blog/roskosh-ekologichnogo-obshcheniya-10-printsipov-o-kotorykh-stoit-znat/>] (date 24.09.2022).
- Salamatina I.I. Kollaborativnoe obuchenie v maloi uchebnoi grappe amerikanskoj shkoly // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka. 2018. №1. P.113-117.
- Salamatina I.I. Kollaboratsiia, tsifrovizatsiia i innovatsionnyi projekt "Learning Spaces" fakulteta inostrannykh iazykov GOU VO MO "GSGU" // Obrazovanie s pozitsii budushchego: Sb. trudov uchastnikov mezhdunarodnogo obrazovatel'nogo foruma EdEXPO 2021 [Elektronnyi resurs]. • Elektron. tekstovye dan. (1 fail pdf 146p.). SPb.: Iz-vo "Mezhdunarodnye obrazovatelnye proekty", 2021. P. 95-98.

Источники (Sites)

Learning Spaces факультета иностранных языков ГОУ ВО МО «ГСГУ» [<https://sites.google.com/view/learningspaces-gsgu>]

«ЗДЕСЬ НАС ЖДАЛ ТЕПЛЫЙ ПРИЕМ»: ПОРТРЕТ ПОМОЩНИКА В КСЕНОНАРРАТИВЕ ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ

В статье предлагается обоснование для рассмотрения в качестве ксенонарратива нарративных интервью франкоязычных студентов, повествующих об опыте их адаптации к новым условиям жизни и обучения в России. Приводится дизайн эксперимента, проведенного с целью записи ксенонарратива десяти граждан Гвинейской республики, обучающихся в Сибирском федеральном университете города Красноярск в рамках стипендиальной программы компании «РУСАЛ». Полученный ксенонарратив, транскрибированный по системе «ТРУД» М.Л. Макарова, оформляется в виде актантной схемы А.Ж. Греймаса; фиксируются основные «актеры» – существа, предметы или явления, выступающие в роли каждого из актантов. Отдельно рассматривается актант «Помощник», имеющий наибольшее число реализаций в текстах интервью; с помощью методов семантического и нарративного анализа выделяются основные семантические группы лексических средств выражения данного актанта.

Ключевые слова: актант; актантная схема; ксенонарратив; нарратив; нарративное интервью; помощник

Samusenko E. O.
 Saint Petersburg State University
 Saint Petersburg, Russian Federation

“WE’VE GOT A WARM WELCOME THERE”: HELPER’S REPRESENTATION IN THE XENONARRATIVE OF FRENCH- SPEAKING STUDENTS

The article justifies the reasons for which the narrative interviews of French-speaking students about their experience of the life and studies in Russia are considered as xenonarratives. It also provides the description of the procedure of interviewing ten Guinean students studying in the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, within the scholarship program of the “RUSAL” enterprise. The resulting xenonarrative is described with the system of “Transcription of the oral discourse” coined by M.L. Makarov and is presented as an Greimas’ actantial model. The principal “actors” playing roles of every actant are described. The actant “Helper” is considered in detail as the most represented actant in the narratives; lexical markers indicating its realisations are identified and classified with the means of the narrative and semantic analysis.

Keywords: actant; actantial model; helper; narrative; narrative interview; xenonarrative

Сегодня с постепенным возобновлением академической мобильности вновь возникает потребность в исследовании процесса адаптации студентов к условиям жизни и обучения за границей. Для описания такой адаптации может использоваться нарратив – по классическому определению У. Лабова, «один из способов репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, передающих временную последовательность событий» [Labov, Waletzky, 1973, с. 38]. Особым типом нарратива является повествование о чужеродности в контексте межкультурного взаимодействия, в отношении которого мы вслед за Е.Ю. Микалаускайте будем использовать термин «ксенонарратив» [Микалаускайте, 2019, с. 7].

Построение ксенонарратива невозможно без наличия некоторого опыта адаптации иностранца к новой культуре. В качестве инструмента для документирования такого опыта мы выбрали технику нарративного интервью, в основе которой лежит способность человека к построению рассказа о собственном опыте [Журавлев, 1994, с. 34]. Данная техника, разработанная немецким социологом Ф. Шюце, подразумевает создание доверительной обстановки между рассказчиком и интервьюером [Лапшина, 2009, с. 17], наличие некоторой истории из жизни рассказчика и неподготовленность ее изложения [Журавлев, 1994, с. 36].

В рамках исследования под руководством М.К. Мжельских мы провели нарративное интервью с десятью студентами, прибывшими из Гвинейской республики для обучения в Сибирском федеральном университете (далее СФУ) в рамках стипендиальной программы компании «РУСАЛ». Опыт этих студентов

соответствовал основным критериям ксенонарратива, выделенным Е.Ю. Микалаускайте: пребывание в родной стране, бытовые и психологические проблемы адаптации к жизни за границей, сложности обучения иностранному языку, а также взаимоотношения субъекта с представителями «своей» и «чужой» лингвокультуры [Микалаускайте, 2019, с. 63–64].

Все опрошенные студенты были мужского пола, их возраст составлял от 20 до 35 лет, а опыт обучения в СФУ – не менее года. Эксперимент был поставлен в ноябре – декабре 2019 года, до введения системы дистанционного обучения, благодаря чему опрошенные студенты смогли познакомиться в деталях с условиями жизни в Красноярске и очного обучения в СФУ. Общая продолжительность интервью составила более пяти часов. Все беседы с предварительного согласия студентов были записаны на диктофон и после расшифрованы по системе «ТРУД» М.Л. Макарова [Макаров, 2003, с. 75].

Для структурирования текстов интервью мы воспользовались актантной схемой французского лингвиста А.Ж. Греймаса. Основу повествования в ней формируют взаимоотношения между шестью актантами: субъектом и объектом, адресантом и адресатом, помощником и противником [Греймас, 2000, с. 163]. Отношения между актантами традиционно интерпретируются следующим образом: адресант инициирует событие, адресат получает от события выгоду, противник замедляет или мешает событию, противостоя субъекту или конкурируя с ним за объект, в то время как помощник приближает событие, помогая субъекту [Franzosi, 1998, с. 524] (см. рис. 1).

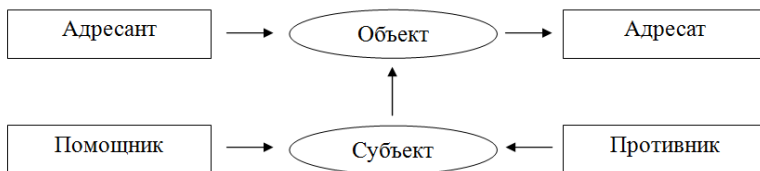

Рис. 1. Взаимоотношения между актантами

В полученной нами схеме субъектами повествования являются сами опрошенные студенты, а их конечная цель (объект) состоит в получении образования в Сибирском федеральном университете. В роли адресанта и адресата выступает компания «РУСАЛ». С одной стороны, эта компания побудила субъект к совершению действия – иными словами, стала инициатором отъезда студентов на обучение в Красноярск. С другой стороны, она же впоследствии извлечет выгоду из приобретенных им объекта, приобретает в лице нынешних студентов квалифицированных сотрудников.

Группы помощников и противников субъекта оказались более разнородными по своему составу. В число помощников субъекта вошли его личный опыт и свойства характера; его семья; преподаватели и система адаптации иностранных студентов СФУ, а также Красноярск и его жители. В роли противников субъекта оказались русский язык, сибирский климат, новые бытовые условия и жители Красноярска. Примечательно, что характеристика красноярцев в разных интервью позволила причислить их как к помощникам, так и к противникам: в то время как одни студенты подчеркнули их отзывчивость и помощь в адаптации, другие сочли их поведение неконтактным или прямо оскорбительным (см. рис. 2).

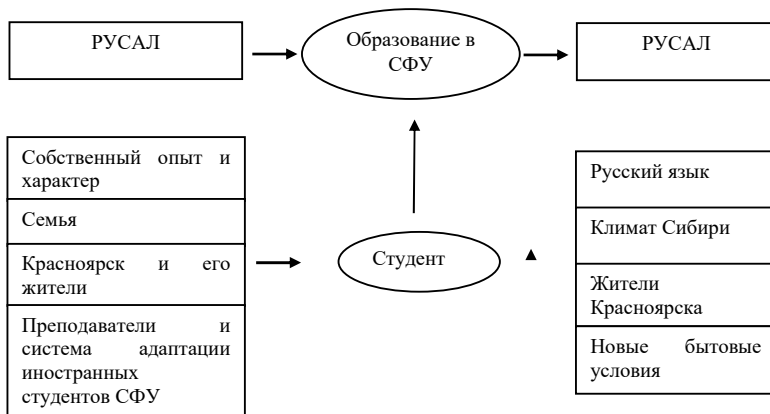

Рис. 2. Актантная схема ксенонарратива студентов об обучении в СФУ

Поскольку актант «Помощник» получил наибольшее число реализаций в нарративе (49 лексических средств), в данной статье мы рассмотрим его наиболее подробно.

Для характеристики помощника использовались следующие лексические группы:

1. Лексика с семантикой помощи (*aider* – помогать, *encourager* – воодушевлять и т.д.) подчеркивает основную функцию помощника – содействие субъекту на пути к достижению объекта; лексические единицы данной группы использовались в основном в отношении семьи студента и его преподавателей [примечание: здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с оригиналом]:

[La professeure] c'est une dame qui nous a beaucoup aidés. Эта женщина [преподаватель] очень нам помогла.

Quand même.. il [mon père] m'a encouragé. Так или иначе, он [мой отец] меня воодушевил.

2. С помощью лексики с семантикой благодарности (*apprécier* – ценить, *grâce à* – благодаря, *remercier* – благодарить и т.д.) рассказчик-субъект признает ценность содействия помощника, в большинстве случаев – также родственника или преподавателя:

J'apprécie beaucoup notre.. professeur de mathématiques. Я очень ценю нашего преподавателя по математике.

GRÂCE à elle/ actuellement je– je me DÉBROUILLE un peu à parler la langue russe. Благодаря ей я теперь немного разбираюсь в том, как говорить по-русски.

3. Лексика с семантикой жертвенности (*se forcer* – заставлять себя, *se sacrifier* – посвящать себя чему-либо и т.д.) ставит акцент на усилиях, которые предпринимает помощник при содействии субъекту. Во всех исследованных нарративах лексика данной группы относилась к преподавателям университета, стремившимся помочь студентам в адаптации даже в ущерб собственным интересам:

On comprenait pas/ parce que elle– elle parle russe, elle SE FORCE à expliquer en anglais. Мы не понимали, потому что она говорила по-русски и заставляла себя говорить по-английски.

Elle nous a fait des (fichiers)/ et elle s'y sacrifie, <...> SANS qu'on la demande et SANS qu'on (la) paye. Она подготовила файлы для нас и посвятила себя этому, хотя мы не просили ее об этом и не заплатили ей.

4. С помощью лексики с семантикой готовности (*s'attendre* – быть готовым, *savoir* – знать, *être (ne) pas étonné* – не быть удивленным и т.д.) рассказчик подчеркивает, что его собственный опыт и знание о будущих трудностях помогли ему в адаптации к жизни и обучению в Красноярске:

Ça veut dire que je suis pas étonné par ça [le froid]. Иначе говоря, я не был удивлен этим [холодом].

Je savais quand même que même signifie le froid. Я все-таки знал, что значит холод.

5. Лексика с семантикой улучшения и преодоления трудностей (*s'améliorer* – улучшаться, *avancer* – продвигаться, *s'en sortir* – найти выход из положения и т.д.) рассказчик использует для указания на изменение ситуации к лучшему после вмешательства любого из помощников:

Mais on commence à avancer dans la langue. Но наш язык понемногу продвигается.

On a pu– disons.. S'EN SORTIR. И мы, скажем, смогли найти выход из положения.

6. Лексемы с семантикой желания и удовольствия (*aimer bien* – очень нравиться, *plaire* – нравиться, *profiter* – наслаждаться, пользоваться и т.д.) рассказчики использовали в отношении к актеру «город Красноярск», указывая на его роль в облегчении процесса адаптации:

Votre ville? Oui\ ça commence à avoir de–(me plaire) bon. Ваш город? Да, он начинает мне нравиться.

Mais si c'est l'été/.. y a beaucoup d'autres trucs à faire.. parce qu'on profite de pique-niques. Но летом возможностей провести время гораздо больше, потому что мы можем отлично отдохнуть на пикнике.

7. Лексика положительной оценки (*amusant* – весело, интересно; *impressable* – безупречный, *meilleur* – лучший) была использована рассказчиками в отношении всех актеров в роли помощника. Тем не менее, значительный пласт этой лексики, относящейся к свойствам характера, использовался только в отношении преподавателей СФУ и жителей города:

C'est: l'emplacement d'abord géologie/ et géographie/ qui est très très... adéquate.. pour qu'on puisse.. apprendre facilement. Это место [университет] вполне соответствует тому, чтобы мы могли без проблем выучить геологию и географию.

Tu peux venir étudier TRANQUILLEMENT, en sûreté. Ты можешь приехать сюда и спокойно, в безопасности, учиться.

Y a des bonnes personnes ICI: et (elles sont) accueillantes, hospitalières. Здесь хорошие люди, приветливые, гостеприимные.

Ils [les Russes] sont OUVERTS (plus ou moins). Ils sont– sont ACCUEILLANTS et (gens).. ils sont COMMUNICATIFS surtout. Русские более или менее открыты. Они приветливы и в особенности общительны.

Y a eu un accueil chaleureux ici au fait. Здесь нас ждал теплый прием.

Многочисленность средств изображения помощника позволяет сделать предположение о преодолении студентами стадии культурного шока и переходе к фазе адаптации или восстановления (*regained adjustment*) [Furnham, 2019, с. 1846], во время которой положительные впечатления иностранца от принимающей культуры начинают превалировать над отрицательными.

Литература

- Греймас А.Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму/ под ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 153–170.
- Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1994. 3–4. С. 34–43.
- Лапшина А.Ю. Коммуникативная стратегия неявного управления в межжанровом пространстве нарративного интервью (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Самара, 2009.
- Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 187 с.
- Микалаускайте Е.Ю. Дискурсивная обработка культурной чужеродности в литературном ксенонарративе: коммуникативно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Красноярск, 2019.
- Franzosi R. Narrative Analysis-Or Why (And How) Sociologists Should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.
- Furnham A. Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners // Psychology, 2019. Vol. 10, No. 13. P. 1832–1855.
- Labov, W., Waletzky, J. Narrative analysis: oral version of personal experience // Helm (ed.) Essays on the verbal and visual arts. Seattle. 1973. P. 12–44.

References

- Grejmas A.Zh. Razmyshlenija ob aktantnyh modeljah // Francuzskaja semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu/ pod red. G.K. Kosikova. M.: Progress, 2000. S. 153–170. [in Russian]
- Zhuravlev V.F. Narrativnoe interv'ju v biograficheskikh issledovanijah // Sociologija: 4 M. 1994. 3–4. S. 34–43. [in Russian]
- Lapshina A.Ju. Kommunikativnaja strategija nejavnogo upravljenija v mezhzhanrovom prostranstve narrativnogo interv'ju (na materiale nemecckogo jazyka): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04 / Samara, 2009. [in Russian]
- Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 187 s. [in Russian]
- Mikalauskaite E.Ju. Diskursivnaja obrabotka kul'turnoj chuzherodnosti v literaturnom ksenonarrative: kommunikativno-pragmaticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19 / Krasnojarsk, 2019. [in Russian]
- Franzosi R. Narrative Analysis-Or Why (And How) Sociologists Should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24.
- Furnham A. Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners // Psychology, 2019. Vol. 10, No. 13. P. 1832–1855.
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral version of personal experience // Helm (ed.) Essays on the verbal and visual arts. Seattle. 1973. P. 12–44.

Сатдарова А. А.

Военный университет имени князя Александра Невского
 Министерства обороны Российской Федерации
 Москва, Российская Федерация

СПЕЦИФИКА АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДИЙ НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецепция художественного текста всегда погружена в некоторый контекст, исторический, социальный, культурный. Большой интерес представляет то, каким образом и насколько успешно иностранный исследователь, занимающийся исследованиями на материале новогреческой литературы, расшифровывает исторические и культурные предпосылки, сформировавшие данную национальную литературу, с тем чтобы провести наиболее полный анализ художественного своеобразия текста и определить его место в данной национальной литературе и мировом литературном процессе. На наш взгляд, следует уделить внимание некоторым внелитературным факторам, оказавшим влияние на ход развития новогреческой литературы, в частности: длительной культурной изоляции греков в условиях Османского ига, преобладанию в этот период фольклорных форм, аккумулировавших творческий потенциал греческого народа, размежевание письменного и разговорного языка, обслуживавших разные сферы жизни нации. Эти факторы, непосредственно повлиявшие на литературный процесс, наложили отпечаток, в том числе, на творящее сознание, отмеченное, например, такими сложно поддающимися расшифровке со стороны иностранного исследователя чертами, как неоднозначное восприятие прошлого, как великого, так и рутинного, и его интерпретация в художественных текстах.

Ключевые слова: новогреческая литература, история литературы, языковой вопрос, греческая нация, национальная идентичность

Сатдарова А. А.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
 Russian Federation, Moscow

SPECIFICS OF THE STUDY OF MODERN GREEK FICTION

When studying a foreign national literature, the choice of the principles and techniques of literary criticism ceases to be purely methodological. The scholar has to manage not only the variety of techniques of literary criticism but also the specific character of the national literature under study. The study of Modern Greek literature requires the attention to some of the particularities of the history of literature and the Greek nation and of the semantic elements of the literary texts. Many literary processes were closely connected with The Greek language question. The enormous resonance that occurred at each phase of the development of the language question accumulates the general efforts of the Greek people to achieve a national identity. The continuity of the language tradition affects the Modern Greek writers' perception of their own work: the writer sees himself as a continuator of the great tradition of ancient literature, and at the same time understands the great literary past, not only as a source of pride and a basis for further development, but also as a burden. Another group of thematic elements characteristic for a large part of the Modern Greek literary works, is the focus on the traditional (patriarchal) way of life, the way it overcomes its pressure and the forms it takes. The interpretation of social themes by Greek writers, devoid of the didacticism we are used to, reveals the peculiarity of the Greek worldview, which focuses on contemplation.

Keywords: modern Greek literature, history of literature, Greek language question, Greek nation, national identity

Проблема выбора критического метода в исследовании явлений иностранной литературы не является сугубо методологической. Исследователь, изучая иностранную национальную литературу, вынужден ориентироваться не только в многообразии существующих техник литературоведческого анализа, но и хорошо понимать специфику изучаемой национальной литературы. Важность такого понимания очевидна при обращении к такой самобытной национальной литературе как греческая. В силу того, что новогреческая литература выкристаллизовалась достаточно поздно по сравнению с другими европейскими национальными литературами, а также в силу ее предельной обособленности многие общеевропейские литературные явления усваивались на греческой почве с опозданием или давая необычные рефлексы [Beaton, Vittì, Μιστροδμήτρης, Πολίτης]. Так сформировалась литература, бесконечно рефлексующая на тему

национального самосознания, развивающаяся под психологическим грузом литературы древнегреческой, но чрезвычайно крепко связанная с фольклорной традицией.

Отличный от других европейских литератур вектор зададо греческой литературе Османское иго, превратив греков, имеющих в анамнезе античную и византийскую цивилизацию из титульной нации государства в притесняемое периферийное национальное меньшинство [Петрунина, 2010, с.34]. Это вводит в процесс развития литературы большое количество внелитературных факторов. Во-первых, и в-главных, греческий язык перестаёт быть предметом изучения и инструментом обучения, что накладывает отпечаток на словесность в принципе, перенося её в зону фольклора, и препятствует естественным процессам складывания национальной литературы. Например, такой ключевой этап становления национальной литературы как фиксации героического эпоса [Лейдерман, 2010, с. 520] греческой литературой был пройден, по наиболее вероятным сведениям в XIIIв., однако оказав своевременное влияние на литературный процесс героический эпос на греческом языке не смог

Речь идет о первом письменном памятнике новогреческой литературы [Μαστροδημήτρης, 2005, с. 40] (литературы на народном языке, отражающей новогреческое сознание и использующей мотивы и выразительные средства, не характерные для византийской литературы, а указывающие на связь с фольклорной традицией [Πολίτης, 2006, с. 3]). Героический эпос «Βασίλειος Δεγενης Ακρίτης» долгое время оставался никем не замеченным в библиотеке одного из монастырей Трапезунда, пока в 1868 году рукопись не попала в поле зрения преподавателя трапезундской гимназии С. Иоаннидиса и, в последствии, историков К. Сатаса и Э. Лейграна. В течение последующих трех десятилетий были найдены остальные известные на данный момент 5 рукописей, тогда как самая ранняя из них датируется по некоторым оценкам XII веком [Сыркин, 1960]. Героический эпос — ключевой для молодой национальной литературы жанр, сложно переоценить находку таких рукописей. Факт фиксации героического эпоса говорит о преодолении важнейшего этапа на пути складывания национальной литературы. Греческая словесность, преодолев этот этап, в определенный момент лишилась возможности для своего дальнейшего развития, так как в условиях Османского ига не мог быть завершен переход от фольклорных форм к литературе.

Безусловно, некоторое количество образованных греков продолжали жить в Константинополе, на материковой Греции, на островах или за границей. Существуют и литературные памятники времён Османского ига, но они отражают все больший уровень размежевания народа и элиты, а значит и народного и архаизирующего языка, на котором создавались тексты.

В связи с невозможностью перейти на качественно новый уровень развития словесности, творческий потенциал нации продолжал аккумулироваться в фольклоре, по сути, до того момента, когда были решены насущные проблемы государственности. Столь длительный разрыв между фиксацией эпоса и попаданием в поле зрения исследователей и читателей обусловлен некоторыми внешними событиями: текст существовал, но, чтобы стать фактом литературы, ему было необходимо стать фактом филологии, то есть чтобы была определена его художественная ценность. Включение, пусть лишь в XIXв., героико-патриотического эпоса в сумму художественных текстов на новогреческом языке полностью меняет конъюнктуру складывающейся новогреческой литературы, он начинает осознаваться греческими литераторами как неотъемлемая часть греческой словесности и становится объектом реминисценций в различных произведениях.

Существует еще один важный момент, который не стоит упускать, занимаясь исследованиями на материале новогреческой литературы, и о котором мы косвенно упоминали выше: многие процессы в литературе были тесно связаны с языковой ситуацией в стране, а именно с напряженной борьбой сторонников искусственного архаизирующего письменного языка и живого народного разговорного языка. Огромный резонанс, который возникал на каждом этапе развития языкового вопроса, аккумулирует всеобщие усилия по обретению национальной идентичности.

Напомним, что XIX век стал по истине ключевым моментом в истории греческого языка. М. Триандафиллидис, лингвист, стоявший у истоков школьного образования Новой Греции, использует термин «*βλα ελληνική γλώσσα*», говоря о греческом языке именно XIX века [Τριανταφυλλίδης, 2005, с. 5]. После образования греческого государства в качестве официального языка закрепилась *кафаревуса*. На протяжении XIX века она была языком управления, образования, журналистики, общественной жизни, научной работы и литературы. При этом сторонники очищения языка стремились ко всё более архаичным формам, ещё сильнее отдаляя *кафаревусу* от повседневной разговорной практики.

В то же время в конце XIX века начало набирать силу движение димотикистов, именно в этот момент «языковой вопрос» становится неотъемлемой частью художественного творчества. Речь идет не только о варианте языка, который литератор избрал для создания своего произведения. На всех этапах развития языкового вопроса литературное произведение по своей форме или содержанию могло стать манифестом той или иной точки зрения на язык.

Ярким тому примером может служить произведение крупнейшего греческого автора Д. Соломоса «*Διάλογος*». Изданный после смерти писателя «*Διάλογος*» стал одной из важнейших вех в истории языкового вопроса и уже в конце XIX века признан первым манифестом в защиту народного языка. Однако самым значительным для окончательной победы димотикистов стало произведение «*Τό ταξίδι μου*» Психариса. Книга вышла в Афинах в 1888 году и вызвала в обществе широчайший резонанс. Совершенно очевидно, что

цель книги – апология разговорного языка и провозглашение его единственно возможным вариантом письменного языка.

Тема национального самосознания — ключевая тема всех видов творческой рефлексии и, разумеется, литературы. Непрерывное напряженное ее осмысление — лейтмотив новогреческой литературы.

Стремление законсервировать язык древних, т. е. инструмент, необходимый во всех сферах жизни государства — политической, социальной, духовной, в том числе одной из важнейших ее составляющих — литературной деятельности, как одна из общественно-культурных тенденций Новой Греции может быть широко переосмыслена как утверждение непререкаемого авторитета великого прошлого, признание поражения современности перед древностью, констатация следования традиции в качестве единственно возможного образа действий.

Тенденция же, которая в исторической перспективе оказалась более успешной, так как закрепила народный язык в качестве официального языка государства, может осознаться как триумф стремления к естественному развитию и движению вперед, демократизации социума и духа. В то же время изменение статуса народного языка фиксирует факт непрерывности развития греческого языка от его древнейшей формы до современного состояния.

Эти тенденции отражают две модели осмысления довлеющего исторического прошлого — принимающую поражение всякого развития и принимающую травматический опыт переосмысления прошлого и отказа от его пережитков в качестве неотъемлемой составляющей жизни. Это и стало одной из важнейших составляющих творческой рефлексии греческой нации и, в частности, литературного творчества.

Необходимость волевым усилием преодолевать трудный этап самоопределения способствовала формированию обостренного своеобразного чувства патриотизма, который в той или иной степени обыкновенно фигурирует среди основных тематических элементов художественной литературы. Эта тема затрагивается, пожалуй, каждым из крупных авторов, кроме, пожалуй, декадентской поэзии 20-х гг. XX в. Однако в этом случае исключение темы национального самосознания из сферы видимости автором (например, К. Кариотакисом) и читателем, носит, напротив, нарочитый характер.

Кроме того, непрерывность языковой традиции накладывает отпечаток на сущность восприятия самими литераторами своего творчества: как создатель литературного произведения на греческом языке литератор видит себя продолжателем великой традиции античной литературы, и в то же время его отношение к своему творчеству содержит болезненность и неудовлетворенность, осознание того, что ему никогда не стать равновеликим своим античным предшественникам. Дух уныния и безнадежности, сопровождающий тему творца и его творения, которая так или иначе затрагивается многими авторами, начинает постепенно переходить из области смутных впечатлений в осознанный элемент тематики многих произведений, в частности поэзии второй половины XX в. Великое, в том числе литературное, прошлое начинается пониматься не только как предмет гордости и база для дальнейшего развития, но и как груз, который, в каком-то смысле, этому развитию препятствует.

Хрестоматийный символ, который аккумулирует все подобные переживания новогреческого литератора встречаем у Й. Сефериса:

Ξόλησα μὲ τὸ μαρμάρينو τοῦτο κεφάλι στὰ χέρια τοῦ μοῦ ἐξαντλεῖ τοὺς ἀγκῶνες καὶ δὲν ξέρω τοῦ νὰ τ' ἀκούηθῶ.

Просьпаясь рядом со мраморной головою, и руки мои немеют под ее тяжелым весом – не знаю, что с нею делать. (Перевод Е. Колесова)

Еще одна группа тематических элементов, присутствие которых характерно для большей части корпуса новогреческих литературных произведений — ориентация на традиционный (патриархальный) уклад, особенности преодоления его бремени, формы, которые он приобретает. Новогреческая литература окрашена социальной спецификой, которая выражается на различных уровнях структуры текста: переносит место действия в сельскую местность, в замкнутую социальную среду, выбирает в качестве героев произведений деревенских жителей. Изучая социальную специфику произведений греческой литературы, иностранный исследователь должен обратиться к вопросу сущности своего воспринимающего сознания и критически отнестись к требованиям, которые он, как читатель, предъявляет к тексту, которому предстоит составить для него новый эстетический опыт.

Рассмотрим своеобразие социальной тематики более детально. Безусловно, в литературных произведениях, отражающих в той или иной степени социальный уклад, есть тексты высочайшей художественной ценности, такие как произведения классика новогреческой литературы А. Пападиамандиса, которые в качестве одной из художественных целей имеют показать тяготы жизни и быта простого народа. Такой авторский замысел прекрасно соответствует тем установкам, которые имеет в нашем случае воспринимающее сознание, сформировавшееся в процессе чтения произведений русской литературы. В то же время, такой авторский замысел соответствует не во всех произведениях греческой литературы, в которых ярко выражена патриархальная тематика. Многие произведения новогреческой литературы могут вызвать недоумение у иностранного читателя, ведь в контексте показанных тяжелых условий быта или застенчивых нравов традиционного замкнутого общества «просвещенный» иностранный разум требует от текста, который погружает героев в такую среду, некоего дидактизма, триумфа, в случае когда патриархальный уклад показан в стадии разложения, или героической жертвы, в случае когда победу

празднует традиция. Но творящее и предполагаемое воспринимающее сознание в данном случае имеют не только эти, но и другие установки. Знакомясь с произведениями новогреческой литературы, мы видим данное национальное сознание как ориентированное на большую созерцательность, чем наша. Своеобразие греческого мировосприятия состоит в цельности восприятия мира, в восприятии жизни как процесса. Поэтому социальная специфика может стать не основой авторского замысла, а фоном для вскрытия других тематических полей, например, межличностных отношений, как в произведениях другого классика литературы Й. Визинноса: его произведение «Το αὐβέρτιμα τῆς μητρὸς μου», наполнено интересными, сочными подробностями деревенского быта, концентрируясь на которых, читатель не замечает, как автор переносит акцент с «бытописательного» элемента своего текста на более глобальный вопрос о сущности материнской любви и боли утраты.

Схожие выводы можно сделать, рассматривая некоторые произведения одного из крупнейших новогреческих авторов конца XIX в. А. Каркавицаса, которые могут обмануть ожидания читающей публики благодаря натуралистической манере изображения деревенского уклада жизни. Обратившись к деревенской теме, Каркавицас уже в первой крупной прозе «Λυγερή» запечатлел правдивую картину жизни, стремясь раскрыть разные стороны жизни греческой деревни во всей полноте. Автор предельно отстраняется от изображаемого мира, ведя повествование от третьего лица, но все же проявляет себя в теплом отношении к героине. По сюжету героиня влюбляется в одного молодого человека, а замуж выходит за другого, но постепенно смиряется, теряет свою любовь. Это преобразование показано как обретение героиней себя, как некоторая позитивная практика. «Другое» иностранное сознание задается вопросом о сущности любви в таком виде, в котором ее показал автор, то есть как некую приобретаемую способность, в то время как авторская интенция, очевидно, направлена на достижение уровня широких обобщений.

Обращение к своеобразию жизни греческого провинциального общества — мотив, который развивается в литературе с конца XIX в и продолжает быть актуальным, приобретая все новые и новые оттенки и воплощения и преодолевая уровень социальной критики. Задача читателя и, разумеется, исследователя — сокращать эстетическую дистанцию, которая затрудняет верную трактовку авторского замысла, и подвергать критике требования, которые выдвигает воспринимающее сознание, сформировавшееся благодаря другим образцам.

Итак, исследования на материале новогреческой литературы следует проводить с учетом некоторых особенностей, относящихся к истории литературы и греческой нации и содержательным элементам литературных текстов, а именно: изменения состава корпуса литературных текстов, влияние языкового вопроса на процессы в литературе, предшествующую культурную и литературную традиции и любые другие доступные изучению и привлечению факторы, наложившие отпечаток на формирование творящего сознания.

Литература

- Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2010.
- Петрунина О. Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М.: КДУ, 2010.
- Сыркин А. Я. К истории изучения «Дигениса Акрита» // Византийский Временник. Том 17 (42). М.: 1960. С. 203–226.
- Beaton R. Εισαγωγή στη νεότερη ελληνική λογοτεχνία. Αθήνα: Νεφέλη, 1996.
- Vitti M. Ιστορία της Νεοελληνικής Λογοτεχνίας. Αθήνα, 2003.
- Μαστροδημήτρης Π. Δ. Εισαγωγή στη Νεοελληνική Φιλολογία. Αθήνα, 2005.
- Πολίτης Λ. Ιστορία της νεοελληνικής λογοτεχνίας. Αθήνα, 2006.
- Τριανταφυλλίδης Μ. Νεοελληνική γραμματική (της δημοτικής). Θεσσαλονίκη, 2005.

References

- Lejderman N.L. Teoriya zhanra (The theory of the genre). / Institut filologicheskikh issledovanij i obrazovatel'nyh strategij «Slovesnik» UrO RAO; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2010. (in Russian).
- Petrulina O.E. Grecheskaya nacija i gosudarstvo v XVIII–XX vv.: ocherki politicheskogo razvitiya (Greek nation and state 18–20 c. Studies in political history). M.: KDU. 2010 (in Russian).
- Syrkin A. YA. K istorii izuchenija «Digenisa Akrita» (On the history of study of «Digenes Akritas») // Vizantijskij Vremennik. Tom 17 (42). M. P. 203–226. 1960. (in Russian).
- Politis L. Istorija tis neollinikis logotechnias (History of Modern Greek Literature). Athina: Morfotiko idryma Ethnikis Trapezis. 2006. (in Greek).
- Beaton R. Eisagogi sti neoteri elliniki logotechnia (Introduction to modern Greek literature). Athina: Nefeli.1996. (in Greek).
- Vitti M. Istorija tis neollinikis logotechnias (History of Modern Greek Literature). Athina, 2003. (in Greek).
- Mastrodimitis P. D. Eisagogi sti Neolliniki Filologia (Introduction to Modern Greek Philology). Athina, 2005. (in Greek).

Triantafyllidis M. Neoelliniki grammatiki (tis dimotikis) [Grammar of Modern Greek (demotic)]. Thessaloniki, 2005. (in Greek).

Источники

Сеферис Й. Мифисторима III // Йоргос Сеферис в переводах Евгения Колесова. URL: <http://library.ferghana.ru/kavafis/seferis.htm> (дата обращения 30.10.2022).

Βιζύηνος Γ. Το αμάρτημα της μητρός μου και άλλα διηγήματα. Αθήνα, 2008.

Καρκαβίτσας Α. Η λυγερή. Αθήνα, 2007.

Παπαδιαμάντης Α. Η φόνισσα. Αθήνα, 1988.

Σεφέρης Γ. Μυθιστόρημα. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/literature/tools/concordance/browse.html?cnd_id=1&text_id=3061 (дата обращения 30.10.2022).

О ГЕТЕРОГЕННОСТИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ БИЛИНГВА

В исследовании раскрываются особенности языкового сознания в контексте представлений о семиотизации фактов реальности билингвом. В статье подчеркнуто, что ноосферный континуум, который формируется под воздействием внеязыковой действительности и сознанием носителя языков, характеризуется межязыковыми взаимовлияниями. Обозначена взаимосвязь процессов языковой, культурной адаптации билингва и нарушения гомогенности его языкового сознания. Явление гетерогенности языкового сознания билингва связано с формированием метакоцептуальной и метаязыковой картины мира. Сделан вывод о том, что семиотическая сфера билингва формируется в результате конвергенции, понятийной и языковой.

Ключевые слова: межязыковое взаимодействие, билингв, сознание, языковая ноосфера, метаязыковая картина мира, ноосферное сознание.

Sverdlova N. A.
Irkutsk scientific center
Irkutsk, Russian Federation

ON THE HETEROGENEITY OF BILINGUAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS

The research reveals the features of linguistic consciousness in the context of ideas about the semiotization of the facts of reality by bilinguals. The article emphasizes that the noospheric continuum, which is formed under the influence of extralinguistic reality and the consciousness of a native speaker, is characterized by interlingual mutual influences. The relationship between the processes of linguistic and cultural adaptation of a bilingual and the violation of the homogeneity of his linguistic consciousness is indicated. The phenomenon of heterogeneity of bilingual linguistic consciousness is associated with the formation of a metaconceptual and metalinguistic picture of the world. It is concluded that the semiotic sphere of a bilingual is formed as a result of convergence, conceptual and linguistic.

Keywords: language interaction, bilingual, consciousness, linguistic noosphere, metalinguistic picture of the world, noosphere consciousness.

Языковой процесс в условиях билингвизма представляет значительный интерес прежде всего по причине необходимости достижения коммуникативных и прагматических задач говорящего. Сознание человека содержит накопленные поэтапно представления о себе и об окружающем мире. «Сознание, как целостная, интегративная форма отражения психики, в определенном смысле зависит только частично от внешних условий, главнейшим же образом – от внутренних условий» [Бехтерев, 1888, с. 26]. Самый разнообразный опыт, переживания, знания имеют отношение ко внутренней среде человека и билингв, осуществляющий все свои «новые» замыслы, реализующий все свои коммуникативные задачи с учетом новой / иной внешней среды, начинает отсчет именно исходя из уже в определенной мере сформированной системы или картины представлений, которая национально специфична.

Сознание, погруженное в мир новых смыслов, языковых и культурных, может быть разного объема, что, по мнению В.М. Бехтерева, связано со сложностью его содержания [Бехтерев, 2020, с. 14-16]. *Объектом* нашего исследования является языковое сознание билингва, прошедшего первичные этапы осознания себя, своего тела в пространстве, ощущения времени; для которого характерно сознание себя (со всеми нравственными, религиозными и пр. представлениями) и самопознание. Языковая способность человека, как отражение высших степеней сознания, проявляется как заложенная от природы реакция человека на внешние раздражители сообразно динамике собственных психических процессов, которые по своей природе универсальны и не зависимы от того, какие именно процессы наблюдает индивид в среде. Отличительным, если мы говорим о билингве, оказывается объем информации в среде, отклик на который он формирует в своем сознании. В этой части будут наблюдаться отличные реакции у ребенка, попавшего в новую языковую и культурную среду, и у взрослого человека, оказавшегося в ситуации освоения новых

жизненных реалий. Отличия будут в части поведенческих реакций, которые по сути своей являются когнитивными актами. Учитывая онтогенетические особенности человека, в сознании ребенка и в сознании сформированной личности будут находить отражение разные паттерны окружающей действительности. Поэтому описание межъязыковых контактов должно строиться с учетом опыта и когнитивного потенциала индивидуума.

Картина мира билингва отличается от сформированной системы представлений о мире человека, владеющего одним языком, ограниченного рамками одной культуры: познание новой действительности и иных картин мира происходит на фоне интериоризации новых ценностных смыслов. В сознании билингва при формировании концептуальной картины мира этот процесс происходит не путем складывания элементов. Изменения объективного мира, которые вторгаются в сознание говорящего, образуют дополнительные компоненты в картине мира, подлежащие концептуализации; они встраиваются в картину мира. Полагаем, что «новые» компоненты картины мира, которые пришли с новой (иной) культурой, могут быть также системно описаны и названы *«метакоцептуальной картиной мира»* (от греческого *μετά*, мета – «после» или «за пределами»). Отражаясь в языке, мета-картина мира наполняет и дополняет его новыми смыслами. Так, мы можем говорить о *«метаязыковой картине мира»*.

Язык в его инструментальной функции является универсальным средством фиксации и отображения действительности. В языке как «промежуточном мире» между мышлением и действительностью (вслед за определением В. фон Гумбольдта) завершается процесс интериоризации новых смыслов и отражается в речи говорящего. Речевое поведение этнофора – индивидуального носителя определенной этнической культуры и национальной психики» [Крысько, 1999, с. 297] – сформировано языковой картиной мира, наполненной специфическим опытом. Билингв же демонстрирует иной, обновленный опыт познания действительности. Каждый акт познания вносит в картину мира, в картину представленной этнофора, новые оттенки, нарушая некую гомогенность предыдущего состояния картины мира. Познание, «непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни» (по У. Матуране) [Матурана, 2001], открывает возможность моделирования взаимоотношений действия и опыта в координатах обновленной среды. Где действие – это продукт речевой деятельности, поскольку язык человека имеет «энергетический» характер, переходя в сознании говорящего из внеязыкового содержания через систему языковых знаков в речь.

Результатом когнитивных процессов будет эффективное речевое поведение. По сути, такое поведение билингва можно считать *маркером становления ноосферного сознания*, которое не есть сумма конкурирующих ощущений, впечатлений, суждений, а некий субстрат, направляемый энергией мысли и разумом человека. В этом случае ноосферное сознание билингва – это не «глобальное планетарное сознание», объединяющее людей [Смирнов, 1998, с. 115], это ближе к пониманию ноосферы Тейяра де Шардена [Семёнова, 2009; Режабек, 2003], когда мы говорим о некоем сверхуровне существования человека, новом этапе его гоминизации.

Языковой процесс в условиях билингвизма представляет собой ноосферный континуум, организуемый под воздействием внеязыковой действительности и сознания носителя языка. Имеющийся опыт познания, заключенный в исходной языковой системе, входит во взаимодействие с приобретаемым опытом познания. Исходная языковая система, формируясь на пути от внеязыкового содержания к языковой форме, преобразуется в некий ноосферный континуум под воздействием внеязыковой действительности и особенностей контактирующего в сознании носителя языка. Опыт познания входит во взаимодействие с приобретенным «чужим» опытом познания в виде иного (приобретённого) механизма. В варианте языка, который реализуется в речевой деятельности говорящим в определенной ситуации общения, мы наблюдаем межъязыковые взаимовлияния, которые описываются в терминах интерференции и переключения кодов (в случае явных и скрытых использований элементов одного из языков). Описание взаимовлияний данного характера указывает на возможность преднамеренного и непреднамеренного переключения кодов, которое происходит осознанно со стороны говорящего.

Двуязычный мир билингва говорит о сложной структуре его языкового сознания. Процесс семиотизации фактов «иной», «чужой» реальности происходит параллельно с нарушением гомогенности языкового сознания говорящего [Свердлова, 2017]. Семиотическая сфера билингва строится по мере конвергенции, понятийной и языковой. Уровень и степень сближения понятий моделирует семиотическую сферу языковой личности билингва. Данное явление, исходя из социального и психического понимания сути билингвизма, является закономерным адаптационным процессом в развитии индивидуума и должно быть описано с точки зрения биоэволюции человека.

Природа языка и познания рассматривается совершенно правомерно, как и иные биологические процессы, с точки зрения теории сложных динамических систем [Evans, 2018]. Изучение билингвального сознания и механизмов межъязыкового взаимовлияния в контексте понимания динамичности взаимосвязанных компонентов и их синергетического взаимодействия подчеркивает сложность ноосферного лингвосомиотического образования в сознании билингва.

Объём межъязыкового взаимовлияния напрямую зависит от когнитивных процессов человека, способов, условий познания им новой действительности и новой картины мира, заключённой в неродном языке в процессе его усвоения. Межъязыковое взаимодействие, его особенности находятся в зависимости от когнитивных процессов. Отражение в языке их результатов зависит от скорости интериоризации новых ценностных смыслов билингвом. В результате овладения новой системой знаков, символов новой

реальности происходит обновление мышления. Так процесс становится доступным с точки зрения семасиологического подхода в режиме описания «от речи через языковые формы и языковую систему к формированию внятного содержания».

Исследование внутренних механизмов, обуславливающих объёмы взаимопроникновения языков, может быть построено на изучении поведения человека в условиях поиска новых смыслов и символов. Философское осмысление взаимодействия языков в сознании билингва в рамках постмодернизма [Свердлова, 2019] указывает на возможность временного сосуществования знаков разных систем, разрушения некогда существовавших естественных связей в пределах одной системы «мира децентрированного».

Литература

- Бехтерев В.М. Мозг и разум: физиология мышления. М.: Издательство АСТ, 2020.
- Бехтерев В.М. Сознание и его границы. Казань: Типография Императорского Унив., 1888.
- Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи совр. биологии. 1944. Т. 18, Вып. 2. С. 113-120.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 1984.
- Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Свердлова Н.А. Онтологический статус языковой ноосферы билингва. Материалы международной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме-6», Москва, 26-27 мая 2017г. М.: «Канцлер», 2017. – С. 65-67.
- Свердлова Н.А. Герменевтические аспекты билингвизма: роль межязыковой интерференции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 3. – С. 602-609. DOI 10.22363/2313-2299-2019-10-3-602-609.
- Семёнова С.Г. Паломник в будущее. Пьер Теяр де Шарден. С.-Пб, РХГА, 2009.
- Смирнов Г.С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума. Иваново : Иван. Гос. ун-т.1998.
- Evans D.R. Bifurcations, Fractals, and Nonlinearity in Second Language Development: A Complex Dynamic Systems Perspective. New York, 2018.

Энциклопедии

- Режабек Б.Г. Ноосферное мировоззрение // Глобалистика: Энциклопедия. М.: Радуга, 2003. С. 705-706.

Словари

- Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. М.: МПСИ. 1999.

References

- Behterev V.M. Soznaniye i yego granitsy (Brain and mind: Physiology of thinking). Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Univ., 1888.
- Behterev V.M. Mozg i razum: fiziologiya myshleniya (Consciousness and its boundaries). M.: Izdatel'stvo AST, 2020.
- Vernadskii V.I. Neskol'ko slov o noosfere (A few words about the noosphere) // Uspekhi sovr. biologii. 1944. T. 18, Vyp. 2. S. 113-120.
- Gumboldt von V. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu (Selected works on linguistics). M.: Progress, 1984.
- Maturana U.R., Varela F.H. Drevno poznaniya: Biologicheskiye korni chelovecheskogo ponimaniya (The Tree of Knowledge: The Biological roots of Human Understanding). M.: Progress-Traditsiya, 2001.
- Sverdlova N.A. Ontologicheskiiy status yazykovoy noosfery bilingva (The ontological status of the bilingual language noosphere). Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Zhizn' yazyka v kul'ture i sotsiume-6», Moskva, 26-27 maya 2017g.. 2017. P. 63–65. (In Russian).
- Sverdlova N.A. Germevicheskiye aspekty bilingvizma: rol' mezh'yazykovoy interferentsii (Hermeneutical aspects of bilingualism: the role of interlanguage interference)// Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2019. T. 10, № 3. P. 602-609. (In Russian).
- Semënova S.G. Palomnik v budushchee. P'er Teyar de SHarden (A pilgrim to the future. Pierre Teilhard de Chardin). S.-Pb, RHGA, 2009.
- Smirnov G.S. Noosfernoe soznaniye i noosfernaya real'nost': filosofskie problem noosfernogo universuma (Noospheric Consciousness and Noospheric Reality: Philosophical problems of the noospheric universe). Ivanovo : Ivan. Gos. un-t.1998.
- Evans D.R. Bifurcations, Fractals, and Nonlinearity in Second Language Development: A Complex Dynamic Systems Perspective. New York, 2018.

Encyclopedias

Rezhabek B.G. Noosfernoe mirovozzrenie (Noospheric worldview) // Globalistika: Enciklopediya. M.: Raduga, 2003. P. 705-706.

Dictionaries

Krys'ko V.G. Etnopsihologicheskij slovar' (Ethnopsychological dictionary). M.: MPSI, 1999.

Селютин А. А.
Челябинский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация

Лимарова Е. В.
Всероссийский государственный университет кинематографии (ВГИК)
Москва, Российская Федерация

ОБРАЗ ГРАЖДАНИНА РОССИИ: ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

В статье представлен анализ ассоциативных ответов учеников старших классов школ города Челябинска, связанных с восприятием образа гражданина России в ценностном аспекте. Выявление устойчивых ассоциативных реакций и периферийных смыслов в ходе опроса может быть использовано для решения проблем социокультурной адаптации выпускников школ, а также в сфере профилактики деструктивных поведений в многонациональных классах. Формирование образа гражданина России в языковом сознании подрастающего поколения затрагивает не только лингвистические аспекты, но и экстралингвистические: знание исторических фактов, прецедентных текстов, знаковых имен и дат. Но знание само по себе не может формировать гражданскую позицию, отвечающую за поведенческие реакции, поэтому исследователям важно было также оценить уровень сформированности ценностного отношения как к самому образу гражданина России, так и к его компонентам. По мнению авторов, материал, представленный в данном исследовании, показывает устойчивое знаниевое наполнение образа гражданина России в языковом сознании старшеклассников, связанное в первую очередь с усилением роли воспитательных элементов в школьном обучении (например, разговоры о важном, тематика классных часов, правительственная программа развития школьного туризма и т.п.), а также отдельных предметов: родной язык, история, окружающий мир, литература.

Ключевые слова: Лингвокультурный образ, лингвокультурный минимум, культурный стереотип, социокультурная адаптация.

Selyutin A. A.
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russian Federation

Limarova E. V.
All-Russian University of Cinematography (VGIK)
Moscow, Russian Federation

IMAGE OF A CITIZEN OF RUSSIA: VALUE FILLING

The article presents an analysis of the association responses of Chelyabinsk high school students related to the perception of the image of a citizen of Russia in the value aspect. Identification of stable associative reactions and peripheral meanings during the survey can be used to solve the problems of sociocultural adaptation of school graduates, as well as in the field of preventing destructive behaviors in multinational classes. The formation of the image of a citizen of Russia in the language consciousness of the younger generation affects not only linguistic aspects, but also extralinguistic ones: knowledge of historical facts, precedent texts, key historical names and dates. One cannot form a civic position responsible for behavioral reactions only with the help of knowledge, so it was also important for researchers to assess the level of formation of a value attitude both to the very image of a Russian citizen and to its components. According to the authors, the material presented in this study shows a stable knowledge content of the image of a Russian citizen in the language consciousness of high school students, primarily related to the strengthening of the role of educational elements in school education (for example, talking about important things, the theme of class hours, the government program for the development of school tourism, etc.), as well as individual subjects: Russian language, History, Literature, "The world around you".

Key words: Linguocultural image, linguocultural minimum, cultural stereotype, sociocultural adaptation.

Лингвокультурный образ гражданина – понятие одновременно и сложное (комплексное), и важное для осознания себя гражданином той или иной страны. О важности говорит уже тот факт, что начиная с первого класса, школьникам задают вопросы об особенностях многонационального и мультикультурного

единства страны, в которой они проживают. Например, в учебнике по окружающему миру мы можем встретить такое задание:

Рис. 1. Страница из учебника Плешаков А.А. Окружающий мир. Учебник для общеобразовательных учреждений. Ч.1. М., 2011. 98 с. С. 12.

Как бы Вы сами ответили на этот вопрос? Что объединяет всех этих представителей разных национальностей? Первоклассники дают, как правило такой ответ: общая Родина, общий язык (русский). То есть внешние национальные особенности каждого из народов, населяющих РФ, не позволяют нам визуализировать образ гражданина России, но связь должна быть и эта связь внутренняя. Мы понимаем, что образ гражданина России как сосуд, может быть разной формы, но наполнен одним содержанием. И именно с содержательной точки зрения огромное значение имеют ценностные категории (нравственные ориентиры), задающие ценностную позицию в отношении себя и окружающих людей, и культурные стереотипы, формирующие модель восприятия действительности. По мнению Л. Тьерри «Чтобы приступить к действию, человек должен иметь представление о том, при каких обстоятельствах это действие осуществимо; кто он такой, что может совершить; какими качествами он должен для этого обладать; в каких отношениях он должен находиться с другими людьми; каким образом возможно совместное действие и какими качествами должен обладать коллектив людей, чтобы осуществлять задуманное действие» [Тьерри, 2011].

Исследования показывают, что уже в дошкольном возрасте у детей формируется устойчивые ассоциации, связанные с такими ценностными категориями как *семья, друг, добро, хороший* и др., имеющими важное значение для развития языкового образа мира [Ленарт, 2021]. При переходе в новую социальную реальность – школу – эти языковые образы начинают оформляться и соотносится с определенными моделями поведения и личностями, эти модели реализующими, например, *родители, одноклассники, учителя, полицейские* и т.п. [Реан, 2018]. Не остается без внимания и гражданская позиция человека, фокусирующаяся на образе гражданина, которая получает свое развитие в рамках выполнения задач воспитательного и духовно-нравственного развития школьников [Никонова, 2022], а также студентов [Трофимова, 2017]. Однако до сих пор исследователями не проведен полноценный лингвокультурный анализ образа гражданина в языковом сознании школьников как в соотношении с дидактическими средствами, участвующими в его формировании, так и в отношении его влияния на модель поведения, в том числе ценностные предпочтения. Есть отдельные попытки «взгляда со стороны», как, например, в работе Ю.М. Карушевой [Карушева, 2021] представлен сопоставительный анализ образа России в языковом сознании населения и эмигрантов, уехавших в США, по результатам которого автор пытается определить схожие моменты в восприятии этого образа.

Понятие *лингвокультурный образ* также обладает определенной новизной, например, исследователь А.Д. Макарова в своей статье «Лингвокультурный образ: сущность понятия», отмечает, что лингвокультурный образ отражает национально-культурные признаки, значимые для того

лингвокультурного сообщества, в котором он формируется [Макарова, 2011]. А.В. Таскаева определяет понятие лингвокультурный образ как «узнаваемый вымышленный или реальный типизируемый персонаж, обладающий национально-культурной значимостью, стереотипизированными характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях» [Таскаева, 2013. С. 21].

В Концепции духовно-нравственного воспитания российских школьников применительно к определению ценностей составляющей общества буквально написано, что «наши ценности, устои нашего общества, наши нравственные ориентиры, очевидные, всем понятные вещи, общее представление о которых и делает нас единым народом, Россией»¹. И обозначены следующие ценности: *справедливость, свобода, жизнь человека, межнациональный мир, семейные традиции (семья), любовь, верность, забота о младших и старших, патриотизм, вера в Россию, единство российской нации*. Мы полагаем, что истинным формированием этих ценностей выступают в основном два института: институт семьи и институт школы, тем более что в указанной выше Концепции особенно подчеркивается роль школы в этом процессе: «В воспитании россиянина – гражданина и патриота – особо важна роль принадлежит общеобразовательной школе. Ценности формируются в семье, неформальных сообществах, трудовых, армейских и иных коллективах, в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т. д. Но наиболее системно, последовательно и глубоко они могут воспитываться всем укладом школьной жизни»². Для выявления уровня сформированности этих ценностей, а также в целом уточнения приоритетных ценностей категорий сегодняшних школьников, мы провели пилотажный опрос среди старшеклассников школ Челябинской области. Методом случайной выборки было опрошено 50 человек (10-11 классы). Школьникам было предложено письменно ответить на несколько вопросов в ответе. Опрос проводился анонимно, результаты опроса были количественно и качественно обработаны авторами статьи. Один из вопросов звучал следующим образом: «*Какими качествами должен обладать типичный гражданин России. Напишите не менее 5 качеств*». Среди полученных ответов мы выделили варианты, набравшие наибольшее количество повторов, обозначающие ядерную зону смыслового поля «качества гражданина России» и свидетельствующие об определенном универсальном характере их отражения в массовом языковом сознании старшеклассников: *патриотизм (15), честность (14), доброта (13), отзывчивость (7), смелость (7), гостеприимность (6), искренность (5), ответственный (5), стойкость (4), мужественность (3), настойчивость (3), любовь к России (3), критическое мышление (3), толерантность (3), трудолюбивый (3), упорство (3), щедрость (3)*. Мы можем заметить, что наиболее устойчивые категории, как, например, *патриотизм, честность*, имеют пересечение с ценностями (патриотизм, справедливость), обозначенными в концепции, также можно с определенной долей условности соотнести ответы школьников *гостеприимность, отзывчивость, трудолюбие* с семейными традициями, *ответственность* с верностью и т.п. Можно предположить, что подобные совпадения могут являться результатом формирования устойчивого поля прецедентных феноменов, присутствующих в публичной риторике (школа, профильные министерства, различные социальные институты по работе с молодежью), и как результат оформления социально-политического запроса на институциональное оформление ценностной парадигмы.

Также в рамках указанного выше опроса старшеклассникам было предложено написать «фамилии, имена известных Вам исторических личностей, которых, по Вашему мнению, должны знать все граждане Российской Федерации». Данное задание было сформулировано таким образом, чтобы исключить гендерные или национальные ограничения для ответа, однако варианты ответов, предложенные школьниками, носят явный гендерно-маркированный характер, а также указывают на подсознательное восприятие исторических личностей важных для гражданина России с точки зрения принадлежности к определенной стране. В ядро попали следующие исторические личности: В. И. Ленин (34), Сталин (28), Путин (24), Петр I (21), Пушкин (16), Екатерина II Великая (15), Ельцин (10) (в скобках здесь и далее указано количество одинаковых ответов – примечание автора). Мы видим, что среди отмеченных исторических личностей преобладают политические лидеры, и только один относится к деятелям искусства и культуры. К ближайшей периферии можно отнести следующие ответы: Кутузов (9), Гагарин (8), Горбачев (8), Иван Грозный (6), Ломоносов (6), Медведев (6), Толстой (6), Достоевский (5), Булгаков (4), Гоголь (3), Жуковский (3), Лермонтов М.Ю. (3), Чайковский (3), Александр II (2), Есенин (2), Жуков (маршал) (2), Маяковский (2), Наполеон (2), Николай II (2), Хрущев (2). В этом случае политические лидеры и деятели культуры и искусств представлены практически в равновзном процентном соотношении. Дальняя периферия представляет собой как правило индивидуальное восприятие и оценку важности исторических личностей, поэтому именно в этой группе среди ответов встречаются и представители других культурных и языковых общностей: Александр I, Анна Иоановна, Босх, Брежнев, Данте, Джон Леннон, Дуль Юрий, Замятин, Карамзин, Кобзон, С.П. Королёв, Лимонов Эдуард, Махно Нестор, Менделеев, Мишустин, В. Мономах, Невский, Н.И. Пирогов, По Эдгар Аллан, Распутин, Рахманинов, И. Репин, Рюрик, Сперанский, Столыпин, Суворов, Тарантино Квентин, Текслер, Тургенев, Хлебников, Ходасевич, Цой, Шекспир, Шойгу, Шолохов, Эйнштейн.

¹ Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тихков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М.: Просвещение, 2009.

² Там же.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что образ гражданина России в языковом сознании старшеклассников испытывает на себе влияние информационных полей разного уровня. В процессе обучения, знакомясь с учебными текстами, школьники воспринимают определенные культурные стереотипы и ценности, важные для формирования их гражданской позиции и создания лингвокультурного образа гражданина, обладающего определенным набором качеств, необходимых для принятия и одобрения данным конкретным социумом. С другой стороны, элементы лингвокультурного образа могут формироваться и стихийно, под влиянием внешней среды. И если в первом случае мы можем прогнозировать закрепление определенных элементов в языковом сознании школьника, то во втором случае велика вероятность появления случайных и непредсказуемых компонентов лингвокультурного образа.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20238, <https://rscf.ru/project/22-28-20238/>».

Литература

- Карушева Ю.М. Образ Родины глазами эмигрантов из России в США и россиян: сравнительный анализ // Женщина в российском обществе. 2021. №3. С. 85-98.
- Ленарт И., Марковина И.Ю., Эндроды О. Языковой образ мира детей дошкольного возраста: кросскультурное русско-венгерское сопоставительное исследование на основе словесных ассоциаций // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. DOI: 10.17223/19986645/72/5
- Лондаджим Тьерри Социокультурная адаптация: сущность и функции // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (дата обращения: 01.09.2022)
- Макарова, А. В. Лингвокультурный образ: сущность понятия / А. В. Макарова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 243–245.
- Никонова Н.И., Залуцкая С.Ю. Патриотическое воспитание обучающихся-билингвов на занятиях по литературе: диалог культур // Перспективы науки и образования. 2022. № 2 (56). С. 288-301. doi: 10.32744/pse.2022.2.17
- Реан А.А., Коновалов И.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 60–80. doi:10.17759/sps.2018090205
- Таскаева, А. В. Лингвокультурный образ «детектив» (на материале детективных романов Артура Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Агаты Кристи об Эркюле Пуаро): монография. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 184 с.
- Трофимова Е. Л. Представления современных студентов о роли гражданина // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 1. DOI: 10.17150/2411- 6262.2017.8(1).27

References

- Karusheva Ju.M. Obraz Rodiny glazami jemigrantov iz Rossii v SShA i rossijan: sravnitel'nyj analiz // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2021. №3. S. 85-98.
- Lenart I., Markovina I.Ju., Jendrodi O. Jazykovej obraz mira detej doskol'nogo vozrasta: krosskul'turnoe rusko- vengerskoe sopostavitel'noe issledovanie na osnove slovesnyh asociacij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 72. DOI: 10.17223/19986645/72/5
- Londadzhim T'erri Sociokul'turnaja adaptacija: sushhnost' i funkcii // Vserossijskij zhurnal nauchnyh publikacij. 2011. №8 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-adaptatsiya-suschnost-i-funktsii-1> (data obrashhenija: 01.09.2022)
- Makarova, A. V. Lingvokul'turnyj obraz: sushhnost' ponjatija / A. V. Makarova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 33 (248). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 60. S. 243–245.
- Nikonova N.I., Zaluckaja S.Ju. Patrioticheskoe vospitanie obuchajushhhsja-bilingvov na zanjatijah po literature: dialog kul'tur // Perspektivy nauki i obrazovanija. 2022. № 2 (56). S. 288-301. doi: 10.32744/pse.2022.2.17
- Rean A.A., Konovalov I.A. Social'no-perceptivnyj obraz razlichnyh social'nyh grupp v soznanii podrostkov // Social'naja psihologija i obshhestvo. 2018. Tom 9. № 2. S. 60–80. doi:10.17759/sps.2018090205
- Taskaeva, A. V. Lingvokul'turnyj obraz «detektiv» (na materiale detektivnyh romanov Artura Konan Dojla o Sherloke Holmse i Agaty Kristi ob Jerkjule Puaro): monografija. Cheljabinsk: Jenciklopedija, 2013. 184 s.
- Trofimova E. L. Predstavljenija sovremennyh studentov o roli grazhdanina // Baikal Research Journal. 2017. T. 8, № 1. DOI: 10.17150/2411- 6262.2017.8(1).27

ВИРТУАЛЬНЫЕ МЕМОРИАЛЫ: ВЫРАЖЕНИЯ СОБОЛЕЗНОВАНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В работе рассматриваются комментарии к постам в социальных сетях, информирующие о кончине владельца аккаунта, размещённые родственниками или друзьями усопшего непосредственного на его странице. Целью исследования является выявление языковых средств выражения сочувствия, присущих интернет-комментариям. Для анализа используется статистический метод конкорданса, установивший, что наиболее частотными единицами в комментариях-соболезнованиях являются личные местоимения 'you', 'I', 'she/he', 'we'. Контекстный анализ местоимений обнаружил, что местоимение 'you' указывает на двойной адресат (усопшего/его родных/других подписчиков блогера); более молодые пользователи опускают местоимение 'I' и предпочитают использовать коллективный адресант 'we'; местоимения 'she/he' чаще используются комментаторами в том случае, когда родственники начинают вести аккаунт умершего блогера. Конкорданс-анализ так же установил, что наиболее частотными видо-временными формами, употребляемыми в комментариях-соболезнованиях, являются Present Simple, Past Simple и Future Simple.

Ключевые слова: интернет-комментарий, медиасообщество, выражения скорби, сетевой жанр, тактика контроля над горем, саморепрезентация

Silantjeva V.

Sfint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

VIRTUAL MEMORIALS: CONDOLENCES IN SOCIAL NETWORKS

The paper observes comments to updates informing about the death of the account owner, posted on their feed by the blogger's relative or friend. The study aims to identify the linguistic means for expressing condolences in Internet comments. The statistical method of concordance has established that personal pronouns 'you', 'I', 'she/he', 'we' are most common in empathic comments. Contextual method has further established that 'you' refers to a dubious addressee (it can be both the deceased and his relatives or the deceased and their followers); younger users omit the pronoun 'I' and opt for elliptical sentences or use the collective addresser 'we'; pronouns 'she /he' prevail if relatives take over the account of the deceased blogger. Concordance has also revealed that the most frequent tenses in commentaries are Present Simple, Past Simple, and Future Simple.

Key words: internet commentary, media community, condolences, web genre, grief policing, self-positioning

Введение

В исследовании, посвящённом выражениям скорби в Интернете, опубликованном в 2013 году, авторы Н. Джакоби и С. Рейсер приходят к выводу, что эмоциональные комментарии в сетевом общении соответствуют социальным нормам, сформированным обществом и культурой, к которым принадлежит индивид. [Jakoby, Reiser 2013: 67]. Таким образом, нельзя констатировать наличие отдельного интернет жанра сочувствия и/или соболезнования. Однако развитие социальных сетей и диверсификация жанра интернет-комментария [Carey 2014: 129; Кирилина 2015: 74; Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета 2018: 53] указывают на то, что интернет платформы начинают формировать собственные правила выражения сочувствия и соболезнования. В социальных сетях, в отличие от Интернет коммуникации в целом, установки общества или культура носителей языка подменяются установками малого сообщества блогеров и их подписчиков.

Для некоторых медиасообществ стимулом к объединению становится тема болезни. Например, блогеры с раковыми диагнозами создают открытые аккаунты, на которых размещают посты о своём заболевании и отвечают на комментарии к постам, объясняя подписчикам, какая форма выражения сочувствия является приемлемой с их точки зрения. В свою очередь подписчики ретранслируют сформулированные блогерами обороты, закрепляя за ними статус клише выражения сочувствия по отношению к раковому больному. Блогеры со схожей тематикой контента вступают во взаимодействие, посылаются друг на друга, рекомендуют аккаунты друг друга своим подписчикам. Более того, если один из

лидеров медиасообщества умирает, остальные блогеры размещают на его странице комментарии с соболезнованиями, так же демонстрируя идеальный пример выражения соболезнования в связи со смертью ракового больного. Таким образом, не только сочувствие, но и соболезнование определяется принадлежностью адресата и адресанта к малому интернет сообществу, а не к культуре и обществу в целом.

Мы назвали объект своего исследования виртуальным мемориалом, а не «страницами памяти» (что является относительно устойчивой номинацией в работах о выражении сочувствия как речевом жанре), поскольку последние обычно создаются после смерти и даже в результате смерти родственниками усопшего, чтобы почтить его память и для дальнейшего поминовения. Виртуальными мемориалами мы называем аккаунты блогеров, которые подготавливались ими самими при жизни, трансформировались из стандартных публичных страниц с широким охватом в площадки для выражения скорби. Хозяева аккаунтов знают о своём терминальном состоянии и стремятся превратить страницу в форму так называемого *лэгази/легасы* (достояния). Два этих фактора: стремление регламентировать будущие выражения сочувствия и соболезнования со стороны адресанта, а так же ожидание трагедии со стороны адресата определяют специфику объекта исследования.

Для анализа нами были отобраны шесть аккаунтов раковых больных, резидентов Великобритании: Kelly Smith (kickasskell), Rachael Bland (biglittlele), Jack Harry Morgan (itsme_jmo), Daisy Ellis (oopsydaasi), Emma Richards (emmavscancer), Tierny Kinsella (tierneykinsella). Все шесть блогеров имели открытые страницы и в разной степени были вовлечены в то, что сами называли повышение осведомлённости о раковых заболеваниях. Они создали разные по значимости платформы, имели не одинаковый охват и разную публикационную активность. Между собой выбранных блогеров не связывали личные отношения, однако они комментировали посты друг друга, поддерживали одни организации и участвовали в одних благотворительных акциях. Обсуждаемые в данном исследовании блогеры неоднократно причисляли себя к раковому сообществу/cancer community. Самому молодому блогеру на момент кончины было 17 лет, самому зрелому – 39 лет.

Сообщения о кончине блогеров появились на их страницах в промежутке между 2018 и 2020 годами. На протяжении последних двух лет у нас была возможность наблюдать за активностью комментаторов на страницах, связанной с тактикой поминовения. Дистанцирование во времени от объекта исследования позволило составить представление о том, являются ли социальные сети «виртуальным кладбищем»: возвращаются ли на неактивные или малоактивные страницы усопших блогеров комментаторы.

Для того чтобы рассмотреть особенности речевого жанра соболезнования в социальных сетях, мы решили создать конкорданс, выявив наиболее частотные лексемы в комментариях к постам, сообщаящим о смерти владельца аккаунта и последующим постам, если таковые размещают родственники или друзья усопшего на его странице. В первую очередь систематизации были подвергнуты личные местоимения, которые оказались наиболее частотным из выявленных классов единиц.

местоимения	Kelly	Rachel	Jack	Daisy	Emma	Tierny
I	242/34%	111/35%	279/30%	200/33%	53/29%	16/21%
You	224/31%	151/48%	330/35%	263/43%	76/41%	32/41%
She/he	187/26%	34/11%	216/23%	105/17%	42/23%	12/15%
We	49/7%	9/3%	97/10%	32/5%	13/7%	17/22%
They	2/0,3%	8/2,5%	12/1,2%	7/1%	0	0

Процентные показатели обнаруживают, что в пяти из рассмотренных конкордансов личное местоимение «вы/ты» встречается наиболее часто: 31% (Kelly), 48% (Rachel), 35% (Jack), 43% (Daisy), 41% (Emma), 41% (Tierny) от общего числа употреблений всех местоимений в каждом отдельном конкордансе. В единственном случае, когда другое местоимение встречается чаще (это местоимение 'I/я в конкордансе Келли), разница в количестве употреблений практически незначительна (34% против 31%).

Обратившись к контекстным употреблениям местоимения 'you', мы установили, что в большинстве случаев оно используется вместе с прилагательным 'all': 'thinking of you all' (14), 'thoughts with you all', 'my thoughts go out to you all' (2), 'sending all my thoughts to you all' (5). При этом трудно однозначно определить, относится ли обращение «все вы» к родственникам и друзьям блогера или подразумевает так же комментаторов и членов виртуального ракового сообщества. Таким образом, двойной адресат поднимает статус усопшего и произошедшей с ним трагедии до общественного: вы все потеряли этого человека, вы все будете скучать по нему.

Обращаясь к аудитории, комментатор не редко применяет тактику контроля над горем, призывая к демонстрации так называемой «глубокой поддержки» [Pfeil, Zaphiris 2007: 922]. Иногда реакция на такие призывы может приобретать почти комический характер, например, один из комментирующих начинает свое обращение 'I'm so sorry', а следующий комментарий уже вступает 'I am so so sorry'. Данные примеры можно рассматривать как вариант эмоционального заражения, при котором каждый последующий комментарий повышает эмоциональный градус предшествующего. При этом эмпатия носит скорее когнитивный, чем аффективный характер, поскольку она направлена на утверждение значимости усопшего и на привлечение внимания к своему комментарию. Когда интенсификация выражения сочувствия становится максимальной, новый комментатор предлагает следующий паттерн.

Меньший процент употреблений местоимения 'you' связан с обращением к умершему блогеру. В таком случае местоимение сопровождается именем усопшего: 'Kelly you'; 'Kelly, you'll be incredibly missed'; 'Kelly my darling you will be missed'.

В большинстве текстов комментариев наблюдается двойной или комплексный адресат, когда 'you' выступает в одном предложении комментария как обращение к усопшему, а в другом – как обращение к родственникам или непосредственно к автору сообщения, информирующего о смерти блогера.

I am so sorry for your loss. Kelly you will be so missed.

I'm so sorry to you all and especially Finn. Thank you Kelly for being incredibly supportive of me and so many others in the cancer community. You are so special.

Не менее интересным является контекстное употребление местоимения «я»/'I'. В процентном отношении частота употреблений данного местоимения практически одинакова для всех конкордансов. Наименьшая частотность 'I' наблюдается в комментариях к сообщению о кончине самого молодого блогера, семнадцатилетней Тири. В данном конкордансе преобладают местоимения «ты/вы»/'you' в качестве обращения к усопшей ('you are an angel', 'you were inspirational'). Так же следует отметить, что местоимение «мы»/'we' встречается в конкордансе Тири значительно чаще, чем в остальных пяти.

Большинство комментирующих сообщение о смерти Тири ее ровесники, которые чаще прибегают к использованию комплексного адресанта «мы» и реже упорядочивают местоимение «я» с перформативами, как это принято в акте сочувствия. Большинство комментаторов используют эллипсы при выражении эмоциональной реакции на событие: 'sorry'; 'gutted'; 'heartbroken', будто боясь обозначить свою личность с помощью местоимения «я». Случаи употребления местоимения «я»/'I' в комментариях более молодых подписчиков на страницах молодых блогеров Тири и Джека в целом преимущественно связаны с описаниями личного опыта знакомства с усопшими: 'I met'; 'I saw'.

Интересно, что в конкордансе Kelly, составленном из комментариев к сообщению о смерти блогера в 2020 году, обнаруживается наибольшее разнообразие в контекстных употреблениях местоимений. Ему присущи прямое выражение сочувствия с местоимениями «я»/'I', «мы»/'we' и перформативами; использование «я»/'I' в тактике самораскрытия (проведение аналогий между своей проблемой и ситуацией автора поста или усопшего); использование местоимения «ты/вы»/'you' как часть тактики благожелания. Так же в конкордансе Келли чаще, чем в других конкордансах встречается местоимение «она»/'she'. В целом ряде комментариев она-Келли предстаёт как героиня, то есть в ее конкордансе реализуются элементы нарративности. Возможно, разнообразие паттернов и тактик связано с тем, что Келли имела наибольший охват из всех рассматриваемых блогеров или с тем, что члены ракового сообщества в основном приобрели к этому моменту печальный опыт комментирования на других страницах-мемориалах и освоили весь многообразный арсенал клише выказывания сочувствия в социальных сетях.

Еще одной интересной особенностью проанализированных комментариев является то, что конкорданс единственного мужчины блогера из предложенной выборки, несмотря на немногочисленность оставленных на его странице комментариев, демонстрирует наибольшую частоту употреблений местоимений. Текстовый файл для конкорданса Келли превышает файл Джека в 2,5 раза, однако по частотности употреблений некоторых местоимений уступает конкордансу Джека. В целом комментарии к сообщению о смерти Джека демонстрируют однообразные синтаксические модели. Личное местоимение в качестве подлежащего и простое глагольное сказуемое в активном залоге.

Однако ошибочно было бы делать однозначные выводы, связанные с возрастом или гендерной принадлежностью комментирующих как о факторах, определяющих способы выражения сочувствия в социальных медиа. Не в последнюю очередь употребление местоимений в комментариях связано с особенностью рассказа об истории болезни и характером прижизненных постов усопшего. Так, например, конкорданс Дейзи, двадцатилетней девушки, обнаруживает значительное количество употреблений местоимения «ты/вы»/'you' как обращения к родственникам, поскольку перед смертью Дейзи месяц провела в коме, а на связь с подписчиками выходили брат и мама девушки. Можно предположить, что подписчики сместили фокус своего сочувствия с умирающей на ее родных. Связь подписчиков блогера и его родных сохраняется, если родственники продолжают обновлять страницу после размещения информативного поста о смерти блогера или открывают свои страницы для аудитории, как, например, сделала мама Келли. В последнем случае не редко акты поминовения начинают осуществляться в дальнейшем не только на страницах-мемориалах, но и на странице активного родственника. Перенос эмпатии может быть связан с тем, что для интернет коммуникации колоссальное значение имеет такое качество как интерактивность.

Объединённый конкорданс всех шести блоков комментариев продемонстрировал вполне ожидаемый результат: соболезнование реализуется в момент речи, поэтому для него характерно настоящее время глагола. Причём основной видо-временной формой разряда Present является Present Simple. Случаев употребления процессной видо-временной формы Present Continuous практически нет. Вероятно предпочтение отдается не процессной форме для того, чтобы подчеркнуть перманентный характер трагедии или неизменность чувств комментаторов в отношении трагедии. При этом, время Present Perfect, хотя и употребляется значительно реже, чем Present Simple, встречается в комментариях подписчиков, поскольку смерть блогера воспринимается как совсем недавнее событие. Рассуждая о достижениях усопшего блогера и осуществляя тактику похвалы, комментатор не всегда переходит на использование Past Simple, как если бы

смерть не прервала связь блогера с моментом речи: 'she has touched so many people'; 'so many of us have been touched by Kelly's strength and generosity'; 'a truly beautiful soul who has passed on but not died'.

Близким по частотности употребления Present Simple оказалось время Past Simple. Большинство употреблений Past Simple связаны с описанием историй совместного времяпрепровождения или обсуждения своего здоровья с блогером. Выражения сочувствия в социальных медиа демонстрируют желание пишущего преодолеть ограничения интернет комментария: его анонимности. Комментирующий стремится сконструировать образа себя в чужом медиа пространстве. Приводя подробности общения с блогером, автор утверждает значимость собственного переживания, вызванного смертью блогера.

В конкордансе Джека время Past Simple опережает по частоте употреблений время Present Simple, что связано с характером комментариев к сообщению о смерти Джека. В основном комментирующие являются молодыми людьми, не принадлежащими к интернет сообществу раковых больных. Они сожалют о невозможности повторить свои прошлые приключения с Джеком.

Еще одним интересным, хотя и в целом ожидаемым выводом стала частотность употребления времени Future Simple. Одной из тактик утешения является обещание помнить или выражение уверенности, что другие будут помнить блогера: 'I will always treasure his memory'; 'your legacy will live on for a long time'; 'you will be truly missed'.

Из приведенных примеров видно, что корпус комментариев в отношении употребления грамматических времен в целом демонстрирует единообразие, не зависимо от того, был ли он создан в 2018, 2019 или 2020 году. Для выражения сочувствия/соболезнования в социальных сетях характерно: использование перформативов и описания собственного отношения к трагедии с помощью времени Present Simple; не признание конечности контакта с усопшим, заключающееся в употреблении времени Present Perfect вместо Past Simple; рассказ истории совместного опыта или так называемого оффтопа, истории о третьих лицах, во времени Past Simple; акт утешения с помощью идеи неизменности чувств и вечной памяти, выражаемых временем Future Simple.

Главным выводом проведенного анализа является то, что авторы комментариев систематически игнорируют ритуальную составляющую выражения соболезнования и смещают фокус возможных потребителей их текста на собственные переживания. Таким образом подкрепляется статус адресанта информации [Викулова, Серебrenникова 2014: 11; Абдуллина 2014: 130]. В то же время, в интернет-комментарии, не смотря на предпринимаемые усилия автора, выражается не индивидуальное мировосприятие, а коллективное представление людей, отождествляющих себя с некоторым медиасообществом. Интернет-сообщество использует комментарии, чтобы совершенствовать содержательную и формальную стороны своего общения, изменения которого обнаруживаются в развитии медиадискурса. Анализ показал, что комментарии, выражающие соболезнования в связи со смертью Rachel Bland в 2018 году, отличаются по структуре и лексическому наполнению от тех, что мы фиксируем в 2020 и 22 годах. Так же следует отметить, что особенности выражения сочувствия/соболезнования в медиасообществах таковы, что новая смерть значительной фигуры для данной группы людей приводит к увеличению посещений не только страницы усопшего блогера, но и виртуальных мемориалов, ранее забытых.

Литература

- Абдуллина, Л. Р. Фреймовая репрезентация национальных особенностей новостных комментариев как жанра интернет-дискурса / Л. Р. Абдуллина, А. В. Агеева // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 1. – С. 21–26.
- Викулова, Л. Г. Структуры и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область «иммиграция») / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебrenникова // Вестник НВГУ. – 2014. – № 4. – С. 10–16.
- Кирилина, А. В. Интернет-жанр «комментарий читателя» / А. В. Кирилина // Вестник МГПУ Серия: Филология. Теория Языка. Языковое образование. – 2015. – № 1(17). – С. 67–76.
- Кожко А.В. Лингвопрагматические особенности речевого жанра «соболезнование» в интернет-коммуникации/А.В. Кожко //Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. – 2020. – № 1(51). – С. 169-181.
- Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета / Н. И. Клушина, Н. В. Смирнова, Л. Т. Касперова и др. // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 50–54.
- Carey, M. C. Facebook Interactivity Rare on Community News Sites / M. C. Carey // Newspaper Research Journal. – 2014. – Vol. 35(2). – P. 119–133.
- Jakoby, N. Grief 2.0. exploring virtual cemeteries / N. Jakoby, S. Reiser // Benski, T. and E. Fisher (Eds.), Emotions & the Internet. – L.; N. Y.: Routledge, 2013. – P. 62–69.
- Pfeil, U. Patterns of empathy in online communication / U. Pfeil, P. Zaphiris // Proceedings of the SIGCHI: Conference on Human Factors in Computing Systems. – 2007. – P. 919–928.

References

- Abdullina, L. (2017) Frejmovaya representaciya nacionalnyh osobennostej novostnyh kommentarijev kak zhanra internet-discursa (Frame representation of national peculiarities of news comments as a genre of Internet discourse) / L. R. Abdullina, A.V. Ageeva // Bulletin of SUSU. Series: Linguistics. No. 1. – pp. 21-26. (in Russian)
- Vikulova, L. (2014) Struktury i sposoby konstruirovaniya socialinoj realnosti v medijnom diskurse (predmetnaya oblast' "immigraciya") (Structures and methods of constructing social reality in media discourse (subject area "immigration")) / L. G. Vikulova, E. F. Serebrennikova // Bulletin of NVSU. No. 4. – pp. 10-16. (in Russian)
- Kirilina, A. (2015) Internet-zhanr "kommentarij chitatelya" (The Internet genre "reader's comment") / A.V. Kirilina // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University Series: Philology. Theory of Language. Language education. № 1(17). – Pp. 67-76 (in Russian)
- Kozheko A.(2020) Lingvopragmaticeskije osobennosti rechevogo zhanra "soboleznovanie" d internet-kommunikacii (Linguopragmatic features of the speech genre "condolence" in Internet communication)/A.V. Kozheko //Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. № 1(51). – Pp. 169-181. (in Russian)
- Setevye zhanry: novost' i kommentarij v prostranstve internet (2018) (Network genres: news and commentary in the Internet space) / N. I. Klushina, N. V. Smirnova, L. T. Kasperova, etc. // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin.No. 3. – pp. 50-54. (in Russian)
- Carey, M. C. (2014) Facebook Interactivity Rare on Community News Sites / M. C. Carey // Newspaper Research Journal.Vol. 35(2), pp.119–133.
- Jakoby, N. (2013) Grief 2.0. exploring virtual cemeteries / N. Jakoby, S. Reiser // Benski, T. and E. Fisher (Eds.), Emotions & the Internet. – L.; N. Y.: Routledge, pp. 62–69.
- Pfeil, U. (2007) Patterns of empathy in online communication / U. Pfeil, P. Zaphiris // Proceedings of the SIGCHI: Conference on Human Factors in Computing Systems, pp. 919–928.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ПРОСТРАНСТВА В СОЗНАНИИ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена выявлению лингвокогнитивных стратегий репрезентации образа пространства в сознании человека. Исследование когнитивной функции пространственных схем и визуально-пространственных кодов приобретает особую актуальность в условиях возрастающей роли процесса концептуальной визуализации во всех областях жизнедеятельности людей. В нашем исследовании мы исходим из положения о взаимосвязи двух процессов – визуализации и концептуализации. В центре нашего внимания – средства и когнитивные основания концептуальной визуализации пространства окружающего физического мира. В результате психолингвистического эксперимента были выявлены различные аспекты репрезентации образа пространства и паттерны его визуализации в сознании испытуемых. Наибольшей когнитивной значимостью обладают геометрические образы (точка, линия, круг, куб, спираль) и геометрические конструкторы на основе сочетания различных геометрических элементов. Важную роль играют также предметно маркированные пространственные образы (комната-куб, аквариум-куб, горы-ломаная кривая линия) и маркеры бесконечности пространства (математические и логические символы).

Ключевые слова: пространство, восприятие, визуализация, концептуализация, репрезентация, уровень абстрактности, геометрический образ, взаимодействие.

Toporova V. M., Korneva E. V.
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

LINGUISTIC AND COGNITIVE STRATEGIES FOR REPRESENTING THE IMAGE OF SPACE IN HUMAN CONSCIOUSNESS

The article is devoted to identifying linguocognitive strategies of representation of the image of space in human consciousness. The study of the cognitive function of spatial schemas and visual-spatial codes is particularly relevant in the context of the increasing role of the process of conceptual visualization in all areas of human life. In our study we proceed from the assumption of interrelation of two processes - visualization and conceptualization. We focus our attention on means and cognitive bases of conceptual visualization of the space of the surrounding physical world. As a result of psycholinguistic experiment different aspects of the representation of the image of space and patterns of its visualization in the minds of the subjects were revealed. The geometric images (point, line, circle, cube, spiral) and geometric constructions based on combinations of various geometric elements have the greatest cognitive significance. Object marked spatial images (room-cube, aquarium-cube, mountains-broken curved line) and space infinity markers (mathematical and logical symbols) also play an important role.

Key words: space, visualization, perception, conceptualization, representation, level of abstraction, geometric image, interaction.

Категория пространства как одна из важнейших когнитивных схем человеческого сознания, обеспечивающих взаимодействие человека с миром [Болдырев, 2018], обретает новые грани осмысления и языковой интерпретации в связи с расширением концептуальных представлений о пространстве в целом, а также внедрением в сознание, в картину мира современного человека образа виртуального пространства. Особую актуальность приобретает исследование когнитивной функции пространственных схем и визуально-пространственных кодов в условиях возрастающей роли процесса концептуальной визуализации во всех областях жизнедеятельности людей. Пространственно-визуальные образы, прежде всего геометрические конфигурации (точки, линии, окружности и т. д), широко используются в контексте визуализации научного знания, в качестве распространенных средств научной аргументации. О концептуальной функции пространственно-визуального образа можно говорить и в более широком смысле – о свойстве рисунка вообще передавать, заключать в себе, выражать абстрактные понятия [Некрасова, 1984; Чертов, 2014].

В нашем исследовании мы исходим из положения о взаимосвязи двух процессов – визуализации и концептуализации. В центре нашего внимания – средства и когнитивные основания концептуальной визуализации пространства окружающего физического мира.

Картина мира в целом формируется и складывается на пересечении различных сфер бытия: биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы, обуславливающих многогранность аспектов её изучения и описания [Залевская, 2014]. Пространственная картина мира как образ сознания, ментальный образ, есть результат обработки информации о взаимодействии человека с окружающим миром на уровнях физиологического восприятия, эмоционально-психологической оценки и логического обобщения (концептуализации, категоризации), проявляющих различную степень абстрактности.

Процесс концептуализации, как показывают исследования, основывается на актуализации элементов различного рода, на соединении перцептографического и идеографического кодов, на взаимодействии эмпирического и рационального восприятия, на рационализации опытного знания, обобщения, категоризации, с опорой на элементы социокультурного кода [Чертов, 2014].

Исходным методологическим обоснованием принципа взаимосвязи процессов концептуализации и визуализации является трактовка визуального образа окружающего мира, возникающего на базе зрительного восприятия, как результата когнитивной обработки поступающей в мозг информации в виде «мозговой картинки» [Раушенбах, 2012]. В этом смысле визуализация пространства – это визуализация ментальных образов различного уровня абстрактности и характера когнитивной интерпретации.

В практической части исследования представлены результаты анализа рисунков, снабженных комментариями, визуализирующих в графическом схематизированном изображении представления 120 студентов-участников эксперимента о пространстве. В нашу задачу входило описание видов паттернов, приёмов графической визуализации пространства.

Визуализация физического (географического) пространства - это сложный процесс. С одной стороны, визуализация предполагает наличие чувственного восприятия, включенность органов чувств в целостный процесс формирования пространственной картины мира. Человек физически взаимодействует с пространством окружающего мира, в этой связи Э. Мах говорил об *ощущении формы, о пространственных ощущениях* [Мах, 2003, с. 326-330].

При этом пространственная картина мира, чувственный образ пространства многогранен и не ограничивается только лишь зрительным восприятием, хотя оно играет главенствующую роль: форма, цвет, размер, соотношение элементов и т. д. Образ воспринимаемого пространства (пространственного окружения человека) выстраивается в контексте ассоциативно-эмпирических элементов глобального перцептивного чувственного восприятия различного рода.

Соответственно, концепт «пространство», составляющий важный элемент общей пространственной картины мира, представленной в сознании человека, может рассматриваться в аспекте трёх составляющих: концептуальной (понятийно-логической), образной (визуально-образной) и оценочной (эмоционально-чувственной). С этой точки зрения мы можем рассматривать концепт «пространство» в контексте научного знания, его формирования на основе актуализации научных концепций пространства и его абстрактно-логической трактовки, или в аспекте обыденного эмпирического эмоционально-образного восприятия. Ментальные образы физического пространства воплощают различные уровни знаний – рациональный и чувственный.

В целом визуализация пространства и пространственных отношений на основе зрительного восприятия отличается разнообразием изобразительных средств и стилей, противопоставляемых по степени схематичности / живописности, трёхмерности / двухмерности или абстрактности / конкретности воспроизведения реальных сторон воспринимаемого мира.

На основе анализа условно-визуальных графических изображений, «рисунков пространства», полученных в ходе экспериментов, можно отметить следующие аспекты репрезентации образа пространства в сознании испытуемых:

- Типы пространственных конфигураций.
- Виды маркировки (кодировки) пространства
- Степень абстрактности графической репрезентации.
- Опора на научные концепции.
- Опора на чувственно-эмпирическую сферу.

Психодингвистические исследования показывают, что наибольшее распространение при визуально-графической репрезентации категории пространства получили в сознании образы геометрических фигур, в связи с чем говорят об особой наглядной данности элементарных геометрических понятий, встроенных в сами представления человека о предметах окружающего мира. Об этом свидетельствуют рисунки, визуализирующие представление о пространстве участников психодингвистических экспериментов, полученные в результате выполнения экспериментального задания «нарисовать пространство».

Наряду с геометрическими паттернами визуализации большое распространение получили контурные изображения предметов, то есть предметно маркированные графические образы, которые несут определённую функционально обусловленную концептуальную нагрузку: фрагментация пространства и выделение пространственных зон. В таких случаях мы имеем дело с функциональным типом визуализации,

которая широко используется, например, в рекламной функции или как маркер какого-либо функционально организованного пространства (*контуры чашки, вилки* как иконический знак).

Наивысшую степень абстрактности условно-визуального представления образа пространства проявляют концептуальные графические символы, например, *знак бесконечности* как маркер бесконечного пространства. Характерна графическая визуализация абстрактного пространства (модель атома Резерфорда, киберпространство в виде двойного кода). Мы видим также Декартову систему координат.

В рисунках отражаются особенности определенных концептуальных представлений о пространстве. При этом визуально-геометрический конструкт может основываться на определенной концепции, то есть представляет особый концептуальный тип визуализации (схематизации образа пространства). Так, распространен образ *пустоты (пустого пространства)* какместилища объектов, но также и образа пространства, которое структурировано объектами (Ср. пространство по *Ньютону* и пространство по *Лейбницу*) [Яковлева, 1994].

Приведём некоторые примеры графической визуализации научных представлений о пространстве, отраженных в рассматриваемых рисунках. Так, графическая *точка* на плоскости листа бумаги символизирует концептуальную противопоставленность *точки* и *пространства* : точка как символ отрицания пространства и точка как символ локализации объекта в пространстве. Можно отметить графическую визуализацию понятия *искривленного пространства* в виде *замкнутой волнообразной кривой*.

Типичными характеристиками образа пространства являются *бесконечность, безразмерность, неопределенность границ или их отсутствие*. Распространённым средством визуально-символической передачи этих свойств пространства выступают *окружность* и *бесконечная спираль* (символы постоянного вращения и возврата с переходом на новый уровень). Признаком бесконечности пространства передает образ *множества вложенных друг в друга кубов*.

Примечательна графическая репрезентация признаков неограниченности и неопределённости пространства на основе визуальной актуализации признака *незамкнутости* пространства. Так, символом незамкнутости выступает *пунктирная окружность*. В этот ряд можно поставить *разомкнутый круг*, а также образ *куба с незакрытой гранью* как символа Вселенной.

Визуальным маркером бесконечности и бескрайности Вселенной выступает линия как символ протяжённости. С другой стороны, в представленных рисунках актуализируется образ бесконечного пространства в виде центрального развертывания множества исходящих из центра круга линий. Схематизация на визуально-геометрической основе является важным приёмом графической визуализации образа пространства.

Анализ текстового материала, вербальных пояснений к рисункам выявляет определённый концептуальный уровень интерпретации визуализируемых пространственных концептов испытуемыми, наличие сформированной системы геометрических и предметно маркированных эталонных пространственных конфигураций, организующих актуальное восприятие и структурирующих пространственную картину мира.

Характерны выделяемые в вербальных определениях, наряду с абстрактными признаками, признаки чувственно-эмпирического уровня восприятия пространства. Это проявляется прежде всего в конкретизации обозначаемого пространства как пространства ближайшего окружения (пространство комнаты, аудитории, стола, тетради и т. д.). Речь может идти о внешнем городском пространстве (*пространство Визавода*), о географическом пространстве (*водное пространство*).

Особой когнитивной значимостью в плане представления образа пространства выступает *личное пространство*, личная зона, пространство внутреннего мира, *пространство души*, пространство ощущений, чувств, именуемое в науке перцептуальным. В описаниях пространства присутствует также чувственно-эмоциональная оценка воспринимаемого, отражающая особенности взаимодействия человека с пространством окружающего мира (*пространство как аквариум, стеклянные стенки которого ограничивают любые действия человека*).

Проанализированный нами материал свидетельствует о разнообразии способов и средств визуализации образа пространства в сознании человека, базирующихся на взаимодействии рационального и чувственно-эмпирического уровней восприятия.

Литература

- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 480 с.
- Залевская А.А. Что там – за словом? : Вопросы интерфейсной теории значения слова. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 328 с.
- Мах Э. Познание и заблуждения. Очерки по психологии исследования/Э.Мах.- М.: Бином.Лаборатория знаний 2003.- 456 с.
- Некрасова Е.А. Неосуществлённый замысел 20-х годов создания Symbolarium /Словаря символов/ и его первый выпуск «Точка» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982. _ Л.: Наука, 1984. – С. 99-115.
- Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. М., Аграф, 2012.- 320 с.

- Чертов Л.Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М. : Языки славянских культур, 2014. -550 с.
- Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени восприятия). М.: Гнозис, 1994. - 344.с.

References

- Boldyrev N. N. Jazyk i sistema znanij. Kognitivnaja teorija jazyka. — М.: Izdatel'skij Dom JaSK, 2018. — 480 s.
- Zalevskaja A.A. Chto tam – za slovom? : Voprosy interfejsnoj teorii znachenija slova. М. – Berlin: Direkt-Media, 2014. – 328 s.
- Mah Je. Poznanie i zabluzhdenija. Oчерki po psihologii issledovanija/Je.Mah.- М.: Binom.Laboratorija znanij 2003.- 456 s.
- Nekrasova E.A. Neosushhestvljonnyj zamysel 20-h godov sozdanija Symbolarium /Slovarja simbolov/ i ego pervyj vypusk «Tochka» // Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Ezhegodnik 1982. _ L.: Nauka, 1984. – S. 99-115.
- Raushenbah B.V. Geometrija kartiny i zritel'noe vosprijatie. М., Agraf, 2012.-320 s.
- Chertov L.F. Znakovaja prizma. Stat'i po obshhej i prostranstvennoj semiotike. М. : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2014. -550 s.
- Jakovleva E.S. Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni vosprijatija). М.: Gnozis, 1994. - 344.s.

Третьякова Т. П.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Спиридонова В. А.
Санкт-Петербургский горный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ОПЫТ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА КОНТИНУУМА ИНТЕРНЕТ КОММЕНТАРИЕВ

В данной статье интернет комментарий, присутствующий в социальных сетях, впервые рассматривается как предмет когнитивно-лингвистического анализа. В частности, с помощью функционально-семантического подхода, делается попытка установить когнитивные параметры, лежащие в основе появления текста-комментария как реализации реактивной интерпретации смысла текста-зачина. Предметом исследования послужили англоязычные информационные блоки интернет комментариев, представляющие собой последовательные континуумы, составленные из нескольких текстов-комментариев по поводу той или иной темы СМИ. В результате проведённого комплексного анализа удалось установить коммуникативные интерактивные модели континуума, а также выделить ряд составляющих их когнитивно-лингвистических параметров. К ним относятся, во-первых, фреймы, отражающие тематический функциональный потенциал и прагматические фокусы континуума, и, во-вторых, модели прямого, косвенного и разнонаправленного комментирования. Выделенные модели определяются с помощью интерпретации интенциональных контекстов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, интернет комментарий, функциональная семантика, моделирование, интерпретация, когнитивная схема

Tretyakova T. P.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

Spiridonova V. A.
Saint Petersburg Mining University
Saint Petersburg, Russian Federation

REGARDING COGNITIVE-DISCURSIVE ANALYSIS OF INTERNET COMMENT CONTINUUM

The article deals with the Internet commentary – a constituent part of social networks – as a subject of cognitive and linguistic analysis. In particular, the functional-semantic approach employed contributes to the determining of the cognitive parameters underlying the commentary text emerging from the reactive interpretation of the meaning of the stimulus text. The subject of the research is English-language information blocks of Internet comments, which are considered as sequential continuums, composed of several texts-comments on a certain media topic. Complex functional analysis made it possible to establish communicative interactive models of the Internet comment continuum, as well as the following cognitive and linguistic parameters of their components. Firstly, these include frames reflecting the thematic functional potential and pragmatic focuses of the continuum, and, secondly, models of direct, indirect and multidirectional commenting. The highlighted models are based on interpreting intentional contexts of discourse practice.

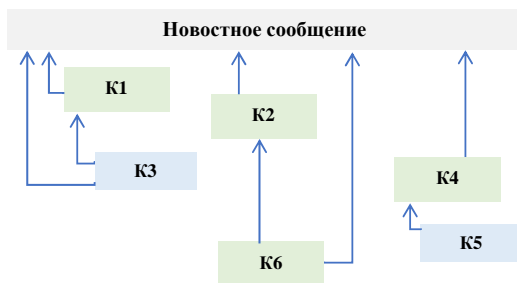
Keywords: cognitive linguistics, Internet commentary, functional semantics, modeling, interpretation, cognitive scheme

Современные особенности интернет дискурса являются актуальной темой лингвистических исследований, изучение которой позволяет проследить постоянно меняющийся формат сетевой коммуникации. Типы интернет дискурса принято выделять, основываясь на специфике устно-письменной формы синхронного или асинхронного общения. Одной из таких форм является существующий в современных социальных сетях и сайтах интернет СМИ жанр интернет комментария. В зависимости от темы обсуждения и количества комментариев, появившихся в сети на эту тему, возникает особый

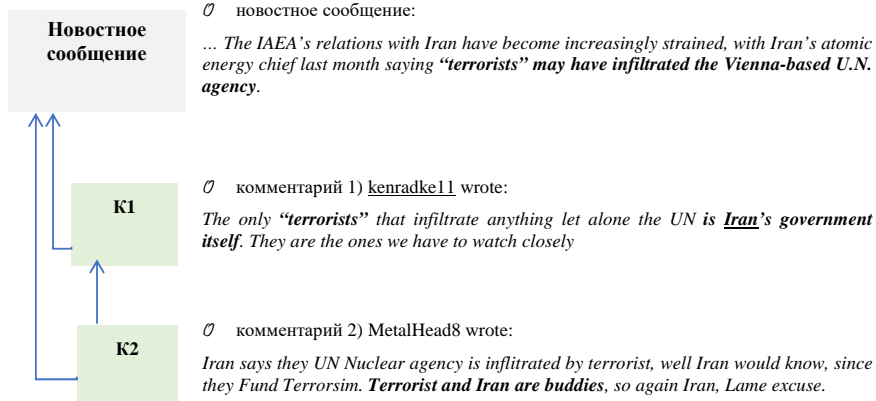
информационный блок, представляющий собой дискурс особой формации. Это дискурс, составленный из текстов, созданных участниками обсуждения темы, заданной текстом-стимулом обладает цельностью. Исходя из понимания социально-исторического значения дискурса в понимании М. Фуко, представляется возможным рассматривать дискурс интернет комментария как особый формат в условиях пучка связей объекта. Кроме того, дискурс реализуется как своего рода <практики>, которые в свою очередь систематически формируют объекты. Отношения, в которых проявляется объект, в процессе обсуждения социального явления формируют восприятие реальности. [Фуко 2004]

Цель настоящего исследования заключается в представлении континуума интернет комментариев как определённой дискурсивной макроструктуры, состоящей из нескольких интернет-комментов, каждый из которых характеризуется специфическими коммуникативно-семантическими параметрами, определяющими интерактивную модель (или паттерн) и включающую выражение отношения автора к полученной в тексте-стимуле информации. Рассмотрение функционально-семантического потенциала отдельных интернет-комментов позволяет выявить перцептивный потенциал текстов и определить когнитивно-дискурсивные модели построения континуума.

Предметом анализа послужили континуумы интернет комментариев, касающихся новостных текстов, размещённых на странице новостного агентства Reuters на социальной платформе Facebook. Континуумы интернет комментариев понимаются как цепочки комментариев (коммуникативные практики), собранные вокруг новостной темы СМИ. Каждый континуум комментариев состоит из дискретных единиц, которые имеют собственные коммуникативные паттерны, и каждая единица может функционировать и как триггер (стимул, переключающий направление обмена информацией), и как реакция. Новостной сюжет в данном случае оказывается отправной точкой дискурса, т.е. первоначальным триггером. После выделения континуума комментариев как единого дискурса выстраивается модель его конфигурации, как процедуры преобразования веб-текста.

При функционально-семантическом анализе наряду с сематическим (пропозиционно-аргументным) составом модели учитывается и прагматический фактор, который также играет значительную роль в формировании континуума. Фреймовые модели зависят от включения <триггер-реакции> как чисто когнитивного компонента восприятия, основывающегося на разного рода ассоциациях [Третьякова, Спиридонова 2020]. Следует отметить особую роль оценочной интерпретации как отдельной составляющей семантики комментария. Функциональная семантика оценки лежит в основе интерпретации тех сдвигов, которые проявляются в интенциональных контекстах. Когда пользователь получает и обрабатывает некоторую информацию (в виде новостной заметки или комментария), определенные элементы содержания воспринимаемого текста попадают в «активный фокус» его внимания [Givón 2001], и активизируют его память [Myachukov et al. 2017]. Эти элементы напоминают реципиенту о его предыдущем опыте и провоцируют его на вербализацию ответной реакции, выполняющей функцию установления (или сглаживания) несоответствий полученной реципиентом информации его представлениям о мире. Например,

В качестве достаточно «сильного» фактора построения континуума комментариев является референциальный потенциал комментариев. К ним относится следующее: 1) гиперссылки, направленные на поиск дополнительной информации; 2) ключевые слова, функционирующие на уровне тематической релевантности; и 3) когнитивно-прагматические фокусы (КПФ). Эти элементы относятся к области когнитивно-прагматической направленности [Кольцова, Карташкова 2018]. Они раскрывают прежний опыт читателя и актуализируют его мнение в контекстном продвижении.

Полученные результаты позволили выделить два основных типа схем в зависимости от вектора направленности информации – 1) ориентированные на «другого» и ориентированные «на себя». Первый тип представлен моделями прямого, косвенного и разнонаправленного комментариев. *Прямой комментарий* это комментарий только на новостное сообщение. К такой модели однозначно относится самый первый комментарий в континууме.

Например, к данной модели относятся первые 3 комментария на новостное сообщение, представленное на Facebook заголовком. Связь комментариев с новостным сообщением основывается в данном случае на ключевых словах “drafts” (комментарий 3), “nuclear” (комментарий 1) и “green” (комментарий 2).

Ø новостное сообщение
“EU drafts plan to label gas and nuclear investments as green”

Ø комментарий 1) Guillermo Melville
\$URNM is a simple way to have exposure to nuclear. The only realistic way to address soaring energy prices using science and not going back to coal.

Ø комментарий 2) Robyn Annala
That sounds like politics not “green” energy options.

Ø комментарий 3) Sir-Vincent Okello
Ok waiting for the drafts content

Косвенный комментарий рассматривается как реакция на другой комментарий, основанный на новостном сообщении. Например, на оценочный комментарий “*What a Joke. Lobbying at its finest*” (к уже упомянутому выше сообщению “EU drafts plan to label gas and nuclear investments as green”) реагирует Ramone Nick. Его комментарий “*meanwhile these people are striving to convince us about ecological necessity.....*” на сайте Facebook выделяется графическим смещением вправо и указанием имени автора комментируемого текста.

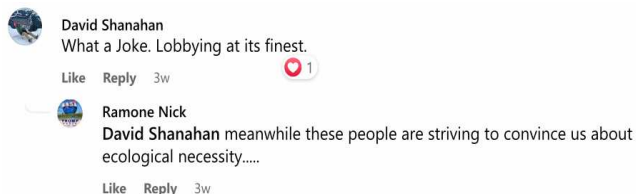

Рис. 1 Пример косвенной модели интернет комментария

Разнонаправленный комментарий включает реакцию на несколько текстов-стимулов, к которым относится текст новостного сообщения, текст чужого комментария и текст собственного комментария. Сочетание нескольких векторов реагирования могут встречаться в различных комбинациях, также не исключены случаи, когда не удается определить все тексты-стимулы.

Последний тип – *само-ориентированная схема*, представлен одной моделью новостного интернет комментария. Данный комментарий направлен на само-коррекцию или самосовершенствование. В этом случае в тексте комментария могут появляться исправления написания слов (например, восполнение пропущенных в спешке букв), а также могут добавляться, видоизменяться или удаляться отдельные семантические элементы. Последние трансформации относятся к таким когнитивно-прагматическим процедурам как определение собственной позиции автора к полученной им информации, внесение, изменение или удаление уточняющих или оценочных данных [Спиридонова 2020]. Само-ориентированные элементы могут включаться в структуру самого текста комментария, например, заключаясь в скобки.

John2525 wrote:

After calling Israel a tumor (an insult) and saying it should be wiped from the face of the earth (another insult), he then says, insulting others should be a crime? Wow. This guy should be listed in the definition of "dumb and dumber" in the dictionary. (само-ориентированные оценочные элементы, уточняющие отношение автора к информации)

sevmourfrogs wrote:

Well, who else uses drones around there? Who (back in 1965) was using unmarked planes to shoot up US boats (& seek a response)?

Ah, yes, the Egyptians. (само-ориентированные элементы, дополняющие фактологические данные)

Само-комментирование на сайте Facebook существует и в виде возможности редактировать собственный текст, сохраняемый в виде "Edit History". Например,

Bryan Patrick Barnard

Bill Dahmer and I thought Trump was batshit.

January 1 at 5:48 PM

Bryan Patrick Barnard

Bill Dahmer and I thought Trump was batshit crazy.

January 1 at 5:48 PM

Рис. 2 Пример само-ориентированной модели интернет комментария

Первый вариант комментария содержит прямое оскорбление (batshit) в адрес американского политика Д. Трампа. А во втором, финальном, варианте, данный элемент меняет функцию и становится интенсификатором к другому, более нейтральному оценочному прилагательному "crazy".

Само-ориентированная модель характеризуется спонтанностью появления комментария (в предыдущем примере зафиксировано время создания каждого комментария – 5:48 (в пределах одной минуты)), т.е. она отражает собственно «почти» разговорный регистр реализации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что интегративный компонент когнитивного дискурсивного анализа позволяет выявить типовые модели построения дискретных интерактивных текстов как упорядоченного множества, реализующего функционально-семантический потенциал его составляющих в процессе когнитивно-дискурсивной практики.

Литература

- Кольцова Е.А., Карташкова Ф.И. Особенности функционирования внутренней речи в лингвопрагматическом и философском аспектах // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. том 8 (4). С. 55-73.
- Спиридонова В.А. К вопросу о когнитивно-прагматических особенностях процесса порождения текста интернет комментария // Герценовские чтения. Иностранные языки: Сборник научных трудов под ред. Т. И. Воронцовой. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 196-199.
- Третьякова Т.П., Спиридонова В.А. Комментирование и англоязычный интернет коммент // Англистика в миниатюрах: Языковая палитра культуры под ред. Е.Г. Хомяковой. СПб.: Астерион, 2020. С. 108-125.
- Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 С.
- Givon T. Toward a neuro-cognitive interpretation of 'context' // Pragmatics and Cognition. 2001. vol. 9 (2). P.175-201.
- Myachykov A., Garrod S., Scheepers Ch. Attention and memory play different roles in syntactic choice during sentence production // Discourse Processes. 2017. vol. 55 (2). С. 218-229.

References

- Foucault M. The Archaeology of Knowledge, SPb.: Humanitarian Academy, 2004. 416 pp.
- Givon T. "Toward a neuro-cognitive interpretation of 'context'". // *Pragmatics and Cognition*. 2001. 9 (2). P. 175-201.
- Koltsova E.A. and F.I. Kartashkova "Osobnosti funkcionirovaniya vnutrennej rechi v lingvopragmaticheskom i psihologicheskom aspektah [Functions of inner speech: linguistic, pragmatic and psychological aspects]." *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018. 8 (4). P. 55-73 (In Russian).
- Myachykov A., Garrod S. and Ch. Scheepers "Attention and memory play different roles in syntactic choice during sentence production." // *Discourse Processes*. 2017. P. 218-229.
- Spiridonova V.A "On the Issue of Cognitive Peculiarities of Internet Comment Generation" [K voprosu o kognitivno-pragmaticheskikh osobennostyah protsessa porogdeniya teksta internet kommenta // Gertsenovskie chteniya: inostrannye yazyki: sbornik nauchnikh trudov / Ed. by T. I. Vorontsova.] // *Herzen's Readings: Foreign Languages: Collection of academic papers / Ed. by T. I. Vorontsova. — SPb.: Herzen University Publishing House*. 2020. P. 196-199. (In Russian).
- Tretyakova T.P., Spiridonova V.A. "Commenting and the English- speaking Internet- comment // English language in miniatures: Linguistic palette of culture" [Kommentirovaniye i angloyazychnyi Internet-komment// Anglistika v miniatyurakh: Yazykovaya palitra kul'tury. ed. by E. G. Khomyakova]. St. Petersburg, Asterion. 2020. P. 108-125 (In Russian).

Источники (Social Networking Site)

<https://www.facebook.com/Reuters>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРВИЧНОЙ И ПОВТОРНОЙ НОМИНАЦИИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ФАНТАЗИЙНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Проблемы первичной и вторичной номинации актуальны для ряда сфер коммуникации, одна из них – область художественной коммуникации. *Цель* настоящего исследования состоит в выявлении специфики первичной и вторичной номинации на *материале* номинирования (называния) персонажей в серии фантазийных романов с помощью *методов* онамасиологического и дискурсивного анализа. Полученные *результаты* подтверждают гипотезу о различной природе языковых и речевых номинаций и позволяют прийти к *выводам* о том, что для первых характерна устойчивая связь между номинантом и номинатом; для вторых свойственна неустойчивость данной связи. *Новизна* работы обуславливается выбором корпуса текстов (сюжетно связанной серии фантазийных романов) для рассмотрения заявленной проблематики в созданном автором условном мире.

Ключевые слова: первичная и вторичная номинация, сигнификат, денотат, номинант, номинат

Tyryguina V.
Nizhny Novgorod State Linguistics University
Nizhny Novgorod, Russian Federation

ON SOME FEATURES OF THE PRIMARY AND REPEATED NOMINATION OF CHARACTERS IN FANTASY FICTION TEXTS

The problems of primary and secondary nomination are relevant for a number of areas of communication; one of them is the field of fiction communication. *The purpose* of this study is to identify the specifics of the primary and secondary nomination on *the material* of nominating (naming) characters in a series of fantasy novels using *the methods* of onomasiological and discourse analysis. *The results* obtained confirm the hypothesis about the different nature of language and speech nominations and allow us to *conclude* that the former are characterized by a stable connection between the nominee and the nominee; the latter are characterized by the instability of this connection. *The novelty* of the work is determined by the choice of a corpus of texts (a plot-related series of fantasy novels) for the consideration of the stated problems in the imagined world created by the author.

Keywords: primary and secondary nomination, significatum, denotatum, nominant, nominee

1. Постановка проблемы

Наиболее значимой функцией слов является обозначение (номинирование), так как благодаря им происходит название процессов, явлений и предметов. Слово – это языковая единица, в то же время оно является единицей речи, которая используется для совершения актов коммуникации [Бульгина, 1991]. Основным или ядерным типом номинации является отношение имя существительное-предмет, поскольку в большинстве случаев именуется именно предметы либо лица. Касательно того, можно ли относить к данному понятию обозначение каких-либо несубстанциальных элементов (процессов, качеств, психических состояний, событий и т.д.), до сих пор ведутся споры. По определению В. Г. Гака в широком смысле номинация – «...обозначение всего отражённого (или отражаемого) и познаваемого человеческим сознанием, всего сущего или мыслимого: предметов, лиц, действий, качеств, отношений и событий» [Гак, 1998, С. 315]. В динамическом аспекте данное понятие обозначает «процесс номинации», то есть речемыслительный процесс выбора готового наименования предмета из уже существующих языковых единиц или создание нового названия. При употреблении термина «номинация» в статистическом аспекте, оно рассматривается как результат. Стоит отметить, что данное разграничение весьма условно, так как в мыслительной деятельности человека порой достаточно сложно увидеть грань между процессом и результатом, поэтому один и тот же термин может использоваться в обоих смыслах.

Номинация может определяться как процесс и результат сопоставления элементов языка с предметами, которые они определяют. Это понятие также может означать фонетический элемент, с помощью которого осуществляется обозначение. Поскольку слово может рассматриваться как единица необходимо разграничивать языковые и речевые номинации. Языковая номинация – средство актуальных

номинаций, используемых в речевых актах при соотношении значения с называемым объектом [Сернак, 2002] Для данного типа характерны следующие признаки: – устойчивая связь между номинантом и номинатом; – отношение номинат – сигнификат является результатом относительного понимания устройства мира конкретной языковой аудиторией; языковая мотивация не всегда мотивирована [Уфимцева, 1977; Кацнельсон, 2011]. На уровне системы языка в качестве номинанта данного названия выступает сигнификат (обобщенное представление, выражаемое словом), образующийся в сознании как результат обнаружения отличительных признаков у денотатов.

В речевой номинации связь номинанта и сигнификата неустойчива. В речи обозначение, которое получает объект, зависит только от субъекта номинации, осуществляющего отбор признаков при наименовании. Речевые номинаты всегда мотивированы, поскольку, когда сознание человека воспринимает определённый денотат, он обретает подходящую форму, соответствующую данному языку. В отличие от системы языка, где номинатор определяет смысл и значение имени, в речи он устанавливает только смысл наименования. Разнообразные названия одного предмета в речи выступают в качестве синонимов на уровне денотатов, при этом на уровне сигнификатов они не будут являться синонимичными.

Сказанное выше обуславливает *цель* настоящего исследования, которая состоит в выявлении специфики первичной и вторичной номинации на *материале* номинирования (называния) персонажей в серии фантазийных романов. Сказанное выше обуславливает *цель* настоящего исследования, для достижения которой последовательно решаются следующие задачи: рассмотреть и изучить понятие номинации; раскрыть содержание понятия первичной номинации; рассмотреть, изучить и обобщить сведения о средствах первичной номинации в общезыковой системе; рассмотреть, изучить и обобщить сведения о средствах повторной номинации в общезыковой системе; проанализировать средства первичной номинации персонажей на материале серии книг Дж. Роулинг о Гарри Поттере; проанализировать средства повторной номинации данных персонажей; сделать выводы о частоте использования тех или иных средств первичной и повторной номинации персонажей).

Объектом исследования является система номинации персонажа в повествовательной структуре художественного произведения. В свою очередь предметом исследования выступают средства первичной и повторной номинации персонажей художественного произведения и их специфика.

2. Методы

В соответствии с задачами исследования для изучения заявленных в теме единиц языка в работе применялись методы ономаσιологического и дискурсивного анализа. Процессы номинирования (номинации) входят в компетенцию ономаσιологии, которая как известно, изучает все единицы языка с точки зрения осуществления ими номинативной, или репрезентативной, функции. Ономаσιология отвечает на вопрос, почему данный предмет назван именно так, какие свойства этого предмета приняли участие в формировании языкового знака и почему [Гак, 1998]. Выделяют первичную и повторную номинацию. Под первичной номинацией понимают использование слов и словосочетаний для языкового обозначения объектов, явлений, качеств, действий и т. д. [Касаткина, 2011; Плотникова, 2013; Юдаева, 2016] Повторная номинация – языковое обозначение ранее упомянутого средствами первичной номинации объекта – предполагает выбор средств словесной замены для уже названного субъекта или объекта. Наиболее соответствующих замыслу автора и подходящих заданному контексту способов. Для установления причин выбора средств повторной метод ономаσιологического анализа был дополнен методом дискурсивного анализа, позволяющего выйти за рамки вербальной структуры текста и включить рассмотрение других факторов, определяющих выбор номинаций [Арутюнова, 1977; Фонтанский, 2001]. Наряду с методами качественного анализа в исследовании использовались методы количественного анализа.

3. Обсуждение результатов

Тексты художественных произведений предоставляет возможность для детального рассмотрения и анализа средств первичной и повторной номинации персонажей, поскольку вся информация чётко фиксируется в виде текста. Как правило, для названия того или иного персонажа в художественных произведениях автор использует разные номинации. В таком случае неизбежно возникает позиционное противопоставление, выраженное отношением первичной и повторной номинаций. Лексические средства, употребляемые для названия одного и того же персонажа связаны отношениями кореферентности, то есть отношениями, в которых разные имена обозначают один и тот же объект внеязыковой действительности.

Как было, первичная номинация используется с целью введения читателя в повествование. Выбор средств номинации обусловлен задачей и целью автора сообщить ту или иную информацию о герое произведения. Именно поэтому в данной позиции часто указываются имя, возраст, пол, родственные связи, профессия или социальное положение персонажа. Например, в книге “Harry Potter and the Philosopher’s Stone” герои вводятся следующим образом: “Mr Dursley was the director of a firm called Grunnings”/“Mrs Potter was Mrs Dursley’s sister”/ “Madam Malkin was a squat, smiling witch”/“Bill and Charley have already left-Bill was Head Boy and Charlie was captain of Quidditch.”/ “Professor Quirrell, the nervous young man from the leaky Cauldron”/ “the caretaker, Argus Filch”/ “a cat called Mrs Norris”/ “a dumpy little witch called Professor Sprout”/ “Professor Binns had been very old” / “Professor Flitwick, the Charms teacher”/“Wood, a burly fifth-year

boy"/ "their teacher, Madam Hooch" / "the Slytherin captain, Marcus Flint"/ "the dark wizard Grindewald" и др. Следующие примеры можно найти в "Harry Potter and the Chamber of the Secrets»: «the Dursleys' son, Dudley"/"Snape, the Potions master"/"the gamekeeper, Hagrid"/"the greatest Dark sorcerer of all time, Lord Voldemort"/"his best friends, Ron Weasley and Hermione Granger"/"his archenemy, Draco Malfoy"/"Fred and George, Ron's elder twin brothers"/"Ron's elder brother Percy"/"the next brother, Charlie"/"their friend from Hogwarts, Lee Jordan" и др. Характеристики, которыми автор наделяет персонажа при первом его упоминании, являются необходимыми для восприятия сюжета произведения читателем, настраивают на понимание роли того или иного персонажа в данном произведении. Когда речь идёт о серии книг, рассказывающих об одних и тех же героях в разных ситуациях, автор может использовать первичную номинацию не только для того, чтобы дать герою характеристику, но, и чтобы напомнить читателю, кем является тот или иной персонаж, как относится к нему главный или второстепенный герой произведения. Например, по сюжету первой книги о Гарри Поттере ("Harry Potter and the Philosopher's Stone") читатель узнает о неприязни, которую главный герой испытывает к одному из учеников школы, Драко Малфойю (Draco Malfoy). В начале второй книги ("Harry Potter and the Chamber of Secrets"), читатель видит следующее описание персонажа, которое одновременно является первым упоминанием о данном герое в этой части серии: "He'd almost be glad of a sight of his archenemy, Draco Malfoy", в третьей части ("Harry Potter and the Prisoner of Azkaban") также может быть найдено подобное упоминание: "Draco Malfoy and Harry had been enemies ever since they had met on their very first journey to Hogwarts". Одним из наиболее распространённых средств первичной номинации в художественных текстах является имя собственное. Использование имени собственного в самом начале произведения является особым художественным приёмом, позволяющим мгновенно погрузить читателя в сюжет произведения.

Можно отметить, что большая часть глав, из которых состоят семь книг о Гарри Поттере, начинаются с имени собственного, используемого в качестве средства первичной номинации. Мы можем наблюдать следующие показатели: в книге "Harry Potter and the Philosopher's Stone" 9 из 17 глав начинаются с использования имени собственного, а первые предложения в 2 из 17 глав, так или иначе, содержат имена собственные тех или иных героев; в "Harry Potter and the Chamber of Secrets" 8 из 18 глав начинаются с имён собственных, 4 из 18 содержат упоминания имён собственных в первом предложении; в "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban" 15 из 22 глав начинаются с имён собственных, 3 из 22 содержат имена собственные в первом предложении; в "Harry Potter and the Goblet of Fire" 22 из 37 глав начинаются с имён собственных, 11 из 37 содержат упоминание имён собственных в первом предложении; в "Harry Potter and the Order of the Phoenix" 25 из 38 глав начинаются с имён собственных, 8 из 38 содержат упоминание имён собственных в первом предложении; в "Harry Potter and the Half-Blood Prince" 24 из 30 глав начинаются с имён собственных, 2 из 30 содержат упоминание имён собственных в первом предложении, в "Harry Potter and the Deathly Hallows" 18 из 36 глав начинаются с имён собственных, 7 из 36 содержат упоминание имён собственных в первом предложении.

По итогам исследования было выявлено, что среди средств первичной номинации, используемых в рассмотренных текстах (серии книг Дж. Роулинг (J.Rowling) о Гарри Поттере: "Harry Potter and the Philosopher's Stone", "Harry Potter and the Chamber of the Secrets", "Harry Potter and the Prisoner of Azkaban", "Harry Potter and the Goblet of Fire", "Harry Potter and the Order of the Phoenix", "Harry Potter and the Half-Blood Prince", "Harry Potter and the Deathly Hallows"), наиболее часто используется имя собственное.

"Mr. and Mrs. Dursley, of number four, Privet Drive, were proud to say that they were perfectly normal, thank you very much". ("Harry Potter and the Philosopher's Stone")

Harry Potter was a highly unusual boy in many ways ("Harry Potter and the Prisoner of Azkaban")

Ron Weasley, who was one of Harry's best friends at Hogwarts, came from a whole family of wizards.

Uncle Vernon, Aunt Petunia, and their son, Dudley, were Harry's only living relatives

Harry's other best friend from Hogwarts, Hermione Granger, hadn't been in touch either

Такой результат вполне ожидаем, поскольку имя собственное это, практически во всех случаях, первая номинация, которую получает неизвестное до данного момента реальное или вымышленное лицо.

Реже в качестве средства первичной номинации встречаются именные группы, состоящие из общего именованного и показателя неопределённости, как *some*:

Some rich builder and his wife were coming to dinner. ("Harry Potter and the Chamber of Secrets")

Fudge has been criticized by some members of the International Federation of Warlocks<...> ("Harry Potter and the Prisoner of Azkaban")

The door of the nearest greenhouse opened and some fourth years spilled out of it, including Ginny. ("Harry Potter and the Order of the Phoenix")

В художественных текстах, особенно больших по объёму, как например, серия романов о Гарри Поттере, далеко не каждый персонаж является значительным. В случаях, когда автору не требуется подробно описывать героя, наделять его какими-либо качествами, в составе первичной номинации может использоваться актуализатор «один» ("one"). Данное слово выполняет функцию неопределённого артикля и помогает отнести обозначенный объект к определённому классу. Использование подобного средства первичной номинации показывает, что лицо, о котором идёт речь, известно рассказчику, но предполагается, что читатель или слушатель с ним не знаком. В рассматриваемых текстах также можно обнаружить примеры употребления данного средства:

Only one boy managed to remain airborne for more than a few seconds <...> (“Harry Potter and the Half-Blood Prince”);

One man had a bloody bandage over his eye. (“Harry Potter and the Deathly Hallows”)

Последние используются с целью отнести персонажа к определённой классу, не наделяя его конкретными характеристиками.

Использование повторной номинации в художественных текстах обусловлено необходимостью обозначить ранее уже названный в данном контексте объект, употребляя при этом наименование отличное от первичной номинации. С этой целью автор использует различные средства повторной номинации, благодаря чему удаётся избежать монотонности, более подробно описать персонажа, наделять его различными характеристиками, связать текст тематически.

Одним из наиболее часто употребляемых средств повторной номинации в художественных текстах является использование местоимения 3-го лица (местоименная номинация). Отличительной особенностью местоименной номинации является то, что количество её повторений может значительно превышать частоту использования других средств, при условии, что номинативный ряд данного персонажа не прерывается обозначением других героев. В среднем ряд местоименных номинаций в текстах серии книг Дж.К.Роулинг о Гарри Поттере включает от 2 до 8 единиц. Наиболее часто используемым средством повторной номинации, по результатам анализа, оказалось местоимение 3-го лица

Someone knew he had moved out of his cupboard and they seemed to know he hadn't received his first letter.

And this time he'd make sure they didn't fail. He had a plan. (“Harry Potter and the Philosopher's Stone”)

Для динамического повествования такой выбор вполне логичен и ожидаем: он обуславливается стремлением избежать монотонности при упоминании ранее названного в тексте персонажа, не используя этом лишние описательных элементов.

При использовании местоимений 3-го лица как средства повторной номинации в художественных текстах может возникать референционный конфликт, когда речь идёт больше, чем об одном персонаже. В таких случаях вместо местоимения принято использовать именную группу в целях избегания какого-либо непонимания со стороны читателя. В противном случае придётся прибегать к дополнительным усилиям, чтобы правильно растолковать, кто из упомянутых ранее героев произвёл те или иные действия. Можно найти пример подобного явления в первой книге серии “Harry Potter and the Philosopher's Stone”:

“The Dursleys knew that the Potters had a small son, too, but they had never even seen him”.

В этом фрагменте можно наблюдать, что местоимение 3-го лица “they” используется для обозначения представителей одной из упомянутых в предложении семей (“the Dursleys”/ “the Potters”). В данном случае читателю может быть неясно, к какому из двух употреблённых референтов относится местоимение 3-го лица, благодаря чему понимание сюжета будет затруднено. Не зная контекста, можно предположить, что “they” отсылает нас к референту “the Potters”, ведь по расположению в тексте две эти номинации следуют одна за другой. В то время как на самом деле, референтом в данном предложении служит “the Dursleys”, так как представители именно этой семьи на момент повествования слышали о существовании сына Поттеров, но никогда не видели его. Та же проблема наблюдается в предложении, следующим прямо за упомянутым выше:

“This boy was another good reason for keeping the Potters away; they didn't want Dudley mixing with a child like that”. Здесь мы снова можем наблюдать использование местоимения 3-го лица “they”, отсылающего, как могло бы показаться на первый взгляд, к референту “the Potters”. Однако, зная контекст, мы понимаем, что под “they” автор подразумевает “the Dursleys”, так как именно они по сюжету произведения не хотели, чтобы их сын (Dudley) общался с ребенком Поттеров.

Местоименная номинация также может затруднять понимание, когда речь идёт об обмене взглядами и мнениями, не совпадающими друг с другом, об описании мыслей и чувств разных персонажей. Здесь не предполагается наличие референционного конфликта, тем не менее, понимание со стороны читателя может быть затруднено. Как правило, в таких случаях автор использует иные средства повторной номинации, чтобы придать конкретности и не вызвать сомнения. Ниже приводится пример из книги “Harry Potter and the Order of Phoenix”:

He was gibbering as he tried to pull away from Professor Tofty, who was looking at Harry with much concern after helping him out into the Entrance Hall with the students all around them staring.

В данном предложении главный герой серии книг (Harry Potter) получает сначала местоименную номинацию, затем номинативный ряд прерывается наименованием другого персонажа (Professor Tofty), после чего происходит возвращение к главному герою.

Чаще всего местоименная номинация прерывается использованием имени собственного, например:

“Someone knew he had moved out of his cupboard and they seemed to know he hadn't received his first letter. <...> And this time he'd make sure they didn't fail. He had a plan. <...> Harry turned it off <...>”/ “He stole downstairs without turning on any of the lights. He was going to wait for the postman on the corner of Privet Drive and get the letters for number four first. His heart hammered as he crept across the dark hall towards the front door <...> Harry leapt into the air<...>” (“Harry Potter and the Philosopher's Stone”); “And then, just as he had begun to worry about what would happen when he hit the ground, the pipe levelled out, and he shot out of the end with a wet thud <...>. Lockhart was getting to his feet<...>”/ “He could guess what he had to do. He cleared his throat, and the emerald eyes seemed to flicker. ‘Open,’ said Harry, in a low, faint hiss.”/ “He pulled out his wand and moved

forward between the serpentine columns <...> *He* kept *his* eyes narrowed, ready to clamp them shut at the smallest sign of movement. The hollow eye sockets of the stone snakes seemed to be following *him*. More than once, with a jolt of the stomach, *he* thought *he* saw one stir. Then, as *he* drew level with the last pair of pillars <...> Harry had to crane his neck <...>” (“Harry Potter and the Chamber of Secrets”).

Такой переход помогает избежать монотонности, отделить один информационный участок от другого, отличного по смыслу, а также выполняет текстовую функцию, поскольку переход от местоименного повтора к повтору имени собственного или иного существительного зачастую знаменует переход от одного абзаца к другому или разделяет сложное синтаксическое целое.

К наиболее часто употребляемым средствам повторной номинации также относится использование именных групп с существительными общими именованиями. В составе такой номинации нередко присутствует указательное местоимение *this*. Указательная именная группа обычно требуется при наличии свободного стыка, то есть в ситуации, когда повествование прерывается обращением к фактам прошлого, либо событиям, которые нельзя отнести к прошлому, настоящему или будущему. С жестким стыком, то есть стыком между предложениями, в которых речь идет о событиях, происходящих в одно время, как правило, используется нулевой актуализатор. Зачастую мы можем наблюдать использование указательного местоимения “*this*” при смене регистра повествования. Например, когда информативный регистр сменяется на репродуктивный, или в случае противоположной замены. Именная группа с актуализатором “*this*” используется, в том числе, и при отсутствии смены регистра в случаях, когда указательное местоимение употребляется для отсылки на ранее упомянутый объект, при этом, не наделяя его какими-либо новыми признаками, а лишь указывая на то, что было обозначено ранее. Рассмотрим примеры употребления этого средства повторной номинации в текстах книг:

“A man appeared on the corner the cat had been watching <...> Nothing like this man had ever been seen in Privet Drive.” (“Harry Potter and the Philosopher’s Stone”); “A wizened, frail looking wizard, bald except for a few wisps of white hair, was reading a letter by candlelight. Harry had never seen this man before”/ “The wizard went back to the desk, sat down and twiddled his thumbs, watching the door <...> This was Hogwarts as Riddle had known it, meaning that this unknown wizard was Headmaster” (“Harry Potter and the Chamber of Secrets”); “Ron looked just as confused as he did, still fighting to keep hold on the struggling Scabbers <...> “As long as this boy brings his rat up to the castle <...>”/ “Scabbers had been looking ill before he met Crookshanks <...> “This cat isn’t mad,” said Black hoarsely.”/ “He pulled out the map again and saw, to his astonishment, that a new ink figure had appeared upon it, labeled Harry Potter. This figure was standing exactly where the real Harry was standing, about halfway down the third-floor corridor.” (“Harry Potter and the Prisoner of Azkaban”); “Then Harry saw a shining, high-heeled black shoe emerging from the inside of the carriage <...> followed, almost immediately, by the largest woman he had ever seen in his life <...> Harry had only ever seen one person as large as this woman in his life <...>”/ “He walked lazily over to stand next to Harry, so that the eyes of the whole circle were upon the two of them. <...> ‘You know, of course, that they have called this boy my downfall?’” (“Harry Potter and the Goblet of Fire”).

4. Заключение

Анализ использования первичной и повторной номинации в серии фантазийно-приключенческих романов о юном волшебнике и его друзьях позволяют прийти к следующему заключению.

1. Наиболее часто употребляемым средством первичной номинации в анализируемых текстах является имя собственное; также выявлены в качестве средства первичной номинации именные группы, состоящие из общего именования и показателя неопределённости с помощью таких слов, как, например, *some* или актуализатора *one*.

2. Наиболее часто употребляемым средством повторной номинации в рассмотренных текстах служит местоименно-личная номинация *he/she, his/her*. Также зарегистрированы именные группы с существительными общими именованиями в сочетании с актуализатором *this (this boy)*.

Рассмотренные тексты не демонстрируют большого разнообразия наименований при повторной отсылке к героям названной серии романов. Выявленные ограничения могут быть продиктованы жанровыми требованиями, а также индивидуальным авторским стилем.

Однако для подтверждения высказанного суждения целесообразно продолжить исследование на другом языковом материале.

Литература

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст// Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977 – С.304-357.

Булыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как системы и методы ее исследования. М., 1991

Гак, В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры»- 1998. – С. 768.

Касаткина О.А. Повторная номинация и смысловая структура высказывания. // Язык и мышление. Сборник статей. 2015 – С.38-39

Кашценсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.: Едиториал УРСС, 2011 – 110 с.

- Плотникова, А. В. Функциональная классификация повторной номинации / А. В. Плотникова. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы филологических наук: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2013 г.). — Т. 0. — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — С. 74-78.
- Уфимцева, А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации/ А.А. Уфимцева, Э.С. Азнаурова, Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия// Языковая номинация (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 7-98.
- Фонтанский Г. Текстовая роль постпозитивного местоимения этот в русском языке. Катовице: Wydawnictwo Uniwersytetu Slaskiego, 2001. 16 с.
- Юдаева О.В. Повторные номинации как разновидность повтора. // Международный научно-исследовательский журнал. №12 (54) 2016 Ч.2. – с.95-97
- Языковая номинация: Виды наименований / [отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева]. – М.: Наука, 1977. – 356 с.
- Cermak F. Types of Language Nomination: Universaly, Typology and Lexicographical Relevance // Euralex Proceedings. - 2002. - P. 237-247.

References

- Arutjunova N.D. Nominacija i tekst// Jazykovaja nominacija. Vidy naimenovanij. M., 1977 – S.304-357.
- Bulygina T.V. Osobennosti strukturnoj organizacii jazyka kak sistemy i metody ee issledovanija. M., 1991
- Будыгина Т.В. Особенности структурной организации языка как системы и методы ее исследования. М., 1991
- Gak, V.G. Jazykovye preobrazovanija. – М.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury»- 1998. – S. 768.
- Kasatkina O.A. Povtornaja nominacija i smyslovaja struktura vyskazyvanija. // Jazyk i myshlenie. Sbornik statej. 2015 – S.38-39
- Kacnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznamenie. – М.: Editorial URSS, 2011 – 110 s.
- Plotnikova, A. V. Funkcional'naja klassifikacija povtornoj nominacii / A. V. Plotnikova. — Текст: neposredstvennyj // Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, ijul' 2013 g.). — Т. 0. — Чита: Izdatel'stvo Molodoy uchenyj, 2013. — С. 74-78.
- Ufimceva, A.A. Lingvisticheskaja sushhnost' i aspekty nominacii/ A.A. Ufimceva, Je.S. Aznaurova, E.S. Kubrjakova, V.N. Telija// Jazykovaja nominacija (Obshhie voprosy). – М., 1977. – С. 7-98.
- Fontan'skij G. Tekstovaja rol' postpozitivnogo mestoimenija jetot v russkom jazyke. Katovice: Wydawnictwo Uniwersytetu Slaskiego, 2001. 16 s.
- Judaeva O.V. Povtornye nominacii kak raznovidnost' povtora. // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. №12 (54) 2016 Ch.2. – s.95-97
- Jazykovaja nominacija: Vidy naimenovanij / [otv. red. B. A. Serebrennikov, A. A. Ufimceva]. – М.: Nauka, 1977. – 356 s.
- Cermak F. Types of Language Nomination: Universaly, Typology and Lexicographical Relevance // Euralex Proceedings. - 2002. - P. 237-247.

Источники

- Rowling J. Harry Potter and the Philosopher's Stone URL: <http://novelfreereadonline.com/241093/harry-potter-and-the-philosophers-stone>
- Rowling J. Harry Potter and the Chamber of Secrets. URL: <http://novelfreereadonline.com/241094/harry-potter-and-the-chamber-of-secrets>
- Rowling J. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban URL: https://j-k-rowling.freenovelread.com/1299-harry_potter_and_the_prisoner_of_azkaban Rowling J. Harry Potter and the Goblet of Fire .URL: https://j-k-23.freenovelread.com/1298-harry_potter_and_the_goblet_of_fire
- Rowling J. Harry Potter and the Order of the Phoenix. URL: https://j-k-rowling.freenovelread.com/1297-harry_potter_and_the_order_of_the_phoenix
- Rowling J. Harry Potter and the Half-Blood Prince. URL: https://j-k-rowling.freenovelread.com/1296-harry_potter_and_the_half-blood_prince
- Rowling J. Harry Potter and the Deathly Hallows. URL: https://j-k-rowling.freenovelread.com/1295-harry_potter_and_the_deathly_hallows

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОЧУВСТВИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье представлен лингвистический взгляд на сочувствие как экспрессивный речевой акт. В работе комплексно рассматривается функционирование сочувствия в немецкой лингвокультуре, обосновывается его место в общей таксономии речевых актов, описываются прагматические условия его реализации, анализируются элементы смысла в речевых актах сочувствия, а также языковые операторы порождения и модификации данных элементарных смыслов. Материал исследования включает записи устных высказываний сочувствия носителями немецкого языка, сделанные автором, а также стилизованные устные высказывания сочувствия, взятые из художественной литературы. В диалогическом единстве сочувствие выступает в реактивной позиции. Интенциональный компонент смысла в релевантных речевых действиях в отличие от пропозиционального смысла выражен всегда. Элементы эмотивного смысла имеют разную значимость и, соответственно, представленность в речевых актах сочувствия. Возможно косвенное выражение сочувствия.

Ключевые слова: речевые акты, экспрессивы, симпативы, прагматические условия, сочувствие, интенция, пропозиция

Kharitonova O. E.
 Chuvash State I. N. Uljanov University
 Cheboksary, Russian Federation

LINGUISTIC VIEW ON SYMPATHY (ON THE GERMAN LANGUAGE)

The article presents a complex linguistic view on sympathy as an expressive speech act functioning in German language culture. The work dwells upon the exact place of sympathy in the general speech act taxonomy. It also describes pragmatic conditions of realization of sympathy in speech and analyzes sense elements present in it and language operators generating and modifying those elementary senses. The empirical base for the present research comprises the author's records of sympathy utterances produced by native German speakers and also expressions of sympathy in oral speech taken from novels and fiction. In a dialogical unity sympathy comes as a reaction to either words or a situation. The intentional elementary sense component in the studied speech acts as opposed to the propositional sense component is always expressed verbally. The elements of the emotive sense component are of unequal significance in sympathies, which determines their absence or presence in an utterance. Sympathy in German may also be expressed indirectly.

Key words: speech acts, expressives, sympathics, pragmatic conditions, sympathy, intention, proposition

Высказывания сочувствия реализуют одноименные речевые акты, которые являются представителями класса экспрессивных речевых актов, выражающих внутренние психические состояния говорящего. Вслед за Н.А. Трофимовой мы относим речевые акты сочувствия к подклассу социативов внутри класса экспрессивов, т.е. к речевым актам «выражения признания говорящим слушающего как члена одной с говорящим социальной группы» [Трофимова, 2008, с. 23].

Смысл любого высказывания представляет собой комплекс смежных элементарных смыслов, которые взаимодействуют между собой, меняют свое положение и значимость в процессе коммуникации в зависимости от прагматической ситуации и таким образом влияют на понимание. Предложенная Н.А. Трофимовой динамическая многокомпонентная модель смысла включает в себя связанные между собой пропозициональный и интенциональный смыслы, а также эмотивный смысл, состоящий из трех компонентов: оценочного, эмоционального и реляционного (субъективного) смыслов. Пропозиционально-интенциональный и эмотивный блоки может соединять модальный смысл, модифицирующий содержание высказывания [Трофимова, 2010, с. 32]. Систему средств, эксплицирующих все указанные смысловые компоненты высказывания, исследователь называет операторами порождения и модификации смысла.

Настоящая статья представляет собой лингвистический взгляд на сочувствие как экспрессивный речевой акт, комплексно рассматривая его функционирование в немецкой лингвокультуре. В статье обосновывается место сочувствия в общей таксономии речевых актов, описываются прагматические

условия его реализации, анализируются элементы смысла в речевых актах сочувствия, а также языковые операторы порождения и модификации данных элементарных смыслов.

Сочувствие в целом в лингвистической науке представляет собой малоисследованный речевой акт, и эта лакуна ждет своего заполнения. Материалом для исследования послужили, во-первых, записи устных высказываний сочувствия носителями немецкого языка, во-вторых, стилизованные устные высказывания сочувствия, взятые из художественной литературы, в частности, из корпуса примеров Cosmas II, и в-третьих, данные опроса носителей немецкого языка, проведенного по принципу «типичной ситуации» [Иорданская, 1970, с. 7].

Речевой акт сочувствия связан с регламентированным речевым поведением в определенной ситуации общения и ориентирован на соблюдение социальных норм и ритуалов, являясь, таким образом, представителем социативных речевых актов. В ответ на сообщение о произошедшей с ним тяжелой жизненной ситуации или неудаче говорящий ожидает сочувствия. Инициатор беседы может пожаловаться на состояние своих дел, занятости и отсутствие времени, плохое самочувствие или депрессию, финансовую несостоятельность, наличие иных проблем; а также пожаловаться на действия третьих лиц.

(1) „Sie sehen überarbeitet aus, Susan. Wie geht es Ihnen?“

„Sehr schlecht, Herr Swensen. Es ist sehr schwer, unter diesen Umständen diese eher fröhlichen Veranstaltungen zu betreuen. Wir haben alle unterschätzt, wie viel Kraft jede von uns aufbringen muss, damit das Festival doch noch reibungslos über die Bühne gehen kann.“

„**Sie haben mein ganzes Mitgefühl, Susan!** Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen, aber überfordern Sie sich bloß nicht!“ (Wilkenloh, 2011).

В ответ на такую жалобу, как и в ответ на объективно плохую, негативную жизненную ситуацию, говорящий ожидает от собеседника сочувствия. Сам факт произнесения жалобы уже свидетельствует о важности данного события либо положения вещей в жизни говорящего. Отсутствие сочувствия глубоко задает, а со стороны собеседника является сигналом неуважения, непонимания, отсутствия интереса к личности говорящего и несет, таким образом, важную социальную нагрузку. Особенно отметим в качестве причины для непроизнесения сочувствия отсутствие заинтересованности собеседника в личности инициатора разговора, равнодушие к нему.

Таким образом, в диалогическом единстве сочувствие, как правило, выступает в реактивной позиции.

(2) Durchs Blätterwerk der Bäume waren wieder die Einsatzfahrzeuge und Menschengruppen zu sehen, die bei der Boutique standen.

„Armes Ringeltäubchen“, seufzte Linkohr und versuchte, sich in Gedanken auf all die Frauen zu konzentrieren, mit denen er nach Abschluss des Falles mal flirten wollte. Mit Gracia, der schönen Ärztin, mit Ulrike, dem Pferdchen – oder mit der blonden Apothekerin.

„**Sie haben mein Mitgefühl!**“, erwiderte Häberle und sah jetzt die Gelegenheit gekommen, auf die er seit Mittwoch schon gewartet hatte: „Sind Sie denn derzeit wieder solo?“

Linkohr nickte ernst. „Ich bin da wohl ein Pechvogel.“

Häberle wollte nicht nachhaken. Das genügte ihm. (Bomm, 2011)

Таким образом, опираясь на вышесказанное, мы определяем сочувствие (нем. Mitleid, Mitgefühl) как «речевой акт, в котором говорящий дает слушающему понять, что он в состоянии поставить себя на место слушающего и испытывает те же чувства, что и последний, относительно произошедшей с ним негативной (в глазах говорящего — подготовительное условие) ситуации (условие пропозиционального содержания)» [Харитонов, 2014, с. 47]. Данный речевой акт выражает чувства (симпатию) говорящего по отношению к адресату. Сочувствуя, человек ставит себя на место другого и пытается представить, в каком эмоциональном состоянии находится его собеседник. Адресат и отправитель сочувствия являются, таким образом, обязательными элементами коммуникативной ситуации, при отсутствии адресата данный речевой акт несостоятелен. Выделяются два основных типа адресата для выражения сочувствия: непосредственный (собеседник) и опосредованный (конкретный либо массовый). В то же время возможна и автоадресация, т. е. сочувствие самому себе [Казачкова, 2006, с. 150].

Основываясь на этом определении и проанализировав ситуации высказывания сочувствия в немецком языке, мы относим данный речевой акт к отдельной группе симпативных речевых актов в рамках класса экспрессивов, подкласса социативов [Харитонов, 2019, с. 103], включающей помимо сочувствия также речевые акты соболезнования и сожаления. Объединение данных речевых действий в одну группу является возможным на основе сходных прагматических условий их реализации в речи, сходного функционала, сходного перлокутивного эффекта. Так, высказывания соболезнования, сочувствия и сожаления реализуют в речи воздействие стабилизирующего характера. Коммуникативной целью данных речевых действий является выражение поддержки собеседнику в неприятной ситуации путем выражения собственных негативных эмоций и солидарности с ним.

Прагматические условия осуществления речевого акта сочувствия в немецкой лингвокультуре включают в себя в основном негативные для адресата ситуации

1) несчастья, потери, например, когда человек потерял всё при пожаре или взрыве;

2) болезни самого адресата либо его родственников;

3) неуспеха, неудачного стечения обстоятельств, которое может привести к нарушению планов адресата.

При этом ситуация, в которой находится слушающий, по мнению немецкого лингвиста К. Вагнера, может быть как негативной, так и положительной. К. Вагнер также называет сочувствие речевым актом выражения симпатии (*Sympathie-zeigen*) [Wagner, 2001, p. 250]. При проведении анкетирования среди носителей языка 4% респондентов также указали на то, что повод для выражения сочувствия может быть положительным: некое радостное событие в жизни адресанта. Однако, реализация в речи этого «радостного сочувствия», то есть манифестация сопереживания радостного события, осуществляется стандартной языковой формулой выражения радости или поздравления: *Ich freue mich mit dir/für dich; Endlich geschafft, Glückwunsch* (собств. корпус). При этом в словарных дефинициях лишь у глагола *Mitfühlen* можно найти этот компонент значения (Wahrig 2001): *mitfühlen – mitempfinden; jmds Unglück, Schmerz, Freude mitfühlen; mit j-dem fühlen*. В этом же словаре в дефиниции слова *Mitgefühl* находим уже только компоненты *Teilnahme an fremdem Leid, Mitleid*.

Основной проблемой анализа речевого акта сочувствия является то, что в немецком языке выделяются два схожих речевых действия (*Mitleid zeigen* и *Mitgefühl zeigen*), семантика которых и их использование в коммуникативных ситуациях, тем не менее, четко не разграничиваются ни исследователями, ни носителями языка, ни составителями словарей. Поскольку семантические компоненты этих речевых действий, их иллюкутивная сила и перлокутивная цель близки, представляется целесообразным отнести их оба к речевому акту сочувствия.

К языковым средствам выражения сочувствия можно отнести перформативные глаголы и номинации *mitfühlen, mitleiden, Mitgefühl, Mitleid*.

Формула выражения сочувствия в немецком языке, отражающая пропозициональный и интенциональный компоненты смысла, может быть представлена эксплицитно-перформативным высказыванием *Ich fühle mit dir/Ihnen mit wegen N*, где N – пропозиция. Однако перформативный глагол *mitfühlen* встречается достаточно редко. Также и пропозициональный смысл в высказываниях сочувствия, как правило, не представлен эксплицитно: обладая информацией о неприятностях адресата, говорящий старается лишний раз не напоминать ему о его несчастье. Основное внимание адресанта направлено на то, чтобы показать, что испытываемые им эмоции совпадают с эмоциями, которые по его представлению должен испытывать адресат, дать свою оценку произошедшему. Таким образом, при выражении сочувствия на передний план выходит эмотивный компонент целостного смысла, а точнее его эмоциональная составляющая. Вместе с тем, любое выражение сочувствия содержит в себе оценку пропозиционального содержания. Иллюкутивный компонент, в случае его репрезентации, имеет скорее свернутую форму, представленную номинализациями *Mein Mitgefühl* или *Mein Mitleid*. Еще одна распространенная формула выражения сочувствия *Sie haben mein (ganzes/volles/tiefes/zutiefst empfundenes) Mitgefühl* может включать разного рода определения, выступающие в качестве операторов порождения дополнительного смысла. Краткая форма выражения сочувствия является предпочтительной, так как отражает спонтанность реакции говорящего на пропозициональное условие, а значит и его искренность. При этом анализ корпуса примеров позволяет сделать вывод о том, что наличие определений в данных формулах может выполнять две функции: 1) свидетельствовать о теплых, близких, дружеских отношениях между коммуникантами, либо желании их таковыми представить (cf. *Sie haben mein ganzes Mitgefühl, Susan! Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen...*) 2) слишком много определений придают высказыванию ироничный смысл, то есть скорее нивелируют свойственный сочувствию стабилизирующий эффект, эффект поддержки (cf. шеф, детектив полиции – своему подчиненному: *Entschuldigung, Chef, aber ich kenn das ja alles. Außerdem bin ich heute Morgen schon so früh raus*).

Du hast mein zutiefst empfundenes Mitgefühl! So, Geiger, da du ja schon alles kennst...)

При этом интенциональный компонент смысла в релевантных речевых действиях в отличие от пропозиционального смысла выражен всегда.

Анализ собранного материала показал, что достаточно частым и вполне стандартным выражением сочувствия будут косвенные формы *Das tut mir leid (für dich), Das ist (sehr) schade!*, которые также служат для выражения сожаления.

Приведем примеры такого косвенного выражения сочувствия:

(3) „Es findet im engsten Familienkreise statt. Hannes Rieder und allen Parteifreunden hab ich die Teilnahme daran ausdrücklich untersagt. Es kommen auch sonst keine Politiker oder offizielle Würdenträger. Bloß die Familie und Verwandte. Ich will auch keine Polizei am Friedhof sehen. Bitte haben Sie dafür Verständnis.“

„Selbstverständlich. **Sie tun mir leid, Frau Brecht!**“, bekundete Zoff und erhob sich.

„Danke für Ihr Mitgefühl!“, meinte sie schlicht und begleitete ihn an die Tür. „Benno hat mir eine Menge angetan, Herr Zoff. Wirklich. Trotzdem hat niemand das Recht, den Vater meiner Kinder umzubringen.“ (Vertacnik, 2011)

(4) „Woher wissen Sie das?“

„So etwas spricht sich herum. Dazu war Ihre Frau als Lehrerin sehr beliebt. Erschütternd, dieses Schicksal. Ich kann mir vorstellen, wie man sich da als Ehemann fühlt.“

„Können Sie nicht. Trotzdem, danke für Ihr Mitgefühl.“

„Keine Ursache. Sie engagieren sich sehr für Ihre Frau, hört man. Das ist schön.“ (Vertacnik, 2008)

В качестве операторов, актуализирующих эмотивный смысл, выступают всевозможные негативно-оценочные прилагательные, как в атрибутивной, так и в предикативной позиции: *schrecklich, furchtbar*,

schwer, traurig, schlimm, schlecht, ärgerlich, unfassbar, blöd. Операторами, модифицирующими и усиливающими реализацию эмотивного компонента, являются многочисленные междометия: *Oh man; Oje; ja; nun; Oh nein; Oh, mein Gott; Ach; Ach du meine Güte; Auweia; so; doch; aber; mal* (собств. корпус). В ряде высказываний междометия являются единственной вербальной реакцией адресанта на пропозицию, поскольку сочувствие часто выражается паралингвистическими средствами.

Важно отметить, что речевой акт сочувствия носит полиинтенциональный характер, поскольку часто сопровождается выражением сожаления, соболезнования либо утешения и выполняет наряду с этикетной важную психологическую функцию. Корпус примеров реализации данного речевого действия включает также примеры косвенного выражения сочувствия при наличии сопутствующих речевых актов комплимента, благопожелания, коммиссивных речевых актов, например, *anbieten* (по Ю. Граффе) [Graffe, 1990, p. 140], а также совета. В качестве иллюстрации можно привести следующие высказывания носителей немецкого языка: *Tut mir leid. Kann ich dir helfen? Soll ich dir helfen? Kann ich dich (nicht) verbringen?* (собств. корпус).

В уже рассмотренном выше примере “*Sie haben mein ganzes Mitgefühl, Susan! Ich finde es bewundernswert, was Sie hier machen, aber überfordern Sie sich bloß nicht!*” речевой акт сочувствия сопровождается комплиментом и предостережением, которое можно рассматривать как благопожелание.

Такие формы благопожелания как *Ich wünsche dir alles Gute! Gute Besserung!* (собств. корпус) часто реализуются одновременно с речевым действием сочувствия; вторая форма, в частности, в ситуации болезни адресата.

В заключение остается добавить, что очень часто сочувствие реализуется вовсе не речевыми, а паралингвистическими средствами, такими как объятия, прикосновения, поглаживания, похлопывания по плечу. Многие респонденты отметили, что важно и нужно бывает взять адресата сочувствия за руку, обнять. Исключительное значение имеет взгляд. Подобная востребованность невербальных средств выражения сочувствия объясняется тем, что в тяжелой, неприятной ситуации у говорящего часто «нет слов, чтобы выразить» свои чувства.

В целом, в вербальных реакциях носителей немецкого языка прослеживается свойственный им прагматизм и рациональный подход. 29% опрошенных в качестве вербального сочувствия или вместо него предложили свою помощь либо какой-то способ преодоления негативного положения дел: *Wie kann ich dir/Ihnen behilflich sein?*

Sources

- Bomm, M. Notbremse. Der achte Fall für August Häberle. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.
Franzinger, B. Pilzsaizon: Tannenbergs erster Fall. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2009.
Vertacnik, H.-P. Abfangjäger. Kriminalroman. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2008.
Vertacnik, H.-P. Ultimo. Zoffs zweiter Fall. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.
Wilkenloh, W. Poppenspä. Meßkirch: Gmeiner Verlag, 2011.

Литература

- Иорданская Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1970. С. 3–26.
Казачкова Ю. В. Выражение сочувствия в русском и английском речевом общении: Жанровый аспект / Дисс.... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 154 с.
Трофимова Н. А. Мозаика смысла: элементы и операторы их порождения: монография. СПб.: ИВЭСЭП, 2010. 110 с.
Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 371 с.
Харитонова О. Е. Симпативы в составе экспрессивных речевых актов // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 101–104.
Харитонова О. Е. Средства актуализации элементарных смыслов в высказываниях соболезнования, сочувствия и сожаления: учебное пособие. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2014. 82 с.
Graffe, J. (1990). Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachlichen Realisierungsformen. Internationale Hochschulschriften. Münster/New York: Waxmann. 321 S.
Wagner, K.R. (2001). Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt a. M.; Berlin u.a.: Peter Lang. 495 p.
Wahrig, G. (2001). Deutsches Wörterbuch. München: Bertelsmann Lexikon Verlag. 1451 S.

References

- Iordanskaya, L.N. (1970). Popytka leksikograficheskogo tolkovaniya gruppy russkikh slov so znacheniem chuvstva (An attempt of lexicographic interpretation of the group of Russian words with the meaning of feeling) // Mashinnyy perevod i prikladnaya lingvistika. Вып. 13. М.: МГПИИЯ им. М. Тореца. P. 3–26. (in Russian)

- Kazachkova, Yu.V. (2006). Vyrazheniye sochuvstviya v russkom i angliyskom rechevom obshchenii (Expression of sympathy in Russian and English speech communication). Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Saratov: SGU. 154 p. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2010) Mozaika smysla: elementy i operatory ikh porozhdeniya (Mosaic of meaning: elements and operators of their generation). SPb.: IVESEP. 110 p. (in Russian)
- Trofimova, N.A. (2008). Ekspressivnyye rechevyye akty. Semanticheskiy, pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz (Expressive speech acts. Semantic, pragmatic, grammatical analysis). SPb.: VVM. 371 p. (in Russian)
- Kharitonova, O.Ye. (2019). Simpativy v sostave ekspressivnykh rechevykh aktov (Sympatives in the composition of expressive speech acts) // In: Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste sovremennykh issledovaniy. Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. P. 101–104. (in Russian)
- Kharitonova, O.Ye. (2014). Sredstva aktualizatsii elementarnykh smyslov v vyskazyvaniyakh soboleznovaniya, sochuvstviya i sozhaleniya: uchebnoe posobie (Means of actualization of elementary senses in utterances of condolence, sympathy and regret). Cheboksary: Chuvash. gos. ped. un-t. 82 p. (in Russian)
- Graffe, J. (1990). Sich festlegen und verpflichten. Die Untertypen kommissiver Sprechakte und ihre sprachlichen Realisierungsformen. Internationale Hochschulschriften. Münster/New York: Waxmann. 321 S.
- Wagner, K.R. (2001). Pragmatik der deutschen Sprache. Frankfurt a. M.; Berlin u.a.: Peter Lang. 495 p.
- Wahrig, G. (2001). Deutsches Wörterbuch. München: Bertelsmann Lexikon Verlag. 1451 S.

Шевелева Г. И., Часовских А. В.
Воронежский государственный университет
Воронеж, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВОЕННЫХ РЕАЛИЙ В ЖАНРЕ МЕМУАРОВ

Настоящая работа посвящена изучению переводческих решений при передаче военных реалий с русского языка на немецкий язык. Феномен языковых реалий является на сегодняшний день одной из ключевых проблем транслатологии. Актуальность работы определяется еще и тем фактом, что исследование проводится на материале текста мемуаров, который имеет свои жанровые и стилистические особенности. Цель работы заключается в анализе способов перевода военных реалий в жанре мемуаров с русского языка на немецкий язык. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: изучить основные научные концепции отечественных и зарубежных учёных по вопросам жанровых и стилистических особенностей текста мемуаров, теории реалий, основных переводческих трансформаций и приемов перевода, выявить в тексте оригинала наименования военных реалий и провести анализ их способов передачи при переводе на немецкий язык. В работе были использованы следующие методы исследования: интуитивно-интерпретативный анализ, контекстуальный анализ, лексико-семантический анализ, количественный анализ. Проведённое исследование позволило подтвердить положение о том, что особенностью данного типа текста является его высокая информативность и точность. В ходе предпринятого анализа было установлено, что для перевода военных реалий в тексте мемуаров используется преимущественно калькирование и дословный перевод, транскрипция и транслитерация, что объясняется спецификой исследуемого феномена, а также спецификой исследуемого материала.

Ключевые слова: научно-публицистический стиль, мемуары, реалия, переводческая трансформация, способ перевода

Sheveleva G. I., Chasovskikh A. V.
Voronezh State University
Voronezh, Russian Federation

MILITARY REALITIES TRANSLATION FEATURES IN THE GENRE OF MEMOIRS

This work is devoted to the study of translation solutions in the transfer of military realities from Russian into German. The phenomenon of linguistic realities is currently one of the key problems of translatology. The relevance of the work is also determined by the fact that the study is based on the text of memoirs, which has its own genre and stylistic features. The aim of the work is to analyze the ways of translating military realities in the genre of memoirs from Russian into German. The realisation of this goal supposes the solution of the following tasks: to study the main scientific concepts of domestic and foreign scientists on the genre and stylistic features of the text of memoirs, the theory of realities, the main translation transformations and translation techniques, to identify the names of military realities in the original text and to analyze their transmission methods in translation into German. Research methods used in the work are the following: intuitive-interpretive analysis, contextual analysis, lexicosemantic analysis, quantitative analysis. The study made it possible to confirm the provision that a feature of this type of text is its high information content and accuracy. It was found in the course of the undertaken analysis that for the translation of military realities in the text of memoirs, tracing and literal translation, transcription and transliteration are mainly used, which is explained by the specifics of the phenomenon under study, as well as the specifics of the material under study.

Key words: scientific and journalistic style, memoirs, reality, translation transformations, translation method

Подвести итог отдельных событий или всей жизни в целом, передать накопленный опыт будущим поколениями или предостеречь их от совершенных ошибок - каждый человек, осознающий себя личностью, когда-либо в своей жизни задумывался об этом. Именно мемуарная проза – одно из средств достижения данной цели. Так, например, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков к предисловию своих мемуаров писал

следующее: «... прошло уже много лет после описываемых событий, наверное, и сегодня еще нельзя точно сказать, что именно из пережитого и виденного несет на себе отпечаток вечности» [Жуков, 1969, с. 5].

Мемуары относятся к жанру научно-публицистического текста. Соответствие фактам, точность, логичность, информативность – это отличительные черты мемуаров, которые характерны как для научных, так и для большинства публицистических текстов [Брандес, 2004, с.195]. Кроме того мемуары, как и научные тексты, характеризуются композиционной однородностью, но так называемый «композиционный стержень» в данных типах текста отличается. Например, доказательство какой-либо гипотезы в различных научных текстах, и конкретное событие, вокруг которого автор мемуаров выстраивает свое повествование. Отметим еще одну особенность мемуарной прозы, которая сближает ее, как правило, с текстами публицистического стиля, а именно, наличие конкретного автора. Авторское начало в свою очередь означает и наличие большого количества индивидуальных авторских решений, т.е. наличие самых разнообразных средств построения текста, которые «заимствуются» у других функциональных стилей. Иными словами: мемуары отражают всю совокупность авторских представлений о мире, что не может не отражаться на самом тексте ввиду индивидуальных особенностей автора, его личного опыта, творческих способностей, профессии и т.д. [Мажарина, 2011, с.205].

Следующей особенностью мемуарных текстов является использование реалий, анализу способов перевода которых посвящена данная работа. Изучив подходы исследователей к пониманию феномена реалий, мы считаем, что ключевым свойством реалии является передача какого-либо объекта внеязыковой действительности, который характеризуется своим отсутствием в одной лингвокультуре и ее наличии в другой [Влахов, Флорин, 1980, с.7, Фененко, 2013, с.5]. Важно отметить, что теоретическое осмысление реалий представляет собой сложную задачу, единого подхода к изучению которой еще не разработано, из-за чего решение проблемы перевода таких единиц зачастую носит ситуативный характер, что, однако, не исключает систематизации применяемых переводческих решений и их описания.

Эмпирической базой исследования послужили 152 наименования военных реалий, извлечённых посредством интуитивно-интерпретативного анализа из изданных в 1969 году мемуаров Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления» и их перевода на немецкий язык. Объем проанализированных текстов оригинала и перевода составляет 759 страниц. Выбор мемуаров Г. К. Жукова неслучаен. Мемуары Маршала Победы представляют большую историческую ценность и одновременно являются одним из интереснейших объектов для изучения военного дискурса. Кроме того, труд Г.К. Жукова и его перевод на немецкий язык предоставляет богатый эмпирический материал для исследований в области транслятологии. Перевод мемуаров Г. К. Жукова на немецкий язык был издан в 1970 году в Восточной Германии Немецким военным издательством (*нем. – Deutscher Militärverlag; DMV*). Информацию об авторах перевода найти не удалось.

На первом этапе исследования был осуществлен анализ военных реалий по понятийно-тематическому признаку. Были выделены следующие тематические группы: наименования военных соединений (*2-й гвардейский танковый корпус, 23-й танковый корпус, 13-я армия, танковая дивизия «Мертвая голова», 8-я итальянская армия, 4-я румынская армия*), обозначения командных органов (*Наркомат обороны, Генштаб, Военный совет*), обозначения воинских званий и титулов (*Начальник Генштаба, Верховный Главнокомандующий, комкор*), наименования военной техники и вооружений (*ЛА-5, ЯК-9, ПЕ-2, ТУ-2, ИЛ-4, «тигр», «пантера», «фердинанд»*), обозначения родов войск (*инженерные части, войска связи, механизированный корпус, стрелковая бригада, танковая бригада*), названия военных операций и фронтов (*«Уран», «Малый Сатурн», «Большой Сатурн», Берлинская операция*). Употребление реалий той или иной группы в каждом конкретном случае определяется тематикой повествования.

При анализе способов перевода военных реалий на немецкий язык мы опираемся на классификацию, предложенную Виленом Наумовичем Комиссаровым. Говоря о различных моделях перевода, ученый выделяет трансформационно-семантическую модель перевода, в рамках которой процесс перевода представляется как процесс передачи значений единиц оригинала, как последовательность преобразований, с помощью которых происходит переход от единиц исходного языка к единицам переводящего языка, между которыми устанавливается отношения эквивалентности [Комиссаров, 1990, с. 164]. Основными типами лексических трансформаций согласно теории Комиссарова В.Н. являются транскрибирование и транслитерация, калькирование и лексико-семантические замены, а именно конкретизация, генерализация и модуляция. К наиболее распространенным грамматическим преобразованиям относятся синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (словоформы, части речи или члена предложения). К последнему типу относится антонимический перевод, описательный перевод (экспликация) и компенсация [Комиссаров, 1990, с. 167].

В ходе исследования было установлено, что при переводе военных реалий используются различные способы перевода, однако их процентное соотношение существенно различается и выглядит следующим образом: калькирование и дословный перевод (61%), транскрибирование и транслитерация (17%), использование функционального эквивалента (7%), добавление (5%), модуляция (4%), конкретизация (2%), описательный перевод (2%), генерализация (1%) и опущение (1%). Важно отметить, что в некоторых случаях переводчик прибегает к комплексным трансформациям. Далее мы остановимся более подробно на анализе переводческих стратегий, которые являются преобладающими в анализируемом тексте.

Большинство анализируемых единиц были переведены на немецкий язык с помощью **калькирования и дословного перевода**. Номинации советских командных органов, определенных

воинских званий и титулов в тексте оригинала представляют собой главным образом сокращения – усечения или аббревиатуры. При переводе таких лексических единиц (далее: л.е.) используется полная форма реалии, которая покомпонентно передается на немецкий язык, как правило, с сохранением синтаксических отношений оригинала.

Пример 1: *После обеда, вернее уже завтрака, я попросил разрешения поехать в Наркомат обороны, ... [Жуков 1969, 480].*

Nachdem wir mit diesem Mittagessen, genauer gesagt, mit dem Frühstück, fertig waren, bat ich um die Erlaubnis, in das Volkskommissariat für Verteidigung fahren zu dürfen, ... [Shukow 1970, 87].

В данном примере калькированию подвергается не лексическая единица *наркомат*, которая является усеченной формой полного наименования реалии, а ее полная форма *народный комиссариат*, к которой примыкает второй компонент словосочетания (существительному в родительном падеже *обороны* соответствует словосочетание с предлогом *für Verteidigung*).

Пример 2: *Начальник Генштаба А. М. Василевский, А. И. Антонов и другие работники Генштаба не разделяли такого предложения Военного совета Воронежского фронта [Жуков 1969, 49].*

Der Chef des Generalstabs, Wassilewski, Antonow und andere Mitarbeiter des Generalstabs schlossen sich diesem Vorschlag des Kriegsrats der Woronesher Front nicht an [Shukow 1970, 105].

Во втором примере л.е. *генштаб*, которая также является усеченной формой полного наименования *генеральный штаб*, соответствует в тексте перевода л.е. *der Generalstab*. Кроме того, данный пример является типичным случаем применения дословного перевода, при котором синтаксические отношения, в которых существует соответствующая единица исходного языка, сохраняются при передаче этой единицы в текст перевода. В тексте перевода, как и в тексте оригинала, используются определения, выраженные существительными в родительном падеже: *Военный совет Воронежского фронта*.

В следующем примере для наименования реалии в тексте оригинала используется аббревиатура, в тексте перевода дается полная форма наименования реалии. Решение переводчика в данном случае понятно и оправдано. Использование калькирования для перевода аббревиатуры не позволило бы полно раскрыть семантическую сущность переводимой л.е. и затруднило бы понимание текста.

Пример 3: *ГКО освободил меня от командования войсками Западного Фронта [Жуков 1969, 478].*

Das Staatliche Verteidigungskomitee hat mich vom Oberbefehl über die Truppen der Westfront entbunden [Shukow 1970, 85].

Наряду с этим были выявлены случаи, когда полная форма наименования реалии, представленная в тексте оригинала словосочетанием, переводилась на немецкий язык с помощью аббревиатуры.

Пример 4: *Главное командование немецких войск в данном случае переоценило боевые силы своих войск и недооценило возможности советских войск. [Жуков 1969, 523]*

Das OKW hatte die Gefechtsmöglichkeiten seiner Truppen im gegebenen Fall überschätzt und die Möglichkeiten der Sowjettruppen unterschätzt [Shukow 1970, 131-132].

Единицам *главное командование немецких войск* соответствует немецкая аббревиатура *das OKW - das Oberkommando der Wehrmacht*, при переводе словосочетания *немецкие войска* используется функциональный эквивалент, а именно л.е. *die Wehrmacht*.

Приведем еще один пример, где переводчик использует такую же стратегию.

Пример 5: *Я познакомился и с Отто Гротевелем, который в то время был признанным руководителем левой группировки социал-демократической партии Германии, явно тяготеющей к коммунистам [Жуков 1969, 712].*

Ich lernte auch Otte Grotewohl kennen, den Vorsitzenden des Zentralausschusses der SPD [Shukow 1970, 326].

В обоих примерах мы имеем дело с реалиями немецкой лингвокультуры. Автор мемуаров использует полную форму наименования реалий, так как для русскоязычного читателя значение аббревиатур было бы не понятным. При переводе текста реалии «возвращаются» в исконную (немецкую) лингвокультуру, для реципиента текста перевода понимание значения аббревиатур не вызывает затруднений.

Транскрибирование и транслитерация являются вторым по частотности способом перевода в исследуемом материале. В большинстве случаев переводчик обращается к этим приемам при переводе наименований единиц и моделей военной техники, а также при переводе наименований реалий гитлеровской армии, например, при переводе некоторых названий танковых дивизий:

Пример 6: *Проводилась большая работа по реорганизации военно-воздушных сил, на вооружение которых поступали самолеты усовершенствованных конструкций, такие, как Ла-5, Як-9, Пе-2, Ту-2, Ил-4 и другие. [Жуков 1969, 493].*

Eine enorme Arbeit wurde zur Reorganisierung der Luftstreitkräfte geleistet, denen Flugzeuge verbesserter Bauweise geliefert wurden: La-5, Jak-9, Pe-2, Tu-2, Il-4 u.a. [Shukow 1970, 101].

Применение транслитерации в данных контекстах полностью соответствует информативной функции текста мемуаров, где важна точная передача информации о реалиях, в данном случае, точная передача наименования моделей военной техники – летательных аппаратов, танков и т.д.

Представляется интересным следующий пример, где применяется прием транскрипции при переводе неофициального наименования популярной артиллерийской установки (*катюша*), которая была в то время

на вооружении Красной Армии. Переводчик не использует перевод официального названия орудия (*БМ-13*), а принимает решение максимально точно следовать тексту оригинала:

Пример 7: В этой адской «симфонии» звуков словно слились воедино удары тяжелой артиллерии, разрывы авиационных бомб, реактивных снарядов М-31, «катюш» и непрерывный гул авиационных моторов. [Жуков 1969, 511]

Die Abschüsse der schweren Artillerie, detonierende Fliegerbomben, reaktive Geschosse M-31 und die Salven der «Katuschas» sowie das unaufhörliche Dröhnen der Flugzeugmotoren vermischten sich miteinander [Shukow 1970, 118].

Значение метафорического наименования *катюша* реципиенту текста перевода может быть не известно и, соответственно, понимание этого контекста может быть затруднено. На наш взгляд, в данном случае был бы уместен комментарий.

Функциональный эквивалент используется также довольно часто при переводе военных реалий, в частности при переводе воинских званий. Поскольку система и иерархия армейских рангов и званий Рабоче-крестьянской Красной армии имеют свою специфику, переводчик обращается к адекватной замене - функциональному эквиваленту.

Пример 8: Экипаж танка 2-го Украинского фронта 155-й танковой Краснознаменной Свенгородской бригады подполковника Прошина Ивана Ивановича — лейтенант Хохлов Евгений Александрович... [Жуков 1969, 565].

Die Besatzung eines Panzers der 2. ukrainischen Front, der 155. Swenigorodsker Rotbanner-Panzerbrigade unter Oberstleutnant Iwan Iwanowitsch Proschin – Leutnant Jewgeni Alexandrowitsch Chochlow... [Shukow 1970, 175].

Der Oberstleutnant – это воинское звание старшего офицерского состава в Вооруженных силах Германии и ряда других европейских стран. Звание *der Oberstleutnant* находится по старшинству между воинскими званиями *der Major* (майор) и *der Oberst* (полковник), соответствует званию *подполковник*, которое в иерархии воинских званий в вооружённых силах СССР и России находится между званиями *майор* и *полковник*. Таким образом, наименование данного ранга является функциональным тождеством для перевода лексической единицы *подполковник*. Рассмотрим еще один контекст.

Пример 9: Поручик Антонин Сохор и подпоручик Рихард Тессаржик были удостоены звания Героя Советского Союза [Жуков 1969, 546].

Leutnant Antonin Sochor und Unterleutnant Richard Tessařik wurde der Titel «Held der Sowjetunion» verliehen [Shukow 1970, 156].

Поручик – это воинское звание младшего офицерского состава, соответствует званию лейтенант – *der Leutnant*. Примечательно, что *поручик*, то есть *порученец*, иначе - офицер для поручений, является в русском языке калькой лексической единицы «*лейтенант*», заимствованной из французского языка, ср.: «*lieutenant*», которая в свою очередь образована от латинского слова — *locum tenens* — «*держающий место*» [Крылов Г. А. Этимологический онлайн-словарь русского языка].

Проведенное исследование показало, что для передачи военных реалий в тексте перевода мемуаров Г. К. Жукова используется преимущественно калькирование с дословным переводом, а также транскрипция и транслитерация и подбор функционального эквивалента, что характеризуется, прежде всего, спецификой исследуемого феномена. При работе с текстом, имеющим элементы научного стиля, содержащим большое количество реалий, переводчик стремится избежать конфликта формы и содержания и максимально точно следовать тексту оригинала. Несмотря на различия грамматического строя немецкого и русского языков преобладающей трансформацией при переводе военных реалий является калькирование и дословный перевод, что, по нашему мнению, также свидетельствует о высокой степени унификации военного дискурса.

Литература

- Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс: Учебник / М.П. Брандес – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004.
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: «Международные отношения», 1980.
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. Для ин-тов и фак. Иностр. Яз. / Вилен Наумович Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990.
- Крылов Г.А. Этимологический онлайн-словарь русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 10.06.2022)
- Мажарина Ю.Н. Мемуары как вид публицистического творчества/ Ю.Н. Мажарина// №2ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. №2. С.199-206.
- Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии / Н. А. Фененко А. А. Кретов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 7-12.

Источники примеров

Жуков К.Г. Воспоминания и размышления / К.Г. Жуков. — М.: АПН, 1969.

Shukow K.G. Erinnerungen und Gedanken / K. G. Shukow – Berlin: Deutscher Militärverlag, 1970.

References

- Brandes M.P. Stilistika texta. Teoreticheskij kurs: Uchebnik (Text stylistics. Theory course: Textbook) M.: Progress-Traditsiya; INFRA-M, 2004.
- Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation) M.: «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1980.
- Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Ucheb. Dlya in-tov i fak. Inostr. Yaz. (Translation theory (linguistic aspects)) Moskva: Vyshaya shkola, 1990.
- Krylov G.A. Etimologicheskij onlajn-slovar' russkogo yazyka. (Etymology dictionary of Russian language) URL: <https://lexicography.online/etymology/krylov/> (дата обращения: 10.06.2022)
- Mazharina Y.N. Memuary kak vid publitsisticheskogo tvorchestva (Memoirs as a Type of Publicistic Writing) №2 VESTNIK VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2011. №2. S.199-206.
- Fenenko N.A. Lingvisticheskaya teoriya realii (Linguistic theory of realities) Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya. 2013. №1. S. 7-12.

Sources of examples

- Zhukov K.G. Vospominaniya i razmyshleniya (Memories and thoughts) M.: APN, 1969.
- Shukow K.G. Erinnerung und Gedanken Berlin: Deutscher Militärverlag, 1970.

Шефер Е. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (БелГУ)
Белгород, Российская Федерация

ОСОЗНАННОСТЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ БЕЛГОРОДСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (НИУ «БЕЛГУ»))

В данной статье рассматривается использование заимствований в речи студенческой молодежи, ее осведомленность о значении и наличии эквивалентов этих заимствований. Актуальность работы заключается в том, что заимствования из английского языка, являющегося международным, неизбежны, как и возрастающий объем этих заимствований. Целью статьи является изучение не желания, но возможности обучающимися высших учебных заведений осознанного употребления заимствованных слов, имеющих полный или описательный эквивалент в русском языке. Практическая часть данной научной работы создана на основе опроса 55 обучающихся Белгородского государственного национального исследовательского университета, которым также было предложено объяснить значения или подобрать эквиваленты к 13 заимствованиям. На основе данного опроса были сделаны выводы об осознанности использования заимствований и наличия подобия билингвального мышления у студентов осознанно использующих заимствования в речи.

Ключевые слова: заимствования, русинглиш, неологизм, англицизм, заимствованные слова, словарный состав.

Shefer E. V.

Belgorod National Research University
Belgorod, Russian Federation

AWARENESS OF BORROWINGS IN THE SPEECH OF MODERN STUDENTS (ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF BELGOROD NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY)

This article examines the use of borrowings in the speech of student youth, their awareness of the meaning and availability of equivalents of these borrowings. The relevance of the work lies in the fact that borrowings from English, which is an international language, are inevitable, as is the increasing volume of these borrowings. The aim of the article is to study not the desire, but the possibility of higher education students to consciously use borrowed words that have a full or descriptive equivalent in Russian. The practical part of this research paper was created on the basis of a survey of 55 students of Belgorod State National Research University, who were also asked to explain the meanings or find equivalents to 13 borrowings. On the basis of this survey, conclusions were made about the consciousness of the use of borrowings and the presence of similar bilingual thinking in students who consciously use borrowings in speech.

Keywords: borrowings, russinglish, neologism, anglicism, borrowed words, vocabulary.

Современные заимствования, используемые в разговорной речи, в основном поступают в наш язык благодаря молодежи и их международному общению в социальных сетях. Однако, зачастую, в молодежной речи они и остаются, не выходя за границы определенных возрастных категорий или сфер интересов. Мы можем услышать возражения: для неологизмов, например, в профессиональной среде это является нормальным поведением, так как для людей других профессий они не нужны и не значимы. Но нас не интересуют профессионализмы, к которым смело можно относить все заимствования, попавшие в профессиональную среду или зародившиеся в ней.

В рамках данной статьи, нас интересует речь студенческой молодежи, еще не подверженная профессиональной деформации. Своей целью ставим изучение не желания, но возможности обучающимися

высших учебных заведений осознанного употребления заимствованных слов, имеющих полный или описательный эквивалент в русском языке.

Актуальность работы заключается в том, что, с течением времени и стремительным развитием информационных технологий, появляется достаточно большое количество платформ и приложений для массового обмена фото и видео материалами, текстовыми сообщениями на международном уровне, а так как английский язык является языком международного сообщения, и, как следствие, основным языком общения на международных платформах, то и заимствования из этого языка неизбежны, как и возрастающий объем этих заимствований.

«Согласно определению, данных в словарях, заимствование — процесс, в результате которого в языке появляются и закрепляются иноязычные морфемы, слова или словосочетания. Они приобретают лексическое значение, фонетическое оформление, грамматические признаки, свойственные русскому языку, употребляются в различных стилях и пишутся буквами русского алфавита. Заимствования — неотъемлемая составляющая процесса развития языка и один из основных источников пополнения словарного запаса.» [Черноголовина, 2017, с. 255]

«Заимствование слов - это активный творческий процесс обогащения словарного состава языка. Если объект заимствования, то есть понятие или новая вещь, подкачивается потребностями общества, то сам процесс заимствования осуществляется языком, который усваивает новое слово.» [Хатхе, 2021, с. 1]

Как бы то ни было, в качестве обратной стороны медали вышеуказанного творческого процесса, мы наблюдаем такое явление как русинглиш или рунглиш - смешение русских и английских слов в речи. Явление, для человека не знакомого с используемыми словами или не знающего их перевод, непонятого и, зачастую, неприятного. До тех пор, пока с обилием неологизмов или заимствований не сталкивается достаточно большой пласт населения, чистотой языка интересуются лишь лингвисты, педагоги и заинтересованные сообщества. В свою очередь это приводит к тому, что все чаще «мы сталкиваемся с ситуацией, когда носитель русского языка не может (или не хочет) найти русские эквиваленты; для него/нее проще в речи, - неважно, устной (дискурсе) или письменной (текст), - использовать английское слово.» [Стрельцов, 2012, с. 3]

Для понимания степени лояльности современной молодежи к заимствованиям в целом были опрошены 55 респондентов, являющихся обучающимися Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ»). В целях чистоты опроса, учебная структура не уточнялась.

В опросе участвовали, как девушки, так и юноши в процентном соотношении 76,4% к 23,6%, то есть 42 девушки и 13 юношей.

50 опрошенных, что составило 90,9% от всей массы, входят в возрастную группу от 18 до 24 лет, и лишь 5 опрошенных не достигли совершеннолетия.

Из 55 опрошенных 31 человек (56,4%) выразил нейтральное отношение к использованию заимствований в речи, 20 человек, (36,4%) высказались в пользу заимствований, 3 человека (5,5%) выразили отрицательное отношение к использованию заимствований в речи, и 1 человек (1,8%) заявил, что его мнение изменчиво в зависимости от уместности употребления слов.

Исходя из полученных данных, мы можем сделать предположение, что нейтральное отношение большинства вызвано тем, что достаточно большое количество слов используемых в повседневной студенческой жизни - «профиль подготовки», «лекция», «балльно-рейтинговая система», «декан» и др. - тоже являются заимствованиями и не принесли никакого вреда нашему языку.

Также опрошенным было предложено указать способны ли они в полной мере объяснить значение или подобрать эквивалент к 13 заимствованиям. В качестве задания использовались следующие слова: «вайб», «лук», «аутфит», «рекрутинг», «HR отдел», «мейнстрим», «мониторинг», «дедлайн», «айвори», «аутсорсинг», «спикер», «харассмент», «перформанс».

Слово «вайб» (от английского «vibe» - a general feeling that you get from a person or place) вызвало затруднения лишь у 3 респондентов, остальные 52 справились с заданием в полной мере. Это объясняется достаточно простым значением слова, эквивалентами которого могут являться «энергетика» и «аура» имеющие, на наш взгляд, налет эзотерики.

Слово «лук» (от английского существительного «look» - the appearance that someone or something has) не вызвало затруднений ни у одного человека. Хотя, в отличие от англоязычного собрата, в русскоязычной среде «лук» используется только в отношении людей, а не предметов или городов.

В то же время «аутфит» («outfit» - a set of clothes that are worn together), которое многие путают по значению со словом «лук», оказалось простым лишь для 43 человек, у 5 вызвало затруднения, а 7 не смогли выполнить задание. По нашему предположению, понимание слова «аутфит» и его различий с «лук» более доступно тем людям, кто, тем или иным образом, связан со сферой моды и стиля, где данные слова являются наиболее употребительными.

Со словом «рекрутинг» все оказалось сложнее: 22 человека не смогли, ни объяснить значение, ни подобрать эквивалент; 20 человек справились с заданием, а 13 испытали затруднения. Однако само это слово вызывает некоторые вопросы: в русскоязычной среде «рекрутинг» используется в значении процесса подбора и найма персонала, но в английском языке, в таком значении, слова «recruiting» не существует. Если мы заглянем в словарь, то нам предложат выбрать между глаголом «to recruit» - to get someone to work

in a company or join an organization и существительным «recruitment» - the process of finding people to join the armed forces, or a company or organization. Так откуда же взялось это слово? Мы можем сделать лишь предположение, что сработал своеобразный рефлекс напоминающий, что обозначить процессность глагола в английском языке можно путем добавления окончания «-ing», по аналогии с «thinking», «drinking», «watering», и форма «recruiting» была взята из времен группы Continuous и соединена со значением слова «recruitment».

С «HR отделом» (аббревиатура «human resources» - the department within a company that is responsible for employing and training people, and for looking after workers who have problems) совладали 23 респондента, а 16 респондентов не справились и, столько же, испытали затруднение. Несмотря на то, что в значении англоязычного «HR» уже есть слово «department» - «отдел», «департамент», «управление», в русскоязычной среде «HR» все равно имеет приставку «отдел» или «департамент», так как эйчаром могут называть специалиста этого отдела или департамента.

«Мейнстрим» (от английского «mainstream» - considered ordinary or normal and accepted or used by most people) смогли разъяснить 38 человек, тогда как 8 испытали затруднение, а 9 не смогли дать ответ. В английском языке «мейнстрим» имеет достаточно прямое значение, тогда как в русскоязычной среде ему зачастую придают негативное значение обозначающее «стадное чувство».

Слово «мониторинг» смогли объяснить 52 человека, 2 испытали затруднение и лишь 1 человек оказался полностью с ним не знаком. Как и в случае со словом «рекрутинг», «мониторинг» происходит от глагола «to monitor» - to regularly check something or watch someone in order to find out what is happening. При этом, если, как «рекрутинг», так и «мониторинг» необходимо использовать в значении глагола, к изначальной английской глагольной форме, «рекрут-», «монитор-», добавляется русское глагольное окончание. Например: «Я рекрутировал его в прошлом году.»; «Продолжайте мониторить ситуацию.»

Слово «дедлайн» (от английского «deadline» - a specific time or date by which you have to do something) смогли объяснить 52 человека, 2 испытали затруднение и лишь 1 человек оказался полностью не способен этого сделать. Стоит отметить, что данное слово является общеупотребительным в образовательной среде в значении «крайний срок», за исключением официальных документов.

Со словом «айвори» («ivory» - the yellowish-white bone that an elephant's tusks are made of; an object made of ivory) дела обстоят хуже: знакомы с его определением и значением оказались лишь 8 человек, 13 испытали затруднение, а 34 человека не смогли пояснить значение или подобрать эквивалент. В основном, «айвори» в значении «цвет слоновой кости» используется юношами и девушками, знакомыми с программами разработки дизайна на английском языке, либо вовлеченными в сферу моды и красоты, так как некоторые недобросовестные компании вместо указания существующего в русском языке цвета помещают на этикетки товаров транслитерированное название с английского.

Со словом «аутсорсинг» («outsourcing» - an arrangement in which work is done by people from outside your company, usually by a company that is expert in that type of work) дела обстоят не лучше: пояснить его значение смогли 13 человек, столько же испытали затруднение, а 29 опрошенных не смогли этого сделать. Для студентов «аутсорсинг», в отличие от преподавательского состава и административного персонала ВУЗов, не является общеупотребительным, впрочем как и его русский эквивалент «внешний подрядчик».

Горячо любимое студенческой молодежью слово «спикер» («speaker» - someone who gives a speech, or who talks about a subject to a group) смогли пояснить 50 опрошенных, 1 человек испытал затруднение и 4 опрошенных не смогли справиться с задачей. Стоит отметить, что слово «спикер» получило свое предпочтение перед уже существующими эквивалентами «лектор» и «докладчик» в связи с тем, что их ассоциативный ряд отсылает нас к более серьезным темам и видам выступлений, например, «лектор» вызывает ассоциативный ряд с учебным заведением и преподавателями, ведущими сложную дисциплину; «докладчик» отсылает нас к научной конференции, либо военизированной структуре, где от нас ожидают структурированный доклад на весомую тему, изложенный соответствующим языком. В это же время «спикера» мы можем встретить на мастер-классе и это может быть, как действительно опытный человек, так и тот, кто никогда не выступал перед публикой.

Значение слова «харассмент» («harassment» - annoying or unpleasant behaviour towards someone that takes place regularly, for example threats, offensive remarks, or physical attacks) смогли пояснить 30 респондентов, 12 испытали затруднение и 13 не смогли справиться с поставленной задачей. В данном случае, считаем важным отметить, что все 30 респондентов сначала назвали эквивалент «сексуальные домогательства», что является лишь частью полного значения, и отметили, что использование вышеуказанного заимствования снижает негативные коннотации.

49 респондентов смогли рассказать что такое «перформанс» («performance» - the act of performing a play, dance, or other form of entertainment), 3 опрошенных испытали затруднение при объяснении значения и 3 не смогли этого сделать. Все опрошенные отметили, что слово «перформанс» в большинстве случаев вызывает негативные ассоциации в связи с поведением активистов некоторых движений и тем, что они называют перформансами и не ассоциируется с одноименным театральным жанром.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод, что, в большинстве случаев, студенческая молодежь, в повседневной речи, идет на осознанное использование заимствований, при этом в полной мере владеет эквивалентами используемых слов. Также можем сделать вывод, что при использовании заимствований, зная лишь их значение на языке оригинала, студенты вырабатывают некое подобие

билингвального мышления, которое помогает им контекстуально правильно использовать заимствование, но не подобрать к нему эквивалент или синоним.

В заключение, хотим отметить, что возможность обучающимися высших учебных заведений осознанного употребления заимствованных слов, имеющих полный или описательный эквивалент в русском языке, изучена нами в достаточной мере для сделанных выводов. В опросе мы намеренно использовали заимствования частично или полностью вышедшие из «стадии» неологизмов, так как заимствования нескольких последних лет не снижали полного и безоговорочного одобрения среди той молодежи, речь которой мы рассматривали в данной статье.

Литература

Стрельцов Алексей Александрович Свой чужой язык // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2012. №8.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-chuzhoy-yazyk>

Хатхе А.А., Читао И.А., Хуажева Н.Х., Шхалахова Р.А. ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЯЗЫКЕ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №10-1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke>

Черноголовина, Т. Г. Новейшие англицизмы в современном русском языке / Т. Г. Черноголовина, Н. В. Худякова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2017. — № 47 (181). — С. 255-258. —

URL: <https://moluch.ru/archive/181/46693/>

Электронные словари

Macmillan Dictionary // URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

Refereces

Streltsov Aleksey Aleksandrovich Svoy chuzhoy yazyk // Perevod i sopostavitelnaya lingvistika. 2012. №8. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/svoy-chuzhoy-yazyk>

Hathe A.A., Chitao I.A., Huazheva N.H., SHhalahova R.A. ZAIMSTVOVANIYA V YAZYKE // Mezhdunarodniy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk. 2021. №10-1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovaniya-v-yazyke>

Chernogolovina, T. G. Noveyshiye anglitsizmy v sovremennom russkom yazyke / T. G. Chernogolovina, N. V. Hudyakova. — Tekst: neposredstvenniy // Molodoy ucheniy. — 2017. — № 47 (181). — S. 255-258. — URL:

<https://moluch.ru/archive/181/46693/>

Elektronic dictionaries

Macmillan Dictionary // URL: <https://www.macmillandictionary.com/>

Шумков А. А.
 Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
 Санкт-Петербург, Российская Федерация

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В ЯЗЫКЕ ИДИШ-ТАЙЧ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ СО СЛАВЯНСКИМИ ЯЗЫКАМИ

В статье рассматриваются конструкции условного наклонения в языке идиш-тайч, структурно отклоняющиеся, довольно часто, от соответствующих конструкций, принятых в германских языках. Учитывая историю идиш-тайч, в работе предпринято сопоставление видовременных конструкций, в нем использующихся, с германскими и славянскими видовременными конструкциями. Для плана настоящего высказывается предположение, что будущее II в ряде славянских языков, в силу замены причастия II на инфинитив I (супин), может восприниматься как будущее I. Аналогично, для плана прошедшего возможно предположить, что будущее II воспринимается как будущее I, даже вне вышеуказанной замены. Однако в славянских языках будущее время образуется довольно часто с помощью флексии, а в германских – с помощью модального глагола. Не исключено, что модальный глагол «желать» в идиш-тайч мог быть переосмыслен в плане прошедшего в спрягаемую часть будущего II, воспринимаемого как будущее I, и выполняет функцию частицы «бы». Для большей убедительности высказанных предположений приводятся примеры конструкций сослагательного наклонения в идиш-тайч, представляющие собой, по всей видимости, результат замены инфинитива I на причастие II. Рассмотрение ведется в рамках идеи двухчастности (ЛЭТИ, 1993).

Ключевые слова: идиш-тайч, видовременные конструкции, условное наклонение, идея двухчастности, семифинитив.

Shumkov A. A.
 Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"
 Saint Petersburg, Russian Federation

THE CONDITIONAL MOOD IN YIDDISH AS A RESULT OF INTERFERENCE WITH SLAVONIC LANGUAGES

The article deals with the constructions of the conditional mood in Yiddish, which are, rather often, structurally different from the corresponding constructions in Germanic languages. Taking into account the history of Yiddish, the paper undertakes a comparison of tenses in this language with the tenses in Germanic and Slavonic languages. For the Present it is assumed, that Future II in some Slavonic languages, because of the substitution of Participle II for Infinitive I (Supine), may be perceived as Future I. Likewise, for the Past one can assume, that Future II is perceived as Future I, even without the substitution pointed out. However, in Slavonic languages the future tense is formed, rather often, by means of a flexion, and in Germanic languages – by means of a modal verb. It is not excluded, that the modal verb «will» in Yiddish could be reinterpreted in the Past into the conjugated part of Future II, and fulfills the function of a conditional particle. To enhance the credibility of the proposed assumptions some examples of subjunctive constructions in Yiddish are given, which are, apparently, the result of substituting Infinitive I for Participle II. The consideration is conducted within the binomiality idea (LEEI, 1993).

Keywords: Yiddish, tenses, conditional mood, binomiality idea, semifinitive.

Конструкции условного наклонения в языке идиш-тайч по своей структуре, с одной стороны, могут совпадать с немецкими, а с другой стороны, вместо инфинитива I в них встречается причастие II. В других германских языках такая замена не принята. Пожалуй, причину появления особых конструкций условного наклонения в идиш-тайч следует искать в его истории.

Уже в X-XI веках западногерманские тексты стали записывать еврейскими буквами, но самым ранним текстом, существенно отличающимся от немецкого, считают рифмованное благословение в ворском праздничном молитвеннике, созданном в 1272 году. Можно полагать, что в эту пору еврей-ашкеназы говорили на собственном языке или диалекте, в котором было до 30% оригинальных включений негерманского происхождения. Поскольку идиш того времени изобилует гебраизмами и романизмами, предполагается, что евреи не прониклись языком немцев, представителей чуждой христианской религии, а уже в VIII-IX веках переходили с еврейского диалекта старофранцузского или староритальянского на свои, особые варианты древневерхнемецких диалектов.

В XIII веке ашкеназы, населявшие рейнские территории, стали переселяться в Восточную Европу, которую, видимо, и следует считать местом формирования современного варианта идиш-тайч. Влияние со стороны славянских языков было столь сильным, что морфосинтаксические особенности, характерные для германских и романских языков, приобрели славянский оттенок, вплоть до появления у глаголов разделения на совершенный и несовершенный вид. Иные нововведения – аффиксы с разнообразной семантикой, перестройка системы видовременных конструкций, отклонение от германского порядка слов. Может сложиться впечатление, что ашкеназы весьма сильно перемешались со славянским населением, что привело к возникновению своего рода гибридного языка. Однако исконная лексика идиш-тайч весьма устойчива, а некоторые синтаксические конструкции являют собой крайне необычные для славянских (и германских) языков инновации [1], [2], [3].

Германские видовременные конструкции, в частности, немецкие (наиболее релевантные языку идиш-тайч), представляют собой следующий набор:

настоящее

перфект (настоящее от «иметь» или «быть» + причастие II)

претерит

плюсквамперфект (претерит от «иметь» или «быть» + причастие II)

будущее I (настоящее от «становиться» + инфинитив I)

будущее II (настоящее от «становиться» + инфинитив II)

кондиционалис I (претерит конъюнктив от «становиться» + инфинитив I)

кондиционалис II (претерит конъюнктив от «становиться» + инфинитив II)

Некоторые славянские видовременные конструкции, в частности, польские (наиболее повлиявшие, на наш взгляд, на условное наклонение в идиш-тайч), являют собой следующий набор:

настоящее

перфект ((флексия) настоящего от «являться» + причастие II)

претерит отсутствует

плюсквамперфект отсутствует

будущее I, может быть также выражено настоящим от «быть» + инфинитив I

будущее II (настоящее от «быть» + причастие II)

кондиционалис I выражен кондиционалисом II

кондиционалис II ((флексия) претерита конъюнктива от «быть» + причастие II)

Флексия может присоединяться не только к части сказуемого, но и к другим элементам предложения, например, «*Muśny gobli.*» («Мы работали.»), «*Wyście pisali.*» («Вы писали.»), «*Kiedyście wyjechali?*» («Когда вы выехали?»), «*Dawnośmy się nie widzieli!*» («Давно мы не виделись!»), «*Czy byście poszli jutro do kina?*» («Пошли бы вы завтра в кино?»), «*Prosil, żeby przyszedł.*» «Они просили, чтобы я пришел.» - в русском варианте, как видно, частица «бы» также является своего рода флексией).

Видовременные конструкции в идиш-тайч представляют собой следующий специфический набор [4]:

настоящее

перфект (настоящее от «иметь» или «быть» + причастие II)

претерит (настоящее от «заботиться» + инфинитив I)

плюсквамперфект отсутствует

будущее I (настоящее от «желать» + инфинитив I)

будущее II (настоящее от «желать» + инфинитив II)

кондиционалис I (претерит конъюнктив от «желать» + причастие II)

кондиционалис II (претерит конъюнктив от «желать» + партицип инфинитива II)

Под партиципом инфинитива II мы понимаем конструкцию, состоящую из причастия II от «иметь» (и, возможно, «быть») и причастия II от смыслового глагола. На «ступеньке» претерита находится также двойной перфект – перфект от «иметь» или «быть» + причастие II). В кондиционалисе возможен инфинитив.

Кроме того, в идиш встречается конструкция сослагательного наклонения, не имеющая, на первый взгляд, аналогов в германских и славянских языках и состоящая из претерита конъюнктива от «желать» или «долженствовать», причастия II от глагола «быть» и инфинитива I от смыслового глагола [5], [6].

Весьма ярко конструкции условного и сослагательного наклонений можно видеть в следующем примере: «*Ven ikh zol geven visn, volt ikh (geven) gekumen.*» («Если бы я знал, я бы пришел.»). Как видно, в независимом предложении допустимо употребить и кондиционалис I, и кондиционалис II. Это наводит на мысль о том, что конструкция сослагательного наклонения обладает довольно тяжелым «весом», позволяющем ей выражать предшествование одного действия другому (или их одновременность).

Замена инфинитива I на причастие II конструкциях условного наклонения в идиш-тайч заставила нас обратить внимание на тот факт, что в ряде славянских языков для плана настоящего в будущем II возможна замена причастия II на инфинитив I (супин), после чего это будущее воспринимается как будущее I. По аналогии для плана прошедшего мы склонны предположить, что будущее II имеет шанс быть воспринятым как будущее I, даже вне вышеуказанной замены. Однако в славянских языках будущее время образуется довольно часто с помощью флексии, а в германских – с помощью слова (модального глагола). Не исключено, что модальный глагол «желать» в идиш-тайч мог быть переосмыслен в плане прошедшего в спрягаемую часть будущего II, воспринимаемого как будущее I, и выполняет функцию частицы «бы». Тем

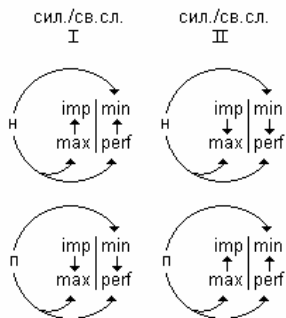
не менее для большей убедительности высказанных предположений нам следует рассмотреть примеры конструкций сослагательного наклонения. На наш взгляд, в этих конструкциях также происходит замена инфинитива I от глагола «быть» на причастие II от того же глагола - «geven» или «gevesn» (в зависимости от диалекта и стиля речи).

Вообще говоря, восприятие будущего II в качестве будущего I характерно лишь для некоторых западно- и восточнославянских языков. В южнославянских языках видовременные конструкции сходны по своей структуре с германскими. В этой работе мы не будем выяснять причину сдвига будущего II в будущее I, но воспользуемся этим фактом для объяснения конструкций условного наклонения в языке идиш-тайч.

Прежде всего следует отметить, что методологией нашего исследования мы считаем необходимым избрать формально-логический подход, используемый в так называемой идее двухчастности. Эта идея была высказана в 1993 году в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» в ходе моделирования синтаксических явлений. Оказалось, что двухчастные модели глагольных и субстантивных членов предложения обладают высокой универсальностью и позволяют рассмотреть видовременные конструкции, употребляемые в различных языках, в одной общей схеме.

В рамках идеи двухчастности сказуемое (т.е. видовременная конструкция) представляет собой глагольный семифинитив, зафиксированный по верхней или нижней плоскости временного уточнителя. Глагольный семифинитив состоит из положительно заряженной мембраны и отрицательно заряженной внутренней полости, и, будучи заведомо осциллирующим, поляризуется еще до фиксации. Фиксация в отрицательно заряженном временном уточнителе усложняет общую поляризационную картину сказуемого, в котором возникают видовые оттенки. При этом крайне важным является размер внутренней полости и мембраны.

Весьма наглядно поляризационная картина видовременных конструкций может быть изображена следующей схемой:

Размер семифинитива обозначен символами «сил.» и «св.сл.» - сильный (внутренняя полость и мембрана велики) и сверхслабый (внутренняя полость и мембрана малы) соответственно. Римские цифры указывают тип семифинитива (I или II). Русские буквы «н» и «п» задают план настоящего и план прошедшего соответственно. Латинские сокращения маркируют мембрану и внутреннюю полость (с учетом ее размера), а также видовые оттенки:

- min – видовой оттенок будущности (внутренняя полость);
- max – видовой оттенок временной полосы (внутренняя полость);
- perf – видовой оттенок совершенности (мембрана);
- imp – видовой оттенок несовершенности (мембрана).

Рассмотрим процесс фиксации глагольного семифинитива во временном уточнителе более подробно, отслеживая в образующемся сказуемом появление видовых оттенков, как в плане настоящего, так и в плане прошедшего. При этом мы полагаем, что уточнитель плана настоящего приближается к семифинитиву сверху, а уточнитель плана прошедшего – снизу. Мы полагаем также, что общий заряд семифинитива I положительный, а семифинитива II – отрицательный, что связано, вероятно, с очевидным различием в распределении смыслового центра.

План настоящего.

Семифинитив I:

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается и такого сказуемого не существует (1.1).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка будущности (1.2).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка временной полосы (1.3).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка совершенности (1.4).

Семифинитив II:

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается и такого сказуемого не существует (2.1).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка будущей (2.2). Этот оттенок можно сделать четким, указав, к какому моменту действие завершится.

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка временной полосы (2.3).

Уточнитель настоящего времени, двигаясь сверху, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка совершенности (2.4).

План прошедшего.

Семифинитив I:

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается и такого сказуемого не существует (3.1).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка будущей, что, вкупе с планом прошедшего, привносит в сказуемое сослагательность (3.2).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сильный семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка временной полосы (3.3).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, притягивает сверхслабый семифинитив I и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка совершенности (3.4).

Семифинитив II:

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Но из-за «тяжести» семифинитива, вызванной его размером (мембрана и внутренняя полость велики) фиксация прерывается и такого сказуемого не существует (4.1).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по верхней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива соприкасаются и это приводит к появлению четкого видового оттенка будущей (4.2). Заменяется на 1.2, ближайшую к будущему.

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сильный семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и внутренняя полость семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка временной полосы (4.3).

Уточнитель прошедшего времени, двигаясь снизу, отталкивает сверхслабый семифинитив II и фиксирует его по нижней плоскости. Уточнитель и мембрана семифинитива не соприкасаются и это приводит к появлению нечеткого видового оттенка совершенности (4.4). Этот оттенок можно сделать четким, указав, к какому моменту действие завершилось.

Легко видеть, что немецкие видовременные конструкции соответствуют вышерассмотренным типам сказуемого следующим образом:

Настоящее – 1.3 и 1.4

перфект – 2.3 и 2.4

претерит – 3.3 и 3.4

плюсquamперфект – 4.3 и 4.4

будущее I – 1.2

будущее II – 2.2

кондиционалис I – 3.2

кондиционалис II – 4.2

Польские видовременные конструкции соответствуют вышерассмотренным типам сказуемого следующим образом:
настоящее – 1.3 и 1.4
перфект – 2.3 и 2.4
претерит отсутствует
плюсquamперфект отсутствует
будущее I – 1.2, может быть также выражено будущим II
будущее II – 2.2
кондиционалис I выражен кондиционалисом II
кондиционалис II – 4.2

Видовременные конструкции идиш соответствуют вышерассмотренным типам сказуемого, вероятно, следующим образом:
настоящее – 1.3 и 1.4
перфект – 2.3 и 2.4
претерит – 1.3 и 1.4
плюсquamперфект – нет подходящего типа
будущее I – 1.2
будущее II – 2.2
кондиционалис I – тип трудно определим
кондиционалис II – тип трудно определим

Рассмотрим конструкцию 2.2 более подробно. Эта конструкция выражает нечеткий оттенок будущности, но в польском и немецком языках он проявлен различными способами: в польском верхняя фиксация маркируется глаголом *być*, а в немецком – глаголом *werden*.

По нашим наблюдениям, в западно- и восточнославянских языках семифинитив II, образуясь посредством совершенной формы «быть», становится сверхслабым и фиксируется исключительно по верхней плоскости. Если в образовании такого семифинитива участвует совершенное причастие II, в плане настоящего фиксация не допускается, но допускается в плане прошедшего. Если же в образовании такого семифинитива участвует несовершенное причастие II, фиксация допустима как в плане настоящего, так и в плане прошедшего. Следует отметить, что семифинитив I от совершенного смыслового глагола также является сверхслабым и фиксируется исключительно по верхней плоскости. В западно- и восточнославянских языках уточнители настоящего и прошедшего времени представляют собой флексию.

Наблюдения в отношении германских языков привели нас к выводу, что семифинитив II (и семифинитив I) также может становиться сверхслабым, но фиксируется как по верхней, так и по нижней плоскости. Уточнители настоящего и прошедшего, представляющие собой не флексию, а слово, обеспечивают верхнюю фиксацию гарантированно, в особенности уточнители, избираемые для маркирования видового оттенка будущности. В немецком языке это формы *werden* в настоящем и претерите конъюнктиве, в нидерландском – формы *zullen* в настоящем и прошедшем, в английском – *shall*, *will* и *should*, *would*, в шведском – *ska* и *skulle* и т.д.

В польском и, особенно, в русском языке, причастие II, участвующее в образовании сверхслабого семифинитива II, заменяется на инфинитив I при фиксации семифинитива в плане настоящего. В плане прошедшего такой замены не происходит.

Мы склонны предположить, что в плане настоящего славянский семифинитив II, после уточнения глагола «быть» флексией и замены причастия II на инфинитив I, может восприниматься как германский семифинитив I, сопровождаемый словом-уточнителем. Тем самым конструкция 2.2 становится структурно тождественной конструкции 1.2, и глагол «быть» семантически уравнивается с глаголами «хотеть», «долженствовать» или «становиться».

В плане прошедшего славянский семифинитив II, после уточнения глагола «быть» флексией и сохранения причастия II неизменным, не воспринимается как германский семифинитив I, сопровождаемый словом-уточнителем. Конструкции 4.2 и 3.2 не являются структурно тождественными и глагол «быть» не уравнивается семантически с глаголами «хотеть», «долженствовать» или «становиться». Тем не менее, мы полагаем, что вследствие весьма «полезного» сдвига 2.2 → 1.2, позволяющего обрести четкость видового оттенка будущности, предпринимается попытка восприятия конструкции 4.2 конструкцией 3.2, пусть и в нарушение структурной тождественности. Однако в языке идиш-тайч это нарушение устраняется весьма специфически – причастие II сопровождается словом-уточнителем, являющим собой претерит конъюнктив от «желать». Этот глагол, по всей видимости, семантически уравнивается с глаголом «быть». В электронных словарях претерит конъюнктив от «желать» переводится иногда как «бы», что весьма курьезно и отчасти подтверждает наше предположение. Конструкция «*ikh volt gekumen*» воспринимается как «я пришел *бы*».

Для польского языка существование будущего II и кондиционалиса II с учетом вышерассмотренных сдвигов может быть подвергнуто сомнению. В самом деле, конструкция «*ja będę szuta(a)*» отличается от конструкции «*ja będę szutać*» не в лексическо-грамматическом значении, а лишь стилистически, считаясь более вежливой. По всей видимости, это связано с тем, что изначально в конструкции 2.2 проявляется нечеткий (более «мягкий») видовой оттенок будущности. Кроме того, дополнительным свидетельством полного сдвига 2.2 в 2.1 может служить невозможность употребить в 2.1 инфинитив I или причастие II от

совершенного глагола. Будущее I в случае совершенного глагола выражено семифинитивом I, а в случае несовершенного глагола – семифинитивом II, в котором причастие II может заменяться на инфинитив I. Кондиционалис I, по существу, мог бы выражаться тем же способом, однако семифинитив I в нем не используется вовсе, а в семифинитиве II замены причастия II на инфинитив I не происходит. Будущее I и кондиционалис I оказываются, тем не менее, довольно равновесными – в будущем I несовершенные и совершенные глаголы разделены двумя различными конструкциями, а в кондиционалисе I объединены в одной, различающейся лишь причастием II (совершенным и несовершенным).

Для языка идиш-тайч, в котором, как мы полагаем, кондиционалис I подвергся структурной перестройке со стороны польской конструкции 4.2, а будущее I в известном смысле подвергается семантической перестройке со стороны польской конструкции 2.2, наличие будущего II и кондиционалиса II не вызывает никаких сомнений. При этом конструкция «ikh volt gekumen» всецело является конструкцией 3.2 (кондиционалисом I) и не имеет отношения к конструкции 4.2 (кондиционалис II), которая по германскому образцу должна бы выглядеть в идиш как «ikh volt gekumen zaun», аналогично конструкции 2.2 (будущее II) «ikh vel gekumen zaun». Однако переход смыслового глагола в причастие II в конструкции 3.2 может повлечь за собой такой же переход глагола «zaun» (или «hobn») в конструкции 4.2: «ikh volt geven gekumen». Более того, если смысловой глагол предваряется каким-нибудь дополнительным глаголом, в основном, модальным, то дополнительный глагол переходит в причастие II:

Ikh volt gekent kumen

Ikh volt geven kumen

Если сказуемое строится на «voltn», такой переход в ряде диалектов наблюдается исключительно часто; другие модальные глаголы сопровождаются семифинитивом (I или, гораздо реже, II):

ikh vel kenen kumen

ikh mekht kenen kumen

ikh zol kenen kumen

Однако, в идиш-тайч довольно часто встречается конструкция

ikh zol geven kumen

Эта конструкция является особенно интересной, поскольку глагол «zaun» должен бы пребывать не в причастии II, а в семифинитиве I (с «zollen» в идиш-тайч обычно сочетается именно семифинитив (I или II) - «ikh zol visn» или «ikh zol gevisn hobn»). По всей видимости, для выражения сослагательности в идиш предпринимается модификация «voltn» или «zoln» семифинитивом I от глагола «zaun»; однако этот семифинитив, вслед структуре условных конструкций, преобразуется в причастие II – «geven» или (гораздо реже) «gevesn».

С учетом наших разысканий мы считаем возможным объявить о следующем соответствии видовременных конструкций идиш вышерассмотренным типам сказуемого:

настоящее – 1.3 и 1.4: **ikh freg**

сильный и сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии;

перфект – 2.3 и 2.4: **ikh hob gefregt**

сильный и сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии;

претерит – 1.3 и 1.4: **ikh fleg fregn**

сильный и сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флектированного слова «флегн»;

плюсquamперфект – нет подходящего типа

будущее I – 1.2: **ikh vel fregn**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости настоящего посредством слова «veln»;

будущее II – 2.2: **ikh vel gefregt hobn**

сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по верхней плоскости настоящего посредством слова «veln»;

кондиционалис I – 3.2: **ikh volt gefregt**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «voltn» и, как правило, преобразующийся в причастие II;

кондиционалис II – 4.2: **ikh volt gehat gefregt**

сверхслабый семифинитив II, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «voltn» и, как правило, преобразующий свою первую часть в причастие II;

Двойной перфект мы склонны соотнести с конструкциями 1.3 и 1.4, но признать при этом, весьма гипотетически, существование семифинитива III – фактически, совершенного семифинитива II (по аналогии можно заявить, что семифинитив II представляет собой совершенный семифинитив I). По «глубине» двойной перфект совпадает с претеритом [7] (интересно отметить, что в идиш-тайч претерит также является собой конструкции 1.3 и 1.4).

двойной перфект – 1.3 и 1.4: **ikh hob gehat gefregt**

сильный и сверхслабый семифинитив III, зафиксированный по нижней плоскости настоящего посредством флексии.

Конструкции сослагательного наклонения, образующиеся посредством «*voltm*» мы склонны соотнести с конструкцией 3.2, но признать при этом, что это слово-уточнитель модифицируется семифинитивом I от глагола «*zaun*». В общей тенденции к унификации структур глагол «*zaun*» переходит из семифинитива I в причастие II.

сослагательное I – 3.2: **ikh volt geven fregn**

сверхслабый семифинитив I, зафиксированный по верхней плоскости прошедшего посредством слова «*voltm*» - уточнителя, модифицированного семифинитивом I «*zaun*», который преобразуется в причастие II «*geven*». Такой же модификации может подвергаться слово-уточнитель «*zoln*», фиксация в котором, вообще говоря, должна проходить по верхней плоскости настоящего. Не исключено, что в идиш наличествуют два типа сослагательных конструкций – конструкция 3.2 (сослагательное I в прошедшем) и конструкция 1.2 (сослагательное I в настоящем) - **ikh zol geven fregn**

На сегодняшний день нам не удалось обнаружить сослагательное II, ни в настоящем, ни в прошедшем. Это хорошо согласуется с тем фактом, что в германских языках в модифицированных уточнителях фиксируются, в основном, лишь семифинитивы I, например:

ich habe *fragen* können (немецкий язык)

ik ben daar *wezen* *kijken* (нидерландский язык)

jag ska kunna *komma* (шведский язык)

Кроме того, нам представляется, что модификация уточнителя сама по себе приводит к «отдалению» семантического центра, сосредоточенного в смысловом глаголе. Такое же «отдаление» наблюдается и в условных конструкциях II вследствие наличия в них семифинитива II.

Для языка идиш ограничение конструкций сослагательного наклонения семифинитивом I от смыслового глагола особенно актуально, поскольку оно позволяет избежать образования конструкции «*ikh volt geven geven zaun*»*.

Следует отметить также, что сослагательная конструкция страдательного залога 1.2 «*ikh zol geven gefregt zaun*» по набору входящих в нее элементов не имеет никаких отличий от изъявительной конструкции страдательного залога 2.2 – «*ikh zol gefregt geven zaun*» (курсивом выделены семифинитив I и семифинитив II соответственно). Однако же сослагательная конструкция страдательного залога 1.2 «*ikh zol geven gefregt vern*» по набору входящих в нее элементов имеет существенное отличие от изъявительной конструкции страдательного залога 2.2 – «*ikh zol gefregt gevorn zaun*». Поэтому конструкции страдательного залога в сослагательном наклонении в идиш-тайч употребляются с учетом возможных структурных совпадений или используются весьма редко [8], [9].

В заключение приведем допустимый набор страдательных конструкций условного и сослагательного наклонений с глаголами «*zaun*» и «*vern*» в сопоставлении с действительными:

кондиционалис I – 3.2:

ikh volt gefregt

ikh volt gefregt geven

ikh volt gefregt gevorn

ikh volt fregn

ikh volt gefregt zaun

ikh volt gefregt vern

кондиционалис II – 4.2:

ikh volt gehat gefregt

ikh volt gefregt geven*

ikh volt gefregt gevorn geven

ikh volt gefregt hobn

ikh volt gefregt geven zaun

ikh volt gefregt gevorn zaun

сослагательное I – 3.2:

ikh volt geven fregn

ikh volt geven gefregt zaun

ikh volt geven gefregt vern

ikh zol geven fregn

ikh zol geven gefregt zaun

ikh zol geven gefregt vern

Однако в идиш аналитический пассив употребляется менее часто, чем в иных германских языках, заменяясь, например, на возвратные конструкции [10]. Учитывая семантику глаголов «*zaun*» и «*vern*» можно предположить также, что кондиционалис I с «*zaun*» способен заменять тяжеловесный и противоречивый кондиционалис II [11]. Однако невозможно согласиться с тем, что конструкция «*ikh volt gefregt geven*» является «ирреалисом в прошлом» [12], даже несмотря на ее очевидную «утяжеленность» причастием II. Следует отметить также, что в грамматике З. Рейзена [9] эта конструкция признана одной из разновидностей кондиционалиса I и в отношении ее нет никаких упоминаний об «ирреалисе в прошлом». В самоучителе С.А. Сандлера, впрочем, весьма интересным является перевод конструкции «*ikh volt gefregt*» как «я *спросил бы*», а конструкции «*ikh volt fregn*» - «я *спрашивал бы*» [4]. Такие параллели, однако, вряд ли возможны.

Разномастность трактовок видовых и временных значений конструкций условного и сослагательного наклонений в языке идиш-тайч объясняется его диалектальной неоднородностью и, пожалуй, излишней самоуверенностью исследователей. Вместе с тем за каждой видовой конструкцией стоит вполне прозрачная структура, ограничивающая число возможных видовых оттенков. Несмотря на тяготение к различению совершенных и несовершенных глаголов, идиш сохраняет германский образец глагольного вида. Воспринимать причастие II, фигурирующее в конструкциях условного наклонения, показателем совершенности или предшествования действия, в корне неверно. Смысловой глагол переходит из семифинитива I в причастие II в результате сложной структурно-семантической перестройки конструкции 3.2, что вызвано сильной синтаксической интерференцией идиш-тайч с западно- и восточнославянскими языками.

Появление конструкций сослагательного наклонения столь специфического типа на сегодняшний день с привлечением интерференции объяснено быть не может – неизвестно, какие языки способны

привнести в идиш-тайч такие синтаксические структуры. К тому же, среди видовременных конструкций идиш обнаруживаются структурно идентичные – так, претерит образуется, по сути, модификацией глаголом «flegn» флексии настоящего, а сослагательное I – модификацией глаголом «zaun» слова-уточнителя претерита конъюнктива (или настоящего). Возможно, в этой структурной идентичности и кроется причина появления особых сослагательных конструкций в языке идиш-тайч.

Литература

- Сандлер С.А. Самоучитель языка идиш. М.: Русский язык, 1989. – 440 с.
- Федченко В.В. Развитие видовременной семантики у маркеров пассивного залога в идише // Вопросы языкознания. 2016. №1. – С. 94–113.
- Шапиро М.А., Фалькович И.М. В помощь изучающим идиш. СПб.: Еврейский общинный центр, 2006. – 234 с.
- Шумков А.А. Формальный анализ сказуемого в германских языках. Видовременные конструкции в языке идиш-тайч / С.-Петербург. гос. электротехн. ун-т. – СПб., 1996. – 15 с. – Деп. в ИНИОН РАН 24.07.96, № 51788.
- Jacobs, N. G. Yiddish: a Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 348 p.
- Karlen N. The Story of Yiddish: How a Mish-Mosh of Languages Saved the Jews. NY: HarperCollins, 2009. – 336 p.
- Katz D. Grammar of the Yiddish Language. London: Duckworth, 1987. – 290 p.
- Litvinov V., Radčenko V. Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache // Studien zur deutschen Grammatik. Band 55. Tübingen: Stauffenburg, 1998. – 238 S.
- Rejzen Z. Yidishe gramatik. Varshe: Progres, 1908. – 99 p.
- Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic // Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1982. – Pp. 231–250.
- Weinreich U. College Yiddish: An Introduction to the Yiddish Language and to Jewish Life and Culture. NY: YIVO Inst. for Jewish Research, 1976. – 399 p.
- Zaretski I. Yidishe gramatik. Vilnius: B. Kletskin, 1929. – 322 p.

References

- Fedchenko V.V. Razvitie vidovremennoj semantiki u markerov passivnogo zaloga v idishe [The verb aspects' semantics and the passive markers development in Yiddish]. Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language). 2016. №1. – P. 94–113.
- Jacobs, N. G. Yiddish: a Linguistic Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 348 p.
- Karlen N. The Story of Yiddish: How a Mish-Mosh of Languages Saved the Jews. NY: HarperCollins, 2009. – 336 p.
- Katz D. Grammar of the Yiddish Language. London: Duckworth, 1987. – 290 p.
- Litvinov V., Radčenko V. Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. In Studien zur deutschen Grammatik. Band 55. Tübingen: Stauffenburg, 1998. – 238 S.
- Rejzen Z. Yidishe gramatik. Varshe: Progres, 1908. – 99 p.
- Sandler S.A. Samouchitil yazyka idish. [Yiddish self-study book]. Moscow: Russky yazyk, 1989. 440 p. (in Russian)
- Shapiro M.A., Falkovich I.M. V pomoshch' izuchayushchim idish [The aid for learners of Yiddish]. SPb.: Evrejskij obshchinnij centr, 2006. – 234 p.
- Shumkov A.A. Formal'nyj analiz skazuemogo v germanskijh yazykah. Vidovremennye konstrukcii v yazyke idish-tajch / St. Petersburg state electro-technical university. – SPb., 1996. – 15 s. – Dep. v INION RAN 24.07.96, № 51788.
- Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic. Proceedings of the 8th Annual meeting of the Berkeley linguistics society. Berkeley: Berkeley Linguistic Society, 1982. – Pp. 231–250.
- Weinreich U. College Yiddish: An Introduction to the Yiddish Language and to Jewish Life and Culture. NY: YIVO Inst. for Jewish Research, 1976. – 399 p.
- Zaretski I. Yidishe gramatik. Vilnius: B. Kletskin, 1929. – 322 p.

Gertsen A. S.

The Perm Branch of the National Research University
“Higher School of Economics”
Perm, Russian Federation

THE ONOMASTICON OF M. Y. LERMONTOV ON THE EXAMPLE OF THE DRAMA “THE SPANIARDS”

The article analyses the connection between anthroponyms in M. Y. Lermontov’s drama “The Spaniards” and characters’ features from the point of view of literary onomastics. The author advances the thesis that the author chose the list of names under the influence of both the etymology and the frequency of naming in the culture of the described country. M. M. Bakhtin’s principle of dialogism determines the relationships between the name and the character: the character has either the characteristics associated with the semantics of the name, or the opposite of them. The influence of onomasticon of Romanticism epoch authors such as Lessing and Schiller on the early works by M. Y. Lermontov noted in the research is explained by author’s deep connections with German Romanticism. It is concluded that most of the characters from the drama “The Spaniards” have names that reflect their character traits.

Key words: literary onomastics; onomasticon; etymology; M. Y. Lermontov’s dramas; dialogism; semantics; Romanticism

Герцен А. С.

Пермский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Пермь, Российская Федерация

ОНОМАСТИКОН М. Ю. ЛЕРМОНТОВА НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ «ИСПАНЦЫ»

В статье анализируется связь между антропонимами в произведении М. Ю. Лермонтова «Испанцы» и характеристиками персонажей с позиции литературной ономастики. Выдвигается тезис о выборе автором именослова в зависимости как от этимологии, так и от частоты употребления имени в культуре описываемой страны. Семантические связи между именем и характером персонажа устанавливаются по принципу диалогичности М. М. Бахтина: персонаж обладает либо теми характеристиками, с которыми связана семантика имени, либо противоположными им. Отмечается влияние ономастикона таких авторов эпохи романтизма, как Лессинг и Шиллер, на именослов автора, что объясняется глубокими связями между немецким романтизмом и творчеством М. Ю. Лермонтова. Делается вывод о том, что большинство персонажей в драме «Испанцы» носят имена, которые отражают их черты характера.

Ключевые слова: литературная ономастика; ономастикон; этимология; драмы М. Ю. Лермонтова; диалогичность; семантика; романтизм

Onomastics is a branch of lexicography that studies any kind of personal names. Literary onomastics studies personal names used in any fiction book: their etymology, frequency and helps put forward hypotheses about author’s usage of names. Investigating anthroponymy and toponymy is the direction on which scientists use opportunities of literary onomastics [Kondakova, 2009].

Today there are several school of onomastics in Russia. The leading school is the Ural School of Onomastics, founded by A. K. Matveyev, that made a special contribution to the study of onomastics of the languages of the Russian North, the Urals, and the Volga region’ peoples [Skuridina, 2015]. However, literary onomastics is paid more attention by scientists from the Voronezh School of Onomastics founded by G. F. Kovalev [Skuridina, 2019].

The analysis of book characters’ onomasticon has high relevance, because it lets you discover previously undetected semantic links between the name of the hero and his characteristics. According to V. D. Denisov, the researcher’s networking should follow the principle of dialogism by M. M. Bakhtin: the name’s etymology may either match the hero’s character or hint at opposite character traits. It also may have a negative connotation and a positive characteristic. The scientist confirms this with examples from “Evenings on a Farm Near Dikanka” by N. V. Gogol [Denisov, 2014]. More than that, in the case of the collection “Mirgorod” V. D. Denisov analyses in great detail the direct and connotative meanings of names, their form and semantics in the Gogol’s list of names [Denisov, 2017].

The works by M. Y. Lermontov, an intellectual author of the 19th century, require careful analysis from the standpoint of different approaches, including onomastic ones. I turn to the onomasticon of M. Y. Lermontov and consider characters' names from the drama "The Spaniards" written in 1830. It is interesting due to the author's usage of foreign names in it. The drama demonstrates the abstract "Spain of the inquisition age". Events from XV-XVII centuries are put together in the work. As B. M. Eichenbaum said, "Lermontov needed Spain only as a historical symbol and a political cipher with which he could express his thoughts about the situation in the homeland. He doesn't need kings or dukes; he doesn't even need a chronology. The action of "The Spaniards" takes place in Castile (as indicated in the remark), but it is unknown when: there is no direct indication of this – neither in the remarks nor in the text" (Eichenbaum, 1961, p. 156). In M. Y. Lermontov's criticism of nobility and clergy you can see Byronist influence very typical of the great poet, especially in his youth [Cherny, 1941; Vatsuro, Manuylov, 1959]. It is known that M. Y. Lermontov was passionate about the Spanish theme and thought that his family had been derived not only from Scottish bard Thomas Lermont, but also from the Spanish Duke of Lerma, that, however, was not confirmed [Mikhailov, 2012].

In the drama there are eight personal names. Four of them are of Jewish origin, two are Germanic, and one is Latin. The origin of one name has not been clarified.

Protagonist Fernando's name is of Germanic origin (like the German name Ferdinand). In the drama Fernando is depicted as a bold but lost hero, for whom it is difficult to be at peace with the surrounding reality [Ulitina, 2016]. The question is whether M. Y. Lermontov investigated the name's etymology or just chose a popular name for the character. Fernando is a two-base name that comes from "fard", "fart" ("road", "way", "journey") or "fridu", "frithu" ("peace", "security") and "nand" ("bold", "courageous") [Superanskaya, 2005, p. 223; Obediente, 2007, p. 137]. Spanish researchers refer to the Visigothic variant Firthunands [Elián, 2001, p. 114; Obediente, 2007, p. 137]. The name Fernando had remained popular in Spain and Portugal for a long time, there were a lot of prominent figures having that name. It is worth paying attention to the fact that in F. Schiller's drama "Intrigue and Love" one of the main characters Ferdinand is a noble humanist who rejected the aristocratic lifestyle.

Donna Emilia has the name that was a gentile name (nomen) among the Romans and presumably comes from the word *emulus* – "rival", "zealous" [Superanskaya, 2005, p. 336]. In this case, the first meaning may be related to her character: Donna Emilia remains a zealous Christian even when the evil Jesuit Sorrini shows hypocrisy. In the drama called "Emilia Galotti" by romanticist G. E. Lessing who influenced the M. Y. Lermontov's work the main character bears the same name, but is an Italian maiden.

Donna Emilia's father Don Alvarets /alvarets/, named in the author's variant instead of *Álvarez*, would be /alvareθ/ in the contemporary transcription, he is named after the surname formed from the name *Álvaro* (like Old Norse "Alfarr"), derived from "alb", "alf" ("elf", "alv") and "heri", "hari" ("army") or from the ancient Germanic "ala-wari" – "favourable, benevolent" [Superanskaya, 2005, p. 30-31; Peterson, 2007, p. 19]. However, he does not turn out to be favourable to the protagonist that indicates dialogism in the use of names.

As for the name of Donna María – Emilia's stepmother, it is of Jewish origin – מִרְיָם (Miryám) [Superanskaya, 2005, p. 313], but the versions about its etymological meaning are opposite to each other: either "bitterness" or "beloved, mistress". The name Miryám, Mary, María is often mentioned in the Bible and is the name of the Mother of God and a lot of saints. In the drama, Donna María is a negative character.

Don Alvarets is named by his last name, although in Spanish the address "Don", in contrast to the address "Señor", is usually used before the first name, not the last name. The examples of "Donna María" and "Donna Emilia" are demonstrative, although in their case the Spanish form of address "Doña" was replaced by the Italian "Donna". We can explain the case recalling the situation in the culture of the first half of the 19th century when the Russian writers' appeal to Spanish themes passed through the prism other European languages (French, Italian) and cultures.

Antagonist Father Sorrini has a strange name, very similar to the last name Sorini. Through his namelessness M. Y. Lermontov might show that the antagonist lost connection with his heavenly patron due to terrible sins. In addition, the name of his Dominican friend and other inquisitors is not called. We assume that negative characters are also nameless because, according to the author, they represent not a person, but a function within their class. Don Alvarets is an aristocrat proud of his ancestors' achievements while inquisitors are part of the ecclesiastical bureaucratic apparatus.

The name of the old Jew who turns out to be Fernando's father is Moses (מֹשֶׁה) (Moshe) – from the Hebrew "taken from the water", or from the Egyptian "child" [Superanskaya, 2005, p. 160], but it is more related to his ethnicity than to etymological meaning, like the name Sarah (סָרָה) [Superanskaya, 2005, p. 338-339]. Fernando's sister Noemi (נְעֻמִי) (Naomi/Noomi) – "pleasant", in the Synodal Russian translation of the Bible – Ноеминь /nojem'in/) turned out to be a benevolent person and took care of Fernando when he was wounded, so her character correlates with the etymological meaning of her name [Superanskaya, 2005, p. 323].

As the study showed, most of characters' names are consistent with their character traits, the etymology of the name corresponds to the characteristics of the characters and only in the case of Don Alvarets they are opposite to each other. Donna María's name has a contradictory etymology, so the problem of why the writer uses the name remains unresolved. Apart from that, the author encrypts certain information, paying attention to the prevalence of the name in a particular culture. Thanks to literary onomastics, it is possible to identify links between the character of the hero on the one hand, and the form and semantic meaning of his name on the other hand.

Sources

- Lermontov M. Y. The Complete Works in One Volume. Moscow: "ALPHA-KNIGA Publisher", 2017. (In Russian)
- Lessing G. E. Emilia Galotti. Translated from German by P. V. Melkova. Moscow: "Iskusstvo" Publisher, 1953. (In Russian)
- Schiller F. Intrigue and Love. Translated by N. M. Lyubimov. Selected Works. Available at: <https://wysotsky.com/0009/435.htm#400> (accessed: 29.09.2021). (In Russian)

References

- Bakhtin M. M. Collection of Works: in 7 Volumes: Volume 5. The Gorky Institute of World Literature. – Moscow: Russkoye slovo, 1997. (In Russian)
- Vatsuro V. E., Manuylov, V. A. Dramaturgy by Lermontov // Lermontov M. Y. Collection of Works: in 4 Volumes / The AS of the USSR. The Institute of Russian Literature. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences Publishing House, 1959. Vol. 3. P. 719-731. (In Russian)
- Denisov V. D. List of Names by Gogol: about the Form and Semantics of Personal Names in his Short Story Collection "Mirgorod" // The Problems of Historical Poetics. 2017. V. 15. No. 1. P. 38-54. (In Russian)
- Denisov V. D. List of Christian Names by Gogol: about the Form and Semantics of Personal Names in his Early Prose // The Problems of Historical Poetics. 2014. P. 220-231. (In Russian)
- Kondakova I. A. The Leading Research Approaches in Contemporary Russian Onomastics // The Bulletin of Vyatka State University. 2009. P. 105-108. (In Russian)
- Manuylov V. A. The Chronicle of Life and Work of Lermontov. The AS of the USSR. The Institute of Russian Literature (Pushkin House); Ed. by B. P. Gorodetsky. – Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermont/chronics/man/man-001-.htm> (accessed: 29.09.2021). (In Russian)
- Mikhailov V. F. Lermontov: Alone between Heaven and Earth. Moscow : Molodaya Gvardiya, 2012. (In Russian)
- Skuridina S. A. Modern Onomastic Schools: from Voronezh to Irkutsk // Actual Issues on Modern Philology and Journalism. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 41-45. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-onomasticheskie-shkoly-ot-voronezha-do-irkutska> (accessed: 29.09.2021). (In Russian)
- Skuridina S. A. At the Origins of Literature Onomastics // Neophilology. 2019. Vol. 5. No. 17. – P. 54-61. (In Russian)
- Ulitina N. M. Existential Dramatic Heroes by M. Lermontov // The Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Art. 2016. Vol. 48. No. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-obrazy-v-dramaturgii-m-yu-lermontova> (accessed: 29.09.2021). (In Russian)
- Cherny K. G. Lermontov and Byron // M. Y. Lermontov: Collection of Works Pyatigorsk, 1941. – P. 47-74. (In Russian)
- Eichenbaum, B. M. Articles about Lermontov. The AS of the USSR. The Institute of Russian Literature. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences Publishing House, 1961. (In Russian)
- Elián, J. S. El gran libro de los apellidos y la heráldica. Barcelona: Victor/Ediciones Robinbook, 2001. (In Russian)
- Obediente, E. Biografía de una lengua: nacimiento, desarrollo y expansión del español. La Paz: Universidad de los Andes, Consejo de Publicaciones, 2007. (In Spanish)
- 1.

Dictionaries

- Superanslaya A. V. Contemporary Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Spelling. Moscow: Iris Press, 2005. (In Russian)
- Peterson, L. Nordiskt runnamnslexikon. Femte, reviderade utgåvan. Uppsala: Institutet för språk och folkminnen, 2007. (In Swedish)

Golikova T. A.
 Russian new university (RosNOU)
 Moscow, Russian Federation

BASIC CATEGORIES OF STUDYING LINGUISTIC LANDSCAPE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

The article is devoted to the research problematics of Linguistic Landscape as a sociocultural phenomenon. More specifically, based on the study of the existing materials in this field, the main concepts and methodologies of LL are identified, critically analyzed and presented. The systematization and formulation of these basic categories can be used by scholars in the study of LL as a sociocultural phenomenon, as well as by communication practitioners in taking concrete steps towards improving LL, which is especially important in the context of modern globalism for creating more harmonious relations at various levels.

Keywords: linguistic landscape, society, culture, terminology, methodology.

Голикова Т. А.
 Российский новый университет (РосНОУ)
 Москва, Российская Федерация

БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЯВЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию проблематики лингвистического ландшафта как социокультурного феномена. В частности, на основе изучения существующих материалов в этой области определены, критически проанализированы и представлены основные терминологические понятия и методы изучения лингвистического ландшафта. Систематизация и формулировка данных базовых категорий могут быть использованы учеными при изучении лингвистического ландшафта как социокультурного феномена, а также специалистами в области коммуникации при принятии конкретных мер по улучшению лингвистического ландшафта, что особенно важно в контексте современного глобализма для создания более гармоничных отношений на разных уровнях.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, социум, культура, терминология, методология.

Introduction

The article is devoted to the study of the problems of linguistic landscape (hereinafter – LL) - various visual means of constructing the territory and an important component of modern linguistic ecology. LL is formed at the intersection of a number of disciplines and is a complex phenomenon that determines many socio-cultural conditions of human life. LL began to be actively investigated in the process of expanding and intensifying language contacts, in connection with migration processes and multilingualism processes, being a reflection of the general processes of globalization [Baranova, Fedorova, 2017; Gritsenko, Kirilina, 2014; Peshkova, 2019; Shustova, Osheva, 2011].

LL has recently become more and more actively investigated. Most of the research is devoted to the study of LL in such areas as advertising, commerce, toponymic signs, branding of the territory, small business, as well as in the socio-political space, including language policy and public policy mechanisms. Meanwhile, the term LL itself is often interpreted in different ways, sometimes being identified with purely speech characteristics of certain social groups and problems of linguistic geography. In addition, the issues of LL research methodology deserve closer attention of scientists. The study of LL requires a more systematic development of its fundamental characteristics, especially given its potential to improve the general linguistic ecology and the socio-cultural sphere as a whole.

Discussion

The subject of the article is the basic research categories of LL, which can be applied in its study to answer a number of questions of socio-cultural orientation, including the following: (1) how does LL contribute to the formation of ethno-cultural identity? (2) how does LL act as a motivational factor of creative professional and socio-political activity? (3) how does LL perform the function of relieving social, political, ethno-cultural tensions and preventing conflicts? (4) how LL acts as a mechanism of state policy in the socio-political field.

The general purpose of the article is to formulate the basic categories of the study of LL as a socio-cultural phenomenon, which will allow answering the questions, some of which are given above. More specifically, firstly, the article aims to identify, critically analyze and present the main substantive concepts of LL based on the research of existing scientific materials on this issue; and, secondly, the goal is to identify, critically analyze and present the main methods of LL research. Thus, the LL area will receive the necessary systematization in the form of basic terminological and methodological categories that can later be used by scientists in their research.

Methods and material

This article uses methods of analytical review, description, classification, semantic and critical analysis. All these methods are aimed at systematization, evaluation and organization of a set of basic terminological and methodological categories in the field of LL study.

Results

The main **terminological** categories in the field of LL study are given below and briefly described: (1) definition of LL and similar concepts; (2) definition of the disciplines by which LL is studied; (3) perception of LL and examples of applied areas of its application.

(1) Definition of LL and similar concepts:

LINGUISTIC landscape – visual and *verbal* representation of different communicative and linguistic systems in the socio-cultural space; cf. the language landscape. Unfortunately, in modern Russian science, the concepts of “*linguistic landscape*” and “*linguistic/verbal landscape*” are not divorced or divorced inconsistently. The first term is borrowed, as you know, from English-language science and in many ways has become quite superficial to denote any language, speech and even metalanguage fragments, mixing real phenomena and scientific constructs. It is more expedient, in our opinion, that the representation of different language systems in a single socio-cultural space should be called LL, and the representation of texts (oral, written, and also polycode) should be called a linguistic landscape and even a textual one.

A **VISUAL LINGUISTIC LANDSCAPE** is a visual representation of the objects of a city (another locality).

LANGUAGE LANDSCAPE (text) – the representation of texts (oral, written, and also polycode) in the socio-cultural space. The term continues traditional research in the categories of “language of the city”, “language space”, “language environment” and under.

A **SIGN OF A LINGUISTIC LANDSCAPE** is a cultural and symbolic reality that represents the properties or relations of a socio-cultural space and is used for the acquisition, storage, processing and transmission of information.

TYPES OF LINGUISTIC LANDSCAPE. The main types are visual, auditory, kinesetic. Each view can be static or dynamic.

VISUAL DIALECT is the dialect name of a geographical object, visualized in the form of a plate. See dialect toponymy.

THE LANGUAGE OF THE CITY is “a historically formed set of types of urban speech used within the boundaries of the city by various social groups united by knowledge of the “**city code**” [Yunakovskaya, 2011, p. 194]. At the current stage of the development of such studies, it is obvious that the “language of the city” is a multi-level and multidimensional education, and its components have both different and general indicators. The latter include, in particular, the protest mood, the denial of the surrounding world by the subject of speech, the designation of his own position in the dismemberment of the world and the nomination of its phenomena. These features are reflected by the word-formation system of the language of the city. Conducted by A.A. Yunakov’s research revealed a number of word-forming means of the all-Russian language (most often unproductive), based on ancient impulses - primitive thinking, archetypes – and their linguistic expression [ibid., p. 197].

(2) Definition of the disciplines by which LL is studied:

VISUAL LINGUOGEOGRAPHY is a discipline that studies and models visualized speech phenomena and processes of speakers of a geographical territory. Traditional linguistic and geographical studies are supplemented by the description and analysis of the visual component of the object: handwritten or printed text, photograph, picture, graffiti or drawing, diagram, map, various pointers. Of course, this is not the first time linguistics has worked closely with geography. One of the most serious methods of linguistic research of the XX century . an areal, geographical one appeared [Areal Studies ..., 1983].

POLITICAL LINGUISTICS is a discipline at the intersection of political science and linguistics that studies the patterns of interaction and mutual influence of socio-political events and language/languages. Incorrect from the point of view of political linguistics and linguoecology is the use of certain precedent phenomena that cause a negative reaction among educated citizens, inappropriate use of the names of mythological or literary characters and raises the question of the relevance of language policy and the need for censorship to regulate the language situation in the city. Within the framework of our research, the linguistic landscape is considered as a mechanism of state policy.

A **MULTILINGUAL ENVIRONMENT** is a communicative space using two or more languages.

SOCIOLINGUISTICS is a branch of linguistics that studies the relationship between language and the social conditions of its existence.

TOPONYMY is a section of onomastics that studies geographical names (**toponyms**), their origin, lexical meaning, development, current state, spelling and pronunciation.

URBANISM is a science that studies the ways of development of various urban systems (transport, pedestrian infrastructure, ecology, healthcare, and others), their interaction with each other and with the residents of the city.

URBAN LINGUISTICS is a linguistic discipline that studies polycode communication processes in urban space.

ECOLOGICAL LINGUISTICS (ecolinguistics) is a branch of linguistics that studies ways to preserve, safely develop and use the linguistic sphere of a person and society.

ECOLOGY OF COMMUNICATION is a discipline that explores the ways and mechanisms of developing an effective and safe exchange of information (more broadly, *ecology of mass communications*).

(3) Perception of LL and examples of its application areas:

PERCEPTION OF THE LINGUISTIC LANDSCAPE. A special focus of research LL is the study of the perception of the urban linguistic landscape a) people, b) the tourists) temporarily working foreigners and other groups, because every language policy in the field LL, unconditional, should be built taking into account the views of communicants *on issues of clarity, comfort, non-contentious cultural richness* of specific objects (units) and LL to provide this level of comfort, eliminating different kinds of conflict situations.

- assessment of the degree of intelligibility/incomprehensibility of LL objects;
- assessment of the degree of attractiveness/unattractiveness of LL objects;
- assessment of the appropriateness/inappropriateness of LL objects;
- assessment of the degree of offensiveness/non-offensiveness of LL objects;
- the presence of cultural and symbolic (historical) realities of the region, city;
- the language of LL objects.

LANGUAGE POLICY is a system of measures and legislative acts carried out by the authorities and/or public institutions of the country in the field of functioning of languages and dialects.

LANGUAGE PLANNING is a conscious influence on the development of any language in use, regardless of its origin.

The main **methodological** categories in the field of LL study are given and briefly described below:

METHODOLOGY OF LINGUOLANDSCAPE RESEARCH. The depth of interpretive methods of linguolandscape research also depends on the purpose and specifics of the material. This is the level of fixation of the representation of languages in the design of tablets, inscriptions, this is the level of deep symbolic saturation of cultural meanings represented by these tablets, sounds, movements.

FIELD RESEARCH is the study of people acting in the natural conditions of their daily life. A field researcher decides to enter the world of other people in order to learn “first-hand” about how they live, how they talk, behave, which fascinates and disappoints them... It is also a method of study by which researchers try to understand the meanings (meaning) of the observed activity for those involved in it [Newman, 1999; Emerson, 1983].

Stages of field research.

1. Prepare yourself, read literature, without focusing on something specific.
2. Select the field site and get access to it.
3. Enter the field and establish a social relationship with the group members.
4. Accept a social role, thoroughly study the environment, establish friendly relations with group members.
5. Watch, listen and collect quality data.
6. Start analyzing the data, summarize and evaluate working hypotheses.
7. Focus on the specific aspects of the environment and use theoretical modeling.
8. Conduct field interviews with informants.
9. Leave the field, finish the analysis and write a scientific report [Newman, 1999, pp. 111-112].

PRIMARY DATA – data collected by researchers (volunteers) directly in the socio-cultural space of the city; within the framework of this Project – photographs taken with cameras, phones, and other gadgets, suitable for extracting textual information and subsequent processing. The primary data is the property of the Project and is stored on the electronic media of the Project.

SECONDARY DATA are the results of previous scientific research, publications in professional publications, articles in the media, as well as data collected and published by government organizations (for example, the population census) and private agencies (for example, data on the costs of tourists).

VOLUNTEER (from *lat.* voluntarius - eternally hungry) – a person who carries out voluntary activities in the form of gratuitous performance of works, provision of services (voluntary activity); within the framework of this Project – a person collecting primary data.

GOOGLE FORM (*eng.* Google Forms) is a survey administration application included in the Google Drive and Google Classroom office suite together with Google Docs, Google Sheets and Google Slides; within the framework of this Project – a form (questionnaire) that allows processing primary data in digital format.

PHOTOBANK is a corpus of photographs of objects of the linguistic landscape, structured according to the type of carrier of visual and verbal information: advertising (billboards, billboards, banners, ads, etc.), a plaque (memorial, toponymic, etc.), a sign, graffiti, an ad, a pointer (road, navigation, etc.).

COMPREHENSIVE RESEARCH

Currently, approaches to the multidimensional study of the LL of a city are being developed depending on political, economic, social, cultural and other factors (the size of the city, the history of the city, the number and number of diasporas, ethnic communities, communities, migration processes, the level of stability/instability, etc.).

An example of a comprehensive study using a number of methods is the study "Linguistic landscape as a mechanism of public policy: socio-cultural and communicative aspects", conducted within the framework of the RFBR grant "Linguistic landscape as a mechanism of public policy: socio-cultural and communicative aspects" 20-011-31742.

The general scientific approach developed for this project is reflected in the specific methods that are applied at each stage of the study. In accordance with the general approach, three stages of research were identified – Technological, Epistemological and Phonetical. The task of the Technological stage is to identify various types of LL, i.e. to describe their classification. Here, the main research methods were empirical methods, for example, observation, questionnaires, content analysis. The task of the Epistemological stage is to understand what is behind each type of LL. Accordingly, interpretive methods were used here, such as semiotic analysis, rhetorical analysis, discourse analysis. The task of the Phonetical stage is to propose concrete steps that can lead to the improvement of LL as a linguistic human habitat. Praxeological methods such as critical analysis and cultural analysis were used here. Thus, as LL research progressed, the emphasis shifted from more descriptive and quantitative methods to more phenomenological and qualitative methods [Kusenbac, 2003]. The importance of such dynamics is becoming increasingly realized in the works on LL in recent years, which call for paying more attention to how LL is perceived by specific people in specific socio-cultural situations.

Conclusion

Thus, in this article, based on the study of existing scientific materials on this subject, the main terminological concepts and basic methods of LL research have been critically analyzed and presented. The systematization and formulation of the basic categories of data can subsequently be used by scientists in the study of LL as a social and cultural phenomenon, as well as when taking practical steps to improve the LL, for example, in the form of recommendations on language policy, conflict resolution, etc., which is extremely important in the context of modern globalism to harmonize communication on various levels – from interpersonal to inter-cultural, inter-ethnic and international communication, as well as in a variety of contexts – from academic to professional, from socio-political to diplomatic. In general, this study can be used in the analysis of any theoretical and practical situations related to the problem of LL as a mechanism of the socio-socio-cultural sphere.

References

- Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii. (Yazyk i etnos). L.: Nauka, 1983. 250 s.
- Baranova V.V., Fedorova K.S. (Ne)vidimost' i (vne)nahodimost': trudovye migranty i yazykovoj landshaft Sankt-Peterburga // Gorodskie issledovaniya i praktiki. 2017. T. 2. № 1. S. 103-121
- Gricenko E., Kirilina A.V. YAzykovaya politika v usloviyah globalizatsii. YAzykovaya politika i yazykovye konflikty v sovremennom mire. M., 2014. S. 95-101.
- N'yuman L. Polevoe issledovanie // Sociologiya za rubezhom. 1999. S. 110-121.
- Peshkova N.P. Lingvisticheskij landshaft kak otrazhenie processov globalizatsii i nacional'noj samoidentifikatsii // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, 2019. 3 (819), S. 90-102.
- Saduov R.T. Polevoe issledovanie kul'turno-yazykovogo landshafta v nacional'noj respublike: opisanie i obosnovanie proekta // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2020. 1. S. 23–29.
- SHustova S.V., Osheva E.A. Lingvisticheskij landshaft i lingvisticheskaya globalizatsiya // Gumanitarnoe obozrenie. – Perm': Izd-vo Prikam. soc. in-ta, 2011. № 5(48). S. 85-94.
- YUnakovskaya A.A. YAzyk goroda kak lingvisticheskaya problema // Vestnik Omskogo un-ta. Filologiya. 2011. №3. S. 193-197.
- Emerson R.M. Introduction // Field research / Ed. by Burgess, R.G. Pp. 1-1 I. Boston: Gergc Allen and Unwin, 1983.
- Kusenbach, M. Street Phenomenology The Go-Along as Ethnographic Research Tool // Ethnography, 4(3), pp. 455-485, 2003.

Kameh Khosh N.
Peoples' Friendship University of Russia

Rossinskaya E.
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation

HISTORICAL PREREQUISITES FOR THE EMERGENCE OF COURT TRANSLATION AND ITS DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE ON THE EXAMPLE OF THE TRAINING SYSTEM FOR COURT SIMULTANEOUS INTERPRETERS IN GERMANY

This article studies the problem that lies at the intersection of fundamental and applied linguistics, namely the need to train specialists in the field of court translation. Within the framework of court translation, several types of interpreting coexist, carried out, respectively, at the stage of proceeding interpreting, witness interpreting and defense interpreting which poses various professional tasks for the interpreter both in the field of language proficiency and in the field of general linguistic and cultural competence. So, at the stage of proceeding, consecutive interpretation is used, while at the stage of interrogation of witnesses, simultaneous interpretation is preferred. The tasks that the interpreter faces include the knowledge of court procedure, the appropriate manner of behavior, namely impartiality and confidence and use an appropriate form of address. Much attention is paid to the need for the ability of court interpreters to recognize non-verbal language signals, such as speech speed, pace, pause, etc. The specificity of the training of court interpreters is considered in a historical context on the example of the Nuremberg Trial, which marked the development of this field of translation. The authors consider the history of choosing the best approaches to court translation, the history of the development of the necessary equipment. The detailed consideration is given to the experience of Leon Doster, who was the first to have recognized the need for improved court interpreting, and Andre Kaminker, who is considered the first simultaneous interpreter. It was during the selection of translators to work at the Nuremberg Trial that the main requirements for the personal and professional qualities of these specialists were determined. The article deals with the one of the most effective techniques of the a mock trial, used for training court interpreters.

To conclude, the task of training court interpreters at the present stage is becoming more relevant due to the large influx of immigrants and consequently requires further development.

Keywords: court translation, Andre Kaminker, Nuremberg Trial, simultaneous interpreting

Камех Хош Н.
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация

Россинская Е. А.
Российский университет дружбы народов
Московский педагогический государственный университет
Москва, Российская Федерация

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СУДЕБНОГО ПЕРЕВОДА И ЕГО РАЗВИТИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНЫХ СИНХРОННЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ГЕРМАНИИ

В данной статье исследуется проблема, лежащая на стыке фундаментальной и прикладной лингвистики, а именно необходимость подготовки специалистов в области судебного перевода. В рамках судебного перевода сосуществуют несколько видов устного перевода, выполняемых, соответственно, на стадии судебного разбирательства, устного перевода свидетелей и устного перевода защиты, что ставит перед переводчиком различные профессиональные задачи как в области владения языком, так и в области общей лингвистической и культурной компетенции. Так, на стадии судебного разбирательства используется последовательный перевод, в то время как на стадии допроса свидетелей предпочтение отдается

синхронному переводу. Задачи, стоящие перед переводчиком, включают в себя знание судебной процедуры, надлежащую манеру поведения, а именно беспристрастность и уверенность, а также использование соответствующей формы обращения. Большое внимание уделяется необходимости способности судебных переводчиков распознавать невербальные языковые сигналы, такие как скорость речи, темп, пауза и т.д. Специфика подготовки судебных переводчиков рассматривается в историческом контексте на примере Нюрнбергского процесса, который ознаменовал развитие этой области перевода. Авторы рассматривают историю выбора наилучших подходов к судебному переводу, историю разработки необходимого оборудования. Подробно рассматривается опыт Леона Достера, который первым осознал необходимость существования устного перевода в суде, и Андре Каминкера, который считается первым синхронным переводчиком. Именно во время отбора переводчиков для работы на Нюрнбергском процессе были определены основные требования к личным и профессиональным качествам этих специалистов. В статье рассматривается один из наиболее эффективных приемов инсценировки судебного процесса, используемый для обучения судебных переводчиков. В заключение можно сказать, что задача подготовки судебных переводчиков на современном этапе становится все более актуальной в связи с большим притоком иммигрантов и, следовательно, требует дальнейшего развития.

Ключевые слова: судебный перевод, обучение переводчика, Андре Каминкер, Нюрнбергский процесс, синхронный перевод.

Currently, within the framework of the development of translation science, two oppositely directed trends can be traced. Firstly, like any other science at the present stage, translation studies expands its fundamental base through the use of the terminological and conceptual apparatus of related and non-related sciences. At the same time, at the present stage, there is an urgent need to train specialists in certain professional areas of translation, which undoubtedly requires the separation of this special area into a separate discipline. The development of international integration sets the task of high-quality training of court interpreters, which, in our opinion, is impossible without studying the historical prerequisites for the development of this translation industry, and studying the world experience in training such specialists.

The issues of court interpreters functioning has been the focus of many researchers who emphasise its specificity. According to De Jongh, the profession of court interpreters is very crucial in serving foreign individuals who have restricted language proficiency and limited communication capability. In fact, court interpreters are obliged to protect the constitutional rights of those groups of people. De Jongh, in her article makes efforts to highlight the specific role of court interpreters within the judicial environments. From her points of view, court interpreters should be equipped with cultural proficiency which moves beyond their linguistic professional skills [Issaei 2007, 56].

Some jurisdictions categorize the court interpreters' performance into three distinctive functions: "proceeding interpreting", "witness interpreting" and "interview or defense interpreting". In one court proceeding, the interpreter interprets for a defendant simultaneously. [Grabau and Gibbons 1996, 4]. A witness interpreter helps the foreign witness to testify before the court. In some cases, this function of interpreter is named "record interpreting" because the performance of court interpreter gives opportunity to the witness and adjudicating individuals to make communication during the court proceeding. In most cases, witness interpreting is accomplished in the consecutive mode. Professor Holly Mickelson, as a leading expert in this field prefers a combination of two modes of simultaneous and consecutive modes during court proceedings [Grabau and Gibbons 1996, 4].

An interview interpreter acts as a helping hand for the attorney in building contacts with his or her client shortly before, during or shortly after the court proceeding. In a criminal case, this function is commonly applied as "defense interpreting". The interviewer or a defense interpreter assists the attorney to exchange information and necessary details with his or her client at the courthouse. [Grabau and Gibbons 1996, 4].

Court interpreters cover practically all types of legal cases for people of different age, cultural backgrounds, social standings, and educational proficiency. That is why they must know distinctive cultural factors and have a good command of the language from formal constitutional and legitimate language to jargon and colloquialisms. Apart from that, court interpreters must verify comprehension of legal procedures and act perfectly impartial and confidential. Formulating the claims of clients and accomplishing the interpretation tasks according to specified interpretation of ethical codes could guarantee the accurate interpretation during court proceedings [Keratsa 2005]

According to Nadiya Sulaiman Issaei, if interpreters are bilingual or fluent in two languages, they possess the first prerequisite for fulfilling the professional task of interpretation in court proceedings. Thus, the main priority in court interpreting process is transmitting the information from the source language into the target language accurately and precisely. To achieve this objective, interpreters should take some substantial elements into account such as dialect, literacy level, register, geographic difference, style and also specialized or technical terminology. [Issaei 2007, 56-57]. It is also essential that court interpreters should be attentive to the levels of conventionality and forms of addresses which may be applied in the source and target language.

Now when we have defined the basic interpreters' competencies, we consider it necessary to address to historical aspects of court interpreting

Prior to World War I, officials and diplomats of each country in all around the world spoke French. Indeed, after recognizing languages other than French as official diplomatic languages, interpreting started its active development in 1920 [Gaiba 1998, 27], [Karton 2008].

The first two techniques which were used at international conferences were consecutive and whispering interpreting however the following years gave rise to synchronic interpreting. During World War I, at the international conferences, there were participants who were either diplomatic individuals or top-ranking officers with a perfect knowledge of French. [Gaiba 1998, 28], [Opara 2011, 175].

The first demand for interpretation emerged from the United States and Great Britain negotiations during World War I which were not held in French. The Armistice Commissions which were held in three languages “French, English and German”, are regarded as first experiences of consecutive interpreting. Interpreters who worked in these sessions were elected amongst military or liaison officers. Subsequently, openings of the Paris Peace Conference were considered as a reason for British diplomats and high-profile officers who insisted on selecting English as an official diplomatic language. Since then, each matter at diplomatic conferences and meetings could be discussed in French or English and such situations led to emerging the apparent need of oral translation [Gaiba, 1998, 28], [Opara 2011, 175].

After establishing the League of Nations, the need for interpretation was obviously recognized which resulted in establishment of the first school for interpreters in Geneva in 1941. In the newly founded school, the whispered and consecutive types of interpreting in only four languages were taught [Gaiba 1998, 29], [Opara 2011, 17].

The Allies and China in 1945 attempted to set down the United Nations Charter. During San Francisco Conference in June 1945 and at London meetings in early 1946, interpretation was perfectly conducted only in consecutive mode by some famous interpreters such as Jean Meyer, George Rabinowitch and the Kaminker brothers, under the supervision of Jean Herbert [Gaiba 1998, 29], [Jalon 2012, 46].

Consecutive and whispering interpreting methods were not regarded as satisfying methods of translation especially for conferences and meetings of high-level importance due to its low speed. Gaiba 1998, 29]. In whispering interpretation method, the voice of the interpreter and lecturer mixed up with each other and only a small number of representatives could listen to the interpreted utterances. Consequently, simultaneous interpretation was invented as a more effective method to improve and facilitate the interpretation process. [Gaiba 1998, 29].

In League of Nations in Geneva, interpreters did not function as actual simultaneous interpreters. Gaiba called this performance of simultaneous interpreting as “simultaneous successive interpretation” and “simultaneous reading of pre - translated texts”: the interpretation processes were performed simultaneous with the interpreters functioning at the same time, but they were not simultaneous with the original utterances. However, Gaiba believes that “simultaneous reading of pre - translated texts” is practical in one language meetings and it is just possible when the lecturer reads from the texts. Before holding the session, the texts are submitted to the interpreter to translate and make them ready for the main session. In further step, during the meeting, the interpreter reads from the rendered texts simultaneous with the speaker who reads the original texts [Gaiba 1998, 31-32].

The next significant step in the development of court interpreting is attributed to the Nuremberg Trial. According to the Charter of the International Military Tribunal, the defendants in the Nuremberg Trial in Germany had to probe in a fair judicial atmosphere. To achieve this objective, it was necessary to translate all proceedings into the defendant’s native language which was German. Furthermore, regarding to this Charter, the trials should be carried out as fleetly as possible to save time, expenses and maintain the public and media attention towards this drastic international event. On the one hand, the pre – requisites of International Military Tribunal Charter required to apply only German as working language, but on the other hand, using legal German at the trial made it difficult for British lawyers to understand the trial. Moreover, English, French, Russian and American judges and prosecutors, also international public media all around the world same as German defendants had right to understand and follow the proceedings’ details. Therefore, a settlement was reached to employ the language of each Allied Nation at the Nuremberg Trial [Gaiba 1998, 32-33].

Although there are so much controversial discussions about the first person who brought simultaneous interpreting to the Nuremberg Trial, most Nuremberg historians such as Conot and Kahn strongly believe that Justice Jackson, the U.S. Chief Prosecutor was the first who thought of performing the actual simultaneous interpretation as the optimum solution for the Nuremberg Trial complexities. Leon Dostert as the Head of the Translation Division was responsible for recruiting the interpreters before the trials. Meanwhile some other interpreters such as Siegfried Ramler or Peter Uiberall who were recruited by

The first person to have introduced simultaneous interpreting into the court room was Leon Dostert [Gaiba 1998, 35], [Macdonald 1935]. He knew the Filene – Finaly system which was applied at the League of Nations and other several international conferences. Indeed, he was the first person who realized that the interpretation system should be modified and transformed. Dostert’s idea triggered an actual revolutionary stream in the interpretation field. At the first glance, prosecutors and judges did not easily believe that one single system could provide interpretation in four languages simultaneously. Even Justice Jackson was not perfectly sure about the adequate performance of this modified interpretation system. Moreover, Andre Kaminker believed that this simultaneous interpretation system could not be applicable and practical in such drastic important sessions because the speakers were unable to monitor the integrity of the interpreted utterances while uttering [Gaiba 1998, 35-38], [The History of Simultaneous Interpreting 2009].

The Nuremberg trial proceeded with a new simultaneous interpretation system. Meanwhile it was obvious that any other interpretation system just hindered the court proceedings and made the duration of these sessions longer. Also, the organizers of these trials encountered with so many complexities to supply and install the demanded equipment promptly. The next step was to employ well - qualified interpreters to administer and conduct the new invented simultaneous interpretation system. In this case, the U.S. Office Chief of Counsel was in the charge of organizing the preparatory measures for Nuremberg Military Trials [Gaiba 1998, 38].

Such extensive use of simultaneous interpreting gave rise to the subsequent development of educational institutions training interpreters. In Germany as one of the pioneers in applying the court simultaneous interpretation system and due to ever - increasing numbers of immigrants in this developed country, special attention has been drawn towards this field.

Considering the utmost importance of combined professional skills of court interpreters, we should address to selection criteria for such specialists. Alfred Steer and Peter Uiberall who were responsible at some points for picking and examining interpreters, specified that the elementary requirements of selecting interpreters for Nuremberg Trials' sessions implied excellent knowledge of source and target languages, extensive information about cultural and educational background and capability to maintain their calmness in extraordinary nerve - wracking situations [Gaiba 1998, 46].

For the first serious and actual experience of simultaneous interpretation activity in the Nuremberg Trials, the court interpreters should be instructed in the form of mock trials. The location of their practice was provisional installation of the simultaneous interpretation equipment which was mounted in the attic. During that practice, they were reading the texts to each other and extemporizing the utterances of prosecutors and judges when some of the interpreters were rendering the speeches. Meanwhile the utterances tempo was progressively increasing; the voice, fluency and the performance of interpreter were monitored. This training program was planned for duration minimum two weeks and maximum two months [Gaiba 1998, 49].

Given the high demand for court interpreters in the modern world of global integration, it is necessary, taking into account the best practices of Germany, to improve the system for training these specialists, develop clear criteria for selecting students and develop a system for the formation of competencies of future court simultaneous interpreters.

References

- Gaiba, Francesca. *The Origins of Simultaneous Interpretation*. Ottawa: The University of Ottawa Press, 1998.
- Grabau, M. Charles, and Llewellyn Joseph Gibbons. *Protecting the Rights of Linguistic Minorities: Challenges to Court Interpretation*. 1996.
- Issaei, Nadiya Sulaiman. *Court Interpreting in the Sultanate Oman*. Sharjah, UAE: Faculty of the American University of Sharjah, College of Arts and Sciences, 2007.
- Jalon, Jesus Baigorri. *Interpreters at the United Nations: a History*. Salamanca: Ediciones Universidad Salamanca, 2012.
- Karton, Joshua. "Lost in Translation: International Criminal Tribunals and the Legal Implications of Interpreted Testimony." *Vanderbilt Journal of Translational Law*, 2008: 18.
- Keratsa, Antonia. "Court Interpreting: Features, Conflicts and the Future." *Translatum Journal*, 2005.
- Macdonald, R.Ross. "Leon Dostert." *Georgetown University French Review*, 1935: 9-14.
- Opara, Agata. "Interpreting Services in the European Union's Institutions." *eLingUp [Centro de Linguística da Universidade do Porto]*, Volume 3, Número 1, 2011: 175-193.
- "The history of Simultaneous Interpreting." *Advent translation*. 2009. (accessed March 19, 2014).
- "The Nuremberg Courtroom." *Holocaust Encyclopedia*. June 10, 2013. (accessed March 19, 2014).

THE LANGUAGE OF LEADERSHIP: PRAGMA-RHETORIC STRATEGIES IN ELECTRONIC POLITICAL TEXT¹

The article is devoted to the analysis of pragma-rhetoric strategies used by political leaders to achieve the intended goals of communication. On the example of the text of an interview to a TV channel journalist the authors investigate the specific tactics as well as language means deployed by the interviewee to develop persuasive arguments. The material of the study includes the text of an interview published on the official website of the TV channel, so it is possible to classify the text as an example of an electronic text. Since the interview relates to the sphere of politics, it serves as an example of a political text. All things considered make the authors come to conclusion that such a text may belong to the genre of an electronic political text thus acquiring the characteristics typical of both types of texts which had been mentioned in this regard. Specific tactical devices combined with certain language means form “the language of leadership” – the techniques used by a political leader to assert his leadership position and carry out successful management of the conversation in general.

Key words: electronic discourse, interview, leadership, political discourse, pragma-rhetoric strategy, tactics.

Литвишко О. М., Моногарова А. Г.

Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Российская Федерация

ЯЗЫК ЛИДЕРСТВА: ПРАГМА-РИТОРИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ЭЛЕКТРОННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ²

Статья посвящена анализу прагма-риторических стратегий, используемых политическими лидерами для достижения поставленных целей коммуникации. На примере текста интервью журналисту телевизионного канала авторы исследуют специфические тактики, а также языковые средства, к которым прибегает интервьюируемый для создания убедительных аргументов. Материал исследования включает текст интервью, опубликованный на официальном сайте телевизионного канала, поэтому представляется возможным классифицировать его как пример электронного текста. Так как интервью относится к сфере политики, оно служит примером политического текста. Учитывая это, авторы приходят к заключению, что такой текст может относиться к жанру электронного политического текста, обретая характеристики, типичные для обоих типов текста, упомянутых ранее. Особые тактические приемы в сочетании с определенными языковыми средствами образуют «язык лидерства» – техники, используемые политическим лидером для утверждения собственного положения лидера, а также для успешного управления диалогом в целом.

Ключевые слова: интервью, лидерство, прагма-риторическая стратегия, политический дискурс, электронный текст.

Introduction

Leadership as a social phenomenon has been present in people's lives since the emergence of social relations; it is a characteristic feature of interaction between people in any kind of society. Despite the fact that leadership “is a universal phenomenon of human activity, and objective laws of its functioning are uniform in all spheres of society” [Shabalina, 2011, p. 11], academic literature still lacks its common understanding. As A. Kleimenova points out, modern philosophical, socio-political and psychological literature contains about 300 definitions of leadership [Kleimenova, 2014, p. 35], which, undoubtedly, is indicative of sustained scientific interest towards this phenomenon.

¹ The article is prepared within the framework of the project МК-2338.2020.6 (Complex pragmalinguistic research of modern electronic text: strategies of realization of manipulative potential) by the grant of the President of the Russian Federation.

² Публикация подготовлена в рамках проекта МК-2338.2020.6 (Комплексное прагмалингвистическое исследование современного электронного текста: стратегии реализации манипулятивного потенциала) по гранту Президента Российской Федерации.

Although there are various approaches to the study of leadership, a number of researchers distinguish common features which allow deeper understanding its nature and socially-significant specifics. The analysis of these definitions within the framework of different research paradigms enabled us to identify its components such as influence, control, authority, ability to take decisions, organize people and structure group interaction, unite people to achieve a common goal, as well as “to exercise powers of authority” [Shabalina, 2011, p. 11]. Similar opinion is expressed by E.Y. Gurova, who notes that the most frequently-used words to describe leadership are influence, authority, power, dominance, control, as “these qualities characterize the personality of a leader” [Gurova, 2014, p. 101].

From a linguistics point of view leadership is studied through the lens of several schools and research paradigms. In foreign sociolinguistics and sociology of the language such aspects as leaders’ speech practices, problems of speech behavior, linguistic construction of social space, specifics of speech strategies of certain personalities are researched [Hymes, 1974; Gumpertz, 1971; Lasswell, 2017; Lasswell et al, 2011]. Russian sociolinguistic school is represented by the research into frequency analysis of speech patterns in a leader’s speech practice, its emotional, meaningful and notional features, reconstruction of a leader’s image through the speech practices of his followers [Baranov et al. 1994; Zhuravlev, 1991; Leontiev et al. 2004; Chudinov, 2003; Shiryayev, 1983; Yanova et al, 2006]. A new area of research has appeared within political linguistics – linguo-political personality – personality studies aimed at conducting the analysis of “speech portraits of supreme power representatives” [Chudinov et al. 2018, p. 15]. Such analysis touches upon various levels of the speech of political leaders to include lexical, rhetoric, translation, image peculiarities of public discourse of Russian and foreign politicians. Pragmalinguistic studies are focused on the analysis of the whole body of strategies and tactics typical of political and media types of discourse, which are employed by politicians to produce an intended effect on the audience [Zheltukhina et al, 2018].

Methods and material

The methodology of the present article is mainly based on pragmalinguistic studies. The reliability of the theoretical conclusions is supported by the convincing practical results of the analysis of the linguistic material – the text of the interview of V.V. Putin, the President of the Russian Federation, to Keir Simmons, the journalist of the USA TV channel NBC of June 11, 2021. The methods of content analysis, semiotic analysis as well as pragmalinguistic analysis are used in the study.

Discussion

In the present research we turned to the analysis of pragma-rhetoric strategies which are widely used by political leaders to develop persuasive arguments. In our opinion, by employing suitable strategies a political leader pursues the propaganda of certain ideas, at the same time producing speech influence on citizens. It is targeted at achieving the intended reaction of recipients or encouraging them to perform political actions, which reflects pragmatic orientation, power of influence [Litvishko, 2019, p. 31] and high manipulative potential of political discourse. In other words, the rhetorics of political discourse today cannot be reduced only to persuasion, it also includes many other strategies such as discussion, demonstration, argumentation [Bastun, 2020, p. 42] which are realized by thoroughly selected tactics with the help of specific language means [Shiryayeva et al, 2016, p. 180]. While conducting the analysis of the text of the interview, we identified a number of tactical devices used by the Russian President, on the one hand, to produce the intended impression, on the other hand, to carry out effective management of the conversation.

Before turning to the analysis of the research material, we will summarize the existing approaches to the study of communicative strategies and tactics. Special attention in this regard should be paid to pragmalinguistic research, within which speech activity is viewed as “the activity of the sender of the text on conscious, motivated, meaningful selection of language units of all language levels in certain conditions of a speech act to achieve the intended influence on the receiving audience” [Matveeva et al, 2009, p. 51]. By the opinion of I.V. Trufanova, communicative strategy is “the total of speech activities” [Trufanova, 2001, p. 58]. In his turn, M.L. Makarov defines strategy as “a chain of decisions of the speaker, his choices of communicative actions and language means” [Makarov, 2003, p. 192].

Broadly speaking, strategy is “the general plan of action of a subject in a specific communicative situation aimed at the realization of the speaker’s intention” [Bagiyana et al, 2018, p. 3]. Taking into account the peculiarities of political discourse, such as persuasiveness and high manipulative potential, a communicative strategy consists in performing operations by the speaker over “the knowledge of the addressee, his values, emotions, will” [Akopova, 2013, p. 403]. Each strategy is realized by a certain set of tactics, which are understood as “certain stages of realization of communicative strategy, defined by the intention of the speaker, explicated by the set of devices, which stipulate the application of linguistic means” [Monogorova, 2014, p. 114].

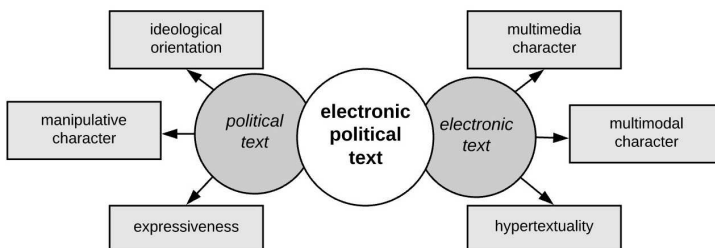
The issue which also demands clarification is the genre characteristics of electronic political text. In this regard we will present a brief analysis of two types of text – electronic and political, which will help us determine the significant features of electronic political text.

Electronic text as a relatively new linguistic phenomenon is a text “produced by means of some information medium (a computer, a telephone, a tablet) and combining to some extent the features of oral and written

communication” [Balakina, 2016, p. 19]. We consider the text of the interview placed in the official website of a TV channel as an example of electronic text which “has a counterpart among traditional types of texts” [Ibid] as it may circulate both in paper and electronic versions.

Political text, by the opinion of a number of scholars, is a text functioning in the sphere of politics, devoted to the theme of politics and addressed to mass audience [Akopova, 2014, p. 22]. Political interview as a type of text is classified as an example of mediatised political genres, such variation as dialogic genre of oral communication [Shiryayeva et al, 2020, p. 8-14]. Taking into consideration the fact that the interview of the President of the RF V.V. Putin to the TV channel NBC of June 11, 2021 is published in the Internet in video format supported by the script of the text, it becomes possible to classify it as electronic political text, which possesses both the features of electronic and political types of text (Picture 1) [Voevudskaya et al, 2019; Akopova, 2014].

Picture 1. Features of electronic and political types of text

Sharing the opinion of O.S. Issers, who perceives strategy as “a body of well-judged and motivated speech actions aimed at achieving communicative goals” [Issers, 2008, p. 54], we find it important to point out that key strategies typical of electronic political text are the strategies traditionally used in political discourse as they are successfully employed by politicians to influence mass addressee, i.e. targeted at “shaping ... positive or negative attitude of the addressee towards something or change his world view, influence his mentality” [Parshina, 2005, p. 7]. These strategies include (Picture 2) [Skulimovskaya, 2017, p. 106].

Picture 2. Strategies in political discourse

Ch. Larson	T. van Dijk	O.L. Mikhaleva
<i>intensification</i>	<i>positive-self representation</i>	<i>intensification</i>
<i>downplay</i>	<i>negative-other representation</i>	<i>downplay</i>
		<i>theatricism</i>

Results

The tactical devices that were singled out in the text of the interview fall within the strategies presented in Picture 2, and include:

(1) Tactics of awareness:

VLADIMIR PUTIN: We know what matters and what problems
Americans want to discuss with us, we understand these questions,
matters, and problems. We're prepared for this joint work. We have

In example (1) the Russian leader uses syntactic parallelism to point out the fact that not only is he aware of the situation, no matter how complicated it can be, but also controls the situation, and his awareness is additionally supported by every next part of the sentence: *we know* → *we understand* → *we're prepared*; *what matters, what problems*. Lexical repetition – *matters and problems* – *questions, matters, and problems* – is deployed to strengthen the effect produced by the use of syntactic parallelism.

(2) Tactics of opposition to third parties:

VLADIMIR PUTIN: Well, I don't know. Somebody presents it from a certain perspective. Somebody looks at the development of this situation and at yours truly (THROAT CLEARING) in a different manner. All of this is being offered to the public in a way that is found to be expedient for the ruling circles of a certain country.

Using the opposition between *I* and *somebody* V.V. Putin is trying to abstract himself from some actions the interviewer attributes to him. At the same time, impersonal *somebody* accompanied by a passive structure *all of this is being offered* is aimed at creating a distance between him / his opinion and somebody else's opinion, which bears no personal reference. Moreover, the Russian leader is quite sure of the correctness of his opinion which is confronted to another opinion, and he also stresses that another opinion is biased as it is *expedient for the ruling circles of a certain country*.

(3) Tactics of the demonstration of personal dominance:

VLADIMIR PUTIN: I determine the time here, so don't worry about time. Your guy – the – Marine – he's just a drunk and – a

The choice of words in example (3) speaks for itself – V.V. Putin hosted the interview with Keir Simmons which took place in the Kremlin, so being a host, he also clearly realizes that he is the most popular politician in the world (on the official website of NBC the interview is called “exclusive”), that is why he feels he has the power to decide not only for himself but for the interviewer as well. We can also assume that these words may be interpreted in an indirect way – what he means is that he does not only determine the *time* in Russia but also sets the political agenda in a wider sense, he is the one who is in charge.

4) Tactics of giving advice / making an offer:

Look, let us speak the same language and – let us use the same concepts. If, well, Lukashenko is a gangster, how about the situation

The advice in example (4) does not sound like advice, it looks more like appeal – V.V. Putin is calling for common actions, not distancing himself from what he expects from his interlocutor but rather identifying himself with the situation. At the same time, the advice sounds like reproach – he points out that the other party shares a different opinion and values, implying that its opinion is not correct, and he offers to follow his lead.

5) Tactics of reiteration:

everybody understands that. And I am repeating a third time – for the third time: Let's sit down together and agree on joint work on how to – achieve security in this area. That is all.

Repeating the same piece of key information for several times helps to accentuate the importance of this information. Here we deal not with reiteration itself but with mentioning that some information has been clearly expressed by V.V. Putin before but his interlocutor absolutely ignores it. That is why the Russian President reminds for several times (and in this example for the third time exactly) that he is ready for a constructive dialogue in solving the existing problems by peaceful means, through negotiations.

6) Tactics of distancing (from events, facts, people) leading to positive-other representation:

VLADIMIR PUTIN: Well, he probably has a good memory. I – I – I – I do not rule this out, but I don't remember this. In personal encounters, people try to act appropriately. I do not remember any inappropriate elements of behavior on the part of my counterparts. I don't think that anything like that – has happened. Perhaps he did say something, but I do not remember.

The fact that V.V. Putin is trying to disregard the negative comment made by some politician, shows that he is ready not to pay attention to personal things but is rather focused on the business side of his relations with his partners. At the same time, using an impersonal statement which expresses general truth about personal level of relations – *In personal encounters, people try to act appropriately* – he points out that he expects other people to follow the generally-accepted code of behavior, though he personally has not faced such inappropriate behavior. Or, at least, he chooses not to notice it, which proves that it is unimportant for him. At the same time, such tactics help to create a positive image of his counterparts, though in reality they sometimes may behave in a different way.

7) Tactics of criticizing the opponent:

VLADIMIR PUTIN: Let me— let— let me answer. You've asked me a question. You are not liking my answer , so you're interrupting me This is— this is inappropriate. So there we go. In the United States,

The use of the verb *let* for three times shows that V.V. Putin is very persistent in expressing his own opinion. He is not satisfied with the behavior of the American journalist and clearly asserts his right to have a different opinion. He is not trying to be polite and we cannot consider his words rude either – he is developing cause-and-effect link which may explain his directness – *you've asked – you are not liking the answer – you're interrupting – inappropriate*. He does not criticize his interlocutor in a direct way, or he does not criticize him personally, but he focuses on the actions of the journalist – he is behaving in an inappropriate manner. We believe that such critic is constructive; it does not offend the opponent, rather it gives him a chance to smooth the situation.

One more point of interest is the use of the verb *like* in the Present Continuous tense. On the one hand, as a state verb it cannot be used in Continuous tenses. At the same time, some grammarians allow using it in progressive tenses with a certain purpose [Swan, 2016, p. 38]. Obviously, the Russian President uses the form *you are not liking my answer* to point out the temporary / not permanent character of the action – his interlocutor generally accepts his answers but this answer is the one that the American journalist cannot agree with, or he even dismisses the very idea of such an answer.

Conclusion

The tactics identified in the text of the interview are verbally realized through a number of language tools which include expressive means, masterly play on words, and use of some grammar means as well as rhetoric devices. We believe that combined together these means contribute to producing the intended impression on the audience and achieving persuasiveness in expressing the personal opinion of the speaker.

Further analysis of the whole complex of lexical, grammar and pragma-rhetoric devices will allow defining the most efficient strategies and means of linguistic representation, which are typical of the language of political leaders.

Sources

Full transcript of exclusive Putin interview with NBC News' Keir Simmons // NBC News // Available at: <https://www.nbcnews.com/news/world/transcript-nbc-news-exclusive-interview-russia-s-vladimir-putin-11270649> (accessed: 15.10.2021).

References

- Akopova D.R. Strategies and tactics of a political discourse // Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. 2013. Vol. 6, no. 1. P. 403-409. (In Russian)
- Akopova D.R. Political text: notion and genre specificity // Philology. Theory and practice. Tambov, 2014. Vol. 32, no. 2: in 2 parts. Part 1. P. 22-24. (In Russian)
- Bagiyani A.Y., Monogorova A.G. Linguopragmatic organization of modern oral popular science discourse (on the material of the English language) // Theory of language and cross-cultural communication. 2018. Vol. 31, no. 4. P. 1-11. (In Russian)
- Balagina Y.V. The electronic text: a cardinal new textual type? // Science Journal of VolSU. Series 2: Linguistics. 2016. Vol. 15, no. 3. P. 18-27. (In Russian)
- Baranov A.N., Karaulov Y.N. Dictionary of Russian political metaphors. Moscow: Pomovskiy and partners, 1994. (In Russian)
- Bastun E.V. To the question of rhetoric strategies in political discourse // Linguistics, linguodidactics, linguo-cultural studies: urgent issues and prospects of development. Proceedings of IV International scientific-practical conference on March 19-20, 2020. Minsk: Belarus State University, 2020. P. 41-44. (In Russian)
- Chudinov A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2003. (In Russian)
- Chudinov A.P., Nakhimova E.A., Nikiforova M.V. Russian linguo-political personology: political leaders' discourse // Vestnik RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2018. Vol. 9, no. 1. P. 14-31. (In Russian)
- Gumpertz H. Language in social groups. Stanford, Calif.: Stanford University Press. 1971.
- Gurova E.Y. General theoretical basis for studying the concept of leadership // Bulletin of Northern (Arctic) federal university. 2014. No. 5. P. 99-103. (In Russian)
- Hymes D. Foundations in sociolinguistics. An ethnographic approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.
- Issers O.S. Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS, Lki, 2008. (In Russian)
- Kleimenova A.E. Conceptual grounding of the notion of leadership // Analytics of cultural studies. 2014. No. 2(29). P. 34-39. (In Russian)
- Lasswell H.D. Power and personality. N.Y.: Routledge, 2017.

- Lasswell H.D., Leites N.* Language of politics. Whitefish: Literary Licensing LLC, 2011.
- Leontiev D.A., Dobrovolskaya A.A., Usacheva V.V., Kharitonova E.V.* Approbation of methods of content analysis and phonosemantic analysis for diagnostics of features of tolerance-xenophobia in mass media texts. In: A.A. Leontiev, D.A. Leontiev (eds.). Implicit emotional contents of mass media texts and methods of its diagnostics. Moscow: Smysl, 2004. P. 179-200. (In Russian)
- Litvishko O.M.* Discourse markers in state political and legal documents (based on the Annual address of the President to the Federal Assembly of the RF and State of the Union Address of the USA President) // *Philology and Man*. 2019. No. 1. P. 30-46. (In Russian)
- Makarov L.M.* Foundations of the theory of discourse. Moscow: Gnosis, 2003. (In Russian)
- Matveeva G.G., Samarina I.V., Seliverstova L.N.* The two directions in modern pragmalinguistics // *Vestnik of St. Petersburg University. Sociology*. 2009. No. 1-2. P. 50-57. (In Russian)
- Monogarova A.G.* Specifics of discourse strategies. Strategies of mediation discourse // *Professional communication: top issues of linguistics and methods of teaching*. 2014. No. 7. P. 113-119. (In Russian)
- Parshina O.N.* Strategies and tactics of speech behavior of modern political elite of Russia: Dr. Sci. Thesis. Saratov, 2005. (In Russian)
- Shabalina A.N.* Methods of developing speech image of a leader of student self-government: Cand. Sci. Thesis. Moscow, 2011. (In Russian)
- Shiryayev E.N.* Structure of conversational narration // *The Russian Language. Functioning of grammar categories. Text and context: Proceedings of Vinogradov's scientific conference XII-XIII*. Moscow, 1983. P. 106-121. (In Russian)
- Shiryayeva T.A., Chernousova Y.A., Trius L.I.* Discrediting strategy in the discourse of modern British parliamentary debates // *Philology. Theory and practice*. Tambov, 2016. Vol. 61, no. 7: in 3 parts. Part 3. P. 180-184. (In Russian)
- Shiryayeva T.A., Trius L.I., Bagiyani A.Y., Chernousova Y.A., Litvishko O.M.* Parliamentary discourse: socio-cultural practices and language representation. Kazan: Buk, 2020. (In Russian)
- Skulimovskaya D.A.* Strategies and tactics in political discourse (based on B. Obama's speeches) // *Political linguistics*. 2017. Vol. 61, no. 1. P. 106-112. (In Russian)
- Swan M.* *Practical English Usage*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Trufanova I.V.* On the division of concepts: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactics // *Philological sciences*. 2001. No. 3. P. 56-65. (In Russian)
- Voevudskaia O.M., Shurlina O.V.* Computer-mediated communication: typical and specific characteristics // *ART LOGOS*. 2019. No. 1 (6). P. 98-110. (In Russian)
- Yanova N.G., Suprun A.P.* Quantum effects in psychodiagnostics of personality // *Izvestiya of Altai State University*. 2006. No. 2. P. 124-132. (In Russian)
- Zheltykhina M.R., Busygina M.V., Merkulova M.G., Zyubina I.A., Buzinova L.M.* Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // *XLinguae*. 2018. Vol. 11, no. 2. P. 939-954. DOI: 10.18355/XL.2018.11.02.51.
- Zhuravlev A.P.* *Sound and sense*. Moscow: Prosvetsheniye, 1991. (In Russian)

INFORMATION TECHNOLOGY AS A TOOL TO IMPROVE ENGLISH TEACHING EFFICIENCY FOR INTERPRETING STUDENTS

The article highlights the role of information technology in improving interpreter training efficiency. The paper considers the didactic properties and functions of the technology as well as its impact on the process of teaching English intensification. The classification of the learning technology tools in terms of their objective is presented. It is noted that in spite of some challenges related to the emergency remote learning caused by COVID-19, there are certain advantages of distance language education through the modern technology. Zoom platform is considered an effective tool for distance English learning. The relevance of the research issue is determined by the fact that the integration of information technology increases the intensity of the educational process and independent work, implementing an individual approach to each student. The paper focuses on some websites which enable future interpreters to master English effectively. The author emphasizes the role of internet as a vast treasure trove of English learning self-study activities. By completing the assignments based on authentic materials students have an opportunity to improve their language skills at their own pace, anywhere and anytime. The author underlines the importance of designing new educational resources for teaching interpreting students.

Keywords: information technology, teaching English, interpreting students, didactic properties, blogfolio, internet resources, self-study activity.

Новикова О. В.

Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
Москва, Российская Федерация

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА БУДУЩИМ ПЕРЕВОДЧИКАМ

В статье подчеркивается роль информационных технологий в повышении эффективности подготовки устных переводчиков. В статье рассматриваются дидактические свойства и функции информационных технологий, а также их влияние на процесс интенсификации преподавания английского языка. Представлена классификация технических средств обучения с точки зрения их цели. Отмечается, что, несмотря на некоторые проблемы, связанные с вынужденным переходом на дистанционное обучение из-за распространения коронавирусной инфекции, существуют определенные преимущества дистанционного обучения иностранным языкам с помощью современных технологий. Платформа Zoom считается эффективным инструментом для изучения английского языка в дистанционном формате. Актуальность исследования определяется тем фактом, что интеграция информационных технологий повышает интенсивность учебного процесса и самостоятельной работы, реализуя тем самым индивидуальный подход к каждому студенту. В статье особое внимание уделяется некоторым веб-сайтам, которые позволяют будущим переводчикам эффективно овладеть английским языком. Автор подчеркивает роль интернета как огромной сокровищницы самостоятельной работы по изучению английского языка. Выполняя задания, основанные на аутентичных материалах, студенты имеют возможность совершенствовать навыки владения английским языком в своем собственном темпе, в любое время и в любом месте. Автор подчеркивает важность разработки новых образовательных ресурсов для обучения студентов-переводчиков.

Ключевые слова: информационные технологии, обучение английскому языку, будущие переводчики, дидактические свойства, блогfolio, интернет-ресурсы, самостоятельная работа.

Introduction

The comprehensive informatization of society significantly influences both the education system and life in general, due to which well-deserved attention is currently paid to information technology (IT) in teaching English.

Information technology is a system of methods for collecting, accumulating, processing, storing, and using information based on the use of modern computer and other technical facilities.

Due to a tremendous growth of information technology across the board in recent years made the process of teaching English as close to real-life conditions as never before. Computers are able to perceive information, process

it, store data in memory, play audio and video content, etc. Along with these capabilities, IT significantly expands the teacher's opportunities in terms of the individualization of teaching and the activation of students' cognitive activity when teaching English. IT tools help to organize the educational process according to students' individual needs, which enables students to work at their own pace and independently choose the speed and volume of language acquisition, which they consider perfect for themselves.

The following aims of using IT in teaching English can be identified (Fig. 1):

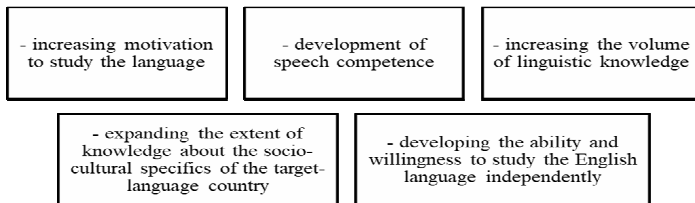

Fig. 1. Aims of using IT in teaching English

IT tools make it possible to effectively fulfill a great number of didactic tasks in English language teaching. For example, IT tools help the teacher to develop students' reading and writing skills, enabling to enrich students' vocabulary, positively influence the development of consistent motivation to study English.

The didactic properties of modern information and communication technologies are the main characteristics, features of specific technologies that distinguish one technology from the other, essential for didactics (including linguistic didactics) in terms of both theory and practice.

P.V. Sysoev outlines 8 didactic features of modern information and communication technologies, which help to improve the efficiency of teaching English [Sysoev, 2012]:

1. A study and comparison of materials concerning different cultural groups and different variants of the English language aim to implement the principle of a dialogue between cultures and contribute to understanding the linguistic and cultural diversity of Great Britain.

2. The multilevel nature of information Internet resources. The information presented on the Internet can have different levels of language complexity, allowing the use of information Internet resources at all stages of training.

3. Diversity of functional types of Internet resources. Textual, graphic, and audiovisual types of materials can be used to teach students how to extract the necessary information from various sources.

4. The multimedia nature of resources. Multimedia resources make it possible to hear the speech of native speakers and get acquainted with the culture of the target-language country.

5. The hypertext structure of documents. This feature contributes to fast navigation in a large amount of information.

6. The possibility to create a personal user area. Creating and maintaining users' own pages in various social networks, communication in a variety of messengers will make it possible to develop the ability to represent oneself, tell about one's interests, etc.

7. The possibility to arrange synchronous and asynchronous communication. Synchronous communication can be realized through chats or Skype. Asynchronous communication takes place through email, forums and blogs. This feature can be used to establish contact and communication, for example, between students and their foreign peers or between students and teachers.

8. Possibility to automate the information and methodological support, management and control of students' learning activity. The learning activity and its control are partially or completely automated.

Along with the above-described functions, modern IT tools have additional didactic functions making it possible to significantly intensify the process of foreign language teaching. Such didactic functions include (Fig. 2) [Sysoev, 2012]:

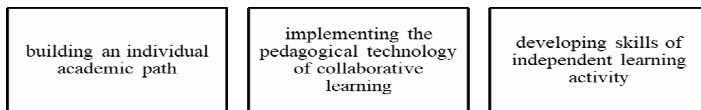

Fig. 2. Didactic functions of IT

The IT tools most frequently used in English language teaching include (Fig. 3):

- electronic textbooks and study guides demonstrated using a computer and a multimedia projector;
- educational Internet resources;
- video and audio equipment;
- electronic encyclopedias and reference books;
- training simulators and testing software;
- research works and projects.

Fig. 3. IT tools used in English language teaching

In terms of their objective IT tools can be classified as follows (Fig. 4):

- to extract information (Yandex.ru, Mail.ru, Google.com, etc.);
- to create and edit documents containing text and images, work with data in spreadsheets and databases (Microsoft Office);
- for machine translation (translate.google.ru, ABBYY Lingvo, etc.);
- to store and accumulate information on flash drives;
- to process and reproduce graphics and sound (Microsoft Media Player, WinAmp, PhotoShop, CorelDraw);
- for communication (Skype, Zoom, Microsoft Teams, WhatsApp, Viber).

Fig. 4. Classification of IT tools in terms of their objective

Efficient IT tools used in English language teaching are various online training simulators. Their use makes it possible to implement a wide range of didactic properties and functions of IT, such as the multi-level nature, multimedia nature, hypertext structure, diversity of functional types of resources, possibility to automate the information and methodological support, management and control of students' learning activity, building an individual academic path and developing the skills of independent learning activity.

The students can fulfill the following interactive tasks by using IT (Fig. 5):

- exchange of emails with a teacher and other students;
- creation of Wiki pages;
- blogging and commenting;
- creation of interactive surveys;
- creation of interactive tasks to develop spelling skills in the process of peer teaching (for example, on the website LearningApps.org).

Fig. 5. Interactive tasks through IT

One way in which IT has changed the way languages are learned for the past decades is that it allows English learners to immerse themselves in the target language easily [Favale et al., 2020; Henderson et al, 2017; Kozlova, 2019].

Rapid technological developments have fundamentally changed the practice of teaching and learning interpretation during the last ten years, especially in higher institutions [Inman, 2006; Koryakovtseva et al., 2018].

The use of different tasks makes it possible to implement the entire range of didactic properties and functions of IT, which significantly contributes to intensifying the process of training interpreters, since IT tools provide a real opportunity for students' communication with a teacher, fellow students and native speakers.

COVID-19 has caused a range of difficulties for language education. As universities were forced to replace traditional teaching with distance education, teachers and educators had to find the most effective ways to conduct classes.

Taking into account the crucial relevance of IT tools in the interpretation teaching process, the aim of our research is to highlight the impact of IT on English teaching efficiency for interpreting students.

Literature Review

The issue of IT using in relation to different conditions and goals of teaching foreign languages, including English, was studied by many scientists: E.G. Azimov, A.N. Bagrova, E.I. Dmitrieva, D.D. Klimentyev, T.V. Kozhevnikova, G.A. Komissarova, O.P. Kryukov, O.P. Kriukova, A.L. Nazarenko, E.L. Nosenko, I.P. Pavlova, M.B. Petrova, A.A. Petukhova, E.S. Polat, I.L. Sergievskaya, S.V. Titova, I.A. Smoliannikova, S.A. Fomin, G.D. Davies, J. Higgins, T. Johns, Ch. Jones, S. Fortescue, M.J. Kenning, M.-M. Kenning, M. Levy.

Focusing on current trends in online language learning, it is worth mentioning the advantages of IT implementation in teaching, namely flexible training schedule, continuous learning, accessibility of educational material and technology of distance education [Avazmatova, 2021].

Such scientists as V.V. Davydov, V.I. Zagvyazinsky, V.V. Kraevsky, V.P. Bepalko, A.V. Khutorskoy, G.K. Selevko, B.S. Gerngunsky, A.A. Verbitsky, E.I. Mashbits, V.M. Monakhov, N.N. Nechaev, R.K. Potapova, I.V. Robert, E.G. Skibitsky, O.K. Tikhomirov, R. Gagne, L. Briggs, K. Ahmad, S. Corbett, M. Rogers, R. Sussex have been engaged in the theory of pedagogical systems research of teaching foreign languages computerization.

The unprecedented emergency situation caused by the Covid-19 pandemic led to lockdowns worldwide. Under such circumstances many universities had to move teaching to a remote mode in a very short period of time.

Increased workload caused by switching to full online affected the work-life balance and resulted in stress and difficulties in respect of teachers' protecting personal space [Petraikova et al., 2021].

The latest studies have outlined some other disadvantages of a new teaching format, regarding technical challenges or problems that are usually associated with accessibility and affordability, as well as the lack of immediate feedback and capacity on the part of language instructors to effectively deliver in their online teaching activities [Bryson et al., 2020; Digtar, 2019; Favale et al., 2020; Fedunova, 2021; Gafurov et al., 2020; Gulaya, Romanova, 2021; Kartavaya, 2021; Kinderknecht et al., 2021; Kiselev, 2020; Kozina, Kozin, Yurchenkov, 2020; Loseva et al., 2019; FNenyuk, 2021; Rogacheva, Semergei, 2020; Tabiri et al., 2022].

The indisputable benefit of IT implementation is that interpreting students can improve their language skills anywhere at any time and whenever in a very flexible way. One can also stress the opportunity to learn new skills for employing Computer Assisted Interpreter Training (CAIT) solutions to support their learning and teaching experience [Kajzer-Wietrzny et al., 2014].

Many researchers place special emphasis on applying IT in distance education during the Covid-19 pandemic to improve the effectiveness of a university educational process [Farmanova, 2020; Nord, 2000; Novikova, 2021; Muradova, 2020; Ostapenko et al., 2021; Peters et al., 2020; Selwyn et al., 2020; Vasilizhenko, 2021].

Focusing on the crucial relevance of IT tools in the interpretation teaching process, the aim of our research is to highlight the impact of IT on English teaching efficiency for interpreting students.

Methods and material

The main research methods were: the method of using computer technologies and the Internet, the project method, the methods of network planning and project management, the method of direct observation and analytical description of language material, contextual analysis and testing.

Results and Discussion

The analysis of our offline and online classes during the Covid self-isolation allowed us to evaluate the role of IT in improving English teaching efficiency for interpreting students.

During the ongoing COVID-19 pandemic in autumn term 2021 the university practitioners specializing in training professional interpreters had the opportunity to improve the quality of teaching English by using Zoom [Spathis, Dey, 2020; Ishii, Soltani, 2021; Tierney, 2021], which made the learning process more dynamic.

Both teachers and students had to adapt to using online tools for instruction and learning from a safe distance. While educators adopted a number of applications for conducting online classes, Zoom emerged as one of the most popular platforms [Tierney, 2021].

The second, third, fourth and fifth- year interpreting students of Russian State University for the Humanities (RSUH) develop better language skills by completing various assignments based on web-based materials. Being involved in different online-activities, the students improve the skills that might be useful professionally, such as extracting information, analyzing websites, producing summaries and reports. When training the would-be interpreters we take into consideration a vital role of linguistic competence in interpreting.

Up-to-date information for English learning is very important in an ever-faster changing world. It takes several years to publish textbooks and workbooks. Within some period of time the data and vocabulary contained in the chosen texts is out-dated and as a result has much less face validity.

The IT, including Internet, can fill in this gap, thus University teachers or students complement their textbook with its abundance of authentic materials and information on many topics, the tools and possibilities for communication and platforms that allow sharing of ideas and knowledge.

While preparing the translation assignments, special attention has been paid to the Internet, as its resources provide an invaluable source of authentic texts, i.e. real texts-in-situation.

Internet offers the RSUH students specializing in the field of international relations an opportunity to keep up with the latest World news.

The following BBC.com articles were used for improving reading and translating skills for the last 4 months (Fig. 6):

The newspaper headline	BBC newspaper article link
Cities across the world have had to rethink security in the face of the Covid-19 pandemic – here are the ones doing it well	https://www.bbc.com/travel/article/20211006-the-worlds-five-safest-cities-post-pandemic
COP26: Russia's Vladimir Putin will not attend climate summit	https://www.bbc.com/news/world-europe-58977993
Then and now: Pandemic clears the air	https://www.bbc.com/news/science-environment-57149747
COP26: What is the Glasgow climate conference and why is it important?	https://www.bbc.com/news/science-environment-56901261
Pope urges "radical" climate response in exclusive BBC message	https://www.bbc.com/news/world-europe-59075041
G20: Climate and Covid top agenda as world leaders meet	https://www.bbc.com/news/world-59101218
Train or plane? The climate crisis is forcing us to rethink all long-distance travel	https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/oct/11/train-plane-climate-crisis-travel-transport
What are the UK travel rules, what tests do I need and can I visit the US?	https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59201107
Belarus migrants: Poland PM blames Russia's Putin for migrant crisis	https://www.bbc.com/news/world-europe-59226226
Austria to go into full lockdown as Covid surges	https://www.bbc.com/news/world-europe-59343650
Climate change: Iran says lift sanctions and we'll ratify Paris agreement	https://www.bbc.com/news/science-environment-59242986
Climate change: How do we know it is happening and caused by humans?	https://www.bbc.com/news/science-environment-58954530
Covid: South Africa's president calls for lifting of Omicron travel bans	https://www.bbc.com/news/world-africa-59453842
COP26: What was agreed at the Glasgow climate conference?	https://www.bbc.com/news/science-environment-56901261
Aung San Suu Kyi: Ousted Myanmar leader jailed for another four years	https://www.bbc.com/news/world-asia-59933706
Covid: What are the social distancing rules?	https://www.bbc.com/news/uk-51506729

Fig. 6. The latest news posted on BBC.com

Keeping in mind that interpreters need to be able to process linguistic materials quickly and efficiently, a lot of IT tools were integrated while working on the newspaper texts. It was important to use network databases, different search engines, library catalogs, etc., granting the teacher and the students an access to global information resources.

When coming across some unknown vocabulary, the students consulted different free online dictionaries: Google Translator, Yandex translate, Multitran; DeepL Translator, PROMT and Collins Dictionary Translator.

When translating the BBC newspaper articles, the students face some difficulty in translating abbreviations. The Internet resource <http://acronym.net.ru/> are useful to translate the abbreviations from English into Russia, whereas the abbreviation explanation without any translation was found on <http://www.acronymfinder.com/>. The Wikipedia and Encyclopaedia Britannica provide some useful information for translating some problematic points properly.

As a result of IT implementation in the educational process, translation-based learning activity both during online and offline classes gets to a fundamentally higher level and becomes more effective. Applying the contemporary technology contributes to the more active cognitive activity of interpreting students, develops their creative abilities in the context of general intellectual capabilities.

During the online interaction in order to develop interpreting competence the RSUH students typed and corrected their text translations and essays, learned how to work with text editors effectively, improved their computer skills, translated different types of texts by applying electronic versions of contemporary dictionaries. The students practised using the knowledge and skills obtained during online-classes by participating in interpretation and translation strategy discussions.

The most widespread and convenient activity through IT in translation and interpretation practice classes was creating presentations. RSUH interpreting students made Power Point presentations for the seminars to demonstrate their studies in revealing the seminar topics on the translation and interpretation practice.

Our interpretation practice seminars involve sharing screens to show Word documents, slide Microsoft Power Point presentations or websites on their screen to the participants in a Zoom session. All Zoom participants are engaged in discussing all possible adequate interpretation solutions of the source texts.

Since future interpreters need to be able to recognize interpretation problem areas and to slow down to solve them in complex analytical ways, the students use the potential of learning technologies.

Presentation software is used effectively by future interpreters to improve their language skills through research related to translation and interpretation and by sharing their findings in oral presentations⁷

Along with presentations, one more innovation in the teaching process is creating electronic portfolios. While presentations are a perfect way to explain a new material to students, electronic portfolios are an efficient way to assess the students' knowledge and skills.

A portfolio is a collection of a student's works, selected by him/herself or with the help of the teacher and showing his or her learning progress. A portfolio provides an opportunity for the individual assessment of a student and is often used in foreign language education. An electronic portfolio is also a collection of a student's works, including audio and video content accumulated on one electronic platform.

One type of electronic portfolios is a blogfolio, which is currently gaining popularity in a foreign-language education. A blogfolio is an interactive online blog, created by students pursuing a certain educational goal. Blogs are often used in English teaching to improve reading and writing skills, increase engagement in the educational process, as well as provide opportunities for self-expression and development of students' creativity. A teacher can assess students' strengths and weaknesses during the term.

Blogfolios have to comply with certain criteria. If these criteria are met, blogfolios can be used as an effective tool for studying English (Fig. 6) [Ananyeva, 2014]:

1. Choosing a topic to be discussed by students in their blogfolios.
2. Providing resources, the use and analysis of which will allow students to improve and expand their knowledge on the chosen blogfolio topic.
3. Gradually filling the blogfolio with the content chosen by students based on the information provided to them.
4. Students should not only completely fill their blog but also create a presentation (for example, using the Prezi cloud service) and on its basis record their own video on the topic chosen for the blogfolio.

Fig. 6. Criteria for preparing an effective blogfolio

Currently teachers are expected to feel comfortable using IT and keep up with the latest developments and often readily adopt and experiment with various technologies in their teaching, whether offline or online.

One cannot underestimate different teaching approaches in training interpreting students and the importance of modern educational resources, which are an inexhaustible source for the development of students' practical linguistic skills in solving translation and interpretation tasks.

Students can also use the IT technology in mastering English for self-study purposes [Popova et al., 2019]. Although the present-day rapid development of technology as well as the continuous growth of cultural, economic and political relations between nations have confronted students with some difficulties in assimilating useful and necessary information, using digital and information resources allows students to regulate the pace of material assimilation independently in accordance with individual capabilities, level of perceptual readiness, level of student's abilities development [Novikova, 2021, p. 87].

Existing educational resources on the website <https://learnenglish.britishcouncil.org/skills/reading> offer the authentic materials including articles, travel guides, emails, adverts and reviews. The texts can be used to practise reading skills for self-work. Each lesson has a preparation task, a reading text with everyday or job-related language and tasks to check students' understanding and to practise a variety of reading skills.

One should state that online studies require a more detailed planning and precise instructions regarding all tasks assigned to the students.

British Council materials aim to cover topical issues and provide learning vocabulary and interactive exercises to improve the language skills. Relevant and interesting self-study assignments can be selected according to the current students' level - from beginner to advanced. The students can be also instructed on various activities given in the British Council section "Magazine zone" where intermediate and upper intermediate students can find a lot of learning material about global issues, special days and festivals. The articles about a wide variety of topics can be used to develop reading and interpreting skills.

Interpreting students can choose a varied selection of useful online learning materials to acquire their proficiency for free.

Conclusion

The use of IT in training specialists in the field of interpretation significantly expands and diversifies students' activities which positively influences the results of the educational process. IT motivates interpreting students to improve their language skills.

In 2020 the world experienced unprecedented lockdowns caused by COVID-19, which led to the immediate closure of universities. On the one hand, sudden changing offline traditional lessons to online resulted in an exciting opportunity to alter existing practices for some of the university lecturers, on the other hand, for many of the trainees the pandemic related shift to distance learning became very challenging.

In spite of some disadvantages of a new learning format in terms of the stay-at-home extreme conditions regarding some psychological, methodological and technical problems there's a wide range of possibilities for those practitioners who are ready to integrate IT in a modern educational process.

During the current pandemic educators benefit from using Zoom technology as an effective tool for remote English teaching for future interpreters.

Zoom participants experience a number of useful online activities in mastering English by improving reading, speaking, translating and interpreting competence.

Our own practice shows that the students evaluate translation-based online activities which culminate in oral presentations. The students are engaged in developing their digital literacy skills by preparing their research through a lot of technologies including making the Power Point presentations.

During online classes the students also assess other group mates' reports focused on interpretation and translation issues supported by Power Point presentations. By commenting on the speech made by the students, the would-be interpreters improve their communicative competence as well.

IT in the interpreter training increases the intensity of both teaching and learning process, implements the individual approach to each student and intensifies students' independent work.

University practitioners should provide students with creative ideas for self-study activities for both remote and face-to-face learning. One can't underestimate Internet as a source of information and communication since it provides invaluable resources, namely, up-to-date information and topics for online classes and self-work activities. It should be emphasized that one of the problems in respect of most textbooks written for practical translation or interpreting courses is that the material designed for translation-oriented language classes outdates quickly and the textbook loses its initial appeal.

Teachers should share links to find a wide range of online activities so as to improve their language skills at their own speed, whenever it's convenient for them.

Thus one can't help denying the flexibility of the learning process by using Internet, for instance, British Council website as an efficient way of training interpreters as students can get access to new online educational resources including downloadable files. The students can also obtain the maximum benefit from reading authentic newspaper texts focusing on the latest BBC news and choosing adequate translation solutions.

The English teaching efficiency directly depends on what learning materials are chosen for classroom activities and how the teacher manages to organize online or offline classes in terms of the interaction of students with effective IT resources.

In this context it is worth underlining that the digital environment requires lecturers to have different mentality and perception of the picture of the world, new approaches and forms of collaborating with students. The teacher of higher education becomes not only a carrier of knowledge but also a guide to the digital world. A modern university teacher should have digital literacy, the ability not only to use the ready-made digital content but also to design author's digital resources that contribute to improving the effectiveness of training a successful interpreter.

Besides, the use of IT in teaching English makes it possible to implement pedagogical goals, primarily those aimed at developing a student's personality, preparing graduates for independent productive activity in the information society.

Thus, it can be stressed that IT can make the educational process personally significant for a student, provide an opportunity to fully reveal a student's creative potential, show his or her research abilities, imagination, creativity, activity and independence. The IT implementation into the educational process results in the deep comprehension of language phenomena and the development of practical language skills. Consequently, IT is currently one of the main tools for improving the efficiency in teaching English for an interpreting student.

The curricula and modern teaching methods should be taken into account while training interpreters in a constantly changing environment. In the process of consistently performing the professional tasks an interpreter faces, it is relevant to create systems of a virtual learning environment and simulators of the professional activities.

It should be stated that traditional teaching methods cannot be simply set aside but when conventional face-to-face settings is unavailable, using technologies in innovative and exciting ways is the best solution to intensify interpreting education.

The integration of traditional approaches to language teaching with modern technologies may produce better outcomes. The distance learning experience through the technology during the ongoing pandemic promotes highly skilled university teachers to design competitive online courses.

References

- Ananyeva M. "Blogfolios" and their role in the development of research projects in an advanced academic literacy class for ESL students // *TechTrends*. 2014. No. 58. P. 22-26. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11528-014-0783-0> (accessed 25.10.2021).
- Avazmatova M.M. Online teaching during Covid-19 lockdown // *Academic research in educational sciences*. 2021. № CSPI conference 2. P. 440-444 (in Russian).
- Bryson J. R., Andres L. Covid-19 and rapid adoption and improvisation of online teaching: Curating resources for extensive versus intensive online learning experiences // *Journal of Geography in Higher Education*. 2020. No. 44 (4). P. 608-623. Available at: <https://doi.org/10.1080/03098265.2020.1807478> (accessed: 14.01.2022).
- Digityar O.Y. The problems of distance learning education while teaching foreign languages at a non-linguistic higher school // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2019. № 1 (74). P. 356-357 (in Russian).
- Farmanova B.A. The Experience of Implementing of Distance Learning to Humanitarian Disciplines Teaching in the System of Higher Education // *Bulletin of Science and Practice*. 2020. № 6 (5). P. 491-495. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/54/67> (in Russian).
- Favale T., Soro F., Trevisan M., Drago I., Mellia M. Campus traffic and e-learning during COVID-19 pandemic // *Computer Networks*, 176, Article 107290. 2020. Available at: <https://dx.doi.org/10.1016/j.comnet.2020.107290> (accessed: 15.01.2022).
- Fedunova M.N. Problem aspects of foreign language distant teaching under pandemic restrictions // *Simvol nauki*. 2021. № 3. P. 119-123 (in Russian).
- Gajurov I.R., Ibraġimov H.I., Kalimullin A.M., Alishev T.B. Transformation of Higher Education During the Pandemic: Pain Points // *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020. Vol. 29, № 10. P. 101-112. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-101-112> (in Russian).
- Gulaya T.M., Romanova S.A. Higher education in Russia and the Covid-19 pandemic: challenges of transition to a new learning format // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2021. № 2. P. 101-103 (in Russian).
- Henderson M., Selwyn N., Aston R. What works and why? Student perceptions of 'useful' digital technology in university teaching and learning. *Studies in Higher Education*. 2017. No. 42 (8). P. 1567-1579. <https://doi.org/10.1080/03075079.2015.1007946> (accessed: 15.10.2021)
- Inman J.A., Hewett B.L. *Technology and English Studies: Innovative Professional Paths* (1st ed.). Routledge. 2006. <https://doi.org/10.4324/9781003064305>.
- Ishii D.N., Soltani B. Digital Spaces of Engagement: Perspectives on Using Zoom and Virtual Spaces in Online Classrooms. In: Fayed I., Cummings J. (eds) *Teaching in the Post COVID-19 Era*. 2021. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74088-7_1.
- Kajzer-Wietrzny, Marta & Tymczyńska, Maria. Integrating Technology into Interpreter Training Courses: A Blended Learning Approach. *Intralinea*. Special issue. 2014. Available at: <http://www.intralinea.org/archive/article/2101> (accessed: 12.09.2021).
- Kartavaya Y.K. Problems of distance learning in higher education in modern conditions // *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2021. Vol. 10 № 2 (35). P. 157-161 (in Russian).
- Kinderknekt A.S., Tullieva K.V., Khudaiberdina M.U. Disadvantages of the foreign language distance learning in terms of the stay-at-home extreme conditions // *World of Science. Pedagogy and psychology*. 2021. № 2 (9). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/46PDMN221.pdf> (accessed 23.11.2021) (in Russian).
- Kiselev A.A. Distance learning of students: problems and prospects of its development after the coronavirus pandemic // *Razvitie obrazovaniya*. 2020. № 2 (8). P. 97-100. DOI 10.31483/r-75354 (in Russian).
- Koryakovtseva N.F., Schukin A.N. Modern educational environment and language instruction // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2018. № 4 (808). P. 11-18 (in Russian).
- Kozina T.A., Kozin G.I., Urchenkov V.E. On the difficulties of teaching foreign language at high school during distant education // *Bulletin of Science and Practice*. 2020. № 6 (7). P. 327-330 (in Russian).
- Kozlova N.S. Digital technologies in education // *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2019. Iss. № 1/40. P. 83-91. DOI: 10.24411/2078-1024-2019-11008 (in Russian).
- Loseva E.S., Gozalova M.R., Makarova A.I. Problems of distance learning of foreign languages on the level of higher education // *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2019. №3 (28). P. 145-148 (in Russian).
- Muradova N.T. Trends and Development Prospects of Open and Distance Learning. // *Bulletin of Science and Practice*. 2020. № 6 (5). P. 501-505. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/54/69> (in Russian).
- Nenyuk E.A. Initial results of distance learning: evolution of opinions // *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2021. № 3 (88). P. 221-223. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-388-221-223 (in Russian).

- Nord C.* Training Functional Translators. *Cadernos de Tradução*. 2000. No. 1 (5). Available at: https://www.researchgate.net/publication/307836648_Training_Functional_Translators. DOI:10.5007/5606 (accessed: 14.08.2021).
- Novikova O.V.* The use of distance technologies in teaching English at a university // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. № 02/2. P. 85-89. DOI 10.37882/2223-2982.2021.02-2.25 (in Russian).
- Ostapenko A.B., Umanets I.F.* Peculiarities of distance learning foreign languages at a university in context of the COVID-19 pandemic // *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*. 2021. № 4. P. 27-31 (in Russian).
- Peters M. A., Rizvi F., McCulloch G., Gibbs P., Gorur R., Hong M., Hwang Y., Zipin L., Brennan M., Robertson S., Quay J., Malbon J., Taglietti D., Barnett R., Chengbing W., McLaren P., Apple R., Papastephanou M., Burbules N., Misiaszek L.* Reimagining the new pedagogical possibilities for universities post-Covid-19: An EPAT Collective Project. *Educational Philosophy and Theory*. 2020. Available at: <https://doi.org/10.1080/00131857.2020.1777655> (accessed: 14.08.2021).
- Petrakova A.V., Kanonire T.N., Kulikova A.A., Orel E.A.* Characteristics of Teacher Stress during Distance Learning Imposed by the COVID-19 Pandemic // *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. 2021. № 1. P. 93–114. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-93-114> (accessed: 14.08.2021) (in Russian).
- Popova E.A., Klevina M.N.* Using distance learning in organizing independent work of full time students learning “practical grammar” // *Scientific Journal “Modern Linguistic and Methodicaland-didactic Researches”*. 2019. № 4 (27). P. 72-80 (in Russian).
- Rogacheva P.S., Semergey S.V.* Problems of distance education in the pandemic period // *Vestnik Majkopskogo Gosudarstvennogo Tehnologiceskogo Universiteta*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 85-93. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2020-12-4-85-93> (accessed: 11.02.2021) (in Russian).
- Selwyn N., Jandrić P.* Postdigital Living in the Age of Covid-19: Unsettling What We See as Possible. *Postdigital Science and Education*. 2020. No. 2(3). P. 989–1005. Available at: <https://doi.org/10.1007/s42438-020-00166-9> (accessed: 14.08.2021).
- Spathis P., Dey R.* What Is Zoom Not Telling You: Lessons From an Online Course During COVID-19. 2020. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02936885> (accessed: 14.08.2021).
- Sysoyev P.V.* Modern information and communication technologies: didactic characteristics and functions // *Language and Culture*. 2012. № 1 (17). P. 120–133 (in Russian).
- Tabiri M.O., Jones-Mensah I., Fenyi D.A., & Asunka S.* Challenges of online learning of English/French language in higher education in Ghana // *Journal of Language and Linguistic Studies*. 2022. No. 18(1). P. 207-222. Available at: https://www.researchgate.net/publication/356815707_Challenges_of_online_learning_of_EnglishFrench_language_in_higher_education_in_Ghana (accessed: 14.08.2021).
- Tierney K.* 8 tips for using Zoom for online learning. *JotForm – Education*, 8 March. 2021. Available at: <https://www.jotform.com/blog/tips-for-using-zoom-for-online-learning/> (accessed: 20.11.2021).
- Vasilizhenko M.V.* Distance education technology of teaching English at higher school: work experiences // *Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2021. Vol. 13. № 1. P. 93-104. DOI: 10.7442/2071-9620-2021-13-1-93-104 (in Russian).

MEMORIZATION OF VOCABULARY DURING FOREIGN LANGUAGE AND LATIN CLASSES (CASE OF THE MEDICAL UNIVERSITY)

This article describes the experience of teaching foreign languages (French and English) and Latin at the medical university and focuses on one of the most important problem for students: how to memorize vocabulary. Different methods or learning vocabulary are considered: traditional method, cards, Quizlet and Wordgame (application developed by teachers of the university). The success rate at the interim assessment (bilateral dictation for each topic) was compared for students who used only one method of learning vocabulary or a combination of methods at their choice. The success and failure of certain memorization strategies and their association with control method are explained from psychological point of view. The effect of introduction of gaming approach on students' motivation was taken into account.

Keywords: Latin language, foreign languages, vocabulary, memorization, English as a foreign language

Ольшванг О. Ю.
Уральский государственный медицинский университет Минздрава России
Екатеринбург, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ И ЛАТИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В данной статье описывается опыт преподавания иностранных языков (французского и английского) и латыни в медицинском вузе и акцентируется внимание на одной из важнейших проблем для студентов: как запомнить лексический минимум и подготовиться к текущему и промежуточному контролю по дисциплине. Рассмотрены разные методы изучения лексики: традиционный метод, карточки, Quizlet и Wordgame (приложение, разработанное преподавателями вуза). Проведено сравнение результатов текущего контроля (билатеральный диктант по каждой теме) у обучающихся, использовавших один метод изучения лексики или комбинацию методов по своему выбору. Эффективность и неэффективность определенных стратегий запоминания лексики и их связь с формой контроля объясняются с психологической точки зрения. Учитывалось влияние внедрения геймификации на мотивацию студентов.

Ключевые слова: латинский язык, иностранные языки, лексика, запоминание, английский язык как иностранный

This article describes the experience of teaching foreign languages (French and English) and Latin at the medical university and focuses on one of the most important problem for students: how to memorize vocabulary. The examples of methods used at the Latin lessons which are cited in the article can be easily extrapolated to teaching foreign languages.

Memory and memorization strategies play an important role during learning, and the learning process can be made more effective and less frustrating (especially for some learners) if learners and teachers are aware of its mechanisms.

Psychology defines memory as the ability to encode, store and retrieve information (Squire, 2009). In the 1960s the American researchers Atkinson and Shiffrin described the memory system consisting of 2 parts: short-term memory and long-term memory. According to this model, information from the environment passes as a series of short sensory memories into short-term memory which, however, has a limited capacity. The longer the information remains in short-term memory, the greater the possibility that it will pass into long-term memory (Atkinson & Shiffrin, 1968).

In the 1970s this model of memory, especially the description of the memorization process, was criticized and the researchers Craik and Lockart proposed the theory on the levels of information processing, because the subsequent recall of information increases the probability of its memorization [Craik & Lockhart, 1972].

In 1974, taking into consideration the disadvantages of the previous models, Baddeley and Hitch introduced a new concept "working memory" which replaced the term "short-term memory" introduced by Atkinson and Shiffrin, but at the same time this term aims to emphasize its functional importance in the cognitive process

[Baddeley & Hitch, 1974]. The working memory consists of the central executive and two auxiliary systems: phonological articulatory loop and visuospatial sketchpad. The phonological loop retains and processes the information in phonological form while the visuospatial sketchpad processes the stimuli in visual and spatial form. The central executive ensures the attentional control of the subsystems of the working memory and other activities. Later the fourth component was added in the structure of the working memory: it is the episodic buffer which ensures the temporary multimodal storage with limited capacity which integrates the information of the auxiliary systems with the information of the long-term memory [Baddeley & Wilson, 2002]. The episodic buffer plays an important role for grouping and splitting information, which improves its storage and retrieval [Baddeley et al., 2004].

If working memory retains information for several seconds (equivalent to short-term memory), declarative memory and procedural memory contain long-term knowledge, for several years [Baddeley, 2003]. Declarative memory is the basis for coding, storage and retrieval of information about personal experience (episodic memory) and general knowledge about the environment (semantic memory) [Eichenbaum, 2004; Squire, 2004]. It is the basis of vocabulary knowledge including word forms and their meaning [Ullman, 2007].

The first difficulty that medical students face during the Latin course is the memorization of vocabulary (100-150 lexical units per week). The peculiarity of the Latin vocabulary is that it is necessary to memorize not only the lexical unit but also its grammatical form (genitive ending, word stem, gender). The control is carried out in the form of bilateral dictation (the teacher says the word in Russian and the students must write it in Latin in the grammatical form). Normally the teacher gives the task of learning the words by heart and explains the control methods but considers that the memorization process is natural and does not discuss this topic with the students. At the end of the first dictation there is about 85% failure...

To improve the success rate, an application in the form of the video game "Wordsgame" (accessible online and as an application for Android) was developed, where the vocabulary is presented according to the subjects for each lesson and, when clicking on the subject, the student obtains 10 pairs of lexical units (Latin-Russian) that must be associated. When the association is correct, the pair disappears. If the student continues to work on the same subject, he gets another 10 pairs of lexical units. The application uses the intellectual selection of lexical units: if the student makes a mistake, he will obtain this lexical unit at his next access to this subject in the application. First of all, it had an effect of surprise among students ("it's impossible to play Latin", "games and Latin are incompatible") and it was motivating and stimulating for the students to have an alternative and gaming approach to their homework. Most of the students used the application to prepare for dictation. But the introduction of this innovation did not significantly improve the results. In total the learners could write more words than before the introduction of this application but many words were misspelled.

Next, Quizlet was also introduced to facilitate vocabulary learning. Some students even contributed to the introduction of Quizlet, as they helped the teachers to create the modules for corresponding topics and faculties. The differences of this platform compared to the Wordsgame application are as follows: each lexical unit is accompanied by an illustration (it was especially easy to do for anatomical terms) and there is a "Gravitation" option when learners have to write the words in Latin while their equivalents in Russian move down the screen. This made it possible to achieve a 50% success rate for dictations on the first attempt. While students who used only the so-called traditional method¹ of vocabulary learning had a 72% success rate, those who combined different methods (Wordsgame and/or Quizlet and the traditional method) had the success rate 85-100%.

The method that is little used by learners (because it is very tedious) even if it has proven its effectiveness is a card method. Small cards are made (they can be of different colors), a word with its grammatical form is written on each card and on the reverse side there is translation into Russian. The cards can be used to simulate dictation (one can draw 9 cards at random, write and then check quickly). This makes it possible to put the cards in random order. The order of the words in the list plays a certain role in the process of memorization. It happens that students memorize the words in the given order and find it difficult to retrieve separate words during dictation. The cards can also be sorted according to different criteria: the words learned and the new words (the words that I have already learned and know how to write them correctly, the words that I have learned but which are difficult to write, the words that I have not learned yet), the words that have stems that I know etc.

Now we will try to comment and explain the situation from the psychological point of view. Here we will rely on the memory model developed by Baddeley and Hitch in 1974 [Baddeley & Hitch, 1974], which has a tripartite structure and includes the phonological loop (responsible for storing and refreshing verbal information), the visuospatial sketchpad (responsible for maintaining spatial and visual information, manipulating mental images) and the central executive (responsible for coordinating and controlling the processing of information). In our context, the phonological loop is involved in the memorization process because the lexical units represent the verbalizable information that can be read and pronounced. If we compare the use of Wordsgame and Quizlet, the latter has the advantage thanks to the double coding (images have been added for most lexical units) because the visualization improves the recall of sentences [Lieur, 1995]. Here we can go further in the study of anatomical terminology because the Latin and Anatomy courses take place in the first year of study and students can reinvest

¹ The traditional method includes reading words several times (including reading aloud), then the part of the page where Latin words are written is covered and students try to say the word in Latin by looking at its equivalent in Russian and vice versa. Then students do the same thing by writing the grammatical forms of the words in Latin. Words that cause difficulties are underlined.

the knowledge acquired during the Latin course for the Anatomy course and vice versa. For the Anatomy course, students use anatomical atlases where the body parts and organs are indicated in 2 languages (Latin and Russian). These supports can also be used for learning Latin vocabulary not only thanks to the double coding mentioned above but also thanks to the hierarchical network (e.g. 'intestinum' has a link with 'duodenum', 'jejunum', 'ileum', 'cecum' etc). In this case we are talking about semantic memory (which is a part of declarative memory) where the individual stores general knowledge.

To explain the advantages of certain tools in vocabulary learning, it is necessary to take into consideration the assessment methods. Bilateral dictation rather corresponds to targeted recall, i.e. the learner obtains a clue (word in Russian) "which is likely to constitute an aid to retrieval" [Psychologie cognitive, 2006, p. 270]. The use of the Wordsgame application is rather used to prepare learners for recognition where "we must recognize the target stimuli among a set of distractors presented simultaneously" [Psychologie cognitive, 2006, p. 270]. In our context, the word in Latin on the left is a presented element and 10 words in Russian on the right are the distractors among which it is necessary to choose its equivalent. Our hypothesis does not contradict the conclusions of the researchers M. Rahimi and A. Allahyari who find that multimedia tools are more effective while the control in their study was carried out in the form of multiple choice questions [Rahimi & Allahyari, 2019]. At the same time, the use of the "Gravitation" option on the Quizlet platform promotes targeted recall, because the Russian word that appears on the screen for a limited period of time serves as a clue that helps to retrieve the Latin word.

Regarding the difference in the effectiveness of Quizlet and the "traditional" approach, we make an assumption that the traditional approach involves procedural memory because as we write the words by hand while learning them we create automatisms (which does not happen when we type the words on the keyboard when we use Quizlet, because the evaluation is carried out in the form of dictations). Procedural learning is possible through repetition, which will allow an improvement in spatial and temporal accuracy and a decrease in the attention required for its resolution [Karni et al., 1998].

To conclude, it is important to note that the combination of different methods in learning vocabulary has beneficial effect. The introduction of multimedia and gaming component in learning can improve students' motivation and the success rate at the interim assessment.

References

- Atkinson, R.C.&Shiffrin, R.M. (1968). Human memory: a proposed system and its control processes. In K.W. Spence (ed.), *The Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory*, Vol. 2 (pp. 89–195). New York: Academic Press.
- Baddeley, A. (2003). Working memory : looking back and looking forward. *Nature Reviews Neuroscience*, 4(10), 829-839. <https://doi.org/10.1038/nrn1201>
- Baddeley A., Hitch G. (1974) Working memory. In G.A. Bower (Ed.) *The Psychology of Learning and Motivation* (vol. 8). New-York : Academic Press.
- Baddeley, A.D. & Wilson, B.A. (2002). Prose recall and amnesia: implications for the structure of working memory. *Neuropsychologia*, 40, 1737–1743.
- Baddeley, A. D., Kopelman, M., & Wilson, B. A. (2004). *The Essential Handbook of Memory Disorders for Clinicians*. Wiley.
- Craik, F.I.M. & Lockhart, R.S. (1972). Levels of processing: a framework for memory research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 11, 671–684.
- Eichenbaum H. (2004). Hippocampus: cognitive processes and neural representations that underlie declarative memory. *Neuron*, 44(1), 109–120. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2004.08.028>
- Karni, A., Meyer, G., Rey-Hipolito, C., Jezzard, P., Adams, M. M., Turner, R., & Ungerleider, L. G. (1998). The acquisition of skilled motor performance : Fast and slow experience-driven changes in primary motor cortex. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 95(3), 861-868. <https://doi.org/10.1073/pnas.95.3.861>
- Lieury, A. (1995). Mémoire des images et double codage. *L'année psychologique*, 95(4), 661-673. <https://doi.org/10.3406/psy.1995.28860>
- Psychologie cognitive*. (2006). Bréal.
- Rahimi, M., & Allahyari, A. (2019). Effects of Multimedia Learning Combined with Strategy-Based Instruction on Vocabulary Learning and Strategy Use. *SAGE Open*, 9(2), 215824401984408. <https://doi.org/10.1177/2158244019844081>
- Squire L. R. (2004). Memory systems of the brain: a brief history and current perspective. *Neurobiology of learning and memory*, 82(3), 171–177. <https://doi.org/10.1016/j.nlm.2004.06.005>
- Squire, L. R. (2009). Memory and brain systems: 1969–2009. *J. Neurosci.* 29, 12711–12716.
- Ullman, M. T., & Gaskell, M. G. (2007). *The Oxford Handbook of Psycholinguistics*.

COMMUNICATIVE STRATEGY OF MITIGATION IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE INTERVIEWS OF WOMEN- POLITICIANS OF GERMANY)

The article examines the communicative strategy of mitigation in the women's political discourse in Germany, which belongs to the cooperative discourse. The concept of mitigation is described. Mitigation is aimed at softening categorical statements, creating a favorable atmosphere for communication and avoiding conflict in communication in general. The texts of the interviews are analyzed in order to identify and describe the tactics of the mitigation strategy. In the course of the study, the methods of contextological analysis and semantic-stylistic analysis are used, the combination of which makes it possible to identify the actual meaning of the statement and establish their various stylistic functions in political discourse. To confirm the reliability of the results obtained, the method of quantitative calculation was also used.

Key words: women's political discourse, femininity, communicative strategy, communicative tactics, cooperation, mitigation, reasoned regret, moderate qualimetry, recommendation.

КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ МИТИГАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ ЖЕНЩИН-ПОЛИТИКОВ ГЕРМАНИИ)

В статье рассматривается коммуникативная стратегия митигации в женском политическом дискурсе Германии, которая принадлежит кооперативному дискурсу. Описывается понятие митигации. Митигация направлена на смягчение категоричности высказываний, создание благоприятной атмосферы общения и избегание конфликта в общении в целом. Анализируются тексты интервью с целью выявления и описания тактик стратегии митигации. В ходе исследования применяются методы контекстологического анализа и семантико-стилистического анализа, сочетание которых позволяет выявить актуальный смысл высказывания и установить их различные стилистические функции в политическом дискурсе. Для подтверждения достоверности полученных результатов применялся также метод количественного подсчёта.

Ключевые слова: женский политический дискурс, фемининность, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, кооперация, митигация, аргументированное сожаление, умеренная квалиметрия, рекомендация.

Problem statement

Currently, more and more attention of scientists is directed to the study of cooperative strategies. This is due to the growing interest in women's political discourse and the use by women politicians of feminine (cooperative) strategies and tactics aimed at compromise, understanding, cooperation, and achieving communicative agreement.

Knowledge of certain norms and rules of communication, politeness, benevolence, sense of humor, focus on teamwork, assistance and mitigation in general help to avoid conflict [Takhtarova, 2013, p. 135], which creates the basis for cooperative communication. In foreign linguistics, mitigation is defined by the term mitigation [Caffi, 2007; Fraser, 1980; Langner, 1994; Thaler, 2012]. Mitigation is aimed at softening categorical statements, creating a favorable atmosphere of communication and avoiding conflict in communication in general.

Mitigation is a word of Latin origin (from *mitigatio* – to soften), means softening or calming. In German, it is denoted by the terms relaxation (*Abschwächung*), restriction (*Eindämmung*), mitigation (*Linderung*, *Mäßigung*, *Milderung*, *Minderung*, *Verringerung*). In his work “Mitigation as modification of illocutionary force”, German linguist V. Thaler argues that mitigation is one of the common, even universal, conversational strategies used by pragmatically competent speakers [Thaler; 2012, Online source].

The term “mitigation” was introduced into pragmatics by B. Fraser in 1980 in the context of language techniques aimed at minimizing possible undesirable effects (unwelcome effects) in situations where the speaker’s speech behavior can lead to conflict [Fraser, 1980].

Both domestic [Karakulova, 2015; Takhtarova, 2013; Ezeh, 2018] and foreign linguists [Caffi, 2007; Fraser, 1980; Haverkate, 1992; Thaler, 2012] are engaged in the study of mitigation. A mitigation strategy is used to weaken verbal confrontation and/or reduce tension (associated with negative emotions) in a verbal conflict.

At the same time, it should be noted that the study of the category of communicative mitigation focuses in the works of different linguists on different types of discourse. Thus, S.S. Takhtarova considers the mitigation in the everyday and institutional types of the discourse of German and Russian languages [Takhtarova, 2010], S.S. Karakulova in German political discourse [Karakulova, 2016]. This means a certain limitation of the available data and leaves an extensive field for the study of strategies and tactics of mitigation in political discourse.

To date, there is no single universally recognized definition of the concept of “mitigation”. “Mitigation” is considered by different scholars as a modification of the speech act (reduction of some undesirable effects that the speech act has on the listener) [Fraser, 1980, p. 341], as an umbrella category that includes a wide set of strategies through which the speaker softens the interactive aspects (interactional parameters) of his speech to reduce potential communicative risks [Caffi, 2007], as a speech strategy that limits violation of the “territory” of the interlocutor [Langner, 1994, p. 22], as a stylistic means of implementing non-categorical judgments, as a communicative category, the main content of which is prescriptions, settings and rules, determined by the maxims of politeness and aimed at minimizing communicative risks in interaction, implemented in communication mitigative strategies and tactics, marked by ethnocultural specificity [Takhtarova, 2013, p. 135].

Materials and methods of research

The material was the texts of interviews of German women politicians that are publicly available on the Internet (A. Merkel (CDU), U. von der Leyen (CDU), K. Kipping (die Linke), S. Wagenknecht (die Linke), A. Nales (SPD), B. Storch (AfD), F. Petry (AfD)). The women politicians we have chosen are the leaders of modern political parties in Germany. Each political party has its own website (www.cdu.de, www.alternativfuer.de, www.die-linke.de, www.spd.de), where political speeches and interviews of all politicians are freely available. Every female politician also has an official personal page on which the texts of her political speeches and interviews are presented. The texts of the 21 interviews that were taken for analysis cover the time period from 2017 to 2021. One statement was taken as a unit of research.

Research results

Our analysis made it possible to identify a set of mitigation tactics used by politicians that implement a mitigation strategy. These include tactics of reasoned regret, moderate qualimetry and recommendations.

1. Reasoned regret. This tactic is used to reduce the communicative failure in a potentially conflict situation of communication, ensures the preservation of a favorable atmosphere of communication, demonstrating a good attitude towards a communication partner. Often a politician resorts to using the tactics of reasoned regret in order to mitigate his disagreement with the opponent’s statement, explain the reasons for disagreement, argumentation and explanation of his opinion on the issue under discussion:

[1] *Wagenknecht: Es ist völlig klar, dass wir heute die Geheimdienste nicht abschaffen können. Wir müssen uns anschauen, was unsere Geheimdienste tun und wie sie arbeiten. Bisher ist es nicht gelungen, uns zuverlässig vor Anschlägen zu schützen. Beim Verfassungsschutz ist es wirklich die Frage, ob er eine effektive Arbeit leistet. Er hat beim NSU eine absolut dubiose Rolle gespielt. Und anstatt sich mit islamistischen Gefährdern zu beschäftigen, bevor diese Anschläge ausführen, werden immer noch Teile der Linken überwacht. Da gibt es erhebliche Defizite. Aber dass man auf Geheimdienste heute nicht verzichten kann, ist leider offenkundig. Deswegen ausdrücklich: auf lange Frist [SW_PI_2017].*

In this example, S. Wagenknecht notes with regret the impossibility of refusing the work of the special services, explaining and arguing his conclusions on this issue.

The speech markers of this tactic are words with the semantics of assumption (*vielleicht, wahrscheinlich*), the use of the subjunctive mood of the verb to soften the statement, words of apology (*schade, leider, es ist bedauerlich*), verbs of apology/regret (*es tut mir leid, bedauern, um Entschuldigung bitten*). In the examples below, politicians, expressing regret, use markers-amplifiers (*leider zu grosse Angst, natürlich außerordentlich bedauerlich, sehr schade*):

[2] *Petry: Aber Sara Wagenknecht hat leider zu große Angst gehabt, daraus eben eine wählbare Alternative zu machen [FP_PI_2019].*

Politicians often use the tactics of reasoned regret when they present a competitor or themselves on the positive side. For example, the leader of the party “Linke” S. Wagenknecht, speaking about the party of “Linke”, regrets that they only managed to win millions of votes to a limited extent, who fled in recent years from the party, “SPD” (SPD):

[3] *Wagenknecht: Es ist der Linken leider nur begrenzt gelungen, die Millionen Wählerinnen und Wähler zu gewinnen, die sich von der SPD in den letzten Jahren abgewandt haben [SW_PI_2018].*

2. Moderate qualimetry (recognition). In an interview situation, a politician is forced to evaluate himself or third parties who are not directly involved in communication [Takhtarova, 2010, p. 77]. The need for communicative mitigation in assessing the state of affairs is dictated by the desire of the politician to save his face. The analysis of the factual material shows that the tactics of moderate qualimetry can be implemented using the impersonal pronoun *es*, the indefinite-personal pronoun *man* in order to indirectly assess the situation:

[4] *VdLeyen: Man glaubt das kaum, wenn man es sieht [UL_PI_2017].*

Modal verbs in Konjunktiv (*könnte, müsste, sollte*) and the passive voice are used for the purpose of diminutive evaluation. In the following example, the vice-chairman of the AfD party, B. von Storch, discussing his competitor Z. Gabriel, softens the negative assessment of his activities with the help of an indefinite-personal construction (*man kann als ... bezeichnen*), adds to this phrase the mode of assumption *vielleicht*, indicating the degree of truth, confidence in the assessment. Then the politician gives his assessment of what is happening and says that in the future such issues should be solved differently:

[5] *Storch: Sigmar Gabriel hat die Kandidatur von Steinmeier arrangiert, um ihn aus dem Außenministerium wegzuloben. Damit wurde das Amt des Außenministers für ihn frei. Er konnte dann die Position des Parteivorsitzenden und Kanzlerkandidaten an Martin Schulz abgeben, und sich damit aus der Affäre ziehen. So etwas kann man vielleicht als kluge Karriereplanung von Sigmar Gabriel bezeichnen, aber nicht als angemessene Art, einen Bundespräsidenten zu finden, der das ganze Volk repräsentieren soll. Das sollte in Zukunft in Deutschland anderes entschieden werden [BS_PI_2017].*

The use of modal verbs in the subjunctive mood and the passive voice for the purpose of mitigative evaluation is found in the following examples:

[6] *Storch: Der Bundespräsident müsste in solch einem Fall die Unterschrift verweigern und das Gesetz zurückverweisen statt einfach der Erfüllungsgehilfe der herrschenden Parteien zu sein [BS_PI_2017].*

The tactics of moderate qualimetry involves the use, first of all, of means of propositional mitigation, namely, modus operators indicating the attitude of the subject of opinion to the propositional content [Karakulova, 2016, p. 78]. The markers of subjectivity of opinion in German are the stable expressions *meiner Meinung nach, aus meiner Sicht*, etc., the verbs *glauben, meinen, finden, denken* and other verbs that implement the softening of the propositional attitude by indicating the subjectivity of opinion:

[7] *Nahles: Ich finde es gut, dass in Deutschland nicht nur Millionäre – ich korrigiere mit Blick auf die USA – nicht nur Milliardäre Minister werden [AN_PI_2019].*

In their speeches, female politicians often use adjectives with the meaning of evaluation (*ich finde das gut, schlecht, wichtig* u.a.). In the example below, the use of a modus operator expressing evaluation (*halten für falsch*) indicates the speaker's attitude to the content of the statement, to the person being discussed:

[8] *Storch: Da hat Geisel richtig gesagt, da sind die Länder für zuständig. Ich halte das an dieser Stelle allerdings für falsch, weil hier tatsächlich wir in Deutschland eine besondere Verantwortung haben, und das, was wir von den Al-Kuds-Tagen her kennen, das ist nichts anderes als die Verbreitung von Hass, von Aufruf zu Gewalt, das ist eine Plattform für Antisemitismus [BS_PI_2019].*

In this example, the politician first positively evaluates the words of Geisel (*Da hat Geisel richtig gesagt*), then expresses his negative attitude to the situation in the country (*Ich halte das an dieser Stelle allerdings für falsch*), calls for certain decisive actions and measures in the fight against anti-Semitism, but does it gently, reducing the categorical judgment through markers of subjectivity of opinion.

The tactics of moderate qualimetry involves the use, first of all, of means of propositional softening, namely, modus operators indicating the attitude of the subject of the opinion to the propositional content [Karakulova, 2016, p. 78]. Markers of the subjectivity of opinion in German are the stable expressions *meiner Meinung nach, aus meiner Sicht*, etc., the verbs *glauben, meinen, finden, denken* and other verbs that soften the propositional attitude by indicating the subjectivity of the opinion:

[9] *Nahles: Ich finde es gut, dass in Deutschland nicht nur Millionäre – ich korrigiere mit Blick auf die USA – nicht nur Milliardäre Minister werden [AN_PI_2019].*

3. Recommendation. This tactic involves inducing action in an indirect form, that is, more gently and delicately. Russian Russian Dictionary's new explanatory and word-formation dictionary defines a recommendation as a review containing a characteristic of someone, something (usually favorable); a written review of a person, usually with a guarantee for him; advice, instruction, instruction [New Explanatory and Word-formation Dictionary of the Russian Language, 2012: Online document]. The goal of the recommendation tactic is to convince the recipient to perform an action that is useful for him.

An urgent recommendation involves the speaker identifying specific steps necessary to achieve the goal. The shade of "urgency" can be softened by using the subjunctive mood. The verb *sollte* in the subjunctive mood is used in the sense of recommendation, advice:

[10] *Nahles: Wir sollten jedenfalls damit anfangen, uns darauf vorzubereiten. Wir sind in der Lage, schnell zu reagieren [AN_PI_2018].*

The advice expressed in the form of an imperative sounds quite intrusive and harsh. Therefore, using the verb *brauchen* will give the recommendation less categorical. Thus, A. Merkel argues that the country needs even more jobs with good salaries. This statement sounds like a recommendation for action to create such jobs, but this recommendation is an indirect incentive:

[11] *Merkel: Natürlich brauchen wir noch mehr gute Arbeitsplätze mit gutem Einkommen. Insgesamt jedoch hat sich die Lage sehr vieler Menschen verbessert [AM_PI_2017].*

The use of assumption markers together with modal verbs softens the motivation and gives the statement a recommendatory character:

[12] *vdLeyen: Für viele, viele Soldaten speist sich daraus heute schon ihr Selbstverständnis. Vielleicht müssen wir das noch stärker herausarbeiten [UL_PI_2017].*

A pronounced recommendation occurs to us in the following statement and is expressed through the verb *empfehlen*:

[13] *Merkel: Das Auswärtige Amt hat seine Reisehinweise für die Türkei mehrfach den aktuellen Ereignissen auch an Touristenzielen angepasst und präzisiert. Ich empfehle jedem, diese Hinweise ernst zu nehmen [AM_PI_2017].*

In this example, A. Merkel recommends that everyone take the instructions of the Ministry of Foreign Affairs seriously.

Thanks to the listed speech markers, the tactics of the recommendation acquires special flexibility and softness in dealing with the interlocutor, which makes the impact on the communication partner more effective.

So, we can observe a certain set of tactics within the strategy of mitigation. The tactics of the mitigation strategy described by us perform the main role - softening the categoricity of the statement. For this purpose, women politicians resort to the use of tactics of reasoned regret, moderate qualimetry and recommendations.

References

- Caffi, C. Mitigation. New York: ELSEVIER. 2007.
- Ezeh A.O. Communicative mitigation as a result of defocusing in directive speech acts // Vestnik MGLU. Issue 2 (741). Social sciences. 2016. - pp. 135-143.
- Fraser, B. Conversational mitigation. Journal of pragmatics 4, 341-350. 1980.
- Haverkate H. Deictic Categories as Mitigating Devices. Pragmatics, 2 (4), p. 505-522.
- Karakulova, S.S. The implementation of an integrative strategy to mitigate evaluation in interviews with German politicians / S.S. Karakulova // Scientific Dialogue. - 2016. - No 2 (50). - pp. 52-62.
- Karakulova, S.S. Illocutionary mitigation in political discourse (based on interviews with Russian and German politicians) / S.S. Karakulova // Contemporary problems of science and education. - 2015. - No. 1. - p. 1226.
- Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen: Pragma-und soziolinguistische Untersuchungen. - Münster : Nodus, 1994. - 311 S.
- Takhtarova S.S. Mitigation tactics in political discourse. Lingua mobilis. 2010. №5 (24). – Pp. 72-79.
- Takhtarova S.S. Tactics of mitigation of refusal in German discursive practices // Philology and culture. Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan). Number 3 (33), 2013. - pp. 135-138.
- Thaler, V. Mitigation as modification of illocutionary force, in: Journal of Pragmatics 44 (6-7), 2012. P. 907-919.

LA TEMPORALITÉ DANS LE SYSTÈME GRAMMATICAL DU FRANÇAIS

Que le cerveau soit en plein apprentissage ou qu'il ait atteint le stade de la maturité cognitive, peu d'efforts ou d'hésitations sont perceptibles tant la production des énoncés, surtout oraux, semble naturelle. Le passage à l'écrit est cependant une étape qui demande de constants efforts que l'écriture intuitive veut gommer, du moins pour le premier jet.

Le fonctionnement du cerveau et de certaines aires du langage sont conditionnés au(x) système(s) linguistique(s) de leur environnement. La fabrication des énoncés est liée à plusieurs temporalités qu'il faut déterminer.

Dans l'espace-temps plus ou moins vaste occupé par la phrase au moment de sa production, il existe donc la superposition des temporalités sémantique et syntaxique. C'est ce dernier système qui est principalement étudié du point de vue temporel à l'instar des théories de la narratologie qui envisagent les aspects chronologique et anachronologique du récit.

Mots-clés : Anticipation, cerveau, chronologie, grammaire, langage verbal, linguistique, rétrospection, temporalité

TEMPORALITY IN THE FRENCH GRAMMATICAL SYSTEM

Whether the brain is in the process of learning or has reached the stage of cognitive maturity, little effort or hesitation is perceptible, as the production of statements, especially oral ones, seems natural. The transition to writing is, however, a stage that requires constant efforts that intuitive writing tends to erase, at least for the first draft.

The functioning of the brain and of certain language areas is conditioned by the linguistic system(s) of their environment. The production of statements is linked to several temporalities that must be determined.

In the more or less vast space-time occupied by the sentence at the time of its production, there is the superposition of semantic, syntactic and grammatical temporalities. It is this last system that is studied from the temporal point of view, following the example of the theories of narratology which consider the chronological and anachronological aspects of the narrative.

Keywords: Anticipation, brain, chronology, grammar, verbal language, linguistics, retrospection, temporality

ПОНЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

На любой стадии развития мозговой деятельности (идет ли речь о формировании когнитивных навыков или же о стабильной работе умственного аппарата) создается впечатление, что формирование высказывания, в особенности устного, происходит естественным образом: какие-либо усилия или задержки в этом процессе не заметны. Напротив, переход к письменному изложению мыслей требует постоянных усилий, и только в интуитивном письме эти усилия скрыты, хотя бы на первый взгляд.

Мозговая деятельность и функционирование некоторых областей языка обусловлены той лингвистической системой (системами), в которых живёт носитель того или иного языка. Высказывание формируется в зависимости от определенных временных условий, которые необходимо выявить.

Высказывание, в момент его формирования, представляет собой некое единство, протяженное во времени и в пространстве. На него влияют следующие категории времени: семантическая, синтаксическая и грамматическая. В настоящем исследовании будет произведен анализ грамматического времени в соответствии с положениями теорий нарратологии, которая изучает хронологический и анахронологический аспекты повествования.

Ключевые слова: предвосхищение (антиципация), мозговая деятельность, хронология, грамматика, вербальная коммуникация, лингвистика, ретроспекция, понятие времени.

Introduction

La production d'une phrase sémantiquement¹ et syntaxiquement² correcte est soumise à la notion d'espace-temps. En effet, la phrase occupe une certaine place spatio-temporelle plus ou moins grande en fonction de sa taille et de sa durée. Cela est nettement visible dans la phrase « le colloque est intéressant » qui est deux fois plus petite que « le colloque organisé par l'université est vraiment très intéressant ».

Au-delà de ce cadre spatio-temporel, s'ajoutent d'autres temporalités liées au fonctionnement cérébral et visible linguistiquement. Penser la construction grammaticale d'une langue maternelle au moment de la production d'un énoncé est une action cognitive que les locuteurs exécutent de manière mécanique et naturelle.

L'enjeu est de montrer qu'il existe, dans l'acte de la production d'une phrase, une spécificité remarquable dans les mécanismes d'acrobaties temporelles que les aires cérébrales du langage exécutent.

La construction grammaticale dans la production énonciative est soumise à la manière dont le cerveau envisage le temps qui est soit chronologique soit anachronologique.

1. Le temps chronologique

Le temps chronologique concerne l'avancée du temps du moment le plus ancien au plus récent. La syntaxe, avec sa réglementation grammaticale, suit généralement un mécanisme cognitif basé sur une chronologie conventionnelle.

La production d'une phrase est donc soumise à un ordre d'arrivée des mots que le cerveau produit en fonction du système linguistique où il se trouve. Pour le français, la typologie syntaxique, qui classe les langues selon l'ordre des mots sur la base du verbe, du sujet et de l'objet, est généralement SVO. Mais cinq autres combinaisons sont en réalité possibles : SOV, OVS, VSO, OSV et VOS. Il faut cependant se restreindre à la grammaire afin de ne pas superposer trop de temporalités et exclure la sémantique qui étudie la signification des signes dans le langage.

Dans la phrase « Elle est intéressante », une fois posé le mot « Elle », le verbe « est » ne peut se mettre qu'au singulier. Une fois posés les deux premiers mots, l'adjectif qualifiant « Elle » ne peut se mettre qu'au féminin singulier. La remarque serait la même au pluriel avec « Elles sont intéressantes ».

Sémantiquement, l'inverse se produit. Les deux premiers mots, « Elle est » ou « Elles sont », ne sont posés que pour mettre en valeur l'information principale, « intéressante(s) », qui est pensée préalablement. Changer « intéressante » au singulier en « intéressantes » au pluriel transforme les deux premiers mots d'un point de vue sémantique et non pas grammatical. De même lorsqu'une réponse à une question est envisagée, au lieu de l'exprimer par un mot, la mettre dans une phrase est recommandé. Cette réponse finit généralement la phrase. De fait, le cerveau anticipe la réponse avant même l'acte de production de l'énoncé où elle doit se trouver. Dans « Elle est rouge », la couleur « rouge », la réponse donc, a dû être pensée avant le début de la phrase. Pourtant, l'exécution de cette réponse est si rapide dans la vie courante que l'événement vécu d'avance par la pensée est invisible. Il y a pourtant une anticipation, ou prolepse sémantique, en même temps qu'une avancée chronologique dans la production syntaxique d'un énoncé.

La parfaite et pure progression chronologique dans le système grammatical est cependant impossible à trouver dans les textes. Elle est visible en jaune dans l'exemple plus ou moins fictif ci-dessous :

« Courant janvier, des jeunes femmes entrèrent dans la maison. Une voix sèche et grondeuse cria : « Veuillez ôter votre chapeau ! ». Conformément à l'injonction, elles retirèrent leur couvre-chef sauf une que l'ordre n'a pas transformée. L'ignoble type qui se tenait devant la porte principale était un petit vieillard blême. La femme qu'il a regardée a baissé les yeux. Deux autres dames se sont téléphoné pendant qu'il avait le dos tourné. Dans la salle, elles se sont fait arnaquer. »

Malgré tout, des distorsions temporelles apparentes surviennent comme dans l'exemple « Celle que tu as regardée ». Il est assez courant de devoir créer une rupture temporelle artificielle pour revenir en arrière et se demander si le participe passé doit s'accorder au masculin ou au féminin. Le COD « que » mis pour « Celle », placé avant le participe implique l'accord au féminin. Un cerveau bien exercé fait l'accord dans la logique de l'avancée chronologique car cette solution est de toute façon induite par un mot placé avant.

Pareillement pour « Deux autres dames se sont téléphoné » concernant le participe passé. L'accord n'est pas possible dans le cas d'un participe issu d'un verbe pronominal sans COD. Comme le neutre n'existe pas, le masculin

¹ La sémantique étudie l'ensemble des significations.

² La syntaxe étudie l'ensemble des règles de grammaire.

prend en charge cette neutralité. Malgré l'apparente distorsion chronologique associée au retour en arrière appelé analepse, la logique grammaticale conserve l'avancée chronologique normale.

Considérant uniquement le système grammatical, les mots plus à gauche, donc plus anciens, transmettent aux mots suivants leur message grammatical dans l'ordre chronologique, donc au fil de la pensée. À charge, pour le cerveau, de mémoriser, plus la phrase est longue ou complexe, les indications grammaticales de départ, sous peine de commettre des erreurs ou de devoir revenir en arrière pour se corriger ou vérifier. Mais il reste quand même des éléments qui ne respectent clairement pas l'avancée chronologique.

2. Le temps anachronologique

En effet, le temps anachronologique peut alors apparaître sous la forme d'une prolepse syntaxique qui vise à anticiper un élément grammatical influençant un autre placé avant.

La pensée anticipatrice grammaticale concerne la prise en compte à l'avance d'un système syntaxique dans la linéarité de la construction d'un énoncé. L'avancée chronologique purement grammaticale n'est plus respectée. Le premier mot n'induit plus le suivant, lequel n'induit plus le suivant, et ainsi de suite, parce que dans le cas de l'anticipation, le premier mot est induit par un suivant et non plus le précédent. C'est le cas de « Un garçon arrive ». Si « garçon » induit la troisième personne du singulier du verbe « arriver », la prolepse survient par le fait que « garçon » est précédé du déterminant « un », lequel dépend entièrement du mot qui le suit. Si garçon devenait « fille », « un » deviendrait « une ». Il faut donc que le cerveau anticipe le déterminant à placer pour créer une phrase grammaticalement correcte.

Autre exemple avec la phrase « Entrèrent dans la maison des jeunes femmes ». La forme plurielle du verbe « entrèrent » n'est possible qu'en raison de la présence postposée du pluriel « femmes ». Si l'on ajoute les anticipations « la » et « des », dues à « maison » et à « femmes », la phrase contient trois prolepses.

Le déroulement chronologique de la phrase, perturbé par une anticipation à prévoir, est visible en vert dans le texte plus ou moins fictif suivant :

« Courant janvier, des jeunes femmes entrèrent dans la maison. Une voix sèche et grondeuse cria : « Veuillez ôter votre chapeau ! ». Conformément à l'injonction, elles retirèrent leur couvre-chef sauf une que l'ordre n'a pas transformée. L'ignoble type qui se tenait devant la porte principale était un petit vieillard blême. La femme qu'il a regardée a baissé les yeux. Deux autres dames se sont téléphoné pendant qu'il avait le dos tourné. Dans la salle, elles se sont fait arnaquer. »

Plusieurs cas de figures se présentent. Les déterminants « des », « la », « une », « votre », « l », « leur », « un », « les » et « deux » sont dépendants en genre et en nombre du substantif qui les suit. Le cas de « deux » est peut-être moins évident mais si « dame » était écrit au singulier, « deux » deviendrait « une ». Les adjectifs « jeunes », « ignoble », « petits » et « autres » sont soumis à cette même dépendance. Les quatre apostrophes sont présentes uniquement parce que les mots qu'ils précèdent commencent par une voyelle. Pour « fait », il faut anticiper sa forme orthographique au masculin (neutre en réalité) parce que ce participe passé issu d'un verbe pronominal ne s'accorde pas quand il est suivi d'un complément.

Quant aux phrases de type OVS telle que « Où es-tu ? », l'anticipation est présente dans l'inversion du sujet par rapport au verbe. Le « tu » induit la forme du verbe qui est « es », c'est-à-dire la deuxième personne du singulier du verbe « être ». Changer « tu » en « vous », par exemple, transformerait « es » en « êtes » : « Où êtes-vous ? ». Pour éviter de commettre une erreur de conjugaison, le cerveau doit savoir à l'avance qu'il utilisera tel ou tel sujet final. D'où la différence avec les usages oraux peu recommandés mais courants comme « Où vous êtes » ou « Vous êtes où ? », interrogations dont les syntaxes OSV et SVO gommant l'anticipation grammaticale pour la rendre chronologique.

L'anticipation est manifestement prégnante dans le système de la construction grammaticale d'une phrase. Elle l'est même certainement autant du point de vue sémantique.

Conclusion

En définitive, l'ordre grammatical suit l'avancée chronologique de la production d'un énoncé oral ou écrit tout en présentant des effets anachronologiques. L'analepse est apparemment faussement rétrospective, donc en fait il n'y a pas d'analepse, tandis que la prolepse est utilisée régulièrement.

De fait, certaines règles de grammaire font appel à la capacité anticipatrice du cerveau dans sa volonté de produire du langage verbal. Cette prolepse passe inaperçue par la force de l'habitude et dans la possibilité de mémoriser des schémas récurrents qui font apparaître une linéarité ordonnée qui ne l'est pas en réalité.

Langue, culture et créativité étant les faces d'un même dé, la force anticipatrice décelée dans la production et la construction grammaticale du langage, par voie de conséquence, se retrouve-t-elle dans les habitudes culturelles, ce qui en ferait un atout majeur distinguant les membres d'un groupe linguistique d'un autre ou peut-être distinguant l'ensemble des humains des animaux ? Il semble que toutes les langues présentent des effets d'anticipation. Mais pour la question de la distinction animale, selon les observations de Georges Chapouthier, l'« anticipation est consciente chez les vertébrés et, peut-être, chez les pieuvres. [Mais d]u fait de son puissant cerveau, l'Homme manifeste cette aptitude beaucoup plus ». Bien que ne sachant « pas si le langage naît de l'anticipation » et en recommandant la prudence dans la réponse, le neuroscientifique confirme que l'hypothèse selon laquelle le langage

verbal permettrait « à l'Homme des anticipations vertigineuses que les autres animaux ne font pas »¹ est possible. Autrement dit, au cours de l'évolution cérébrale de l'Homo sapiens qui lui a permis d'avoir le langage verbal apparu entre 350 000 et 150 000 ans, c'est peut-être ce langage qui aurait induit une autre capacité : celle d'anticiper.

¹ Information tirée d'un échange mail du 5 septembre 2022.

Vasileva P. A., Ibragimov I. I., Rubtsova S. Y.
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation

STUDENT VIDEO PROJECTS AS AN EFFICIENT TEACHING TOOL FOR ESP IN THE DIGITAL TERTIARY EDUCATION ENVIRONMENT

The COVID-19 pandemic has had a profound impact on tertiary education. The academic community faces an unpredictable future and needs to design a flexible and resilient e-learning approach. Foreign language teaching has all but turned online. Tertiary level educators need to design methodological proposals to develop students' cognitive, social and communicative skills through their engagement in the execution of authentic tasks and their acceptance of the responsibility for their own learning.

This paper discusses project-based learning as a method for maintaining a collaborative e-learning environment in ESP teaching. The study suggests ways of using student videos in the English for the Media course. The research focuses on incorporating student video projects in the online language classroom as a way of enhancing the learners' language skills. The paper analyses the key findings of the experimental study.

Keywords: Project-based learning, ESP, environmental education, Media literacy, online education

Васильева П. А., Ибрагимов И. И., Рубцова С. Ю.
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО ВИДЕОПРОЕКТА ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Пандемия коронавируса оказала существенное влияние на высшее образование. Система высшего образования столкнулась с резким переходом на электронное обучение. Преподавание иностранного языка в вузе в онлайн-формате возможно, но потребовало разработки методических подходов по развитию когнитивных, социальных и коммуникативных навыков студентов на иностранном языке посредством вовлечения их в выполнение подлинно-коммуникативных заданий, направленных на принятие ответственности за свое обучение.

В статье рассматривается профессионально-ориентированное обучение английскому языку на основе метода проектов. В работе предлагаются способы использования студенческих видеороликов на английском языке для будущих медийных специалистов с целью повышения мотивации обучения. В статье анализируются результаты проведенного экспериментального исследования.

Ключевые слова: метод проектов, английский для специальных целей, экологическая культура, медийная грамотность, онлайн обучение

Introduction

During the COVID-19 lockdown in March 2020 online education was the only way to maintain learning continuity remotely in educational institutions across the world. University and school teachers had to adapt to the new pedagogical paradigm. The School of Journalism and Mass Communications at St. Petersburg University had to turn to online learning in the 2020/21 and 2021/22 academic years. This decision brought with it a number of challenges including a decreased level of student to teacher interaction during class time, which made students less passionate about the integrity of their studies and academic cheating as the final result.

The English Department staff have responded by developing new training practices that could provide a collaborative learning environment remotely. These practices are designed to adopt and integrate multimedia technology in the regular online classroom practices. They are designed to integrate digital technology, English learning and language content. By employing the project method, we can provide the most needed integration of language learning, media education and content study. Only by involving the students themselves is it possible to develop their cognitive, social and communicative skills effectively.

Project-based learning (PBL) is not a new pedagogical paradigm for teaching ESP. Nor is it an unknown technique of integrating video materials into teaching foreign languages. Over the last four decades, visuals have

been an important component of language instruction. The BBC released the first crash video course *Follow Me* in the late 1970s. It used an artificial context with rather unnatural dialogues primarily focused on language rather than communication. In the era of digital education, the role of video has changed dramatically. The explanation why video is regarded as an efficient learning tool is quite simple as it has a strong effect on our mind and senses through entertainment.

In this regard, Ted Talks and YouTube videos have gained worldwide popularity among non-native English teachers. In fact, according to a comprehension-based approach video is considered the most appropriate visual aid in language teaching when the teacher is not a native speaker of the language taught. Moreover, they provide “a multi-media platform for promoting all language learning skills, especially listening and speaking, together with enriching students’ vocabulary in different domains and cultural backgrounds” [Saed, Haider, Al-Salman, Hussein, 2021, p.3].

This paper continues a series of publications that discuss project-based learning as an efficient multi-disciplinary approach for teaching English in digital tertiary environment. In our previous publications, we examined [Vasileva, Golubev, 2019; Vasileva, Golubev, Ibragimov, Rubtsova, 2021] how PBL can help students of journalism to expand their environmental repertoires such as shaping public perception of green consumerism as a fashionable trend. We proposed the trash-to-treasure and eco-comics projects as lightweight, exciting and effective tools of raising environmental awareness in future media practitioners and enhancing their scientific writing skills.

This study focuses on videos produced by students in the framework of project-based learning of environmental issues as a result of their content study and English learning activities. The main purpose of the study was to encourage students to provide their own contribution to raising public environmental awareness by designing, scripting, recording and transmitting video clips in any way they could do it.

Methods and results

Project-based learning originated from the philosophy of pragmatism is one of the most efficient approaches in the digital academic environment as its key target is to implement learning through acting and experience. An abrupt and unexpected transition to digital education imposed by the COVID-19 pandemic has changed the roles of the teacher and learner play in the learning process. Teachers do not have a dominant role in language acquisition anymore as students have received numerous sources of getting knowledge, which is not limited by the classroom. The traditional “face-to-face” mode of teaching English has almost lost its efficacy due to the state-of-the-art digital technology. Thus, the digital education requires “teachers and students to assume new roles and responsibilities as teachers serve as resources, facilitators and guides along the learning process” [Vasileva, Golubev, Ibragimov, Rubtsova, 2021, p.207]. In this regard, PBL can be considered as an efficient tool for teaching and learning English remotely as it encourages students to acquire practical knowledge and develop critical thinking skills for finding non-standard solutions.

In the digital academic environment, student-produced video projects have become especially crucial. They provide a new media literacy practice based on digitally mediated and collaborative multimodal forms of expression [Hafner, Pun 2020, p.6]. Hafner and Pun point out digital mediation as one component of goal-directed activity in specialized communication practices, including the teaching of Language for Specific Purposes. From a pedagogical perspective some educators stress the powerful function of video in bringing “real world” scenarios to the English classroom for better illustration of the dynamics of human interaction. It is vital for gaining a deeper understanding of how language and non-verbal communication combine [Tiernan, 2015, p.80].

The current study aims at analyzing advantages and disadvantages of using student video projects in ESP teaching in the online classroom. It is part of an ongoing experimental study on environmental journalism for promoting public environmental awareness through ESP that started in February 2019. It is in line with the UN sustainable development resolution entitled “Transforming our world: The agenda 2030 for Sustainable Development.” The document established 17 sustainable development goals including 169 associated targets and one of them is the following: “Improve education, awareness-raising and human and institutional capacity on climate change mitigation, adaptation, impact reduction and early warning” [UN 2015, p.6]. As journalists are expected to be national advocates for environmental protection, conservation and social justice, they must possess rich environmental repertoires. Furthermore, they are responsible for spreading information in social media about the state-of-the-art technologies such as carbon capture and storage (CCS) to raise public awareness. For instance, some Russian researchers stress a shortage of video hostings on the topics “related to eliminating the risk of global warming with CCS technologies implementation” and “educational video highlighting the impact of CO2 emissions on climate change” in the Russian social networks [Vasilev, Vasileva, Tsvetkova, 2020, p.838].

The environment is a rather complicated field for students as it requires profound knowledge in chemistry, physics, biology, geological and geophysical studies. Last but not least, environmental vocabulary contains many special terms whose meanings are not always clear to students even in their native languages (e.g. carbon dioxide emissions, nitrogen, methane emissions, carbon capture and storage, oil and gas reservoir, greenhouse gases, energy efficient, industrial waste, toxic fumes, wastewater treatment, recycling, upcycling, low carbon, fossil fuels, urban sprawl, carbon footprint, illegal dumping, manmade disasters, landfills, sustainable fashion and sustainable development). In our earlier works we pointed out all these methodological peculiarities and offered some

approaches how to facilitate environmental vocabulary acquisition for future media practitioners and enhance their scientific writing skills [Vasileva, Golubev, 2019, p 437; Vasileva, Golubev, Ibragimov, Rubtsova, 2021, p. 212].

In 2019 we first started our experimental environmental ESP project with a focus on eco-comics. Later, we carried out a trash-to-treasure project. Both of them are lightweight, motivating and effective mediums with an element of entertainment to study a complicated scientific topic. Student video making project has much in common with the two abovementioned projects as they are all focused on motivating students in their studies and developing their critical thinking skills. To summarize, the three proposed projects were aimed at: developing motivation and critical thinking skills; a creative approach of narration and storytelling; interdisciplinary links and multidisciplinary possibilities.

The methodological algorithm of the video project was also divided into four stages: 1) introductory stage; 2) analytical stage; 3) activity-oriented stage; 4) evaluating stage. At the analytical stage, students were encouraged to watch short YouTube documentaries (6-10 minutes duration) and read and discuss scientific papers on various ways of using state-of-the-art technologies to reduce carbon footprint. The goal was to enable students to acquire environmental vocabulary and put it to use in speaking and writing. Watching itself was also divided into several stages or steps.

The primary purpose of the pre-watching stage was to revise vocabulary on the topic. Many students have difficulties with pronouncing some special terms such as carbon dioxide emissions, nitrogen oxides, oxygen, hydrogen, methane emissions, greenhouse gases, carbon capture and storage, geological sequestration, pressure, combustion and others.

The watching stage included tasks for checking understanding of the video such as with the sound off to spot the action/technological process or guess the purpose of the activities, and with the sound on to fill-in-the-blanks and to taking notes of what was being said or done in the video. Students were asked to watch the whole video with the sound off and conjecture about what they would hear. They then compared their predictions with the real information from the video after watching it with sound for the second time. In this regard reading educational science papers on carbon capture and storage technology was very helpful before watching a video explaining how this technology worked. After playing the video students were asked to explain the technological process based on the visual aids. Alternatively, students were asked to fill in the technological stages in the scheme of carbon capture and storage.

The post-watching stage included discussion and summarizing both orally and in writing. The most efficient exercise was to practice video narration in small groups or pairs. Students played a video with the sound off and took turns narrating it in their own words. Question and answer activities generated post-viewing discussion giving students a chance to express their opinions regarding the subject matter.

At the activity-oriented stage the students were asked to produce their own 2-to-3-minute-long videos. They could choose any video genre to cover the topic of carbon footprint reduction. Many students preferred to shoot animated video clips for children explaining what carbon footprint was and why its reduction was so crucial for climate change mitigation. Unfortunately, only a couple of video clips were devoted to development and implementation of carbon capture and storage technology as it proved to be too challenging for the students to cover.

Finally, at the evaluating stage the students were asked to answer a questionnaire on environmental awareness six months after they made their videos. The purpose of the survey was to identify the respondents' awareness of climate change and readiness for contributing to carbon footprint reduction.

As we noted above, the environmental awareness project has taken three years to carry out. It was conducted in the following five semesters: in the spring semester of 2019 (February - May 2019), the fall semester of the same year (September - December 2019), the spring semester of 2020 (February - May 2020) and the spring semester of 2021 (February - May 2021). In total, it involved more than 120 first- and second-year journalism students and only in the fall semester of 2021 did we obtain more or less clear results.

We started our experimental project (February -May 2019) at School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg University in shaping public environmental awareness through eco-comics. Our initial purpose was to implement an interactive teaching approach for encouraging students to cover a diverse range of the environmental issues by making their own eco-comics.

Our research hypothesis was that eco-comics could be used as an effective educational medium for developing environmental consciousness in future journalists. Unfortunately, the obtained results at the evaluating stage of the first experimental teaching practice were controversial. As it turned out almost one third of the respondents did not consider the climate change issue personally significant to them even after having learned of its dramatical impact on the globe.

Puzzled by the result, we were motivated to continue our experimental study with a new project entitled, Trash to Treasure, during the spring semester of 2020 (February - May 2020). We focused on raising ecological consciousness of journalism students through developing their recycling skills and appealing more to their experience with sustainable (eco) fashion and green consumption trends. Thus, we started the new project work with watching several exciting short YouTube videos presenting the trash-to-treasure concept as a creative way of giving old things a new life. As the project coincided with the stressful period of COVID-19 lockdowns in spring 2020, we undertook a game-based learning approach to help students mastering the new vocabulary. The game-based learning platform Kahoot proved to be a very useful resource for our purposes.

Our second experimental project, Trash to Treasure, yielded more optimistic results as students shared their personal upcycling experience. This encouraged us to suggest to future journalists a new project aimed at shaping their environmental consciousness through video. The key target of the video project was to motivate and inspire students to produce their own video clips promoting solutions for reducing carbon footprint. It involved sixty-two first- and second-year journalism students. The students were encouraged to cooperate in small groups (2-3 students) to make videos on the topic, Awesome Solutions to Reduce Carbon Footprint.

The study found that the participating students had very different views on the topic. Their videos were quite dissimilar both in genre and content. Some students presented animated documentaries explaining existing technologies to reduce CO₂ emissions from a scientific point of view depicting the use of latest technology at specific manufacturing facilities. Others produced video clips that focused more on some “environmentally-friendly smart devices” keeping control on energy and water consumption. Yet, others created everyday personal guidelines for reducing carbon footprint.

The prevailing number of video projects were aimed at children’s audiences. The authors presented their animated video clips on behalf of endangered animals or two friends discussing environmental problems.

Particularly important were the videos which placed emphasis on the educational promotion of the ecological agenda. The videos explained in a simple way the meaning of scientific terms such as: carbon footprint, renewable energy, and carbon capture and storage.

Some students with a high level of proficiency in English approached the task in a creative and talented way by presenting themselves as video bloggers, shooting a video and explaining the scientific concept of carbon footprint and what actions people must take to reduce carbon emissions on a regular basis. All students presented their video clips and took part in the discussion of possible audience responses. For example, whether the presented video had an emotional impact on the viewers and how powerful was the English language to convince the viewers to make their contribution for reducing CO₂ emissions.

Conclusion

The student video project discussed in this paper is part of a broader project-based learning initiative designed to develop in journalism students English speaking, reading and writing skills and shape their environmental awareness. The multimodal approach to teaching, which included both the traditional exercises in reading, listening, writing and speaking, but also tasks involving of non-verbal communication (images, emotions, gestures, music) and, more importantly, shooting their own video clips in English, helped participating journalism majors not only to learn and use environmental vocabulary in English but also developed their professional skills as environmental educators who promoted a low carbon footprint lifestyle and green consumerism.

Therefore, the most valuable aspect of integrating student video projects in the ESP classroom is the interaction of the English literacy (e.g. environmental vocabulary), digital literacy (online learning) and visual scientific literacy (content knowledge). Video-making is a form of developing critical thinking skills that boosts students’ intellectual capacity.

References

- Hafner, C.A., Pun, J., (2020). Editorial: Introduction to this Special Issue: English for Academic and Professional Purposes in the Digital Era. *RELC Journal*, Vol. 51(1) 3–13. Available from: [file:///C:/Users/User/Downloads/Editorial_Introduction_to_this_Special_Issue_Engli%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/Editorial_Introduction_to_this_Special_Issue_Engli%20(1).pdf) [accessed Jan 14 2022].
- Saed, H.A., Haider, A.S., Al-Salman, S., Hussein, R.F. (2021). The use of YouTube in developing the speaking skills of Jordanian EFL university students. Available from <file:///C:/Users/User/Downloads/1-s2.0-S2405844021016467-main.pdf> [accessed Jan 14 2022].
- Tiernan, P. (2015). An inquiry into the current and future uses of digital video in University teaching. *Education and Information Technologies*. Volume 20, Issue 1, p.75–90.
- Vasileva P., Golubev V. Eco-comics as an educational tool for teaching environmental journalism and ESP. *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. 2019. Volume 7, № 4, P.431-442, электронный доступ [http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/issue/view/23\(дата_последнего_обращения_19.09.2020\)](http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/issue/view/23(дата_последнего_обращения_19.09.2020)).
- Vasilev Y., Vasileva P., Tsvetkova A. International review of public perception of CCS-technologies. 19th International multidisciplinary scientific geoconference SGEM 2019. Ecology, economics, education and legislation. Volume 19, Issue 5.1. 30 June – 6 July, 2019. – Albena, Bulgaria. P. 415-422
- Vasileva, P., Golubev, V., Ibragimov, I., Rubtsova, S. (2021) Trash to treasure: integrating environmental awareness into university curriculum. *Journal of Teaching English for Specific and Academic Purposes*. 2021. Volume 9, № 2, p.205-216. Available from: <http://espeap.junis.ni.ac.rs/index.php/espeap/issue/view/29> [accessed Jan 14 2022].
- UN (2015) Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Available from: <http://www.un.org/es/comun/docs/index.asp?symbol=A/RES/70/1&referer=/spanish/&Lang=E> [accessed Jan 14 2022].

Yanfeng Yue
Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russian Federation
University of Science and Technology Liaoning
Anshan, People's Republic of China

ETHICAL CULTIVATION VIA ENGLISH INFORMATION LITERACY CURRICULUM FOR STEM SPECIALTIES

The Covid-19 pandemic zooms in a holistic tableau of chaos in the world. Higher education institutions encounter a critical point of educational reforms. Patriotism, cultural literacy, legal consciousness, and scientific ethics are the key elements required to be woven into and delivered via English Information Literacy Curriculum, which is evolved from General English and Professional English courses for STEM Specialties in local engineering institutions in China. This paper discusses the purpose, the methods, and the significance of ethical cultivation via English Information Literacy Curriculum. Nowadays, university students are exposed to various online media through a diversity of channels, which results in their specific habits of information acceptance. In other words, the young generation might be resistant to a separated new course of one-fold ethical cultivation. Therefore, the essence of ideological and ethical cultivation materials is designed to be integrated into the English Information Literacy Curriculum and to be delivered unaffectedly along with language and culture course contents. In conclusion, ethical cultivation of STEM students through language and culture courses is critical to the educational purposes of universities. Moreover, it is never too late or too much to value the graduates' attainments of patriotism, cultural literacy, legal consciousness, and scientific ethics.

Keywords: Ethical Cultivation, Professional English, Curriculum Designs, Information Literacy, STEM Specialties.

Яньфэн Юэ
Российский университет дружбы народов
Москва, Российская Федерация
Ляонинский университет науки и технологий
Аньшань, Китай

ЭТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ НА КУРСАХ ПО ИНФОГРАМОТНОСТИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ STEM СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Эпидемия коронавирусной пневмонии усилила общую картину мирового хаоса, в результате чего высшее образование до сих пор переживает критический период образовательной реформы. Патриотизм, культурная грамотность, правосознание и научная этика - вот ключевые элементы, которые необходимо включить в учебную программу по информационной грамотности на английском языке, разработанную на основе курсов общего английского и профессионального английского для STEM специальностей в местных инженерных институтах Китая.

В статье обсуждаются цель, методы и важность этического воспитания на курсах информационной грамотности английского языка. В настоящее время студенты университетов подвергаются воздействию различных онлайн-СМИ по множеству каналов, что приводит к их специфическим привычкам восприятия информации. Другими словами, молодое поколение может сопротивляться введённому новому курсу одностороннего этического совершенствования. Таким образом, суть материалов по идеологическому и этическому развитию разработана таким образом, чтобы быть интегрированной в учебную программу по информационной грамотности английского языка и доставляться без изменений вместе с содержанием курса по языку и культуре. В заключение, этическое совершенствование STEM студентов посредством языковых и культурных курсов имеет решающее значение для образовательных целей университетов. При этом никогда не поздно оценить достижения выпускников в области патриотизма, культурной грамотности, правосознания и научной этики.

Ключевые слова: этическое воспитание, Профессиональный английский язык, Разработка учебной программы, информационная грамотность, STEM специальности.

The third form is mass culture, or pop culture. It is very low culture. It is doubtful whether it is a real culture. But there are two good features in this culture. It is very wide and very fast. However, there is not top morality, nor any intellectual interests. Individuals now are living in this mass culture.

Hence, the first answer deduced from comparison is that the cultural and ethical contents involved in the English Information Literacy Curriculum should be the elite culture. The essence of ethical cultivation contents is education on value concepts, which is based on the linkage of the whole curriculum. Its connotation mainly includes distinguished national culture and the spirit of scientific research, including not only excellent traditional Chinese culture, but also the essence of the world culture [Yue & Dvoryadkina, 2022, p.336]. The spirit of scientific research includes core scientific values and the ethics of building a community with a shared future for mankind.

Furthermore, in-depth interviews to 15 elite entrepreneurs and human resource administrators from international corporations, including HBIS GroupCo.,Ltd (HBIS), Alibaba Group, Angang Steel Group Limited, Ericsson (China), Festo SE & Co. KG, Parkson, Hilton, Shanghai Liding Door Limited, nFore Technology Co.,Ltd, on their expectations for future employees of STEM specialties. The anticipations for qualified graduates are listed as below:

Responsibility

Loyalty

Cultural confidence

Scientific spirit

Factualistic spirit

Responsibility refers to the courage to respond to a failed decision or a mis-conducted project. Loyalty to an organisation lies in talents who hold patriotism to one's country and national pride. To work successfully in a multi-cultural environment, one is anticipated to entertain cultural confidence. Moreover, scientific and factualistic spirits are sought in STEM graduates during the recruitment departments in all enterprises being interviewed.

Meanwhile, 314 first-year undergraduates in STEM specialties in University of Science and Technology Liaoning (USTL) have participated in a recent survey (conducted via SuperStar app on Oct.12, 2021) on satisfaction rates towards the English courses [Yue, 2022, p.1800]. 71.7% of the respondents have recognised the insufficiency of conventional GE and ESP courses. When being inquired about satisfaction rates with the conventional English course designs (GE and ESP course are divided into Reading and Writing, Listening and Speaking), 59.9% of the respondents express strong dissatisfaction and urge for immediate reforms.

To conclude, the results of the interviews and questionnaire survey above present the intense demand for from enterprises and students. It is also suggested to be not proper to create an independent course to complete the ideological education in colleges and universities because such additional study tasks are not related to professional knowledge. Extra course might cause negative emotions towards studying. Hence, a solid method is to conduct the moral and ethical education contents through vivid case studies delivered via the English Information Literacy Curriculum, in which professional English is one of the key subject for professional studies.

Conclusion

From the research results illustrated above, a course framework of T (blended teaching) -L (participated learning - P (cross-cultural communicative practice) - A (multi-functional assessment) - E (formative evaluation) has been deduced. Ethical knowledge points are delicately integrated into the teaching contents, serving the cultivation goals of the English Information Literacy Curriculum. The following teaching plan demonstrates the process of one study hour of an English Information Literacy Curriculum course, Professional English of Architecture. In USTL University, Architecture Undergraduate courses specialise in Engineering directions rather than Art Designing. The aim of the course is to cultivate architects with global competencies, who entertain cultural confidence, scientific research integrity, and concerns about human welfare.

The title of this lesson is Chinese Bridges. Super Star app is utilized in blended teaching procedure. The target learners are third-year undergraduate of architecture majors. Class members are from diverse cultural backgrounds, including domestic students of China and international students.

The lesson begins with a pre-test (5 multiple choices questions) to examine the self-study results of readings on Ancient Chinese Bridges distributed to students' Super Star before class. The teacher uses a video assignment by a Nigerian student Chatira, in which he is reciting an ancient Chinese poem of missing the faraway family by a stone bridge. The lead-in question of the lesson comes: Why a poem of missing the faraway family is proper to be cited besides a bridge? What is the culture meaning of bridges?

The question is followed by students from different countries write the word "bridge" on the blackboard and instruct the whole class how to read them. It is surprising for students to find out that in almost every kind of language, bridge means "connection". "Connection" is the function of a bridge and is the caring from the architecture designers to people.

Then, the teaching method of flipped classroom is employed. Students in groups will introduce four ancient Chinese bridges they learn via the reading materials and by searching online. The construction feature terms in English are grasped by learners with a relatively high effectiveness. The teacher introduces an outstanding recent construction master work of Chinese constructors, the Hong Kong-Zhuhai-Macau Bridge. By the illustration of the

construction stories of this amazing cross-sea bridge, learners are inspired to further understand the importance of bridge when a country needs to be physically united, people emotionally bonded. Finally, a post-test is distributed onto students' study app to evaluate the study outcome of the lesson.

With the sample teaching design above, it is observed that the cultivation goal of the entire course is embodied and realised by the teaching contents. The T-L-P-A-E framework guarantees not only the study goals of language knowledge but also the immersion of cultural and ethical enlightenment.

It is concluded that there is no need to construct separated courses of ethical education for STEM undergraduates in China. This paper innovatively propose a curriculum design plan to convert GE and ESP courses into English Information Literacy Curriculum. Such a curriculum aims at cultivating the global competency of identifying, processing, delivering, and creating information with English [Yue, 2022, p.1792]. With the ethical contents' silent influence on students, the future STEM intellects entertain the attitude of independent autonomic learning, and reinforce their scientific critical spirit, academic integrity consciousness, and the sense of social responsibility.

Acknowledgment

This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

This research is a subitem of project "The Research and Practice of CIRCLE — the International Cooperation and Cultivation Mode of Foreign Language Information Literacy", sponsored by 2022 General Project of Undergraduate Teaching Reform of General Higher Education in Liaoning Province, and by 2022 USTL Teaching Reform Project (No. XJGSJ202222).

References

- Chau, D. (2020). Make Research-Integrity Education Fun and Relevant. *NATURE*, 587(7832), 9. <https://www.nature.com/articles/d41586-020-03082-x>
- Kulikov, S.B. (2022). Scientific Ethos And Ethical Dimensions of Education. *International Journal of Ethics Education*, 7(2), 307-324. <https://link.springer.com/article/10.1007/s40889-022-00147-5>
- Kuzmina, K., Kochkina, D., Kuzmin, M. (2021). Blended Learning as a Means of Foreign Students' Integration into a University Educational Process. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 16(6), 259-274. <https://online-journals.org/index.php/i-jet/article/view/19073/8955>
- Liu, M., & Kleinsasser, R. (2014). Fostering Online Professional Development between EFL Preservice and In-Service Teachers: Affordances And Challenges. *Teaching and learning*, 38(2), 29-64. <https://www.researchgate.net/profile/Mei-Hui-Liu/publication/302049510>
- Marzano, R.J., & Toth, M.D. (2013). *Teacher Evaluation That Makes a Difference*. Alexandria: ASCD publications.
- Mawasi, A., Nagy, P., Finn, E., & Wylie, R. (2022). Using Frankenstein-Themed Science Activities for Science Ethics Education: An Exploratory Study. *Journal of Moral Education*, 51(3), 353-369. <https://doi.org/10.1080/03057240.2020.1865140>
- Ruan, Y. (2022). Special-Purpose English Teaching Reform and Model Design in the Era of Artificial Intelligence. *Mathematical Problems in*, 2022-3068136, 1-12. <https://downloads.hindawi.com/journals/mpe/2022/3068136.pdf>
- Tang, L. (2019). Five Ways China Must Cultivate Research Integrity. *NATURE*, 575(7784), 589-591. <https://www.nature.com/articles/d41586-019-03613-1>
- Yue, Y.F. (2022). Global Competency Cultivation by Converting College English into Information Literacy Curriculum. *INTED2022 Proceedings*, 7-8 March, Online, 2022, 1791-1798. <https://library.iated.org/view/YUE2022GLO>
- Yue, Y.F. (2022). Smart-Phone Enhanced Classroom: A Student-Centred Blended Learning Design for Chinese Undergraduates. *INTED2022 Proceedings*, 7-8 March, Online, 2022, 1799-1806. <https://library.iated.org/view/YUE2022SMA>
- Yue, Y.F., Chen, Y.Y., & Xie, Z.H. (2022). Harmony in Diversity: Managing A Multicultural Learner Group. *EDULEARN22 Proceedings*, 4th-6th July 2022, Palma de Mallorca, Spain, 4757-4764. <https://library.iated.org/view/YUE2022HAR>
- Yue, Y.F., & Dvoryadkina, N.A. (2022). Multicultural Blended Teaching Designs Through Confucian Philosophical Cultural Perspective of Harmony in Diversity. *KANT*, 44(3), 332-339. <https://stavrolit.ru/kant/2459/2520/>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абрамова Евгения Викторовна** - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; janex@mail.ru
- Акинина Ольга Григорьевна** - канд. филол. наук; Московский государственный университет, Институт стран Азии и Африки, Россия, 125009, Москва, ул. Моховая 11, с.1; olgakinina@bk.ru
- Аксенова Надежда Владимировна** - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.aksenova@spbu.ru
- Антонова Ксения Николаевна** - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д.30/32; ksana-a@mail.ru
- Балезин Александр Степанович** - д-р истор. наук, проф.; Институт всеобщей истории РАН, 119991 Москва, Ленинский просп. 32-А; alex.balezin@yandex.ru
- Барачевская Анна Алексеевна** - студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А; anna.9348.bara@gmail.com
- Бондаревская Алёна Викторовна** - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский горный университет, Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д.2; amicitia@mail.ru
- Бочгова Наталья Николаевна** - д-р филол. наук; Курганский государственный университет, 640020, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4; nbochegoval@yandex.ru
- Бугреева Елена Александровна** - канд. педагог. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; elena.a.bugreeva@yandex.ru
- Буль Юлия Валерьевна** - ст. преп. и преподаватель; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д.30/32; j.boof@mail.ru
- Васильева Полина Александровна** - канд. педаг. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; <https://orcid.org/0000-0002-1526-9921>
- Ваягина Марина Романовна** - канд. педагог. наук, доц., Санкт-Петербургский военный ордена Жукова института войск национальной гвардии РФ; marmalkina@rambler.ru
- Вельдьева Татьяна Андреевна** – ассистент, Сибирский федеральный университет, Россия, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; t_a_gavrilenko@mail.ru
- Воложанина Татьяна Сергеевна** - канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А; evita22@bk.ru
- Выговская Дарья Геннадьевна** - канд. филол. наук; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Россия, 454080, Челябинск, проспект Ленина 76; vygovskaiadg@susu.ru
- Высоцкая Марина Романовна** - магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
- Вышенская Ю. П.** - Российский государственный педагогический университет им. А. И Герцена, Санкт-Петербург, Россия; clemence_isaure@rambler.ru
- Герцен Александр Сергеевич** - магистрант; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 614070, Пермь, ул. Студенческая, 38; sascha.gertsen@yandex.ru
- Гич Ольга Николаевна** - канд. филол. наук; Дальневосточный федеральный университет, Россия, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10; ovcharenko.on@dvfu.ru
- Глухова Ольга Владимировна** - канд. филол. наук, доц.; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия, 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69; olga_glukhova@mail.ru
- Голикова Татьяна Александровна** - д-р филол. наук, доц., проф.; Российский новый университет, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 22;
- Голубева Светлана Леонидовна** - канд. филос. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия, lunx.sl@list.ru
- Горохов Анатолий Алексеевич** - Тобольская Духовная семинария, 626152, Тобольск, Россия;
- Горяинова Ольга Николаевна** - бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; zolya999@mail.ru
- Грядунова Ольга Вячеславна** - ст. преп.; Сибирский Федеральный Университет, Красноярск, Россия; olga-gryadunova@yandex.ru
- Гурьянова Галина Геннадьевна** - канд. истор. наук, доц., ведущий научный сотрудник Государственного автономного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»; galvarf@mail.ru

Давыдова Кристина Андреевна - магистрант; Московский педагогический государственный университет; 119991, Россия, Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1; davykristina@gmail.com

Дектрев Сергей Борисович - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

Демкина Яна Юрьевна - аспирант; Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ленина, ул. Профа Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197022, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-8892-5328>; yanademkina@mail.ru.

Денисова Наталья Викторовна - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.denisova@spbu.ru

Дрыгина Юлия Анатольевна - канд. филол. наук, доц.; Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия; jullianna181@mail.ru

Дьячкова Дарья Сергеевна - магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; dya4kova.darya@yandex.ru

Емельянова Ольга Витальевна - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

Ермолаева Елена Николаевна - канд. филол. наук, доц.; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; enermolaeva@yandex.ru

Зинина Анна Александровна - канд. психол. наук; Национальный исследовательский центр Курчатовский институт, Россия, 123182, Москва, пл. Курчатова, 1; Zinina_AA@nrcki.ru

Ибрагимов Ильдар Ильбекович - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; ibragimov@spbu.ru

Исаев Данил Владимирович - канд. филол. наук, доц.; Оренбургский государственный педагогический университет, Россия, 460014, Оренбург, ул. Советская д. 19; amarielsiannodel@gmail.com

Исакова Аминат Магомедаминовна - магистрант; Уральский Федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; amisakovaaa@gmail.com

Каменева Вероника Александровна - д-р филол. наук; Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721> ; Russia_science@mail.ru

Камех Хош Неда - аспирант, ассистент; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Махляя, 6; kamekh_khosh_n@pfur.ru

Карасюк Николай Демьянович - магистрант; МПГУ, Москва, Россия; karasyuknick@gmail.com

Кашенкова Ирина Соломоновна - канд. педагог. наук, доц.; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, 119454 Москва, проспект Вернадского, 76, ikashenkova@yandex.ru

Климовская Алиса Яковлевна - канд. филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Ковалев Борис Владимирович - исследователь; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; bvkovallev@yandex.ru

Ковалев Никита Александрович - канд. филол. наук доц., МГИМО МИД России; Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76; nikitakovalyov@yandex.ru

Козлова Наталья Николаевна - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский горный университет, Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д.2; sparkle-07@mail.ru

Корнева Елена Владимировна - канд. филол. наук; Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл.; el_korneva@mail.ru

Костюшкина Галина Максимовна - д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский горный университет, Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д.2; kostushkina@mail.ru

Котов Артемий Александрович - канд. филол. наук; Национальный исследовательский центр Курчатовский институт, Россия, 123182, Москва, пл. Курчатова, 1; Kotov_AA@nrcki.ru

Краева Светлана Сергеевна - канд. филол. наук; Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; kraeva.svetlana@gmail.com

Краснощевская Екатерина Сергеевна - канд. филол. наук; Челябинский государственный университет, Россия, 454001, Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; krasnoreyeva@gmail.com

Кривенко Ольга Александровна - преподаватель; Медицинский колледж министерства здравоохранения и демографической политики Магаданской области; Магадан, Россия; northmagadansevere491@yandex.ru

Кузнецов Андрей Николаевич - канд. педагог. наук, доцент, Институт управления образованием Российской академии образования, Россия, 101000, г. Москва, ул. Жуковского, д. 16, andremos@inbox.ru

Кушхов Борис Хабижевич - лаборант-исследователь; Институт Востоковедения Российской Академии Наук; Россия, 107031, Москва, Ул. Рождественка, 12; boris.kushkhov@yandex.ru

Левочкин Иван Игоревич - магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

Лимарова Елизавета Валерьевна - канд. филол. наук; Всероссийский государственный университет кинематографии (ВГИК), Москва, Россия; limarova@vgik.info

Литвинова Александра Игоревна - старший препод., Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.litvinova@spbu.ru

Литвишко Ольга Михайловна - кандидат политических наук; Пятигорский государственный университет; olitvishko@yandex.ru

Ляшенко Игорь Владимирович - канд. филол. наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85; rattle-snake@mail.ru

Магнес Наталья Олеговна - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.magnes@spbu.ru

Малаховская Мария Львовна - канд. филол. наук, доц.; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург, 191186, наб. Мойки 48; lmalakh2001@mail.ru

Малаякина Ирина Вадимовна - канд. филол. наук, доц.; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, irina_teletrade@mail.ru

Мамонова Наталья Васильевна - канд. филол. наук, доц.; Челябинский государственный университет, Россия, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; nat2.mv@gmail.com

Матинова Виктория Львовна - магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; st095497@student.spbu.ru

Мельник Анастасия Дмитриевна - к.ф.н., доц.; Южный Федеральный университет, 344006, Ростовская обл., Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Милованова Наталья Сергеевна - старший препод.; Санкт-Петербургский государственный университет, Российская федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная 7-9

Минченков Алексей Генриевич - д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия; a.minchenkov@spbu.ru

Мичурин Елена Сергеевна - канд. педагог. наук, доц.; Кемеровский государственный университет, 650000, Кемеровская область - Кузбасс, город Кемерово, улица Красная, дом 6; elena.160469@yandex.ru

Монogarова Алина Геннадьевна - канд. филол. наук, Пятигорский государственный университет, 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, проспект Калинина, д. 9.; alicha@mail.ru

Морозова Мария Никитична - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия; m.n.morozova@spbu.ru

Муратова Ольга Анатольевна - ст. преп. преподаватель; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Наумова Елена Васильевна - ст. преп.; Научно-образовательный центр иностранных языков и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО СПХФУ Министерства здравоохранения Российской Федерации; 197022, Россия, Санкт-Петербург, elena.naumova@pharminnotech.com

Неворотова Екатерина Олеговна - тьютор, институт востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); 190008, ул. Союза Печатников, д. 16; katerina.sandalova@yandex.ru

Новикова Ольга Вячеславовна - канд. филол. наук, доцент; Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ); 125047, ЦФО, Москва, Миусская площадь, д. 6; Novikova_English@mail.ru

Ольшванг Ольга Юрьевна - канд. филол. наук, доц., Уральский государственный медицинский университет Минздрава России, Россия, 620028, Екатеринбург, ул. Репина, 3; olga020782@mail.ru

Орлова Татьяна Сергеевна - преподаватель; Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица, Россия, 191028, Санкт-Петербург, Соляной переулок, д. 13-15; ots_prof@mail.ru

Осокина Наталья Юрьевна - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; osnat@inbox.ru

Павлова Елена Борисовна - канд. филол. наук, ст. препод.; Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Россия; pavlova-eb@rudn.ru

Патракова Ольга Николаевна - аспирант, БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 190005, город Санкт-Петербург, улица 1-я Красноармейская, дом 1; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; patrakova_o@mail.ru

Полянчук -д-р филол. наук; Воронежский государственный университет, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; bollona@mail.ru

Потапова Тамара Михайловна - ст. препод.; Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия; t.m.potapova@spbu.ru

Пригожина Кира Борисовна - канд. педагог. наук, доц.; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; Prigozhina.KB@rea.ru

Раздымаха Стэлла Евгеньевна - научный сотрудник; Государственное автономное учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики»

Россинская Екатерина Александровна - канд. филол. наук, доцент; Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, Ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1; Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Махлая, 6, erossinskaya@yandex.ru

Рохлина Елена Константиновна - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0002-2564-6858> ; e.rohlina@spbu.ru

Рубцова Светлана Юрьевна - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; <https://orcid.org/0000-0003-2684-5872>

Руденко Елена Сергеевна - канд. филол. наук, доц.; Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Рыженкова Анна Александровна - канд. филол. наук, ст. преп. препод.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, annaryzhenkova@yandex.ru

Рязанова Елена Васильевна - канд. филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Саламатина Ирина Ивановна - докт. педаг. наук, проф.; Государственный социально-гуманитарный университет, Россия, 140411, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, д. 30; salir@mail.ru

Самусенко Екатерина Олеговна - магистрант; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; eosamusenko@gmail.com

Сатдарова Анна Александровна - преподаватель, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; Россия, Москва

Сатина Дарья Дмитриевна - канд. филол. наук; Курганский государственный университет, 640020, г. Курган, ул. Советская, 63, стр. 4; dsatina@mail.ru

Свердлова Наталия Александровна - канд. филол. наук, доц.; Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Россия, 664033, Иркутск, ул. Лермонтова, 134; nsverdlova@yandex.ru

Седёлкина Юлия Георгиевна - канд. педагог. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; y.sedelkina@spbu.ru

Селютин Андрей Анатольевич - канд. филол. наук; Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия; blind11@yandex.ru

Силантьева Вероника Георгиевна - канд. филол. наук, ст. преп.; Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; silvercom@rambler.ru

Синеокая Наталья Алексеевна - ст. преп.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, 190121, Санкт-Петербург, Союза Печатников ул., д. 16; natalya-sineokaya@yandex.ru

Спирidonova Валентина Александровна - канд. филол. наук; Санкт-Петербургский горный университет, Россия, 199106, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 21 линия д.2; Spiridonova_VA@pers.spmi.ru

Столярова Елена Валентиновна - канд. филол. наук, доц.; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36

Тимофеева Лилия Леонидовна - канд. филол. наук, доц.; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; l.timofeeva@spbu.ru

Топорова Валентина Михайловна - д-р филол. наук; Воронежский государственный университет, Россия, 394018, Воронеж, Университетская пл., 1; vtorogova@mail.ru

Третьякова Татьяна Петровна - д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; tretyakova.tp.50@gmail.com

Тырыгина Валентина Алексеевна - д-р филол. наук, доц.; Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина 31А; paraval@yandex.ru

Федотова Марина Геннадьевна - канд. экон. наук, доц.; Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 117997, Россия, Москва, Стремянный переулок, д. 36; Fedotova.MG@rea.ru

Фиалкина Любовь Владимировна - ассистент; Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Россия, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д.30/32; fialkina@bk.ru

Харитонова Ольга Евгеньевна - ст. преп.; Чувашский государственный университет им. И.И. Ульянова, Россия, 428000, Чебоксары, Московский пр-т, 15; vinolga78@mail.ru

Часовских Андрей Васильевич - студент; Воронежский государственный университет, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1

Шевелева Галина Посифовна - канд. филол. наук, доц.; Воронежский государственный университет, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1; galla-schew@mail.ru

Шефер Елена Викторовна - ассистент; Белгородский государственный национальный исследовательский университет; Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85; shefer@bsu.edu.ru

Шумков Андрей Арнольдович - д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина); fatullaev_a16.09@mail.ru

Яньфэн Юэ - докторант, лектор, Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6; магистр, доц.; Ляонинский университет науки и технологий, 114051, д.185, ул. Цюаньшань Средняя, Аньшань, Китай; yufustl@163.com

Подписано в печать 25.01.2023 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,3. Тираж 20 экз.
Заказ № 5894.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство «ЛЕМА»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://lemaprint.ru>